Борис Терещенко

Со сцены — как с трибуны

(Драматические произведения)

Издательство «Буква С»
Красноярск 2010

ББК 84 (2Рос=Рус) 64
Т-35

Борис Терещенко. «Со сцены — как с трибуны (Драматические произведения». — Красноярск: Издательство «Буква С», 2010. — 736 с.

Монография «Листья и корни народного творчества (Истоки и перспективы фольклорного театра)», народные драмы, пьесы.

В данной книге разработано новое направление в литературе — фольклорная драматургия, утверждён новый вид традиционного искусства — современный фольклорный театр.

ISBN: 978-5-91396-054-2

© Б. Н. Терещенко
© Издательство «Буква С»

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе.....5

КНИГА ПЕРВАЯ. МОНОГРАФИЯ.....7

Рецензия.....8

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.....10

I. СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.....11
1. Общие суждения о традиционной культуре.....11
2. Кризис мировой культуры.....17
3. Глубина русской истории и культуры.....30
4. Священные писания славянорусов.....38
5. Русь фольклорная.....50
6. Двоеверие.....57
7. Хронический кризис русской традиционной культуры.....69
8. Первоочередные внеполитические задачи традиционной культуры.....82
II. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.....88
1. Истоки театра.....88
2. История развития отечественного театра.....94
3. На пути к фольклорному театру.....101
III. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.....108
1. Суждения о фольклоре.....108
2. Репертуар традиционного фольклорного театра.....111
3. Современная фольклорная драматургия.....116
4. Репертуар современного фольклорного театра «Лучинушка».....123
5. Литературная и музыкальная основа фольклорной драматургии.....130
6. Режиссура фольклорного спектакля.....134
7. Фольклорный спектакль и зрители.....139
8. Создание фольклорных театров.....147
9. Заключения, рекомендации.....151
10. Список литературы.....153

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ. НАРОДНЫЕ ДРАМЫ.....160

По солнечному кругу.....161
1. «Иван да Марья».....179
2. «Зимние святки».....240
3. «Цвет папоротника».....263
4. «Горница».....289
5. «Горница-2» (детский вариант).....308
6. «Женихи».....323
7. «Неверность».....343
8. «Солдатки».....361
9. «Енисеева судьба».....379
10. «Артисты приехали».....404
11. «Амурное вещество».....433
12. «Житие козака Омэлька» (на украинском языке).....453

КНИГА ВТОРАЯ. ПЬЕСЫ.....491

1. Слово о культуре и творчестве.....492
2. «Рябина-рябинушка», драма в двух действиях,
в десяти картинах.....515
3. «О чём молчит каменная баба», драма в двух действиях,
в семи картинах.....562
4. «Недописанный портрет», драма в двух действиях,
в десяти картинах.....633
5. «Семьдесят два в минуту», пьеса в трёх действиях,
в девяти картинах.....678

ПРИЛОЖЕНИЕ.....712

«Семейные игры», культовая программа в трёх картинах....713

Об авторе

Борис Николаевич Терещенко — учёный, врач, драматург, поэт, фольклорист, режиссёр, художник, философ, педагог, общественный деятель.

В медицине он создал учение о рено-васкулярной (почечно-сосудистой) системе, которое по-новому объясняет болезни и их лечение, что позволило ему разработать теоретические и концептуальные положения интегральной медицины будущего (монография «Беловодье (Воспоминание о медицине будущего)», Красноярск, «Буква С», 2003 г.

В литературе выдвинул новое направление — фольклорную драматургию.

В искусстве вместе со своей супругой Валентиной Петровной, композитором, хормейстером, утвердил новый вид народной традиционной культуры — современный фольклорный театр (их театр «Лучинушка» — народный коллектив, лауреат Всесоюзных фестивалей и смотров, участник Международных фестивалей). Проблема фольклорного театра ими разработана всеобъемлюще: подготовлена монография «Истоки и перспективы фольклорного театра», написано двенадцать народных драм, и все они поставлены авторами на сцене.

В философии Б. Н. Терещенко основал новую науку — биосоционику, обобщающую знания о человеке, природе и обществе, а также учение о трёх составляющих любви.

В педагогике предложил новую программу эстетического воспитания детей на основе традиционной культуры.

В живописи разрабатывает темы языческой Руси.

В школьные годы Борис Терещенко — знаменосец школы, спортсмен-перворазрядник, судья по спорту, тренер по гребле на байдарке.

В семидесятые годы подвергался жестокой травле со стороны партийно-номенклатурного аппарата: его пытались засадить в тюрьму, но, защищаясь в судах лично, он выиграл судебный марафон (всего состоялось девять судов); его пытались насильно упрятать в психбольницу на принудительное «лечение», отправили этапом в Томск, но тут его выручила верная супруга силой своей любви и не без помощи прессы (о Б. Н. Терещенко имеется более сотни публикаций в изданиях всех уровней).

Творческий багаж Б Н. Терещенко богат: монография об интегральной медицине; книга «Россия любовь моя (Письма в будущее)», где изложены его собственные идеи и учения; роман в стихах «Мужчина и Женщина»; поэмы, среди которых пять венков сонетов; повести, эссе; несколько сотен стихов, песен; двенадцать народных драм, около десятка пьес; монография о народном художнике России В. И. Мешкове; каталоги, научные статьи, публицистика; несколько десятков живописных картин (состоялось восемь персональных выставок); опыт работы старшим преподавателем ХФ КрасГАУ обобщён им в методическом пособии «Лекции по биосоционике».

Особое место в творчестве Б. Н. Терещенко занял фундаментальный научный труд «Его Величество — Человек (Путь к себе)», Красноярск, «Буква», 2006 г., который многие читатели окрестили «Книгой пророка», видимо, имея в виду его «библиичность» (864 страницы) и особую значимость для России и русичей, двадцатитысячелетнюю историю которых автор отображает.

Если первые пять книг Бориса Терещенко несут публицистический и профессиональный характер, то «Мужчина и Женщина» является избранным его многостороннего творчества в поэзии, музыке, живописи, прозе, драматургии; если «Его Величество — Человек (Путь к себе)» явился пиком деятельности Терещенко как публициста, то «Мужчина и Женщина» является вершиной его деятельности как творца.

Очередная книга Бориса Терещенко «Со сцены — как с трибуны», кроме пьес, включает в себя монографию «Истоки и перспективы фольклорного театра», в которой разработано новое направление в литературе — фольклорная драматургия, утверждён новый вид традиционной культуры — современный фольклорный театр.

Книга первая

Монография

«Листья и корни народного творчества (Истоки и перспективы фольклорного театра. Собственный опыт.)»

Рецензия на работу Бориса и Валентины Терещенко «Листья и корни народного творчества» кандидата философских наук, заведующего кафедрой культуры краевого института повышения квалификации учителей В. Т. Рыбалко

С интересом прочитал очерки Валентины Петровны и Бориса Николаевича Терещенко «Листья и корни народного творчества». Небольшое по объёму эссе — ещё одно грустное напоминание: когда-то крепкие корни многосторонней, длительной, самобытной народной культуры оказались вырванными, а листья засохли, истлели. Порвалась связь времён, что непосредственно сказалось на обнищании целого пласта художественного творчества. Однако — что не менее драматично — всё это повлияло на состояние духовного мира людей, привело к «упрощению» их нравов, потере доброты, отзывчивости, к распространению безразличия, цинизма. Поэтому возрождение искусства фольклора — путь к очищению не только художественно-эстетических вкусов, но прежде всего обретение душевного здоровья человека.

Пунктирно прочерчивая историю народного творчества, корни которого уходили в языческие времена и охватывали все области человеческой жизни — свадьбу и похороны, труд и отдых, — авторы эрудированно показывают: обряды и этнография, убранство жилища и красота костюма не только ласкали зрение и слух, но и шлифовали поведение людей. Синтез художественной формы и нравственного содержания обрядного искусства, как показано в очерках, способствовал ненавязчивому, естественному проникновению в сознание людей высоких этических принципов. А благодарная взволнованность души человека, как правило, отзывалась и в его действиях. Закономерно, что в числе мудрых изречений русского народа мы находим и такое: «Жизнь без труда — воровство, жизнь без искусства — варварство».

Однако рецензируемая работа не только плод любознательности авторов — это их стремление теоретически и художественно способствовать популяризации обрядового творчества. Это своеобразный итог подвижнического труда Валентины Петровны и Бориса Николаевича, который они осуществляют в свободное от работы время. Их врачевательная миссия, всегда

отличавшая лучшую часть российской интеллигенции, выходит далеко за пределы медицинского учреждения, в котором они служат.

В. П и Б. Н. Терещенко — создатели и руководители фольклорного театра «Лучинушка» на курорте «Озеро Шира». А это значит, что на их плечах — многогранная работа, связанная с поиском, записью «преданий старины глубокой», их музыкального, вокального, танцевального, пластического воплощения в сценических формах. Это значит, что Валентина Петровна и Борис Николаевич являются не только собирателями разрозненных песен и плясок, но и создателями оригинальных сценариев фольклорных представлений, разыгрываемых по правилам театрального зрелища. Они же режиссёры и исполнители этих представлений. Хочется надеяться, что свет их «Лучинушки» будет светить и дальше, приносить людям душевное тепло и озарение.

Рекомендую рецензируемую рукопись для публикации.

В. Т. Рыбалко,
кандидат философских наук, заведующий кафедрой культуры
Краевого института повышения квалификации учителей,
2 октября 1990 г.

Теоретическая часть

Социально-исторический очерк*

1. Общие суждения о традиционной культуре.

Традиционная культура — наиболее ранняя форма общественного сознания. На общее становление гомо сапиенс, человека разумного, ушло порядка двух десятков миллионов лет. Современный человек выкристаллизовался в борьбе двух подвидов: неандертальцев и кроманьонцев; 40 тысяч лет назад неандертальцы, господствовавщие на Земле две сотни тысяч лет, были полностью вытеснены кроманьонцами (гомо сапиенс сапиенс).

Почему в борьбе с неандертальцами победили кроманьонцы? Потому что они были лишены суперменских черт: индивидуализма, эгоцентризма, злобности, агрессивности. Даже самому сильному в одиночку трудно выстоять в постоянно меняющемся внешнем мире; выживали не индивидуумы, а общности, а для этого каждой особи приходилось приспосабливаться к коллективной жизни, смирять свой эгоизм, жить общими интересами. Именно эта способность интегрироваться в общность и стала решающей в дальнейшем развитии человека разумного; зоологический индивидуализм в стаде трансформировался в социальный коллективизм, когда обеспечивалась передача опыта, взаимовыручка, более успешная охота и защита, возможность дать потомство, но, пожалуй, самым главным преимуществом коллективной жизни является ускоренное развитие сознания, важнейшей человеческой особенности, которая обусловлена социальностью, ведь производство и воспроизводство сознания носит коллективный характер.

Процесс интеграции индивида в общность — это процесс формирования культуры, которая вырабатывает правила коллективного труда, совместного проживания, упорядочивания сексуальной жизни. Природа наделила всё живое инстинктами для выживания и продления рода, а культура призвана уравно-

---

* *Данный очерк составлен Борисом Терещенко*

весить их человеческими качествами — нравственно-волевыми, социальными, поскольку культура не индивидуальное, а социальное понятие; она создаётся внутри общности для общности, ведь во всех популяциях видовое всегда главенствует над индивидуальным.

Параллельно с материально-культурными потребностями (изготовление орудий, одежды, жилища) развивались и духовно-культурные — в виде тотемных понятий, магических, ритуальных действий, сопровождающихся имитациями, пантомимой, плясками, песнопениями, играми, с изготовлением ритуальных костюмов и разрисовкой лица и тела, что в конце концов выливалось в устойчивые обрядовые действа, обобщившиеся в знаках-символах и мифах. Поскольку всё это продолжалось десятки тысяч лет, поэтому и закрепилось в коллективной психоэмоциональной жизни в виде видовых привычек — архетипов (коллективном бессознательном), которые стали наследственным фактором. Все последующие приобретения духовной культуры, в том числе и религиозные, появившиеся 30-20 тысяч лет спустя, уже не смогли пробиться в «святая святых» человеческой психики, а потому и уступают на несколько порядков первичному — архетипическому, которое навсегда осталось для человека самым мощным биоэнергетическим потенциалом, пусковым знаком-символом раскручивания психоэмоциональной жизни. Не религии определяют жизнеспособность этноса, а его архетипические составляющие: языковая и обрядовая культура, фольклор, орнаменталистика.

Культура — диалектическое понятие, включающее три этапа развития.

1 этап — синкретический, когда ещё не происходит разделения физической и духовной деятельности, из культуры не вычленяются отдельные стороны её.

2 этап — дифференциации, когда с накоплением знаний и навыков идёт всё большее разделение труда и знаний, формируются всё больше профессий и специальностей. Это и нынешний, современный этап, когда дифференциация порой принимает абсурдные формы.

3 этап — обобщения, когда происходит синтез предыдущих знаний и навыков на более высоком качественном уровне. Переход к данному этапу давно назрел, а основой его может послужить БИОСОЦИОНИКА, имеющая семь положений.

1. Вектор человеческой эволюции направлен от человека-зверя к Богочеловеку, то есть к накоплению удельного веса духовности.

2. Развитие индивида обусловлено гено-фено-архетипом, то есть наследственно опосредовано, морфологически и функционально.

3. Жизненный потенциал этноса заложен в языковой, обрядовой культуре, фольклоре, орнаменталистике, которые составляют код национального самосознания.

4. Жизнь и культура индивида являются продолжением жизни и культуры его родителей, его предков.

5. Крепкое здоровье — фундамент жизни, основа счастья.

6. Через любовь — к счастью.

7. Единство микро- и макрокосма.

Семь положений биосоционики исходят из биологических и социальных законов, определяющих тенденции прошлого, настоящего и будущего, помогающие ориентироваться в личной и социальной жизни. Они определяют и философию, и нравственность, и этику, и эстетику, а значит, способны формировать и быт, и стиль жизни, и пути, и методы самосовершенствования. Ни один человек, ни одна нация, народность, этническая группа не ущемляются положениями биосоционики в отличие от политических доктрин и религиозных догм; вот почему именно биосоционика способна стать объединяющим началом всего человечества, ведь без консолидации усилий всех народов, всех государств ни одну из перезревших кризисных мировых проблем не решить.

По мнению многих культурологов (Тойнби и других), предполагается взаимоисключающее действие культуры и цивилизации. В свете положений биосоционики, очевидна ошибочность подобных утверждений. Кризисные явления современного развития человеческого общества вытекают не из-за противопоставления культуры и цивилизации, а из-за порочного неандертальско-шварцнегеровского пути развития, давшего миру олигархический способ производства с его психологией безудержного потребительства, с его философско-религиозной основой в виде трёх искусственных религий (иудаизма, христианства, ислама), исповедующих идею мирового господства.

Культура в её истинном понимании совершенно не способна противопоставлять себя чему бы то ни было. Это по-

нятно из следующей формулировки: «Культура — это мера продвижения индивида, общности по траектории человеческой эволюции от человека-зверя к Богочеловеку путём воспитания-самовоспитания, образования-самообразования, совершенствования-самосовершенствования своих сущностей: физической — через труд, спорт; эмоционально-волевой — через обрядовые действа, фольклор, орнаменталистику, а также через обуздание инстинктов; интеллектуальной — через тренировку сосредоточенности, памяти, осознания» (Терещенко).

Таким образом, культура — это больше внутреннее состояние человека, а не его внешний антураж, более того, это постоянное беспрерывное движение к совершенству без оглядки на кого бы то ни было.

Культура появилась у кроманьонцев более 40-30 тысяч лет тому назад на основе коллективизма, развития языка, ритуально-обрядовых действий, орнаменталистики (сигналов-символов) в русле языческого поклонения силам Природы и Духам Предков.

К сожалению, в наши дни мир живёт по неандертальско-шварцнегеровским законам, которые называются «американской культурой». О какой культуре могут говорить американцы, как тати, захватившие чужие территории, дьявольски уничтожив 100 миллионов индейцев, присвоив их богатства и плантации, для работы на которых доставили из Африки миллионы рабов, погубив при этом в десять раз больше при транспортировке через океан в душегубках-трюмах рабовладельческих судов? О какой «американской культуре» может идти речь, когда Соединённые штаты Америки появились лишь в 1776-м году, а за прошедшие с тех пор столетия не только культуру невозможно создать, а самое большее — лишь мало-мальски отмыться от крови загубленных аборигенов, имевших одну из древнейших цивилизации на Земле.

Не идеализируя древнюю историю, общечеловеческую вообще, ведическую в частности, следует всё-таки подчеркнуть, что славянорусская цивилизация не была испоганена стадией рабовладения (все прочие: Египетская, Вавилонская, Китайская, Индусская, Древнегреческая, Древнеримская, Византийская — пережили свой расцвет при рабовладельческом строе), поэтому менталитет славянорусов, их архетипы — это уникальнейший результат человеческой эволюции, это наибольшая продвинутость в духовном развитии.

За долгую историю своей эволюции культура усложнилась настолько, что для многих (если не для большинства) ускользает истинный смысл культуры, её сущность, первооснова, которая состоит из первоэлементов и первокомпонентов. Первоэлементов — пять: язык, либидо, ритуал, миф, знак-символ. Это не что иное, как пять признаков сущности человеческого развития, создающих для каждого этноса психоэмоциональную (жизненную) энергию, которая Юнгом названа архетипом. Архетипы (коллективное бессознательное), наряду с генотипом (наследственными индивидуальными признаками и свойствами), помогают каждому выжить и дать потомство. Существуют кроме того составные первокомпоненты культуры: социальность, традиционность, эволюционность. Без наличия всего комплекса культуры, при отсутствии хотя бы одного из трёх первокомпонентов её ни о какой культуре не может быть и речи. Мы ещё помним жалкие потуги Пролеткульта зачать и родить новую, «советскую культуру», попытки РАППА создать новую, «пролетарскую» литературу; те же усилия прыгнуть выше себя предпринимают идеологи рок-рэп-поп-бизнеса.

Как и любое другое явление, культура имеет форму и содержание.

Форма — это материальные и духовные ценности её, содержание — это развитие, совершенствование самого человека, его физической, эмоционально-волевой, ментальной сущностей (в мире культуры человек — и субъект, и результат своей деятельности).

Хотя культурное развитие человечества — это не прямолинейный процесс движения от человека-зверя к Богочеловеку, а спиральный, имеющий форму улитки, но всё-таки уровень культурного, а значит и духовного развития любого этноса зависит от глубины истории, то есть чем древнее этнос, тем больше его духовный потенциал, и наоборот, по глубине духовности этноса можно судить о его древности.

От первоэлементов и первокомпонентов культуры, то есть от её первоосновы, зависит жизнь и судьба каждого конкретного народа и каждого человека. Напомним, что 200-40 тысяч лет назад неандертальцы были абсолютными хозяевами Европы. Но появились кроманьонцы и за пять тысяч лет вытеснили первохозяев не только с территории, но и из жизни. Неандертальцы были и достаточно умелые, и сообразительные,

изготовляли и успешно пользовались каменными и прочими орудиями, а по агрессивности даже превосходили кроманьонцев. Почему же не выдержали противоборства?

Ответ удивительно прост: кроманьонцы обладали главным свойством для культурного развития — способностью к коллективизму, то есть умению подчинять свои личные интересы задачам и интересам стада, общности (а коллектив всегда сильнее одиночки, индивидуалиста). Неандертальцев развелось десятки подвидов, их общее число было подавляющим, и тем не менее, они уступили из-за своей агрессивности (суперменства), индивидуализма (неуступчивости), суперэгоизма (поедали даже своих сородичей).

Американцев и европейцев раздражает славянорусский коллективизм, а также социальность, традиционность, совестливость (стыдливость), неприхотливость, нестяжательство; паразитируя на всём человечестве и потребляя 80 процентов сырьевых и энергетических мировых ресурсов, они смотрят на русичей как на неполноценных: «Если вы такие умные, то почему тогда такие бедные?», по-шулерски подменяя разные понятия — богатство, ум и совесть, которые редко встречаются вместе.

В своё время Рим имел три четверти мировых богатств, но это не спасло его от распада и упадка; римский полководец Лукулл награбил столько сокровищ, что не смог промотать их в самых разнузданных оргиях и в конце концов окончил жизнь самоубийством.

Американская неандертальщина лишь подтверждает, что в человеческой эволюции наметившиеся изначально две тенденции ещё больше поляризовались; к сожалению, агрессивность, индивидуализм, потребительская психология всё больше давлеют над коллективизмом и духовностью. Увы, большинство русичей по простоте душевной не замечает, что является постоянной мишенью в охоте, а его потенциально могучая духовная энергия — объектом нейтрализации с помощью космополитических идей и рок-рэп-поп-бизнеса, сметающего с экранов и площадок национальные традиционные коллективы, которые, тем не менее, ещё не сказали своего веского слова. Каждый русич обязан понимать, что именно за русской традиционной культурой остаётся последнее слово в формировании будущей духовно-творческой цивилизации на Земле.

2. Кризис мировой культуры

Победа СССР над фашистской Германией вывела россиян в мировые лидеры, с чем никак не могли смириться сиономасоны, которые во сне и наяву видят себя мировыми господами, поэтому уже в 1945-м пороховом году отец ЦРУ Ален Даллес выступает на конгрессе США с планом крушения СССР через политическую и идеологическую диверсию с использованием 5-ой колонны (местечкового еврейства и шабес-гоев).

«Окончится война, всё как-то утрясётся, устроится. И мы бросим всё, что имеем — всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей!

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на Фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдём своих единомышленников, своих союзников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность... Литература, театры, кино — всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых «художников», которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху.

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом, и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — всё это мы будем ловко и незаметно культивировать, всё это расцветёт махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим

в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдём способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку всегда будем делать на молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её.

Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так это и сделаем» (Даллес, речь на конгрессе США в 1945-м году).

Хотя этот план Даллеса был опубликован в газете «Аль-Каде» в том же году, ни идеологические органы Советского Союза, ни мировые средства массовой информации никак не отреагировали на людоедский манифест сиономасонства. Почему? Даллес, одесский еврей, разумеется, знал о существовании в СССР мощнейшего еврейского лобби (5-ая колонна) не только повсеместно, но и в высших эшелонах власти, ведь не секрет, что так называемыми «агентами влияния» были: А. Яковлев, Е. Гайдар, О. Кулагин, Э. Шеварнадзе, Г. Попов, Г. Шахназаров, Арбатский, А. Бовин и др.

В Советском Союзе даже в «застойные времена» огромное значение придавалось всестороннему развитию молодёжи: романтические молодёжные стройки и почины, когда целые армии юношей и девушек устремлялись не «за золотом в Клондайк», а «за мечтами и за запахом тайги» художественная самодеятельность и спорт входили составной частью оценки деятельности любого предприятия, любого района, области, края, республики, поэтому смотры, фестивали, соревнования проводились систематически на всех уровнях, поэтому неудивительно, что наметилось грандиозное социальное движение — образование культурно-спортивных комплексов с широким бесплатным обслуживанием молодёжи с целью всестороннего духовного и физического развития.

В это же время на Западе — в Европе и Америке — росло и ширилось рок-движение, несущее с собой эпатаж, нигилизм, разрушение, сметающее на своём пути всякую мораль и нравственность, готовящее почву для наркомафии, которая вкладывала огромные средства в рок-группы, чтобы получать не только наркоманов, но и такую молодёжь, которая ни жизнь общества, ни свою жизнь не ставила ни в грош: битники, хиппи, «дети цветов» и т. п.

Может сложиться мнение, что бузотёрство — издержки демократического образа жизни, что молодёжь «от жиру бесится», но почему на раскрутку «Битлез» во время её гастролей в США добрыми дядями (Салливаном, Гинзбургом, Липпманом) было затрачено более миллиона долларов — песни «Битлез» звучали почти непрерывно на всех каналах радио и телевидения, о группе с ажиотажем борзописцы всякого ранга писали во всех газетах и журналах; шефом «Битлез» оказался почему-то друг британской королевы, композитор Тео Адорно, делавший для них обработки древних ритуальных ритмов; и почему-то вдруг одному из самых одиозных и скандальных солистов «Роулинг Стоунз» сатанисту Джаггеру королева лично вручила высокую государственную награду. Спрашивается, что общего между Елизаветой II и сатанистом?

Ответ может быть весьма банальным. Во-первых, рок-группы приносят миллиардные доходы и от концертной деятельности, и от продажи их альбомов, дисков, и от реализации наркотиков, без которых не бывает ни одного рок-концерта, ни одного диско-клуба. На первых рок-концертах наркотики раздавались бесплатно — марихуана, ЛСД; причём лизергиновая кислота (ЛСД) именно для этого и была синтезирована в швейцарской фирме Альбертом Хоффманом. Кстати, и некоторые сигареты пропитываются наркотиками (опием и др.), чтобы ширилось число наркоманов.

В своё время в пору могущества Британской империи одной из составляющей её колониальной политики было внедрение наркотиков, например, Ост-индской компанией — в Китае, в Индии. Чиновники этой компании в европейских салонах появлялись во фраках как представители «чайного бизнеса».

Миллиардные прибыли от рок-наркотического очумления молодёжи — это лишь одна сторона медали; главное в этом мировом преступном бизнесе — уничтожение молодых ростков жизни на корню; согласно сиономасонской концепции «золотого миллиарда», лишние едоки должны исчезнуть с лица земли. Поэтому не удивительно, что самыми ярыми пропагандистами рок-поп-рэп-стиля являются еврейские музыканты и еврейские СМИ, которые всем кагалом заглушают любые попытки высказываний об извечных истинах: о патриотизме, о национальной культуре, о традиционности, о духовности и морали, о соответствии формы и содержания во всех видах искусства.

На первый взгляд, ну что такое джинсы? Удобная одежда и не более. Но это главный знаковый символ всего рок-наркодвижения! И джинсы, и весь антураж вместе со словечками: рок, рэп, тинейджер, кул, кайф, косячок и прочими — это специально созданный стереотип истребления. Нужны доказательства?

Как известно, Соединённые Штаты выпускает две трети мировой рок-продукции. Если посмотреть на Америку не с парадной стороны, а изнутри — картина предстаёт апокалиптическая: 30 миллионов геев и лесбиянок, 30 миллионов не работающих и не желающих трудиться принципиально, четыре миллиона бомжуют, сатанизм становится главным содержанием образа мыслей и действий американцев (кайф любой ценой!). Один из опытнейших контрразведчиков США и Британии Джон Колеван свидетельствует: «Наша когда-то гордая Республика Соединённых Штатов Америки превратилась в сборище преступных организаций... Мы живём в загнивающем обществе, запрограммированном на смерть — в обществе без будущего».

В 50-60-е годы центр содомитства перемещается в Соединённые Штаты. Порно-и сексбизнес стали могучими отраслями экономики, к середине 80-х годов в США только порнопродукции выпускалось на 7 миллиардов долларов. Особой статьёй идёт детская порнография, в которую в США вовлечено более 600 тысяч детей в возрасте от 3-х до 18-ти лет с общей суммой дохода более 3-х миллиардов долларов.

Все крупнейшие порно-издательства и киностудии возглавляются евреями: Фейнбергом, Фридманом, Россом, Хефнером — «Каденс Индастри», «Курсис компании», «Интернейшнл клаб», «Лайв», «Фокс мэгэзин», «Пентхаус», «Пентхаус Леттерс», «Герлс оф пентхаус, «Форум», «Генезис», «Сванк», «Велвет», «Вариазйшнс», «Плейбой», «Плейгерл», «Плейбой спешл», «Черри», «Оуч» и другие.

Иудей Магнус Хиршфельд в 1896-м году провозгласил право людей на «свободу секса и выбор сексуальной ориентации». За легализацию содомитства Хиршфельду удалось раскрутить широкую компанию с привлечением членов правительства и мировых знаменитостей: А. Эйнштейна, Э. Золя, Г. Гессе, Т. Манна, Л. Толстого.

Если проследить эту еврейскую «падкость до патоки», то можно убедиться, что она у них — в крови: торговля секс-рабынями, которая нынче приносит 6-8 миллиардов долларов,

это лишь отрыжка бизнеса средневековых еврейских купцов-рахдонитов, а до библейских Содома и Гоморры нынешней столице содомистов Сан-Франциско ещё далеко весьма и весьма, как не сравниться всем порно-сексманифестам с кратким откровением «Талмуда»: «дева, в возрасте три года и один день может быть приобретена в жены путём КОИТУСА» (Санхедрин 55 в. и 69 а, в, и Иевамот 57 в. 58 а. 60 в.).

Вторая сторона медали еврейского самосознания — богоизбранность, стремление к мировому господству, внушённое «Торой», «Талмудом» и прочими божественными откровениями: «Знай же нынче, что Господь, Бог твой (Израилев), идёт перед тобою, как огонь поядающий; Он будет истреблять их и низлагать их пред тобою, и ты изгонишь их, и погубишь их скоро, как говорил тебе Господь» («Второзаконие», гл. 9, ст. 3.). «Истребите все места, где народы, которыми вы владеете, служили богам своим, на высоких горах, на холмах, и под всяким ветвистым деревом. И разрушьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнём рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того». («Второзаконие», гл. 12, ст. 2,3.).

Это идеологическая основа иудейства, а какова практика?

Вселенский поход против мировой добиблейской культуры включает в себя:

1. Уничтожение добиблейской литературы повсеместно, но прежде всего — самых крупных библиотек мира: Протошумерской в Вавилоне, Этрусской в Риме, Царьградской в Византии, Александрийской в Египте, Кладовых папирусов в Фивах и Мемфисе, Киевской, Новгородской, Московской — в России.

2. Крестовые походы (1096-1270 гг.), сопровождающиеся невиданными зверствами и разрушениями, которые совершались иудохристианами под благостным знаменем Христа, и которые финансировались рахдонитами (еврейскими купцами-работорговцами, спецами секс-бизнеса). Истинная цель Крестовых походов — завоевание новых земель, уничтожение добиблейских культурных памятников.

3. Инквизиция (13-19 вв.), как и Крестовые походы, была направлена на усиление иудохристианства, на обогащение Церкви, на разрушение добиблейской культуры.

4. Захват американского континента и уничтожение 100 миллионов коренного населения с помощью огнестрельного оружия, заражённых чёрной оспой предметов и отравленной

водки. «Открытие Америки» финансировалось рахдонитами, которые по «открытию Америки» сразу же построили в Нью-Порте два десятка спиртовых заводов. Ньюпорт стал не только центром истребления аборигенов, но и международным центром работорговли.

5. «Великие революции» во Франции, в России проводились на деньги Ротшильдов и Тиффов уничтожения национальной элиты, разрушения традиционной культуры и с целью захвата власти, Поэтому осуществлялись они с необъяснимыми, с точки зрения мирового сообщества, жертвами. В «гильотинной» революции уничтожены более миллиона французов, в Октябрьском перевороте — более 50 миллионов россиян. Всё это диктуется «Библией» — богоизбранный народ расчищает себе путь к мировому господству. Чем больше жертв Иегове, тем активнее его помощь; иначе для чего по окончании войны разрушать до основания Дрезден, испепелять атомными бомбами Хиросиму и Нагасаки, уничтожать Иракский национальный музей с самыми древними экспонатами человеческой культуры, имеющими 10-тысячелетнюю историю. Ныне почти все из 100 тысяч музейных сокровищ исчезли. США расчищает себе путь к мировому господству. С помощью химического оружия и напалма во Вьетнаме убито более миллиона человек, разрушено более 9 тысяч городов; в Югославии было задействовано лазерное оружие и «грязный атом», на мирное население было сброшено более ста пятидесяти тысяч бомб, около двух тысяч крылатых ракет, общий ущерб от которых для Югославии составил более 100 миллиардов долларов.

6. За последние 60 лет западно-американскими спецами по «цветным революциям» совершено полсотни попыток переворотов в неугодных им странах с пятидесятью процентным успехом. Первой удачной революцией в этой серии было свержение Моссадыка в Иране, который не оправдал англо-американских надежд. Неудачными «революциями» оказались мятежи в Венгрии и Чехословакии. Но в конце концов сиономасоны добились главной своей цели — обрушение панславянства — сокрушив Советский Союз с помощью «Великой» перестройки, раздолбав Югославию, насадив на Украине с помощью «оранжевой революции» марионеточный режим Ющенко. При таких «революциях» идёт не только передел власти и материальных ресурсов, но главное — уничтожение национальной традиционной культуры. Рок-поп-рэп-бизнес буквально смыл с экрана

телевидения и концертных сцен народные ансамбли песни и танца, фольклорные коллективы, русскую классику.

Все вышеприведенные пункты «американской демократии» объединяет абсолютное соответствие эзотерическим законам иудаизма и манифестам масонских лож, один из которых звучит так:

«Через национальные революции и разрушение исторически сложившихся государств, а также смелое перечёркивание прошлого — к революции интернациональной, и создание затем условий для сверхнациональной власти. Путь к достижению: перевоспитание человеческого общества в промасонском духе космополитизма» (Конвент Великой ложи Англии).

Начиная с «Торы» («Пятикнижия») и «Талмуда», евреи никогда не скрывали своих намерений. И «Протоколы сионских мудрецов», и «Катехизис еврея в СССР», и высказывания Энгельса, Троцкого, Ленина, Даллеса, и прочих иудеев лишь подтверждают это. Больше всего шокирует в подобных «откровениях» вызывающая беспардонность и самоуверенность «господ мира».

«Посмотрите внимательно и вы увидите, что революции 1917 и 1991 годов делались руками евреев, а если вы считаете, что каждый еврей действовал самостоятельно, а не под контролем единого мирового еврейского центра, то ваш разум находится ещё в младенческом периоде развития. Без идеологии любое государство несостоятельно, а мы внушили вам, что можно жить и без идеологии. На всём ходу мы пустили ваш поезд в тупик». (Яков Эстор, «Откровения еврея»).

«Уж недалёк тот день, когда все богатства земные перейдут в собственность детей Израиля» (Кремье).

Американцы контролируют 80% СМИ, почти весь интернет, поэтому ни в словах, ни в делах никого не опасаются. Давно пора при взгляде на западно-американские реалии снять розовые очки. Кто может поверить, что грабители, убийцы, работорговцы через пару столетий стали вдруг иными? Свою тотальную войну за мировое господство они никогда не прекращали; созданы сотни, тысячи различных структур, объединённых комитетом 300 (Единым Мировым правительством) под началом Королевского Дома Британии; в эту систему входят научные институты, в частности, Тавистокский институт человеческих отношений и Королевский институт Международных дел, где вырабатываются технологии по «промыванию мозгов» (психологическая война против человечества); выработанная ими

стратегия и тактика информационной войны с помощью СМИ и поллстеров (компаний по изучению общественного мнения, а вернее — по формированию его) за 2-3 недели способны навязать любую точку зрения; кого-то возвысить до небес, как Горбачёва, например, кого-то смешать с грязью, как Милошевича и Лукашенко; в Стэнфордском институте разрабатываются военно-промышленные проблемы, НАТО является материальным воплощением военной экспансии. Круглый стол и Бильдербергский клуб — финансовая система обеспечения, которая подкрепляется «Гонконг энд Шанхай банкинг корпорейшн», где отмываются сотни миллиардов наркодолларов; сюда же входит система Швейцарских и Канадских банковых структур; не последнее место у мировых господ занимают многие политические образования, как например, Римский клуб, масонская ложа ПИ-2, а также шпионская организации МИ-6; существует, разумеется, и Бюро убийств, и конечно, суд — Мировой Гаагский. В единую паутину сиономасонства входит также различный деловой бизнес, нефтяные компании, страховые и прочие финансовые монстры, прежде всего МВФ и ВМР, являющиеся прочным экономическим спрутом — оплотом сионизма, а зависимость от него всех СМИ, разных партии, и правых, и левых — общеизвестна. Все эти структуры настолько развиты, настолько всемогущи и обладают по сути неограниченными финансовыми ресурсами, что могут в любой момент на любую пакость выделить миллиарды долларов; вот почему новые господа мира творят свои грязные дела, чихая на весь белый свет.

Случилось то, чего опасался Линкольн: «Власть денег грабит страну в мирное время и устраивает заговоры в тяжёлые времена. Она более деспотична, нежели монархия, более высокомерна, нежели самодержавие, и более себялюбива, нежели бюрократия. Я предвижу наступление кризиса в ближайшем будущем, который заставляет меня трепетать за безопасность моей страны. Корпорации вступили на престол, грядёт эра коррупции, и власть денег в стране будет стремиться продлить своё господство, воздействуя на предрассудки народа до тех пор, пока богатство не соберётся в руках немногих и республика не погибнет».

Именно из-за агрессивности и суперменства американизм находится в жесточайшем кризисе, хотя государству США немногим больше двухсот лет. Это «памперсный возраст» истории, напомним, что в «Велесовой книге», Священном писа-

нии славян, идёт речь о «двух тьмах» славянорусской истории (двадцати тысячах лет).

Культура формируется в течение десятков тысяч лет (язык, либидо, ритуалы, мифы, знаки-символы) и с помощью социальности, традиционности, эволюционности цементируется, обеспечивая наследственную передачу коллективных особенностей этносов (формирование архетипов). За двести-триста лет невозможно создать ни народ — родовые традиции, ни культуру у американцев нет ничего своего: ни языка, ни ритуалов, ни мифов, ни знаков-символов, всё взято напрокат со всего мира; есть только два первородных инстинкта, ничем не сдерживаемых (потому что нет культуры, ибо только она подчиняет инстинкты социальным и традиционным нормам) — это безудержный секс и безграничное потребительство — антикультурные явления, сливающиеся в паранойяльный комплекс суперменства. Чтобы обеспечивать своё превосходство, необходимо постоянно подавлять своих возможных соперников или с помощью войн, или с помощью «цветных революций». Схема всех революций проста: война и хаос, буза и террор, вооружённый захват деморализованной власти и физическое устранение противников, что на масонском языке формулируется так: «Революция — это применение конституции масонских лож к обществу» (Папюс, масон высочайшей степени).

Почему именно Россия стала главным объектом иудомасонов, которые в течение двадцатого столетия дважды захватывали и власть, и материальные ресурсы страны? Не только потому, что именно Россия обладает самой большой территорией и четвертью мировых богатств, в связи с чем выдвинут постулат: «Чтобы управлять миром — надо владеть Россией». (Гертцель). Но главное всё-таки в другом: Россия — знаменосец альтернативной психологии и культуры. Россияне — наследники гиперборейцев, носители ведического мировоззрения, ведической культуры, ведических архетипов, исповедующие духовные созидательные начала, что давало им возможность и право в течение III-го, II-го тысячелетий до н. э. владеть и править Европой, Азией, Ближним Востоком, создав древнейшие цивилизации: Евразийскую империю Словена, Аркаим, Крито-Микенское царство, Трою, империю Александра Македонского, Этрурию и др.

По сути вся человеческая история — это противопоставление и борьба двух мировоззренческих тенденций: индивидуа-

листской с психологией безудержного потребительства и коллективисткой с творческо-созидательной составляющей.

В этом великом противоборстве была заложена главная дилемма человеческой эволюции — по какому пути идти: по стезе индивидуализма или по дороге коллективизма, по линии ненависти и агрессии или по кругу взаимопомощи и поддержки, концентрируясь на своих материальных интересах или устремляясь к горниим духовным высотам.

Эволюционный эксперимент привёл к убедительному выводу: эгоизм, злоба, ненависть, агрессия — черты, которые разрушают не только внешний мир, но и внутренний, а потому не совместимы как с человеческой, так и со всей биологической эволюцией.

Со временем это противоборство приобрело форму противостояния двух типов религий: естественно-исторических (ведизм, шаманизм, тантризм, даосизм и др.) и так называемых авраамических (иудаизм, христианство, ислам), главной особенностью которых является миссионерство, экстремизм с поползновением на мировое господство.

Чтобы достичь истинного мирового господства, нужно не только обладать подавляющим материальным могуществом, но и утвердить свою идеологию, свою религию, ведь не зря количество экземпляров «Библии» перевалило уже за четыре миллиарда.

Это беспрецедентное всучивание иудо-христианской идеологии всему миру, всему человечеству, но оно не может длиться вечно. Навязывание «Капитала» привело к полному краху марксизма, второй иудейской религии. Крах «Библии» произойдёт, как только люди научатся читать её. Большинству обывателей достаточно нескольких цитат, подсунутых в нужное время в нужном месте, чтобы сделаться угодным и успешным на службе любой власти. В течение одного поколения многие россияне побывали и примерными православными при царе, и ярыми атеистами при иудобольшевиках, и смиренными христианами при иудодемократах. Ельцин, безбожник №1, за одну ночь превратился в благостного христианина, потому что получил очередную инструкцию из-за «бугра»: «Если нам удастся сделать Россию наполовину верующей, мы совершим там тихую контрреволюцию» (Даллес).

На планете — семь миллиардов человек, тысячи этносов, сотни культур, десятки религий.

Невозможно сделать из людей инкубаторских цыплят, по крайней мере надолго; невозможно всех одеть в джинсы, поить кока-колой, заставить вихлять задами в рок-рэп-поп-непотребстве, очумлять наркотиками, охмурять религиями. Прозрение сегодня или завтра произойдёт, обман раскроется, хитроумные нагромождения господской идеологии рухнут в одночасье. Вот почему кризис мировой культуры не может длиться вечно.

Нам следует лишь уяснить правила игры международного сиономасонства, способы и методы вселенского охмурения, рычаги эзотерического зомбирования; надо, наконец, перестать быть лохом, подобно Буратино, взращивать «Монетное дерево». У русичей силой и обманом нагло отобрали 90% всенародной сырьевой и производственной собственности и каждый день предлагают: «Хочешь стать миллионером?» Не хотим мы «манны небесной», не нужны нам фальшивые миллионы — верните то, что принадлежит нам по праву наследства: и всенародные сырьевые ресурсы, и промышленность, в том числе военное производство, и авиацию, и железные дороги, без которых Россия с её огромными территориями не может быть единым организмом, и, разумеется, всю энергетику, и банки, прежде всего Центральный, и внешнюю торговлю — то есть всё то, что формирует государственный бюджет, без чего невозможно обеспечить народ ни бесплатной медицинской помощью, ни бесплатным образованием, ни поддерживать на должном уровне культуру и спорт. Одним словом, выход из капиталистического беспредела только один — через плановую социалистическую экономику. Это не является секретом за семью печатями — это знаменитая программа Рузвельта 100 дней, благодаря которой Америка вышла из глубочайшего кризиса 30-х годов.

Но ни правительство, ни президент России даже не заикаются об единственном пути выхода России из идеологического и экономического тупика, потому что в 1992-м году было подписано «Письмо о намерениях», по которому Международный Валютный Фонд (МВФ — структура США) подрядился построить в России капитализм, за что уже получил от Кудрина свыше триллиона долларов, вместе с обязательством: Российский Золотовалютный Резерв (ЗВР) и Стабфонд держать в американских акциях, т. е. инвестировать не свою, а американскую экономику. Этот хитрожопый Гарвардский проект (исполнительный директор — Д. Сакс) полностью лишил Россию экономической самостоятельности, по-

тому что расторгнуть в одностороннем порядке его невозможно. А для США и ЕС, потребляющих 80% мировых ресурсов, прежде всего за счёт стран третьего мира, с которых уже ничего не выжать, единственным сырьевым источником оказалась Россия, обладающая четвертью мировых богатств.

Так что пока российское правительство и президент делают вид, что «рулят» собственной экономикой, транснациональные компании США, Британии становятся хозяевами русских богатств. Например, только одна компания Бритиш Петролеум уже завладела 26% добычи нефти в России, приобретя за 6 миллиардов пакет акций, который реально стоил 600 миллиардов долларов. Из-за финансового кризиса Россия почти полностью потеряла свой ЗВР и Стабфонд. Но почему бешеные нефтедоллары российское правительство вкладывает в американскую экономику, а не инвестировает собственную промышленность, медицину, образование, культуру, спорт?

Глупо спрашивать, чьим интересам оно служит. Нынешнее руководство страны зато весьма озабочено «духовностью» россиян; лихорадочно строятся церкви, вводится «Закон божий» в школах. А кто его надоумил в этом? Напомним: «Если нам удастся сделать Россию наполовину верующей, мы совершим там тихую контрреволюцию» (Даллес). «Посредством церкви мы можем действовать с наибольшей эффективностью. Церковь имеет для нас важное значение. Это наиболее лёгкий и надёжный путь проникновения в страну» (Поль Лайнбарджер).

Кстати, современную Церковь в России правильнее называть не русской, а еврейской, поскольку на 70% она укомплектована иудеями. Но что можно сказать о «духовности» иудеев? Наиболее глубокую характеристику дают первоисточники. «Увы, народ грешный, народ обременённый беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святого Израилева, — повернулись назад. — Слушайте слово Господне, князья Содомские; внимай закону Бога нашего, народ Гоморрский!

Омойтесь, очиститесь, удалите злые деяния ваши от Очей Моих; перестаньте делать зло;

Князья твои законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки, и гоняются за мздою; не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них» («Исайя», гл.1, ст. 4, 10, 16, 23).

Не только создатели «Библии», но и великие мира сего сетуют на ревнителей христианства: «Священники своей распу-

щенностью позорят христианство, они торгуют невольниками, продают девушек сарацинам, содержат игорные и публичные дома, а сами безудержно предаются чудовищным порокам, как некогда жители Содома» (Карл Великий).

Да и каким могло стать христианство, узаконенное императором Константином, убившем свою жену Фаусту, сына Криспа, племянника Лициниана и его отца, принимавшим ванны из крови младенцев, и тем не менее удостоенным Церковью чина «Святого». Поэтому вся история Церкви — это сплошная цепь преступлений: уничтожение добиблейской культуры, Крестовые походы, Инквизиция, постоянная драчка за передел мира, потому что религиозное господство даёт и материальное могущество, и неограниченную власть над людьми, которых попы называют «рабами божьими» или просто паствой (овцами).

Разве не прав был Ницше, писавший: «Я называю христианство единым великим проклятием, единой великой внутренней порчей, единым великим инстинктом мести, для которого никакое средство не будет достаточно ядовито, коварно, низко, достаточно мало, — я называю его единым бессмертным, позорным пятном человечества».

Пока человечество не освободится от миссионерских религий, которые служат идее мирового господства, и которые словом и делом помогают мировым господам утверждать свою власть над странами и континентами, о возрождении мировой культуры говорить не приходится, ведь господство и религиозных, и политических сил возможно только через подавление культуры. Культура — это не религиозная «духовность», это архетипические наработки народа в процессе своего исторического развития: язык, либидо. ритуал, миф, знак-символ. Пять первоэлементов культуры — это пять признаков сущности человеческого развития, создающие для каждого этноса психоэмоциональную (жизненную) энергию. Первоэлементы культуры вместе с первокомпонентами (социальность, традиционность, эволюционность) обеспечивают народу выживаемость и определяют его будущее. Вот почему в борьбе за мировое господство и подчинение народов прежде всего подавляется традиционная национальная культура, вот почему, чтобы выжить в борьбе за существование, необходимо прежде всего сохранить свою традиционную национальную культуру. С сохранением великих национальных культур придёт и возрождение мировой культуры.

3. Глубина русской истории и культуры

Каждый, ныне живущий, имеет возможность расширить свою жизнь за счёт познания минувшей жизни своих родителей, своих предков, своего народа; именно поэтому просто необходимо заглянуть как можно дальше в глубь времён, тем более, что возможность такая имеется благодаря работам выдающихся отечественных историков и археологов (Я. А. Рыбакова, Ю. Д. Петухова и др.). К счастью, сохранились и письменные источники, которые свидетельствуют о седой древности славянорусской истории: «И всех лет от сотворения света до начала словенского 3099 лет (2591 г. до н.э.) Словен же и Рус между собою в любви велице, и княжиша тамо, и завладеша многими странами тамошних краев... Обладаша же и северными странами, и по всему Поморью, даже и до предел Ледовитого моря, и окрест Желтовидных вод, и по великим рекам Печере и Выми, и за высокими непроходимыми горами во стране, рекома Скир по велицей реце Обве, и до устия Беловодной реки, ея же вода бела, яко млеко...

Хождаху ж и на Египетьские страны воеваху, и многое храбрьство показующе во еллинских и варварских странах, великий страх от сих тогда належаше» («Сказание о Словене и Русе»).

Можно найти полное подтверждение этим словам, и прежде всего топонимическое, более того славянорусы (как же иначе называть потомков Словена и Руса, братьев по крови) на протяжении III-II тысячелетий до н.э. господствовали и в Евразии, и в Передней Азии, создав великие царства: Крито-Микенское, Русену, Трою и другие. Славянорусы оставили память о себе почти повсеместно, прежде всего в Европе: в Италии — Паджо-Русско, Руссеи, Перусса; в Пиренеях — Русильон; в Северном Уэльсе — Русин и Рос; в Шотландии — побережье Западный Рос, в Дании — Роскиль и Росдорф; в Прикарпатье — десятки таких названии, в том числе рек: Русс, Рося, Рускава, Русо, Рось, Рускица, о притоках Днепра — Роси и Россаве известно всем; в Колхиде — Рустави; на дону — Ростов... Поселения с названием Троян — в Болгарии, Бессарабии, Румынии, на Полтавщине, Волыни, Калуге, Орловщине, Херсоне, Крыму...

А Грузия разве не Русия, а Ван, Сванетия разве не связаны с русскими ванами; а разве греческие города: Волгаста, Границы,

Кривицы, Подагоры — ничего не напоминают русской душе? И Норвежская Ругеланд, и австрийские, норикские Ругиланд, Ругия, Рутения, Руссия — эти славянские земли. На картах Германии 920 топонимов — славянские, в том числе и её столица — Берло.

Славянорусы уже с IV-III тысячелетий до н. э. безраздельно доминировали на морях и континентах, основывая новые цивилизации, возводя бесчисленные города. Один из первых — Словенск (столица евразийской империи) был заложен в 2578-м году до н. э. на месте нынешнего Новгорода.

Славянорусы определяли костяк белой расы (прямых потомков кроманьонцев) и называли себя «русыми». Корневая система «рс» могла звучать по-разному: и рус, и рас, и рос, и рес, а также в обратном чтении: сур, сар, сир, сэр, которые свидетельствуют о бывшей социальной иерархии русов. Из этих слов понятны и самоназвания славянорусских земель: Русия, Расея, Россия, Сурия, Ругия.

Следует особо подчеркнуть, что русское первослово Ра, обозначающее оплодотворяющую силу солнечного божества, расшифровывает известное изречение: «Вначале было Слово, и Слово было — Бог». Первоначальная религия — ведизм (жизнезнание) — посвящена солнечному божеству. Русичи изначально — солнцепоклонники, огнищане, то есть арии. Арии — не этническое понятие, а мировоззренческое. Ра — солнце, Ра-си — сыновья солнца, Ра-ка — душа солнца; священная река у русичей — Волга — первоначально называлась Ра-рекой. При обратном прочтении Ра образуются ключевые слова, также обозначающие причастность к Солнцу — солнцеликий, солнцеподобный, то есть АР, ЯР — арий, ярый.

Лексемы ра, ар, яр в первоязыке вездесущи, входят в обозначение и богов (Ярила), и имён (Рада, Ярослав), и профессий (виноградарь, повар), и социального положения (сударь, государь), и психоэмоционального состояния (разум, ярость), и повседневной деятельности (пора, рано).

Русичи — солнцепоклонники, огнищане — в большей степени были связаны с Северным Заполярьем, с Гипербореей, где Солнце и огонь ценились превыше всего. Резкое похолодание вынудило гиперборейцев мигрировать на юг в более тёплые климатические пояса, так они освоили новые земли в Евразии, Средней и Малой Азии, в Средиземноморье. На юге Сибири,

в Хакасско-Минусинской котловине с IV тысячелетия до н. э. до середины I-го тысячелетия в большинстве культур: Афанасьевской (III тысячелетие до н.э.), Андроновской (II-ое тысячелетие до н. э.), Карасукской (XIII-X века до н. э.), Тагарской (VIII-VII века до н. э.) — доминирует европеоидный тип, в том числе так называемые, по китайским источникам, — динлины, рыжеволосые, белолицые племена.

На юге Урала сформировался комплекс городов — Аркаим, откуда шла миграция на Запад и юг. Аркаимцы обсновали Крит и Трою.

Существуют и археологические доказательства глубокой древности славянской цивилизации. По данным академика Б. А. Рыбакова, уже с V тысячелетия до н. э. на огромных просторах от Одера до Волги встречаются археологические культуры, носящие славянские черты. Трипольская культура земледельцев, пастухов, гончаров (V тыс. до н. э., неолит) оставила после себя четырёхгрудые сосуды и скульптурки двух богинь-берегинь, которые позднее у славян стали называться Ладой и Лелей. Культ этих богинь, матери и дочери («рожаниц») наиболее стойким оказался у восточно-славянских язычников. И сегодня, семь тысяч лет спустя, имена Лада и Леля ласкают наш слух, потому что архетипическая память неизгладима.

Белогрудовская и Тшинецко-Комаровская культуры (II-ое тысячелетие до н.э., бронзовый век) также относятся к славянской цивилизации. Имеются и письменные свидетельства этого (Геродот и др.).

Археологические раскопки, клады, погребальные украшения, топонимика, этнографический материал, фольклор, вышивка, ремёсла дают возможность проследить историю славянских народов более доказательно для всего I-го тысячелетия до н.э., представленную в целом ряде археологических культур, преемственных по традиции и по территорий: Чернолесская (X-VII вв. до н. э.), Сколото-Скифская (VI-IV вв. до н. э.), Зарубинецкая (III-I вв. до н. э.), Черняховская (I-III вв. н. э.), культура Великого переселения славян (IV-VIII вв.).

Столь же древняя и духовная культура наших предков. В эпоху позднего палеолита и мезолита (VIII-VII тысячелетия до н. э.) у евразийских охотников сформировалось понятие — табуированный образ хозяина леса — медведя, который со временем перерос в божество — Волос (Велес). Он стал одним из

главных богов русичей, покровителем волхвов, символом духовности, а также удачи и богатства.

В третьем тысячелетии до н. э. у протославян складывается понятие о Великой Матери — Макоши, прародительницы славянских народов, а также об уже упомянутых берегинях-роженицах. II-I-е тысячелетие до н. э. — это начало формирования мировых естественно-исторических религий (ведизма, шаманизма, индуизма, синтоизма, даосизма и др.)

В конце второго тысячелетия до н.э. у праславян происходит смена матриархата на патриархат, поскольку главным в производстве становится земледелие. Макошь уступает главенство мужскому божеству — Роду. Любому здравомыслящему человеку понятно, что не боги создают людей, а люди — богов. Каковы люди, таковы и боги.

О богах мы узнаём из религий: у религий разных народов — свои боги со своими характерными свойствами; самый злобный и мстительный бог у евреев, серокожий и курчавый; у чернокожих народов — чернокожие боги (Кришна), у белокожих — белокожие (Сварог), у темнокожих, у древних греков, в частности, извините, тоже белокожие (Аполлон Гиперборейский). Откуда у черноволосых тёмноглазых греков — светловолосые голубоглазые боги? И боги древнегреческие, и герои античные (по крайней мере большинство) — гиперборейские, созданные ведическим славянорусским язычеством, древнейшей человеческой религией (вернее — жизнезнанием), которую демонстративно игнорируют, в упор не замечают на протяжении последнего тысячелетия все русофобские религиоведы мира по принципу: «Слона-то я и не приметил».

Выбрав гиперборейских богов, греки создали великую античную культуру, став «законодателями моды» в литературе и искусстве, архитектуре и философии; с принятием христианства они скатились до третьестепенного положения в мире по всем цивилизаторским параметрам. Как известно, религии — это историческое понятие: с большей или меньшей достоверностью можно сказать, какая религия когда появилась, значит в истории человечества имел место безрелигиозный, а следовательно, безбожный период, кстати, и до сих пор в некоторых религиях нет богов (даосизм, джайнизм), согласно им духовное развитие человека идёт по пути постижения Природы и гармонического слияния с ней (Единство микро- и макрокосма — седьмое

положение биосоционики). При развитии культуры, то есть в недрах общности только и могли формироваться все формы коллективной жизни, в том числе и мистического сознания, которое на пути к религии постигало плюсы и минусы тотема, магии, анимизма, анимализма, накапливая генетическую память, формируя архетипы, шлифуя магическо-обрядовые действа, постигая в мифах, фольклоре духовно-поэтический опыт. Природа подавляюще сильнее человека, и эта вечная зависимость от природных стихий заставляла людей налаживать более тесные связи с окружающей средой, ублажать не только «добрые» силы, но и «злые»; всевозможные идолы постепенно приобретали вполне узнаваемые антропоморфные черты в наскальных рисунках и создаваемых из дерева или камня скульптурах. И все же первый культ у человека был не божеский, а фаллический. Первыми божествами человеческими, как это ни досадно кому-то признавать, явились детородные органы мужчины и женщины — Ла и Ма, но поскольку человеческие гениталии не были самыми-самыми, то и здесь появилась иерархия; почти несравнимым оказался фаллос у быка, поэтому он и стал главным предметом поклонения, атрибутом солнечного бога Ра.

Такая наука, как археология, лучше прочих наук, в том числе и религиоведения, знает и понимает суть эволюции человечества, потому что всё в жизни детерминировано, качественно и количественно: морфология и функция, параметры черепа и мозговая деятельность, в том числе появление речи и сознания, для чего необходимо было иметь не только мощный мозг (более 1000 см^3), но и хорошо развитые ягодичные мышцы (нужно иметь и большую голову, и большой зад), что возможно лишь при устойчивом прямохождении. Религии не могут принять научный детерминизм в принципе, потому что всё у них построено на «воле божьей».

До формирования сознания и задолго до появления религии человек руководствовался инстинктами: самосохранения, пищевым, половым. Эти три главных жизненных инстинкта определили и мотивацию поведения, и эмоциональную жизнь. Хотя половой инстинкт (либидо) по жизненной важности для отдельной особи занимал третьестепенное положение, для сохранения вида он был главным, вот почему фаллический культ появился самым первым и имел первостепенное значение.

Откровенная эротичность древнего человека (мат) и наглая сексуальность современных суперменов не только не имеют ничего общего, но и прямо противоположны по жизненной сути: древняя эротичность была направлена на поиск здорового полового партнёра, чтобы дать наиболее жизнеспособное потомство; современные «секс-символы» всё более погрязают в групповухе и однополости, что ведёт к дегенерации человека. Корча из себя утончённейших знатоков секса, упражняясь в сексуальной технике, они потеряли понимание сути эротических отношений, подобно тому, как та же попса, упражняясь в песенном жанре, вовсе потеряла понимание сути песни, включающей выражение чувств через обязательную мелодию и соответствующий ей ритм; деградация попсы такова, что дойдя до самого примитивного монотонного ритма (бум-бум) она перешла на речитатив (рэп), который становится всё более модным, хотя не имеет никакого отношения ни к песенному жанру, ни к вокальному искусству.

То же — с попсовым сексом; супервыражением сексуальности считается суперобнажённость на сцене и суперподвижность всех частей тела. «Откель ведомо этой шпане», что с древнейших времён существовало изысканнейшее, утончённейшее искусство эротизма, достигшее кульминации в практике древнегреческих гетер, японских гейш. Зачем постигать всю широту культуры, глубину искусства, высоту эстетических наук, когда за один круг «Фабрики звезд» можно пройти всю сексуальную практику от «А» до «Я» («Чем выше любовь, тем ниже поцелуи»).

Секс в современном (американском) понятии — это даже не либидо (половое влечение), это случка на ходу, в любом удобном месте (у Клинтона с Левински — в коридоре Белого дома), с кем попало, без взаимных чувств, без взаимных обязанностей, впопыхах, нередко с одновременными разговорами по мобильнику. Никакой тайны, никакой исключительности, никакой эволюции чувств эротизма, которые должны развиться и созреть сперва в мечтах, в любовных грёзах, с мобилизацией лучших душевных и физических качеств личности.

Учинив перестройку в России, американские менторы не столько принялись учить россиян демократии («Пусть маленько постреляют из танков по парламенту»), а сразу приступили к сексуальному ликбезу в школах с раздачей презервативов,

В то время, когда долгими месяцами не выдавались пенсии, зарплаты, деньги на сексуальное обучение детей незамедлительно нашлись; не удивительно после этого, что почти каждый второй юнец сейчас готов «блядей трахать» всех подряд. Секс-бизнес испокон веков был прерогативой еврейских купцов (рахдонитов); сегодня каждая секс-рабыня приносит в год в среднем 100 тысяч долларов нынешним рахдонитам; из России ежегодно за рубеж в проституцию устремляется 50 тысяч девушек. Как это могло произойти в высоконравственной России? Ответ прост — через «сексуальное просвещение» в школах.

Захватив власть и собственность в долготерпеливой России, рахдониты ставили цель попользоваться не только сырьевыми ресурсами, но и живым секс-товаром. Русичам никогда такого не понять — рассчитывать все события на долгие годы вперёд с целью получения наибольшего барыша, даже, казалось бы в далёких от торговли сферах: в литературе, живописи, искусстве, любви. Кто бы из истинных знатоков изобразительного искусства смог додуматься, что из маразматического «Чёрного квадрата» Малевича можно выдавить миллионы долларов? Что на взращённом рыцарями, поэтами, художниками на протяжении долгих столетии, самого романтического чувства на Земле — любви — можно зарабатывать миллиарды?

Уже только поэтому капиталистической цивилизации с психологией безудержного потребительства не быть на нашей Земле, уже только поэтому русичам необходимо вернуться к своим незамутнённым истокам — ведическому язычеству, которое, провозгласив фаллический культ, взрастило из него великое чувство любви. Без понимания нынешних экономических, политических, культурных кризисных событий в нашей стране невозможно найти ответ на вопросы: «Кто виноват? Что делать?» Но понять — это не значит мочь. Вот уже более тысячи лет власть и богатство в России не принадлежат русскому народу. Сколько ещё будет длиться, никто не знает. О будущем судить, наверное, невозможно, но о прошедшем своей страны, своей культуры мы знать просто обязаны. Человек без истории — перекати-поле: россияне, живя сейчас без своей истории, служат чужакам-олигархам, исповедуют чуждую идеологию, молятся нерусским богам.

Простой пример: Масленицу — праздник весеннего равноденствия (21-24 марта) — нас принуждают праздновать

в феврале. Это театр абсурда, и хоть бы кто-нибудь возмутился, почему один из самых почитаемых и радостных славянских праздников, символизирующих весну, выброшен в февральские сугробы, ведь февраль — это «лютый» месяц. За тысячу лет колониального господства в России народ почти полностью забыл о своей исконной религии, о своих праздниках, о своей культуре.

Те, кто помнят ещё об этом, не должны молчать.

История не имеет сослагательного наклонения, поэтому воспринимать Россию приходится такой, какая есть; не знать отечественной истории — вдвойне преступно: и для себя, и для Отчизны. Как говорят, на ошибках учатся, но беды русичей ничему не учат; за последнее тысячелетие их трижды ломали об колено: в 988-м, в 1917-м, в 1991-м годах. Социальные пертурбации рубят не только головы своих жертв, они прерывают традиции, то есть обезглавливают нацию. Поэтому выход из социальных и культурных кризисов, путь к возрождению физического, нравственного и духовного здоровья лежит через социально-национальные преобразования на родной земле, возвращение к духовным истокам религии и культуры, на основе которых выработались архетипы — жизненная энергия народа, способная максимально раскрыть народный потенциал в русле родного языка, народных традиций, обычаев, фольклора, орнаменталистики. Отказ от этих этнических атрибутов ведёт к деградации как всего народа, так и отдельных его представителей.

4. Священные писания славянорусов

«Тщетно лживые мудрецы прошедшего века старались осмеивать любовь к Отечеству... Как могли вообразить сии мудрствователи, что не быв истинным сыном Отечества, возможно стать добрым гражданином мира? Как могли они представить, что не любя своих кровных, можно любить чуждых?.. Проклята да будет ненавистная мысль, что там Отечество, где хорошо! Вне Отечества нет жизни» (А. С. Кайсаров).

Космополитизм — одно из главных эффективнейших средств разрушения национального самосознания, а значит и ослабления жизнеспособности любого народа, и если ещё при этом будут насаждаться идеи индивидуализма и независимости от семейных уз, то процесс деградации индивидуума и общности станет необратимым. Без учёта этой истины невозможно понять и оценить какое-либо учение, невозможно сделать правильный выбор жизненных ориентиров. «Зри в корень», — неизменно повторял Козьма Прутков.

Создав «Тору», религиозно-политическую программу мирового иудейского господства, левиты (еврейские жрецы) вскоре поняли, что с помощью иудаизма эту цель не достичь, поскольку евреи на Земле — очень малочисленный народ; нужен был механизм для решения еврейских задач с привлечением большой массы гоев (неевреев). Так была создана левитами вторая искусственная религия — христианство как приложение к иудаизму («Новый завет» как приложение к «Ветхому завету»). Так появилась «Библия», которая была списана иудейскими жрецами с ведических, египетских, шумерских, этрусских источников. С появлением авраамических искусственных религий (иудаизма, христианства, ислама) идет планомерное уничтожение на Земле их первоисточников. Были сожжены все самые древние библиотеки мира: Протошумерская в Вавилоне, Этрусская в Риме, Царьградская в Византии, Александрийская в Египте, а также Кладовые папирусов в Фивах и Мемфисе, Киевская, Новгородская, Московская — в России.

С ликвидацией первоисточников «Библия» стала называться первокнигой, а евреи — первонародом, имеющим право руководить миром; не зря крещёный еврей Дизраэль, сделавшийся премьер-министром Англии, заявил на весь мир: «Мы дали вам

Бога! Наша «Тора (Закон)» является вашим «Ветхим заветом». Всё христианство, вся ваша культура выросла на корнях иудаизма. Вы в неоплатном долгу у еврейства за благодать, которую он принёс человечеству».

Лукавит Дизраэль, как будто ни разу не открывал «Библию», а может быть, под «благодатью» он подразумевает главный эзотерический закон «Библии»:

«Истребите все места, где народы, которыми вы владеете, служили богам своим на высоких горах, и на холмах, и под всяким ветвистым деревом. И разрушьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнём рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того» («Второзаконие», гл. 12, ст. 2,3). Это абсолютный закон иудеев, от которого они никогда в течение почти двух тысячелетий не отступали ни на йоту. О сожжении добиблейских письменных источников уже говорилось, вот как проходило оцерквление Руси: «Идолы сокруши — деревяннии сожгоша, а камении в реку вергоша и бысть нечестивым печаль велика... Тогда тысяцкий новгородский Угоняй, ездя всюду, вопил: «Лучше нам помрети, неж боги наши дати на поругание!» Народ же оноя страны рассвирепев, дом Добрынин разориша, имение разграбиша, жену и неких сродник его избиша...» (Иоакимовская летопись).

Сопротивление крещению на Руси было повсеместным, поэтому Владимир истребил треть русичей, в одной Моравии было уничтожено 10 городов, 500 весей (деревень). Христианизацией Руси руководили раввины. Владимир — незаконный сын Святослава и ключницы Малуши, внук раввина Малка. С войском под руководством иудея Добрана (дяди Владимира) он захватил Киев, убил законного наследника княжеского престола Ярополка, изнасиловал его жену, сжёг Киевскую библиотеку, уничтожил почти поголовно русскую элиту — княжеские династии и волхвов. «Святой» Владимир — братоубийца, развратник и растлитель, имел семь жён, восемьсот наложниц, лез из кожи, чтобы походить на иудейского царя Соломона, имевшего тысячу жён и наложниц.

Разделавшись с князьями и волхвами, разрушив ведические храмы, требища, капища, разбив языческие идолы, уничтожив древнерусские Веды, Церковь принялась за русскую культуру: «Гусли, домбры, волыни и другие бесовские сосуды, а также хари отбирать и жечь». И отбирали, и жгли возами, так что скоро

почти не осталось на Руси исконных народных инструментов, ибо: «Се же суть злая и скверная дела — плясанье, гусли... игранья».

Согласно библейскому эзотерическому закону («Истребите... разрушьте... сокрушите... сожгите... разбейте... истребите...» («Второзаконие», гл.12, ст.2.3), Церковь заменила русских богов на иудейские: Сварога — Иеговой, Даждьбога — Иисусом Христом, Макошь — Девой Марией, берегинь — ангелами, упырей — чертями и бесами. В России не осталось собственных праздников: вместо зимних Святок — Рождество Христово (25 декабря) и Крещенье (6 января), правда, день обрезания Христа — 1-го января почему-то не празднуется у нас, Купалу подменили Иваном Предтечей (23-24 июня), Перуна — Ильёй пророком (20 июля), а день Макоши — рождеством Богородицы (8-9 сентября).

Одним словом, вся история человечества, вся история культуры свидетельствует лишь об одном: христианство было создано иудеями лишь для того, чтобы сломить сопротивление народов-гоев стремлению иудаизма добиться мирового господства. Уничтожение добиблейского культурного наследия, Крестовые походы, насильственная христианизация народов, Инквизиция, убийства вождей-гоев, путчи и революции — это выполнение всего того, что было запрограммировано в «Библии».

И сами составители «Библии» не скрывали своих задач: «Я послан только погибшим овцам дома Израилева» (от «Матфея, гл.15, ст. 24.). «Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю, не мир пришёл Я принести, но меч. Ибо я пришёл разделить человека с отцом его, дочь с матерью, невестку со свекровью. И враги человеку домашние его» (Мф.,10, 34-36.).

«Всякий, кто оставит дом или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф., 19, 29.).

Это библейская основа любой революции и любой гражданской войны. И действительно, без враждебного разделения семьи, без стравливания сословий, без сталкивания лбами народов и государств мирового господства не добьёшься.

Чтобы манипулировать человеком, нужно сделать его «перекати-поле», бродяжкой без роду и племени, без памяти и традиций. Архетипическая память — важнейшая защита от всевозможных учений о «Мировой революции», о «Свободе, Равенстве, Братстве», которыми, как фокусники, манипулируют

ловцы человеческих душ, падких до «манны небесной» (жить не по труду своему, а на халяву).

Как свести со света многочисленный могучий народ, чтобы воспользоваться его землёй и богатствами? Если силёнок не хватает одолеть его физически, можно спеленать его паутиной лжи, клеветы и насмешек, оставив его без всякой духовной опоры, лишив архетипической и родовой связи с традициями предков, с культурными обычаями и обрядами.

Кто не понимает сих законов борьбы цивилизаций, рас и народностей, тот уподобляется кутёнку, тыкающемуся мордой о близлежащие препятствия и постоянно получающему по носу. Почему, обладая самыми великими землями и самыми огромными богатствами, мы живём до абсурда плохо во всех отношениях, и длится это более тысячи лет: то христианизация, то большевизация, то демократизация? Потому что все эти кувыркания происходили не по доброй воле, а по злому умыслу внешних сил. Могут сказать: нет своего ума, нет своих законов — поделом вам. А ведь действительно: христианство нам всучила вражеская Греция, большевизм — международное масонство, демократизацию, — американский сионизм.

С уничтожением волхвов и русских библиотек «Святым» Владимиром, внуком раввина Малка, великая ведическая цивилизация русичей лишилась основных духовных богатств: письменных источников и прочих культурных ценностей, а вместе с ними — и точки опоры в повседневной жизни, ведь носители духовных и родовых традиций — волхвы и княжеские роды — были вырезаны почти поголовно.

Рюриковичи и Романовы, антирусские династии, имеющие западноевропейские корни, не могли прижиться на русской почве без искоренения национальной религии русичей и их национальных традиций, о чём учит главный эзотерический закон: «Истребите... разрушьте... сокрушите... сожгите... разбейте... истребите» («Второзаконие», гл.12, ст. 2,3). Разве отклонились от него варяги, вероломством и силой захватив власть на Руси? Рюриковичам понадобились приказчики, чтобы заставить русичей поверить в легитимность их владычества на Руси, чтобы убедить всех, что власть их если и не от бога, то по крайней мере — наследственная. Такие приказчики не перевелись и поныне. Но если варяги — русичи, то с какой стати отринули от национальной религии, уничтожив треть населения, прежде

всего волхвов и князей? Почему калёным железом выжигали Священное писание славянорусов? Все годы правления Рюриковичей и Романовых о древнем «Сказании о Словене и Русе» нельзя было и заикнуться (язык вырвут), а не то, чтобы читать или переписывать (глаза выколют), ну а пропагандировать его — значит на дыбу взлететь, живота лишиться, ведь по указу Алексея Михайловича за язычество полагалась смерть, при нём русские музыкальные инструменты жглись возами, скоморохи были вне закона.

При Рюриковичах и Романовых фактически был обрушен русский национальный уклад жизни. Алексей Михайлович ввёл крепостничество, за которое все упрёки сыпятся на головы русских мужиков, мол, рабские натуры, что с них взять, темнота и холопство. Пётр I и вовсе запретил русские обряды и традиции, русские национальные одежды, рубя топором бороды, насаждая табак и вино, одевая дворян и армию в камзолы и парики. Вместе с уничтожением списков боярских династии, с насаждением новой касты дворян («новых русских»» была уничтожена национальная элита русского общества. По данным Загоскина Н. П., из 1000 дворянских родов России истинно русских имелось лишь 42 (4%), родов с западноевропейскими корнями — 229 (30%), польско-литовских — 223 (22%), Рюриковичей — 168 (17%), татар — 120 (12%), азиатов — 36 (около 4%), прочие — 97 (10%).

В этих цифрах, как на ладони — вся история многострадальной Руси, которая не смогла сберечь свою национальную элиту (князей, волхвов) от многочисленных чисток со стороны готов, иудеев, варягов, немцев, татар.

Главная «заслуга» Петра I — не только в обрушении русского национального уклада, а во внедрении в России масонства, которое уже никогда не выпускало своей «руководящей роли» в стране, в том числе и с помощью «аквы тофаны»; отравлены или убиты были почти все правители: Павел I, Александр I, Александр II, Александр III, Екатерина I, Пётр II, Пётр III, Елизавета, Николай I, а также — уже в новые времена — Жданов, Сталин, Готвальд,

Чтобы не оставить от русской истории камня на камне, «великий реформатор» Пётр I выписал из Германии приказчиков-историков: Байера, Миллера, Шлецера и прочих холуёв, которые сварганили «русскую историю», по которой Русь и своим

названием, и своим существованием полностью обязана варягам (до них на территории Руси был «мрак и полное запустение, где кое-как прозябали в дикости люди-звери». А поскольку Ломоносов активно перечил им, они вышвырнули его из Академии, а потом, поскольку продолжал противодействовать, и вовсе лишили жизни (отравили).

Став в 1763-м году во главе московского архива, Миллер принялся так активно «реформировать» русские архивы, что в них не осталось ни одной дохристианской древне-языческой книги, ни одного источника древнерусской письменности. Со смертью Ломоносова пропали все его архивы, свидетельства о древнейшей русской культуре. На церковном поприще рьяно поработали против русской истории и Симеон (Самуил) Полоцкий, и патриарх Никон, который сжигал не только древние русские книги, но и их хранителей — старообрядцев, которых погорело не менее 20 тысяч. Но вот ведь в чём закавыка: сколько «реформаторы» ни жгли свидетельств великой русской письменности и культуры, а они то там, то тут появлялись всё снова и снова, как птица Феникс, возрождаясь из пепла.

В пламени гражданской войны, в хаосе тотального разрушения, одна из ценнейших рунических книг нашлась в разграбленном дворянском имении на Харьковщине, ею оказалась «Велесова книга» — Священное писание славян, представляющее собой сборник кошун IV-IX веков, вдохновенная повесть волхва-русича о двадцатитысячелетней истории славянорусов. Какой конфуз — проглядели: и Рюриковичи, и Романовы, и Церковь, и большевики — не все языческие источники уничтожили, промашку дали, что делать? И против относительно небольшой книжицы с висящими на линиях древнерусскими письменами ополчилась великая рать: были тут и академики (Лихачёв и прочие), и «русские слависты» (Жуковская, Творогов и другие), и прочие учёные мужи, которые «обгавкивали» Священное писание славян самыми последними «учёными» словами, обзывая его и «жалкой подделкой», и «примитивной мистификацией», и «пустяковой вещицей». И длилось это гавканье и завывание более пятидесяти лет, а по прошествии полувека лай сей приутих, согласно мудрой пословице: «Собаки брешут — караван идёт». Почему так упорно на протяжении почти двух тысячелетий (с появления «Библии») ведётся целенаправленное методичное уничтожение памятников славянорусской письменности

и культуры? Потому что они свидетельствуют, что не библейские Адам и Ева дали начало первонароду, коим «Библия» признает лишь потомков Авраама, Исаака и Якова, получивших эксклюзивный договор с Господом на всемирное господство над всеми прочими этносами-гоями, которые будучи не способными мудро распоряжаться ни своей собственностью, ни своим государством, просто обязаны принимать протекторат, ведь «рабы божьи» созданы для утех «сынов божьих» (то бишь олигархов в нынешней интерпретации). А на самом деле оказывается, что когда и «сынов божьих» не существовало, и даже самого Иеговы, ещё задолго до сотворения мира (VI тысячелетие до н.э.), ширилась и процветала великая ведическая цивилизация, созданная славянорусами, прямыми потомками кроманьонцев. Об этой Северной (Гиперборейской) цивилизации свидетельствуют все древнейшие источники (индийские Веды, Иранская «Авеста», древнейшие мифы и эпосы). Именно в недрах славянорусской северной цивилизации появился и первый язык, и первая письменность, и самое духовное мировоззрение — ведическое язычество.

В то время как более тысячи лет методично, широкомасштабно, повсеместно уничтожались славянорусские письменные, культурные источники, шла нахрапистая мировая накачка «Библией», издано уже более четырёх миллиардов экземпляров её! Почти каждому землянину — по увесистому тому «самой правдивой» человеческой истории во главе с первородным иудейским народом, который сам же присвоил себе эту первородность, как Яков относительно своего брата-близнеца Исава. Именно в плоскости изначального противостояния иудеев и гоев находится великое мировое противостояние; только с учётом этого факта станет понятна как вся мировая история, так и все революции и реформы в России. Вот почему каждый русич просто обязан для своей же безопасности понять, что ни у кого не может быть надёжного будущего без сохранения своего прошлого, без сохранения традиций своих предков, без возвращения к своему исконному мировоззрению — ведизму с почитанием своих национальных святынь, в том числе и Священных писаний.

А поскольку шлецеры, миллеры, байеры, а вслед за ними карамзины и лихачёвы внушали русичам сентенции об их никчёмном прошлом и страшной отсталости, то нам следует

уличить их во лжи и докопаться до первоистоков славянорусской письменности и культуры. Нас на протяжении тысячи лет убеждали, что грамотой русичей одарила Церковь, поэтому как великое торжество отмечается 24 мая — обретение Русью письменности, предложенной Кириллом; на самом же деле сей Кирилл, посланный патриархом Фотием в славянские земли, тайком изучал русские книги, на основании которых и предложил так называемую кириллицу, к русскому алфавиту добавив греческие знаки.

По Лихачеву, русская культура — лишь копия христианского византийства: «...если говорить об условной дате начала русской культуры, то я, по своему разумению, считал бы самой обоснованной 988 год... Основное, что сделано мировым славянством для мировой культуры, сделано за последнее тысячелетие» (Д. И. Лихачёв, «Новый мир», №6, с. 257.).

Факты же, разумеется, говорят об обратном. Если долгое время считалось, что из древнерусского наследия имеется лишь «Слово о полку Игореве», относящееся к XII веку, то с открытием новых дохристианских источников: «Велесовой книги», относящейся к IX веку, «Боянова гимна», относящегося к IV веку, вопрос о первичности славянской грамоты уже не вызывает никаких сомнений. Первые доказательства существования славянорусских первоистоков для создания индусских Вед, иранской «Авесты» предоставил величайший знаток санскрита Б. Тилак, доказавший, что в основе индусской и иранской мифологии имеют место идеи и образы, пришедшие от гиперборейцев.

Веды (от русского слова «ведать») появились в русле славянорусской культуры и отображали идеи и образы ведического язычества. Появившись первоначально на славянской почве, Веды разносились по всему свету. На иной этнической почве Веды претерпели серьёзные метаморфозы. Например, в зороастризме («Авеста») ведические боги превратились в демонов, а индийский менталитет, с одной стороны, наложил на них карму мистицизма и отрешённости (ухода от действительности), что никак не согласуется с первоначальными ведическими идеями и со славянским менталитетом; с другой стороны, индийские жрецы (брахманы) вместо пути Прави (Правды и Совести), стали культивировать храмовую проституцию (баядеры), превратив высокодуховную ведическую мораль в её противоположность.

Более двух тысяч лет предки славянорусов, солнцепоклонники, носители ведических традиций, символом которых была Матерь-Сва, давшая людям огонь, колесили многотысячевёрстные дороги многих стран и континентов, оплодотворяя многие культуры идеями и образами ведического язычества: в Индии — Веды, В Иране — Авеста, в античной мифологии — культ матери и дочери, Лато и Артемиды (Лады и Лели), а также Апполона Гиперборейского, но и прочие боги и герои были кровно связаны с ведической мифологией: Геракл, Антей, Персей, Тезей, Медуза Горгона, Эней и др. Да и сам Олимп — обиталище богов — находился не в Греции, а в славянорусской земле — на Балканах.

И эта связи была архетипическая, наследственная. Откуда у черноволосых черноглазых греков появился пантеон светловолосых и синеглазых богов и героев? Откуда у исконных южан такие подробные сведения о Гиперборее, Заполярной стране? Ответ само собой разумеющийся: сведения о богах и о родине богов передали грекам, индусам, иранцам и прочим народам создатели изначальной религии — светловолосые и синеглазые славянорусы, выходцы из Заполярной Родины — Гипербореи.

Общеизвестно, что Дельфийский греческий религиозный центр с древнейшим храмом и оракулом Аполлона основал Олен(ь), который не только привнёс в местные традиции пантеон славянорусских богов (прежде всего культ Солнца и двух рожениц, матери и дочери), но передал своим последователям (Аборису — Божественному (А) Борису и Аристею — Арию истинному) своё поэтическое мастерство: «Он первым пророком был вещего Феба, первый, песни которых составил из древних напевов». Именно славянорусы принесли гекзаметры в Грецию, гекзаметры, которыми были составлены великие эпосы — «Илиада» и «Одиссея», поэтому можно не сомневаться, что Гомер был русичем, а его известный «гомерический» смех разве не был направлен против хищных и жадных греков в лице Одиссея? В 1952-м году А. Ф. Масанов доказал, что Н. Минский и Н. Гнедич при переводе «Илиады» сделали более тысячи искажений, чтобы затушевать её русское происхождение.

О Троянской войне почти в то же время, как и Гомер, писал и другой русич — жрец из храма Сварога Дорес. И Гомер, и Дорес одинаково почитались на Дунае в землях помаков.

Ну, а в самих античных сказаниях-эпосах о чём и о ком идёт речь? Вестимо, о русичах. Вот, например, аргонавты отправляются за Золотым Руном во главе с Ясоном в страну Ирийскую, где им придётся сразиться с драконом Ладоном. Что такое Золотое Руно? Руно — это славянские письмена (руны, черты и резы). Золотое Руно — это главная ведическая святость — Белая (Солнечная) Книга. Ирийская страна — райская страна (ирий — рай, вырий — страна духов предков). Почему главный страж Ирийского древа в Солнечной стране называется Ладоном? Потому что является служителем одной из самых главных славянских богинь — Лады. А что значит имя главного героя — Ясон? Это вождь Ясуней-славян Арий Оседень (в скандинавском эпосе он Аса, в иранских сказках — Зар (по-славянски — Зорян). Среди аргонавтов были и легендарный непревзойдённый певец Орфей (славянин-фракиец), и непобедимый герой Геракл, что по-русски означает Ярослав. А разве само название «аргонавты» ничего не говорит русичу? Древнейший священный город-обсерватория славянорусов Аркаим был построен гиперборейцами, пришедшими на Южный Урал и Приволжье с Севера; отсюда с Аркаима в скором времени они отправились в Средиземноморье, в Переднюю Азию, где основали Крито-Микенскую и Троянскую цивилизации, ставшими самыми могущественными в Средиземноморье. Где бы ни находились русичи, они возводили свои Трояны, а также Аркадии и Арголиды, которые имеют общий корень «арк», что означает «медведь», ипостась бога Велеса, потомками которого являются и Арий Оседень (Ясон), и Троян. А у них отцом был Двоян, а дедом — Один, который суть Велес, который передал славянорусам руническую письменность в виде Белой (золотой) Книги, а произошло это у Ирийского древа. Эту свою письменность и принесли русичи с собой в Средиземноморье, в Переднюю Азию, в Древнюю Грецию и на Апеннины в виде пеласгийских и этрусских рун. Кто же мог в то время создать такую эпику, как «Илиада» и «Одиссея»? Только славянорусы, которые потеряли свою выстроенную и выстраданную Троянскую землю. Первые триста лет греки и понятия не имели об этих эпосах и лишь многие века спустя стали доказывать и отстаивать свое авторство, доведя проблему до абсурда, ведь взаимоисключающие доводы приводили семь греческих городов. Кстати, немецкие «учёные-историки» выкрали из русских архивов «Илиаду» с русским текстом («Дрезденская рукопись»).

Начиная с церковного летописца Нестора, русичам вдалбливалась уничижительная мысль о неполноценности славянской цивилизации. В истории Карамзина читаем: «Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных её климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погружёнными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими Памятниками». Карамзин почти дословно повторяет небылицы придворных холуёв, призванных Петром I сварганить «русскую историю», узаконив власть Романовых привязкой к Рюриковичам, которые «спасли Русь от небытия». Для этого один из новоиспеченных «русских» историков А. Шлецер засвидетельствовал: «Повсюду царствует ужасная пустота в средней и северной России. Нигде не видно ни малейшего следа городов. Нигде нет никакого достопамятного имени, которое бы духу историка не представило превосходные картины прошедшего». К слову сказать, на картах самой Германии 920 топонимов — славянорусские, в том числе и её столица — Берлин (славянское Берло). Не только Германия, но и вся Европа, захватив славянорусские города и веси, а с ними все атрибуты высочайшей ведической цивилизации, стали доказывать и себе, и всему миру, что никаких древних славянских очагов культуры не существовало, что древнерусских книг вообще не бывало, потому что у отсталых народов этого в принципе быть не может. Поэтому Байер, второй забугорный «историк», зафрахтованный Петром I, выдвинул пресловутую «норманскую» теорию, по которой Русь, будучи страной «недоумков и недоделков», обречена на внешнее руководство на все времена, что попугайски повторяли доморощенные историки: карамзины, ахиезеры, лихачёвы, шаповаловы и прочие борзописцы.

Несмотря на то, что Церковь методично уничтожала языческое наследие вместе с его носителями, тем не менее ведическая литература, славянорусские Веды насчитывают многие сотни томов, а если присовокупить и фольклор, то получится Духовная Пирамида, величайшая в мире — Восьмое Чудо Света. Приходит время, когда русичи вновь обретают свои национальные реликвии: наряду со «Словом о полку Игореве» — «Велесову книгу», «Звёздную книгу Коляды», «Бояновы гимны», «Песни птицы Гамаюн», «Книгу Святовита», «Златую цепь», в будущем станет возможным познакомиться с «Перуницей», «Песнями

Златогора о Коляде венедском» и даже с «Белой книгой» — началом начал Священного писания славян.

Кроме Вед известны сугубо специализированные пособия: «Травник», «Знахарь», «Лекарь», «Ягарь» (яга — йога), «Волшебная кулинария», «Волхварь», «Вестарь», «Букварь», «Пономарь», «Богатырь» и т. д.

Именно «Вестарь» и «Волхварь» стали основой иранских «Авесты» и «Ведевдаты», «Ягарь» — индийской йоги, «Букварь» — еврейской «Каббалы», а «Ветхий Завет» разве не «Вед-хий»?

В 1881-м году в Санкт-Петербурге вышла составленная южнославянским учёным-славистом С. И. Верковичем книга «Веды славян (Обрядные песни языческого времени, сохранившиеся устным преданием у македонских и фракийских Болгар-Помаков)». Помаки помнили и о своих древних храмах, разрушенных византийцами, и о своих священных книгах, сожжённых Церковью: «Звезнице» (славянская астрология), «Ясной книге» (ритуал жертвоприношений), «Петице» (птичья книга), «Земнице» (история славян). Общее название всех книг — Веты, то есть те же Веды, известные всему миру по индоевропейской культуре. Возвращаясь к Священному писанию славян — «Велесовой книге», хочется особо подчеркнуть главную её мысль: «Наши предки взывают к познанию русских богов, которых украли у нас, взамен подсунув чужих, и мы своих лишились богов и даже бород, и бояны не спели песни свои до конца, так что скоро забудем, кто мы и откуда. Стыдясь наговоров на нас лживых наших недругов, зачем же мы сами враньё повторяем?! Разве Заря нам не светит, и утро для нас не звенит, разве к нам не спешит навстречу Вестник небесный с хвалебными гимнами во славу наших богов? Так пусть же ведёт нас из тьмы вещий Индра, сын света, и мы, наконец, обретём покровителя в нём, а знание жизни пращуров наших добавит нам крепости, веры и воли, тогда-то узнают враги, кто есть мы, что есть Русь!» (Д.6-д.).

Лейтмотив «Велесовой книги»: «Вставайте, братья, племя за племенем, род за родом и бейтесь за себя на земле своей». Вот почему лихачёвцы полвека обгавкивали её самыми учёными словами, стараясь, чтобы русичи не узнали о своём Священном писании и продолжали служить чужим богам и так называемым «новым русским».

5. Русь фольклорная

Жизнь человеческая — клубок из пряжи, и находится она в руках трёх богинь: Клото прядёт нить, Лахесис бросает жребий, Атропос обрывает нить. Но и судьбу каждого народа правомочно уподобить нити. Тот или иной народ существует, пока не прерывается нить, связующая его прошлое с настоящим. Народ силён традициями. Во времена социальных и научно-технических революций появляется иллюзия всемогущества и вседозволенности, и человек, пьянея от необузданной свободы, губит себя. На первый взгляд, весьма далеки друг от друга трубачи Пролеткульта и «супермены» современного рок-рэп-поп-бизнеса, но как схожи их приёмы и методы самоутверждения: начиная свою жизнь с нуля, от собственного «Я», они укорачивают её тем самым — на тысячелетия...

Крестьяне одной из мордовских деревень после Октябрьской революции, в годину окончательной разрухи и эпидемий не нашли ничего лучшего, как выбрать самую чистую, непорочную девочку и посадить её за прялку, чтобы созданной чистыми руками нитью отгородить село и людей от нагрянувших на них напастей.

Ночь и день, день и ночь почти без перерыва пряла юная мастерица пряжу, и пока кудель превращалась в нить, надежда не покидала людей. Сколько же понадобилось усилий неокрепшим ручонкам, чтобы уберечь священную нить от разрыва!

Как ни странно, но «машина времени» существует, причём это живая машина. В принципе она создаётся так: выстраиваются в затылок друг другу старцы, каждый из которых представляет своё столетие и каждый предыдущий передаёт последующему эстафету своего народа. Через них мы сумеем побывать в любом веке, в любом тысячелетии и дойти до самых истоков радуницы, и зачинатели рода российского откроют нам тайну славянских святынь...

В царстве, раскинувшемся на землях среднего Поднепровья по рекам Роси и Россаве, произошло чудо великое: с неба упали золотые священные предметы — плуг с ярмом, секира и чаша. Царь Таргитай велел своим сыновьям завладеть нежданным сокровищем, но ни старшему сыну, ни среднему не удалось подойти к пылающему металлу, а вот младший усмирил его и овладел святыней, и основал Золотое царство, и стал править в нём под именем Коло-ксая (Солнце-царя). Братья его: Липоксай (Гора-царь) и Арпо-ксай (царь Водных глубин) тоже

заимели царства — один медное, другой серебряное. Три царства появились на отечественной земле в середине второго тысячелетия до н. э., а их народы называли себя по имени Солнце-царя сколотами (коло — круг, солнце).

Вот почему самые древние русские сказки непременно поведуют о трёх царствах, о трёх богатырях: Светозаре, Горыне и Усыне (Верниводе) и, конечно, о трёх братьях, пытающихся поймать Жар-птицу, что удаётся только самому младшему, более бескорыстному, а потому и более удачливому. С этих трёх царств, с этих мифов, сказок и соответствующих обрядов и начинается наша Родина. То, что в основных чертах всё выше сказанное — не вымысел, подтверждают археологи своими раскопками древних городищ в бассейнах Днепра, Буга и Днестра, причём в древних захоронениях обнаруживается немало золотых предметов, так что дыма без огня не бывает. Естественно, возникает вопрос, где находились священные реликвии сколотов? Наиболее защищённое пространство их земель располагалось во внутренней части днепровской луки, где обнаружено самое большое городище — Трахтемировское. Возможно, они хранились здесь, но и не исключено, что на противоположном — левом берегу Днепра, в одном из самых древних российских городов Переяславле, который был сакральным центром язычества, где поклонялись плугу с ярмом, топору и чаше.

Религиозные представления славян были основаны на ведическом язычестве. Первобытный человек эпохи палеолита и мезолита занимался собирательством и охотой. Он мало зависел от небесных сил, успех или неудача в его деятельности больше зависели от него самого и от случая, то есть от помощи добрых сил (берегинь) и от козней злых (упырей), которых и приходилось задабривать. У охотников-славян не могло не быть благоговения перед самым сильным зверем — медведем, культ которого чётко прослеживается в архаичных сказках. Так первым славянским богом стал Волос (Велес) — покровитель отважных охотников. У многих европейских народов присутствие «медведя» на карнавалах обязательно. Существуют отдельные праздники, приуроченные выходу медведя из берлоги (белорусские комоедицы, например, в дни весеннего равноденствия). С развитием средств производства, с появлением скотоводства и земледелия Волос-Велес превратился в «скотьего бога» и в конечном счёте в божество, символизирующее богатство.

Следующим этапом языческого мировоззрения стало осознание факта, что мир не плоский, а имеет три уровня — небо, землю и подземно-подводное царство. Что их объединяет? Сила, рождающая жизнь. Так появился культ Великой Матери, Прародительницы Мира, Матери Урожая — Макоши. Наряду с культом Макоши развивался культ двух «рожаниц» — матери и дочери, благодаря которым жизнь на земле никогда не прерывается. Известны и их имена — Лада и Леля. Бытующие с 7-го века до н.э. архаичные вышивки, особенно ритуальные (на полотенцах) обязательно содержат темы Макоши и «рожаниц». Такие вышивки на полотенцах в малоизменённом виде дошли до 18-20 века у крестьян русского Севера. Следовательно, нашим этнографическим традициям — более двух тысяч лет!

С развитием земледелия человек стал абсолютно зависим от солнца и влаги, вот почему в своих молениях он обратился к Небу. Главным верховным богом стал Род (у египтян — Осирис). Верховное божество является уже не женского, а мужского пола не случайно: в бронзовом веке вместо матриархата утвердился патриархат. Верховный владыка обзавёлся свитой, появились бог света Даждьбог и бог солнца Хорс (у греков — Аполлон, бог света, покровитель искусства, Гелиос — бог солнца), имелся и бог грозы — Перун (у греков грозой правил сам вседержитель — Зевс).

Небом владел Сварог (бог-отец), ветрами повелевал Стрибог, подземно-подводным царством правил Ящер.

И всё-таки в народном сознании, в фольклоре самыми любимыми оставались богини «рожаницы» (роженицы), мать и дочь, Лада и Леля, без обращения к которым не обходилась почти ни одна древняя песня славян.

Красивый Иван рвёт розу
тебе, Ладо, святое божество.
Ладо, слушай нас, Ладо!
Песни, Ладо, поём мы тебе,
сердца наши склоняем тебе, Ладо!
Слушай нас, Ладо! (Хорватская песня).

***

Молимся, Лада, молимся высшему богу,
Ой, Лада, ой!
Да подует, Лада, да подует тихий ветер.
Ой, Лада, ой!

Да ударит, Лада, да ударит урожайный дождь.
Ой, Лада, ой! (Сербская песня).

***

На досточке на липовой,
е-льем, Ладо, на липовой,
там стояли две кумушки,
е-льем, Ладо, две кумушки,
две кумушки, две голубушки,
е-льем, Ладо, две голубушки.
Покумимся, полюбимся!
Покумилися, полюбилися,
на златы перстни поменялися.
е-льем, Ладо, поменялися. (Русская песня).

И песни наши — общие, и боги наши изначальные — общие, так почему от них мы так легко отказались?

«А ныне с утра и до утра видим, как зло творится на Руси, и ждём, всё ждём, когда возвернётся добро. По ничего хорошего не будет, если силы свои в единую силу и волю не сольём, объединив их единой целью победы» («Велесова книга», Священное писание славян, Д.8-2).

Что касается всех славянских племён вообще, то их консолидация и выделение из индоевропейской общности проходили в эпоху каменного века. Из протославянских племён во втором тысячелетии до н.э. обособились праславянские племена — сколоты, которые в это время занимали огромнейшую территорию от Одера до Днепра, и которые впоследствии дали три славянские ветви: западную (чехи, словаки, поляки), южную (болгары, сербы, хорваты, македонцы, словенцы) и восточную (русские, украинцы, белорусы). Первое тысячелетие до н.э. весьма знаменательно для российского фольклора — кроме сказок о трёх царствах и трёх братьях, о царе Горохе создаются мифы о героях-кузнецах, побеждающих Змея (степняка), ведь в это время славянские племена почти постоянно вели борьбу за свои земли и жизнь с вероломными греками и степняками.

Ох, как были нужны русским землям былинные богатыри.

В системе языческого мировоззрения главными считались обращения к силам природы, заклинания злых и добрых начал, моление об урожае с приношением жертв (треб). В каждом подворье имелись места, где проходил внутрисемейный ритуал.

Имели место и общественные святилища: общесельские, общеплеменные, и, конечно же, главное святилище — межплеменное. До сих пор сохранились названия священных мест: Родень, Перуново, Волосово (Велесово), Макошино, Ярилино, Девичья гора, Красная горка и т. п. Главным языческим центром докиевской Руси был район в излучине Днепра, где имелось два святилища: одно, посвящённое мужскому божеству (более вероятно — Роду), другое — верховному женскому — Макоши. Данный район получил название Трахтемировское городище, где при раскопках обнаружено святилище, имевшее сложное строение с капищем для поклонения идолам (Роду), с жертвенным костром и требищем, где приносились кровавые жертвы, и где были построены специальные сооружения для употребления жертвенной пищи и напитков. Святилище Макоши находилось на Бабиной горе, рядом с ней в могильнике обнаружено множество жертв, среди которых встречались и младенческие черепа. «Деторезанье», «заколаемые младенцы» — увы, печальные факты и не только языческой истории. Другой составной частью языческого обряда было утопление девушек в дар подводному божеству — Ящеру. Известная легенда о Садко рассказывает о человеческом жертвоприношении водному царю. Жребий пал на гусляра Садко, которому удалось с помощью своего искусства выйти обратно на волю из рыбьего царства. До сих пор существует детская игра в Ящера, когда мальчик с накинутой платком-мантией выбирает из хоровода девочек одну за одной, отбирая у них венки, за которые они должны откупиться поцелуями, песнями, плясками. На первый взгляд — премилая игра, где главную роль исполняет мальчик Яша. Жертвенные утопления проводились обычно на Купалу (23-24 июня). Теперь на Купалу принято искупать друг друга или хотя бы облить водою — многозначительный акт «человеколюбия».

Главным в религиозном мировоззрении славян оставалось поклонение Природе, Макрокосму. Гора в окрестностях села, дерево у источника, река, приметные камни, берёзовая или дубовая роща — всё это предметы поклонения. Племенными святилищами считались: Лысая гора под Киевом, Девичья гора в Триполье, святилище Рода в устье Роси, дуб на острове Хортица, сохранившийся до наших дней. Сколоты-росы добирались сюда на караванах судов с хлебом для торговли с Римской империей, впоследствии с Византией, обменивая зерно на амфоры с вином, маслом, а также на предметы роскоши. Священному дубу они

приносили жертвы и моления о благополучном исходе торговли: опасностей от степняков на этом торговом пути имелось во все времена предостаточно. Языческие ритуальные действия представляли весьма сложную схему, как в целом, так и в отдельных эпизодах, особенно при общесельских, общеплеменных и межплеменных событиях, для проведения которых нужна была особая организация людей, знающих традиции и обычаи, мифологию и фольклор, досконально разбирающихся в календаре и целебных травах, умеющих составлять заговоры и кощуны, петь и играть на музыкальных инструментах. Это жреческое сословие имело сложную структуру, многие функции дифференцировались всё больше и больше, в связи с чем название жрецов было разным: волхвы, облакогонители, ведуны, чародеи, хранильники, кощунники, баяны, кудесники, кобники, а среди женщин — ведьмы, чародейки, потворницы. Жрецы относились к правящей знати, обладали обширнейшими знаниями, накопленными предыдущими поколениями, которые они передавали по наследству. Волхвы могли поднять народ против князей. С ними считались все, без них не проводилось ни одно народное событие.

Но какой праздник или ритуальное действо могло произвести впечатление на толпу без драматургической основы, без словесной канвы, без заговоров, заклинаний, молений, без ритмических действий, хороводов, плясок, без музыки и песен? Сколько сказок, сколько песен и хороводов навеяно теми или иными обрядами.

С купальскими празднествами, с одной стороны, связаны песни любовного содержания, хороводы с пристукиванием и притоптыванием, прыжки через костёр парами, а с другой — душераздирающий плач матери, убивающейся по своей утопленной дочери: «Люди, не берите воду, не ловите рыбу, не косите травы на излучинах реки — это красота моей дочери, это её коса, её тело». В сказке о братце Иванушке и сестрице Алёнушке весьма выразительно передаётся картина жертвоприношения: «Огни горят горючие, котлы кипят кипучие, хотят меня зарезати... Рада бы я выпрыгнуть — горюч камень ко дну тянет, желты пески сердце высосали...».

Что значат одни песнопения без всего масленичного действа: горячих блинов, катания огненного колеса, езды с бубенцами на тройках, сожжения чучела зимы, без ряженых, без кулачных боёв, наконец!

Сценарии ритуальных празднеств, игрищ шлифовались в течение многих веков, то же можно сказать и о свадебном обряде, который нам более известен, и который тоже представляет многоактное действо, где схлёстываются человеческие интересы, а значит, и пылают страсти. Только в таком единстве зрелище потрясает умы и сердца. К сожалению, при обращении к нашему прошлому, к русскому фольклору мы не стремимся к комплексному и глубокому познанию его, а довольствуемся тем, что попадёт под торопливую руку, словно мы не у себя в усадьбе, а залезли ночью в чужой огород и, шарясь на грядках, выдёргиваем впотьмах, что попадёт под торопливую руку.

Отдельная песня или танец, заговор или прибаутка, наигрыш или частушка, игра или закличка, бывальщина или загадка, легенда или плач, сказка или былина — всё это лишь отдельные фольклорные элементы, представляющие собой каждое в отдельности лишь мозаичное стёклышко, и лишь в своей совокупности способны составить живописную картину народной жизни. В основе фольклора — драматическое действо, поэтому фольклор следует воспринимать не через концертные программы народных хоров и ансамблей, а через фольклорные спектакли фольклорных театров. А создать фольклорный спектакль без познания фольклора во всём объёме, без изучения истории, этнографии, археологии, лингвистики вряд ли возможно. Но познав прошлое наше, мы уже не сможем отмахнуться от него, а должны будем принять его со всем высоким и грубым; зная, что наши далёкие пращуры молились священному Роду, и для нас самих слова Природа, Родня, Народ, Родник, Родина станут не формальными понятиями, а святыней.

Крещённая насильно, Русь по сути своей оставалась языческой, и не могло быть иначе, ведь народ никогда не откажется от своего фольклора, от первоначальной обрядности. Но имеется нечто в характере и психологии русича, что позволяет ему возвыситься над мелочным и суетным в жизни: он способен раствориться в окружающем мире, и вместе с тем вобрать его в себя. Всё взаимосвязано и космос, и человек. Как бы ни был мал человек, и сколько бы ни была обижаема российская земля врагами, и русский человек, и русская земля составляли всегда неотъемлемую часть всего человечества, и творили мировую историю вместе с другими народами и государствами.

6. Двоеверие

Исконная религия славянорусов — ведическое язычество, которое в III-II тысячелетиях до н. э. было господствующим в Евразии, на Ближнем Востоке; влияние ведизма испытывали Индия, Иран. С падением Трои, Крито-Микенского царства влияние русов в Средиземноморье пошло на убыль, пришлось им возвращаться на исконные евразийские земли. Александру Македонскому удалось в течение 336-327 годов до н. э. полностью восстановить славянорусскую империю III-II тысячелетий до н. э., поэтому не зря царь славянской Македонии и на Руси был обожествлён (ипостась Даждьбога).

Ещё в начале первого тысячелетия н. э. славянорусы владели огромными территориями от Одера до Волги, на Западе царствовал Словен, на Востоке — Бус Белояр, шестой русский пророк, во времена которого ведическое язычество достигло своего расцвета.

Сын Буса Белояра — Боян, создатель гимнов, и волхв Златогор, составитель кощун, были вдохновенными глашатаями исконной русской религии. Трагедия Руси наступила с гибелью последнего русского пророка Буса Белояра, которого готы обманным путём заманили для «переговоров» и вероломно казнили, распяв вместе с его свитой в 70 человек в ночь с 20-го на 21-го марта 368-года, когда произошло полное лунное затмение и повсеместно сильнейшее землетрясение: «Бысть трус велик в Александрии, возвреся море ис предел и потопи 50 тысяч человек. И кораблем мнозем, водою отнесенном, на суши обретися, многия же корабли погрузи и островы Критские и Ахийские и Вретанийские и Афракийские погибоша. Морю вскипешу на 100 стадий, Андрианская пучина и Вийская разступишася и явися суша...» (Русский «Хронограф»).

Бус Белояр имел высшую степень волхва — Побуд (пробуждённого и пробуждаюшего, высшего вестника богов). В Священном писании славян «Велесовой книге» сказано: «Муж Правый восходил на амъвеницу и рек о том, как идти по Пути Прави. И слова его с деяниями совпадали. И о нём, о Старом Бусе, говорили, что он творил требы и был лепым, так же как деды наши. И рекли о Бусе, как о Побуде. И так же Время Бусово весьма прославляли. И тогда наши жрецы о Ведах заботились.

Они говорили, что их у нас никто украсть не должен, если мы имеем берендеев наших и Бояна».

Остался Бус в архетипической памяти народной и как реформатор календаря, который русичи получили от Коляды 7-6 тысяч лет до н.э., и который нуждался уже давно в уточнении и исправлении. Так появилось Годовое Коло славянских земледельческих празднеств, приуроченных к датам зимнего и летнего солнцестояния, весеннего и осеннего равноденствия с привязкой к основным земледельческим и скотоводческим работам.

С одной стороны, календарь Буса является отражением космического ведизма, звёздной мистерии, с другой — практическим руководством для проведения сельскохозяйственных работ в оптимальные сроки.

Являясь великим правителем могущественной Русколани, Бус Белояр вместе с князем Словеном братской Словении контролировал огромные пространства от Дуная и Карпат до Волги и Урала. Уже при жизни он был обожествлён в народном сознании, поскольку определял и духовную, и царскую, и военную власть, будучи непререкаемым авторитетом среди прочих княжеских родов; ведь своё начало род Белояров вёл от рода Ария Оседня и от рода Белогоров, то есть напрямую был связан с родословной перворусичей, яров и атлантов.

Вот почему вероломный захват и казнь Буса готским конунгом Винитарием для русичей явились непоправимой утратой, национальной трагедией.

Сакрализация образа русского пророка оказалась настолько привлекательным феноменом, что иудейские жрецы воспользовались этим для создания достойного имиджа Иисуса Христа. Как известно, прежде чем канонизировать 4 Евангелия, было уничтожено четыре десятка списков «Жития Христа»; таким образом, легенда о Богочеловеке рождалась, как говорят, «в потугах», ибо среди потомственных завоевателей и торгашей высокодуховную личность сыскать было далеко не просто (царём Иудейским пытались стать Иуда Галилейский, Февда (иудей из Египта), Теудас, Бар-Кохба, Симон, Атренч, Иисус: «Не мир пришёл Я принести, но меч»). Разумеется, все бунты (путчи, «Великие» революции, перестройки) были подавлены, их участники казнены, а идейный вдохновитель Иерусалимский храм — снесён с лица палестинской земли.

Когда же левиты наложили мистические события жизни

русского пророка на довольно спорные деяния иудея Христа, то получилось весьма недурненько, хотя многие нестыковки остались; не было никакой звезды (комета Галлея — Чегирь-звезда, по расчетам астрономов, появлялась лишь при рождении Буса; но не Христа), к тому же в персидских источниках сказано и показано, что Ису (Иисуса) не распяли, а повесили. Об этом же говорится и в «Талмуде»: «Накануне пасхи повесили Иисуса. И за 40 дней был объявлен клич, что его должны побить камнями за то, что он занимался колдовством; кто может сказать что-либо в его защиту, пусть придёт и скажет. Но не нашли ничего в его защиту, и его повесили накануне пасхи» («Талмуд», санг, 43 а).

Ложность версии о поклонении волхвов Иисусу доказывается выдержками из славянских Вед: «Шли-брели по свету волшебники и искали младого бога, млада Божича Коляду. Их вела звезда за собою, что в небесной выси сияла и им путь в ночи указала» («Веда Коляды», песнь 2). Эта легенда не евангелиевская, а сугубо славянская, которая постоянно повторяется в древнейших ведических историях. «Ходили по свету 30 царей, 30 королей. Мольбой они молили, как бы достигнуть им края земли, как бы получить Звёздную книгу. Тут на небе над землёю загоралась ясная звезда, ясная звезда — зорница» (С. Н. Веркович, «Веды славян», СПб., 1881, с. 47).

Вообще версия о поклонении каких бы то ни было жрецов чужим богам — абсурд. Вся история религий говорит об обратном. Еврейский пророк Илия уничтожил полтысячи жрецов Ваала (языческого бога), за что Иеговой был вознесён на небо.

С принятием христианства в Римской империи в IV-м веке началось массовое истребление языческих жрецов и захват их имущества (Первая Инквизиция), в результате чего Церковь неслыханно разбогатела, церковные иерархи дрались за высший пост не на жизнь, а на смерть. При выборе епископа Константинополя Македония было убито более трёх тысяч человек. Вот какую «духовность» насаждала Церковь изначально. Так чего ради языческие волхвы вздумали поклоняться еврейскому богу Иисусу? Разве они не были способны предвидеть свою гибель от Церкви? Иудеи написали не только «Библию», но и так называемые «Откровения Александра», где они «цитируют» Македонского: «Если я не одержу победы над иудеями, то слава моя ничего не стоит». Покорив весь мир, Александр Македонский встретил еврейского первосвященника Анания и «упал перед

ним ниц, обняв его ноги, стал целовать их, упрашивая молиться за него», и, конечно же, отвесил хорошего золота в количестве 40 талантов и передал Ананию серебряные и золотые сосуды и множество драгоценных камней».

Что касается волхвов, то они действительно поклонялись ежегодно рождающемуся 24 декабря новому Солнцу — Коляде, ведь русичи и их жрецы — солнцепоклонники. В период зимнего солнцестояния богиня Майя рождает Овсеня (символ уходящего Старого года) и Коляду (символ наступающего Нового года).

Зимние святки у русичей (24 декабря — 6 января) проходят очень ярко, увлекательно, весело, поэтично.

Одной из главной составляющей их являются колядки, посвящённые вновь рождённому Солнцу (Коляде).

А поскольку Мороз Красный нос ещё очень силён, как и прочие злые силы (Чернобог, Кащей), Майя своего новорождённого младенца Коляду в корзинке пустила плыть по Ра-реке прямо в Ирий к Хорсу и Заре-заряница.

Именно туда направляются волхвы с дарами и песнопениями своему Солнцу-богу. Этот же обряд повторяют и колядовщики.

«Мы ходили, мы искали Коляду и нашли его в святом Ирии!». Коляда принимает от волхвов дары и передаёт им «звёздную книгу» и календарь.

Существует немало иных древних источников, из которых левиты черпали своё «вдохновение», в частности, «Песнь о Гильгамеше» (эпос Древнего Междуречья) и этрусские (древнерусские) мифы. Согласно этрусским представлениям, мир был создан в шесть этапов; известен этрусский кораблик из Витулонии, на котором находятся разные животные («каждой твари по паре»); при упадке этрусской цивилизаций от римской агрессии появилась идея о грядущем пришествии на Землю Бога в облике человека (в ведическом язычестве воплощение Всевышнего происходило в среднем раз в тысячелетие — в образах Яра, Ария, Яруны, Ария Оседня, Арианта, Буса Белояра).

С гибелью Буса Белояра осиротела Русь и уже не могла выпутаться из тенёт и силков, ловко расставленных её врагами. Но гено-архетипы не вытравишь, сущность славянскую, возвышенную не убьёшь, вот и ходят байки о загадочной русской душе, а загадки никакой не было и нет, просто суть языческую обозвали христианской, вот и получается нестыковочка на каждом шагу. Недалёк уж тот час, когда русичи услышат глас сак-

рального пророка — седьмого. Он явится в эпоху Водолея, которая уже наступила, он придёт возродить духовно-творческую цивилизацию, условия для этого уже созрели, но прежде всего славянорусам необходимо избавиться от церковного гнёта, что потребует немало усилий и времени, ведь сиономасонский протекторат над Россией никто не собирается упразднять, более того ставка в новом закабалении русичей сделана именно на Церковь, выдавая христианство за исконную веру русичей. Иудобольшевики историю России и россиян пытались писать с 1917-го года, вышибая из памяти народной всё хорошее, что имело место до революции; а иудохристиане — с 988-го года, когда огнём и мечом насильственно окрестили Русь, объявив, что христианство — «исконная вера» русичей.

Вот как вводилась эта «исконная вера»: «Идолы сокруши — деревяннии сожгоша, а камении в реку вергоша и бысть нечестивым печаль велика. Мужи и жены, видивши тое, с воплем великим и слезами, просящее за ня, яко за сущие боги... Тогда тысяцкий новгородний Угоняй, ездя всюду, вопил: «Лучше нам помрети, неж боги наши дати на поругание!». Народ же оноя страны, рассвирепев, дом Добрынин разориша, имение разграбиша, жену и неких сродник его избиша.» (Иоакимовская летопись). Сам князь Владимир (внук раввина, незаконный сын Святослава и ключницы Малуши) только в Моравии уничтожил 10 городов, 500 весей (деревень) за сопротивление крещению. Кстати, и в Болгарии при крещении царём Борисом возникло 10 народных протестных восстаний, которые были жестоко подавлены, а ревнители язычества уничтожены.

Волхвов четвертовали, рубили вдоль и поперёк, сжигали на кострах.

Внук раввина Владимир с помощью дяди Добрана, новгородского воеводы с введением христианства и уничтожением волхвов обрушил ведическое язычество на Руси.

По наущению раввинов, он делает простую двухходовую комбинацию: осуществляет языческую «реформу», по которой вводятся кровавые человеческие жертвы Перуну, а первой — был выбран юноша, именно варяг, именно христианин. Разумеется, гвалт поднялся вселенский, ненависть к язычеству перехлестнула через край, тогда-то и был сделан по России, по её культуре, по русичам самый страшный удар: всё жреческое сословие было уничтожено, все храмы, святилища, идолы разрушены,

все письменные источники сожжены, и это смертоубийство благостно названо «Крещением Руси».

И тем не менее в 1024-м году язычество было восстановлено в Суздале, в 1068-м году был убит епископ Стефан, «свой его холопи удавиша», в 1071-м году в Новгороде появился волхв, «творяся акы бог» и «людие вся идоша за волхва»; пришлось князю Глебу самому подняться на него с топором; в это же время два волхва вернули свою власть на огромном пространстве от Волги до Белоозера. В 1157-м году был изгнан епископ ростовский Нестер. Возрождение язычества приняло такие размеры, что пришлось хвататься не только за топоры, но и разжигать костры и бросать в них волхвов. В лето 6735 (1227 г.) «сожгоша волхвов 4 — творяхут их повторы деюще».

Казалось бы, Церковь окончательно лишается власти на Руси, дни её сочтены, но опыт иудеев по колонизации русских земель был накоплен немалый: сначала тихое купеческое просачивание, в результате чего киевские земли оказались в полной экономической зависимости от них, а после иудейского захвата Хазарского каганата и превращения его в военно-торговый оплот иудейства в Причерноморье, гнёт иудейский достиг апогея, но Святослав в 968-м году не оставил от Хазарии камня на камне: затем «иссечение» иудеев было проведено в 1083-м году Олегом Святославичем в Тмутаракани, в 1113-м году Владимиром Мономахом в Киеве. Вот как описывает «Велесова книга», Священное писание славян, иудейский гнёт на Руси: « В века Трояновы налезли хазары, которые решению веча вопреки заняли земли наши со своими сынами и внуками. Мало им показалось захваченных нагло земель, они начали грабить наши города и веси, и длился этот разбой пятьсот лет, и обернулся он для нас игом хазарским...» Рахдониты пригласили Олега в Киев, чтобы использовать варяжскую дружину для охраны своих торговых путей. В самой Хазарии армия состояла из наёмников, которые после неудачных выступлений уничтожались (в 913-м году было перебито до 30 тысяч, в 944-м — до 20 тысяч).

Беда русичей проявилась в том, что с гибелью Буса Белояра они лишились истинного национального лидера, способного сплотить народ и дать отпор разномастным врагам Руси. Но и стихийные антицерковные выступления способны были избавить Русь от чужеземных правителей.

Понимая, что без посторонней помощи можно потерять русские земли, Церковь идёт на сговор с Золотой ордой, заключая с ней договор (1204-1261 гг.), по которому Русь была разделена между оккупантами на сферы влияния: Богу — богово, кесарю — кесарево при условии абсолютной обоюдной поддержке.

Вот что говорится об этом в «Истории Государства Российского»: «Однимъ изъ достопамятныхъ следствий Татарского господства над Россиею было ещё возвышение нашего духовенства, размножение монаховъ и церковных имений. Политика Ханов, утесняя народ и Князей, покровительствовала Церковь и ея служителей; изъявляла особенное къ нимъ благоволение; ласкала Митрополитовъ и Епископовъ; снисходительно внимала ихъ смиреннымъ молениям... Ханы под смертною казнию запрещали своимъ подданнымъ грабить, тревожить монастыри обогащаемые вкладами, имениемъ движимымъ и недвижимымъ... Владения церковные, свободныя отъ налоговъ Ординскихъ и Княжескихъ, благоденствовали... Народ жаловался на скудость; Иноки богатели. Они занимались и торговлею, увольняемые отъ купеческихъ пошлин...

Весьма не многие из нынешнихъ монастырей Российских были основаны прежде или после Татаръ; все другие остались памятникомъ сего времени» (Н. М. Карамзин. «История Государства Российского» Т. 5, гл. IV, с. 223-224).

Именно благодаря церковно-татарскому сговору, иго на Руси оказалось столь беспощадным и долгим.

Сколько же было пролито крокодиловых слёз, когда церковь сама испытала гонения со стороны большевиков, которые действовали по тому же самому эзотерическому рецепту: «Истребите... разрушьте... сокрушите...сожгите... разбейте... истребите...» («Второзаконие», гл. 12, ст. 2, 3).

Главный документ русской истории — «Повесть временных лет» — это полное извращение жизни славян, поскольку он сочинялся не русичами, а греками, врагами Руси, и даже первоначальный вариант его, написанный Нестором, был уничтожен из-за недостаточно русофобских сентенций, а дошёл сей «исторический документ» в редакции византийского холопа Сильвестра, игумена Выдубецкого монастыря, который после переподчинения церкви от Болгарского патриархата (более терпимого к славянизму) к Константинопольскому вымарал всё, что свидетельствовало о могуществе и дееспособности славян.

При крещении Руси греки не допускали ни малейшей русификация этого процесса: первых святителей Руси Иоанна Тавроскифского и Степана Сурожского, написавших первые церковные книги на русском языке и ратовавших за сохранение русских традиций и культуры, греки выдали хазарским иудеям, которые незамедлительно расправились с ними. Именно по их книгам познакомился с русской письменностью Кирилл, который добавив к русскому алфавиту несколько греческих знаков, предложил так называемую кириллицу, чтобы отсечь новое поколение русичей от исконной славянской рунической письменности («черты и резы»), ведь рунических славянских книг, несмотря на тотальное уничтожение добиблейских культурных источников, оставалось ещё немало. Вот краткий реестр учёного-графолога А. И. Сулакадзева приобретённых им древних книг из библиотеки Анны Ярославны:

1. «Боянов гимн» IV века.

2. «Путник» IV века.

3. «О китоврасе: басни и кощуны» (На буковых досках вырезано и связаны кольцами железными, числом 143 доски, V века на славенском».

4. «Каледник V века дунайца Яловца, писан въ Киеве, о поклонениях Тройским горамъ, о гаданияхъ въ печерахъ и Днепровскихъ порогахъ русалами и кикиморами».

5. Рукопись «Перуна и Велеса вещания в киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим...относящаяся к V или VI веку».

6. «Волховникъ... рукопись VI века Колота Путисила, жившего в Русе граде, въ печере».

7. «Поточник VIII века, жреца Сонцеслава».

8. «Криница, IX века, Чердыня, Олеха вишерца, о переселениях старожилых людей и первой вере».

9. «Патриарси. Вся вырезана на буковых доскахъ числом 45» (Ягипа Гана смерда в Ладоге IX века, о переселенцахъ варяжскихъ и жрецахъ и письменахъ, в Моравию увезено).

10. «Лобъ Адамль, X века; рукоп. смерда Выездилища, о холмахъ новгородскихъ, тризнах Злагора. Коляде вандаловой и окруте Буривоя и Владимира, на коже белой».

11 . «Молнияникъ».

12. «Китоврас».

13. «Пчела» и другие.

Одна из них — «Патриарси» — была обнаружена белогвардейским офицером Теодором Артуровичем Изенбеком в разрушенном гражданской войной имении на Харьковщине — четыре десятка дощечек с руническими знаками, висящими под чертой. Оказалось, что это сборник кощун IV-IX веков — «Велесова книга», Священное писание славян.

Существовало несколько центров ведического знания, в которых создавались славянские летописи, сказания. В Восточной Европе — это Руян на Балтике, Буян на Тамани, Сурож в Причерноморье, святилища Киева Древнего, Новгорода Великого и другие. «Велесову книгу» создал новгородский волхв Ягайло Ган из рода западнославянских (венедо-ободритских) жрецов. Первая публикация «Велесовой книги» появилась в конце 1953-го года в журнале «Жар-птица», издаваемом в Сан-Франциско русскими эмигрантами. Лихачёвцы полвека делали всё, чтобы русичи не познакомились со Священным писанием славян, обгавкивая его самыми последними учёными словами («подделка», «фальшивка» и т. п.), ведь эта книга разоблачала тысячелетнюю ложь и церкви, и романовых, и лихачёвых о праве на протекторат над Россией, над русичами в связи с их темнотой и невежеством, а этот протекторат, этот гнёт был невыносимым: и геноцид, и крепостничество, и обезличивание.

Христианизация Руси вроде бы прошла победно, ведь уничтожена была треть русичей, отказавшихся принимать чуждую веру, поэтому нынешняя олигархическая власть в России снова надеется на помощь Церкви (давно уже прогнившей насквозь). Пусть не тешат себя иллюзиями те, кто снова делает ставку на христианство, присвоившее себе благозвучное название «ПравоСлавие», которое ни к Иегове, ни к Христу не имеет никакого отношения, потому что ПравоСлавие — это ведическое язычество, при котором Славится Путь Прави — путь Правды и Совести. Правь, Явь, Навь — диалектические законы ведизма. Когда христианство называет себя Православием — это мимикрия, подобная волку в овечьей шкуре.

Пусть знают недруги России, что вчерашний день не вернуть, но и день вчерашний лишь внешне был наряжен в христианскую тогу, кипучее сердце язычника никогда не переставало биться в русской груди. Двоеверием было пронизано всё, на христианских храмах изображались языческие символы: грифоны, семарглы, бог-солнце Даждьбог — Дмитриевский собор во

Владимире; на напрестольной сени, призванной демонстрировать христианскую модель мира Козьмы Индикоплова русский мастер Константин в бронзовых арках изобразил языческую модель мира — арки из церкви во Вщиже; христианские иконы в красном углу сельского дома почти всегда обрамлялись ритуальными полотенцами с языческой символикой; женские украшения и одежда сплошь носили языческий характер; то же можно сказать и о деревянной архитектуре, и о предметах сельскохозяйственной деятельности, и о домашней утвари и мебели. Археологи в захоронениях на Руси только в XII- XIII столетиях стали обнаруживать первые нательные крестики, ведь недаром же Церковь неистовствовала: «Не подобает хрестяном игор бесовских играти иже есть плясьба, гульба, песни бесовские и жертва идольская, иже огневи молятся под овином: и Перуну, и Роду, и Рожаницам, и всея иже суть им подобна».

«Проклят всяк, иже кто оставит церковь божию и последует русалиям». «Богомерзостен перед Богом всякий, кто любит геометрию. А се душевные грехи — учиться астрономии и эллинским книгам». Чтобы пригнобить паству попы изобрели ноу-хау с плачущими иконами. В Троицком соборе икона рыдала навзрыд. Узнав об иконе-плаксе, Пётр I заявился в храм лично, сорвал оклад с иконы и обнаружил две ямки с густым деревянным маслом, вытекающим через едва заметные проколотые дырочки в области глаз, через которые от жара близ стоящих свечей и жаркого дыхания толпы верующих проступали «горючие слёзы».

«Приказываю: чтобы отныне богородицы не плакали! — в гневе писал царь. — А если они ещё раз заплачут маслом, то поповские зады заплачут кровью!»

Христианство — искусственная религия, созданная в дополнение иудаизму для достижения иудеями мирового господства, поэтому приходится постоянно ловчить, обманывая паству (овец). Если история Трои полностью подтверждена археологическими раскопками Шлимана, то ни одна из версий иудаизма и христианства не подтверждена ни археологически, ни иными научными методами. У христиан самая великая святость — Туринская плащаница, в которую якобы был завёрнут Христос после снятия с креста, после чего на ней остался «образ Спасителя». Но когда три независимые лаборатории (Англии, Швейцарии, США) сделали углеводородный анализ, то оказа-

лось, что ткань плащаницы была выткана в XIV веке, то есть через чуть ли не полторы тысячи лет после смерти Христа! Поэтому плащаницу (самую великую ложь!) уже никому не показывают.

А вообще — какого чёрта кому-то что-то доказывать, перед кем-то о чём-то отсчитываться!

«Подвергать ослушников наитягчайшим казням: заточать их в тюрьмы, ссылать, бить говяжьими жилами, отрезать носы и уши, вырезать языки, отсекать руки» (Из Соборного Постановления 1666 года).

Церковный гнёт был невыносимым повсеместно. Троице-Сергиев монастырь, например, имел 80 тысяч душ крепостных. Церковь жестоко карала при малейшем ослушании. Вот что писалось о ростовском епископе Фёдоре: «Немилостливый был мучитель, одним головы рубил, другим глаза выжигал и языки резал, иных распинал на стене и мучил немилостливо... женщин варил в котлах, выдумывал казни... рыкал как лев, был величественен как дуб, язык имел чистый, велеречивый; мудрование козненное» (Полное собр. летописей, Т. 11; СПб.; 1843, с. 102). В Средневековье власть Церкви была абсолютной, и хотя это кошмарное время ушло в прошлое, но унесло за собою более 13 миллионов загубленных людских Жизней (в Крестовых походах, в кострах Инквизиции, в пыточных церковных подвалах).

Как только в 1916-1917 гг. обязательность церковных богослужений была отменена, то сразу — в единый миг! — охочих прикладываться к поповским жирным ручкам уменьшилась до 9% (в тринадцать раз!), вот вам и христианская Россия. Как мог целый народ, которого называли буквально «богоносным», всего за год-два отказаться от Церкви, как могли 120 миллионов, исповедующих христианство, позволить комсомольцам разрушать храмы, жечь иконы, расправляться с попами; как мог патриарх, видя всё это, сложив ручки на животе, неоднократно заявлять о нейтралитете?! Успешные антицерковные акции можно объяснить только одним — немощью одряхлевшей Церкви, которая никогда на Руси не была делом добровольным, она привнесена извне, насаждалась сверху огнём и мечом. Нынешние олигархические власти на Руси, отбросив марксизм, как выжатый лимон, ухватились за христианство, как за наливное яблочко. За семь лет появилось более 10 тысяч новых

приходов, количество семинарий возросло с трех до пятидесяти. Восстановлен в пожарном порядке храм Спаса, но вместо центра духобожия он как-то между прочим оказался главной церковной лавкой страны. Но ещё больше средств для церкви поступает от беспошлинной торговли вовсе не богоугодными, а наоборот, богомерзкими товарами...

«Мне привиделся сон в Нави, как изошла огненная молния, и родила она змея кровожадного, а он объял землю, и текла кровь из неё, а змей лакал эту кровь. Но пришёл муж силён и разрубил змея надвое, и стало их — два, разрубил половинки — стало четыре. И возопил муж, обратившись к богам за помощью, и боги явились с небес на белом коне и змея того убили, чего не мог сделать муж, ибо сила змеиная — не людская, а чёрная, а змеи эти — суть враги наши» («Велесова книга», Д. 19).

7. Хронический кризис русской традиционной культуры

Основой любой цивилизации является языковая и традиционная культура, фольклор, орнаменталистика. Великий и могучий русский язык, с одной стороны, хранит в себе наибольшее количество архаизмов, вытекающих из протописьма, то есть является его прямом наследником; с другой стороны, русский язык наиболее продвинутый в своём развитии, что говорит о его глубокой временной истории. Флективный строй с развитой системой окончаний существительных, прилагательных, местоимений, глаголов с многочисленными приставками, суффиксами придаёт русскому языку бесконечную емкость, пластичность, выразительность. Для сравнения можно привести пример английского языка, сформировавшегося искусственно из мешанины немецких слов и латыни относительно совсем недавно в Средневековье. Английский — это аналитический, «машинный» язык, поэтому он и стал основой компьютерной фразеологии.

Традиционная русская культура — кладезь идей и художественных образов, русские мелодии и ритмы — неисчерпаемы. Мировоззрение русичей — солнечное, светлое, оптимистическое. Славянорусский фольклор — Восьмое Чудо Света.

Фольклор — залог постоянно подпитывающей оплодотворяющей силы народной, это не только память о прошлом, а сама суть национальной культуры, её корни. Чем древнее корни, тем могучее древо народное. В фольклоре — совесть народная, миросозерцание, этика и эстетический вкус, практическая мудрость и философия. Фольклор вытекает из языческих обрядов и мифов, а вместе они составляют историческую, архетипическую сущность народа, связь поколений, организуя трудовую, социальную и личную жизнь каждого человека, поэтому без фольклора, без народной традиционной культуры ни о каком возрождении говорить не приходится. Именно в кризисные, самые тяжёлые для России дни, в новую эпоху смуты у русичей сработал инстинкт самосохранения, и они вспомнили о своих языческих истоках и потянулись всеми мыслями, всей душой к ведизму, к своему Беловодью.

С чего начинается Родина? С дома, где ты родился, где вырос; с места, где работаешь; с песни, которая должна звучать с колыбели и всю жизнь. Народные песни охраняют от «порчи»,

делают всех чище, здоровее. Общеславянские песни ещё не забыты, ещё способны оживить архетипические струны славянской души и всколыхнуть генетическую память о былом могуществе и возбудить веру в свою столь же высокую миссию в будущем.

Наши предки-непоседы обжили полмира в поисках Беловодья, страны блаженных, здоровых, счастливых людей. Они оставили после себя в наследство тайну этой удивительной страны, о которой не уставая слагали легенды и песни на протяжении многих тысячелетий.

Славянорусы — рослые, могучие, голубоглазые блондины — прямые потомки гиперборейцев, создавших самую северную цивилизацию на Земле, именно поэтому и современные русские сотворили мировое чудо, ведь ни у одного народа в мире нет заполярных городов, типа Архангельска, Норильска, Якутска, Магадана. Чем не Гиперборея?

А разве Белое море с Кольским полуостровом ничего не говорит русскому сердцу? Кольский — от Коло (Солнце) — Солнечный. Слово «белый» тоже связано с Солнцем (светлое). Беловодье — Солнечная страна. Кольский полуостров, Новая Земля, Соловецкие острова, остров Белый в устье Обской губы — это, безусловно, уцелевшие земли затонувшей в X тысячелетии до н.э. Гипербореи, о которой имеются многочисленные свидетельства. «Словен и Рус обладали северными землями по всему Поморью, и до реки Оби и до устья Беловодной воды, и эта вода бела, как молоко...»

«Поселенцы живут в глубине океана-моря, место называется Беловодье, и озеров много, и семьдесят островов. Остров есть по 600 верст, и между их горы. А проход их был от Зосима Савватия соловецким кораблями через Ледское море» (Мазуринский летописец).

В индусском эпосе «Рамаяна» так описывается эта страна, обитатели которой принесли в Индию славянорусские писания — Веды: «Здесь находится великий Белый остров (Шветадвипа) вблизи Млечного океана (Кширода), где обитают великие могучие люди, прекрасные, как лунный свет. Они стройны и плечисты, наделены великой как физической, так и духовной силой, и голос их подобен грому» («Рамаяна»).

Не сомневался в нашей прародине и великий Нострадамус, называя славянорусов «народом гиперборейским», то есть

живущим за северным ветром, бореем, боурем, бурей (отсюда Боря, Борислав, Боримир и даже Сивка-бурка (бурька), Буря-богатырь. А в какой русской сказке не говорится о Ледяном граде, Хрустальном дворце и прочей северной атрибутике, и о Леде-ледянке — Снегурочке? Гиперборее, которая в русских сказках именуется Подсолнечным царством, характерна крылатость; а разве сама Русь не называлась издревле Лебедией? Финист Ясный Сокол, Жар-птица, царевна Лебедь — излюбленные образы славянского фольклора.

А. С. Пушкин достиг вершины русской культуры не без помощи Арины Родионовны, сумевшей привить ему знание, понимание и любовь к народным традициям, благодаря чему он стал одинаково велик и в традиционном творчестве, и в персональном, и в элитном (Лермонтов, обладая не меньшим талантом, но не познав фольклора, не смог внести вклад в традиционную русскую культуру).

Сказки Пушкина — это не только величайшее поэтическое мастерство, но и глубочайшая народная мудрость. Образ царевны, созданный им, незабываем, неизгладим; это есть истинная русская краса-девица, это есть сама Россия.

«Вот идёт молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвесть;
Днём свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
а как речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво.

Увы, «гений чистой красоты» нынче испохаблен и низведён до образа «вавилонской блудницы» с задранным подолом; всё, к чему бы ни прикоснулись жирные пальцы олигархов, теряет свою чистоту и святость.

С иудодемократической перестройкой в 1991-м году , инспи-

рированной западно-американским сиономасонством, традиционная российская культура была полностью обрушена, поскольку без подавления национальной культуры, без навязывания космополитизма утвердить мировое господство невозможно. На разрушение СССР с 1985-го по 1992-ой год было «вбухано» 90 миллиардов долларов. Только на технический шпионаж (40 спутников, станции слежения, самолёты-разведчики типа У-2 и т. п.) ежегодно тратилось 20 миллиардов долларов.

Против СССР работало 400 шпионских центров, в год на подготовку агентов выделялось 85 миллионов долларов, под «глубоким прикрытием» ЦРУ работало более трёх тысяч человек (сотрудники благотворительных, религиозных, коммерческих, студенческих организаций). Особенно активно подрывная работа велась в Прибалтике, на Украине, на Кавказе, в Средней Азии, в Туве, в Татарии, в Башкирии, где развернули лихорадочную деятельность легионеры так называемого «Корпуса Мира». Огромное значение придавалось диссидентам, которые действовали нагло и вызывающе, потому что каждому в случае высылки из страны гарантировано было жильё в США и семь тысяч долларов как политическому беженцу.

Разве проиграли в чём-либо высланные из СССР Бродский, Солженицын, Ростропович и другие?

«Психологическая война — чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа, она подорвёт его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране» (директива США). «Перестройка» вряд ли была бы возможна без предательства Горбачёва, который прошёл «смотрины» у Маргарет Тэтчер. С благословения Великой Ложи Англии новоиспечённый иуда сразу же по возвращению в СССР занимает «случайно» освободившееся место Генерального секретаря КПСС при «случайном» отсутствии основных соперников — Романова, которого оставили в неведеньи, и Щербицкого, которого не выпустили из США.

Горбачёвская «перестройка» началась с его инициативы в ООН об отмене резолюции Генеральной Ассамблеи от 1975-го года, осуждающей сионизм как разновидность расизма; далее — с насаждения по всей стране сионистских групп «Бнай Брит (Сыны Завета)», которые, бурно размножаясь, сцементировали Пятую колонну, а Горбачёв получил свои «тридцать серебрени-

ков» — премию Давида. Заместитель генерального прокурора СССР В. Илюхин возбудил против Горбачёва уголовное дело по статье: измена Родине.

Откуда пришла «перестройка» и «демократизация», и кто руководил разрушением СССР и России, свидетельствует выступление американского президента на совещании начальников штабов армии США.

«Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачёва и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием: мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать.

Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 миллиардов долларов, сотни тонн золота, драгоценных камней и так далее.

Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тысяч тонн меди, почти 50 тысяч тонн алюминия, две тысячи тонн цезия, бериллия, стронция и так далее.

В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций. И напрасно. Расшатав идеологически СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Наша цель и задача — и в дальнейшем оказывать помощь всем, кто хочет видеть в нас образец западной свободы и демократии.

Когда в начале 1991 года работники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов 50 миллионов долларов, а затем ещё такие же суммы, многие из политиков, военных не верили в успех дела. Теперь же, про прошествии четырёх лет, видно: планы наши начали реализовываться.

Однако это не значит, что нам не над чем думать. В России,

стране, где ещё не достаточно сильно влияние США, необходимо решать одновременно несколько задач: всячески стараться не допускать к власти коммунистов. При помощи наших друзей создать такие предпосылки, чтобы в парламентской гонке были поставлены все мыслимые и немыслимые препоны для левых партий.

Особенное внимание уделить президентским выборам. Нынешнее руководство страны нас устраивает во всех отношениях. И потому нельзя скупиться на расходы. Они принесут свои положительные результаты. Обеспечив занятие Ельциным поста президента на второй срок, мы тем самым создадим полигон, из которого уже никогда не уйдём.

Для решения двух важных политических моментов необходимо сделать так, чтобы из президентского окружения Ельцина ушли те, кто скомпрометировал себя. И даже незначительное «полевение» нынешнего президента не означает для нас поражения. Это будет лишь ловким политическим трюком. Цель оправдывает средства.

Если нами будут решены эти две задачи, то в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем:

— расчленение России на мелкие государства путём межрегиональных войн, подобным тем, что были организованы нами в Югославии:

— окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии;

— установление режимов в оторвавшихся от России республик, нужных нам;

Да, мы позволим России быть державой, но империей будет только одна страна — США» (Выступление Клинтона на совещании начальников штабов армии США 5 октября 1993 года).

Перед перестроечниками-иудодемократами стоял план: «На территории СССР предстоит разжечь 12 крупных межнациональных конфликтов, в результате которых за 25-30 лет от голода должно погибнуть 90 миллионов человек, от эпидемии — 50 миллионов, армия должна потерять до миллиона солдат, число беженцев должно превысить 22 миллиона...»

Как видно, планы у иудодемократов оказались ещё более грандиозные, чем у иудобольшевиков.

Если почитать и Троцкого, и Ленина, то появляется чувство кровной сродственности между большевиками и демократами,

что не удивительно, ведь все они служили единому хозяину — сиономасонству.

На стыке 1897-1898-х годов были образованы три партии: сионистская, Бунд и РСДРП, имевшие единое руководство, единое материальное обеспечение; и все они — три полка единой дивизии — оказались в России для организации революции. «Революция — это применение конституции масонских лож к обществу» (Папюс, масон высочайшей степени). На обычном языке это — война и хаос, буза и террор, вооружённый захват деморализованной власти и физическое устранение противников.

«Мы должны превратить Россию в пустыню, населённую белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, не белая, а красная. В буквальном смысле слова красная, ибо мы прольём такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами. Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках её укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть.

Путём террора, кровавых бань мы доведём русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния...

А пока наши юноши в кожаных куртках — сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы умеют ненавидеть всё русское! С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию — офицеров, академиков, писателей...» (Троцкий).

Разве Троцкий не цитировал Энгельса? «Всеобщая война, которая разразится, разбродит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до имени включительно. Да, ближайшая всемирная война сотрёт с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом. Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Мы знаем, что нам сделать: истребительная война и безудержный террор» (Энгельс).

А разве Энгельс не цитировал Библию? «Знай же нынче, что Господь твой (Израилев) идёт перед тобою, как огонь поядающий; Он будет истреблять их и низлагать их перед тобою, и ты изгонишь их, и погубишь их скоро, как говорил тебе Господь» («Второзаконие», гл. 9, ст.3).

Наиболее талантливо, то есть кратко, сионистскую идею сформулировал вождь русских (вернее антирусских) революций Ленин: «Пусть 90% русского народа будет уничтожено, лишь бы 10% дожили до мировой революции, которые будут жить так, как мы им прикажем».

Именно Ленин первый соединил массовую пропаганду и агитацию с массовым террором, в результате чего в период с 1905-го по 1917-ый годы революционерами, «борцами за светлое будущее России» было уничтожено более 32-х тысяч человек, а после Октября сионисты погубили ещё 50 миллионов человек. У истока геноцида русского народа стояли иудобольшевики: Троцкий (Бронштейн), Парвус (Гельфанд), Ленин (Бланк), Свердлов (Янкель Мойшевич), Урицкий (Радомыльский), Каменев (Розенфельд), Зиновьев (Апфельбаум), Петерс, Дзержинский (Руфинов), Менжинский, Каганович, Ягода (Гершель Егуда), Ярославский (Губельман), Закс, Мехлис и др.

На всех уровнях государственных, политических, общественных структур сиономасонское большинство доходило до 70-90%, что являлось просто до неприличия подавляющим, но отложенные сиономасонами «роковые яйца» в органы советской власти оказались обоюдоядовитыми. В ладно сработанный и обкатанный конвейер смерти угодили и его устроители, сначала троцкисты, потом бухаринцы, зиновьевцы, рыковцы и т.д.

«Войдя в силу», Сталин «вырезал» почти всю троцкистско-ленинскую гвардию — более 800 тысяч человек. В результате присутствие иудобольшевиков в эшелонах власти сократилось до 10%. Более того был установлен порядок представительства русских во всех органах: только русскими могли стать командиры военных округов, начальники гарнизонов и пограничных отрядов, министры МГБ и МВД республик, руководители железных дорог, воздушных линий, министерств связи, директора предприятий союзного значения; в партийных органах и в правительствах советских республик первые замы должны были быть русские.

Чем руководствовался Сталин, истребляя иудобольшевиков и давая полный карт-бланш русскому народу? Во всяком случае, в какой-то степени об этом можно судить из его речи на кремлёвском приёме 24 мая 1945-го года: «Я поднимаю тост за здоровье Русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье Русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение... «За здоровье Русского народа!»

И это были не только слова. В этот период в Советском Союзе велась широкоохватная национальная культурная политика на основе традиционной культуры. Хоры в каждой школе, на каждом предприятии; смотры художественной самодеятельности — на всех уровнях на постоянной основе, не говоря уже о праздничных датах. Настоящей гордостью советской культуры были многочисленные самодеятельные и государственные ансамбли песни и танца, в том числе такие, как ансамбль Игоря Моисеева, хор Пятницкого, Воронежский хор, Кубанский, ансамбль «Берёзка», которым не было равных в мире, не говоря уже о классическом искусстве. Параллельно Советский Союз имел огромные достижения в спорте. Кульминацией духовных достижений в СССР было мощное движение по созданию культурно-спортивных комплексов, способных вовлечь в свою орбиту фактически большинство населения, особенно молодёжь.

Говоря о хорошем, нужно не забывать и о лагерях (но разве не было плана Даллеса по разложению СССР, по активизации диссидентства, всей Пятой колонны?); о жёсткой идеологизации всех сторон жизни (но разве не отрабатывали рьяно свои иудины гонорары 80% мировых СМИ?); о тоталитаризме (но разве он не пришёл в Россию с революционным беспределом, с криминальной властью иудобольшевиков?).

Да, всё это было, но разве не предпринимались серьёзные попытки реформации не только в обществе, прежде всего со стороны творческих работников, но и в самой партии. Различные партийные и общественные группы по-разному видели пути выхода из кризиса. Идеологическая комиссия ЦК КПСС в конце концов опубликовала тезисы культурной политики партии.

На первое место КПСС выдвигала культурные задачи, без решения которых невозможны социально-экономические и политические преобразования. «Авторитарно-бюрократическая система стремилась к тотальному подчинению культуры своим интересам, создала мощный механизм беспощадного административного контроля за всей духовной жизнью в стране, преступно уничтожала, морально подавляла, сажала в тюрьмы и высылала за границу «неугодную» интеллигенцию. Образование, литература и искусство, наука «упрощались» до уровня и качества, необходимых для того, чтобы служить инструментом волюнтаристской политики. Бюрократия изобрела «остаточный подход» к финансированию культуры, и как его следствие — «голодный паёк», на котором содержалась духовная жизнь, чтобы интеллигенция, все культурные силы постоянно зависели от власти и не имели возможности вырваться из её узды. Всё это не могло не привести к драматическому кризису культуры, бескультурью значительной части населения, культурной отсталости страны» (Культурная политика КПСС в современных условиях. Тезисы Идеологической комиссии ЦК КПСС. Газ. «Советская культура», 30/6-90 г.).

В связи с этим была выдвинута новая концепция развития культуры, которая включала в себя приоритет общечеловеческих духовных ценностей, возвращение в духовную жизнь страны культурного наследия во всём объёме, уважение и поощрение самобытности и равноправия всех культур, обеспечение для каждого человека свободного выбора культурных ценностей и видов культурной деятельности, свобода творчества, соревновательное развитие различных потоков, стилей, школ, методов в литературе и искусстве, гуманитарных науках, открытость всем гуманистическим идеям прошлого и современности, ликвидация монополии государства и ведомств, организаций и учреждений для свободной культурной деятельности, развитие международных культурных связей.

Необходим новый статус культуры, чтобы изменить стратегию культурного строительства, повысить статус деятелей культуры, чтобы обеспечить их независимость.

«В числе стратегических ошибок в культурной политике — отношение к народу как объекту «культурного обслуживания», а не субъекту культурной самодеятельности. Это создало почву для бюрократизации деятельности органов и учреждений

культуры, оторвавшихся от реальных культурных потребностей широких слоев населения и никак не зависящих от «спроса» снизу» (там же).

В культуре накопилось немало противоречий.

«С одной стороны, духовная жизнь общества бурно обогащается ранее запретными произведениями литературы и искусства, научными трудами, свободными дискуссиями в средствах массовой информации, возрождением национальных культурных традиций, расширением участия в культуре церкви, активизацией международных культурных обменов и т. п.

С другой — заметно снижается доля национального фонда свободного времени, расходуемого населением на культурную деятельность, значительно падает посещаемость театров, филармоний, кинотеатров, музеев, библиотек, клубов, распадается массовая художественная самодеятельность, в молодёжной среде процветает антикультура; из-за низкого уровня оплаты труда и социальной незащищённости из сферы культуры уходят кадры, их профессиональный уровень в целом всё заметнее снижается. Налицо, выражаясь языком социологов, тенденция к декультурации жизни значительной части советских людей» (там же).

Заслуживает поддержки поэтапное формирование в СССР общественно-государственной системы организации и управления культурной жизнью с конкурсной системой подбора кадров, с выборным представительством творческой интеллигенции. Нельзя не согласиться с вышеприведёнными принципами культурного строительства, но чем и как подкрепить их?

С технической революцией в XX веке происходит бурное развитие потребительства в культуре, искусство всё более и более подчиняется большому бизнесу. Создана целая индустрия массовой культуры, приносящая миллиардные прибыли. Уже не талант, а сенсация и реклама создают суперзвёзд, не творческие открытия, а интимности личной жизни их подчёркивают психопатический ажиотаж вокруг «вождей» до тех пор, пока они приносят доход. Идёт тотальное наступление эрзац-культуры по всем континентам, подминаются национальные культурные традиции, на эстраде и в эфире царит электронная музыка, заглушая своими децибелами мысли, парализуя волю, возбуждая инстинкты. Стандартная продукция вырабатывает у людей низкопробность, неразборчивость, убожество. Голый чистоган,

бездуховность, эпатаж, негативизм, психоз — всё, что угодно, но только не возвеличивание человека, не стремление к идеалу, не служение народу и отечеству.

Понимая всё это, во многих странах пытаются всемерно поддержать национальную культуру, повысить интерес к искусству классическому. В Японии, например, систематически проводятся стажировки по овладению культурными ценностями во всех видах искусства и не только руководящих кадров, но и всех работников японских фирм: изучается классическая музыка и литература, изобразительное искусство, архитектура, народное творчество, социологические науки, экономика, геополитика, ведь человек, впитывая всё лучшее, что создано человечеством, становится более требовательным к себе и своим делам. Не в этом ли заложен секрет «японского экономического чуда»?

Человек в мире культуры выступает и как субъект и как результат своей деятельности. Человеку в жизни труднее всего даётся культура, и не потому даже, что это самый трудоёмкий бесконечный труд, а потому, что культура — это прежде всего ограничение своих инстинктов, приведение своих интересов и запросов в соответствие с интересами и запросами общества. Вот почему потребительство не может стимулировать глубинное постижение культуры, потребительство рассчитано на безудержное стимулирование инстинктивной жизни. Или самоограничение, или погоня за максимальным удовлетворением своих потребностей, но последнее приводит не только к бездуховности, но и к вырождению как отдельной личности, так и всего общества в целом, и даже всей цивилизации, ведь уже сейчас существует реальная угроза её существованию и от ядерного самоуничтожения, и от экологического апокалипсиса, связанного с хищнической эксплуатацией земли, чтобы максимально удовлетворить свои неумеренные аппетиты. Но если не гнаться за постоянно растущими потребностями, то чем заполнить свою жизнедеятельность? Человечество знает лишь один путь, предотвращающий от вырождения — нравственный, путь духовного возрождения, постоянного самосовершенствования. Именно на этом пути возможно освобождение от засилия массовой культуры и психологии потребительства.

Наиболее духовной нацией, исповедующей путь Прави — Правды и Совести, являются славянорусы, носители ведического язычества, которое в III-II тысячелетиях до н.э. доминировало

почти повсеместно. И хотя на сегодняшний день язычество дискредитировано Церковью, которая называет его «поганством», идеи ведического язычества потенциально очень сильны. За последние десятилетия ведических книг издано — горы! Наш оптимизм и вера в славное будущее России опирается на понимание законов циклического развития человечества. Идеи и события периодически повторяются, в какой-то степени это связано с лунно-солнечным циклом, который совпадает через каждые 532 года; есть и другие циклы, влияющие на ход мировой эволюции.

Что касается конкретно русской истории, то прежде всего бросаются в глаза параллели годов правления Ивана Грозного и Сталина, Бориса Годунова и Бориса Ельцина; повторяются Смутные времена, похожие и в том, и в другом случае, и Лжедмитриевство в обоих случаях, и выход через Земский Собор в первом случае, и который должен в какой-то форме повториться вновь.

Водить народ за нос, вешать ему лапшу на уши в век Интернета вряд ли долго удастся нынешним «новым русским».

Первое положение биосоционики гласит: «Вектор человеческой эволюции направлен от человека-зверя к Богочеловеку, т. е. к накоплению удельного веса духовности». Идеи материализуются рано или поздно. Задача настоящего дня — вооружаться идеей духовно-творческой цивилизации на основе русской соборности и социализма.

8. Первоочередные задачи традиционной культуры

Без общечеловеческих ценностей, без национальных традиций, без народной основы культурное развитие невозможно. Если говорить о самых великих потерях, то в нашей стране они происходят на этапе детского развития и воспитания, в том числе и эстетического.

Упущенного не вернёшь, но нельзя терять последующие поколения. Нужна иная система детского воспитания, именно воспитания, не обучения (не дрессировки), нужна система эстетического воспитания, основанная на традиционной национальной культуре. Теоретической предпосылкой такой системы могут служить положения, при которых акцентируется, что развитие отдельной личности в целом повторяет этапы развития всего человечества (онтогенез повторяет филогенез), когда первым включается физическое развитие, потом морально-нравстенное и интеллектуальное, т.е., образно говоря, в самом начале жизни и развития личности имеет место «раздельный старт» формирования физического, духовного, интеллектуального, после чего все эти три компонента развиваются параллельно.

Основополагающим также является понятие о диалектическом развитии человеческой культуры, включающем три этапа: синкретический, дифференциации и обобщения, т. е. на первом этапе развития человечества не происходит разделения физической и духовной деятельности, из культуры не вычленяются отдельные элементы её; на втором этапе идёт дифференциация человеческой деятельности, формируются отдельные профессии и специальности; на следующем этапе происходит синтез предыдущих накоплений в знаниях и навыках на более высоком качественном уровне. Соответственно должно проходить и воспитание детей. На первом этапе, носящем выраженный коллективистский характер, дети должны получать основы эстетического воспитания, исходящего из частушечно-плясового жанра, орнаменталистики и обрядовой культуры, кроме того максимально должны нагружаться физически. Таким образом, дети вбирают основы национальной культуры на уроках, носящих характер драматического действа: рисуют, поют, пляшут, участвуют в драматических играх. Фольклор прививает вкус к родному языку, обогащает его развитие у детей, чему способ-

ствует чтение, индивидуальное и групповое, а также собственное творчество.

Нами предложена программа эстетического воспитания детей, основанная на традиционной национальной культуре, представляющая собой семь театрализованных сценариев: «Мой дом», «Наш дом», «Во саду ли в огороде», «Далеко от дома», «Кто где живёт», «В гостях у сказки», «Свадебный обряд» (детский вариант). Например, в программе «Мой дом» рассказывается об основных элементах человеческого жилища. Строительство дома — ритуал. Каждое окно в нём — не только окно как таковое, глядящее в мир, но и глазок вовнутрь жилища. И окно, и весь дом обрамлялись резьбой с вечными символами солнца, влаги, плодородия. Дом человеческий — отражение картины, с одной стороны, макрокосма, с другой — микрокосма; одновременно он походит и на Вселенную, и на человека. Такой взгляд сложился у людей в бронзовом веке и не очень изменился в последующие тысячелетия. Внутри дома самым священным местом была печь. Возле печи давали клятвы, в ней прятали молочные зубы детей, пуповины новорождённых. В подпечье обитал домовой. Кроме печи и матицы, имелась ещё одна святость — передний угол, который испокон веков назывался красным, где в языческие времена находились идолы, в христианские — иконы, обрамлённые ритуальными языческими полотенцами.

Код национального сознания — орнамент (знаки-символы). Орнаментом освящалось всё: и посуда, и различные предметы быта, и орудия труда. Стул хозяина (князя) украшался с особой тщательностью символами неба, солнца, воды, плодородия. На сундуках и коробах — солнечные знаки, символы плодородия и богатства, на горшках у горловины — волнистые линии, чтобы не оскудевали содержимым. Через посуду легче проникнуть злым силам, поэтому именно посуда нуждалась в охранительной символике больше всего, росписная посуда — не блажь, а защита здоровья и благополучия семьи. Ковши, ендовы — это птицы, кони, а в прялке заключён был весь Космос. Даже на колыбели изображалось солнышко, но не дневное, а ночное.

Не всё в доме почиталось — ухват, кочерга, помело имели дурную славу, поскольку ими пользовалась и нечистая сила. Баня тоже считалась местом не чистым, обитателей загробного

мира ублажали именно здесь. А вот в хлеву и овине, где имелась печь для сушки снопов, молиться скотьему богу Велесу было в аккурат.

После знакомства с человеческим жилищем и основных его частей, а также со знаками-символами (орнаментом) детям даётся задание нарисовать свой дом, после чего выбирается лучший. Для иллюстрации играется сказка о трёх поросятах, построивших себе домики из разного материала, о волке, чуть не съевшем нерадивых работничков, о надёжности добротного строения, ведь дом это ещё и крепость. Все дети без исключения принимают участие в таких играх с восторгом. Особенно эмоционально проходит та часть, когда волк преследует поросят (бегают вокруг столов или преодолевают иные препятствия); сконфуженный неудачей волк в конце концов удаляется не солоно хлебамши, а обрадованные своим спасением поросята, напевая частушки, пляшут вместе с другими ребятами буквально до упаду.

Не менее интересно проходит и следующая программа — «Наш дом», когда дети строят сообща дом, признанный накануне лучшим. Готовясь к занятиям, дети собирают у родителей, у своих взрослых знакомых пословицы, загадки, частушки о доме, построив который на уроке, они хороводят и поют. а потом, разделившись на хозяев и гостей, учатся гостеприимству, чаёвничают. Очень важно, чтобы «хозяюшка» и «хозяин» имели соответствующие костюмы, да и гости тоже, ведь национальный костюм предопределяет и поведение, и манеру держаться.

В программе «Во саду ли в огороде» дети рисуют любимые овощи, фрукты, получают необходимые сведения о них, «садят», «убирают урожай», «тянут репку», поют и танцуют «Калинку», угощаются овощами и фруктами.

Наши программы эстетического воспитания детей — матрицы, на основе которых можно бесконечно варьировать материал на соответствующую тематику. Они и в самом деле очень интересны и эмоциональны, потому что «работают» в русле архетипического сознания, а это наиболее действенный инструмент воспитания национального характера. Все кавказские дети проходят воспитание «лезгинкой». В современном Китае в эру интернета Национальная китайская опера (одно из самых узкотрадиционных искусств) стала обязательной школьной программой.

На раннем этапе развития дети не компьютером должны заниматься, ведь все эти игралки, страшилки извращают детское развитие, делают из них роботов без души и сердца. Картинка: подросток часами увлечён компьютерными играми, мать уже неоднократно пробовала его остановить; наконец, не выдержав она выключает компьютер; сын отбрасывает мать, хватает попавшийся под руку топор, отрубает матери голову и снова садится за компьютер. Подобные примеры не единичны.

Как уже говорилось, развитие ребёнка должно повторять развитие всего человечества (онтогенез повторяет филогенез). Основа развития — физические нагрузки, которые являются фундаментом развития и внутренних органов (сердца, легких), и нервной системы. Второй этап развития ребёнка — это эмоционально-волевые нагрузки, которые формируют правое полушарие головного мозга и внутренний чувственный мир (душевность, привязанность).

Третий этап — развитие левого полушария головного мозга, который в филогенезе появился в последнюю очередь, поэтому и в онтогенезе не должен опережать физическое и эмоциональное развитие. Многие тщеславные родители спешат из своих любимых чад сделать вундеркиндов. Чаще всего это кончается плачевно — без крепкого физического и эмоционально-волевого основания организм не способен функционировать эффективно.

Чем старше дети, тем больший удельный вес должны занимать физические нагрузки, носящие состязательный характер в виде элементов спортивных игр и легкоатлетических упражнений: выработка стойкости, физической и моральной выносливости, джентельменства и благородства. Спорт и искусство способны объединять людей, как футбол в Бразилии, как опера в Италии, и эту традиционность в спорте, в искусстве нужно культивировать, развивать.

И снова примером может служить Китай, который спорт сделал не только массовым, но и культовым, поэтому не удивительно, что Олимпийские игры в Пекине стали триумфом китайского спорта; но в Китае с не меньшим размахом идёт культурное наступление: роялей закуплено здесь больше, чем во всем остальном мире, поставлена цель — довести количество пианистов до 50-ти миллионов!

Подростки должны знать, что у каждого имеются свои шансы «выбиться в люди», если не в бизнесе, то или в спорте, или в искусстве, или в творчестве. Каждая школа обязана иметь футбольные, хоккейные команды, шахматные клубы, музыкальные, танцевальные, драматические коллективы (прежде всего народные хоры и фольклорные театры), поскольку в школах должно проводиться не столько обучение, сколько воспитание (обучение — насилие, воспитание — любовь). Задача взрослых на всех этапах развития ребёнка — сформировать саморазвивающуюся личность, помочь адаптироваться ко взрослой жизни, научить работать с книгой самостоятельно, овладеть трудовыми навыками, познакомить с профессиями через ролевые игры.

Школа должна быть вовлечена в систему производственного процесса и получать деньги за общественно-полезную деятельность: бригады по сбору вторсырья (макулатура, стекло, пластмассы и пр.) — младшие классы; бригады по бытовому обслуживанию населения — средние классы; производственные бригады (ремонт бытовой техники, электроники и пр.), различные мастерские (столярные, слесарные, художественные, прикладного искусства и др.) — старшие классы. Это и есть физика, химия, математика, естествознание. Ни одна кошка не учит котят ловить мышей по книжкам.

Беседовать с людьми, помогать им, выращивать овощи и готовить пищу, присматривать за детьми и стариками, убирать в квартире; чинить, шить, мастерить взаправдашние вещи, получая плату — только так можно привязать подрастающее поколение к полноценной жизни, выработать у подростков чувство собственного достоинства, статус гражданина, иначе они закономерно превращаются в «недорослей», прихлебателей, а затем и в рэкетиров. Детский труд — не позор, а единственный путь здорового развития личности. Позор — до 25 лет и выше находиться на иждивении родителей и государства. Труд — наказание, если не познал радости его с детства. Наверное, из добрых побуждений собрали в интернаты детей северных народностей и обучали их всяким премудростям в течение одиннадцати лет, а олешек уже пасти некому. Развитие индивида обусловлено гено-фено-архетипом, а вся его жизнь является продолжением жизни его родителей, его предков; перенеси его на другую почву , поставь на другие рельсы — всё рушится,

рушится не только изнутри , но и снаружи: и мироощущение, и самосознание, и шкала жизненных ценностей. Не всякая цивилизация способна выстоять в соприкосновении с другой.

Таким образом, развитие ребёнка должно начинаться в рамках этнических архетипов, то есть в русле традиционной национальной культуры, следовательно, и эстетическое воспитание детей должно проходить на основе фольклора, а не «мойдодыров» и «айболитов». Фольклор — это песни, плачи, заклички, частушки, танцы, пляски, хороводы, заговоры, пословицы, поговорки, анекдоты, были, небывальщины, игры, детские потешки и тому подобное. Сюда же относятся различные формы народного прикладного творчества: вышивание, плетение, резьба по дереву и камню и многое другое. Фольклор — залог постоянно подпитывающей оплодотворяющей силы народной, это не только память о прошлом, а сама суть — корни национальной культуры. Чем древнее корни, тем могучее древо народное. В фольклоре — совесть нации, мировоззрение, этика и эстетический вкус, практическая мудрость и философия. Фольклор у славянорусов вытекает из языческих обрядов, а вместе они составляют историческую память народа, связь поколений, организуя трудовую, социальную и личную жизнь каждого человека.

Будущее России — в её прошлом. Сохраним наше прошлое, нашу традиционную культуру — обеспечим возрождение России, её великой ведической культуры, на основе которой наступит эра новой духовно-творческой цивилизации.

Культурно-исторический очерк

1. Истоки театра

По способу отображения действительности слово либо изображает предметный мир, либо выражает состояние говорящего, либо воспроизводит процесс общения, в связи с чем в литературном творчестве различают эпос, охватывающий бытие в его пластической объёмности, пространственно-временной протяжённости и событийной насыщенности; лирику, запечатляющую внутренний мир личности; драму, фиксирующую речевые акты в их эмоционально-волевой устремлённости и социально-психологической характерности.

Слово «драма» обозначает — действие (перевод с греческого). Драматическое искусство — это такой род искусства, специфическим средством которого является сценическое действие, возникающее в процессе игры актёра перед публикой.

Драматическое искусство как род литературы включает в себя множество жанров: трагедия, комедия, мистерия, драма, фарс, водевиль и т.д., а из музыкальных жанров — опера, балет, оперетта, мюзикл и др.

Театр, как и все виды искусства, является формой общественного сознания, вытекающей из жизни народа, из его национальной истории и культуры. В основе драматического спектакля лежит борьба характеров, раскрытие общественных и психологических конфликтов, влияющих на жизнь людей. Специфика драматургических произведений требует эмоционально-духовного единения актёров и зрителей, наличие общих интересов творцов спектакля и публики.

Театр всегда имел огромное значение в духовной жизни народа. Расцвет или упадок театра, развитие в нём различных направлений, идей, его место в социальной структуре общества и характер его связей с современностью обусловлены социальной жизнью народа, его духовными запросами. Известны периоды в истории различных народов, когда роль театра, профессиональ-

ного и народного, многократно возрастала. Художественного подъёма театр достигал обычно тогда, когда он, проникаясь передовыми идеями эпохи, начинал бороться за гуманистические идеалы, проявляя при этом высокую художественность, духовность, оптимизм. Народные формы его, несмотря на тяжкие перипетии судьбы, всегда имели опору в народе, были любимы им, потому что отстаивали интересы простых людей, вольнолюбивый дух, веселье, сатиру, неугасимый задор и жизнелюбие.

Древнейшие трудовые, бытовые, семейные обряды лежат в основе всех форм театрализации и народных празднеств, являясь отражением общественного бытия, экономической и социальной жизни народа. Обряды — неотъемлемая часть духовной культуры любого народа. Любой вид искусства зарождался в недрах трудового процесса. Трудовые песни являлись составной частью самого производства, помогали объединять усилия, ритмизировать труд («Эх, дубинушка, ухнем»), сопровождать длительные монотонные работы, чтобы снять утомление (посиделочные песни).

В стремлении познать природу и воздействовать на неё древние люди создавали магические обряды, заговоры. Изготовив чучело медведя и приноравливаясь метко попадать в него из лука, древние охотники таким образом обеспечивали себе удачу в охоте. Впоследствии создавались изображения интересуемых объектов, того же медведя, например. Так создавался культ. Медвежий культ трансформировался в божество. У славян Велес (Волос) — бог-покровитель скота, добра, торговли.

С развитием религии звероподобные божества постепенно становились антропоморфными. Чем сложнее становились обряды, тем большую эстетическую нагрузку они несли. Если семейная обрядность не была подвержена значительным изменениям, то производственная обрядность оказалась не столь прочной и быстро трансформировалась в игровые элементы.

Обрядность многих народов носила общие черты; если взять, например, земледельческие обряды, то наиболее характерной чертой их является борьба лета и зимы, ежегодное обновление природы и связанная с ней символика жизни и смерти.

Одной из самых древних и высокоразвитых культур является культура Древней Греции, которая оказала огромное влияние на развитие других культур, особенно европейских.

На греческом острове Крит уже в III-м тысячелетии до н.э. были сооружены специальные строения для народных празднеств и состязаний. В Древней Греции особенное распространение получило хоровое пение и коллективные трудовые или обрядовые пляски. Наиболее почитаемы были культ Деметры — богини растительного мира, покровительницы земледелия, и культ Диониса — бога виноградарства и веселья. Весной вся Аттика справляла Великие Дионисии; в течение недели не взыскивались долги, выпускали на поруки узников, по улицам с громкими весёлыми песнями бродили ватаги гуляк, шествовали процессии ряженых, которые назывались комос. Таким образом, понятие «комедия» произошло от весёлых, озорных праздников в честь бога Диониса.

В Афинах и Олимпии каждый четвёртый год устраивались игры и состязания, во время которых прекращались все распри, все войны, победители игр получали оливковый венок и пользовались во всей Греции огромным почётом. В стране очень высоко ценили всестороннее, гармоничное развитие человека, связывали духовную и физическую красоту воедино.

Атлетика, музыка, поэзия считались неотъемлемой частью жизни человека, частью его активной гражданской деятельности. В Древнем Риме зарождение празднеств и представлений также связано с сельскохозяйственной обрядовостью.

Мастерство певцов и танцоров было в такой чести, что, когда в 364 году до н.э. в Риме разразилась моровая язва, то в целях избавления от неё были приглашены этрусские актёры — мимы. Искусство мимов подхватили римские актёры — гистрионы, которые разыгрывали комические сценки — сатуры.

Следующий этап развития фольклорного театра — это появление народного импровизированного жанра комедии масок (ателлана), персонажами которой являлись глупец, обжора, жадный старец и шарлатан (3-ий век до н.э.). В первом веке до н.э. народная ателлана претерпела литературную обработку, появились новые персонажи, позже прошли литературизацию и мимы.

Таким образом, произошло интереснейшее событие — слияние фольклора и литературы, что способствовало дальнейшему развитию народных жанров драматического искусства. Возможно, и в Риме были радетели «чистоты» фольклора, но задержать процесс развития фольклорных сцен в фольклорные

спектакли с помощью драматургов-профессионалов им не удалось.

К сожалению, народные празднества в Древнем Риме всё более и более принимали иной характер, особенно с установлением императорского правления (первый век до н.э.), в эпоху римских войн, когда поощрялись жестокость, насилие, цинизм, эротика. Воспитание легионера-завоевателя базировалось на кровавых сценах — бой звероборцев, сражения гладиаторов и т. п. Распад в культуре привёл к разложению и всей Римской империи.

Всё, что создавалось силой, рано или поздно рухнет, вечным и непреходящим может быть только высокое искусство и культура. Древняя Греция дала человечеству удивительную по своей красоте и полнокровности мифологию — стройную систему легенд и сказаний о богах и героях, созданную в II-I тысячелетии до н.э. Здесь на заре человечества расцвели все виды искусств, а архитектура и скульптура достигли высшего своего развития. В древнегреческих городах-государствах уже в V веке до н.э. театр стал средоточием общественной жизни. Театральные представления считались всенародным празднеством, они собирали десятки тысяч зрителей. В трагедиях Эсхила, Софокла, Еврипида утверждались нормы морали, нравственности, гражданственности; в комедиях Аристофана остро высмеивались пороки, борьба партий и групп. Дальнейшее развитие театр получил в Древнем Риме (Плавт, Теренций, Сенека и др.).

На Востоке: в Древней Индии, Китае, Японии — драматическое искусство принимало особые традиционные национальные формы, которые в некоторых театрах сохранились до сих пор.

Революционное движение рабов и нашествие варваров положило конец рабовладельчеству, пришёл феодализм. Античная мифология сменяется господством религии, которая в Средневековье сопровождает человека от рождения до смерти, довлеет над всеми его мыслями, делами, поступками. «Божий гнев» обрушивается на языческие обряды и культы, на народные зрелища и празднества: не прекращается попытка втиснуть их в рамки христианской обрядности и религиозной морали. И тем не менее среди различных форм средневекового театра (миракль, мистерия, моралите), носящих морально-назидательный характер, постепенно стали преобладать житейские мотивы, и самым любимым в народе оказался наиболее демократичный

жанр — фарс, носивший грубовато-площадной характер, имевший остро сатирическую направленность. Традиции фарса, его импровизационная сущность перешли к итальянской народной комедии масок (эпоха Возрождения — 16-17 вв.).

Гуманистическая культура эпохи Возрождения обновила традиции античного театра, объединив их с традициями национального народного искусства, дав миру великие имена: У. Шекспир, М. Сервантес, Лопе де Вега, П. Кальдерон, И. Корнель, Ж. Расин, Мольер. Эпоха Просвещения дала новые имена: Вольтер, Г. Лессинг, Ф. Шиллер, П. Бомарше, Р. Шеридан, К. Гальдони и др. Драматический жанр обогащается музыкальными спектаклями, в 17-м веке появляется опера, в 18 веке — балет, в 19-м — оперетта.

Театр всегда отражал общественные тенденции, меняясь в стилевом плане. Эпоха Возрождения восприняла античный стиль с его героико-нравственным началом, диалектическим пониманием жизни и смерти. Эпоха абсолютизма дала классицизм с его пафосом борьбы, героической самоотверженностью, монументальностью, глубоким психологизмом. С эпохой Просвещения человек вновь оказывается самоценностью. Развивается романтизм, мелодрама. Во второй половине 19 века почти полностью господствует реализм, с распространением которого потребовалось создание целостной картины жизни на сцене, достоверности обстановки, бытовой, исторической, что потребовало профессиональной режиссуры. Реализм утвердился в творчестве П. Мериме, Г. Ибсена, Б. Шоу, А. Стриндберга, А. Пушкина, Н. Гоголя, А. Островского, А. Чехова и др. В конце 19 века возник символизм (М. Метерлинк, Э. Верхарн). В 20 веке реалистические тенденции не иссякают в творчестве Дж. Б. Пристли, Э. де Филиппо, Ф. Дюрренматта, Э. Ф. Олби и др. Наряду с реализмом имеют место различные иррационалистические направления: экзистенциализм (Ж. П. Сартр), «театр абсурда» (Э. Ионеско, С. Беккет). Социально-политический, «эпический» театр создаёт Б. Брехт.

Коммерциализация искусства доведена до абсурда в Бродвейских театрах, которые ставят мюзиклы, рок-оперы, каждый раз делая ставку на «звёзд», на головокружительные внешние эффекты, на бешеную рекламу, чтобы выжать из той или иной постановки максимальный доход, после чего труппа распускается.

Полной противоположностью им является театральное искусство на Востоке. В Индии, например, создана Академия музыки, танца и драмы; филиалы её имеются во всех штатах, главной задачей которых служит пропаганда традиционной национальной культуры. То же можно сказать об индийских театрах кукол, программы которых построены на индийских эпосах: «Махабхарата», «Рамаяна».

Вообще театры кукол ближе всего соприкасаются с изначальной этнической культурой, с языческими истоками, то есть находятся ближе всего к статусу фольклорного театра. Расцвет народных сатирических кукольных театров наступает в XVI-XVII веках: в Италии с главным героем Пульчинеллой, во Франции — Полишинелем, в России — Петрушкой.

Праобразом этих бесшабашных героев является индийский большеголовый горбатый шут-озорник Видушака.

Таким образом, начиная с Аристотеля, заложившего в своей «Поэтике» морально-эстетические основы театрального творчества, и до наших дней не прекращаются споры и поиски в сценическом искусстве, которое, по мнению одних, должно хранить национальные традиции в духе гуманизма, патриотизма, высокой нравственности; по мнению других, театр, как и любой другой вид искусства — всего-навсего отражает дух времени, нравы общества.

Мировой театр нашего времени, раздираемый многими противоречиями, экспериментирует и пробует, отчаивается и зажигается новыми идеями;то идёт на поводу у зрителей, пытаясь завлечь их спектаклями-ужастиками и порно-картинками; то снова устремляется в рационалистические схемы и построения, не обращая никакого внимания на окружающий мир. Одни предрекают гибель современному театру, другие утверждают, что театр вечен, что настоящий расцвет его ещё впереди.

2. История развития отечественного театра

Как в Древней Греции Дионисийские игры стали зародышем театра, так в Средневековье в Европе и у нас в России из святочных игр выделились и развились элементы народных представлений. Первичной формой театрализации было ряженье, а за ним последовал диалог, а также песни, причитания. Ряженые играли незамысловатую сценку, которая кончалась хоровой песней.

Для земледельцев Древней Руси главными событиями года являлись дни зимнего солнцестояния, весеннего равноденствия, летнего солнцестояния. Во время этих празднеств устраивались различные игрища, ряжение, песни, пляски. В основе этих действ была, как правило, борьба двух противоположных сил — Добра и Зла, которые могут принимать различные личины. Душой массовых празднеств и представлений были скоморохи. Одним из первых скоморохов можно назвать былинного героя Добрыню Никитича. Вот как обращается к нему киевский князь:

Ай же мала скоморошина!
За твою игру за великую,
за утехи за твои за нежные
без мерушки пей зелено вино.

Скоморохи изображены на фресках Софийского собора в Киеве (XI век). О скоморохах говорится в пословицах: «Всяк спляшет, да не как скоморох».

Скоморохи составляли артели («ватаги»), бродили по городам и сёлам, показывая своё весёлое искусство. В Новгороде имелись целые улицы — скоморошьи.

Одним из эффективных приёмов, к которым прибегали скоморохи, были сцены, когда один притворялся глупым или глухим и перевирал вопросы напарника. Кстати, прикидываться простоватым и непутёвым — одна их характернейших черт русского мужика. С глупого что возьмёшь? А на поверку в фольклорных спектаклях в дураках оказывался барин, поп или царь. Скоморохи создали яркий национальный образ Петрушки в кукольном театре, неунывающий, лупцующий палкой всех подряд, да и сам получающий от жизни немало ударов.

Очень любимым жанром была и так называемая медвежья комедия, в которой медведь и плясал, и боролся, и изображал различных персонажей. Но медведь у скоморохов являлся не только «актёром» — он выполнял и культовые функции: пляска медведя у крыльца дома предохраняла последний от пожара, прикосновение к голове медведя спасало женщину от бесплодия. Это и не удивительно, ведь медведь ассоциировался с культом Велеса (Волоса), отголоски которого всё ещё жили в народе.

Неприязнь церкви к скоморошеству, носителю традиционной культуры — язычества, была закономерной, поэтому скоморошество выкорчёвывалось. Если в 17-м веке во времена крестьянских войн под руководством Ивана Болотникова, Степана Разина, во времена городских бунтов посадского люда скоморошество имело наибольшую популярность, то уже в 1649 году царь Алексей издал указ против скоморошества: «Гусли, домры, волыны и другие бесовские сосуды, а также хари отбирать и жечь».

Запретив скоморошество, Алексей Михайлович попытался создать в Москве театр по типу европейского. В 1672 году в селе Преображенском под Москвой состоялась первая постановка

«Артаксерксова действа» на библейский сюжет. Подготовил спектакль пастор лютеранской кирхи Иоганн Грегори, которому было поручено обучение актёрскому искусству мещанских и подьячих детей. Со смертью Алексея Михайловича в 1676 году наступил долгий перерыв в театральном деле России, но в духовных школах действовали школьные театры, призванные способствовать улучшению церковно-богословского образования, пьесы которых были близки к церковной проповеди. В 18-м веке выделились два школьных театра: при Славяно-греко-латынской академии и при Московском госпитале. Они ставили патриотические пьесы: «Слава российская» и др.

В это же время происходит расцвет народной драмы. Фольклорные театры ставят «Лодку», «Мнимого барина», «Как француз Москву брал», «Царя Максимилиана» и др.

Активно развивается крепостной театр, который имел три разновидности (домашний, коммерческий, предпринимательский); репертуар почти всех из них тяготел к оперно-балетному. В конце 18 - начале 19 веков таких театров имелось более 170-ти. Рост городов привёл к распространению театральных кружков

и общедоступных («вольных») театров. Постепенно функция театра принимала более прогрессивные, просветительские формы, русский театр становился центром общественной жизни.

В 1730 году Медокс построил в Москве Петровский (ныне Большой) театр на 1500 мест. Репертуар театра составляли драматические, оперные и балетные спектакли. Исполнялись оперы первых русских композиторов (В. А. Пашкевича, Е. И. Фомина, М. М. Соколовского, М. Матинского), пьесы Фонвизина, Крылова, Вольтера, Бомарше и др. В 1805 году здание театра сгорело, труппа образовала Малый театр, в котором блистала Н. В. Репина. Крепостных театров в Москве было 53.

Особенно известен был театр генерал-майора в отставке Я. А. Позднякова, театральные костюмы здесь шили лучшие московские портные, декорации писал знаменитый Скотти. В 1812 году, взяв Москву, Наполеон в этом помещении, роскошно украсив его, повелел устроить французский театр для офицеров «Великой армии». После изгнания французов Поздняков возобновил спектакли в своём театре, который, несмотря на пожары, уцелел. Уже в I8I3 году была поставлена опера Фиорованти «Деревенские певцы».

В Петербурге насчитывалось свыше 25 крепостных театров. В «Русском императорском драматическом театре» блистал «первый русский актёр» — Ф. Г. Волков, труппа которого оказала огромное влияние на развитие театрального дела в России.

Если рассматривать в общем плане развитие театрализованных представлений, то 18 век для России стал периодом почти всеобщей театрализации общественной жизни.

Наряду с образованием и развитием школьных и крепостных театров, созданием императорских театров (Большого и Малого в обеих столицах), развивались, ширились два массовых потока представлений — народного, ярмарочного (балаганные представления, народные драмы, театр Петрушки, раёк, вертеп, медвежий театр, ярмарочные увеселения, цирковые номера, кулачные бои и пр.) и дворянского (воинские и другие потехи Петра I, ассамблеи, маскарады, шутовские обряды, всепьянейшие соборы, пародийные похороны, шествия и т.д. и т.п.

В конце 18-начале 19 века с развитием капитализма общественная и культурная жизнь входит в более строгие рамки. С отменой крепостного права прогрессивные силы всё больше усилий прилагают для развития общей культуры: создаются

общества грамотности, попечительства о народной трезвости, открываются народные дома (народные театры), где культивируются профессиональные драматические навыки.

Широкая массовая основа театрализации общественной жизни России способствовала драматургическому творчеству. Одним из первых русских классиков-драматургов явился А. И. Сумароков, основатель русского классицизма. Классицизм в России быстро сменился на сентиментализм (М. И. Херасков, К. М. Карамзин), который в свою очередь вытеснился реалистическим направлением в комедиях Д. И. Фонвизина, Н. В. Гоголя, в трагедиях А. С. Пушкина), в драмах А. И. Островского, А. П. Чехова и др. Именно реалистическое драматическое искусство дало миру реформатора сцены — К. С. Станиславского. В 1898 году К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко открыли новый театр — Московский Художественный (МХТ), который стал центром, объединившим демократическую интеллигенцию. Новому театру потребовалась новая драматургия — пьесы Чехова, Горького. Станиславский разработал систему игры и режиссуры, в основу которой заложил органическое перевоплощение актёра в образ, требование не имитации, а истинного переживания на сцене, а также учение о сверхзадаче (идейно-творческой цели) и сквозном действии (средствах достижения сверхзадачи). Почти противоположную позицию занимал В. Э. Мейерхольд, исповедовавший стилизацию, символизм (театр В. Э. Комиссаржевской, Александрийский театр в Петербурге). Камерный театр, основанный в 1914 году А. Я. Таировым, утверждал примат синтетического актёрского мастерства, освобождённого от литературных и бытовых рамок.

Октябрь резко изменил театральную жизнь России. На первое место вышли массовые празднества и представления, митинги и демонстрации — формы массовой агитации. Ставятся инсценировки с многотысячными толпами («Свержение самодержавия» в Петербурге, «Пантомима Великой революции» в Москве и т. п.). В противовес профессиональным театрам П. И. Керженцев (деятель Пролеткульта) призывал делать ставку на самодеятельные театры. В 20-х годах появился театр синеблузников, получивший название от драматического кружка Б. Южанина — «Синяя блуза» в Институте журналистики в Москве. В выступлениях синеблузников сочеталась героика, патетика, сатира и юмор. К 30-м годам на смену пришли Театры

рабочей молодёжи (ТРАМы), задачей которых было не воспитание актёров, а формирование массовиков, организаторов досуга, отдыха, развлечений. Трамовцы отрицали классическую драматургию, а сценарии своих полит-агиток писали сами. В условиях жёсткой идеологизации и социологизации литературы и искусства и провозглашения нового творческого метода социалистического реализма театры Мейерхольда и Таирова были ликвидированы; мхатовцы вписались в рамки социалистического искусства. Большое внимание вопросам современности уделял театр Е. Б. Вахтангова, который продолжал мхатовские традиции.

В годы ВОВ были созданы многочисленные фронтовые театры на базе профессиональных коллективов для выступлений в действующей армии. Патриотический подъём советского народа вылился в значительных достижениях во всех видах литературы и искусства, в том числе и в драматургии (пьесы Л. Леонова, А. Корнейчука и др.).

В настоящее время профессиональный театр в стремлении выйти на новые художественные горизонты находится в сложных творческих поисках. Не лучшие времена переживает и самодеятельный народный театр, в том числе и фольклорное искусство. Многие творческие коллективы ищут собственные пути. Среди них — народный коллектив, лауреат Всесоюзных смотров и фестивалей фольклорный театр «Лучинушка» курорта «Озеро Шира».

Думается, что значение творческих исканий этого самобытного коллектива станет более понятным именно на фоне развития фольклорных жанров сценического искусства, но прежде всего хочется особо выделить очень важное событие в народной культуре нашей страны. В 1910 году Митрофан Ефимович Пятницкий создал русский народный хор. Сознавал ли он, какие мощные глубинные творческие силы разбудил в душе народной? После первого концерта в 1911 году в Москве этого коллектива песенное искусство получило огромный стимул для своего развития. Народные хоры и ансамбли песни и танца стали возникать повсеместно и в профессиональном искусстве, и в самодеятельности. Они стали поистине национальными школами народного воспитания. Обращение к душе народной через песню, через танец было самой важной задачей социалистической культуры, когда всё начиналось за-

ново. Но уровень культуры сегодняшнего дня уже не тот, и в настоящее время народные хоры и ансамбли приостановились в своём росте, нужен новый качественный импульс — и таким импульсом может стать превращение их в фольклорные театры (театры народного искусства) на основе фольклорной драматургии.

Отдавая дань отдельным фольклорным элементам (песне, танцу), деятели искусства всегда стремились использовать фольклор в комплексе. В 18 веке итальянец Г. Анджолини, проработавший в России пятнадцать лет, сочинил балет «Забавы о святках», использовав русские новогодние обряды. Ф. Кальцеваро подготовил представление «Народные увеселения в Петербурге о масленице» (1761 год). Свою «Масленицу» создал П. Титов в 1813 году. Через пять лет О. Пуаро поставил «Новые святки, или Кто во что горазд». Большой популярностью в это время пользовался дивертисмент «Сёмик, или Гулянье в Марьиной роще» в постановке И. Аблеца. В опере М. Матинского «Санкт-Петербургский гостиный двор» (1779 год) целый акт отводится свадебному обряду. В 1731 году в Эрмитажном театре была показана комедия-сказка «Баба-яга», а в 1818 году — опера-водевиль «День богини Лады». В 1806 году К. Кавос написал оперу на либретто И. Крылова «Илья-богатырь». Всем известна и глинкинская «Руслан и Людмила» (1842 год), а Ц. Пуни написал «Конька-Горбунка», поставленного Сен-Леоном в 1864 году. И. Стравинский подготовил своего «Петрушку», перенесённого на сцену Фокиным в 1911 году. В балете использованы традиции народного театра и масленичных гуляний, поэтому не случайно родился шедевр мирового масштаба.

Таким образом, известны два подхода к фольклору: комплексный и элементарный. При комплексном используется тот или иной обряд, народное празднество, сказка, т.е. речь идёт о драматическом действе, театрализованном представлении, фольклорном спектакле. При элементарном — из фольклора выдёргиваются отдельные фольклорные элементы (песня, танец и пр.). Особых доказательств не требуется, чтобы отдать предпочтение комплексному использованию фольклора, что позволяет дать сценический эквивалент подлинной народной жизни. Но несмотря на явное преимущество комплексного метода, особого развития он не получил, прежде всего из-за

того, что более сложен и труден: освоить отдельную песню или танец гораздо легче, чем изучить и поставить весь обряд в целом. Кроме того из-за архаичности обряда возможности его использования весьма ограничены. Поэтому в сценическом народном искусстве и утвердилась концертная форма.

Спору нет, и отдельные народные песни, народные танцы хороши сами по себе, но насколько возрастает их воздействие, если они объединены сквозным действием и подчинены единому идейно-художественному замыслу. Впервые мы убедились в этом, когда на базе Шушенского народного ансамбля песни и танца была подготовлена нами драма «Енисеева судьба».

Если раньше Шушенский ансамбль выступал с обычной концертной программой и довольно удачно, завоевав звание Лауреата Всероссийского смотра, то в 1969 году был поставлен фольклорный спектакль «Енисеева судьба», в котором в драматургическую канву событий в Сибири времён гражданской войны включены были различные фольклорные элементы: песни, плачи, частушки, хороводы, пляски, игры, обряды и пр. По эмоциональному воздействию на зрителей ничего подобного ранее не было, о чём свидетельствовала не только местная, но и центральная пресса (газ. «Правда» за 7/2-70 г., ж-л «Огонёк» №18 за 1970 г., ж-л «Культурно-просветительная работа» от 3/3-71 г.).

После создания собственного коллектива — фольклорного театра «Лучинушка» репертуарный вопрос для нас стал решающим. Полностью отказавшись от концертных программ, мы пошли по пути создания фольклорных спектаклей, что требует значительно больших творческих усилий, нового подхода к фольклорному материалу, более глубокого и широкого изучения его, накопления фольклорных элементов, приведению их к общему знаменателю — к сверхзадаче спектакля. Параллельно мы решили и второй принципиальный вопрос — не любоваться стариной, а воздействовать на сегодняшнюю жизнь. Мы уверены, что такой путь фольклорного исполнительства наиболее перспективен, хотя и требует уяснения очень многих спорных положений, прежде всего расширения понятия фольклора, правомочности творческой его переработки и использования наряду с ним авторских произведений в соответствующем стилевом исполнении, без чего невозможно создание современной фольклорной драматургии.

3. На пути к фольклорному театру

Культурно-просветительная работа, клубная деятельность находятся в поисках более эффективной работы по решению культурных задач. Одни видят пути выхода из культурного кризиса в обращении к традиционным национальным формам культуры, другие пытаются использовать религиозные источники. Пропаганда фольклорного материала безусловно должна рассматриваться как средство идейно-эстетического воспитания масс, а принцип фольклорного творчества — как действенный метод этого воспитания. Каким же должен быть современный фольклорный коллектив, в какой художественной форме и какими средствами следует пользоваться прежде всего, как интерпретировать фольклорный материал?

Наметилось три направления в использовании фольклорного материала: этнографический, когда исполнители строго копируют фольклорные образцы; стилизации, когда фольклорные заготовки доводят до уровня и требований современного сценического искусства; переосмысливания, когда проводится попытка воздействовать на дальнейшее развитие фольклора путём синтеза фольклорных элементов. Очевидно, что в разных случаях преследуются и различные задачи: научно-познавательные, концертно-исполнительские, музыкально-эстетического воспитания. К сожалению, в развитии фольклорных коллективов нет чёткого осмысления задач и выбора соответствующих средств и путей их осуществления. Большинство исполнительских фольклорных коллективов идут по этнографическому пути, т. е. берут один какой-то вариант фольклорного элемента (песни, хоровода и пр.), возводят его в эталон, заучивают его и преподносят как «истинный фольклор», не понимая или не желая понимать, что народ импровизирует песню, а не заучивает её, фольклор потому и называется фольклором, что способен видоизменяться в устах каждого исполнителя, в условиях каждого региона, на протяжении каждого временного периода — всё это и делает произведение народного искусства неувядаемым, т.е. фольклорным элементом. Этнографический путь в фольклорном исполнительстве оправдан для научно-познавательных целей, а не для концертно-исполнительской деятельности, ведь музыкально-бытовое исполнительство и сценическое искусство имеют свои различные законы и эстетические нормы. Задача

современных фольклорных коллективов не в том, чтобы слепо копировать народное исполнительство, а осмысливать эстетику народного музыкально-поэтического творчества, изучать его логику, его характерные особенности и приёмы художественного выражения. Надо научиться мыслить народно-песенными образами и перестать, наконец, умиляться безымянными произведениями только потому, что они созданы народом, то есть непрофессионалами.

Разве А. С. Пушкин, обработав народную сказку, не сделал её ещё богаче, а М. И. Глинка разве не углубил «Камаринскую», разве Ф. И. Шаляпин при своём исполнении народных песен не раскрывал их истинное богатство?

Искусство может иметь эстетическую ценность, если оно будет отвечать требованиям преемственности, самобытности, оригинальности, новизны. Обращение к фольклору ещё никому не повредило, наоборот, гениальность таких «звёзд» культуры, как Шекспир, Мольер, Пушкин, Бетховен, Репин, Глинка, Шаляпин и других в том и заключается, что они в своём творчестве сумели соединить высшие достижения мировой культуры с народным творчеством. Не повредило и фольклору их прикосновение к нему.

Сам фольклор весьма не однороден по своему составу, художественной ценности. И у него имеются и сильные, и слабые стороны, и, увы, не все фольклорные элементы созвучны современной жизни, не все соответствуют художественным вкусам современного человека. Нередко в народной песне с очень выразительной и глубокой мелодией могут встретиться слова, строчки и даже целые куплеты не очень удачные, наивные или мелодраматичные, замена которых только усилит песню. С одной стороны, фольклор предлагает высоко-идейный и высоко-художественный материал, с другой, он доводится до кондиций современных запросов и требований, что даёт возможность слияния традиций прошлого с ощущением современности и устремлением в будущее, в завтрашний день.

Различаются три типа музыкальной культуры: фольклор, письменная композиция и городская популярная музыка, из которой произросла современная поп-музыка и, в частности, рок. Рок-музыка — это не только господство ритма над мелодией и над словом, это не только максимальная громкость и отсутствие ньюансов, рок-музыка — это ещё и образ жизни и мыслей,

способ одеваться и вести себя в обществе. Рок стал явлением вселенским, для него не существует границ, но, как вирус СПИДа, он заражает людей избирательно.

По сути рок-музыка — это тоже фольклор, имеющий свои национальные негритянские корни, для негров он естественен, но разве не печален тот факт, что большинство молодых россиян вихляют задами, а ведь суть русского характера совсем иная. Образ русской женщины, складывавшийся веками, не имеет ничего общего с истерически орущими и хула-хупствующими с всклокоченными волосами существами на сцене и в танц-зале?

Живя под двойной властью свёкра и мужа, нередко бывая битая ими, почти беспрерывно тянущая тяжёлую лямку трудовых и бытовых повинностей, окружённая детворой, в соседстве с курами, козами и крупнорогатой молодью, длинными зимними ночами, качая люльку, пряла женщина тончайшую пряжу — свою неистребимую надежду, ткала изумительные по красоте и мастерству холсты, из которых шила себе рубашку, понёву, сарафан, навершник, украшая их вышивкой, жемчугом, гарусом, лентами, разноцветными вставками, тесьмой, кружевами, используя цветные, а порой и золотые нити, создавая с помощью покроя, формы, сочетания цветов и введения различных деталей неповторимое зрелище. Костюм русской женщины — не набедренная повязка. Неугасимая мечта о счастье таинственными нитями связывала русскую женщину с образом жар-птицы, но и в обыденной жизни она уподоблялась лебеди белой. Стать и походка — основа красоты истинной. А буйство красок строгого пластичного женского костюма делало его обладательницу поистине княгиней. Не зря ведь в русском обиходе уважительные «князь» и «княгиня» очень широко применяются и для обозначения жениха и невесты, и для уважаемых хозяев, и для знатных умельцев и мастериц.

Секрет красоты русской женщины — в необычайной широте и глубине её эмоционального мира, в её бескорыстии и самоотверженности. Познать себя — вот в чём задача молодёжи, а не перенимать чужие ужимки и мысли. Так называемая «молодёжная культура» — это ещё одно извращение нашей жизни. Культура не может быть детской, молодёжной, взрослой, культура — или есть, или её нет. Девочка — с первых лет жизни баюкает своих «детишек», «варит» им обед, «шьёт» им одежду, то есть делает всё то, что и взрослые, а более старшие должны всё

это делать со своими младшими и уже по-настоящему, а ещё через несколько лет — собственная семья, так что какого-то особого времени для особой деятельности при нормальном воспитании быть не должно. Другое дело — когда никаких забот, никаких дел, а удовлетворительную отметку в школе всё равно поставят, чтобы поддерживать высокие показатели «успеваемости» в классе, в школе и во всей стране; другое дело, когда не знаешь, куда себя деть, чем занять, во что ещё одеться, что ещё съесть и выпить — так это же не «молодёжная культура», вообще это никакая не культура, а деградация личности, так и не успевшей развиться.

Только постоянный труд может превратить подростка в настоящего человека. А любая инициатива требует точек опоры, то есть очагов культуры (творческий коллектив, творческая личность, плодотворная инициатива). Для развития культуры это особенно важно, ведь без таких опорных очагов культуры её не поднять, без них любые финансовые субсидии уйдут в песок. Поддерживать начатое дело — вот оптимальный вариант развития культуры при данном состоянии нашего общества. Сконцентрировать средства на перспективных участках, где народное творчество уже самоопределилось, дало свои первые результаты, по которым можно судить о мере и характере материальной и моральной помощи. Сфера культуры призвана удовлетворять запросы населения, обеспечивать условия для художественного творчества народа, формировать высокую нравственность и эстетические вкусы, повышать роль литературы и искусства. Хотя в принципе рок-музыка и не является явлением массовой культуры, с которым непременно надо бороться, но вместе с тем необходимо отдавать приоритет национальным видам культуры. Лишь неверие в собственные силы и духовные богатства заставляет некоторых работников культуры «держать нос на Запад». Многим невдомёк, отчего так живучи русские «катюши» и «калинки», столь далёкие от наимоднейших шлягеров и прочего зарубежного «шарма».

У нас имелась и имеется альтернатива рок-музыке. Нужны фестивали имени Высоцкого, и не только Всероссийские, но и Международные, которые способны конкурировать с рок-фестивалями, ведь авторская песня бьёт не в бровь, а в глаз, поскольку выступают с ней не рок-мальчики, а умудрённые знаниями и опытом барды. Сказать, что Мария Мордасова —

великая певица вряд ли кто решится из-за боязни прослыть провинциалом. Оказывается, о зарубежных вождях поп-музыки можно говорить взахлёб, и это престижно, а возводить собственную поп-музыку, каковой частушки с дробушечками и переплясом являются, в ранг достойного музыкального явления — не престижно. А ведь именно Мордасова дала частушечно-плясовой культуре второе дыхание, она творчески развила этот жанр фольклора, дав ему сценическую жизнь. Как уже говорилось, детское музыкальное воспитание должно начинаться с частушечно-плясового жанра, тогда и энергия, и талант детей потечёт по национальному руслу.

Чем больше знакомишься с репертуаром различных народных коллективов, тем острее чувствуешь, что назрела необходимость в иной подаче материала. Концертная программа, состоящая из отдельных номеров, часто не связанных между собой ни по форме, ни по содержанию, ни по уровню исполнения — самый простой путь, не требующий ни особых знаний, ни специальной подготовки. Но народ не создавал песни ради песни, танца ради танца, они формировались в русле календарно-обрядовой культуры, поэтому восприятие действа более органично для народного творчества, но и не только народного. Сейчас даже рок-музыка тяготеет к драматизированным формам, рок-оперы создаются одна за другой.

На опыте собственного коллектива фольклорного театра «Лучинушка» мы убедились, что фольклорные спектакли на современные проблемы — одно из самых эффективных направлений развития народного искусства. Наш коллектив двадцать лет проповедует идею превращения народных хоров и ансамблей (профессиональных и самодеятельных) в фольклорные театры путём театрализации концертных программ. Что такое фольклорный театр «Лучинушка»? Вот как отвечает на этот вопрос спецкор краевой газеты «Красноярский рабочий» Т. Величко: «Это синтез песни, музыки и драматического действия. Это — страстная пропаганда не только русской истории и культуры, но и исконно русских качеств: великодушия, бескорыстия, душевной щедрости».

Музыкально-драматические композиции, театрализованные представления, фольклорные спектакли способны вдохнуть новые силы в народное искусство. Не любоваться стариной, а переделывать день сегодняшний, то есть возвеличивать достой-

ное, высмеивать дурное — жить сегодняшним днём, мечтать о завтрашнем, используя день вчерашний — девиз культуры. Задача истинной культуры в том, чтобы не уйти на элитарный или потребительский путь, осваивать мировые культурные достижения, не теряя связи с родной национальной почвой.

ВЫВОДЫ.

Театр есть форма общественного сознания, вытекающая из жизни народа, из его национальной истории и культуры. В основе всех форм театрализации и народных празднеств лежат производственные, бытовые, семейные обряды.

Как в Древней Греции Дионисийские игры стали зародышем театра, так в России из бытовых и производственных обрядов выделились и развились элементы народных театрализованных представлений, первичной формой которых стали ряжение, диалог, песни, хороводы.

Носителями театрализации в Европе были гистрионы, жонглёры, в России — скоморохи.

Ателланы — народный импровизированный жанр комедии масок — претерпели литературную обработку, что увеличило их эмоционально-художественное воздействие и творческие возможности их применения. То же происходило и с мимами, то есть в истории развития театра имеются примеры слияния фольклора и литературы, что способствует развитию фольклора.

Культура без национальных корней не может быть плодотворной, что подтвердили трубачи Пролеткульта, что подтверждают «супермены» современного рок-рэп-поп-бизнеса.

Восточно-славянская языческая культовая культура и фольклор формировались на рубеже второго-первого тысячелетия до н. э., следовательно, русскому фольклору более три тысячи лет. В эпоху палеолита и мезолита предки славян занимаясь собирательством и охотой, создали представления о добрых силах (берегинях) и злых (упырях), придя в конце концов к культу медведя, медвежьему богу — Волосу (Велесу), а главным божеством стала Прародительница Мира, Матерь Урожая — Макошь, наряду с которой развивался культ двух «рожаниц» — матери и до-

чери (Лады и Лели), благодаря которым не прекращается жизнь на земле. Изображение Макоши и «рожаниц» можно встретить на вышивках и сейчас. С развитием земледелия матриархат заменился на патриархат, и главным божеством у славян, стал Род (отсюда Родина, родня, природа, родник), богом небес — Сварог, богом солнца — Хорс, богом света — Даждьбог, богом грозы — Перун.

Наследники Гипербореи создали древнейшие цивилизации: Евразийскую империю Словена и Руса (III тысячелетие до н.э.), Аркаим, Крито-Микенское царство и Трою (III-II тысячелетие до н.э.), империю Александра Македонского (I тысячелетие до н.э.), распространив, таким образом, своё культурное и мировоззренческое влияние на евразийском континенте. Из ведического язычества вырос славянорусский фольклор — Восьмое Чудо Света.

Но естественное развитие славянорусской ведической цивилизации было прервано насильственным крещением Руси и воцарением нерусских династий Рюриковичей и Романовых, которые всеми силами стремились разрушить традиционную славянскую культуру и исконное ведическое мировоззрение.

Само введение христианства на Руси проходило насильственно, варварскими методами, с разрушением и ликвидацией языческих святилищ и идолов, с уничтожением русской элиты — волхвов и княжеских династий, и всё же в народе всегда существовало двоеверие, ведь основа национальной культуры закладывалась в языческую эпоху — за две тысячи лет до принуждения к чужой вере.

Традиционная культура изначально носила характер драматизированного действа, песня, танец, заговор и другие фольклорные элементы возникали не сами по себе, а в драматическом комплексе, поэтому не концертная программа народных хоров и ансамблей, а фольклорные спектакли фольклорных театров (театров народного искусства) являются сценическим эквивалентом народной жизни, поэтому превращение народных хоров и ансамблей в фольклорные театры через театрализацию концертных программ является естественным путём развития народного искусства.

Методологический очерк

1. Суждения о фольклоре

Фольклор включает в себя народное поэтическое творчество (эпос, былины, сказки, мифы, небылицы, бывальщины, песни, заклички, плачи, частушки, загадки, пословицы, поговорки и т. п.), народную музыку (музыкальное сопровождение или акапельное пение былин, песен, частушек, сольные, ансамблевые или оркестровые наигрыши, мелодии и т. п.), народный театр (народная драма, кукольный театр Петрушки, вертеп, раёк, медвежий театр, ярмарочный балаган и т. п.), народный танец (хороводы, пляски, дробушечки и т. п.), а также народную архитектуру и декоративно-прикладное искусство, бытовые и культовые сооружения, орудия труда и быта, утварь, мебель, керамику, сосуды, ткачество, вышивку, шитьё, игрушки, росписи и т. п.

Народное художественное творчество, сложившееся в ходе общественно-трудовой практики, воплощает воззрения, идеалы и стремления народа, его поэтическую фантазию, этику и эстетику, его богатейший мир мыслей и чувств, стремление к свободе и счастью. Для него характерны глубина художественного освоения действительности, правдивость образов, сила творческого обобщения, несовместимость с какой-либо конкретной идеологией, поскольку вбирает всю истории народа, а не отдельные её этапы.

Фольклор в более узком смысле слова включает те виды народного творчества, первоэлементом которых является слово.

Именно в этом значении оно и употребляется, как правило. Основные признаки фольклора: неразрывное единство разных элементов художественной образности (поэзии, музыки, хореографии, пластики), что связано с драматизированным характером календарно-обрядовой культуры; диалектическое единство индивидуального и коллективного творчества, в результате которого фольклор создаётся, отбирается и бесконечно совершенствуется; преемственность и непрерывное постоянное обновление и развитие традиций; при сравнительно

устойчивых традициях сохранение условий для вариантности и творческой импровизации в их рамках; особая форма реального существования и бытования, предполагающая непосредственный контакт исполнителей и слушателей-зрителей.

Таким образом, фольклор — это творческий процесс, возникший в доклассовом обществе, представляющий собой диалектическое единство индивидуального и коллективного, традиции и импровизации, который несмотря на различную интенсивность своего исторического развития, продолжает развиваться, дифференцироваться, совершенствоваться в соприкосновении с другими видами литературы и искусства.

Но такой взгляд на фольклор не разделяется всеми. Одни, начиная со славянофилов, рьяно отстаивали фольклор в «чистом виде», называя фольклором только архаичное крестьянское творчество, другие вообще не допускали в новых народных произведениях художественной ценности. В. О. Михневич, например, в 1880 году выпустил сборник песен, который назвал «Извращение народного творчества». П. Г. Богатырёв склонен был видеть фольклор в более широком виде, А. М. Новикова в своей диссертации «Стихотворения русских поэтов XIX века в устном народном творчестве» показывала многочисленные примеры слияния фольклора и литературы, что не могло не пойти на пользу фольклору. Отрицать плодотворность взаимного влияния фольклора и литературы абсурдно. И тем не менее, большинство современных исполнительских фольклорных коллективов идут по так называемому этнографическому пути, то есть воссоздают фольклор в неприкасаемом виде, но этнография — это наука, а не искусство; в научных целях, разумеется, необходимо воссоздание архаичных форм исполнения, нужно это и в целях овладения методологией познания фольклорного искусства, но прежней жизни и прежнего восприятия её уже не вернуть, а современному зрителю подавай современные проблемы, пусть даже и в фольклорной упаковке, то есть речь идёт о сценическом эквиваленте народной жизни. Искусство должно выходить в сегодняшний день, цепляться за сегодняшние проблемы, вызывая радости и печали современного человека. Мы считаем, что этнографический путь сценического фольклорного исполнительства приведёт народное искусство в тупик, потому что напрочь отсекается творчество, вариантность, без чего фольклорные элементы перестают быть фольклором, ведь при

всей традиционности фольклора именно личное творчество исполнителей способно с каждым поколением, в каждом регионе вливать в фольклорные элементы свежие силы, поэтому они и бессмертны. А этнографисты ратуют за «неприкасаемость» фольклора, за шаблонность и неизменность.

По поводу репертуара фольклорного театра «Лучинушка» часто говорят: «Какой же у вас фольклор, если сами пишите сценарии, если вводите, наряду с фольклорными элементами и авторские песни?» Но такой же вопрос можно задать и традиционному фольклорному театру и его народной драме «Царь Максимилиан», например. Во-первых, в основе её — литературное произведение, драма Ефимия Морогина «Венец Димитрия» (1704 г.), во-вторых, во многих народных драмах использованы произведения Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова.

По Богатырёву, фольклорный театр — это совокупность произведений народного драматического творчества, включая и его простейшие формы: игры и хороводы, драматические действа на почве обрядов, народные драмы, кукольный театр Петрушки, вертеп, народный балаган.

Одной из самых сильных черт фольклорного театра является злободневность, умение открыто или иносказательно говорить о социально значимом да ещё в придачу лупцевать и барина, и попа, и полицейского, и пройдоху-торгаша. Скоморохи умели быть злободневными, и потому любил их народ, и потому преследовали их церковь и царь.

2. Репертуар традиционного фольклорного театра

Хотя репертуар фольклорных театров очень плохо сохранился (многие не принимали его всерьёз), но по имеющимся образцам народных драм и малых форм (театр Петрушки, вертеп, балаган, раёк) можно воссоздать и развить фольклорную драматургию, разумеется, с учётом уровня современной культуры и грамотности.

Если говорить о драматургии вообще, то следует признать, что это наиболее сложный род литературного творчества; принято считать его синтезом эпоса и лирики. Сложность его заключается прежде всего в том, что на сцене нет возможности описывать какой-то образ или событие, как в эпосе, и почти невозможно построить сценическое действие на внутреннем монологе, как в лирике. На сцене не описывается прошедшее, а показывается настоящее, сценическое действие требует конфликта, значительных эмоциональных напряжений, яркости, динамики. Что касается народной драматургии, то она несёт в себе изначально потрясающую зрелищность, которая вытекает из жестоких обрядов жертвоприношения, людей в том числе. Со временем фабула разрастается, сценарий всё больше наполняется бытовыми реалиями, но приверженность к ужасным зрелищам остаётся. Смертельные события (убийство, казни, самоубийства) сочетаются с мелодраматическими и комическими, сатирическими и буффонадными сценками. Отсюда и соответствующие персонажи: животные и звери, Смерть, Богини, Цари, Разбойники, Страшилища, Рыцари — с одной стороны; Старик, Слуга, Инородец, Дьякон, Портной и пр. — с другой.

Кульминационные моменты, как правило, обусловливаются неразрешимостью конфликтов и противоречий, бескомпромиссностью героев, что и придаёт трагический характер народным представлениям (и это соответствует жизни), но народу нужна и надежда, поэтому в народных представлениях имеются сцены торжества и веселья.

Музыкальные и песенные номера в фольклорных спектаклях играют огромную роль, придавая эмоциональный настрой, способствуют психологическому раскрытию персонажей, они или нагнетают психологическое напряжение, или снимают его, придавая действию определённый темпоритм.

Тематика и проблематика народных драм имеет немало общего с другими жанрами фольклора. Например, разбойничья тема характерна также и для былин, и для песен, но именно в драме отчётливо прослеживается стремление возбудить активное стремление к свободе, к утверждению справедливости, к счастью.

Уже говорилось, насколько сложен сам жанр сценического произведения, с которым не каждый талантливый писатель способен справиться, вот почему народная драма не могла быть совершенной как литературное произведение, она имела мозаичный характер, имела много литературных заимствований, вставных сцен и вокальных номеров, других стилевых элементов. Отсюда её многовариантность, импровизационность, особый стиль речи (повторы и перечисления). Многими фольклористами эти качества народных драм считались недостатками, а вместе с тем именно в данных особенностях народных драм заключены необыкновенные творческие возможности постоянного обновления и переключения идейно-художественных акцентов в зависимости от требований данного момента и данного места её постановки. Одну и ту же драму можно приурочить к различным событиям и моментам общественной жизни, введя в неё соответствующие сценки, песни и реплики. Так что мозаичность, универсализм народных драм это не слабые, а сильные их стороны.

В репертуарном сборнике «Фольклорный театр», составленном А. Ф. Некрыловой и Н. И. Савушкиной, наиболее полно представлен репертуар фольклорных театров. Хотелось бы проиллюстрировать вышеизложенное некоторыми примерами. Драма «Царь Максимилиан» дана в трёх вариантах, значительно отличающихся между собой по объёму, по идейно-художественным акцентам, по количеству персонажей, по количеству компиляций. Если в первом варианте конфликт между царём Максимилианом и сыном его Адольфом, имеет нравственно-религиозный оттенок (между варварством и христианством), то во втором варианте — имеется уже социальный подтекст — Адольф уходит на Волгу в шайку разбойников, угрожая разбить царское войско и расправиться с деспотом-отцом; в третьем варианте конфликт сведён к семейно-бытовому — к нежеланию Адольфа жениться на выбранной отцом невесте. Второй вариант в три раза больше по объёму первого и в восемь раз

больше третьего, главным образом из-за вставок, не весьма мотивированных, и песен.

Очень важен, на наш взгляд, рассказ Н. Н. Виноградова, впервые опубликовавшего эту народную драму, об исполнителях Сергеевых. Вот как об этом передаётся в воспоминаниях внука (Степана Сергеева): «... Дед сказывал не по тетрадке». Он и сам варьировал на разные лады основной текст пьесы, комбинировал новые сцены, и других учил «изменять однопарные речи», говорить, где придётся, к слову «поскладнее да почуднее»... А однажды местный богач-самодур за пущенную по его адресу остроту, метко угодившую не в бровь, а прямо в глаз, приказал своим «молодцам» проводить всю группу «не честью». «Здорово тогда им по шеям нагладили... По-прежнему, — дальше рассказывал Степан, — играть нельзя. Допреж того в народе серости боле было, и играли кое-как, а теперь всякий понимает, что к чему ведёт и что к чему принадлежать должно». Более того, Степан Сергеев признался, что полученный от деда список «Царя Максимилиана» он даже и не читал, кроме двух-трёх первых листов, так как читать умеет только «по печатному, а по рукописному — не мастак» («Фольклорный театр» с. 136).

Этот отрывок очень важен для понимания фольклора. В то время как народные исполнители с лукавой ухмылкой «заговаривали слушателям-зрителям зубы» («Не любо — не слушай, а врать не мешай!»), на ходу изменяя текст, вольно или невольно импровизируя, или вставляя готовые уже, где-то подслушанные или самими придуманные заранее удачные вставки, учёные-исследователи с пеной у рта спорят, можно «прикасаться» к фольклору или нет. Ответ должен быть один: «Если ты «подправил» фольклор, но неудачно, твоя самодеятельность не выживет, но если тебе удалось найти «изюминку», её подхватят и не забудут». Взять хоть анекдоты. Современнее фольклора не бывает. Поди поищи авторов, а их произведения — испепеляющие вспышки острот — хороводом ходят по кругу.

Правда, остроты из репертуара фольклорных театров порой не только не очень глубоки по мысли, но и довольно грубы и вульгарны. Взять даже современных клоунов, их тоже не сравнить с эстрадными острословами. Но в площадной вольности, в обрядовой свадебной двусмысленности, непристойности и даже в распущенности и сквернословии первобытных

купальских вакханалий можно увидеть некую ритуальную браваду, когда человек, попирая даже самое святое, мог почувствовать себя независимым от самых могущественных сил. Площадно-грубая манера вести себя — это маска, которая надевалась лишь на определённый период общественной жизни (карнавал, ярмарка и т. п.), она позволяла хоть на какой-то момент уравнять всех со всеми, возвращая человеческое существо на «круги своя», освобождая на короткое время подкорку от власти коры головного мозга, человек этим самым сбрасывал накапливающееся стрессовое напряжение.

Из разбойничьей тематики наиболее известна народная драма «Лодка». Существует несколько вариантов этой драмы разной степени сложности — от инсценировки песни «Вниз по матушке по Волге» (плавание разбойников и появление их в барской усадьбе) до сюжетных разработок, основанных на разбойничьих повестях и драмах («Чёрный гроб, или Кровавая звезда», «Атаман Фра-Дьявол»). В этой драме немало строк из «Братьев-разбойников» А. С. Пушкина. «Разбойничья» тема в русском фольклоре весьма популярна, говоря о «вольности», прежде всего народ думал о свободе, которой всегда не имел, мечтал о торжестве справедливости, расплате над своими обидчиками и тиранами.

Остросоциальная тематика, существует и в драме «Мнимый барин», в которой зло высмеивается разорившийся никчёмный самодур.

Если говорить о народных драмах вообще, то они, как правило, имеют немного персонажей; фабула строится на судьбе главного персонажа, который и даёт название пьесы. Действие протекает в противоборстве двух сил, симпатии исполнителей на стороне простых людей; цари, бояре обычно кончают плачевно.

Большое значение придаётся темпоритму, которому подчинены и речи персонажей, и их движения на сцене (размахивание саблей и т. п.) Цитируемые песни не исполняются полностью, чаще всего только начальный куплет. Принадлежность к тому или иному сословию может подчёркиваться наиболее характерной деталью в одежде. Наряду с трагическим в народной драме много фарса, буффонады. Психологическая мотивировка действий слабая. В любую минуту в любой драме может оказаться кто угодно, от Мамая и Араба до

Богини и Доктора. События разворачиваются очень быстро. Атаман приказывает построить лодку, есаул тотчас отвечает: «Готова, атаман.» Очень много однотипных церемониальных действий. Трижды повторяется приказание: «Иди и приведи», на что трижды отвечается: «Иду и приведу.» Много хвастовства силой и могуществом, угроз, приглашений к поединку. Речевые повторы усиливали темпоритм спектакля. Соединение высокопарного стиля одного «персонажа» с «глухотой» или «простотой» другого вызывало комический эффект. Театральная речь изобилует сочетанием противоположных по значению слов («крикливый глухонемой», «дыра выпала»), применением метатез («дровить руба»), синонимов (на одной верёвке повесь себя, на другой сам повесься»), заумной речью («герцум-перцум» и т.п.).

Народные драмы разыгрывались в деревенских избах, в солдатских и фабричных казармах и в других местах, приурочивались к святкам, к масленице.

Знаток драмы («заправила») становился своеобразным режиссёром. Распределял роли, распоряжался приготовлением костюмов и реквизита, проводил репетиции. Выступали все дни святок, давая иногда по несколько представлений в день, обходя дома сельчан, получая за представление мзду. Недостатка в зрителях не было.

Но не только материальный интерес заставлял «ватагу» во главе с «заправилой» подвергать себя мукам творчества. На примере династии Сергеевых можно судить, как создавался порой народный театр. Старый моряк, вернувшись со службы домой и привезя «список» «Царя Максимилиана», которого знал ещё и наизусть, привлёк к театральному делу своего сына, а тот — внука. Набиралось иногда даже две «шайки», которые состязались в актёрском мастерстве. Создавалась такая труппа лишь к случаю, обычно к святкам. Репетировали, где можно было. Собственной театральной сцены не имели, декораций тоже. И тем не менее наработанные фольклорным театром традиционные приёмы: оригинальная условность в приёмах и средствах, активное взаимодействие исполнителей и зрителей, невозмутимость, находчивость, острая злободневность — всё это не прошло мимо профессиональных и полупрофессиональных театров, сумевших вобрать многовековой опыт народной драмы.

3. Современная фольклорная драматургия

Современная художественная самодеятельность и художественное творчество в своих исканиях и открытиях способны к созданию культурных ценностей, открывающих перспективы как для самодеятельного, так и для профессионального искусства. Профессиональное искусство растит мастера, самодеятельное — призвано растить личность, способствовать её социологизации, реализовывать её творческую активность в поисках себя, в общении, в компенсации неудовлетворённости, в разнообразии отдыха, досуга. Народное художественное творчество — одно из проявлений социальной активности, оно ведёт к повышению других видов деятельности: познавательной, общественно-политической, трудовой и, в конечном счёте, формирует человеческое мировоззрение.

Художественная самодеятельность как форма народного творчества — это особая сфера художественной культуры народа, отражающая его мировоззренческую позицию, его психологию и удовлетворяющая как эстетические, так и внеэстетические потребности каждого отдельного человека и всё общество в целом. Художественная самодеятельность как социальный институт имеет социальные функции, а именно: демократизации искусства и культуры, идеологическую, социально-педагогическую, совершенствования духовной жизни, художественно-творческую, художественно-демонстрационную, взаимообогащения национальных культур, сохранения традиций народного искусства, выдвижения народных талантов. Художественная самодеятельность охватывает не только исполнительство, но и индивидуальное авторское творчество. Создавая художественные произведения и вынося их на суд зрителя, художественная самодеятельность выполняет функции профессионального искусства по общекультурному, нравственному и эстетическому воспитанию граждан.

Говоря о художественной самодеятельности, нельзя не задуматься о клубном содержании этого понятия, ведь клуб по идее призван для создания условий самовыражения и самоутверждения личности. Содержание клубной деятельности оценивается с точки зрения мировоззренческой значимости, сочетания образовательной, информационной и комментаторской деятельности. Наиболее сложной и эффективной является

художественная пропаганда, особенно театрализованная, которая обладает сильнейшим эмоционально-педагогическим воздействием за счёт яркости, живости, доходчивости материала. Театрализация — это наиболее сложный творческий метод, имеющий социально-психологическое обоснование и соответствует высшим проявлениям культурно-просветительной работы. Театрализация превращает художественную пропаганду в специфическую форму искусства, которая имеет выраженные педагогические, агитационно-пропагандистские, художественно-эстетические функции, максимально воздействующие на массы.

С другой стороны, нельзя не понимать, что духовное возрождение, что дальнейшее культурное развитие в нашей стране невозможно без обращения к народным истокам. Искусство народа — хранитель и созидатель непреходящих ценностей. Критерием истинного искусства в первую очередь является народность.

Возможно, не только этими теоретическими предпосылками мы руководствовались, когда, создав собственный творческий коллектив, решили выступать только с театрализованными программами — фольклорными спектаклями.

Поскольку в доступной нам литературе мы не встретили суждений о современной фольклорной драматургии, постараемся обобщить собственный драматургический опыт, надеясь, что имеем такое право — говорить о наших двенадцати программах для фольклорного театра как о фольклорной драматургии. Разумеется, где-то имеется иной опыт, который должен быть не менее интересен, чем наш.

Как уже отмечалось выше, многие специалисты не склонны называть наши постановки фольклорными спектаклями, мотивируя своё мнение тем, что в них — сам сценарий и некоторые песни — авторские. В первой главе данной части — «Суждения о фольклоре» — мы постарались показать несостоятельность подобного подхода к такому жанру, как народная драма.

Хочется высказать ещё одно суждение в защиту того, что наши программы — это фольклорная драматургия. Если авторское произведение монолитно, индивидуально, неделимо, определённо в своих идейно-художественных средствах, то в фольклорное драматургическое произведение мы вкладываем такой смысл: во-первых, его основой должно быть или какое-то фоль-

клорное произведение (сказка, былина, песня и т. п.), или какой-либо обряд, или народное празднество, или сцены из народной жизни, или какие-то «вечные» темы (любовь, война, смерть и т.п.); во-вторых, произведение фольклорной драматургии должно составляться из различных фольклорных элементов (песен, частушек, хороводов, плясок, игр, легенд, бывальщин, пословиц и др.), как мозаичное полотно из отдельных мозаичных стёкол, с той особенностью, что данные фольклорные элементы можно заменять на подобные, наиболее характерные для каждого коллектива, для каждой местности, для каждого временного периода; в-третьих, драматургическая речь и фольклорные включения должны составлять единое целое в стилевом, жанровом и идейно-художественном комплексе.

Если мы собственный сценарий начинили фольклорными элементами, то это не значит, что они перестали быть фольклором, если молоко из вымени перешло в какой-то сосуд, то от этого молоко не перестало быть таковым.

Нам кажется, что вопрос должен ставиться не в плоскости, фольклор это или не фольклор, а в степени наиболее органичного сочетания всех драматургических структур, в чувстве такта по отношению к используемым фольклорным элементам и изменениям в них, в художественном вкусе, в чувстве меры, то есть всё зависит от меры таланта, хотя могут быть и особые случаи, ведь П. П. Ершова не сравнить с А. С. Пушкиным, а «Конёк-Горбунок» стал не менее популярен, чем пушкинские сказки.

Наша уверенность в объективности и действенности принципов нашей фольклорной драматургии постоянно поддерживается зрителями, которые после просмотра всех без исключения двенадцати фольклорных спектаклей на протяжении двадцати лет ни разу не усомнились в подлинности «сцен из народной жизни» (имеется более двухсот отзывов о выступлениях фольклорного театра «Лучинушка»).

Несмотря на очевидность преимущества сценического театрализованного действа, на сценах страны главенствует концертная форма исполнения, потому что создание сценария — самая сложная творческая задача, успешно справиться с которой способны лишь те, кто обладает и достаточно высокой культурой, и литературно-драматургическим талантом, а если говорить о фольклорной драматургии, то необходимы и глубокие, обширные знания народного художественного творчества.

Использование дошедших до нас драм и другого репертуара для фольклорных театров в их изначальном виде так же невозможно, как ходить в лаптях в наши дни, но зато можно взять основные принципы народной драматургии: в структуре — мозаичность, универсальность, многовариантность; в содержании — народность, историзм; в пафосе — драматизм и комедийность; в задачах — пробуждение национального самосознания; в стиле — высокая духовность и оптимизм.

С методологической точки зрения возможны два варианта создания фольклорной театрализованной программы: первый — использование уже имеющийся фабулы какого-либо народного произведения (сказки, былины, легенды, мифа, песни, бывальщины и др.) или канву трудового, бытового, семейного обряда или народного празднества (гадание, колядование, проводы Масленицы, купальские игрища, ярмарки, посиделки и др.), или литературного произведения, народного по духу (Пушкина, Некрасова, Островского, Твардовского, Шукшина и др.); второй вариант — написание оригинального сценария.

В том и другом случае необходимо собрать как можно больше фольклорных элементов на выбранную тематику (песни, плачи, заклички, частушки, хороводы, пляски, игры, загадки, легенды, заговоры, бывальщины, пословицы, поговорки и др.), которые затем, как мозаичные стёкла, подбираются друг к другу с учётом общего замысла, тематики, идеи, художественных задач.

Возможности созданного таким образом фольклорного сценария безграничны, ведь в фольклорном спектакле позволительно буквально всё, что связано с народным художественным творчеством. На сцене кроме обычных декораций, можно использовать подлинные орудия труда (сани, прялка, ткацкий станок, ухват, кочерга, деревянная лопата и пр., ковры, вышивки, вязаные коврики, подлинная одежда и пр.), плетень, скамьи, зыбка, деревянные и гончарные предметы, деревянные вёдра, коромысло и пр. Разумеется, при сказочных сюжетах — «изба на курьих ножках» и всяческая чертовщина.

В спектакль можно ввести любого умельца, артиста любого оригинального жанра, игру на экстравагантных инструментах, (на бересте, на пиле), художественный свист, ходьбу на ходулях, народных фокусников, клоунов, циркачей, скоморохов, странников, юродивых и пр. Это — кроме указанных в пьесе

персонажей, которыми тоже можно варьировать, сколько угодно (хоровод и хор могут быть и в шесть человек и шестьдесят). По-разному можно использовать и народные музыкальные инструменты (от балалайки или шумового оркестра, или танца «под язык» — до оркестра народных инструментов). Фактически в фольклорном спектакле можно задействовать все творческие коллективы, имеющиеся при клубе или Доме культуры, в том числе, и рок-группу (для изображения «нечистой силы» и «преисподней»). Так, например, было в Шушенском Доме культуры, когда в фольклорном спектакле «Елисеева судьба» принимало участие более ста участников (народный хор, танцевальный коллектив, драматический коллектив, оркестр народных инструментов). Но фольклорный спектакль может быть полноценным и написанный для одного-двух человек, тем более, если использовать переодевание (ряжение). В нашем фольклорном театре «Лучинушка» тринадцать человек, один мужчина, играющий шесть ролей, и двенадцать женщин, некоторые из которых также играют по несколько ролей, что даёт возможность не испытывать особых трудностей кадрового характера. Практически нет никаких ограничений в подборе состава фольклорного театра, тогда как для создания хора, а тем более ансамбля трудностей по укомплектованию предостаточно, особенно в настоящее время, когда в художественной самодеятельности настали не лучшие времена.

Вновь и вновь приходится говорить о преимуществе фольклорного театра перед хором или ансамблем с их программами, поскольку постоянно приходится преодолевать негативизм некоторых специалистов, особенно тех, кто идёт по этнографическому пути сценического показа фольклора, отрицая право на переработку фольклора, хотя и существуют исторические прецеденты — фольклорная ателлана, имевшая четыре типажа, после литературной переработки и введения дополнительных типажей получила возможность к более объёмному отражению жизненных ситуаций, но при этом она не потеряла статуса фольклора.

Требования к создаваемым программам для фольклорного театра, разумеется, не должны быть занижены, т. е. они обязаны создаваться по всем законам драматургии, самого сложного рода литературного творчества. Важно соответствие со-

держания (цели, задачи, тема, идея, проблемы) и формы (жанр, стиль, композиция, выразительные средства и пр.). Основой любой драматургии является непрерывно развивающееся целенаправленное действие, выраженное в столкновении характеров, убеждений через поступательную логическую цепь событий. Действие (а не внешнее его проявление), в основе которого лежит конфликт — главный признак драматургии. Это определение В. А. Саруханова применительно и к фольклорной драматургии. Невозможно иметь раз и навсегда найденные рецепты: кто-то работу над произведением начинает с выбора темы, кто-то — с образа, кто-то — с фабулы.

У нас, например, главная героиня всех программ Марьюшка появилась в качестве антитезы современным эстрадным звёздам, скроенным на иноземный манер. Неприятие нахлынувшей масс-рок-культуры и его психопатических «вождей» заставило искать альтернативу — так появилась простая русская девушка Марьюшка и её любимый Иван, а вслед за ними — их друзья и недруги, так появились факты и события их жизни.

В любом произведении должна быть завязка, развитие действия, кульминация, развязка. Если в большинстве случаев литературного творчества начало и завязка даются с наибольшим трудом, то фольклорная драматургия имеет тут явное преимущество, ведь многие народные песни, первый же куплет — это уже готовая завязка («Горница, горница, нет тебя светлей, горница, горница, принимай: гостей!», «Вниз по матушке, по Волге» и т. п.).

Для создания фольклорного спектакля необходим огромный труд по сбору фольклорного, этнографического и исторического материала, Мы, например, собираем такой материал более сорока лет, сначала бессознательно — «на всякий случай», который пришёл двадцать лет спустя. Фабулу лучше всего искать в фольклоре (сказка, былина, песня, анекдотичный случай и др.). Её всегда можно начинить современным содержанием. В. М. Шукшин великолепно воспользовался сказочной фабулой для своей драмы-сказки «До третьих петухов» (чем не фольклорный спектакль, если ещё добавить народные песни, частушки, хороводы, пляски, заговоры, игры и т. п.).

Взятую фабулу надо заполнить персонажами с учётом и главных, и второстепенных героев, ведь характер их раскрывается во взаимодействии, в конфликте, который прояв-

ляется в событиях, в поступках. Конечно, не просто создать художественно-полноценный образ, наполнить его яркими характерологическими чертами да ещё добиться высокой степени жизненной достоверности, создав свой типаж, но пытаться это сделать нужно. В крайнем случае можно использовать уже известные образы (из фольклора — от Снегурочки до Бабы-Яги, в литературе — от Хлестакова до Татьяны). В сценическом произведении все персонажи и их чувства, их взаимодействия и конфликты — как под увеличительным стеклом, всё преувеличено, а насколько — это зависит от жанра, от задач. Фабула, населённая персонажами, их поступками в процессе определённых событий, обеспеченная завязкой, развитием действия, кульминацией и развязкой, превращается в сюжет, который может строиться на психологическом или авантюрном развитии конфликта.

Мы считаем, что фольклорные элементы, введённые в фольклорное драматургическое произведение, не должны быть иллюстрацией к событиям и конфликтам, а обязаны двигать сюжет вперёд, вести действие к кульминации, то есть должны выполнять максимальную эмоциональную нагрузку. В этой связи для нас очень важно, чтобы каждое слово песни доходило до каждого зрителя, иначе нельзя понять до конца мотивы поступков персонажей и закономерности развития драматургического действия.

Самой трудной задачей в фольклорной драматургии мы считаем создание однородной структуры из фольклорных элементов и авторских элементов, и главное здесь не в том, чтобы приблизить авторскую речь, авторские песни к народной речи и песням, а в умении мыслить и чувствовать по-народному. Нас, например, всегда корёжит, когда некоторые фольклорные исполнители злоупотребляют «фольклорными сальностями». Да, и в народных обрядах, и в народных песнях, и в частушках можно встретить немало пикантных вещей, от которых пылают уши, но они не создавались для сцены. Свадебный обряд, несмотря на многие откровенности и даже непристойности (могут и простынь показать после первой брачной ночи) в общей сути своей высокоцеломудренный акт. Фольклорная драматургия — это высоко-идейное, высоко-духовное искусство, а высокая её художественность измеряется мерой таланта её создателей.

4. Репертуар фольклорного театра «Лучинушка»

Отличие фольклорного театра «Лучинушка» от других коллективов, прибегающих к драматизированным постановкам с использованием фольклора, заключается в том, что у «Лучинушки» — собственная драматургия, у других, как правило, — этнографические действа (свадебный обряд, посиделки и пр.). Фольклорный театр «Лучинушка» является лабораторией, где создаётся и апробируется новый репертуар — фольклорные спектакли.

Созданы программы: «Горница» — о неперспективной деревне; «Женихи», в которой высмеивается слепое преклонение перед модой; «Солдатки» и «Неверность», содержание которых понятно по названию, в них ставятся морально-этические проблемы; «Иван да Марья», где альтернативой «героиням эстрады», скроенным на иноземный манер, даётся образ русской девушки из народа; «Елисеева судьба» — народная драма о событиях в Шушенском времён гражданской войны (была поставлена в Шушенском в 1969-1970 годах); «Зимние святки», «Цвет папоротника» (фольк-опера), «Житие козака Омэлька» (на украинском языке с использованием украинского фольклора).

Шесть программ: «Горница», «Женихи», «Солдатки», «Неверность» и «Иван да Марья» — представляют собой сериал, с едиными героями: Марьюшка и её родители, её возлюбленный — Иван, дед Кисель и Киселиха, Сваха, Селиваниха и её непутёвый сын Степан, деревенская всезнайка и самогонщица Никитична и её муж Евлампий Силыч, искусительница Пелагея, убогая Ирина Матвеевна, волостное начальство Серафим Ермилыч, Батюшка, бабы, девушки, дети.

Названные программы — сцены из народной жизни — охватывают события разных этапов истории нашей страны. Мы задались целью отразить в фольклорной драматургии как можно более широкий круг народных проблем, так что работы хватит на всю жизнь. Одноактные программы («Горница», «Женихи», «Солдатки», «Неверность») рассчитаны на 45-50 минут и содержат до десятка песен, имеются также частушки, хороводы, пляски, игры, загадки, причитания, заклички, заговоры, небылицы, легенды, бывальщины и другие фольклорные элементы, включённые в драматургический текст. «Иван да Марья» скомпонована из всех предыдущих (кроме «Горницы»), длится примерно два часа, она больше всего соответствует законам

драматического развития, поскольку почти все персонажи участвуют в очень активном взаимодействии от начала до конца.

Фольклорный сериал в несколько программ даёт многочисленные возможности для их комбинаций. Например, только четыре одноактных программы (обозначим их А, Б, В, Г), если концерт делать в двух отделениях, способны дать двенадцать вариантов фольклорных спектаклей (АБ, АВ, АГ, ВА, ЕЗ, БГ, ВА, ЗБ, ВГ, ГА, ГБ, ГВ). С точки зрения классической драматургии, это почти абсурд, не говоря уже о том, что изменение расположения актов нарушает всю композицию. Разумеется, и мы от нечего делать не прибегаем ко всем теоретически возможным сочетаниям, но это возможно с нашими одноактными программами. Наиболее удобное сочетание для концертных выступлений «Лучинушки» — это «Горница» — «Неверность» и «Женихи» — «Солдатки», самостоятельно идут «Иван да Марья», «Цвет папоротника». Эти шесть программ можно показать в четыре концерта (около восьми часов общего времени).

Различные сочетания возможны в связи с тем, что все программы имеют общих «героев», а также потому, что представляют каждая законченную сценку из народной жизни (в «Горнице» — вечорка, в «Женихах» — сватовство и т. п.). Кроме того каждая программа в свою очередь состоит из эпизодов, которые возможны во многих сценах из народной жизни. Например, эпизод со стиркой белья на реке, который у нас даётся в «Женихах», может быть перенесён в любую другую программу. Главный её смысл можно вместить в две реплики: «И за что нам, бабы, такое наказание: только стирка, да уборка, да щи с кашей?» и «А по мне — лучше стирать, чем с нынешним мужиком дело иметь!». Не было случая за двадцать лет концертной деятельности «Лучинушки», чтобы при последней фразе женская половина зала не отреагировала бы самым активным образом. Да, это болевая точка в судьбе современной женщины — неустроенность личной жизни, исчезновение культа женщины, недостаток мужского рыцарства, джентльменства. Откуда им взяться в тоталитарной системе, когда у самого Калинина, «всесоюзного старосты» жена сидела в ГУЛАГе да и друг его лучший тоже был репрессирован. И Калинин, и Молотов, и Каганович боялись свои зады отодрать от руководящих кресел, чтобы защитить своих самых близких людей, не говоря уже о соблюдении неведомого для диктатуры пролетариата рыцарского кодекса. Если такова была верхушка,

то что говорить о нижних этажах советско-фараонской пирамиды. Травля Сахарова прошла на наших глазах. Одно только выступление женщины-депутата в ответ на заявление Сахарова о бесчинствах советских войск в Афганистане чего стоит. Более того, находились отдельные матери, сыновья которых погибли в Афганистане, заявлявшие, что они гордятся этой жертвой. Образно говоря, это Павлик Морозов породил династию таких матерей. Так что не только мужчины виноваты, что нет культа любви, культа женщины, виноваты и женщины тоже, кликушески отрешаясь от своей природы.

Примером «сцепки» фольклора с современными проблемами может послужить эпизод сватовства Степана, который является вместе с матерью в дом Марьюшки, Степан одет по последней моде (в джинсах, в кроссовках, со жвачкой в зубах, при дипломате, к которому привязана бутылка: хоть и не положишь в него самое необходимое, но обзаводятся им для престижа). Вот как отзывается о данном эпизоде Н. А. Новосёлова, кандидат филологических наук, преподаватель Красноярского государственного института: «Думается не стоят авторских филиппик ни джинсы, ни бананы, ни «кроссовки». Нападки на одежду взяты из арсенала 50-60-х годов. От этих страниц веет глубоким провинциализмом и непонятной агрессивностью». Что можно ответить на подобные обвинения? Если обвинять в провинциализме, то прежде всего, надо делать это в адрес Льва Толстого и Махатмы Ганди, известных во всём мире своей приверженностью к национальной одежде. Известны также весьма «недипломатические» высказывания в адрес «масс-рок-культуры» нашего земляка В. П. Астафьева, но его кандидат филологических наук не решается причислить к «агрессивным провинциалам», но зато всей душой разделяют мечту советской интеллигенции, и женщин в том числе — залезть в заморские одежды, подставив свои части тела под рекламные нашлёпки, не только кожаные, но и металлические. Не дай бог увидеть княгиню Болконскую, даже среди каторжан в джинсах и кроссовках. Неужели неведомо женщине, что джинсы и кроссовки убивают женскую стать и походку. А имидж «раскрепощённой» женщины, а истероидизация искусства и быта, разве это всё не убивает женщину в женщине, разве не разрушает культ женщины? Увы, только человек, достигший определённого уровня культуры, способен отстоять не только свою индивиду-

альность, но и наперёд подумать о судьбах своих детей, своей национальной культуры. Каждый человек, натягивая на себя одежду с фирменными нашлёпками, уподобляется штакетине людского забора, на котором торгаши малюют свою рекламу. Это ли уважение к личности, это ли путь к духовности? Но ведь именно о бездуховности, о вещизме, о потребительстве безудержном мы и сокрушаемся теперь. Да, в 50-60-е годы «не пущали» эту самую «масс-рок-культуру», и это действительно глупо. Надо искать, надо вырабатывать — альтернативу: во внешнем образе, в манере одеваться, в поведении в обществе, в утверждении своих идеалов. Разве русские женщины (и мужчины) 18-19 веков менее привлекательны, чем нынешние? Разве национальный стиль одежды может в чём-то повредить нам?

Существует объективное понятие — соответствие формы и содержания. Одевшись в джинсы и кроссовки, невозможно ни петь, ни танцевать, ни мыслить, ни чувствовать по-русски. Исходя из этого кредо, мы и создаём фольклорную драматургию, с помощью которой хотим хоть как-то влиять на противоречивые процессы, происходящие в нашей духовной и культурной жизни.

Иногда предубеждённых критиков наши сценарии ставят в тупик: «Как это так, вначале идёт разговор о джинсах, а потом — о гражданской войне (песня «Как родная мать меня провожала»)? Им кажется, что авторы тут опростоволосились, допустили анахронизм. Но, к сожалению, такие вопросы обнажают лишь непонимание сути фольклорного спектакля, сути фольклора вообще. Во-первых, возраст фольклорных элементов не исчисляется годами или десятками лет, поэтому невозможно найти фольклорный элемент, с исторической точностью до года нацеленный на изображаемое событие. Если речь идёт о войне, то можно использовать любую песню о любой войне, лишь бы эта песня соответствовала характеру эпизода, его тональности и темпоритму. Ведь если в народной песне речь идёт о Катюше, это не значит, что её нельзя петь Галине. А ведь действительно могут найтись такие педанты, что скажут: «Песню вы взяли «Катюша», а героиню зовут Марьюшкой — не соответствует.» С другой стороны, речь идёт не о джинсах как таковых, а о таком понятии, как вещизм: сегодня это джинсы, «варёнки», «бананы», а завтра — будет ещё что-то новое. Уничижительный оттенок погони за модой имеет тогда, когда делается это в ущерб всему остальному, а вернее главному — чести и достоинству человека.

Джинсы вполне могли появиться и до гражданской войны, и тогда бы анахронизма никто бы не узрел, но опять же и сейчас в эпоху джинсов разве не идут гражданские войны, может вспыхнуть она и у нас вновь, так что никакого анахронизма мы не видим. В конце концов — не нравится песня «Как родная мать меня провожала», можно вставить другую (вначале в этом месте у нас была «Красная девица, душа — моё сердце»). Мозаичные фольклорные вставки должны эмоционально работать на сверхзадачу спектакля, а из какой исторической эпохи они взяты, не важно, ведь настоящий фольклор вечен и способен быть полезен везде, всегда.

Чтобы дать более конкретное представление о программах «Лучинушки», передаю содержание одной из них — «Женихи». На берегу реки Марьюшка ждёт встречи с Иваном, поёт закличку: «Слышно ль тебе, да Иванушка, слышно ль тебе, у-у-у!...» Пришедший раньше её Иван наблюдает за девушкой, боясь прервать её песнь, отвечая на неё соловьиным свистом, неожиданно появляется, поёт: «За рекой за быстрою красный терем выстрою...»

Возможно им предстоит разлука, парня заберут в армию. Молодые уходят. Появляются Сваха и Селиваниха, подсматривавшие за молодыми: «Вот, кума, тебе и будущая невестушка!» «Давно я заприметила в Марье — в сторону метит. Упустила девку и всё из-за тебя, сваха-неумеха!». «Каков товар, таков и спрос». Крепко поссорились они, а в это время за ними подглядывала Никитична, Сваха же, оставшись одна жалуется на свою жизнь в куплетах: «Ох, работа моя каторжна... Сговоришь красотку писану выйти взамуж молодёхоньку за скупого чёрта лысого, а она и не радёхонька... Для людей век надрывалася, познала на ять профессию — и без ног совсем осталася... Кто ж платить мне будет пенсию»?»

У собравшихся отдохнуть после стирки женщин возникает разговор о тяжкой бабьей доле (главный смысл передан выше). Прибежавшая, как всегда с новостями, Никитична, рассказывает о ссоре Свахи и Селиванихи: «Да ну?» — «Ну да!»... «Ты что-то путаешь Никитична, я давеча их встрела, шли обнималися» — «Давеча, может, и обнималися, а теперича — разругалися. Смех — ухохочешься.» Поются куплеты соответствующие и песни, но вскоре баб — как ветром сдуло: одна опару в тепло поставила: «Сбежит ведь, ей-богу сбежит!» «Про опару забыла — и чем только думала!» Другая аппарат не выключила: «Да чёрт бы его побрал!» — «Беги шибче, кума, а то взорвётся!»

Решив самостоятельно женить своего Степана, Селиваниха заявляется с ним в дом Марьюшки: «Стёпушка, сынок мой, проходи, да с правой ноги ступай, да не споткнись». После заговора спрашивает: «Бутылку-то не забыл?» — «Не» — «Сколь денег истратил, а чемоданьчик тощенький купил». — «Это же дипломат — понимать надо». — «А проку с него — бутылка и та не влазит.» — «А я её привязал» (Степан показывает всем, как он привязал к дипломату бутылку). Появляется хозяйка, мать Марьюшки. Начинается обрядовый разговор: «...У вас тёлочка, а у нас, стало быть — бычок» — «Ма-а-ам!» — басит и косолапит Степан. «Да ты чо? Покажись и лицом и всяк — не украдено ведь... Гляньте, какое диво: и здеся и вот тут (показывает нашлёпки на джинсах) буквочки есть, и всё — по иностранному расписано — и книг не надо читать...». Встречая неодобрение со стороны хозяюшки, Степан делает заключение:

«Это она — от зависти, потому что я весь — в дефиците!».

Поскольку Марьюшки нет («По воду пошла с девчатами»), гости увязались за хозяйкой, которая хлопочет по хозяйству, а в горнице появляется Сваха, которая решила разладить сватовство Селиванихи: «Как не срастись двум веткам этим, так не сойтись никак на свете рабе божией Марии с рабом божиим Степаном... Я для Марьюшки генерала засватаю!» Обращается в зал: «Генералы здеся есть? А, может, кто чином помельче жениться желает?» Спускается в зал, чтобы выбрать жениха: «Кто тут неженатый, молодой, богатый?... Попытка — не пытка, не будет убытка, покажись, не стыдись, и на сцену пройдись... Ты чей будешь? Чо делать умеешь: петь, плясать, стишки сказывать, а может, ишшо чего-нибудь? Покажись — не ударь в грязь, будешь князь.» (Зрители в восторге, что и они участвует в действии на сцене)».

Появившийся Степан прогоняет непрошенных гостей: «Уходите, здесь я буду жить!» Появляется Марьюшка с подружками: «А у нас гости», — хороводят вокруг «женихов» и поют «Степан-сударь».

В конце хоровода женихи подбегают к коромыслу и вёдрам и хватают каждый себе. Марьюшка оказывается под коромыслом. Сваха: «Ехали мы, ехали, сто вёрст проехали, искали пару нашему соколу и тута, наконец, и нашли её! Селиваниха: «А мы первые сюда приехали».

Сваха: «А коли первые приехали, то и первые съезжать

должны!» Одним словом, ни у кого не вышло: «Забижать вас не стану, ни того, ни другого, ступайте по домам с богом, такие женихи дородные завсегда найдут себе ровню, а я — другого люблю». Сваха отводя «жениха» в зал, обещает: «Это всё Селиваниха напутала, не в своё встрела, а ты меня держись, я завтра ж для тебя наибогатейшую невесту засватаю.»

Звучат частушки, в которых каждая из присутствующих высказывает своё отношение к происходящему («Я берёзу белую на розу переделаю, я сначала завлеку, потом измену сделаю». Марьюшка. «А я сделаю беду — тайно замуж убегу, тятеньке не свататься, маменьке не стряпаться, вам, подружки, не до слёз, скажу: миленький увёз!» Исполняется темпераментная пляска: «Ах, матушка, головушка болит».

Появляется Иван, все: «Ох, и повеселимся мы, погуляем!»

Иван: «Не веселиться — прощаться пришёл».

Марьюшка в отчаяньи, звучит песня «Как родная мать меня провожала», после чего Иван обещает всех пригласить на свадьбу после своего возвращения: «Марьюшка, пригласим?» Уходит. Марьюшка исполняет «Эх, ты, Ваня, разудала голова», ей вторят подруги. «Всё будет хорошо, вот увидишь. Вернётся твой суженый, и в твои двери постучаться желанные гости — сваты от любимого дружка. Звучит свадебная песня «Ой, вьюн над водой».

В две страницы, разумеется, не вместишь весь сценарий в 13 страниц, и тем не менее представление об общей структуре программы «Женихи» можно составить.

Хочется подчеркнуть ещё одну деталь относительно репертуара «Лучинушки», все программы созданы по-разному: в «Горнице» действие развивается внешне спокойно, медленно, без внешних эффектов, зато подспудно нарастает эмоциональный накал сопереживания с героями спектакля, благодаря их нравственной силе и оптимизму; в «Женихах» и «Неверности» в калейдоскоп событий на сцене включаются и зрители с помощью привлечения их на сцену («Женихи») и выхода героев в зрительный зал («Неверность»). В спектакле «Иван да Марья» удельный вес фольклорного материала наименьший, что не удивительно, ведь фольклора о гражданской войне в Сибири немного. С большим интересом мы работали над украинской программой, над украинским фольклором, а также над фольк-оперой «Цвет папоротника» («Летние святки»), почти сплошь начинённой песенно-музыкальным материалом.

5. Литературная и музыкальная основа фольклорной драматургии

Компоновка фольклорного материала в структуру готовой фабулы — задача не очень сложная, особенно если имеется достаточно фольклорных элементов. Сложнее, если возникнет необходимость написать новую песню, ведь слова и мелодию необходимо создать не по «букве, а по духу» народными, но и тут выход имеется: песни на слова Исаковского, Бокова «придутся ко двору». Самое сложное — в разговорной речи. С одной стороны, она должна быть выдержана в традиционном духе, соответствовать словарному стилю песен, а с другой стороны, она должна быть и персонифицирована, тут пословицы и поговорки не помогут. Вообще мы стараемся не злоупотреблять готовыми народными словосочетаниями, даже такие формы, как заговор, для одной и той же ситуации мы изменяем в зависимости от того, кто его творит.

Вот несколько образцов персонифицированной речи из наших программ.

БАТЮШКА. Не богоугодное дело творишь. Геенна огненна ждёт тя, дщерь, за корысть и лихоимство.

НИКИТИЧНА. Грех Вам, батюшка, думать обо мне такое... Я за ради людей стараюсь: зелье моё не греховное, а для пользы людской. Исцеляю я, батюшка, страждущих и болящих. Его и детям в самый раз давать, ежели родимчик шибанёт, а ишшо — от сглазу, от наговору — всем помогат.

Мы ищем характерное структурное построение сибирской фразы, кое-что удаётся: «Нынче рот не роззявай — враз вклюнутся в двоёную пару», «А по мне лучше — стирать, чем с нонешним мужиком дело иметь!» «Сваха всё может — ни бог, ни чёрт на такое не способен!», «Руки у вас загребущи, а языки длиньше рук.» и т.п.

Иногда приходится почти полностью менять слова народной песни, не меняя мелодии, вот «Неделька» на наши слова: В воскресенье я на ярмарку ходила, фунтов восемь кудельки купила (припев: тюря, тюря и т.д.). В понедельник я прясти не стала, веретёшко во вторник искала (припев), не нашла у себя веретёнце, постучала к соседке в оконце (припев), постояла в четверг с ней немножко и забыла о том веретёшке (припев), а потом много дел ещё было, а в субботу я баньку топила (при-

пев), так прошла день за днём вся неделя...ой! я забыла совсем про куделю».

Каждый, кто сравнит данный текст с фольклорным, может судить, какой интересней и глубже.

Нередко приходится обращаться к авторским текстам и музыке из-за отсутствия соответствующего фольклорного элемента. В «Женихах» нам понадобились куплеты свахи, поскольку таковых нам народ не приготовил, написали сами. Зрителям они очень нравятся, и какая разница, кто их написал.

Все особенности фольклорной театрализованной речи мы стараемся брать на вооружение (ритмизованная речь, сочетание противоположных значений, синонимы, омонимы и т. п.). Правда, раёшный стиль мы пока не использовали только потому, что ещё не было повода.

В народных драмах по традиции широко применялись народные песни, как в сольном, так и в хоровом исполнении, без музыкального сопровождения и под сопровождение различных народных инструментов, были и танцы, пляски. Но немало имелось и авторских вставок — целые куски литературных произведений, популярные романсы. К сожалению, нотной грамотой собиратели народных песен обладали не всегда, поэтому мелодии очень многих народных песен нам не известны. И всё-таки из имеющихся нотных записей народных мелодий всегда можно выбрать удивительную по красоте и глубине народную песню почти на всякий случай жизни, и трагическую, и печальную, и грустную, и лирическую, и шуточную, и задорную. Всё зависит от вкуса и умения всегда и всюду искать. Мы ищем жемчужины не только в русском фольклоре, но и в украинском, и белорусском, поскольку все эти культуры имеют общие корни. Так, в спектакле «Неверность» мы использовали украинскую песню «Не боялся б я пчелы», для чего пришлось переводить её на русский язык: «Не боялся б я пчелы, если бы не жало, муж всегда жену любил бы, если б уважала...»

В спектакле «Иван да Марья», почти вся финальная картина сделана из авторских произведений: «Реквием» — Уймите, уймите рыданья, слезами его не поднять, над ним, словно камень надгробный, застыла старая мать...

«Сибирский марш» — По лесам, лесам дремучим да по болотам, через реки, горы, всё вперёд, вперёд, эх да, по земле нехоженой сибирской шёл в мороз и зной отчаянный народ...

По собственному опыту знаем, что фольклорных спектаклей из чистых фольклорных элементов без авторских вставок создать невозможно, если заранее не ограничивать себя узкими рамками поставленных локальных задач.

В фольклорных спектаклях «Лучинушки» звучит балалайка, гармошка, шумовой оркестр, но большинство песен исполняется акапельно, ведь русская народная песня родилась и долго существовала без музыкального сопровождения, но главное даже не в этом, ведь акапельное пение несёт огромный эмоциональный заряд, выявляет красоту и объёмность человеческого голоса — самого удивительного музыкального инструмента. В этой связи хочется заметить, что на наш взгляд, многие народные и фольклорные коллективы злоупотребляют в одном случае баянами, в другом — рожками: баян нередко перекрывает обертоновые оттенки человеческого голоса, иногда глушит слова, а некоторые виды рожков заметно «гнусавят», что не в каждой музыкальной ситуации кстати. Нам кажется, что не стоит обходить более «благородные» инструменты — скрипку, виолончель, деревянные духовые инструменты, которые способны намного усилить эстетический потенциал фольклорного спектакля, а если имеется возможность, то и пригласить оркестр народных инструментов, особенно, если сил наберётся на создание и постановку фольк-оперы.

Одним из заметных недостатков фольклорных спектаклей «Лучинушки» является слабая музыкальная оснащённость из-за отсутствия профессиональных (виртуозных) музыкантов-исполнителей, не используется, к сожалению, и музыкальный фон (музыкальные шумы, крики и голоса животных и птиц, различные имитации) из-за отсутствия соответствующих технических средств и специалистов.

Фольклорный спектакль в зависимости от музыкальной основы способен принимать различные жанровые оттенки, начиная от народной драмы, кончая фольклорной оперой.

Нередко задумываешься, почему индийские фильмы так популярны в народе. Первое попавшее объяснение — примитивизм толпы: уж слишком незатейлива фабула, кочующая из фильма в фильм, и весьма поверхностны характеры персонажей, и откровенная поляризация Добра и Зла. Но однако... однако сколько там песен и танцев, какая эмоциональная напряжённость во взаимоотношениях персонажей, сколько доброты

и света, ведь по сути это и есть фольклорный спектакль. Ни один самый изощрённый интеллектуальный детектив не способен столь мощно воздействовать на человеческое существо, освобождая его от тревоги и забот, как простой музыкальный рассказ о красивых и великодушных людях, о верной и чистой любви. Есть сведения, что при демонстрации «Рабыни Изауры» резко падало число правонарушений, а ведь с точки зрения «большого искусства» она не выдерживает никакой критики: и сентиментальна чересчур, и не психологична. «Лира» в руках мастера для того, чтобы «пробуждать чувства добрые»; и каковыми бы искушёнными знатоки и проповедники рок-культуры ни были, насколько скрупулёзно ни высчитывали рейтинг рок-звёзд, строя их по ранжиру в хит-парадах, нельзя же не видеть «голого короля» — в самом прямом смысле: выступления «могильного рока» «Коррозия металла» сопровождаются стриптизом девушек, что, по признанию руководителя группы, является их вкладом в борьбу со СПИДом (будете делать, как мы, заболеете). Логика такова же, как у всей нашей системы: вырежем самых умных, самых талантливых и благородных людей — и построим самый гуманный в мире строй.

6. Режиссура фольклорного спектакля

Фольклорный спектакль — синтетическое искусство и для своей постановки требует усилий разных специалистов: сценариста, поэта, композитора, режиссёра, хормейстера, балетмейстера, художника, звукорежиссёра, светотехника, костюмера, парикмахера-гримёра, рабочих сцены.

В фольклорном театре «Лучинушка» все творческие функции сконцентрированы в двух лицах — режиссёра и хормейстера: «Четырьмя руками — горы свернуть возможно, две бабьи и две мужеских — што хошь сотворят!»

Принимаясь к изучению сценария, режиссёр должен иметь в виду, что драматургический текст, диалоги, монологи обязаны иметь народную лексику, иначе не будет единства фольклорных элементов и драматургической основы. Вовсе не обязательно, чтобы речь персонажей пестрела архаизмами, диалектизмами, но народный строй, меткость, краткость, афористичность в ней весьма желательны. Разумеется, многое зависит от таланта драматурга, но и при работе над спектаклем не поздно использовать народные пословицы, поговорки, характерные для региона, языковый оборот, произношение звуков и окончаний. Москвичи акают, волжане окают, северяне цокают, донцы смягчают окончания, сибиряка сразу можно узнать по «кардоношному яшшику» и по тому, как он «угошшат» (угощает). Больших трудностей для режиссёра при постановке фольклорного спектакля, чем «транспонировать» имеющуюся лексику народной драмы в соответствующий диалект, не бывает. Не помешает при этом консультация с лингвистами. Ещё сложнее персонифицировать язык. Многие современные драматурги пишут гладким усреднённым языком, одинаковым для всех персонажей, оправдывая своё неумение подметить характерность речи своих героев якобы возросшей современной культурой, которая де уровняла язык всех слоев населения, всех профессий, всех характеров-типажей. В фольклорном спектакле усреднённости, серости не должно быть — там слишком мало места отводится для разговоров, не должно быть ни одного лишнего слова (впрочем, это уже гениальное произведение для всех жанров). Постановки фольклорного театра резко отличается от постановок авторского театра, где спектакли должны соответствовать сце-

нарию, допускается только сокращение текста (купюры). При постановке фольклорного спектакля режиссёр всегда — соавтор сценария (вольный или невольный), ведь необходима и замена имеющихся фольклорных элементов на местные, региональные, выключение или подключение новых — в связи с особенностями и художественными возможностями собственного коллектива, уменьшение или увеличение объёма спектакля, перестановка идейно-художественного акцента, транспонирование на местный диалект и т. д. и т. п. Именно в этом — смысл нового вида литературы — фольклорной драматургии и нового вида искусства — фольклорного спектакля (от народной драмы до народной оперы), по сути — это «джазовое» искусство, оно должно увлечь людей ищущих, творческих, желающих самоутверждения, ведь в нём способен проявить себя любой талант, любая идея.

Сознательно или нет, но основным принципом режиссуры фольклорного театра «Лучинушка» стала система К. С. Станиславского, выросшая, во-первых, из недр национального искусства, во-вторых, высокоидейного, гуманного реалистического метода. Ещё и ещё раз приходится акцентировать, что главное в культуре — это её национальный колорит, вклад каждого народа в мировую культуру этим и ценен, вот почему всемерное увлечение рок-музыкой мы не можем объяснить иначе, чем недостатком воспитания и элементарной культуры. Ни классовые, ни какие другие интересы не могут быть выше национальных, когда речь идёт о сохранении традиционной культуры, о духовном здоровье народа, о его будущем.

Вслед за Н. В. Гоголем мы повторяем: театр — это кафедра для благородной общественной проповеди, даже развлекательные жанры не должны разрушать мораль и нравственность (брехтовское правило: «развлекая, поучать»). По отношению театра к зрителю проверяется общественная значимость творческого коллектива, ведь большого искусства без глубоких мыслей и добрых чувств быть не может. А когда нет интересных идей и ярких эмоций, тогда приходится увлекать зрителя или стриптизом, или сногсшибательными трюками, или обрушивать на него кошмары и садистские штучки.

Всё в системе Станиславского имеет отношение не только к мастерству актёра и режиссёра, но и к драматургу, поскольку театр и драматургия — единое целое, в сценическом произве-

дении в основе должно быть общественное или личное важное событие с высоким накалом борьбы (конфликта); необходима связь со средой, важны яркие типажи, эмоциональный фон, образный язык. Анализ драматического произведения начинается с определения сверхзадачи (основной идеи) и сквозного действия пьесы, спектакля, роли (последовательное воплощение сверхзадачи), изучается подтекст пьесы и отдельных ролей, определяется перспектива актёра и перспектива роли и всего спектакля, выясняются предлагаемые обстоятельства пьесы. Учение Станиславского о сверхзадаче и сквозном действии — основа в его системе. Главным требованием его к пьесам — это наличие подтекста. Если слова в пьесе — айсберг видимый, то подтекст — это подводная часть айсберга. И опять-таки хочется подчеркнуть, что в фольклорном спектакле подтекст ещё важнее, чем в обычных пьесах, ведь для придания современного звучания традиционным фольклорным образам необходим именно подтекст, именно намёк (это ярко видно на примере шукшинского трёхглавого змея из драмы-сказки «До третьих петухов»).

Наиболее серьёзный недостаток современной пьесы — это неумение дать подлинное жизненное противоречие и выразить через него борьбу характеров, органически переплести частное и общее, а также тенденциозность, что характерно для метода социалистического реализма. Станиславский предъявлял очень высокие требования к языку, вот его триада: действенность, индивидуализация и поэтичность. Слова должны заключать многозначительность, недоговорённость, подтекст, они должны быть музыкальны, подчинены темпо-ритму. Большое значение Станиславский придавал и паузам. Он всегда подчёркивал мысль о соответствии формы и содержания; форма бесконечно меняется в зависимости от содержания, выразительные средства театра — неисчерпаемы, поэтому театр бессмертен. Станиславский с Горьким пытались создать театр импровизированной пьесы, им это не удалось. Фольклорные спектакли — это импровизация народной драмы.

То, что фольклорный театр «Лучинушка» исповедует идеи Станиславского, это является объективным процессом, потому что система Станиславского, вытекающая из национального реалистического искусства, полностью накладывается на принципы фольклорной драматургии и фольклорных спек-

таклей, это говорит о жизнеспособности системы Станиславского. Понятно нам и искусство переживания, разработанного Константином Сергеевичем, основанного на взаимной связи внешнего действия и внутреннего переживания, важно для нас и искусство перевоплощения, один мужчина играет у нас шесть ролей. Перевоплощение, ряжение, маски — изначальные элементы фольклорного театра. Близки нам и мысли о том, что театр должен быть союзом единомышленников, объединённых гуманными идеями, претворять которые нужно не только на сцене, но и в жизни. Исходя из того, что сценическое действие представляет собой психофизический процесс, в котором проявляется ум, воля, эмоции актёра, его воображение, чувство правды, эмоциональная память, чувство ритма, техника речи, пластика, мы далеко ушли от резко обозначенной условности и однозначности программ традиционного фольклорного театра, мы стремимся сцены из народной жизни выразить более объёмно, а слова и поступки героев психологически мотивировать, дать их в развитии. Нередко определённая роль пишется под конкретного исполнителя (так были созданы образы Марьюшки, Свахи, Никитичны).

При режиссуре фольклорного спектакля следует решить принципиальный вопрос — что первично, драматургия или вокал. В спектаклях «Лучинушки» — музыкально-песенная основа. Они так и готовятся: сначала разучиваются песни, частушки, хороводы, другие музыкальные номера, и только после их готовности работа от хормейстера переходит к режиссёру, который, распределив реплики и диалоги среди участников, начинает склеивать отдельные музыкально-песенные куски, отрабатывая мизансцены, появление и уход артистов, работает над дикцией, пластикой, сюжетно-образной концепцией спектакля. Разумеется, хормейстер при этом не остаётся посторонним наблюдателем так же, как и режиссёр при разучивании песен. Нередко возникает между ними творческий конфликт, если режиссёрские требования могут ослабить выразительное звучание песни, и наоборот. Во всяком случае и хормейстер, и режиссёр стремятся добиться того, чтобы не только каждое слово реплик, но и каждое слово песни доходило до зрителя, поскольку сама песня и другие фольклорные элементы являются не иллюстрацией к действию, а полноправным сюжетным ходом.

Фольклорное исполнительство — искусство коллективное, поэтому двум руководителям «Лучинушки» (режиссёру и хормейстеру) приходится заниматься всеми постановочными вопросами, в том числе и хореографией, костюмами и прочим.

Акценты в хормейстерской работе ставятся в первую очередь на выработке народной манеры звукоизвлечения — умении петь на опёртом дыхании в высокой певческой позиции в открытом грудном резонаторе с произношением слов, тождественном разговорной речи, с некоторым акцентом на «о». Вокальная работа не является самоцелью, а направлена на достижение максимальной выразительности, осмысления слова в пении. Главная задача хормейстера фольклорного театра именно в этом, поскольку петь по-народному многие не умеют (или уже не умеют, или ещё не умеют), а народная манера и складывается на естественности звука, на опоре на диафрагму, пении открытым грудным резонатором, на близкой подаче звука. Тут лучше не рассказывать, а показывать, то есть на хормейстере лежит огромная нагрузка — петь все песни вместе с участниками, показывать все партии. Но песня не только поётся, но и играется, поэтому вместе с режиссёром приходится искать и сценическое решение исполнения песен, не говоря уже о хороводах. Нами поставлены несколько хороводов: «Девки сеяли капусту» (в «Горнице»), «Пойди-выйди, Степан-сударь», «Ах, матушка, головушка болит» (в «Женихах»), «Стой, стой, караван» (в «Солдатках»), «Крутись, веретёнце» (в «Таёжных былях»), пляски «Ехал Ванька из Рязаньки» (в «Горнице»), «Я с комариком плясала» (в «Солдатках») и др.

Декорации, реквизит, костюмы, свет у нас на минимальном уровне, так что работы здесь непочатый край.

7. Фольклорные спектакли и зритель

В настоящее время, когда клубная работа переживает не лучшие времена, поиск выходов из кризисного состояния, опробование новых жанров художественного творчества является самым сложным и трудным, но и наиболее необходимым элементом клубной деятельности. Мы считаем, что фольклорные спектакли способны стать одной из форм обновления клубной работы. Кстати, фольклорные программы — очень пластичны. Фольклорный театр «Лучинушка», имеющий немолодой состав, выступал неоднократно и с неизменным успехом в кафе «Солбан», куда приходят в основном молодые люди потанцевать. Нас встречала хозяйка «Солбана» с хлебом-солью, усаживала за самовар, а мы в течение вечера несколько раз включались на 6-8 минут с шуточными сценками, кончавшимися задорной русской пляской, вместе с нами танцевали почти все посетители, а мы в свою очередь танцевали под модные шлягеры. Совмещение в одном вечере современной танцевальной музыки и народных плясовых ритмов путём их чередования — неплохая идея внедрения народной музыки в молодёжную среду. Выступал наш коллектив и в качестве агитбригады, используя наши яркие сатирические сценки.

В жизни новые идеи, новые формы, увы, пробивают себе дорогу с трудом. Удивительнее всего, что именно среди руководителей культурно-просветительной работы и вообще культуры эта идея воспринимается с наибольшим сопротивлением. То ли консерватизм, то ли амбиции, то ли нежелание, как говорится, начинать всё сначала мешают серьёзно заинтересоваться нашим опытом, то ли действительно мы преувеличиваем его возможности. Скорее первое, ведь за двадцать лет существования фольклорного театра «Лучинушка», в течение которых он нередко выступал и по краевому радио и телевидению, накопилось более полсотни публикаций о нём в прессе, более двухсот откликов в книгах отзывов — за всё это время фольклорный отдел Краевого научно-методического центра не удосужился прислать своего представителя ознакомиться с нашей работой.

Сказывается фактор и альтернативности: каким путём развивать фольклорное искусство. Ведущие коллективы страны пошли по этнографическому пути — не возвращаться же им обратно: гордыня заест. И всё-таки насколько программы «Лучи-

нушки» и её концертная деятельность соответствует запросам современного зрителя, насколько готовы они к конкуренции с другими современными видами искусства, насколько способны они влиять на духовное возрождение человека и общества — эти вопросы постоянно преследуют нас. Поэтому мы решили прибегнуть к социологическому исследованию — анализу документов, для чего использовали отзывы в книгах предложений «Лучинушки» и публикации в прессе.

Но прежде всего несколько слов о клубной аудитории. Вместимость курортного зрительного зала в Доме культуры 600 мест, среднее число отдыхающих — 1000 человек, местные жители составляют не более 5% в рабочие дни. Посещаемость бесплатных мероприятий, типа концертов, а также выступления известных в стране коллективов собирают почти полную аудиторию. Платные концерты художественной самодеятельности, в том числе и фольклорного театра «Лучинушка» в среднем дают от половины до двух третей от общего числа мест.

Среди причин непосещения фольклорных спектаклей «Лучинушки» на первом месте стоят: отсутствие интереса к фольклору вообще — 31% опрошенных потенциальной аудитории; неприятие известных форм пропаганды фольклора («на радио и телевидении надоели») — 25%; наличие параллельных мероприятий (танцы, видео) — 19%; неблагоприятная обстановка в зрительном зале (холодно, жарко) — 11%; дорогие билеты — 9%, другие причины — 5%.

В связи с этим несколько замечаний. К сожалению, фольклор в том виде, в котором он часто преподносится для популяризации, неприемлем как сценическое искусство; не секрет, что многие пожилые люди в фольклорных коллективах имеют различные сценические недостатки — плохую дикцию, слабое дыхание, низкую не только сценическую, но и общую культуру. Бытовое исполнительство и сценическое — не одно и то же. Без тщательнейшего отбора репертуара, чтобы приблизить фольклор к современному зрителю, без шлифовки исполнительства популяризация фольклора может дать обратный эффект.

Следует посетовать и на такой момент, как материальность желаний у современного человека: за какую-то дефицитную вещь или пищу люди готовы переплачивать многократно, а заплатить лишнюю копейку за билет на концерт — жалеют, и речь не только о каком-то самодеятельном коллективе, не идут

люди и на оперу, и на драму, и на оперетту, рыская по магазинам в поисках колбасы и конфет. Правда, курортная аудитория всё-таки более благосклонна к различным зрелищам — некуда себя девать в отрыве от домашних хлопот и неотложных дел. Её социально-демографическая характеристика в среднем такова: рабочие в пределах 60%, служащие — 25-30%, пенсионеры — 5-10%, учащиеся — менее 5%. По возрасту: до 20 лет - 4%, 21-30 лет — 12%, 31-40 лет — 23%, 41-50 лет — 28%, свыше 50 лет — 28%.

Женщин в два-три раза больше, чем мужчин (курорт «Озеро Шира» имеет преимущественно желудочно-кишечный профиль). Хотя молодёжи и не густо на спектаклях «Лучинушки», но попав на них, она остаётся до конца. Мы абсолютно уверены, что молодёжь отринула фольклор не потому, что он ритмически и духовно не пригоден для неё, а потому, что у неё не было прикосновения с народным искусством с раннего детства. В яслях, детсадах, в школах дети должны воспитываться на частушечно-плясовой культуре, а в целом в эстетическом воспитании она должна стать основой наряду с орнаменталистикой и обрядовой культурой, т.е. фольклор должен постигаться с раннего детства с азов и по слогам. Если этого не делать, молодёжь и в дальнейшем будет вырастать чужаками в своей стране, не понимая языка родной культуры, довольствуясь усреднённым масс-культуровским жаргоном.

При изучении документов, отражающих отношение зрителей к фольклорным спектаклям и мнений прессы, следует отметить факт довольно пристального внимания к выступлениям «Лучинушки»: за двадцать лет концертной деятельности накопилось более двухсот записей в книгах отзывов и более пяти десятков выступлений прессы. Не каждый профессиональный коллектив удостаивается такого внимания. Можно говорить и о новизне нашего репертуара, и о глубине нашего искусства, если находятся всё новые и новые поводы для разговора о нём. Не менее примечательным является факт, когда после просмотра наших спектаклей зрители пытаются чем-то помочь «Лучинушке»: приходят, предлагая свои фольклорные записи, присылают книги, нередко довольно ценные. Чем руководствуются люди, спеша запечатлеть свои мысли и чувства на бумаге или расставаясь с любимой книгой? Дело не только в благодарности, а, возможно, в более глубоком архетипическом чувстве, которое

толкает зрителей на поступки, значит они поверили в действенность данного вида искусства, в его будущее. Отсутствие репертуара для фольклорных театров — главное препятствие для возникновения и распространения нового вида искусства.

Среди респондентов — люди самых разных профессий: от полуграмотного охотника-таёжника до народных артистов, народных художников, доцентов, советских и партийных работников. В 41% случаев подчёркивается мысль о высокой духовности фольклорных спектаклей. Наиболее характерная запись: «Какие вы молодцы! Как приятно видеть на сцене тех людей, которые лечат нас от недугов не только средствами медицины, но и духовно!» В 33% записей имеется признание мастерства и истинно народной сути репертуара («Да, это поистине народное искусство»); в 12% откликов подчёркивается факт рождения нового вида сценического искусства («Товарищи! Хочется назвать вас первопроходцами на этом поприще, ваша работа — это шаг вперёд на 10 лет...»).

Если говорить о замечаниях, то они в основном затрагивают наши болевые точки: малочисленность коллектива (13 человек), солидный возраст (всем — за пятьдесят), слабая материальная база, слабая инструментальная оснащённость, элементарные декорации, реквизит и костюмы.

Если выбирать наиболее характерные фразы в отзывах и статьях, то они весьма красноречивы: «Гори, «Лучинушка», не гасни никогда!» (газ. «Знамя коммунизма» от 16/2-88 г.), «Доброго долгого пути Вам, дорогая «Лучинушка» (работник культуры А. Погорельченко), «Спасибо, «Лучинушка», за русскую щедрость души! (руководитель хора М. Вербенец), «Большое спасибо тебе, «Лучинушка», за яркий свет народного искусства и душевное тепло!» (Есипов, Лапин, Васильев, Колесник), «Низкий поклон Вам и большое спасибо за сохранение прекрасного, желаю коллективу, чтобы ваша «Лучинушка» не потухла, а разожгла и молодые сердца» (инженер Будеева), «Лучинушка» смело идёт новым путём в народном искусстве, возвращая современному зрителю то, что было создано русским народом в былые времена, и связывая это с сегодняшним днём» (4 подписи), «До свидания, «Лучинушка», до новых встреч! Мы Вас помним и любим. Успехов Вам.» (зав. культмассовым отделом Красноярского ГПКиО). По этим фразам многочисленных восторженных отзывов можно удостовериться, что «Лучинуш-

ка» живёт не для себя — для людей, неся народные традиции, народную мораль, высокую идейность и художественность. Для более полной картины приводим несколько отзывов полностью.

№ 38. «Милые ваятели искусства!

Гармонии медицины и искусства всегда живут рядом. Классический пример тому — жизнь и творчество А. П. Чехова. Человек должен жить, чтобы творить, оставить след на земле — в этом видится истинный смысл жизни. По этому принципу живёт врач Б. Н. Терещенко. Сеет он в окружающий мир свою доброту, человеко- и жизнелюбие одновременно с необыкновенным даром врача. Задаёшься вопросом: откуда его неиссякаемая энергия? Видимо, источник истинного гуманиста кроется в умении найти себя, желании принести максимум полезного. Думается, что за такими врачами будущее. Сочетание предельной честности, категоричности, требовательности и доброты — редкий дар человека. Источник энергии кроется, видимо, в общении с природой и в культуре человеческого общества. Приобщение к миру прекрасного — большой потенциал неиссякаемой энергии. Постоянный творческий поиск, гонимый мыслью «найти себя», родил уникальный фольклорный театр «Лучинушка». Это настоящая находка! Это сокровищница русской культуры, русского народа, его истории. Реликты языка, народных мелодий, традиций — это клад для современной культуры, в чём особенно нуждается современный век урбанизации, скоростей, науки. Сегодня стоит проблема — возродить старые народные традиции, обряды, праздники. Это даёт подлинное общение людей, глубинное понимание народной мудрости. Известный современный диалектолог В. Жирмунский видел в фольклоре живую лабораторию, где апробируется лексикология любого современного языка. Творческий подход к изучению фольклора позволил самобытно решить вопрос театрализации творческой группы, что дало возможность увидеть новую грань. Прекрасна находка для фольклорного театра — великолепный семейный союз, спутниками которого являются медицина и муза, слово и звук. Борис Николаевич и Валентина Петровна сумели найти себе близких по духу людей и метко определить роль каждого в театральной труппе. Театральная труппа прекрасна и уникальна. Это люди преклонного возраста с разными судьбами, разных национальностей и разного образовательного ценза,

но одержимые в деле народного искусства. Если бы в каждом коллективе каждый человек нашёл своё любимое дело, кроме своей специальности, намного полноценней была бы человеческая жизнь и общество в целом.

Считаю, что необходимо всячески стимулировать театральный коллектив, оказать помощь в создании материальной базы, чтобы в перспективе театр стал народным.»

Пациент и зритель — доцент Бокк А. К., декан ф-та иностр. языков Омского гос. пед. института — 18/7-85 г.

№ 96. «Отдыхая в санатории «Озеро Шира», нам довелось познакомиться с искусством фольклорного театра «Лучинушка». Мы получили истинное наслаждение от просмотра спектакля «Иван да Марья». С открытием занавеса со сцены повеяло родным, милым сердцу народным дыханием. Сразу очаровал зрителей (это было понятно по реакции) чистый мягкий голос Валентины Петровны Терещенко (Марья). Здесь проявилось настоящее мастерство, задушевность и главное убеждённость, которая передаётся зрителю. Исполнителю мужских ролей пришлось играть одному актёру. Здесь Борис Николаевич Терещенко показал пример искусного перевоплощения. Каждая роль была сыграна талантливо. Он же — режиссёр-постановщик спектакля. Режиссура спектакля грамотна. Много ярких находок. Всё лаконично, понятно. Спектакль так поставлен, актёры так играют, что зритель как-то незаметно становятся участником представления. Сцена и зал как бы сливаются воедино. Да, это настоящее народное искусство!

Большое Вам спасибо и низкий поклон, больших Вам успехов.» Балетмейстер Государственного Красноярского ансамбля танца Сибири, нар. артист РСФСР А. Кондаков, Художник-оформитель В. Крейс, г. Минусинск, Нач. цеха ЗГМПП ЖКХ А. Филиппов, г. Заозёрный, Отдыхающий с Алтая А. Гузеев.

№ 97. «На курорте «Озеро Шира» мне посчастливилось лечиться у Бориса Николаевича Терещенко. Это чуткий, тактичный, знающий и любящий свою профессию врач. Войдя в кабинет, невольно обращаешь внимание на афишу — фольклорный театр «Лучинушка». И только побывав на спектакле «Иван да Марья», я поняла значение этой афиши. Огромное, человеческое спасибо создателям театра — Борису Николаевичу и Валентине Петровне. Низкий поклон его участникам.

Неизгладимое, удивительное впечатление чистоты, духов-

ности оставила постановка спектакля «Иван да Марья». Дорогие участники театра, дело, которое вы начали, благородно. Как нужны сейчас такие театры. Проблема нравственности, патриотизма ярко прослеживается в ходе спектакля. Привлекательна, очаровательна Марьюшка (Валентина Петровна). Её верность Ивану, самозабвенная любовь, защита девичьей чести, мелодичность исполнения завораживает. Покоряет своей артистичностью, лёгкостью, удалью Борис Николаевич. Вы поистине талантливы! Не останавливайтесь на достигнутом, дарите людям радость общения с Вами.

Истинное наслаждение испытываешь, слушая русское, родное пение, чисто сибирские обороты и выражения. Слова признательности хочется выразить свахам и всем участницам спектакля. Вы истинные хранители русского народного искусства. Огромное спасибо Вам.

«Природа-мать! Когда б таких людей ты иногда не посылала миру, заглохла б нива жизни...» Эти слова Некрасова и о Вас, Борис Николаевич, Валентина Петровна. Творческих Вам успехов».

Учитель русского языка и литературы Е. М. Красноборова, г. Шарыпово, 14/8-89г.

№98 «Удивительно, что на фоне столь неблагоприятной почвы курорта «Озеро Шира» процветают столь яркие народные фольклорные таланты как «Лучинушка». К сожалению, мне не удалось познакомиться с полным репертуаром этого ансамбля, но и теперь могу с уверенностью сказать, что это новый жанр современного русского фольклорного искусства, который нужно бережно хранить, развивать и пропагандировать. Ансамбль прекрасен и теперь своей неповторимостью и правдивостью образов, их чистотой, неподдельной искренностью, духовной теплотой и не просто так, а в связи с историческими событиями, порой значительными.

Руководители ансамбля Б. Н. Терещенко и В. П. Терещенко отличные психологи. Как умело, тонко и красиво проникают они в душу своего пленника-зрителя в борьбе с житейскими пороками. Посмотришь, послушаешь «Лучинушку» — на душе становится теплее, а сама жизнь добрей и краше». Л. Лапина из г. Красноярска, Л. А. Дутанова из С. Енисейска.

Вряд ли целесообразно продолжать цитировать другие отзывы — приведенные в полной мере отвечают на все поставлен-

ные перед исследованием вопросы. Что касается газетных публикаций, то прежде всего хотелось бы отметить факт первого упоминания о «Лучинушке» как фольклорном театре, то есть носителе нового вида современного фольклорного искусства. Эта публикация имела место 30 сентября 1984 года в краевой газете «Красноярский рабочий» в авторском сообщении «Эффект единого действия», в котором авторы подробно рассказали жителям Красноярья о своём опыте. За последующие пять лет краевая газета предоставляла свои страницы для рассказа о «Лучинушке» пять раз, областные («Советская Хакасия» и «Ленин чолы») — шесть раз; , дважды «Красноярский рабочий» командировал собкора для знакомства с «Лучинушкой» и создания очерков. Краевая газета предоставляла нам возможность выступить с принципиальными положениями, которые мы пропагандируем: о необходимости в музыкальном воспитании детей за основу брать частушечно-плясовую культуру, о бесперспективности этнографического пути сценического воплощения фольклорного искусства («О роке и родной частушке» — газ. «Красноярский рабочий» за 20/XI-87 г.). Большую роль в пропаганде фольклорного театра играет Ширинская газета «Знамя коммунизма», которая в своих обширных публикаций осветила все грани этого творческого коллектива. Если подвести итог обзора публикаций и отзывов в книгах предложений «Лучинушки», то можно сказать совершенно однозначно: фольклорный театр — это то, что нам сейчас нужно.

8. Создание фольклорных театров

Для реализации нашей идеи превращения народных хоров и ансамблей в фольклорные театры путём театрализации концертных программ мы, руководители фольклорного театра «Лучинушка» предлагаем данную монографию «Истоки и перспективы фольклорного театра. Собственный опыт», которая состоит из двух частей: из теоретической, где на основании исторического материала говорится об естественности и закономерности драматических форм фольклора, следовательно, создание современных фольклорных театров — это объективный процесс исторического развития народного художественного творчество, которое развивалось с самого начала как синкретическое искусство, в дальнейшем проходит фазу дифференциации и вновь приобретает синтетический характер, но уже на новом качественном уровне; вторая часть монографии — репертуар для фольклорных театров: двенадцать программ «Лучинушки», которые смогут помочь на первых порах в создании фольклорных театров.

В советском обществе всячески глушилась любая творческая инициатива. Когда правящая партия, проводя политику геноцида и разваливая по некомпетенции всё, что можно развалить в стране, объявляла себя «умом, совестью и честью», это считалось достойным кодекса «строителей коммунизма», также как и самонаграждение номенклатуры, но если кто пытался заявить о своём творчестве и пропагандировать его, то власть имущие сразу же объявляли это нескромностью и саморекламой. Фактически на корню уничтожалось чувство собственного достоинства — только обласканный свыше и «проштампованный» наградой или званием имел право говорить о себе во весь голос, а вернее, вынуждал подчинённых делать это.

Делясь своим опытом и прибегая к цитированию отзывов зрителей и прессы на выступления фольклорного театра «Лучинушка», мы не переступаем границы морали и нравственности: отзывы зрителей — объективная (если они не берутся выборочно) оценка нового вида литературы и искусства, который нам приносит успех на сцене. Мы стараемся убедить и других в необыкновенной эффективности фольклорных спектаклей, в целесообразности народным хорам и ансамблям, как самодеятельным, так и профессиональным,

переключиться на более высокий уровень использования фольклора. Чем больше коллективов освоит фольклорные спектакли, чем восторженнее будут приветствовать их благодарные зрители, тем удовлетворённее окажемся мы. Первый и непреложный шаг в успешном претворении в жизнь любой инициативы — это реклама; любая реклама не может не быть саморекламой — самым бранным словом советской морали. Аморальна не самореклама, аморален подлог, ложь, фальсификации, т. е. всё то, чем занималось советское руководство с первого дня своего возникновения. Если обнаружится, что цитируемый нами материал фальшив — это позор, но если пропагандируемые нами мысли и дела множат добро, то это благородное дело.

Мы видим немало недостатков в собственном исполнительстве и исполнительстве нашего великовозрастного коллектива, другие руководители и их коллективы способны с большим блеском исполнить наши фольклорные спектакли, и мы стремимся к передаче нашего опыта, мы готовы не только поделиться нашими программами, но и на первых порах помочь их поставить, и личным участием, и с помощью данной работы.

После концертов «Лучинушки» к нам подходят руководители народных коллективов и просят наши программы, поэтому тиражирование их просто необходимо. Разрабатывать фольклорную драматургию — главная наша задача, а «Лучинушка» — это наша сценическая лаборатория, где шлифуются написанные программы. Большинство фольклорных программ «Лучинушки» можно ставить с небольшим составом, начиная с шести-семи человек и более. Имея наши программы, коллектив в тридцать и более человек способен одновременно дать четыре спектакля, каждый из которых не уступит по своему эмоциональному воздействию на зрителей обычной концертной программе с участием всего состава хора или ансамбля.

Это поможет умножить свои финансовые поступления, что немаловажно для любого коллектива.

С публикацией программ фольклорного театра «Лучинушка» откроются условия для превращения народных хоров и ансамблей в фольклорные театры, для их количественного и качественного развития. Однако нельзя не высказать опасения о нынешнем состоянии дел в художественной самодеятельности. На сцене человек желает выразить себя, но для этого нужно себя найти. Со стороны сценическая жизнь представляется

праздником, на самом деле — это кропотливый труд и постоянные поиски, если речь идёт о настоящем творчестве, и если это длится не один год (а некоторых хватает лишь на месяцы), то всё более появляется такая его черта — монотонность: многие годы — одни и те же песни, одни и те же спектакли. Первыми начинают скучать не зрители, а артисты, профессиональным не так скучно — они деньги за репетиции и выступления получают, а как удержать самодеятельных артистов, выступления которых, как правило, держатся на энтузиазме? В последние годы данная проблема стала ещё острее, потому что смотров, конкурсов с выездами, с материальной поддержкой стало ещё меньше, гастроли рядовых коллективов почти невозможны по разным причинам, а с переходом на рыночные отношения всё намного усложнилось. В то время, как официально заявляется, что культура призвана удовлетворять возрастающие запросы населения, обеспечивать условия для художественного народного творчества, формирования высокой нравственности, эстетического вкуса, усиления роли литературы и искусства, на самом деле на культуру в расчёте на одного человека в стране приходится копейка или того меньше. Разве может безнравственная официальная политика способствовать развитию культуры и нравственности? На спонсорство тоже не очень много надежды, ведь нынешних Мамонтовых, Морозовых, Третьяковых не дождёшься. Но если теоретически и допустить, что на культуру ассигнования прибавят, то при нашей уравниловке деньги уйдут в песок. Деньги надо вкладывать не в штатное расписание, а в уже имеющееся перспективное дело. Это даст возможность творческим коллективам наращивать свои возможности, сделает их кропотливый труд не напрасным. Наряду с высокими художественными задачами это может послужить мобилизующим началом для целеустремлённой деятельности очагов культуры (творческий коллектив, творческая личность, плодотворная инициатива). Лишь этим можно отвлечь современного человека от множества рутинных житейских дел. Сложность развития художественной самодеятельности на современном этапе в том, что требования к ней — как к профессионалам, а стимулировать их на профессиональный подвижнический труд почти нечем.

Всё сказанное выше относится и к нашему коллективу — фольклорному театру «Лучинушка», этим и объясняется во многом его великовозрастный состав. И тем не менее этот коллектив показал

себя очень стабильным, на протяжении двух десятков лет не было текучки совсем, последние два года идёт смена состава, направленная на омоложение. Что способствует здоровому развитию коллектива? Не в последнюю очередь парное руководство (как в семье), Б. Н. Терещенко — режиссёр, В. П. Терещенко — хормейстер. В руководстве нужна и строгость, и душевность, эта диалектическая мудрость не нами придумана. Парное руководство даёт возможность более объёмно и психологически тонко регулировать морально-психологический климат в коллективе, в результате взаимодействия руководителей друг с другом, руководителей с коллективом. Парное руководство уменьшает до минимума вероятность срыва занятий, ведь ничто так не расхолаживает и не разочаровывает, как несостоявшееся занятие или выступление. Руководители просто обязаны использовать любую возможность для материального и морального поощрения своих подопечных: рассказ о них в печати, чтение отзывов зрителей, премии и т. п. В программе «Фольклорный театр «Лучинушка» половина печатного текста отдано для высказываний каждого участника коллектива. В юбилейном материале «Гори, «Лучинушка», не гасни никогда!» помещены фотографии всех членов театра, а также их интервью.

К каждому участнику коллектива — относиться, как к неповторимой личности, тогда и потянет человека в такой коллектив. Кстати, именно фольклорный театр предоставляет для личности полностью раскрыть свои творческие возможности, в хоре же большинство звучат лишь «коллективно», даже солисты не успевают получить полное удовлетворение от индивидуального творчества, а в фольклорном спектакле — почти каждый — «герой», а некоторые успевают исполнить несколько ролей, наряду и с коллективным вокальным, и прочим вкладом; в фольклорном спектакле звучат аплодисменты не только после исполнения коллективного номера, как в хоре, а нередко после отдельных реплик персонажей, т.е. одобряется выступление и каждого участника представления. И всё-таки главное в художественном коллективе — творческое дело. В «Лучинушке» почти всё, что делается — создаётся под грифом «впервые»: и фольклорная драматургия, и фольклорные спектакли, и создание новых образов и т. д. Такая работа способна увлечь людей с самыми большими запросами, поэтому хочется верить, что фольклорным театрам — быть!

9. Заключения, рекомендации

Двадцатилетний опыт работы фольклорного театра «Лучинушка», повышенный и постоянный интерес к нему средств массовой информации, многочисленные отзывы зрителей, присвоение ему звания «народный» через три года концертной деятельности, а также званий лауреата Всесоюзных смотров и фестивалей, присуждение руководителям театра звания «Заслуженный работник культуры РФ» — свидетельствует о том, что создан самобытный творческий коллектив, удачно соединивший фольклор и современное искусство.

Основой его жизнеспособности является обширный собственный репертуар, который продолжает расширяться. Фольклорный театр «Лучинушка» является лабораторией, где создаётся фольклорная драматургия (новый вид литературного творчества), на основе которой обеспечивается репертуар для современного фольклорного театра. Написаны и апробированы программы: «Горница», «Женихи», «Солдатки», «Неверность», «Иван да Марья», «Енисеева судьба», «Зимние святки», «Цвет папоротника» (фольк-опера), «Житие козака Омэлька» (на украинском языке) и др.

Социологические исследования, проведённые по изучению деятельности фольклорного театра «Лучинушка» позволяют уверенно говорить о том, что данный вид искусства, в котором происходит максимальное раскрытие творческих возможностей как всего коллектива, так и каждого участника его, наиболее полно соответствует требованиям сегодняшнего дня, идеям обновления общества, возрождения духовности. По сравнению с народными хорами и ансамблями, где доминирует коллектив над личностью — фольклорные театры являются более высокой ступенью народного искусства. То же можно сказать относительно и его репертуара, создание которого требует весьма значительных творческих усилий, более широкого и глубокого познания фольклора, имеющего изначально драматический характер.

Фольклорный спектакль, будучи синтетическим искусством, имеющий диапазон от народной драмы до фольк-

оперы, не является искусственным жанром, наоборот, он даёт возможность вернуть народному искусству первоначальный синкретический характер, форму драматического действа.

Социологические исследования подтвердили действенность этой формы клубной деятельности, поскольку правильно взята ориентация на решение проблем, не безразличных для современного зрителя. Этнографический путь использования фольклора на сцене не может иметь преимущества в качестве сценического искусства перед созданием современной фольклорной драматургии, поэтому наша идея превращения народных хоров и ансамблей (самодеятельных и профессиональных) в фольклорные театры путём театрализации концертных программ весьма актуальна, своевременна.

Возможности фольклорных спектаклей безграничны, одна и та же программа в исполнении разных артистов и разных коллективов способна принимать бесконечное количество вариантов, в связи с использованием местных фольклорных элементов и изменением объёма сценария.

Фольклорные спектакли способны влиять на духовное возрождение человека. По эмоциональному воздействию фольклорные спектакли превосходят концертные программы и вместе с тем не требуют больших материальных затрат, не требуют каких-то условий для подбора состава участников, поэтому не только могут возникнуть на базе хорового коллектива, но и практически в любом клубе, лишь бы имелся репертуар.

Фольклорные театры могут способствовать росту и формированию национального самосознания народов нашей страны.

Для первого толчка в создании фольклорных театров можно использовать программы фольклорного театра «Лучинушка», обеспечив их тиражирование.

Заслуженные работники культуры РХ
Терещенко Борис Николаевич,
Терещенко Валентина Петровна.

Список литературы

1. О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений. — Постановление ЦК КПСС от 12 июня 1985 года. — «Правда», 16/6-85 г.
2. Культурная политика КПСС в современных условиях. — Тезисы Идеологической комиссии ЦК КПСС. — Газ. «Советская культура» 30/6-90 г.
3. Ленин, революция, театр: Документы и воспоминания. — Л., 1970.
4. Абалкин Н. Система Станиславского и советский театр. — М., «Искусство», 1953.
5. Блок Вл. Система Станиславского и проблемы драматургии. — М., ВТО, 1963.
6. Богатырёв П. Г. Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. — М., 1954.
7. Богатырёв П. Г. Вопросы теории народного искусства. — М. «Искусство», 1976.
8. Буров А. Г. Учебно-воспитательная работа в самодеятельном театре. — Методическое пособие: К. , ВНМЦ, 1985.
9. Горчаков Н. М. К. С. Станиславский о работе режиссёра с актёром. — М., ВТО, 1958.
10. Русев З. Е. Проблемы фольклора в истории эстетики. — Л., 1963.
11. Гусев В. К. Эстетика фольклора. — Л., «Наука», 1967.
12. Дмитриев С. С. Очерки истории русской культуры начала XX века. — М., «Просвещение», 1985.
13. Дмитриев Ю. А., Хайченко Г. А. История русского и советского драматического театра. — М. «Просвещение», 1986.
14. Донцов А. И. Психология коллектива. — М., МГУ, 1984.
15. Дорофеев Н. И. Организация и работа фольклорного коллектива. — М., ВНМЦ, 1980.

16. Ковалёв А. Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. — М., Политиздат, 1973.
17. Кузьмин А. И. У истоков русского театра. — М., «Просвещение», 84.
18. Калугина Н. Репертуар современных фольклорных ансамблей и самодеятельных народных хоров. — Методическое пособие. М., ВНМЦ, 1984.
19. Можаев Г. А. СССР. Литература и искусство. — БСЭ, т. 24-2, с. 426-48.
20. Кравцов Я. И., Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество. — М., Высшая школа, 1983.
21. Некрылова А. Ф. Гусев В. Е. Русский народный кукольный театр. — Л., ЛТИТМИ, 1983.
22. Некрылова А. Ф. Медвежья комедия. Фольклор и этнография, — Л., «Наука», 1984.
23. Белов В. Лад. — М., «Молодая Гвардия», 1982.
24. Мерцалова М. Н. Поэзия народного костюма. — М., «Мол. Гвардия», 1975.
25. Волобуев О. В. Шестаков А. З. История древнего мира в художественных образах. — М., «Просвещение», 1978.
26. Мешко Н. К. Вокальная работа с исполнителями русских народных песен. — В сборнике: Клубные вечера. Вып. II. — М. «Советский композитор», 1976.
27. Новицкая Л. П. Изучение элементов психотехники актёрского мастерства. Тренинг и муштра. — М. «Советская Россия», 1969.
28. Путилов Б. Н. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. — Фольклор и этнография. — Л. «Наука», 1934.
29. Родина Т. М. Драма. — БСЭ, т. 8, с. 476-481.
30. Родина Т. М. Театр. — БСЭ, т. 25, с. 332-336.
31. Саруханов В. А. Агитбригада. Проблемы, рекомендации, сценарии. — М., «Профиздат, 1989.

32. Саруханов В. А. Режиссура клубных массовых мероприятий. — Л., ВПШК, 1983.
33. Саруханов В. А. Рабочая агитбригада. — М. «Профиздат», 1937.
34. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. — М., «Наука», 1979.
35. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — М., «Наука», 1981.
36. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. — М., «Наука», 1987.
37. Рукавицин М. М. Народ — творец художественных ценностей. — М., «Знание», 1983.
38. Станиславский К. С. Собрание сочинений в 6 томах. — М., «Искусство», 1959.
39. Товстоногов Г. А. О профессии режиссёра. — М., ВТО, 1966.
40. Триодин В. Е. Актуальные направления теоретического исследования клубной работы. — В кн.: Некоторые тенденции культурно-просветительной деятельности. — М., 1984.
41. Чечётин А. И. Основы драматургии театрализованных представлений. История и теория. — М. «Просвещение», 1981.
42. Шамина Л. В., Браз С. Л., Медведева М. В., Куприянова Л. Л. Специфика учебно-воспитательной работы в фольклорных певческих коллективах. — М, ВНМЦ, 1984.
43. Штелин Я. Музыка и балет в России 18 века. — Л., 1935.
44. Харлап М. Ритм и метр в музыке устной традиции. — М., Музыка, 86,
45. Народное творчество. — БСЭ, т. 17, с. 271-275.
46. Фольклорный театр. — М., Современник, 1938.
47. Кун М. А. Легенды и мифы древней Греции. — К, «Сов. школа», 1959.
48. Принципы сценического воплощения традиционных хороводных игр. — М., ВНМЦ, 1982.
49. Искусство нравственное и безнравственное. —М, «Искусство», 1969

50. Общественный быт и культура русского населения Сибири. — Новосибирск, «Наука», 1983.
51. Терещенко Б. Н., Терещенко В. П. Эффект единого действия. — Газ. «Красноярский рабочий», 30/9-84.
52. Терещенко Б. Н., Терещенко В. П. Фольклорный театр «Лучинушка». — Газ. «Знамя коммунизма», 23/4-85.
53. Величко Т. Запевает «Лучинушка». — Газ. «Красноярский рабочий» 5/9-86
54. Терещенко Б. Н. Терещенко В. П. О роке и родной частушке. — Газ. «Красноярский рабочий», 20/XI-87.
55. Терещенко Б. Н., Терещенко В. П. С чего начинается Родина. — Газ. «Знамя коммунизма», 13/3-89.
56. Терещенко Б. Н., Терещенко В. П., Токаренко В. Ф., Токаренко М. И. «Прогрессивный опыт». — Газ. «Знамя коммунизма», 17/2-88.
57. Зайцева Л. 1% на культуру. — Ж-л «Встреча», 10/90., с. 34-38.
58. Кишкин И. Кто платит, тот заказывает музыку. — Ж-л «Встреча», 10/90, с. 25-26.
59. Мифы древних славян. — Саратов, «Надежда», 1993 г.
60. А. Асов. Славянские боги и рождение Руси. — Москва, «Вече», 1999 г.
61. А. Асов. Тайны «Книги Велеса». — Москва. «Аиф-Принт», 2001 г.
62. А. Асов. Славянская астрология. — Москва, ФАИР-ПРЕСС, 2001 г.
63. А. Асов. Атланты, арии, славяне. — Москва, ФАИР-ПРЕСС, 2001 г.
64. Свято-Русские Веды. Книга Коляды. — Москва, ФАИР-ПРЕСС, 2001 г.
65. Свято-Русские Веды. Книга Велеса. — Москва, ФАИР-ПРЕСС, 2001 г.
66. Н. В. Слатина. Велесова книга. — Москва-Омск, «Русская Правда», 2003

67. А. Асов. Священные прародины славян. — Москва, «Вече», 2002 г.
68. Песни Гамаюна (Извод Буса Кресеня). — Москва, ФАИР-ПРЕСС, 2005 г.
69. Юлия и Юрий Мизун. Русь ведическая. — Москва; «АиФ-Принт», 2003 г.
70. А. Асов. Руны славян и «Боянов гимн». — Москва, ФАИР-ПРЕСС, 2005 г.
71. А. Асов. Атлантида и Древняя Русь. — Москва, АиФ-Принт», 2003 г.
72. В. Н. Дёмин. Русь Нордическая. — Москва, «Вече», 2005 г.
73. Л. Н. Асанов. Тайны первобытного мира. — Москва, «Вече», 2002 г.
74. А. Г. Егурнов. Древние русичи заговорили. — Москва, Гармония, 2001 г.
75. А. В. Гудзь-Марков. Индоевропейцы Евразии и славяне. — Москва, «Вече», 2004 г.
76. А. Е. Хомутов, Антропология. — Ростов на Дону, «Феникс «, 2002 г.
77. Ю. Д. Петухов. История Русов (в двух томах). — Москва. «Метагалактика», 2000 г.
78. Ю. Д. Петухов. Тайны древних Русов. — Москва, «Вече», 2001 г.
79. А. А. Лучин. Славяне: свет и потёмки истории. — Москва. Белые альвы, 2003 г.
80. Коловорот-2004. — Москва, Ладога-100, 2003 г.
81. Валерий Шамбаров. Русь: дорога из глубин тысячелетий. — Москва, ЭКСМ0-Пресс, 2002 г.
82. М. Кучиньский. Загадка Фестского диска и змеепоклонники. — Москва, «Вече» 2000 г.
83. Ю. А. Шилов. Прашуры. — Минск, «Белорусский Дом печати», 2002» г.
84. Славянская мифология. — Москва, Мегатрон, 1999 г.

85. Русские обычаи, обряды, предания и суеверия. — Москва, РИПОЛ КЛАССИК, 2003 г.
86. А. Дмитриенко. Памятники слогового письма древних славян. — Москва, «Белые альвы», 2001 г.
87. Л. Н. Рыжков.О древностях Русского языка. — Москва, 2002 г.
88. Мария Гимбутас. Славяне. Сыны Перуна. — Москва, Центрполиграф, 2005 г.
89. Б. Г. Тилак. Арктичесгая родина в Ведах. — Москва, ФАИР-ПРЕСС, 2001 г.
90. К. Л. Гальковский. Борьба христианства съ остатками язычества въ Древней Руси. — Харьковъ, «Индрик», 1997 г.
91. Б. Н. Терещенко Его Величество — Человек (путь к себе). — Красноярск, «Буква С», 2006 г.
92. Ю. К. Ковальчук. Приговорены к устранению. «Отечественные записки», № 8, 30.04
93. Б. Корчагин. Суд над академиком. — Москва, «Витязь», 2001 г.
94. Дуглас Рид. Спор о Сионе. — Москва, «Витязь» 2000 г.
95. Юрген Граф. Миф о холокосте. — Москва, «Витязь», 2000 г.
96. Юрий Федосеев. Ксенофобия или самооборона. — Москва, «Витязь», 2005 г.
97. Ю. М. Иванов. Евреи в русской истории. — Москва. «Витязь» 2000 г.
98. Владимир Даль. Записка о ритуальных убийствах. — Москва, «Витязь», 2000 г.
99. Ф. М. Достоевский. Еврейский вопрос. — Москва, «Витязь», 2000 г.
100. Славянские Веды. — Москва, «Витязь», 2001 г.
101. Василий Карпухин. Трагедия России. — Москва, «Витязь», 2009 г.
102. Олег Платонов. Бич божий: эпоха Сталина. — Москва, «Алгоритм», 2005 г.
103. Олег Платонов. Святая Русь и окаянная нерусь. — Москва, «Алгоритм», 2005 г.

104. А. И. Солженицын. Двести лет вместе (1795-1995). — Москва, Русский путь, 2001 г.
105. Сокровища мира и России. — Москва, «Витязь», 2004 г.
106. Сказания русского народа, собранные И. Д. Сахаровым. — Москва, «Художественная литература», 1990 г.
107. Народный театр. — Москва, «Советская Россия», 1991 г.
108. Ю. Г. Круглов. Русские обрядовые песни. — Москва, «Высшая школа», 1982 г.
109. Музыкальное творчество народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1986 г.
110. Народная проза. — Москва, «Советская Россия», 1992 г.
111. Русское колдовство, ведовство, знахарство. — Санкт-Петербург, «Литера», 1997 г.
112. Д. Д. Фрэзер. Фольклор в Ветхом Завете. — Москва, ПОЛИТИЗДАТ, 1990 г.
113. Н. М. Карамзин. История Государства Российского. — Издательство «Наука», Москва, 1989 г.
114. Библия. — Всесоюзный Совет Евангельских христиан-баптистов. — Москва, 1990 г.
115. Изборник (Сборник произведений литературы древней Руси). — Издательство «Художественная литература», Москва, 1969 г.

Практическая часть

Народные драмы

Когда стихает предконцертный шум,
и замирает зал в волненьи томном,
Душа России, сказочный триумф —
«Лучинушка» идёт в нарядах скромных.
Походки грациозны и легки,
И возле глаз лукавые морщинки,
И дроби выбивают каблуки,
И плечи плавно ходят для разминки,
И, может быть, все косточки болят,
И сердце бьётся, как о клетку узник,
Но всё рывком отброшено назад —
Сейчас искусство — бог их и союзник.
И надо ж так, на озере Шира
Найдёшь таланты, голоса такие,
Как будто, с сердцем повенчав ветра,
Заговорила вдруг сама Россия!

(Комиссаровы)

По солнечному кругу

Для любого театра, и профессионального, и самодеятельного, 20 лет — это значительная дата. Сделано 20 витков по солнечному кругу — фольклорный театр «Лучинушка»: народный коллектив, лауреат Всесоюзных смотров и фестивалей, участник второго Международного фестиваля стран Азиатско-Тихоокеанского региона — прошёл все стадии становления и творческого роста без потерь и срывов, став творческой лабораторией по созданию и апробированию репертуара для фольклорных театров, народных ансамблей песни и танца. Написано более десятка одно-двух-трёхактных народных драм: «Горница», «Женихи», «Неверность», «Солдатки», «Енисеева судьба», «Иван да Марья», «Амурное вещество», «Зимние святки», «Цвет папоротника», а также «Житие козака Омэлька» (на украинском языке). Опубликованы — «Енисеева судьба», «Женихи», «Неверность», «Иван да Марья», «Зимние святки», «Цвет папоротника» (фольк-опера).

Таким образом, создано новое литературное направление — фольклорная драматургия. С написанием народной драмы работа над ней продолжалась уже на сцене, так появилось более десятка

фольклорных спектаклей, в которых всё было впервые: и общая режиссура, и мизансценирование, и формирование образов, и костюмы, и хореография, и хормейстерская работа, а также декорации и реквизит. С «Лучинушкой» в нашей стране появился новый жанр народного искусства — современный фольклорный театр, имеющий собственную драматургию. Отличие фольклорного театра «Лучинушка» от других народных коллективов, прибегающих к театрализации фольклорных программ, в том, что они используют этнографические действа (свадебные обряды, посиделки, святки и т. п.), а «Лучинушка» использует собственный драматургический материал, для создания которого необходим драматургический талант, умение привести к общему знаменателю и фольклорный материал (песенный, музыкальный, хореографический, поэтический), и авторский, без чего невозможно написание драматургического произведения. А это получается лишь тогда, когда авторские произведения достигают уровня народных, лишь в этом случае вся ткань сценического произведения становится цельной, однородной, художественно убедительной.

Хотя давно уже назрела необходимость в массовом развитии жанра современного фольклорного театра, поскольку жанр народного хора, народного ансамбля песни и танца себя исчерпал, ведь фольклор по сути своей — драматическое действо, а песня и танец — лишь подчинённая часть его, появлению фольклорных театров тормозит отсутствие репертуара: не каждому коллективу дано создавать собственный. Решение данной проблемы на первом этапе возможно через публикацию и распространение богатого репертуара «Лучинушки». Из десятка предлагаемых нами народных драм можно создавать бесконечное множество фольклорных спектаклей, ведь именно в вариабильности — основное отличие фольклорных спектаклей от классических сценических произведений. Фольклорный спектакль — это мозаичное полотно, состоящее из множества «мозаичных стёкол» — фольклорных элементов (песни, плачи, заклички, частушки, танцы, пляски, хороводы, заговоры, пословицы, поговорки, анекдоты, были, небывальщины и др.). Любой коллектив в любом регионе может использовать местные фольклорные элементы, отчего колорит спектакля изменится. Состав коллектива, его творческие возможности, введение новых персонажей и сцен, а также произведений народных

умельцев (ковры, скатерти, гончарные изделия, предметы домашней утвари, одежда, различные поделки, плетень и прочее) ещё больше открывают простор для самовыражения и творчества.

Для реализации нашей идеи превращения народных хоров и ансамблей в фольклорные театры, наряду с репертуаром, мы предлагаем монографию «Истоки и перспективы фольклорного театра», в которой даётся методологический материал в помощь написания народных драм, постановки фольклорных спектаклей и создания фольклорных театров. Появление современных фольклорных театров — это объективный процесс исторического развития народного художественного творчества, которое с самого начала возникает как синкретическое искусство, в дальнейшем проходит фазу дифференциации (хоры, ансамбли) и должно вновь приобрести синтетический характер в виде фольклорных театров. Фольклорный спектакль, будучи синтетическим искусством, имеющий диапазон от народной драмы до фольк-оперы, даёт возможность вернуть народному искусству первоначальный синкретический смысл.

Возможности фольклорных спектаклей безграничны, одна и та же программа в исполнении разных коллективов, разных артистов способна принимать бессчётное количество вариантов в связи с использованием местных фольклорных элементов, вариациями составом исполнителей, объёмом сценария.

Фольклорные спектакли способны влиять на духовное возрождение человека, способствовать росту и формированию национального самосознания. По эмоциональному воздействию фольклорный спектакль превосходит концертные программы и вместе с тем может обойтись без больших материальных затрат, не требует каких-то условий для подбора состава участников, поэтому не только может возникнуть на базе хорового коллектива, но и практически в любом клубе, лишь бы имелся репертуар. Социологические исследования, проведённые по изучению деятельности фольклорного театра «Лучинушка», предоставляют уверенность говорить о том, что данный жанр народного искусства, в котором происходит максимальное раскрытие творческих возможностей как всего коллектива, так и каждого участника его, наиболее полно соответствует требованиям сегодняшнего дня, идеям обновления общества, возрождения духовности.

Создание детских фольклорных театров является наиболее эффективной школой эстетического воспитания детей. Нами разработана новая программа эстетического воспитания, в основе которой лежат следующие теоретические положения: онтогенез повторяет филогенез, трёхэтапность развития культуры — синкретический, дифференциации и обобщения; три основы воспитания — орнаменталистика, обрядовая культура, частушечно-плясовой жанр и театрализованный характер уроков.

В жизни новые идеи, новые формы, увы, пробивают себе дорогу с трудом. Удивительнее всего, что именно среди работников культуры новшества наши воспринимаются с наибольшим сопротивлением. То ли консерватизм, то ли амбиции, то ли нежелание, как говорится, начинать всё сначала — мешает всерьёз заинтересоваться нашим опытом, а ведь мы занимаемся фольклорным театром более четверти века (первый фольклорный спектакль «Енисеева судьба» — поставлен нами в 1969 году на базе Шушенского народного ансамбля песни и танца). Все остальные спектакли создавались нами на базе собственного коллектива — фольклорного театра «Лучинушка», образованного нами в 1982 году при Доме культуры курорта «Озеро Шира».

Активная концертная деятельность, записи на радио и телевидении, участие в смотрах и фестивалях и множество восторженных откликов (имеется около двух сотен записей в трёх книгах отзывов) — всё это вселяет уверенность в правоте нашего дела, в правильности выбранного нами пути. Вот наиболее характерные мнения о «Лучинушке» наиболее компетентных специалистов.

«Отдыхая в санатории «Озеро Шира», довелось познакомиться с искусством фольклорного театра «Лучинушка». Мы получили истинное наслаждение от просмотра спектакля «Иван да Марья». С открытием занавеса со сцены повеяло родным, милым сердцу народным дыханием. Сразу очаровал зрителей (это было понятно по реакции) чистый мягкий голос Валентины Петровны Терещенко (Марья). Здесь проявилось настоящее мастерство, задушевность и главное — убеждённость, которая передаётся зрителю. Мужские роли пришлось играть одному актёру. Здесь Борис Николаевич Терещенко показал пример искусного

перевоплощения. Каждая роль была сыграна талантливо. Он режиссёр-постановщик спектакля. Режиссура спектакля грамотна. Много ярких находок. Все лаконично, понятно. Спектакль так поставлен, актёры так играют, что зритель как-то незаметно становится участником представления. Сцена и зал как бы сливаются воедино.

Да, это настоящее народное искусство!

Великое вам спасибо и низкий поклон. Больших вам успехов — балетмейстер Государственного Красноярского ансамбля танца Сибири, народный артист РСФСР А. Кондаков (1989 год)».

В настоящее время А. Кондаков — художественный руководитель ансамбля.

«Дорогие коллеги! Я не стесняюсь сказать эти слова, потому что я специалист по хакасскому фольклору. До сих пор я не встречал, чтобы фольклор был оформлен в специальный театр. Что поражает в исполнении артистов театра? Во-первых, профессиональное исполнение народных песен и танцев. Во-вторых, в исполнении ролей артистами понимаешь, чувствуешь дух и мысли народа. Возрождение в памяти старинных традиций и обычаев народа в современных условиях — это великое дело. Через народные традиции и обычаи мы воспитываем нашу молодёжь в духе любви к своему народу, Родине.

Я с большим удовольствием посмотрел спектакль и хочу выразить большую благодарность руководителям театра Борису Николаевичу и Валентине Петровне Терещенко. Желаю им продолжить эту большую и очень полезную работу. Большого пути Вам!

Профессор Хакасского университета имени Н. Ф. Катанова — Чанков Д.И.». (1995 год).

За два десятка лет выступлений «Лучинушки», в сотнях отзывов восторженных зрителей ни разу не мелькнула тень сомнения в народной подлинности наших программ. Даже тогда, когда наше авторство этих программ было заранее им известно. Почему же нас долго и упорно не желают признавать многие коллеги-фольклористы? Дело в том, что большинство фольклорных коллективов идут по этнографическому пути исполнительства, но этнография — наука, а не искусство. Искусство же должно выходить в сегодняшний

день. Этнографическое исполнение отсекает и творчество, и вариантность, без чего фольклорные элементы окаменевают, ведь при всей традиционности именно личное творчество исполнителей способно с каждым новым поколением, в каждом новом регионе вливать в фольклорные элементы свежие силы, поэтому фольклор и бессмертен.

Те, кто не склонны называть наши программы фольклорными спектаклями, мотивируют своё мнение тем, что в них сценарий и некоторые песни — авторские, но разве народные песни создавались ангелами, и разве авторские песни не становились народными, и разве известные нам народные драмы не имели литературного источника? Если мы собственный сценарий начинили фольклорными элементами, то это не значит, что они перестали быть фольклором, если молоко из вымени перелили в какой-то сосуд, то от этого молоко не перестало быть таковым.

Вопрос должен ставиться не в плоскости, фольклор это или не фольклор, а в степени наиболее органичного сочетания всех драматургических структур, в чувстве такта по отношению к используемым фольклорным элементам и изменениям в них, в художественном вкусе, в чувстве меры, в понимании не буквы, а духа народности, в национальном мировоззрении.

Фольклор — это творческий процесс, возникший в доклассовом обществе, представляющий собой диалектическое единство индивидуального и коллективного, традиции и импровизации, который несмотря на различную интенсивность своего исторического развития, продолжает видоизменяться, дифференцироваться, совершенствоваться в соприкосновении с другими видами литературы и искусства.

Жанр сценического произведения настолько сложен, что не каждый даже талантливый писатель с ним справится, вот почему народная драма не могла быть совершенной как литературное произведение, она имела мозаичный характер, имела много литературных заимствований, вставных сцен и вокальных номеров, других стилевых элементов. Отсюда её многовариантность, импровизационность, особый стиль речи (повторы и перечисления). Многими фольклористами эти качества народных драм считались недостатками, а

вместе с тем именно в этом заключены необыкновенные творческие возможности постоянного обновления и переключения идейно-художественных акцентов в зависимости от требований данного момента и данного места её постановки. Одну и ту же драму можно приурочить к различным событиям и моментам общественной жизни, введя в неё соответствующие сценки, песни, реплики. Так что мозаичность, универсализм народных драм это не слабые, а сильные стороны её.

У нас, например, программа «Горница» уже претерпела три варианта.

В 1996 году мы создали детский фольклорный театр «Лучинушку-Лелю» и специально для детей начинили «Горницу» детским фольклором.

Большинство наших драм носят форму сериала, поэтому ко всему прочему возможны ещё различные сочетания этих программ. С точки зрения классической драматургии, это почти абсурд — менять порядок актов, картин, ведь это нарушает всю композицию пьесы. Разумеется, и мы от нечего делать не нарушаем привычные сочетания одноактных драм, но при необходимости всё-таки прибегаем к вариациям, что не нарушает естественного восприятия фольклорных программ, то есть речь идёт об идее импровизированной пьесы, о чём мечтал К. С. Станиславский, обращавшийся за помощью к М. Горькому, но создать театр импровизированной пьесы им не удалось.

Современный фольклорный театр «Лучинушка» — по сути и есть театр импровизированной пьесы, который вобрал в себя принципы народной драматургии: в структуре — мозаичность, универсальность, многовариантность; в содержании — народность, историзм; в пафосе — драматизм и комедийность; в задачах — пробуждение национального самосознания; в стиле — высокая духовность и оптимизм.

В фольклорном театре «Лучинушка» все творческие функции сконцентрированы в двух лицах — режиссёра и хормейстера: «Четырьмя руками — горы свернуть можно, две бабьи и две мужские — что хошь сотворят!»

Написание сценария — это и драматургическое, и поэтическое, и композиторское мастерство, постановка спектакля — это и режиссура, и хореография, и хормейстерская работа, и деко-

рации, и костюмы, и грим и прочее, и прочее, одним словом, от «А» до «Я» всё — впервые (без спонсоров, без зарплаты, при постоянном прессинге консервативных сил). С самого начала нас не принимали всерьёз, обозвав наш коллектив «неперспективным» из-за великовозрастности его участников. Но вот прошло 20 лет, многие «перспективные» молодые коллеги выдохлись без постоянной поддержки, растаяли в сумерках нынешнего очередного кризиса российского общества.

Геноцид восточнославянской цивилизации продолжается. Можно, конечно, сетовать на великое затмение умов и душ, но не лучше ли зажечь хотя бы лучинушку... 20 лет горит наша «Лучинушка». Тем, кто был с ней с самого начала — уже за семьдесят, их осталось трое: Елена Ивановна Ильина, Надежда Афанасьевна Гатилова и Александра Ивановна Колтынаева. Столько же у Таисии Андреевны Ананьиной, Елены Ларионовны Никитиной. На пенсии уже Людмила Михайловна Овчинникова, да и сами руководители «Лучинушки», но не гаснет она: пришло новое пополнение из школьной элиты — Анна Гавриловна Осиповская, Галина Петровна Кондратьева. Удивительное дело: когда по всей стране бастуют учителя из-за невыплаты им зарплаты, когда многие из педагогов уходят из школ и занимаются торговлей и прочим бизнесом, когда многие в отчаяньи впадают в апатию или неистовство, Анна Гавриловна и Галина Петровна с молодым азартом увлеклись делами фольклорного театра, сами мастерят себе костюмы, на собственные деньги покупают парики, вышивают сорочки. Вот она — настоящая педагогика, ведь в фольклорном театре участвуют и их ученики. Да, «Лучинушка-Лада» постарела, но появилась детская студия — «Лучинушка-Леля», где почти сразу яркими жарочками вспыхнули юные таланты: Лена Волк, Анастасия Ефимцева и Наташа Дмитриева. С успехом мы уже вводим их во взрослый состав.

Создав детский коллектив, мы на практике убеждаемся в эффективности нашей программы эстетического воспитания детей на основе народных традиций. Дети, разучивая народные песни, частушки, танцы, хороводы, игры, погружаются в ауру народного сознания, в безбрежность национальной культуры.

В одном из последних фольклорных спектаклей «Зимние святки» у нас участвуют и дети, и взрослые, артисты с 6-7 лет и

до 70 и больше. Вот они — идеальные условия для возрождения традиционной национальной культуры. И никаких конфликтов «отцов» и «детей». Вообще конфликты между ними появляются в других плоскостях, в тех случаях, когда нет преемственности в культуре, в мировоззрении, в духовности.

Мы, конечно, понимаем, что невозможно объять необъятное, даже четырьмя руками, но по образу и подобию «Лучинушки-Лады» и «Лучинушки-Лели» могут и должны появиться десятки, сотни, тысячи лучинушек, которые способны будут разжечь пламя российской народной культуры, в свете которого не только народам нашей страны, но и всему миру предстанет Восьмое Чудо Света — восточно-славянский фольклор.

Заслуженные работники культуры РХ
Борис и Валентина Терещенко

II Краевой фольклорный фестиваль, г. Красноярск, парк им. Горького, фольклорный театр «Лучинушка», 1 июля 1988 года

Сцены из фольклорных спектаклей в исполнении артистов театров: «Лучинушки-Лады» и «Лучинушки-Лели»

Драматург, режиссёр — Борис Терещенко

Иван

Дед Кисель

Серафим Ермилыч

Сценические герои в исполнении Бориса Терещенко

Омелько

Степан

Евлампий Силыч

Композитор, хормейстер — Валентина Терещенко

Марьюшка

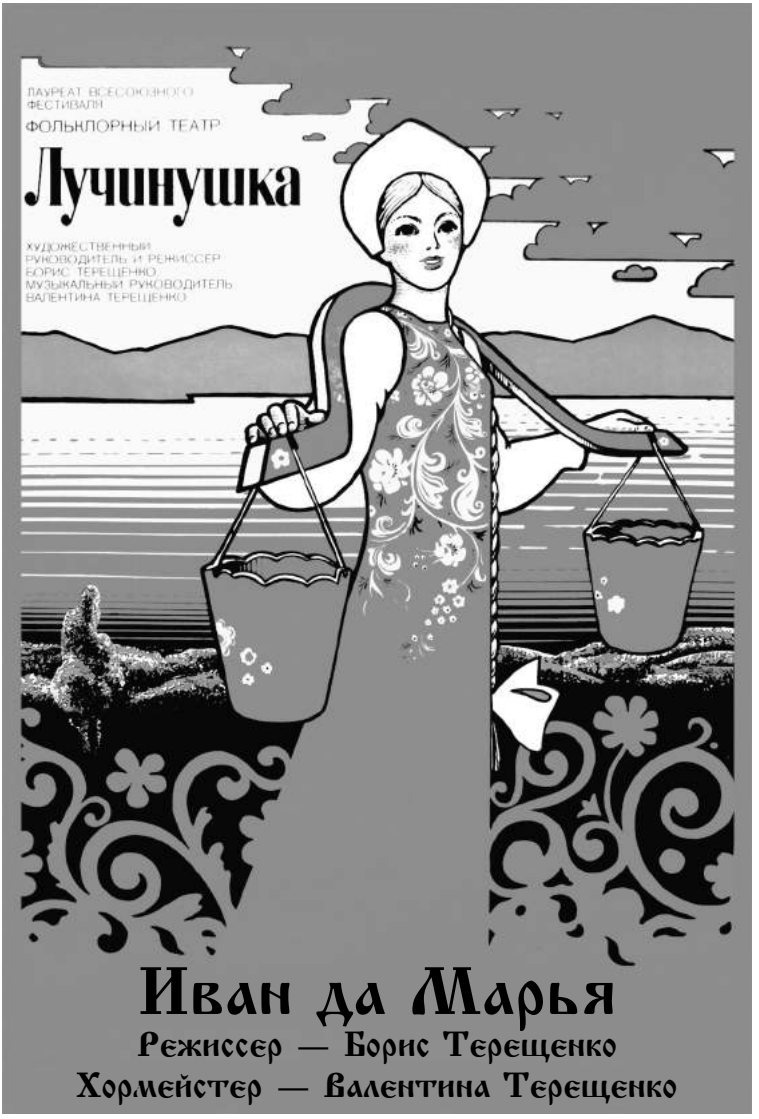
Одарка

Тётка Марья

Сценические герои в исполнении Валентины Терещенко

Никитична

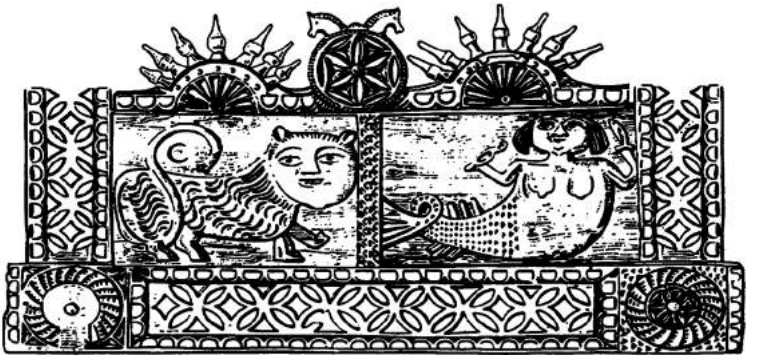
Снегурочка (Дед Мороз — Борис Терещенко)



Иван да Марья

Режиссер — Борис Терещенко

Хормейстер — Валентина Терещенко



Иван да Марья

Сцены из народной жизни

Действующие лица:

ИВАН — влюблённый юноша.
МАРЬЯ — влюблённая девушка.
ДЕД КИСЕЛЬ — отец Марьюшки.
КИСЕЛИХА — его жена.
НИКИТИЧНА — деревенская всезнайка.
ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ — её муж.
СВАХА.
СЕЛИВАНИХА — её кума.
СТЕПАН — сын Селиванихи.
СЕРАФИМ ЕРМИЛЫЧ ЖЕЛТОРЫЛОВ — местное начальство.
БАТЮШКА.
СУРЛАНА — целительница.
ШАМАН.
ПОВАРИХА.
МУЖИКИ, БАБЫ, ДЕТИ.

Действие происходит на юге Сибири на берегу Енисея.

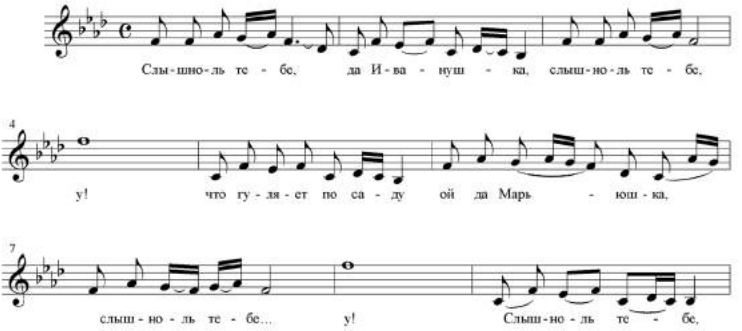
Картина первая

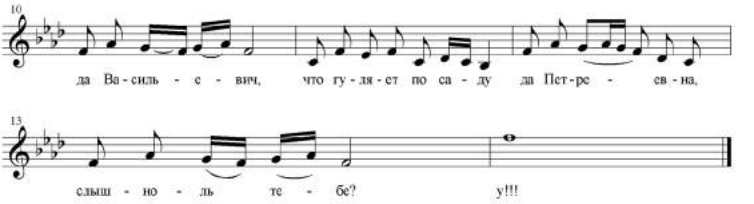
Над сибирским селом на берегу Енисея зажглась вечерняя заря, опалив огнём березняк, разлилась по воде. Предвечерних хлопот у сельчан — по горло, но у Марьюшки — своя заботушка. А какие заботы в двадцать лет? Нежное лицо её с мягкими, типично русскими чертами пылает, как зорька на небе, и красная лента в косе, доходящей до колен, тоже перекликается с небесным заревом, и сарафан на ней — такого же цвета. Раньше назначенного срока пришла она в берёзовую рощу, а Иван явился ещё раньше. Спрятавшись, он любуется Марьюшкой — только её призывная песня, которую он не решается прервать, удерживает парня в укрытии. Завороженный пением, Иван не замечает, что и за ними следят: с одной стороны — Никитична, деревенская всезнайка и сплетница, а с другой — известная на всю округу Сваха и её кума, Селиваниха.

МАРЬЮШКА.

Закличка

Слышно ль тебе, да Иванушка,
слышно ль тебе, у-у-у!
что гуляет по саду ой да Марьюшка,
слышно ль тебе... у-у-у!
Слышно ль тебе, да Васильевич,
что гуляет по саду да Петреевна,
слышно ль тебе? У-у-у!!!





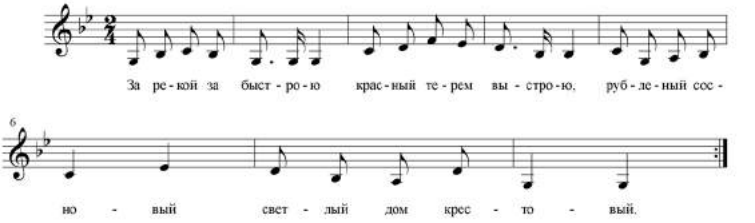
С цветами перед Марьюшкой появляется Иван. Пока цветут жарки, у Марьюшки в доме они не переводятся.

Иван начинает ответную песню, последний куплет которой подхватывает и Марьюшка.

ИВАН.

За рекой за быстрою

За рекой за быстрою
красный терем выстрою,
рубленый сосновый
светлый дом крестовый.
На четыре стороны,
на все четыре стороны
прорублю дороги
от моего порога.
Этими ль дорожками,
в двери ли, в окошко ли,
может, и случится — счастье постучится.

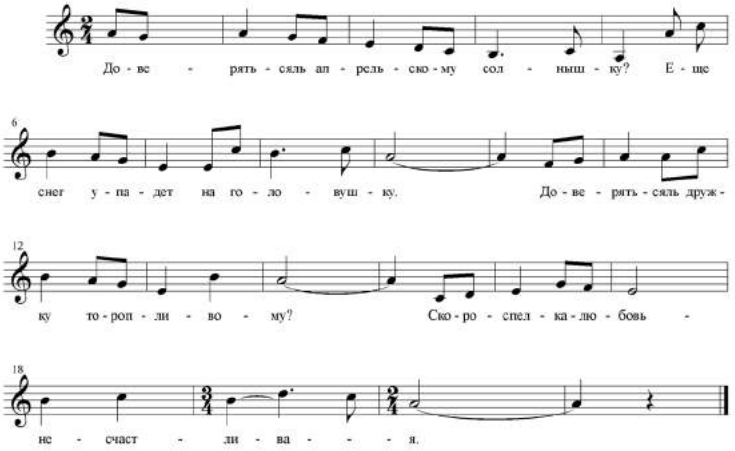


Иван, высокий, статный молодец, пытается крепко обнять девушку, а она, рассердившись, отталкивает парня, но чтобы не обидеть его, пытается объяснить песней своё строгое поведение.

МАРЬЮШКА.

Доверяться ль апрельскому солнышку

Доверяться ль апрельскому солнышку?
Ещё снег упадёт на головушку.
Доверяться ль дружку торопливому?
Скороспелка-любовь — несчастливая.
Я хочу, чтобы милый обхаживал
и меня, словно вишню, выращивал,
называл своей вишенкой-ягодкой,
а ещё и красивой и сладенькой.
И тогда всей душою откроюсь я,
расплету свои длинные волосы,
ведь не зря я ждала слова нужного,
я теперь навсегда — жена мужнина!



Пара удаляется на берег Енисея. За ними следит Никитична. Завидуя влюблённым, поёт частушку, аккомпанируя себе на балалайке.

НИКИТИЧНА.

Сирота я, сирота —
без отца, без матери,

а ещё я сирота —
гуляю без симпатии.

Замечая сваху и куму, прячется, а те уже не в силах таиться и молчать, выходят из укрытия.

СВАХА. Видала?

СЕЛИВАНИХА. Ослепла что ль...

СВАХА. Слыхала?

СЕЛИВАНИХА. Оглохла что ль...

СВАХА. Вот, кума, тебе и будущая невестушка!

СЕЛИВАНИХА. Давно я заприметила в Марье — в сторону метит.

СВАХА. Ох, не в сторону... Чует моё сердечко — в самую точку!

СЕЛИВАНИХА. Догоню — косу выдергаю!

СВАХА. Сначала в дом заполучи невестку, потом уж изголяйся, сколь хошь.

СЕЛИВАНИХА. Упустила девку и всё из-за тебя, Сваха-неумеха!

СВАХА. Каков товар, таков и спрос.

СЕЛИВАНИХА. Да коли ты сына мово женить не способна — инвалид, а не сваха ты!

СВАХА. Сама ты припадошная, и сын твой, и всё племя твоё — припадошное!

СЕЛИВАНИХА. Я так дело не оставлю, ославлю на всю округу тебя, без работы своей пакостной — взвоешь!

СВАХА. Жалко на сынка потратиться — поболе убудет!

СЕЛИВАНИХА. Сама женю, а тебя знать не желаю! *(Уходит.)*

СВАХА *(вдогонку)*. Попомни, кума, я женить и разженить способна!

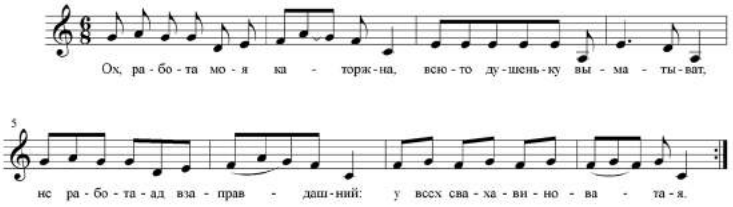
Несколько успокоившись от перепалки, Сваха поёт куплеты, жалуясь на неблагодарность клиентов.

СВАХА.

Куплеты свахи

Ох, работа моя каторжна,
всю-то душеньку выматыват,
не работа — ад взаправдашний:
у всех Сваха — виноватая.

Сговоришь красотку писану
выйти замуж молодёхоньку
за скупого чёрта лысого,
а она — и не радёхонька.
Подавай любовь ей вечную,
у самой же — нет приданого,
может, и найдёшь сердечного,
так, обратно ж — голоштанного...
Ох, работа моя каторжна,
всю-то душеньку выматыват,
не работа — ад взаправдашний,
у всех Сваха — виноватая...
Для людей век надрывалася,
познала на ять прохфессию —
и без ног совсем осталася...
Кто ж платить мне будет пенсию?!



Сваха удаляется. Тут же, на берегу собираются бабы после полоскания белья в Енисее. В руках у них предметы, связанные со стиркой: тазы, ведра, стиральные доски, коромысла, прищепки и т.п.

1 ГОЛОС. Ох, уморилась со стиркой — моченьки нет! Бабоньки, идите сюда, тута-ка и отдохнём.

2 ГОЛОС. Поставила корыто своё на дороге — ни пройти, ни проехать.

3 ГОЛОС. Сюда — бабы!

Все рассаживаются.

1 ГОЛОС. И за что нам, бабы, такое наказание: стирать да варить, варить да стирать?

4 ГОЛОС. Стирка — бабе наука, штоб шибко нос не задирала.

2 ГОЛОС. А коли не стирать да не варить, то и баба не нужна!

5 ГОЛОС. Э, не говори пустое, ей найдётся и другая работа.

2 ГОЛОС. Еслив ты про робят думашь, так эта работа ишшо тяжелее будет.

5 ГОЛОС. Не каждый день дитя появляется.

3 ГОЛОС. Каждый день — только стирка, да уборка, да щи с кашей...

2 ГОЛОС. А по мне — лучше стирать, чем с нонешним мужиком дело иметь!

5 ГОЛОС. Что правда, то правда — порченый мужик нынче пошёл.

4 ГОЛОС. А кто его испортил?

1 ГОЛОС. Водка и лень!

Вбегает Никитична, которой невмочь поделиться с бабами очередной новостью.

НИКИТИЧНА. Бабы, вы ничо не слыхали?

ГОЛОСА. Чо, чо? Да, может, и слыхали, да вдруг не то, да поди не так. Да не томи ты наши души, Никитична, говори, што знашь!

НИКИТИЧНА. Да Селиваниха-то со свахой перелаялись!

ГОЛОС. Да ну?

НИКИТИЧНА. Ну да! У них с женитьбой, видать, дело не выгорело, Марьюшка-то не хотит за селиванихиново недотёпу идти, ну и свахе досталось на орехи.

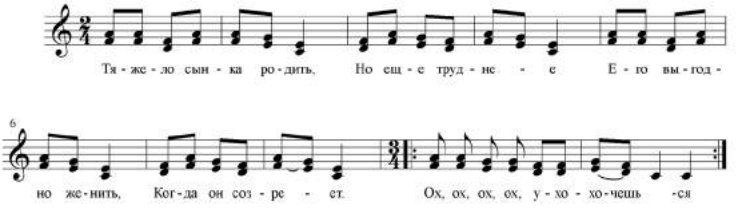
4 ГОЛОС. Ты чего-то путаешь, Никитична... Я Селиваниху со свахой давеча встретила, шли обнималися.

НИКИТИЧНА. Давеча, может, и обнималися, а теперича — разругалися. Смех — ухохочешься! *(Начинает петь куплеты, аккомпанируя на балалайке, все остальные подпевают, аккомпанируя на предметах стирки.)*

Тяжело сынка родить

Тяжело сынка родить, ох!
Но ещё труднее, ох, ох!
Его выгодно женить,
когда он созреет.
Ох, ох, ох, ох, ухохочешься,
ох, ох, ох, ох, ухохочешься!

На невесту сети Сваха, ох!
Накинуть старался, ох, ох!
Или сдуру, иль со страху
в них сама попалася!
Ох, ох, ох, ох, ухохочешься,
ох, ох, ох, ох, ухохочешься!
Для сынка мать приглядела, ох!
В жёны ягодиночку, ох, ох!
Пока бегала за сыном,
упустила милочку!
Ох, ох, ох, ох, ухохочешься,
ох, ох, ох, ох, ухохочешься!



5 ГОЛОС. Никитична, давай нашенскую!

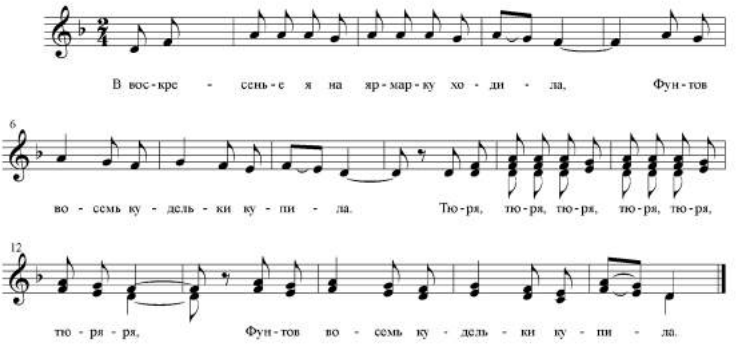
Никитична запевает любимую, все дружно подхватывают.

Неделька

В воскресенье я на ярмарку ходила,
фунтов восемь кудельки купила.
Тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
фунтов восемь кудельки купила.
В понедельник я прясти не стала,
веретёшко во вторник искала,
тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
веретёшко во вторник искала.
Не нашла у себя веретёнце,
постучала к соседке в оконце,
тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
постучала к соседке в оконце.
Постояла в четверг с ней немножко,
и забыла о том веретёшке,
тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
я забыла о том веретёшке.

А потом много дел ещё было,
а в субботу я баньку топила,
тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
а в субботу я баньку топила.

Так прошла день за днём вся неделя...ой!
Я забыла совсем про куделю.
Тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
я забыла совсем про куделю!



1 ГОЛОС *(спохватившись)*. Ой, бабоньки, я ж опару в тепло поставила, сбежит ведь, ей-богу, сбежит! *(Убегает.)*

2 ГОЛОС. Про опару забыть — и чем только думает! *(Уходит.)*

3 ГОЛОС. А я аппарат не выключила, чёрт бы его побрал! *(Убегает.)*

НИКИТИЧНА *(вослед)*. Беги шибче, кума, а то взорвётся! *(Уходя поёт.)*

Молоко пила когда-то,
а теперь — мёд-пиво,
за мной бегали ребята,
а теперь — забыли.

Все расходятся.

Картина вторая

Дом Марьюшки. Появляется Селиваниха со своим сыном Степаном. И хоть он не удался ни умом, ни статью, ни по-

ходкой, зато одет престижно: на нём — кожанка, джинсы, кроссовки, а в руках, конечно же — дипломат. Речь у жениха не соловьиная, зато жуёт он импортную жвачку.

СЕЛИВАНИХА. Есть в доме хто? *(К сыну.)* Стёпушка, сынок мой, проходи, да с правой ноги ступай, да не споткнись!

СТЕПАН. Да знаю, знаю... *(Спотыкается.)*

СЕЛИВАНИХА *(шепчет заговор)*. Как нога моя стоит твёрдо и крепко, так и слово моё будет сильно и лепко, так и дело наше будет верно и метко. *(К сыну.)* Приглашать станут — садиться не спеши, а будешь усаживаться, норови под матицу сесть да на продольную лавку. *(Громко.)* В доме-то есть хто-нибудь? *(К сыну.)* Бутылку не забыл?

СТЕПАН. Не. *(Показывает бутылку, привязанную к дипломату.)*

СЕЛИВАНИХА. Сколь денег истратил, а чемоданчик тощенький купил.

СТЕПАН. Так это ж не чемоданчик, а дипломат, во! Понимать надо.

СЕЛИВАНИХА. А проку-то с него — бутылка и та не влазит.

СТЕПАН. А я её привязал! *(Показывает всем.)*

СЕЛИВАНИХА. На стол выставишь, когда я скажу.

СТЕПАН. Мам, а что ежели она выпьет, а согласия не будет, тогда что?

СЕЛИВАНИХА. А это уж — моя забота. *(Громко.)* Есть в доме хто?

В комнате появляется хозяйка, Киселиха, застаёт непрошеных гостей.

КИСЕЛИХА. Кума, а ты, чай, не заблудилась?

СЕЛИВАНИХА *(вздрагивает от неожиданности)*. Здрасьте. А я кличу, кличу — нихто не откликается.

КИСЕЛИХА. А чего нада?

СЕЛИВАНИХА. Хозяин дома?

КИСЕЛИХА. Нету.

СЕЛИВАНИХА. А Марьюшка?

КИСЕЛИХА. По воду пошла, да, видать, с подружками заговорилась.

СЕЛИВАНИХА. А мы к вам по делу: у вас — тёлочка, а у нас, стало быть, бычок...

СТЕПАН. Ма-а-м...

СЕЛИВАНИХА. Одним словом, красавец! Где ещё такого женишка сыщите? И добра у нас, и всего — вдоволь! *(К сыну.)* Да ты покажись, сынок!

СТЕПАН. Мам...

СЕЛИВАНИХА. Да ты чо? Покажись и лицом, и всяк — не украдено ведь... Гляньте, какое диво: и здеся, и вот тут. *(Показывает нашлёпки на джинсах.)* Буквочки есть, и всё — по-иностранному расписано — и книг не надо читать... А заплатили мы за них — ужасть! Корову и не одну можно бы купить...

КИСЕЛИХА. Корову бы и купили, молочко пили бы и без штанов, чай, не остались.

СТЕПАН. Так ведь это же — джинсы! Понимать надо.

КИСЕЛИХА. А чо они — как застираны?

СЕЛИВАНИХА. Дык... оне ж не стираются.

КИСЕЛИХА. А чо они — как пожёваны?

СЕЛИВАНИХА. Дык... оне ж не гладятся.

КИСЕЛИХА. А еслив лень стирать да гладить штаны, то лучше и не одевать их!

СТЕПАН. Это же... м-мода такая!

КИСЕЛИХА. Иех, милый, по-вашему — мода, а по-нашему — голимая лень!

СЕЛИВАНИХА. Мы сегодня ж и постираем, и погладим штаны, разве в них дело!

КИСЕЛИХА. В чём же?

СЕЛИВАНИХА. Дык... в бычке и тёлочке.

КИСЕЛИХА. Вот у них и спрашиваете.

СТЕПАН. А я согласен, даже очень.

СЕЛИВАНИХА. Мой-то хотит, а вы Марьюшку уговорите, а я уж не поскуплюсь!

КИСЕЛИХА. Приходите, когда Марьюшка будет дома, с ней и толкуйте.

СЕЛИВАНИХА. А мы её подождём, спешить нам некуда...

КИСЕЛИХА. Дел у меня по горло... *(Идёт на кухню.)*

СЕЛИВАНИХА. А мы подмогнём. *(Идёт следом.)*

СТЕПАН *(оставшись один, пытается оправдаться)*. Это она — от зависти, потому что я весь — в дефиците... *(Почув-*

ствовав расположение зрителей, разговорился.) А меня уже везде знают! Когда я прихожу в гости... в гостиницу, мне говорят, где пропадал, тебя ведь группа ждала... из Японии. А я вовсе не пропадал, а у тёти Груни был... Её свинья своих свинят подавила... Ни к чему всё это. Детёнышей давить зачем?

Селиваниха уводит Степана. Появляется сваха.

СВАХА. Селиваниха со своим припадошным уже здеся... Вздумала без свахи обойтись, сэкономить на сватовстве надумала... Дали людям волю: хлебороб в начальство пошёл, дохтура стишки пописывают, а Селиваниха, чтоб ей пусто было! — в свахи полезла! Да была б моя власть — всех бы на свой шесток рассадила! И чтоб в сторону — ни, ни! Я — не я буду, если Селиваниху на бобах не оставлю. *(Шепчет заговор.)* Как не срастись двум веткам этим *(разламывает ветку и разбрасывает)*, так не сойтись никак на свете рабе божией Марии с рабом божиим Степаном. Будьте вы, мои слова, крепки и лепки, липки и метки. Замыкаю я вас тридевятью замками, запираю вас тридевятью ключами от встречных и поперечных отныне и навечно. И нет моим словам недоговора, и нет им переговора, и не изменит их конец ни бог, ни царь и ни отец! И не видать Селиванихе Марьюшки в невестках! Я для Марьюшки... генерала засватаю! Генералы здеся есть?.. Ну, а чином помельче, может, кто жениться желает? Тогда я сама для Марьюшки жениха выберу! *(Спускается в зал, выводит на сцену желающего.)* Ты кто будешь? Чо делать умеешь: петь, плясать, стишки сказывать, а может, ишшо чего-нибудь? Покажись — не ударь в грязь, будешь князь.

При желании «жених» исполняет сольный номер. Выбегает из кухни Степан, почуяв соперника, пробует избавиться от него.

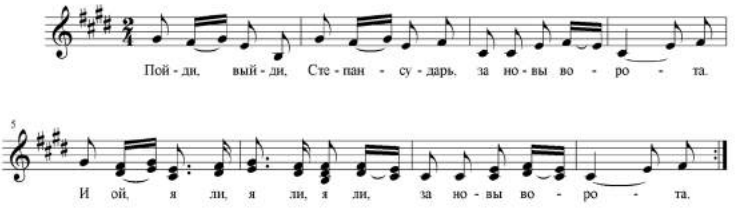
СТЕПАН. Уходите все, я буду здесь жить! Мам, прогони их!

Появляется Марьюшка с вёдрами и коромыслом, за ней — подружки.

МАРЬЮШКА. А у нас — гости! *(Начинает хоровод.)*

Пойди, выйди, Степан-сударь

Пойди, выйди, Степан-сударь,
за новы ворота.
Припев: И ой, я ли, я ли, я ли,
за новы ворота.
Погляди-ка, Степан-сударь,
во чистое поле.
Припев.
В чистом поле, в синем море
девки воду носят.
Припев.
Свет-Марьюшка воду носит,
коромыслеца гнутся.
Припев.
Они гнутся, не ломятся,
с вёдер вода льётся.
Припев.
А что эти коромыслица
долго не ломятся?
Припев.
А что эти дубовы вёдра
долго не рассохлись?
Припев.
А что это Степан-сударь
долго не женился?
Припев.
Тебя, моя свет - Марьюшка,
тебя дожидался.
Припев: И ой, я ли, я ли, я ли,
тебя дожидался.



На последних словах Степан и «жених» хватают оставленные Марьюшкой вёдра и коромысло, которое оказывается над Марьюшкой.

СВАХА. Ехали мы, ехали, сто вёрст проехали, искали пару нашему соколу и тута-ка, наконец, и нашли её!

СЕЛИВАНИХА. А мы первые сюда приехали!

СВАХА. А коли первые приехали, то и первые съезжать должны.

СТЕПАН. Мам, прогони их.

СЕЛИВАНИХА. Марьюшка, доченька моя, не слушай ты эту балаболку, меня послушай, не отказывайся от счастья своего... Вот он, сынок мой, красавец писаный — суженный твой!

СВАХА. Мягко стелит кума, да жёстко спать будет. Она уже нацелилась косыньки твои повыдёргивать... Посмотри сюда, Марьюшка, на мово сокола, вот оно — счастье твоё!

МАРЬЮШКА. Да где же моё счастье, не вижу.

СВАХА. А ты подойди поближе да приглядись получше.

СЕЛИВАНИХА. Доченька моя, не гляди на того, он чужой совсем, сюда гляди на мово ненаглядного!

МАРЬЮШКА. Забижать вас не стану, ни того, ни другого, а потому — не обессудьте, ступайте по домам с богом, такие женихи дородные завсегда найдут себе ровню... Я ж — другого люблю.

При этих словах подруги Марьюшки отбирают у женихов коромысло и вёдра. Женихи расходятся. Сваха провожает своего, Селиваниха — своего.

СВАХА. Это всё Селиваниха напутала, не в своё встрела, а ты меня, меня держись, я завтра ж для тебя наибогатшую невесту засватаю. *(К Киселихе.)* Я за своего Кузьму — любую возьму, а ты со своей Маринкой — походишь по рынку!

СТЕПАН *(уходит в недоумении, показывая на свою бутылку, привязанную к дипломату)*. Мам, а с этим как же?

СЕЛИВАНИХА. Да иди ж ты, иди, наказание моё!

Оставшиеся в горнице под задумчивую мелодию напевают частушки, в которых выражают своё отношение к происшедшему.

Серый камень, серый камень,
серый камень — сто пудов,
серый камень столь не тянет,
сколь проклятая любовь.

Семь да семь — четырнадцать,
подай, дружочек, счёты,
а двоим одну любить —
какие же расчёты?

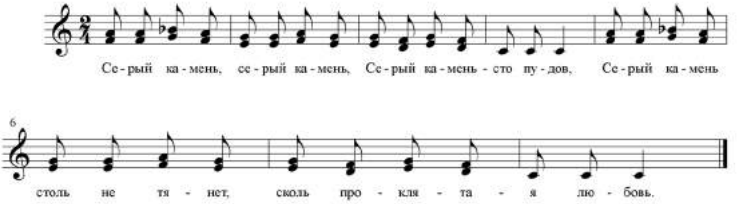
Я берёзу белую
на розу переделаю,
я сначала завлеку,
потом измену сделаю.

Ох, тучка на тучку
натучилася,
долго милого не видела —
наскучилася.

Подружка моя —
разливное море,
твой уехал, мой ушёл,
нам обоим — горе.

Ты, дороженька, дороженька,
дороженька — дугой,
не по этой ли дороженьке
уехал дорогой.

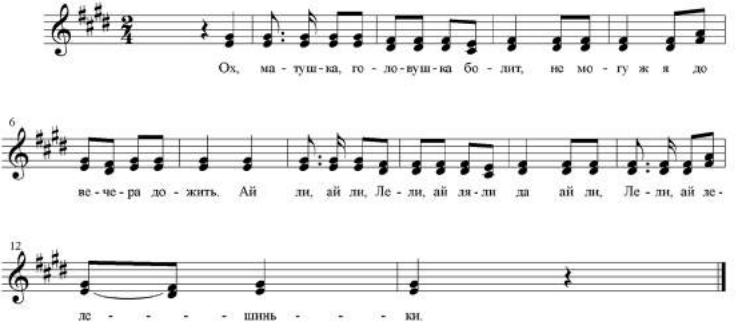
Нынче вечер и не вечер,
хоровод — не хоровод,
моего милёнка нету,
значит это — не народ!



Марьюшке недовыслушиваний намёков и укоров, все её мысли — только об Иване, который обязательно должен прийти. (Поёт.)

Ох, матушка, головушка болит

Ох, матушка, головушка болит,
не могу я и до вечера дожить.
Припев: Ай ли, ай ли, Лели, ай ля-ли да
ай ли, Лели, ай ле-лёшиньки.
Не могу я и до вечера дожить:
ко мне вечером мой милый прибежит.
Припев.
Ко мне вечером мой милый прибежит,
я Ванюше да всю правду расскажу.
Припев.
Я Ванюше да всю правду расскажу,
на улицу не ходила, не хожу.
Припев.
Полюбил меня хорошенький дружок,
подарил да он мне аленький платок.
Припев.
Дружок милый восхваляется,
меня сватать собирается.
Припев.
Мать родная не пускает — не пора,
дружка милого всё гонит со двора.
Припев.
Ох, матушка, головушка болит,
не могу я и до вечера дожить.
Припев.
Не могу я и до вечера дожить,
дружок милый меня сватать прибежит.
Припев.
А я Ваню во горницу поведу,
за хорошенького замуж я пойду.
Припев.



Песня сопровождается темпераментной пляской, общим весельем, в разгар которого появляется Иван.

ИВАН. Здравствуйте, люди добрые! Здравствуй, Марьюшка! *(Кланяется.)*

ГОЛОСА. Здравствуй, добрый молодец. Ох, и повеселимся мы! Погуляем!

ИВАН. Не веселиться пришёл — прощаться...

МАРЬЮШКА. Уезжаешь, когда?

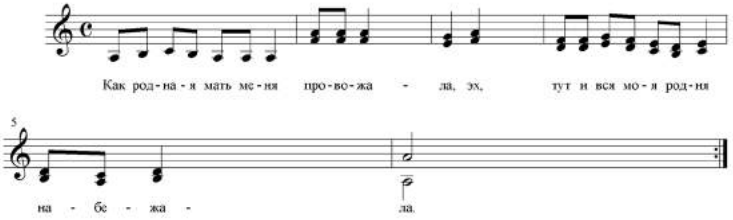
ИВАН. Сегодня, сейчас.

Опечаленная Марьюшка отходит в сторону, чтобы как-то сгладить неловкость и замешательство, Иван запевает песню.

Как родная мать меня провожала

Как родная мать меня провожала,
тут и вся моя родня набежала.
«Ох, куда ж ты, паренёк, ох, куда ты,
не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.
В Красной Армии штыки, чай, найдутся,
без тебя большевики обойдутся.
Поневоле ты идёшь аль с охоты,
Ваня, Ваня, пропадёшь ни за что ты!»
«Как дела теперь пошли — любо-мило,
сколько сразу нам земли привалило!»
«С молодой бы жил женой, не ленился...»
«Тут я матери родной поклонился,
поклонился всей родне у порога:

«Не скулите вы по мне, ради бога!
Если б были все, как вы — ротозеи,
чтоб осталось от Москвы б, от Расеи?
С Красной Армией пойду я походом,
смертный бой я поведу с барским сбродом!»



КИСЕЛИХА. Ну, коли так, Иванушка, то возвращайся с богом.

ИВАН. Спасибо Вам на добром слове, и сами оставайтесь здоровы.

КИСЕЛИХА. Дай бог, дай бог.

ИВАН. Свашенька, ты у нас — самый нужный человек в округе... Вернусь — пулей к тебе примчусь! Уважишь мою просьбу?

СВАХА. А это уж видно будет.

ИВАН. Соседушка, при всём честном народе винюсь перед тобой: сколько живу на белом свете, а вкусней огурцов, чем с твоей грядки, не едал.

СОСЕДКА. А, так вот кто мои грядки зорил!

ИВАН. Придётся гостинцем откупиться. *(Ко всем.)* Как только вернусь, непременно созовём всех на свадьбу. *(Подходит к Марьюшке.)* Созовём?

Гости с песней «Как родная мать меня провожала», приплясывая, покидают на время горницу, давая возможность проститься Ивану с Марьюшкой.

ИВАН. Если ты будешь ждать меня очень, со мной ничего не случится.

МАРЬЮШКА. Тебя никто, никто не сможет ждать, как я.

ИВАН. Я вернусь, я обязательно вернусь! *(Прощается и быстро уходит.)*

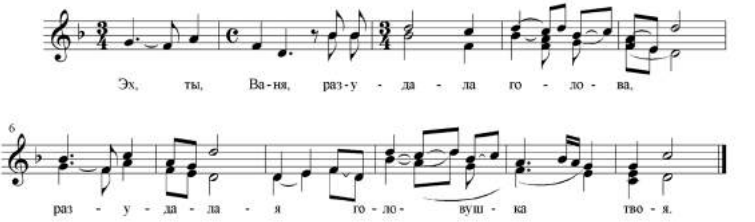
МАРЬЮШКА *(горе своё выражает песней, возвратившиеся подруги утешают её).*

Эх ты, Ваня, разудала голова

МАРЬЮШКА. Эх, ты, Ваня, разудала голова,
разудалая головушка твоя.
Сколь далече отъезжаешь, Ваня, от меня?
На кого ты спокидаешь, друг, меня?
С кем я буду это лето, ох, летовать?
Ох, с кем прикажешь эту зиму зимовать?

ХОР. Гуляй, гуляй, гуляй, лапушка, ты одна,
без милого, ох, да без Ванюшки, ох, без дружка.

МАРЬЮШКА. Голубчик мой, что ж ты сделал да со мной?
Ты оставил меня горькой сиротой!



Картина третья

Подкараулив начальство — Желторылого Серафима Ермилыча, Сваха «случайно» попадается ему на глаза.

СВАХА. Здравствуйте, Серафим Ермилыч.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Здорова будь. *(Обое медленно разминаются.)* Эй... послушай-ка. *(Оглядывается.)* Живёшь как?

СВАХА. Ой-ёй — как трава при дороге: кто ни пройдёт, тот и скубнёт... Женщина я слабая, беззащитная...

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Нуждаешься в чём?

СВАХА. Ой, Серафим Ермилыч, так нуждаюсь, так нуждаюсь...

ЖЕЛТОРЫЛОВ. В чём же?

СВАХА. А во всём!

ЖЕЛТОРЫЛОВ *(окинув оком богато одетую сваху)*. Ох, хитра же, бестия!

СВАХА. Грех Вам надсмехаться надо мной. Одному богу известно, как я, горемычная, маюсь. Не живу — мучаюсь: и

сердечушко моё изнывает, и ноженьки не ходют совсем, а головонька — будто чугуном налитая... А кругом — нужда: того нет, это кончилось, в доме — холодно...

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Так, может, угольку подбросить...

СВАХА. Ага, ага — угольку! А уж я для Вас — постараюсь...

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Постараюсь... И как это ты — постараешься?

СВАХА. Будто сами не знаете... Поди уж год вдовствуете... Неужели сударушку не желаете в дом ввести... или кого другого по хозяйству подсобить? Без женских рук — никак нельзя!

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Языки у вас длиньше рук, а руки ваши — загребущи!

СВАХА. Что правда, то правда: баба расходов требует — так уж испокон веков ведётся.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. С вами только свяжись — на весь мир ославите.

СВАХА. Грех Вам, Серафим Ермилыч, и говорить, и думать про меня такое. За других баб не скажу, а у меня тайное слово с губ и за чаркой не сорвётся, и во сне не выпорхнет. На то я и Сваха — чтобы чужие тайны за высоким забором, за тремя замками, за семью печатями хранить!

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Ну так вот тебе моё слово: сговоришь за меня Марьюшку — озолочу. Всё! *(Уходя.)* А угольку тебе — завтра ж велю подбросить.

СВАХА. Спасибоньки, Серафим Ермилыч, Вы меня, меня держитесь, а уж я — постараюсь... *(Плюёт вослед ушедшему Желторылому, подкараулив Марьюшку, выходит на встречу ей.)*

СВАХА. Здравствуй, моя красавица!

МАРЬЮШКА. Здравствуйте. *(Пытается пройти мимо.)*

СВАХА. И чем я тебе, Марьюшка, не угодила, что сердишься на меня?

МАРЬЮШКА. И вовсе я не сержусь... Чего сердиться-то?

СВАХА. И то правда... Я ведь, голубушка, завсегда только добра, только счастья тебе желаю. Вот гляжу я на тебя — сердце кровью обливается: бледненькая ты стала, тихая. А если в девках грустить, то в бабах — тем более не навеселишься. Все мы, бабы — одинаковые: убиваемся по мужику, а он, может, и мизинца нашего не стоит; сохнем-вянем по нём, а он, может,

в это время другую обхаживает. Все они — я б тебе сказала кто, да уста за ради них не хочу поганить! А жить, Марьюшка, надобно умеючи...

МАРЬЮШКА. Мне нужно идти.

СВАХА. А иди, иди, сердечная, да только знай: видели твово Ивана.

МАРЬЮШКА *(вспыхнула)*. Кто? Где? Когда?

СВАХА. Командиром он теперича заделался и, сказывают, в село ему уже путь заказан.

МАРЬЮШКА. Как же так... он же...

СВАХА. Командирам простых жён брать не велено: оскандалить могут в один момент, а им, командирам в скандале ходить никак нельзя.

МАРЬЮШКА. Я ведь...

СВАХА. Да ты, сладенькая моя, не горюй, мы — тоже не лыком шиты! Только скажи одно слово мне — и я для тебя такого соколика засватаю — всем на зависть! Да ты знаешь, что такое «сваха»? Сваха — всё могёт! Ни бог, ни чёрт на такое не способен! Хотишь, я тебя начальницей сделаю, все бабы пред тобою мелким бесом запляшут... Только скажи одно слово мне...

МАРЬЮШКА. Никого, ничего мне не надо!

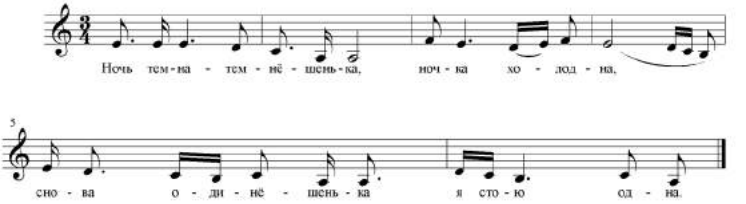
СВАХА. Тебе, может, и видней, да только знай: свет не на тебе одной клином сошёлся. Свято место пусто не бывает. Сама посуди: вчера ишшо женихов довольно было, сегодня — можно и в дамки попасть, а завтра — может, вообще никого! Эх, да была б у меня дочь, да разве ж я тута-ка с тобой время теряла?! Ох, до чего же неразумная холостёжь нынче пошла! Да в твои бы годы, да такой жених мне — по снегу, по уголью... босиком пошла бы! Руками, зубами вцепилась бы, суперниц бы всех — раскидала, растоптала б!!! *(Опомнившись.)* О господи, прости мою душу грешную... Запомни, Марьюшка, три дня тебе сроку даю. *(Уходит.)*

Марьюшка в оцепенении застывает на месте. Поёт.

Ночь темна-темнёшенька

Ночь темна-темнёшенька,
ночка холодна,
снова одинёшенька

я стою одна.
Я ли не охотница
жить с людьми в ладу,
я ли не работница
в летнюю страду.
От работы спинушка
до сих пор болит,
лучина, моя лучинушка
не ясно горит.
Милые родители,
Сваха и родня,
вы меня замучили,
извели меня.
Ох, тоска-кручинушка,
как сердце болит,
лучина моя, лучинушка
не ясно горит.

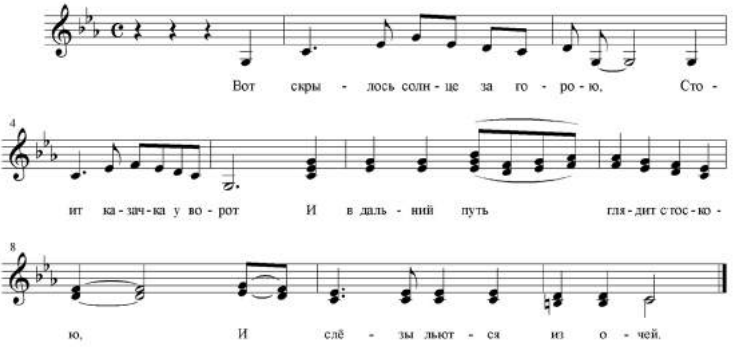


Появившиеся женщины сочувствуют Марьюшке всей душой. Поют.

Вот скрылось солнце за горою

Вот скрылось солнце за горою,
стоит казачка у ворот
и в дальний путь глядит с тоскою,
и слёзы льются из очей.
О чём, о чём, казачка, плачешь,
о чём, голубушка, грустишь?
Одна, одна печаль-кручина —
велят мне милого забыть.
И вот в станицу едут сваты,
не милый едет, а другой,
возьмёт постылый и богатый,
и будет звать своей женой.

Расчешут косу мне густую,
проводят с песней под венец.
Зачем девчонку молодую
ты в дом чужой отдал, отец?



СВАХА *(нашёптывая женщинам)*. Марьюшка-то, поди, скоро большим человеком станет.

1 ГОЛОС. Как же так?

СВАХА. А Серафим Ермилыч — первый человек в округе.

2 ГОЛОС. Неужто — сам Серафим Ермилыч?!

СВАХА. Сам, сам.

МАРЬЮШКА. Глупости всё это...

НИКИТИЧНА. А я бы за Серафима Ермилыча, не будь у меня Евлампия, с превеликим удовольствием пошла. Эх, бабы! Ну что мы в жизни видели с вами? Да и что с нас возьмёшь: ни обхождения культурного, ни слов книжных — никакой завлекательности, только «да» или «нет». Скушно... Я вот давеча кино смотрела... мудрено как-то называется... ну да ладно, я ведь что хочу сказать, как некоторые люди умеют жить, которые богатые или учёные шибко, артисты, конешно, а ишшо начальство да ишшо, может, кто — за всеми не уследишь! Так вот в кино фифочку показывали: уж такая тонкая — думаю, не дай бог, нагнётся — переломится ведь... А платье на ней — и невдомёк, как и держится, ножки точёные, а обувка — как у ребятёночка махонькая... Идёт — качается... А обхождение-то с ней, бабы: «Чего изволите? Велите принести!» А она: «Того не хочу, этого не желаю, несите шоколаду-мармеладу и вина-шампанского!» И враз — как по щучьему велению — всё на колёсиках и подвезли. Ешь, пей, сколь хошь! А станет скушно,

её самоё отвезут, куда глаза глядят... А ежели, к примеру, объешься или обопьёшься или какая другая хворь приключится — быстрёхонько на курорт доставят поправлять подорванное здоровьечко. А тама-ка разнагишают и макать станут и в грязь, и в ванну, и под токи сажать, и промывать со всех сторон... Всё за тебя сделают!

2 ГОЛОС. Поди, так-то — скушно?

НИКИТИЧНА. А танцы для чего? Кавалеров тама-ка — тьма-тьмущая, выбирай, кого душа пожелает.

1 ГОЛОС. Так чё, оне в лавках продаются, что ль? И сколько стоют?

НИКИТИЧНА. А ничего! В подобном деле особая выучка требуется, одним словом, женские хитрости. Ну, вот, к примеру, надо стать скромненько — у всех на виду — и томненько поглядывать на всех без разбору. Кто-нибудь обязательно клюнет. Подбежит, поинтересуется: «Скучаете?» Глазами своими стрельнёшь изо всей силы и дрожащим голосом жалобно пропоёшь: «Скучаю». «Может, станцуем?» Сделаешь одолжение, пойдёшь... Мало-помалу, мало-помалу и — расшевелишься, и вот уже всё в тебе — ходуном ходит, а вокруг — на три метра — только ноги и видно! А ежели ноги в танцах вдруг повредишь — поезжай ипеть уже на другой курорт.

Вбегает Любка.

ЛЮБКА. Ой, что деется-то — ужасть!

1 ГОЛОС. Живём — не соскучишься.

2 ГОЛОС. Што стряслось ипеть?

ЛЮБКА. Тятька сказывал, в Дубенском фронтовики казаков побили.

3 ГОЛОС. Чо теперь будет...

1 ГОЛОС. Известно што: пороть всех без разбору зачнут.

3 ГОЛОС. А чего фронтовики с казаками не поделили?

ЛЮБКА. Перво-наперво — ружжа. Казаки стали у фронтовиков ружжа отымать, а те стали из ружей палить — смертоубийство!

2 ГОЛОС. А ружжа-то имя зачем?

ЛЮБКА. Известно зачем — не щи хлебать. Сколько людей в леса и горы ушло, а у большинства — только топоры.

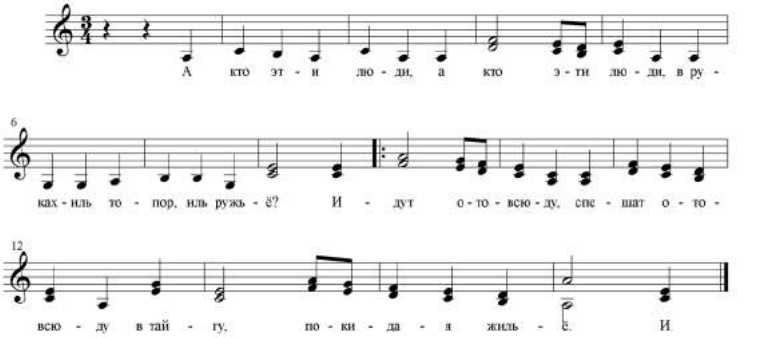
3 ГОЛОС. Так лес рубить — топоры в самый раз!

ЛЮБКА. Так ежели лес рубить стоячий, можно и топором обойтись, а ежели, к примеру, лес ходячий рушить, тогда без ружжей никак не обойтись.

ГОЛОСА. Ой-ёй!

Баллада о партизанах Щетинкина

А кто эти люди, а кто эти люди,
в руках — иль топор, иль ружьё?
Идут отовсюду, спешат отовсюду
в тайгу, покидая жильё.
А кто у них главный, а кто у них главный,
куда и зачем их ведёт?
Владеет топориком ладно и славно,
в зарубку без промаха бьёт.
Быть может, собралась артель лесорубов,
чтоб лес вековой корчевать?
А что будут строить, хоромы иль клубы,
кто мог бы о том рассказать?
Наверно, расскажет топор дровосека,
и пуля сумеет пропеть,
чья кровь пролилася, зверья ль, человека ль,
об этом поведает смерть.
Сумеет сказать и тайга вековая,
как встал повсеместно народ,
как шёл с топором он, от гнева пылая,
на лес на ходячий — господ!



1 ГОЛОС. Слышно, как песни поём, да не слышно, как воем.

2 ГОЛОС. Нашего горюшка и топоры не секут.

3 ГОЛОС. Правит нами начальство, как чёрт болотом!

4 ГОЛОС. И на чёрта гром найдётся.

2 ГОЛОС. Где уж нам, бабам, греметь, а мужиков почти всех мобилизовали.

4 ГОЛОС. От грозы люди в кучу должны собираться...

5 ГОЛОС. Эге, как овцы — выбирай какую хошь.

НИКИТИЧНА. А я вам скажу, бабоньки: моя хата с краю.

4 ГОЛОС. Так вот и моя хата с краю, а терпежу нет... Токо стемнеет, а я уж на взводе, того гляди заявятся...

2 ГОЛОС. Хто?

4 ГОЛОС. Хто, хто — охотники... Один раз решилась я и пытаю: какого зверя промышляете? А такого, говорят, который нам жить не даёт.

2 ГОЛОС. А что это за диковинный зверь такой?

4 ГОЛОС. А такой: глаза у него завидющие, руки у него загребущие, а брюхо, как омут, ненасытное — это мне, значится, охотники так толкуют. А я осмелела и спрашиваю: где такой зверь обитает? Охотники же такой ответ дают: обитает сей зверь повсюду, а логово своё ладит в хоромах каменных. А я им в ответ: так хоромов каменных, как видите, у меня нет. А они мне: так, выходит, мы заблудилися... Сами будто шуткуют, а всё норовят про казаков да кулаков выпытать, я же наперёд знаю, чем всё кончится.

2 ГОЛОС. Чем же?

4 ГОЛОС. А всё одним и тем же: хлебушка да сметанки стребуют... Одни уйдут, на утро может нечистая других принести. Снова допрос: где прячешь бандитов? Мне уж всё равно терпеть, говорю: а у меня, окромя вас, никто не быват. А главный атаман ихний мне плёткой в грудь тычет: засеку твою мать — матюгатся, аж посинеет, а потом, гад, всю сметану уметёт! Так я теперича приноровилась: как только в окна-двери стук-грюк, я первым делом — кринку сметаны на стол... Сама-то давно уж и забыла, какая она, сметанка, на вкус.

1 ГОЛОС. Ох, бабоньки-сёстры, шутки — шутками, а ведь брат на брата пошёл, сын на отца, отец на сына — когда такое деелось?

5 ГОЛОС. Батюшка-то што рекёт: грядёт, страшный суд грядёт! Вострубят трубы архангельские, испепелят молоньи души грешные, да воздастся всем за деянья дерзкие, за речи супротивные, за попрание престола царя-батюшки и господа бога, жития миру осталося три лета и три дни... Господи, помилуй нас грешных *(Крестится.)*

ГОЛОСА. Спаси нас, господи... Со святыми упокой.

4 ГОЛОС *(отводя Марьюшку в сторону)*. Марьюшка, я чо буду говорить, виду не подавай. Намедни были у меня люди... из тайги, велели бумагу тебе передать...

МАРЬЮШКА. Письмо? От Ивана?!

4 ГОЛОС. Тсс-с! Видели его в штабе партизанском... Командиром он в отряде, что в Медвежьем логу... Мы ишшо за брусникой туда ходили, помнишь?

МАРЬЮШКА. Так это ж совсем близко!

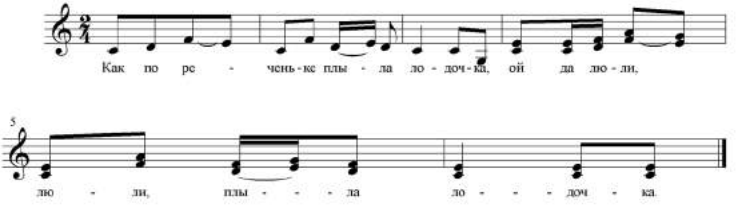
4 ГОЛОС. Близко-неблизко, а через Енисей не перескочишь. В Кильбине надо лодку припасти: с острова сподручней добираться...

Женщина незаметно передаёт Марьюшке записку от жениха — Ивана. Сгорая от нетерпения, девушка украдкой читает долгожданное послание. «Здравствуй, премного любящая и дорогая Марьюшка, Мария Петровна, солнышко моё ясное! Шлю тебе свой сердечный привет и низкий поклон. Я жив, здоров, чего и тебе от всей души желаю. Я знаю, как ты верна мне, хотя скитаться мне приходится немало, а впереди ещё так много неясного, и всё же я остаюсь сердечно доволен тобой и сам храню верность тебе до смерти. Ты, может, забижаешьеся, что весточек не шлю — так в тайге ещё почта не налажена... Силы наши растут с каждым днём, наша душевность и единомыслие удесетеряет их, а надежда сокрушить кровопийцев навеки вечные даёт нам мужество и терпение... За себя я спокоен, но боюсь за тебя: если не придёшь к нам в отряд — беда не минует нас. Куда и как добираться, тебе расскажут. Остаюсь любящий тебя до конца моей жизни — Иван.»

Во время чтения письма Марьюшкой женщины в полголоса напевают песню, так что взволнованный голос девушки почти сливается с мелодией песни.

Как по реченьке плыла лодочка

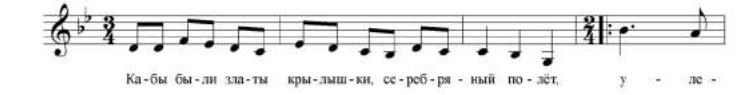
Как по реченьке плыла лодочка,
как по реченьке плыла лодочка,
ой да люли, люли, плыла лодочка.
А в той лодочке сидел молодец,
а в той лодочке сидел молодец,
ой да люли, люли, сидел молодец.
Сидел молодец, свет-Иванушка,
сидел молодец, свет-Иванушка,
ой да люли, люли, свет-Васильевич.
А по бережку да шла девица,
а по бережку да шла девица,
ой да люли, люли да шла красная.
Постой девица, погоди меня,
погоди меня, будь жена моя,
ой, да люли, люли, будь жена моя.



Окончив чтение письма, Марьюшка не может сдержать радости и восторга, выражая свои чувства в песне.

Кабы были златы крылышки

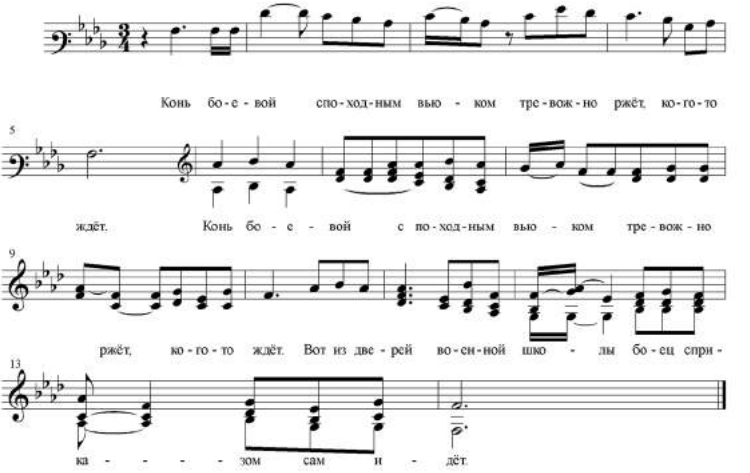
Кабы были златы крылышки,
серебряный полёт,
улетела б лёгкой пташкою
в широкий небосвод.
Кабы были златы крылышки,
Широких два крыла,
Позабыла бы я, бабоньки,
Работу и дела.



МАРЬЮШКА. Ах, мама, мама, почему ты меня парнем не родила! *(Запевает.)*

Конь боевой с походным вьюком

Конь боевой с походным вьюком
тревожно ржёт, кого-то ждёт.
Вот из дверей военной школы
боец с приказом сам идёт.
Отец коня ему подводит
и речь такую он ведёт:
«Коня дарю тебе лихого,
он верный друг был у меня
конь твоего отца родного
носил в огонь и из огня.
Конь боевой — всего дороже,
и ты, сынок, им дорожи,
ты относись к себе построже,
коня же в холе содержи.



Прибегает Киселиха, мать Марьюшки.

КИСЕЛИХА. Марьюшка, беда у нас: казаки нагрянули, отца забрали. Скорей бежим! *(Подружкам.)* Девки, прячьтесь все! Не дай вам бог на глаза попасться иродам треклятым! *(Все разбегаются.)*

НИКИТИЧНА. О господи, да што же это творится со мной: первые новости да узнаю последней! *(Убегает.)*

Картина четвёртая

Дом Марьюшки. Киселиха и Марьюшка отхаживают избитого казаками деда Киселя.

КИСЕЛИХА. Ой, боже ж ты мой, боже! Што натворили ироды треклятые... Как нам жить теперича, как жить?

МАРЬЮШКА *(плачет)*. Мам, тятьке очень больно...

КИСЕЛИХА. Перестань реветь!

МАРЬЮШКА. Живого места на нём не осталось...

КИСЕЛИХА. Гусиного сала неси да сорочку новую, а я травы запарю.

МАРЬЮШКА. Он водки просит.

КИСЕЛИХА. Так чо стоишь, налей!

Марьюшка уходит, Киселиха достаёт из сундука сорочку, уткнулась в неё, плачет. Заходит соседка.

СОСЕДКА. Жив ишшо? Дёржится?

КИСЕЛИХА. Ой, соседушка, не спрашивай!

СОСЕДКА. Ну, ну, будет убиваться-то... Может, и обойдётся всё. Я вот сала с прополисом принесла, любую рану залечит.

КИСЕЛИХА. Благодарствую, соседушка, уж не знаю, как отплатить и чем?

СОСЕДКА. А платы и не надобно вовсе, мы бабы обязаны помогать друг дружке, сегодня — я, завтра — ты. На слова мы только время теряем, раны лечения требуют. *(Вместе уходят к больному.)*

Снова появляется Марьюшка, которая в глубоком волнении ходит по горнице, повторяя одни и те же слова.

МАРЬЮШКА. Тятька будет жить, тятька будет жить, тятька будет жить...

СОСЕДКА *(от больного)*. Всю спинушку исполосовали — нелюди! *(Причитает.)*

Ох, разнесчастный, ты же не знаешь,
иль жить тебе, ох, иль умереть,
ох, может, завтра ты не встанешь
на свет белый посмотреть...

Вослед соседке запричитала и Марьюшка.

Ох, не знаем да не ведаем в сиротстве,
что содеяли над нами душегубы...
А случилось то, что людишки недобрые
погубили твою буйную головушку.

Появляется Киселиха.

КИСЕЛИХА. Тише... Забылся... Может, и уснёт.

СОСЕДКА. Оставайтесь живы и здоровы, побежала я: у меня ведь ишшо и корова не доена. *(Уходит.)*

МАРЬЮШКА *(подходит к окну)*. Солнце-то — будто в кровь садится. Страшно-то как.

КИСЕЛИХА. Озверел человек — конец миру пришёл.

Стук в двери. Входит Селиваниха, за нею Степан.

СЕЛИВАНИХА. Есть в доме-то хто? Проходи, Стёпушка, сынок мой, не бойсь.

СТЕПАН. А я и не боюсь: у меня мавзер есть. *(Показывает маузер.)*

КИСЕЛИХА. Чего надобно?

СЕЛИВАНИХА. Будто не знашь.

МАРЬЮШКА. Стыдились бы — такое горе у нас...

СЕЛИВАНИХА. Потому и поспешили, что — горе... Теперича вы безответные, кажный может забидеть вас, а перво-наперво Марьюшку, а у мово сына Степана — оружие есть, мавзер, и он, стало быть, для нас для всех — первая защита и опора. Новая власть его на службу определила. Наконец, мой сынок в силу вошёл. Даже у Серафима Ермилыча мавзера такого нет!

СТЕПАН. Мам, а я у него в ограде пулемёт видел. Вот бы нам такой!

СЕЛИВАНИХА. Мы, сынок, и с мавзера, кого надо постреляем.

СТЕПАН. Пах, пах, пах!

СЕЛИВАНИХА. Ну, как насчёт того...

КИСЕЛИХА. Чего?

СЕЛИВАНИХА. Дык... Насчёт бычка и тёлочки.

КИСЕЛИХА. А ну вас... У них и спрашивайте.

СТЕПАН. Я — согласен. Я здеся буду жить.

КИСЕЛИХА. Надобно, штоб и Марьюшка согласна была.

СЕЛИВАНИХА. Доченька моя, послушай меня, не отказывайся от счастья бабьего.

МАРЬЮШКА. Не люб мне сын Ваш.

СЕЛИВАНИХА. Стерпится — слюбится. Ну, чем плох мой сыночек, красавец мой? *(К сыну.)* Ну, чего стоишь и молчишь, как пень! Покажись и лицом и всяк!

СТЕПАН. А у меня мавзер есть — во!

МАРЬЮШКА. Сами видите, сколько ума в нём.

СЕЛИВАНИХА. А сколько в мужике ума требуется? Что с них, с умников взять? Сколько их постреляли, а сколько ещё постреляно будет? Не в уме власть — в силе! А мой сынок как раз в силу вошёл. Он теперича любого умника главней! *(К сыну.)* Чего, сынок, мы с умниками делать будем?

СТЕПАН. Пах, пах, пах!

СЕЛИВАНИХА. Во! И не останется никого из них. Вот и выходит, что мой сыночек по нонешним временам — лучше за всех!

СТЕПАН. Все репеи, а я жарок, да, мам?

СЕЛИВАНИХА. Жарок, жарок.

СТЕПАН. А когда умников изничтожать начнём?

СЕЛИВАНИХА. А когда голову свою высунут! *(В зал.)* Кто здеся умней мово Степана?

Степан целится в зрительный зал.

СЕЛИВАНИХА. Видишь, Марьюшка, видишь: никого умней мово сыночка нет!

МАРЬЮШКА. Но...

СЕЛИВАНИХА. Может, хотишь сказать, что и отец не люб тебе?

МАРЬЮШКА. А причём тут отец?

СЕЛИВАНИХА. А притом, что Стёпушка приставлен к нему стеречь, чтобы не убёг к партизанам. *(Обращается к Киселихе.)* Благословим детей наших, а то неровен час...

Появляется Сваха.

СВАХА *(в сторону).* Селиваниха со своим припадошным уже здеся... *(Проходит, выжидает.)* Ну, долго мне стоять ишшо?!

КИСЕЛИХА *(подносит табуретку).* Садитесь, в ногах правды нет.

СВАХА. Правды нигде нет. Чаю!

КИСЕЛИХА. Пойду воды вскипячу *(Уходит.)*

СЕЛИВАНИХА. Свашенька, в этом доме есть кому распоряжаться, в этом доме и хозяин новый есть.

СВАХА. Хозяина этого дома повесят, коли ума не наберётся. Серафим Ермилыч велел так и передать.

СЕЛИВАНИХА. Так-то оно так — со старым хозяином, так ведь речь не о нём. Вот он — новый хозяин, сын мой, муж Марьюшки.

СВАХА *(кулаком по столу).* Это ишшо какой такой муж? Чей муж?! А ну — вон отседова! Сшитаю до трёх.

СЕЛИВАНИХА. Чего орёшь, не глухие чай... А то чего доброго мой сынок мавзером глотку твою заткнёт!

СВАХА. Узнает Серафим Ермилыч, што вы наследили здеся — обоим висеть!

СТЕПАН. Уходите все, я буду жить здесь!

СВАХА *(показывает кукиш).* А это видел?

СТЕПАН. Мам, а она кукиш показывает.

СЕЛИВАНИХА. Идём, сынок, не связывайся ты с этой балаболкой. Да и дом сей худой: нежилым пахнет.

СВАХА. Попомни, кума: каждый сверчок — знай свой шесток, а в сторону — ни, ни! *(Селиваниха и Степан уходят. Появляется Киселиха.)*

СВАХА. Готов чай?

КИСЕЛИХА. Вот-вот вода закипит.

СВАХА. Мне чай приготовить не из трав, а настоящего, индийского.

КИСЕЛИХА. Такого у нас отродясь не бывало.

СВАХА. Знамо дело, не вам, голодранцам чаи индийские да цейлонские распивать. А я — других и знать не желаю! Вот он — чай господский. *(Достаёт завёрнутую в платочек горстку чая.)* Нюхай. Запарить сможешь?

КИСЕЛИХА. Как не смочь — смогу.

СВАХА. Да откель тебе ведомо, как господский чай запаривать? Поди у тебя и посудины хфархфоровой нету? Да уж ладно... Сделай, как научу: посудину сперва крутым кипятком ошпарь, всыпь эту меру и тёпленькой водички залей и сцеди, а уж опосля кипятком заполни и укрой хфухфайкой хорошенько, штобы паром изошёл да сил набрался... Поняла?

КИСЕЛИХА. Чего не понять, известное дело. *(Уходит с заваркой.)*

СВАХА *(к Марьюшке)*. Ты, Марьюшка, девка не глупая, не мне тебя учить, сама видишь, какие нонешние времена: жизнь человеческая — ни в грошь не ставится. Вот сёдни Степан с оружием заявился, а завтра, может, ишшо хто дурней нагрянет. И выходит, что у тебя, Марьюшка, токо одна дороженька — за Серафима Ермилыча итти... И не подумай, голубушка, што я сговаривать тебя пришла — теперича в этом нету никакой надобности. Если б дед Кисель не отец тебе — висеть бы ему, а что плетьми получил хорошенько, чтоб наперёд умней был да язык за зубами держал. Никто в его мыслях и оценках не нуждается... Отца я тебе сохранила, так што ты меня ишшо и отблагодарить обязана... Бог не дал мне дочери, так я, Марьюшка, о тебе, как по родной, пекусь. В достатке, роскоши жить станешь, как панночка. В руках Серафима Ермилыча — сила великая, противиться или наперекор итти — лишь себя губить.

МАРЬЮШКА. Лучше смерть, чем с немилым жить.

СВАХА. Глупое ты дитя неразумное! Ну, скажи-укажи, хто живёт в любви да счастии? Покажи ты мне это диво-дивное. Молчишь? Не твои сказки детские слушать пришла, а подготовить к завтрашнему венчанию! В этом узле — всё, што для невесты надобно. *(Кладёт перед Марьюшкой узел.)* Супротивничать станешь — силой принудим, цацкаться с тобой недосуг. Мне ишшо до батюшки сбегать надо-ть, предупредить, штоб на завтра готов был, а то прокараулишь его — напьётся, как свинья, или учешет, куда и черти не ходют... А ты покамест наряды примерь... Налюбоваться на них — и ночки не хватит!

КИСЕЛИХА. А вот и чай Ваш.

СВАХА. Пусть невестушка наша к чаю господскому привыкает. *(Уходит.)*

КИСЕЛИХА. А я так думаю, доченька: покорись судьбе.

МАРЬЮШКА. Вот моя судьба! *(Достаёт письмо от Ивана.)*

КИСЕЛИХА. Что это?

МАРЬЮШКА. Письмо от Ивана! Я знаю, где он, и я должна быть с ним! *(Собирает свои вещи в узелок.)*

КИСЕЛИХА. Куда же ты, на ночь глядючи?

Заходят соседки.

СОСЕДКА. Может, чего помогти, соседушка? Ой, да на тебе лица нет! Неужто дед Кисель...

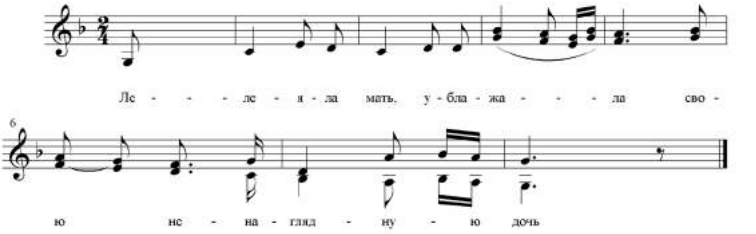
КИСЕЛИХА. Жив... Марьюшка уходит...

МАРЬЮШКА. Прости, мама. *(Припадает к ней.)*

Звучит песня.

Лелеяла мать, ублажала

Лелеяла мать, ублажала
свою ненаглядную дочь,
а доченька к другу сбежала
в осеннюю тёмную ночь.
Оставила мать без подмоги
на старости лет горевать,
сама же пустилась в дорогу
цыганское счастье искать.
Уйдёт за околицу спешно,
и ветер следы заметёт,
останется только надежда —
тайга о ней весть донесёт...



МАРЬЮШКА. Прощай мама! *(Обнимает, целует.)* Прости! *(Убегает.)*

КИСЕЛИХА. Доченька! *(Обессилела, соседки уводят её под руки.)*

Картина пятая

Партизанская стоянка на берегу Енисея. Вечереет. У костра сидит старая хакаска. Глядя на чайник, в котором готовится лекарственное снадобье, тихо покачивается и поёт.

СУРЛАНА. Драка шибико большой идёт... Хара-хану много-много кровь давай шайтану платить. Наш батыр сказал: готовь мно-о-го бальзама, партизана спасать, раны лечить... Сурлана знает, как делать бальзам: кедровый живица, медвежий сало, толчёный хвоя... Волчий язык — карошо! Пуля стрельнёт — лечит, гной пойдёт — лечит, свинья укусит — лечит. Шибико жаль ханза нету, кароший трава, девять колен имеет — шибико зильный трава.

На стан привезли раненого командира — Ивана, который находится в бессознательном состоянии. Знахарка начинает хлопотать над раненым.

СУРЛАНА. Паси бог, паси бог... Чижёлый случай... Шибико плох батыр...

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ. Можно спасти командира?

СУРЛАНА. Мало-мало — бар, мало-мало — йок.

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ. Ты сможешь?

СУРЛАНА. Откуда я знаю... Ханза — йок, мумиё — йок...

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ. Так, может, кого другого привезти? Сказывай!

СУРЛАНА. Шаман нада звать... Без шамана нилизя гнать шайтана.

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ *(в сердцах)*. Сразу и не разберёшь, кого звать — шамана или шайтана.

СУРЛАНА. Шаман — бар, Шайтан — йок.

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ. Шамана из-под земли достану... А ты мне — смотри, чтоб командир партизанский жил, иначе — секир башка, соображаешь?

СУРЛАНА. Дурной голова твой... Твой шибико скоро бегать нада, шамана нада. *(Партизан уходит. Знахарка «колдует» над раненым. Появляется Повариха.)*

ПОВАРИХА. Ой, матинко моя, Иван Васильевич! Что с Вами? Сурлана, он не отвечает... он не дышит!!! *(Кидается на колени, приставляет ухо к груди.)*

СУРЛАНА. Шибико плох батыр.

ПОВАРИХА. Дышит... Слава богу!

СУРЛАНА. Паси бог, паси бог.

ПОВАРИХА. Еле дышит. Видно, сил совсем нет. Его ж покормить надо! Я сейчас, я — мигом ушицы из тайменя сготовлю. Ушица-то кого хошь на ноги подымет. И киселька овсяного запарю... Я детишек хворых кисельком овсяным на ноги ставила... Первейшее дело — овсяный кисель! *(Уходит.)*

СУРЛАНА. Однако, чай нада заварить. *(Бросает в чайник чай, подумав, добавляет пучок трав.)* Луговой зверобой — карошо. *(Убирает с огня чайник, накрывает овчиной.)*

Появляется повариха с чашей, пробует накормить раненого.

ПОВАРИХА. Иван Васильевич, спробуйте... Очень вкусно... Ну, пожалуйста, голубчик мой, хоть ложечку... Хлебнёте и сразу выздоровите. Ну, пожалуйста, Иван Васильевич... *(Плачет.)*

СУРЛАНА. Еда — не нада, шаман — нада.

Приводят шамана. На нём — красный плащ, металлические бляхи, кольца, звериные хвосты, птичьи перья, цветные ленты, в руках — погремушка и бубен. Шаман, обратив лицо к закату, застывает над костром, потом бросив охапку трав в костёр, простирает вверх руки, издавая непонятные гортанные звуки. После чего кошачьим шагом приблизился к раненому и застывает над ним, изучая. И — начинается камлание, шаманская пляска. Под конец шаман в изнеможении падает у костра.

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ. С ним плохо, дайте ему чего-нибудь... Помогите шаману.

СУРЛАНА. Лечить шамана не нада, отнести нада... *(Шамана уносят.)*

ПОВАРИХА. Что же делать теперь? Сурлана, помоги Ивану Васильевичу, он почти не дышит! Может, чайку попьёт?

СУРЛАНА. Ждать нада... Паси бог, паси бог.

Повариха наливает чай, пробует поить раненного. Слышатся крики Марьюшки: Иван, Ва-ня. Раненый вздрагивает.

ПОВАРИХА. Открыл глаза... Иван Васильевич, Иван Васильевич...

Приводят к костру Марьюшку, которая, увидев Ивана, бросается к нему.

МАРЬЮШКА. Ваня, я пришла...Посмотри — вот она — я. Мне было очень страшно, но я пришла... Слышишь, твоя Марьюшка пришла к тебе, слышишь меня, Ваня... *(Кричит.)* Ва-ня!

Иван застонал, открыл глаза.

ПОВАРИХА *(подавая чай)*. Напои его.

МАРЬЮШКА. Он жив? *(Берёт чашку, поит.)* Пьёт... Всё будет хорошо, Ваня, всё будет хорошо.

ПОВАРИХА. Слава богу, очнулся наш командир... Иван Васильевич, чайку испейте поначалу, а я ушицы из тайменя приготовлю... и киселя овсяного — сразу выздоровеете, они кого хошь на ноги поставят. *(Уходит.)*

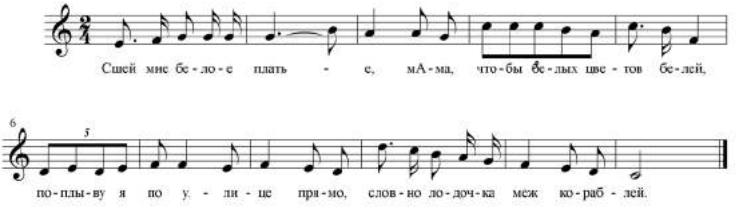
СУРЛАНА. Встанет на ноги, однако, встанет, коли девка — рядом. *(Уходит.)*

Марьюшка снимает с себя шерстяную кофту, подкладывает под голову Ивана, удобнее усаживается возле, готовая в любую минуту прийти на помощь, но видя, что сон становится спокойным у раненого, успокаивается и сама. Думая о самом сокровенном, тихо напевает.

Сшей мне белое платье, мама

Сшей мне белое платье, мама,
чтобы белых цветов белей,
поплыву я по улице прямо,
словно лодочка меж кораблей.
Поплыву я по улице тесной,
словно лодочку понесёт,
скажут люди: невеста, невеста,
посмотрите, невеста плывёт.
Сшей мне белое платье, мама,
вышей золотом рукава,
ах, по правую руку пристань,
а по левую — острова...
Первый остров проходит мимо,
ко второму волной прибьёт,

а на третьем стоит калина,
белым цветом она цветёт.



Марьюшка, боясь потревожить сон Ивана, замолкает.

ИВАН *(открыл глаза).* Пой ещё. Когда ты поёшь, я не чувствую боли...

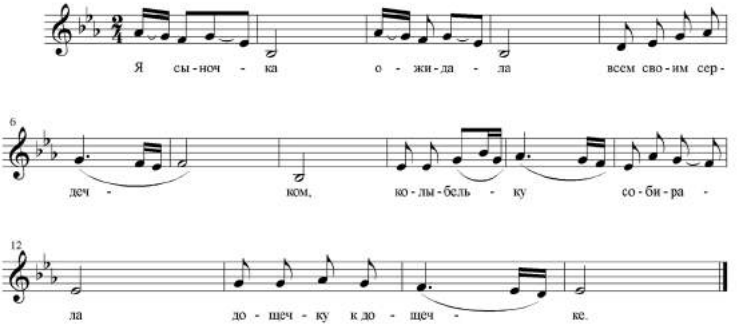
МАРЬЮШКА *(целует Ивана, поёт колыбельную).*

Я сыночка ожидала

Я сыночка ожидала
всем своим сердечком,
колыбельку собирала
дощечку к дощечке.

Мала сыну колыбелька,
не вытянуть ноженьки,
сама сделаю другую
тебе, мой хорошенький.

Хоть и жалко мне
колыбель кедровую,
только жаль вдвойне
детку мою первую.



Картина шестая

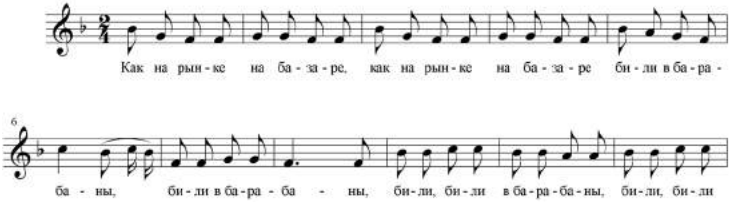
Дом Никитичны и Евлампия Силыча. Появляется весь перебинтованный хозяин.

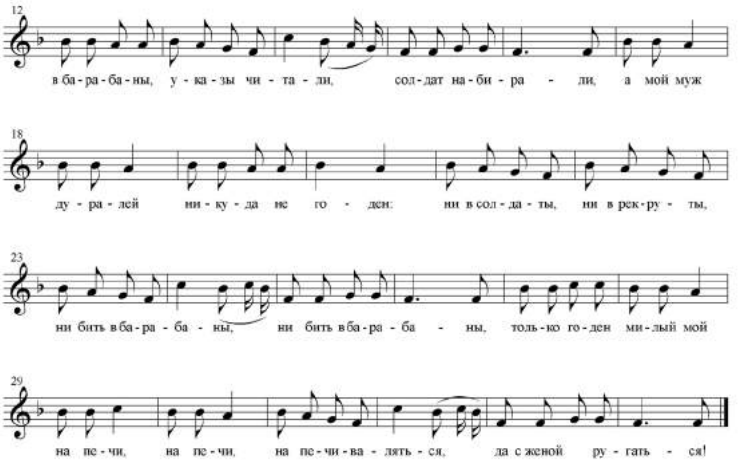
ЕВЛАМПИЙ. Фу, слава богу: Никитичны дома нет. *(Смотрится в зеркало.)* Эко меня угораздило: форменное чучело — смотреть противно... От войны ушёл, а ранения не избёг... Живёшь и не знаешь, где тебя судьба приголубит... Ох, горе-го-гоорючего сколько пропало... Чёрт меня дёрнул пристроиться... Нет, штобы, значится, погодить, пока нацедится... в бутыль, я того... как это по-учёному? Дегустацию развёл: приловчился к аппарату, как сосунок к титьке и дегустирую, а аппарат возьми да и взорвись... на мою голову... Мало того, што пострадал я, во — обожжённый весь, так ишшо и Никитична, супруга моя, грызёт меня днём и ночью. Ну, никакого тебе уважения к мущинскому званию... *(Уходит.)*

НИКИТИЧНА *(появляясь)*. Евлампий, Евлампий! Ипеть нет, ну, доберусь я до него! У людей мужики, как мужики, а у меня — ни богу свечка, ни чёрту кочерга! *(Поёт.)*

Как на рынке на базаре

Как на рынке на базаре, как на рынке на базаре
били в барабаны, били в барабаны,
били, били в барабаны, били, били в барабаны,
указы читали, солдат набирали,
А мой муж дуралей никуда не годен:
ни в солдаты, ни в рекруты,
ни бить в барабаны, ни бить в барабаны,
только годен милый мой на печи валяться,
на печи, на печи,
на печи валяться да с женой ругаться!





Появляется Евлампий.

ЕВЛАМПИЙ. Это твоё предположение почти полностью ошибочное.

НИКИТИЧНА. Ошибочное? А давеча што натворил, забыл?

ЕВЛАМПИЙ. Многожды раз ты наносишь мне чувствительнейший укол в самое больное место... Это не благородно.

НИКИТИЧНА. А ты аппарат порешил — это благородно?!

ЕВЛАМПИЙ. И на старуху бывает проруха.

НИКИТИЧНА. Веры тебе нет! Пропади оно всё пропадом! Ничего мне, египетская сила, не жалко! Всё порешу! Всё по ветру пушшу! А допреж с тобой, мучителем моим, расшитаюсь!

ЕВЛАМПИЙ. Но-но, обожжённая рука у меня одна только, другой я и двинуть могу!

НИКИТИЧНА. Христом богом молю, уходи, а то я за себя не ручаюсь!

ЕВЛАМПИЙ. Да ты чо? Я с тобой, как с человеком, по-хорошему...

НИКИТИЧНА. Не надо мне, ни по-хорошему, ни по-плохому.

ЕВЛАМПИЙ. Вот те на: будто я и не супруг тебе?

НИКИТИЧНА. Горе ты моё луковое — вот!

ЕВЛАМПИЙ. Да чем же я тебе не хорош?

НИКИТИЧНА. Ой, люди добрые, гляньте-ка на хорошиста!

ЕВЛАМПИЙ. Ну, ведь и не идиот же. Я, между прочим, от идиота даже на очень значительном расстоянии нахожусь.

НИКИТИЧНА. Да ты посмотри на себя в зеркало, на кого ты похож?

ЕВЛАМПИЙ *(смотрится)*. На Евлампия Силыча.

НИКИТИЧНА. На чучело огородное!

ЕВЛАМПИЙ *(обиженно)*. Вот у тебя всегда так: супруг — последний человек. Если ты хотишь знать, это прескверней шая черта — унижать свою половину.

НИКИТИЧНА. А ты меня возвышаешь?

ЕВЛАМПИЙ. Да я тебя готов на руках носить! *(Пытается нести.)*

НИКИТИЧНА. Пусти... Пусти, тебе говорят!

ЕВЛАМПИЙ. Ну, допусти, лапушка.

НИКИТИЧНА. Тебя только допусти — меры не знаешь.

ЕВЛАМПИЙ. Вот, ей богу, всё будет в аккурат!

НИКИТИЧНА. Тебе бы только языком работать.

ЕВЛАМПИЙ. Не только язык — душа вся горит по производству. Ну, допусти, лапушка.

НИКИТИЧНА. Ох, горюшко ты моё... Ну, да ладно... *(Достаёт рюкзак.)* Беги. Одна нога здесь, другая — там!

ЕВЛАМПИЙ. Будет сделано в момент! *(Убегает с рюкзаком.)*

Никитична ставит на стол склянки с цветными жидкостями и резиновыми грушами, уходит. Появляется Евлампий Силыч. Из рюкзака достаёт бутылки.

ЕВЛАМПИЙ. Никитична, а вот и я... Моя жёнка хоча и вредная мало-мало, но всё понимат... без мужеских рук в нашем деле никак нельзя... Наша продукция — высших кондициев — два в двадцать второй степени! Да, мы с Никитичной в наши годы больше, чем надо, достигли... *(Вытирает бутылки.)* Эй, ты кто? Таракан? А я — Евлампий Силыч. Вылазь, а то Никитична нас застукает.

Появляется Никитична с бутылью.

НИКИТИЧНА. Да помоги ты!

ЕВЛАМПИЙ. Минуточку-секундочку! *(Помогает.)* Четырьмя руками горы свернуть возможно. Две мужеских и две бабьи — што хошь сотворят!

НИКИТИЧНА. Посуду мыл?

ЕВЛАМПИЙ. Тара вымыта и тщательно, только не стерилизована. *(Пытается спрятать бутылку с тараканом, но Никитична выхватывает её и заполняет жидкостью.)*

ЕВЛАМПИЙ. Давай, лапушка, больше коньячку сварганим. Знай наших!

НИКИТИЧНА. Не понимаю, чего люди брешут, что коньяк клопами пахнет.

ЕВЛАМПИЙ. И не клопами, и не тараканами. Запах у него — дубиновый.

НИКИТИЧНА. И всё-то ты знаешь, дубинушка моя.

ЕВЛАМПИЙ. Лапушка, позволь...

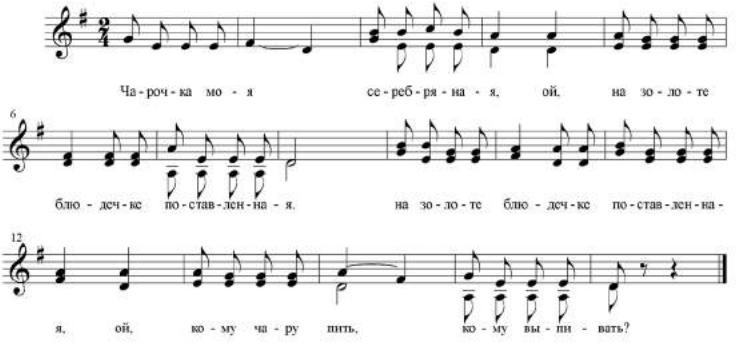
НИКИТИЧНА. Чего тебе?

ЕВЛАМПИЙ. Дегустацию провести.

НИКИТИЧНА. А, где наше не пропадало! Неси чарки! *(Евлампий приносит чарки под аккомпанимент песни.)*

Чарочка моя

Чарочка моя серебряная, на золоте-блюдечке поставленная.
Кому чару пить, кому выпивать, ой, пить чару, да выпивать чару?
Пить чару, да выпивать чару свет-Никитичне да Евлампию!



Стук в дверь. Никитична выглядывает в окно.

НИКИТИЧНА. Евлампий — батюшка, бутыли, бутыли — спрячь!

ЕВЛАМПИЙ *(схватив рюкзак и бутыли)*. Будет сделано. Спрячу — ни одна собака не сыщет. *(Уходя.)* Клиентура пошла.

БАТЮШКА *(появляясь)*. Благослови, господи, хижину сию.

НИКИТИЧНА *(целует руку)*. Милости просим, батюшка.

БАТЮШКА *(кивает на бутылку)*. Не богоугодное дело творишь. Геенна огненна ждёт тя, дщерь, за корысть и лихоимство.

НИКИТИЧНА. Не виноватая я, вот — ей-богу!

БАТЮШКА. Не клянись всуе.

НИКИТИЧНА. Я за ради людей, батюшка, стараюсь. Исцеляю я страждущих и болящих. Зелье моё и детям не грех давать, ежели родимчик шибанёт, а ишшо от сглазу и от наговору — всем помогат!

БАТЮШКА *(крестится)*. Господи, вразуми мя, тварь неразумную, слабую, в доброте и благости пребывающую к рабам божиим. Аз хвалу богу воздав, вопрошаю тя, дшерь, истину ли глаголишь?

НИКИТИЧНА. Истину, батюшка, истину. *(Подаёт чарку попу.)*

БАТЮШКА. В земной юдоли, господи, помилуй мя. *(Пьёт.)* Воззри, отче наш, и простри невидимую длань свою на головы наши...

НИКИТИЧНА. Воззри, отче наш, и прости нас грешных. *(Наливает ещё.)*

БАТЮШКА *(пьёт)*. Жития миру осталось три лета и три дни... Текут реки крови жесточае, кипит море слёз разливанное — встал Каин на Авеля... Господи помилуй, господи помилуй. *(Обнимает Никитичну.)*

НИКИТИЧНА. Господь с Вами, батюшка... Грешно ведь...

БАТЮШКА. А ты согреши и покайся, и господь воздаст! *(Обнимает.)*

Стук в дверь. Поп засуетился.

БАТЮШКА. О господи, отведи напасть! *(Никитичне.)* Не гоже пастве зрить пастыря своего в мирской обыденности. Не отверзай врата, паки не схоронюсь я от глаз людских, и господь воздаст! *(Уходит.)*

Никитична убирает бутылку и чарки. Появляется Селиваниха.

СЕЛИВАНИХА *(оглядывается).* Батюшка почудился мне...

НИКИТИЧНА. Никого нет, чо надо?

СЕЛИВАНИХА. А хозяин?

НИКИТИЧНА. По делам уехал.

СЕЛИВАНИХА. Чего я тебе скажу — ужасть! Партизаны наших разбили, скоро к нам заявятся... Ой чо будет с нами теперича... *(Плачет.)*

НИКИТИЧНА. Нам партизан бояться нечего, мы имя ничего плохого, окромя хорошего не делали, а вот твово — пустят в расход, как пить дать.

СЕЛИВАНИХА *(плачет).* Ой-е-ё! Соседушка, господом богом молю, выручай сыночка мово!

НИКИТИЧНА. Я ж не командир партизанский, моя хата с краю.

СЕЛИВАНИХА. Ну, подсоветуй чего-нибудь, уж я в долгу не останусь, чо за службу Степану заплатили, всё отдам!

НИКИТИЧНА. Всё, говоришь?

СЕЛИВАНИХА. Всё, только спаси сыночка, красавца мово спаси!

НИКИТИЧНА. Игде он?

СЕЛИВАНИХА. Тута-ка ожидат. В доме своём оставаться ему никак нельзя.

НИКИТИЧНА. Переправить его подале надо-ть.

СЕЛИВАНИХА. Куды?

НИКИТИЧНА. А хоча б к сродственнице моей.

СЕЛИВАНИХА. Дык ведь по дороге встренут партизаны и...

НИКИТИЧНА. Наружность сменить надо-ть.

СЕЛИВАНИХА. Мово сыночка за версту узнать: чернявый он у меня, видный.

НИКИТИЧНА. Надобно слинять ему.

СЕЛИВАНИХА. Как так — слинять? Не хочу, штоб сынок мой линял.

НИКИТИЧНА. Значит, остаётся одна дорога — в расход.

СЕЛИВАНИХА *(падает на колени).* Помоги сыночку, ничего не пожалею.

НИКИТИЧНА. Давай сыночка свово, мы его в кого хошь превратим. Я в кино видела, как артисты лицедействуют.

СЕЛИВАНИХА. Но сыночек мой — не артист.

НИКИТИЧНА. Жизнь — она всему научит.

СЕЛИВАНИХА *(зовёт Степана)*. Стёпушка, сынок мой, заходи, не бойсь.

СТЕПАН. А я и не боюсь: у меня мавзер есть.

НИКИТИЧНА. Цыц! Штоб это слово поганое забыл на веки вечные! Понял?

СЕЛИВАНИХА. Понял, понял как не понять. *(К Степану.)* Делай всё, сынок, што тётя велит.

НИКИТИЧНА. Так... Перво-наперво — усы и бороду сбрить.

СТЕПАН. Мам...

СЕЛИВАНИХА. Так надо, сынок, а то узнают партизаны, поймают и убьют.

НИКИТИЧНА. Садись!

СТЕПАН. Мам, я боюсь.

СЕЛИВАНИХА. Не бойся, родненький. Тётя снимет растительность, будешь ишшо красивше.

СТЕПАН. А мавзер не отдам.

НИКИТИЧНА. Толку-то с твово мавзера... Сиди, не дрыгайся! *(Бреет.)*

СЕЛИВАНИХА. Не больно, сынок?

СТЕПАН. Больно-а.

СЕЛИВАНИХА. Куда спешить, с горячки и подранить недолго.

НИКИТИЧНА. А коли у вас времечка — целое оберемечко, то я и до утречка готова — пождать... Пока партизаны не заявятся.

СЕЛИВАНИХА *(плачет, то и дело поглядывая в окно)*. Ой-е-ёй, быстрее делай, ишшо быстрее...

НИКИТИЧНА. Всё! Готово. А ну, пройдись... *(Оценивает побритого Степана.)* Не, всё одно — узнают, поймают и в расход пустят...

СЕЛИВАНИХА *(плачет)*. Ой-е-ёй, помоги, благодетельница, век буду бога молить!

НИКИТИЧНА. Последнее средство есть. *(Тянет Степана.)*

СЕЛИВАНИХА. Мы на всё согласны.

СТЕПАН *(упирается)*. Мам, а что тётя будет делать со мной?

СЕЛИВАНИХА. Слушай тётю, и партизаны нас не поймают.

НИКИТИЧНА *(подведя к сундуку)*. Раздевайся! *(Снимает кожанку, шляпу, одевает юбку, кофту, платок.)* Живо-живо! Всё! Будеш Настей, а по прозвищу Небылицина. Понял?

СТЕПАН. Мам...

НИКИТИЧНА. Да не баси ты, тоненько говори, по-бабьи: ма-ма.

СЕЛИВАНИХА. Говори, сынок, тоненько: мам.

СТЕПАН *(фальцетом)*. Маам.

НИКИТИЧНА. Вот-вот... Погоди, я ишшо тебе веснушки наставлю. *(Слюнявит карандаш, ставит веснушки.)* Вот, теперь, египетская сила, никто не узнает! Я и сама уж сумлеваться стала, то ли Степан передо мною, то ли Настя.

СЕЛИВАНИХА *(к сыну)*. Говори: Настя.

СТЕПАН *(басит)*. Настя.

НИКИТИЧНА. Ой, боже ж мой, боже, тоненько-тоненько говори, по-бабьи: Настя.

СТЕПАН. Настя...

НИКИТИЧНА. Вот и хорошо. Всё, всё, уходите...

СТЕПАН *(не видя маузера)*. Мам!

СЕЛИВАНИХА. Что, сынок?

НИКИТИЧНА. Какой-такой сынок? Не сынок он тебе, а свояченица Настя! Заруби себе на носу, а иначе — в расход!

СТЕПАН *(ещё громче кричит)*. Маам!

СЕЛИВАНИХА. Да чего тебе, Настя?

СТЕПАН. Мавзер где? *(Наконец находит маузер у себя под юбкой.)*

НИКИТИЧНА. Ох, доведёт тебя эта штуковина до беды!

СЕЛИВАНИХА. Ступай в телегу, залази и жди. Только не выдавай себя! *(Провожает Степана.)* Я скоро приду. *(К Никитичне.)* Уж не знаю, как и благодарить тебя...

НИКИТИЧНА. Как сговорились. Чай, не забыла?

СЕЛИВАНИХА. По миру ты нас пускаешь, соседушка.

НИКИТИЧНА. Так, выходит, тебе деньги дороже сынка твово?

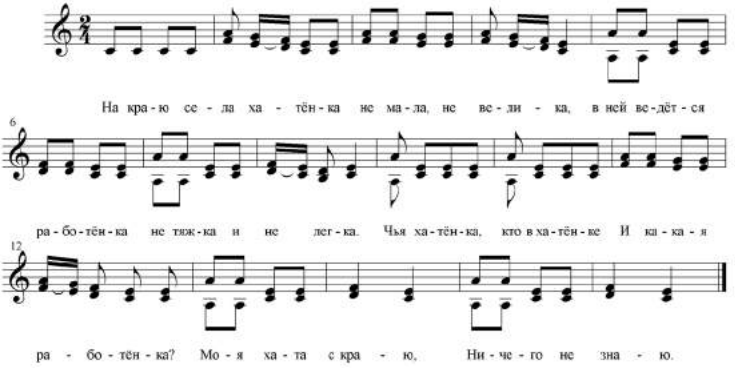
СЕЛИВАНИХА. Што ты, што ты, господь с тобой... *(Вынимает деньги.)* Вот — возьми, подавись! *(Уходит.)*

НИКИТИЧНА. Денег жалко стало, тьфу, скаредница. Так при тебе ж золотце твоё осталось — сын твой припадошный!

Достав бутылку и хлебнув чарку и успокоившись, Никитична пересчитала деньги и вовсе развеселилась. Поёт, а в конце и приплясывает.

На краю села хатёнка

На краю села хатёнка
не мала, не велика,
в ней ведётся работёнка
не тяжка и не легка.
Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.
Из трубы большой долгонько
днём и ночью дым валит,
шерсть у чёрного котёнка,
как у соболя, блестит.
Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.
Дым кругами над хатёнкой,
а войдёшь в неё едва,
сколько б ни было силёнки,
закружится голова.
Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.



Стук в дверь. Появляется Серафим Ермилыч.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. У тебя — никого?

НИКИТИЧНА *(усаживаясь)*. Одна я... Нездоровится, вот и дома сижу.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Что же?

НИКИТИЧНА. Започихивала, запокашливала... А тут ишшо тоска в ногах открылась... К непогоде должно быть.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Ты это верно подметила — к непогоде... А я не поздравствовался. Живёшь как?

НИКИТИЧНА. Жизнь — она, сами видите, какая... Да вы садитесь, может, чего перекусить желаете?

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Благодарствую — сыт по горло!

Был на миру, гулял на пиру,
разгорелся пир на весь мир,
упились гости — лежат на погосте...
Со всех волостей везут новых гостей.

(Вынимает револьвер, ложит на стол.) В горле пересохло... Коньячку у тебя не найдётся? *(Кладёт деньги.)* Поил, кормил сволочей, а они при первой же опасности разбежались... Всё прахом пошло! *(Наливает, пьёт.)* Ты чего мне подсунула? Я ж тебе деньги не фальшивые отвалил!

НИКИТИЧНА. Да неужто не крепко? Могу ишшо принести.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Впрочем, всё равно уж... Красная саранча обложила всю волость, войско драпает в Монголию, милиция разбежалась, как тараканы... *(Снова пьёт.)* Что это? Таракан! Поздравляю, один не убежал... Впрочем, если поразмыслить трезво, это не таракан — это я сам... На дне бутылки, на дне стакана... Мне остаётся одно — пить до дна.

НИКИТИЧНА. Шли бы Вы домой, Серафим Ермилыч.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. У меня нет дома — красная саранча спалила его до тла, у меня нет родины — Россия горит со всех сторон... Красные гунны подминают под себя всех и вся. Это конец цивилизации. Это конец...

НИКИТИЧНА. А я так думаю, што выход завсегда можно найти.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Я не вижу... Если ты можешь, подскажи, спрячь, наконец, что ли...

НИКИТИЧНА. Тута-ка нельзя: партизаны вот-вот нагрянут... Бегунца могу продать. Добрый конь жизни стоит.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Сколько?

НИКИТИЧНА. Всё, што есть.

ЖЕЛТОРЫЛОВ *(выкладывает деньги).* Вот...

НИКИТИЧНА. Всё, што есть.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Хищная птичка... *(Выкладывает ещё.)* Где конь?

НИКИТИЧНА. В стайке. Я Вас не видела, Вы меня не видели, а коня, стало быть, у меня украли, не знаю кто, не знаю когда... *(Вослед уходящему Желторылову.)* И вообще, моя хата с краю, ничего не знаю!

Картина седьмая

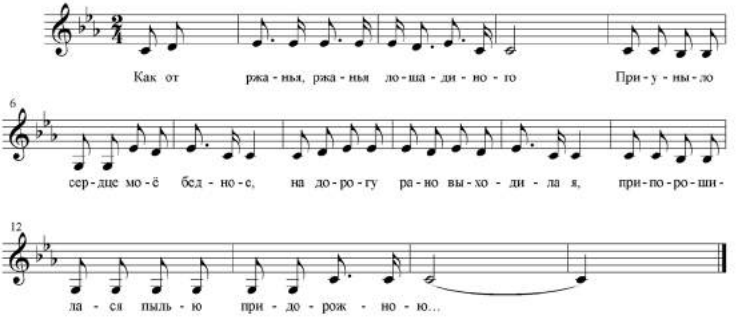
Деревенская улица, народ, партизаны.

ИВАН *(партизанский командир).* Сельчане, братья и сёстры. Мы сделали, что могли, как могли. Главное — кровопивцев согнали с земли нашей, теперь сами будем решать, что и как, налаживать будем нашу жизнь по русским законам и обычаям. Конечно, и личную жизнь будем налаживать, вот нам с Марьюшкой повезло, остались живы, время придёт — свадьбу справим, всех пригласим, сейчас же не до этого — слишком много потеряли мы друзей боевых, помянем же их добрым словом и сердечно своё спасибо скажем, что ради нас они своей жизни не пожалели... Вечная память героям!

Одна из баб заголосила.

Как от ржанья, ржанья лошадиного

Как от ржанья, ржанья лошадиного
приуныло сердце моё бедное,
на дорогу рано выходила я,
припорошилася пылью придорожною...

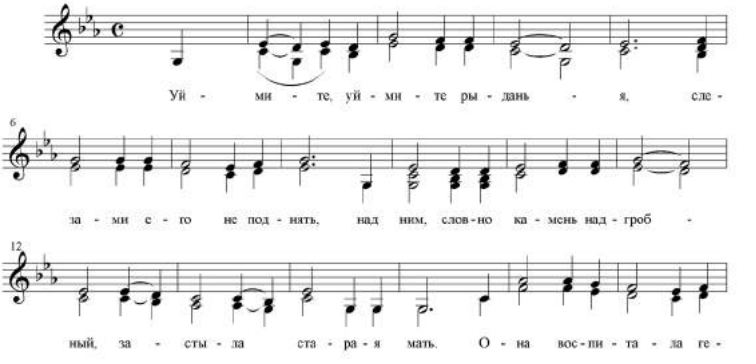


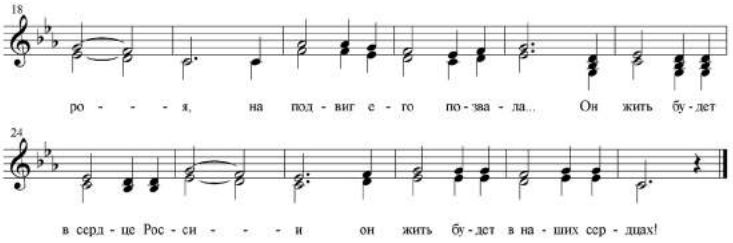
ГОЛОСА.

Родная, не плачь, не плачь,
родная, не плачь,
повержен во прах палач,
повержен палач.
Подняться на бой посмели,
посмели,
врага одолеть сумели.
сумели,
себя для других не жалели.
не жалели,
хоть жить мы тоже хотели,
хотели.

Реквием

Уймите, уймите рыданья,
слезами его не поднять,
над ним, словно камень надгробный,
застыла старая мать.
Она воспитала героя,
на подвиг его позвала...
Любил, как невесту, Россию —
отдал свою жизнь за неё.
Уймите, уймите рыданья,
слезами его не поднять...
Он жить будет в сердце России,
он жить будет в наших сердцах!





Появляется Кисель, ещё нездоровый от казацких побоев.

КИСЕЛИХА. Чего тебе дома не лежится, раны-то ишшо не зажили!

КИСЕЛЬ. Улежишь, когда такое деется...

КИСЕЛИХА. Думаешь, без тебя не обойдётся. Всюду встреваешь и отовсюду — синяки да шишки! Мало получил, ишшо возжелал?

КИСЕЛЬ. В долгах не хаживал: сколько получил — с процентами отдам. Вот подлечусь чуток — к Ивану в отряд пойду, мы ишшо повоюем!

КИСЕЛИХА. Бабоньки, это што же мужики вытворяют: забаву себе — войну выдумали, а мы, выходит, оставайся без помощи, без поддержки!

2 ГОЛОС. А я вот чо скажу: попадись мне, хто войну выдумал, он бы у меня не токо войну — лучину разжечь боялся б!

3 ГОЛОС. И чо бы такое страшное ты сделала с ним?

2 ГОЛОС. Сделала б...

4 ГОЛОС. С одним бы управилась, а их сколько, поди тышши?

5 ГОЛОС. А нас меньше, што ль?

6 ГОЛОС. И наши мужики — вояки хорошие: не могут супостатов проучить на веки вечные,

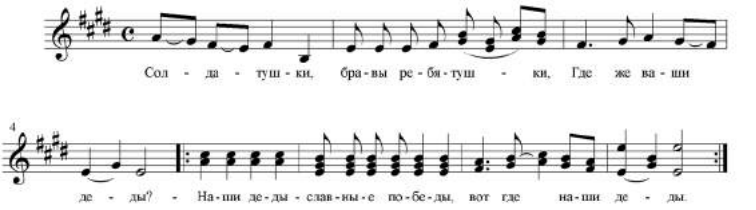
КИСЕЛЬ. Э-э, вы того... Наш брат-солдат — лучший за всех! Э, да што говорить, а ну, становись! Равняйсь! Смир-рна-а! Нале-во! Шша-гом арш! За-певай!

Маршируя, женщины поют песню.

Солдатушки, бравы ребятушки

— Солдатушки, бравы ребятушки,
где же ваши жёны?

— Наши жёны — ружья заряжёны,
вот где наши жёны.
— Солдатушки, бравы ребятушки,
где же ваши детки?
— Наши детки — пули наши метки,
вот где наши детки.
— Солдатушки, бравы ребятушки,
где же ваши деды?
— Наши деды — славные победы,
вот где наши деды.

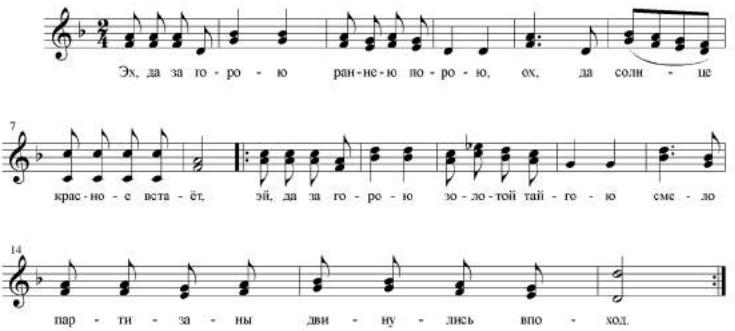


КИСЕЛЬ. Напра-во! Стой, ать-два! Воль-но... Легко вам, бабы, кудахтать о жизни, а вы попробуй — измени её! Вот в чём заковыка-то, вот в чём. Тыщи лет, как рыба об лёд бьёмся, и вот теперича, кажись, будет и на нашей улице праздник. Идут по земле нашей богатыри русские, молодцы удалые, и нету такой силы на свете, которую бы они одолеть не смогли!

ДЕД. А ну, давай нашенскую! *(Начинает петь.)*

Сибирская партизанская

Эх, да за горою раннею порою,
ох, да солнце красное встаёт,
эй, да за горою золотой тайгою
смело партизаны двинулись в поход.
Мы врага рубили, меткой пулей били,
крепко дрался грозный наш отряд,
кони наши быстры, сабли серебристы,
на фуражках ленты алые горят.
Эх, да нынче снова мы на бой готовы,
Нам Отчизна наша дорога,
помнят нашу славу сопки Ала-тау,
помнят Енисея берега.

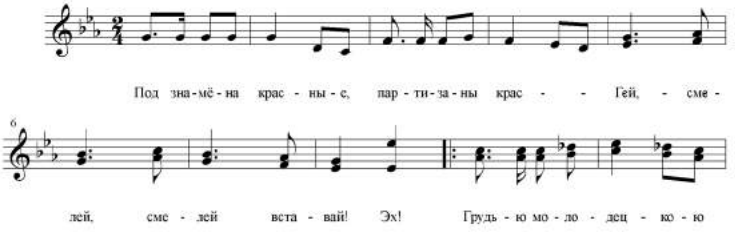


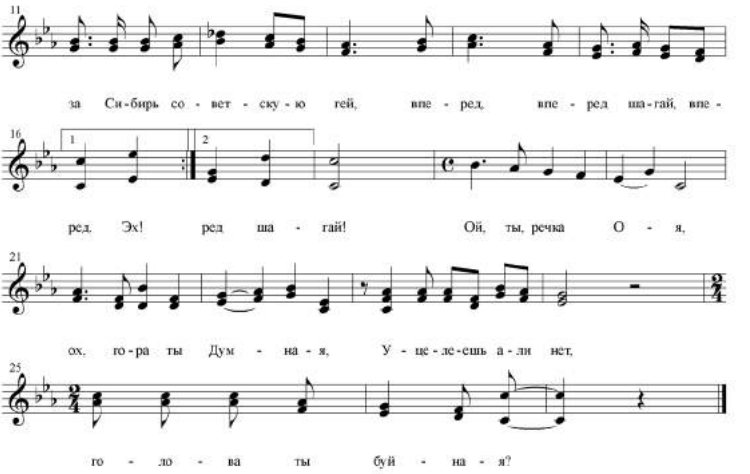
Появляются подростки, среди них Витёк «верхом на коне».

ВИТЁК. На полки на белые, на дела их чёрные — гей, вперёд, вперёд, вперёд!

Под знамёна красные

Под знамёна красные, партизаны красные
гей, смелей, смелей вставай!
Грудью молодецкою за Сибирь советскую
гей, вперёд, вперёд шагай!
Ой, ты речка Оя, ох, гора ты Думная,
уцелеешь али нет, голова ты буйная?
Не рыдай ты, матушка, не грусти, зазнобушка,
гей, прощай, прости-прощай!
На полки на белые, на дела их чёрные
в путь-дорогу провожай!
Ой, ты речка Оя, ох, гора ты Думная,
уцелеешь али нет, голова ты буйная?





Появляется батюшка.

БАТЮШКА. Покайтеся, грешные, не гневите бога!

ИВАН. На бога надейся, да сам не плошай. Ведь как было у нас: одни — заласканы, другие — кнутованы. С Всевышним за такой раздел мы несогласные.

БАТЮШКА. Всякая власть аще от бога.

ИВАН. Значится, и власть партизанская — також от бога. Свободны мы нынче выбирать себе власть, вот так-то, батюшка...

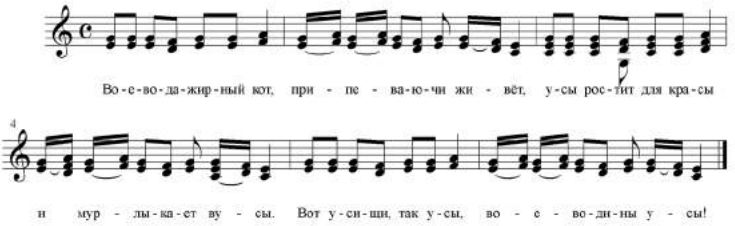
БАТЮШКА. Свобода с блудом бывает. Дай свободу слабым да не твёрдым — в блуде и крови погрязнут. Не ведаете, что творите — самого воеводу так не встречали, как партизанов-беззаконников.

ИВАН. Люди добрые, а про воеводу-то мы забыли! Аллилуйю — воеводе! *(Выволакивается огромная кукла, изображающая воеводу, вокруг которой устраивается хоровод.)*

Воевода — жирный кот

Воевода — жирный кот,
припеваючи живёт,
усы ростит для красы
и мурлыкает в усы.
Вот усищи, так усы,
воеводины усы!

Размахнёт свои персты
на четыре на версты,
зыркнет баньками в народ,
что увидит, загребёт!
Ох, персты его, персты,
воеводины персты!
Воеводе на обед
приподносят сто котлет,
во два пуда осетра,
сладкой водки полведра!
Вот так брюхо, вот брюшко,
воеводино брюшко!
Воевода прихворал,
штой-то смурый сёдни встал.
Как возьмём за ручки белы,
как возьмём за ножки резвы,
по земле проволокём,
в Енисей-реку макнём.
Не достанет в речке дна —
пусть плывёт себе к хренам!



С хохотом куклу-воеводу волочат прочь, поддавая пинками и кулаками.

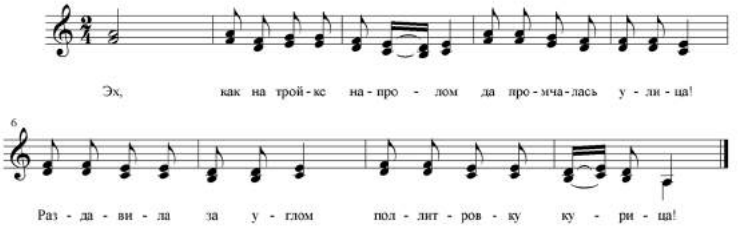
Песня Васьки Шушенского

Эх, как на тройке напролом
да промчалась улица!
Раздавила за углом
Поллитровку курица!

Ух, я родился в кабаке
непорочнозачатый

с поллитровкою в руке
и пьянющий начерто!

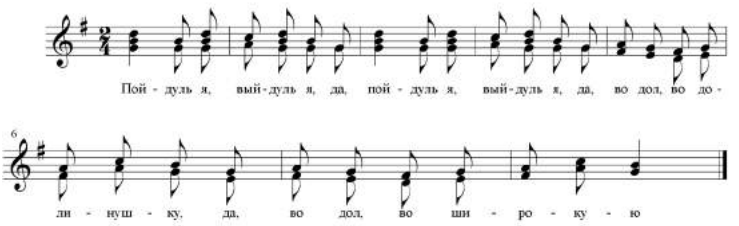
Ох, пей из луж честной народ!
В лужах всех шампанское!
Так лишь раз бывает в год
По указу царскому!



Звучат частушки, отбиваются дробушечки, идёт перепляс. Народ ликует.

Пойду ли, выйду ль я

пойду ли, выйду ль я,
пойду, выйду, выйду ль я ли,
пойду, выйду, выйду ль я ли,
пойду ли, сорву ль я ли,
сорву ли, вырву ль я ли,
сорву, вырву, вырву ль я ли,
сорву, вырву, вырву ль я ли...
Проснись-ка, дед,
погляди на свет,
нет царя и нет господ,
нынче правит сам народ!
Не легко рыбёшку удить —
всё с крючка срывается,
зипуны-то власть берут,
бархату не нравится!
Все овраги, косогоры
мы прошли, промерили,
все мы власти испытали,
в новую поверили,
все мы власти испытали,
в новую поверили.



В веселье взрослое влилось детское веселье. Любка, Пашка, Витёк и другие подростки входят в круг.

Ехала деревня мимо мужика,
вдруг из-под собаки лают ворота,
тпр-р — сказала лошадь,
и мужик заржал,
лошадь пошла в гости,
а мужик стоял.

ДЕВОЧКА.

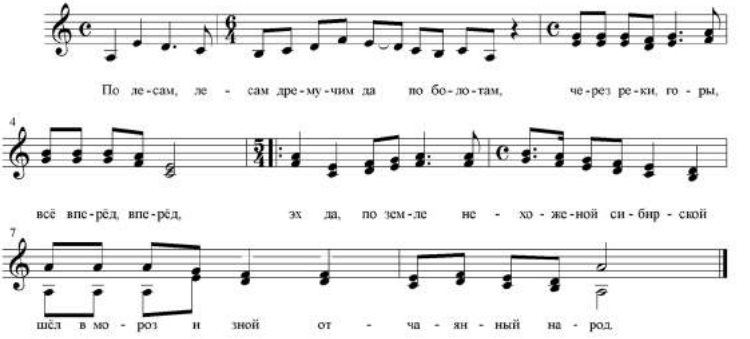
Я не тятькина,
Я не мамкина,
я на улице росла,
меня курица снесла.

ВСЕ *(поют)*.

Сибирский марш

По лесам, лесам дремучим да по болотам,
через реки, горы, всё вперёд, вперёд,
эх да, по земле нехоженой сибирской
шёл в мороз и зной отчаянный народ.
В молодых сердцах горячих кровь закипала,
не брала их стужа, смерть их не брала,
эх да, сквозь невзгоды, холод, голод, годы
всех одна мечта заветная звала.
Если ж вдруг беда-злодейка их настигала,
то никто, никто не хныкал, не роптал,
эх да, каждый только, затаивши горе,
как молитву, имя женское шептал.
Не шептал один упрямец женское имя —
всем смертям назло он всюду распевал:

«Эх да, ты мечта, мечта моя — Россия,
для тебя, Россия, всё я забывал!
Эх да, ты мечта, мечта моя — Россия,
для тебя, Россия, всё я забывал!»

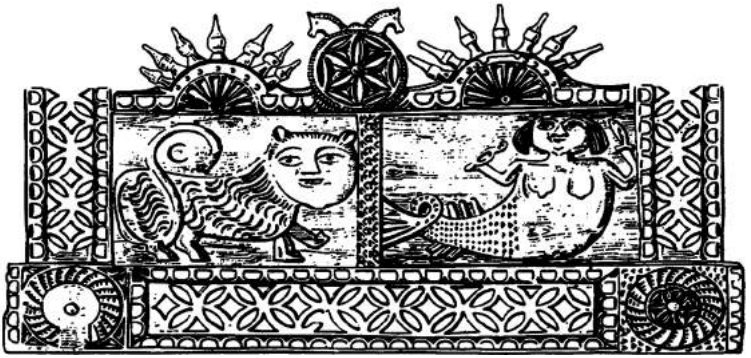


КОНЕЦ.

СПИСОК ПЕСЕН

«Слышно ль тебе, да Иванушка» (закличка) — р.н.п.
«За рекой за быстрою» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Доверяться ль апрельскому солнышку» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Куплеты свахи» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Тяжело сынка родить» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Неделька» — слова Б. Терещенко, музыка народная.
«Пойди, выйди, Степан-сударь » — р.н.п. (хоровод).
«Ох, матушка, головушка болит» — р.н.п. (плясовая).
«Как родная мать меня провожала» — слова Д. Бедного, музыка народная.
«Эх ты, Ваня, разудала голова» — р.н.п.
«Ночь темна-темнёшенька» — р.н.п.
«Вот скрылось солнце за горою» — р.н.п.
«Баллада о партизанах Щетинкина» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Как по реченьке плыла лодочка» — р.н.п.
«Кабы были златы крылышки» — р.н.п.
«Конь боевой с походным вьюком» — р.н.п.
«Лелеяла мать, ублажала» — слова Б. Терещенко, музыка народная.
«Сшей мне белое платье, мама» — автор неизвестен.
«Я сыночка ожидала» — у.н.п., перевод с украинского языка Б. Терещенко.
«Как на рынке на базаре» — р.н.п.
«Чарочка моя» — р.н.п.
«На краю села хатёнка» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Как от ржанья, ржанья лощадиного» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Реквием» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Солдатушки, бравы ребятушки» — р.н.п.
«Сибирская партизанская» — р.н.п.
«Под знамёна красные» — слова Б. Терещенко, музыка Серафима Щукина.

«Воевода — жирный кот» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Песня Васьки Шушенского» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Пойду ли, выйду ль я» — р.н.п.
«Сибирский марш» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.



Зимние святки

Действующие лица:

НИКИТИЧНА — женщина средних лет.
НАТАША — её дочь.
ЛЕНА
НАСТЯ } — подруги Наташи.
ГАЛЯ
ЧЁРТИК.
ЧЁРТ-ХОЗЯИН.
ДОКТОР
ЦЫГАНКА
МЕДВЕДЬ } — ряженые.
БАБА-ЯГА
БАБЫ.
КОЛЯДОВЩИКИ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ.

Действие происходит в сибирском селе в новогодние праздники.

Комната. Русская печка, заслонка, ухват. Посреди комнаты — стол, за ним сундук, вдоль стен — лавки. Хозяйка хлопочет по дому. Праздничный напиток уже готов, вот и последняя бутылка наполнена, поставлена на стол «для дегустации».

НИКИТИЧНА. Ох, уморилась — до чёртиков... Ой! *(Закрывает рот.)* Не накликать бы нечистых... *(Садится за стол.)* Ноги гудят, как в трубе при вьюге, а во рту с самого утра — ни росиночки. *(Уходит.)*

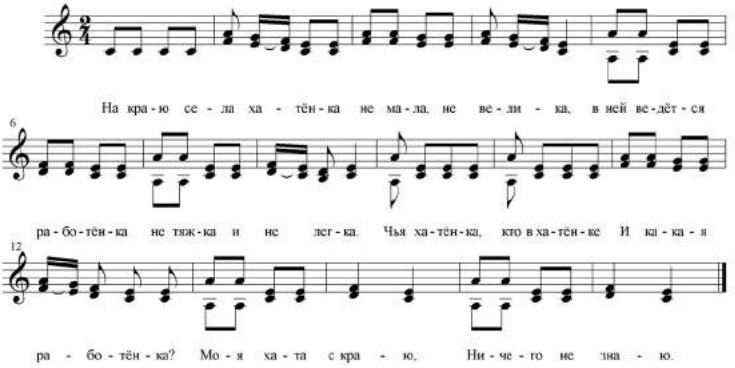
ЧЁРТИК *(появляясь, откуда ни возьмись, подскакивает к столу, нюхает содержимое бутылки)*. Хоросо — красота! Нигде нету луце! Хозяин доволен будет. *(Слышит шаги Никитичны, прячется в печку — гремит заслонка, падает кочерга.)*

НИКИТИЧНА *(возвращаясь с чаркой, с закуской, подозрительно косится на печь, подходит, ставит на место кочергу)*. Тьфу, ещё не пила, а уже — мерещится... *(Садится за стол, наливает чарочку, пьёт.)* Хорошо — красота! Продукция моя — два в двадцать второй степени... *(Пьёт, закусывает.)* Недаром горницу мою ни пеший не обойдёт, ни конный не объедет. *(Поёт, танцует.)*

На краю села хатёнка

На краю села хатёнка
не мала, не велика,
в ней ведётся работёнка
не тяжка и не легка.
Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.
Из трубы большой долгонько
днём и ночью дым валит,
шерсть у чёрного котёнка,
как у соболя, блестит.
Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.
Дым кругами — над хатёнкой,
а войдёшь в неё едва,

сколько б ни было силёнки,
закружится голова.
Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.



Появляется дочь Никитичны.

НАТАША. Девчата не приходили?

НИКИТИЧНА. Мне только и остаётся твоих подруг караулить... Целый день — как белка в колесе. Сколько дел ишшо по дому, а тебе всё — с подружками гулять.

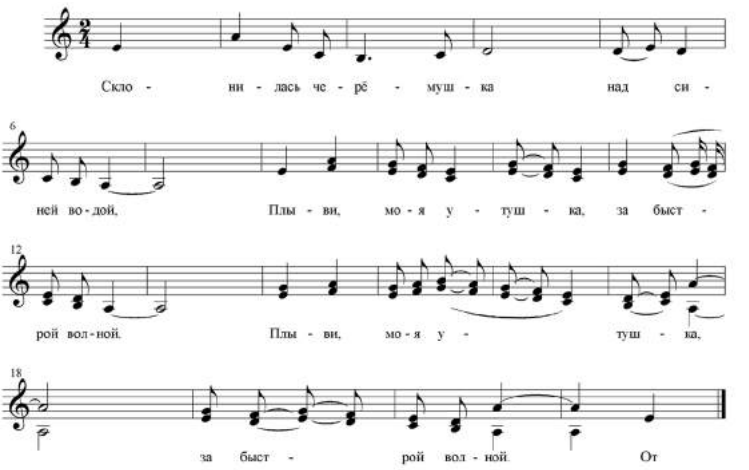
НАТАША. Мы погадать хотели.

НИКИТИЧНА. Вот соберутся все бабы вечером, тогда и поворожим. *(Уходит.)*

НАТАША. А мы сами с усами. *(Греет руки у печки.)* А не погадать ли мне на селезня? *(Бьёт в ладоши, убегает за печку, выносит чашку с водой, две фигурки из воска: уточку и селезня.)* Плыви, моя утушка. *(Пускает воск на воду.)* Плыви, мой селезень. *(Пускает вторую фигурку.)* Селезень, мой селезень, распрекрасный селезень, плыви к своей красавице! Чашечка и водица, расскажите, что со мною случится. *(Поёт.)*

Склонилась черёмушка над синей водой

Склонилась черёмушка над синей водой,
плыви, моя утушка, за быстрой водой.
От берега селезень навстречу плывёт,
быть может, волною к ней принесёт.



Во время гадания Наташи Чёртик сначала выглядывает, а потом и вылазит из печки, с любопытством наблюдая за девчонкой. Слышится стук в дверь, Чёртик исчезает в печке, гремя заслонкой, роняя кочергу на пол. Входят подружки, Наташа ставит кочергу к печке.

ПОДРУЖКИ. А вот и мы.

НАТАША. Где вас черти носят? Я уж иззаждалась вся.

ГАЛЯ. Так рано ещё гадать-то.

НАТАША. И вовсе не рано, солнце зашло давно.

НАСТЯ. Это чё у тебя?

НАТАША. Я с воском гадала на селезня: если с утушкой соединяется — к любви, если в разные стороны отходят — к разлуке.

ЛЕНА. Мы ж хотели с ожегом гадать.

НАТАША. Я палку обожжённую приготовила.

НАСТЯ. Так это ж страшно да и опасно, ведь к кладбищу надо идти.

НАТАША. И вовсе не обязательно, можно и здесь, у печки. *(Проводит магический круг по полу ожегом, обожжённой на конце палкой.)* Ну, всё, готово! Становитесь в круг.

ВСЕ. Мы в кругу, черти за кругом, мы в кругу, черти за кругом, мы в кругу, черти за кругом.

НАТАША. Кто первый загадывает?

ЛЕНА. Я.

НАТАША. Закрой глаза и слушай, что в печи прислушаешь, то и будет. Тихо, девчонки! Ударь ожегом по заслонке.

ЛЕНА *(ударяет)*. Что причудится, то и сбудется. *(Высунувшийся из печи Чёртик целует её.)* Ой!

ВСЕ. Что с тобой?

ЛЕНА. Меня поцеловал кто-то...

ГАЛЯ. Не ври.

ЛЕНА. Девочки, вот ей-богу правда.

НАТАША. Кто следующий? Перемещаемся по кругу.

НАСТЯ. Я.

ВСЕ. Мы в кругу, черти за кругом, мы в кругу, черти за кругом, мы в кругу, черти за кругом. *(Настя ударяет ожегом по заслонке, Чёртик гладит Настю хвостом.)*

НАСТЯ. Ой!

ВСЕ. Что с тобой?

НАСТЯ. Меня кто-то погладил... кажется.

ГАЛЯ. Моя, моя очередь! Поехали. *(Перемещаются по кругу.)*

ВСЕ. Мы в кругу, черти за кругом, мы в кругу, черти за кругом, мы в кругу, черти за кругом...

ГАЛЯ *(ударяет ожегом по заслонке)*. Что причудится, то и сбудется... *(Чёртик касается и её щеки, оставляя чёрный след от сажи, и щекочет ей нос хвостом.)* Апчхи! Ой! *(Увидела чёрта.)* Мама — чёрт! *(Вскакивает с колен, за ней — все остальные, все замечают на лице у Насти и Гали сажу, в панике с криками «Чёрт, чёрт, мама!» бегают туда, сюда, кто-то вскакивает на скамейку, на сундук, кто-то на стол.)*

НИКИТИЧНА *(появляясь)*. Чего верещите, как поросята резаные?

ВСЕ. Тётя Марья, мы чёрта видели!

НИКИТИЧНА. Доигрались, доворожились — до чёртиков!

ГАЛЯ. Правда, тётя Марья, я точно видела... с хвостом.

НИКИТИЧНА. Ох, вы... наказание моё, а ну все ко мне! Повторяйте за мной: мы — по за кругом, черти в кругу, мы по-за кругом, черти в кругу, мы по-за кругом, черти в кругу. *(Все повторяют за ней.)* Наташа, неси тряпку. *(Быстро стирает магический круг.)* Ну, вот, девчата, самим больше гадать — ни, ни, ступайте домой, а коли невтерпь судьбу свою девичью узнать, на подблюдные песни приходите, когда бабы соберутся, всё! Домой, домой! А ты, Наташенька, к батюшке ступай, пусть горенку очистит от нечисти, каравай отнеси, да

круг кишок. *(Оставаясь одна.)* Зря я девчат одних оставила без присмотра, ворожба — дело не шутейное, иной раз такое приключится... *(Обходит горницу, заглядывает в печь, ставит кочергу на место, уходит за печку, вскоре появляется с бутылкой и закуской, ставит на стол, наполняет чарочку, выпивает.)* Охо-хо, напужали девчата до колик, с утра в ногах можжало, теперича в животе крутит, а голова — будто чугуном налитая... батюшка одной бутылкой не утешится, надо вторую приготовить. *(Уходит.)*

Открывается дверь, появляется батюшка, проходит поближе к столу.

ПОП. Кхе, кхе... Благослови, господи, хижину сию... *(Никого нет, говорит громче.)* Благослови, господи, хижину сию... *(Ещё громче.)* Благослови, господи, хижину сию.

НИКИТИЧНА *(появляясь)*. Милости просим, батюшка, милости просим, проходите за стол, располагайтесь, отведайте, откушайте, что бог послал.

ПОП. Не богоугодное дело — питие алкоголя.

НИКИТИЧНА. Пьянство — известное дело, порок, а ради здоровья: то ли с мороза, то ли с устатку — вовсе не грех. Зелье моё на целебных травах настоянное, его и детям не вредно давать, ежели родимчик шибанёт, а ишшо от сглазу. *(Наливает батюшке чарочку придвигает закуску.)*

ПОП. Господи, вразуми мя, тварь неразумную, слабую, в доброте и благости пребывающую к рабам божиим. Аз хвалу богу воздав, вопрошаю тя, дщерь, истину ли глаголишь?

НИКИТИЧНА. Истину, истину, батюшка. *(Подаёт чарку.)*

ПОП. В земной юдоли, господи, помилуй мя. *(Пьёт, Никитична наливает снова.)* Воззри, отче наш, и простри невидимую длань свою на головы наши. *(Пьёт.)*

НИКИТИЧНА. Воззри, отче наш, и прости нас грешных. *(Наливает ещё чарку.)* Батюшка, не откажите освятить горенку, девчатам давеча в ней нечистая сила привиделась. *(Подает чарку.)*

ПОП *(пьёт)*. Жития миру осталося три лета и три дни. Текут реки крови жесточае, кипит море слёз разливанное, встал Каин на Авеля... Господи, помилуй, господи, помилуй...

НИКИТИЧНА. Угошшайтесь, батюшка, сами, да закусы-

вайте, *(наливает ещё)*, а мне со скотиной ишшо управиться надобно *(Уходит. Приняв ещё чарочку, батюшка отяжелел, появляется Чёртик из печи.)*

ПОП. Ты... к...то?

Чёртик приставил пальцы к губам: «Тс-с-с!».

ПОП. Сгинь... *(Икает, пробует креститься.)*

ЧЁРТИК. Низзя — хозяин не любит! *(Показывает на крест.)* Спрячь — хозяин не любит. *(Показывает на поповский головной убор.)* Сними — хозяин не любит. *(Подходит к печке.)* Мозно, Хозяин.

Прыгая откуда-то сверху, приземляется возле печки Чёрт-Хозяин. Батюшка вместо одного чёрта — видит двоих.

ПОП. Вы... к...то?

Чёрт-Хозяин ходит на четвереньках с прямыми ногами взад-вперёд, Чёртик в словах и в пантомиме излагает чертовское кредо.

Пакости выпусти, отрави всем жизнь,
накося-выкуси — это наш девиз.
Пусть вверх дном — всё, всё
головою вниз, вниз — это хоросо!
Пусть царит ночь-темнота,
пусть маячит всем маята,
это красота!
Пакости выпусти, отрави всем жизнь,
накося-выкуси — это наш девиз.
Пусть кошмарный сон, сон
одолеет всех, всех — это хоросо!
Пусть сразит всех срамота,
пусть идёт слепота, глухота,
это красота!
Пакости выпусти, отрави всем жизнь,
накося-выкуси — это наш девиз.

ПОП. Пошли вон... обое.

ЧЁРТИК. Не командуй, батюшка, ты не у себя дома.

ПОП. Весь белый свет — мой дом, а ваше место — в преисподней.

ЧЁРТИК. Век человечий не вечен, батюшка, рано или поздно и тебе с этого света на тот отправляться придётся, так что друзья и здесь, и там нужны.

ПОП. Гусь свинье — не товарищ.

ЧЁРТИК. Правда твоя, батюшка, и всё ж не будь тяпкой: всё себе и себе, будь пилой: раз — себе, раз — другим. Двинься, двинься, двинься. *(Усаживает за стол рядом с батюшкой Чёрта-Хозяина, наливает шефу, тот пьёт.)* А теперь твой черёд, батюшка. *(Наливает попу.)*

ПОП *(колеблется)*. А по мне — будь ты рогатый, будь ты хвостатый, лишь бы в мои дела не лез. *(Пьёт.)*

ЧЁРТИК. Правда твоя, батюшка, будь ты с рясой, будь с волосами, иди своей дорогой. *(Усаживаясь рядом с Чёртом-Хозяином, сталкивает батюшку со скамьи.)* На троих нам не хватит. *(Наливает шефу две рюмки подряд, остальное выпивает сам из горлышка бутылки.)* Хоросо — красота! *(Поют гнусаво.)*

Шумел камыш, деревья гнулись,
а ночка тёмная была,
одна возлюбленная пара
всю ночь гуляла до утра.

В горницу гурьбой вваливаются бабы вместе с Никитичной, продолжается песня уже в их исполнении.

Одна возлюбленная пара
всю ночь гуляла до утра.

При шуме входящих Чёрт-Хозяин исчезает за печкой, Чёртик прячется под стол. С одной стороны стола торчит хвост, с другой — ряса.

НИКИТИЧНА. Вот и управились, бабоньки, можно и отдохнуть, праздник нынче большой, не хуже других справим. Располагайтесь, бабоньки, как дома, а я самовар налажу.

Женщины стали рассаживаться, кто-то, проходя мимо стола, наступил на хвост, кто-то — на рясу.

СОСЕДКА. Ой, что это? *(Потянула за хвост — послышалось кошачье «Мяу!».)*

МОЛОДКА. Свят, свят, свят! *(Потянула за рясу, послышалась возня под столом, отодвинула стол — увидела батюшку.)*

ПОП. Изыди, сатано!

Все дружно стали поднимать батюшку, поправлять поповскую экипировку.

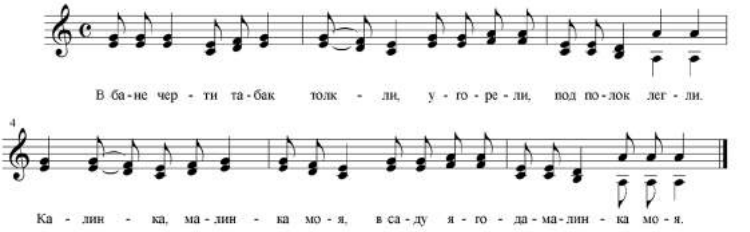
ПОП. Жития-то миру осталось три лета и три дни... Текут реки крови жесточае, кипит море слёз разливанное, встал Каин на Авеля... Господи помилуй, Господи помилуй...

Батюшку уводят, Чёртик сам исчезает за печкой, бабы хороводя змейкой, поют.

В бане черти табак толкли

В бане черти табак толкли,
угорели, под полок легли.
Калинка, малинка моя,
в саду ягода-малинка моя.
Мимо баенки поп проходил,
он кадилом своим всё кадил.
Калинка, малинка моя,
в саду ягода-малинка моя.
Он на баенку поглядыват
да всё кадилом помахиват.
Калинка, малинка моя,
в саду ягода-малинка моя.
Захотелося батюшке
на полочке попариться,
на полочке попариться,
под полочком пошариться.
Калинка, малинка моя,
в саду ягода-малинка моя.
Только черти не выдержали,
его сажею вымазали.
Калинка, малинка моя,
в саду ягода-малинка моя.

И с тех пор наш батюшка
на полочке не парится,
на полочке не парится,
под полочком не шарится.
Калинка, малинка моя,
в саду ягода-малинка моя.



Наташа приводит подруг, чтобы поучаствовать в подблюдных гаданиях.

НИКИТИЧНА. А вот и будущие невесты пришли, невтерпь выведать про свою долю девичью.

ЛЕНА. Чему быть, тому не миновать.

НАСТЯ. Мы — как все.

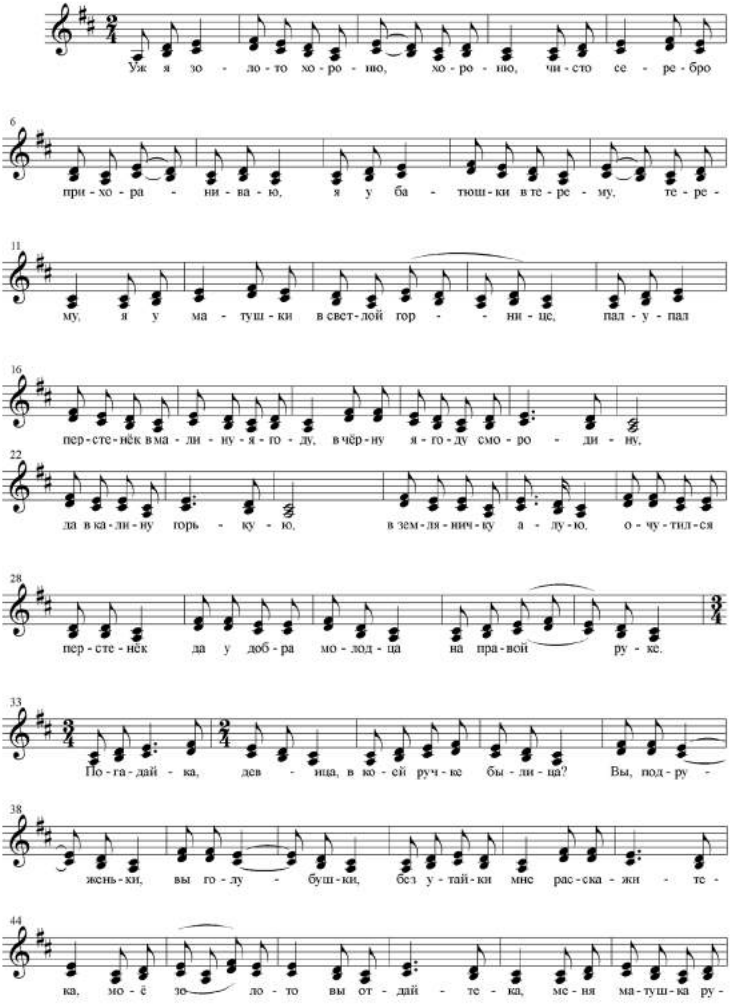
НИКИТИЧНА. Готовьте свои перстни, девчата, а ты, Наташенька, неси блюдо да платок. Запевайте, бабоньки.

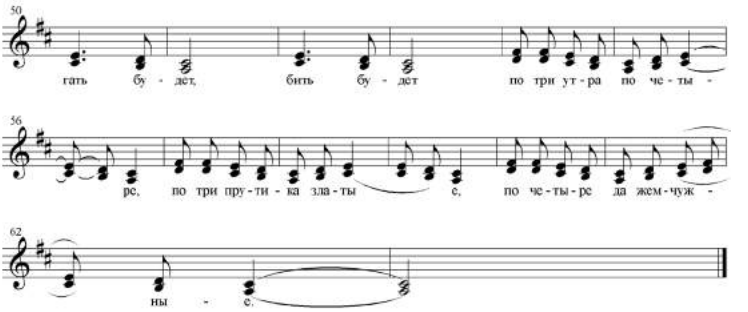
Женщины поют, Наташа с платком исполняет пантомиму-танец.

Уж я золото хороню, хороню

Уж я золото хороню, хороню,
чисто серебро прихораниваю,
я у батюшки в терему, в терему,
я у матушки в светлой горнице,
Пал-упал перстенёк в малину-ягоду,
да в чёрную ягоду смородину,
да в калину горькую,
в земляничку алую.
Очутился перстенёк да у добра молодца
на правой руке.
Погадай-ка, девица, в коей ручке былица?

Вы, подруженьки, вы голубушки,
без утайки мне расскажите-ка.
моё золото вы отдайте-ка,
Меня матушка ругать будет, бить будет
по три утра по четыре,
по три прутика златые,
по четыре да жемчужные.



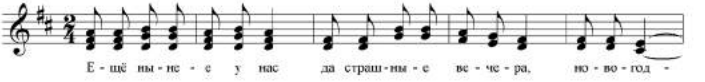


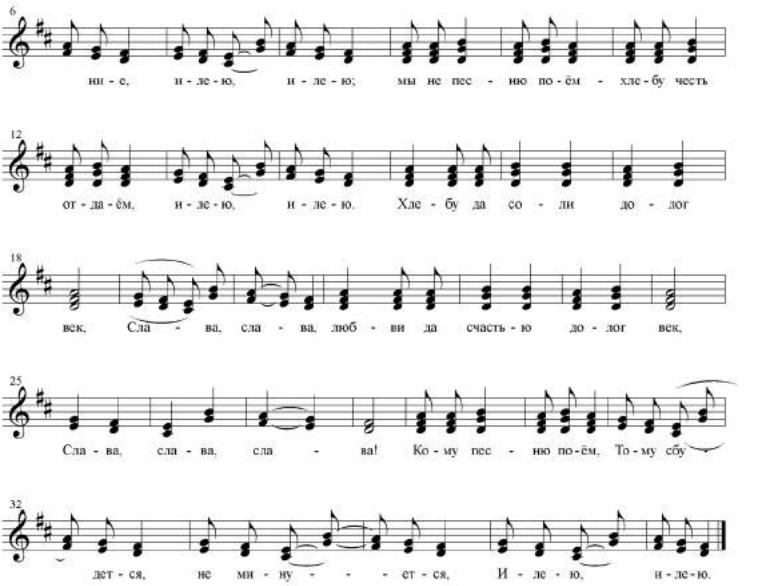
Во время исполнения песни девчата кидают свои кольца в блюдо, после чего Наташа, танцующая с платком, накрывает им блюдо. Запевает подблюдные песни Никитична, ей вторят все участницы гадания.

НИКИТИЧНА. Гадай, гадай, девица,
в коей ручке былица.
Былица — в золоте, жемчуге, серебре.
С молодцем повяжешься,
поживёшь, изведаешь —
с горя не наплачешься.

Ещё ныне у нас да страшные вечера

Ещё ныне у нас да страшные вечера,
да васильевские, илею, илею.
Мы не песню поём —
хлебу честь отдаём.
Илею, илею, илею, илею.
Хлебу да соли долог век,
Слава, слава.
Любви да счастью долог век.
Слава, слава, слава!
Кому песню поём,
Тому сбудется, не минуется.
Илею, илею.





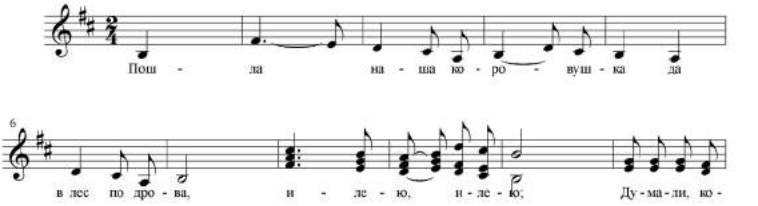
НИКИТИЧНА *(вынимает из блюда под платком кольцо)*. Чьё кольцо?

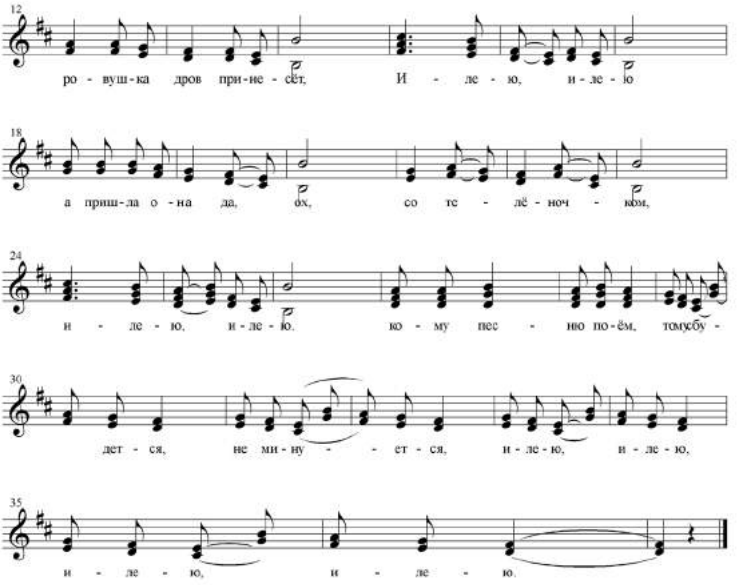
НАТАША *(берёт)*. Моё.

НИКИТИЧНА *(запевает)*.

Пошла наша коровушка

Пошла наша коровушка
да в лес по дрова, илею, илею.
Думали, коровушка дров принесёт,
илею, илею,
а пришла она да, ох, со телёночком,
илею, илею.
Кому песню поём, тому сбудется, не минуется,
илею, илею, илею, илею.

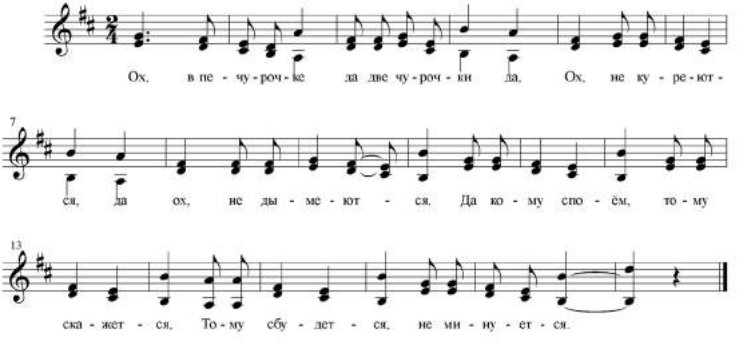




НИКИТИЧНА. Чьё кольцо?
ЛЕНА. Моё *(Берёт.)*
НИКИТИЧНА *(запевает).*

Ох, в печурочке да две чурочки да

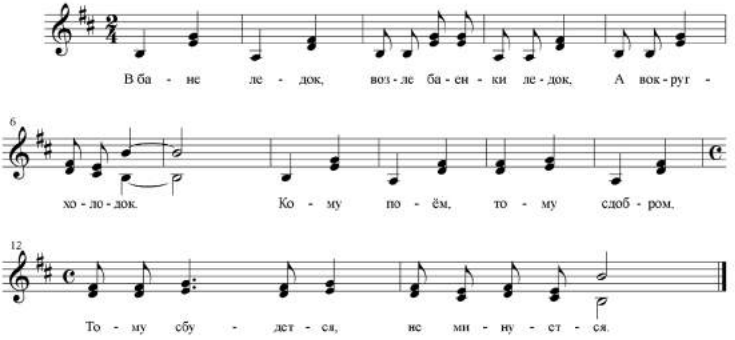
Ох, в печурочке да две чурочки да,
ох, не куреются, ох, да не дымеются.
Да кому споём, тому скажется,
Тому сбудется, не минуется.



НИКИТИЧНА. Чьё кольцо?
ДАША. Это моё. (Забирает.)
НИКИТИЧНА *(запевает)*.

В бане ледок, возле баенки ледок

В бане ледок, возле баенки ледок,
а вокруг — холодок.
Кому поём, тому с добром,
тому сбудется, не минуется.

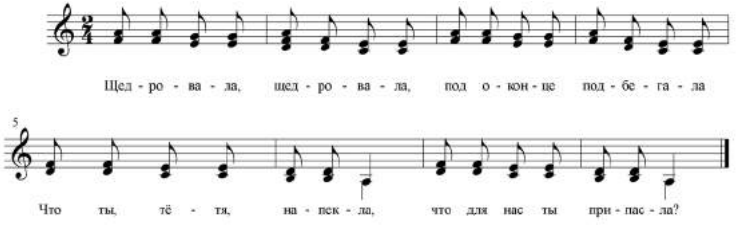


НИКИТИЧНА. Чьё это кольцо?
ГАЛЯ: Моё. *(Берёт.)*

За окном слышится детская щедровка.

Щедровала, щедровала, под оконце подбегала

Щедровала, щедровала, под оконце подбегала.
Что ты, тётя, напекла, что для нас ты припасла?
Подавай нам поскорей, не морозь, не мучь детей.
Наши чоботки худые — наши ножки зябнут,
а платочки тоненьки — наши ушки зябнут,
а кафтан-то короток — колядовщик весь продрог.

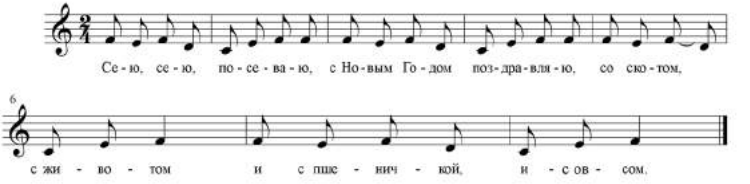


НИКИТИЧНА *(приглашая детей в дом)*. Проходите, мои воробушки, в горницу, отогревайтесь, мои маленькие.

ДЕТИ *(рассеивая зерно)*.

Сею, сею, посеваю

Сею, сею, посеваю, с Новым Годом поздравляю,
со скотом, с животом и с пшеничкой, и с овсом.
Уродись, пшеничка, просо, чечевичка,
на поле копнами, на столе блинами.
Ты хозяин-мужичок, полезай в сундучок,
подавай пяточок
нам на орешки, вам на потешки.
С Новым Годом, хозяин и хозяюшка!

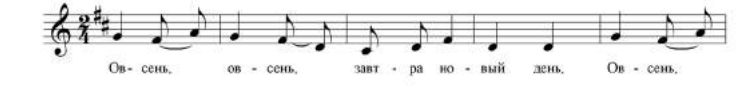


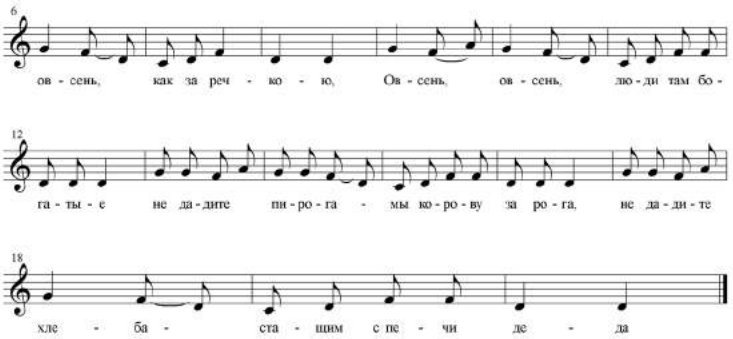
НИКИТИЧНА. С новым счастьем, угощайтесь, мои воробушки, к печке проходите, грейтесь. *(Угощает, самых маленьких подсаживает на печку.)*

В доме появляются колядовщики более старшего возраста.

Овсень, овсень

Овсень, овсень, завтра новый день,
овсень, овсень, как за речкою,
овсень, овсень, как за быстрою,
овсень, овсень, люди там богатые
деньгу гребут лопатою,
не дадите пирога — мы корову за рога,
не дадите пышку — свинку за лодыжку,
не дадите хлеба — стащим с печи деда,
не дадите лапку — стащим с печи бабку.





Никитична угощает всех.

В дом приходят юноши и девушки со своими колядками.

Как у тётушки, как у Марьюшки

Как у тётушки, как у Марьюшки,

таусень, таусень, стоит дров костёр, стоит дров костёр,

таусень, таусень, а зачем эти дрова, а зачем эти дрова?

Таусень, таусень, чтобы печку топить, чтобы пиво варить,

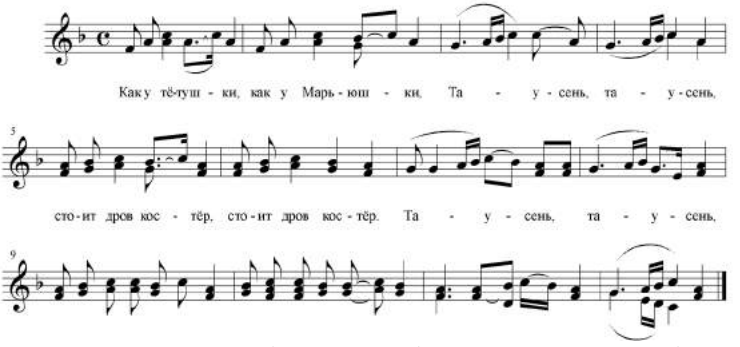
таусень, таусень, чтобы пиво варить, Ваню с Марьюшкой женить,

таусень, таусень, Ваню с Марьюшкой женить, тётку Марью перменить,

таусень, таусень, ей на печке лежать, ноги кверху держать;

таусень, таусень, не держите у порога, одарите серебром,

таусень, таусень, с Новым Годом, хозяин и хозяюшка.



Не успела хозяйка одарить колядовщиков, в горнице один за одним появляются ряженые.

ДОКТОР. Слышу стон шальной, где тут больной? Не стонать, не кричать, смирно до самой смерти стоять! Я знаменитый доктор-лекарь из-под каменного моста аптекарь, талантом редким владею — лечить умею: кто ко мне на ногах является, тот от меня на дровнях возвращается. Ты больной? Как живёшь? Хорошо ли хвораешь? Рассказывай весть про свою болесть. Где болит, что недужит, изнутри аль снаружи?

БОЛЬНОЙ. Вот здесь — промеж лопаток, около подложечки, пониже пяток, повыше лодыжечки.

ДОКТОР. Чего мелешь, как в лихорадке, встань да укажи.

БОЛЬНОЙ. Встать — силушки нет, затянулась болезнь на сорок лет.

БАБЫ *(запричитали, завыли, зависли на докторе)*. Доктор, спасай больного, он же ничего в рот не берёт хмельного, совсем с ума спятил; вылечи, доктор, мы тебе отплатим, жилиться не станем, отдубасим и отквасим, живого места на тебе не оставим.

ДОКТОР. Ужо постой, я тебя вылечу! *(Бьёт молоточком по ноге.)* Вот видишь, угодил по диагнозу — запрыгало колено, а сейчас и сам вскочишь — от берёзового полена.

БОЛЬНОЙ. Нет, нет, мне не надо докторов, я уже совсем здоров! *(Вскакивает.)*

Появляется цыганка с медведем.

ЦЫГАНКА. Здравствуйте, землячки, бабы и мужички, старики и молодёжь, детвора и холостёжь. Всем от Миши поклон низкий, хоча он вам и не родственник близкий, зато и в вёдро и в ненастье он приносит людям счастье. Коли дамочка своей ручкой к Мише прикоснётся, то счастье ей улыбнётся, а коли девка, то без всякого сраму превратится скорёхонько в даму, ежели вдова дотронется, то будет очинно отлично — замуж выйдет вторично, а ежели женатый мужчина, то останется молодчиной: ему глаз жены не будет страшным, жена никогда не дознается про его любовные шашни; ежели купец до Миши коснётся, ещё больше вширь расползётся; хотите счастья наверняка, не жалейте пятака. Купи, барышня, мишину шерстинку, это для всех дам — суперновинка, кто ею помажется, красавицей окажется. *(Продаёт шерстинку, намазанную сажей.)* Делай, как Миша покажет. *(Миша прикасается лапой к морде своей, барышня*

мажет шерстинкой своё лицо, которое от сажи чернеет.) Мы с Мишей бывали в Италии и даже далее, бывали и в Париже, и конечно ближе, всего навидались, всему научились, а если деньги от вас получим, то и всех научим. Мишенька, покажи девкам и молодкам французскую походку. *(Медведь косолапит, виляя задом.)* А теперь, Миша, покажи, как барин девок любит. *(Медведь гоняется за девками, пытаясь обнять.)*

Появляется Баба-яга.

БАБА-ЯГА. Меня, я вижу, не ждали, ребятишками жареными не пахнет, ужо я вам покажу, вы у меня запляшете. *(Поёт куплеты, пляшет.)*

А я Баба-яга, костяная нога, ха-ха, хи-хи, хе,
много лет я живу и детишек жую, ха-ха, хи-хи, хе,
непослушных ребят жарю, как поросят, ха-ха, хи-хи, хе,
драчунов и лгунов ем я вместо блинов, ха-ха, хи-хи, хе,
всех, кто двойки схватил, я сумею найти, ха-ха, хи-хи, хе,
нужно многих мне съесть, нету времени присесть, ха-ха,
хи-хи, хе.

ЦЫГАНКА *(обхаживает Бабу-ягу)*. Вай, вай, красавица, ты не можешь не нравиться, покажись, повернись и по горнице пройдись, настоящая мисс-года, одетая по супермоде. Кстати, высокая порода угадывается и по стати, и по морде. А коли ты красавица такая, то мы с Мишей тебе погадаем. *(Собрались за столом, цыганка раскладывает карты.)* Вай, вай, какая удача, четыре туза и треф-король в придачу! Видишь, красавица, спешит к тебе треф-король на свиданьице, позолоти Мише лапу, красавица, иначе гадание сглазится.

БАБА-ЯГА. Пожалуй, я убегу, простить себе не могу, окрутили, одурачили, слова мои переиначили, не мыслилось, не гадалось, супердурой оказалась, чёрт бы меня побрал!

Из-за печки появляется Чёрт, который обхаживает Бабу-ягу.

Отказала мне два раза,
не хочу, сказала ты,
вот какая ты зараза,
дамочка моей мечты.

БАБА-ЯГА. Я любила чёрта, обожала чёрта я, у него ж у чёрта я уже четвёртая.

ЦЫГАНКА. А ну-ка, Мишенька, тряхни стариной, покажи, как пляшут на Руси! Миша, Миша дорогой, разреши сплясать с тобой барыню, барыню, сударыню-барыню.

Звучит музыка, все пляшут и поют.

Рассыпься, горох, с грядки на грядку,
шире круг, народ, я иду вприсядку.

Не сама пляшу, меня черти носят,
Маленьки бесятки поднимают пятки.

Вы послушайте, девчата, небылицы буду петь,
на дубу свинья пасётся, в бане парится медведь.

На трубе сидит корова, громким голосом ревёт,
во хлеву скрипит телега, никто замуж не берёт.

Самогонка, самогонка, я ж тебя варила,
отчего ты, самогонка, с ног меня свалила.

Как-то шёл я вечерком, пел частушки с матерком,
их по всей моей деревне разносило ветерком.

Сарафан мой, сарафан, огненные маки,
пятый раз из-за меня на деревне драки.

Ягодинка просит руку, я дала да левую,
он ещё не догадался, что измену делаю.

Про меня чего сказали, хоть в окошко не гляди,
удивительные люди, как и выдумать могли.

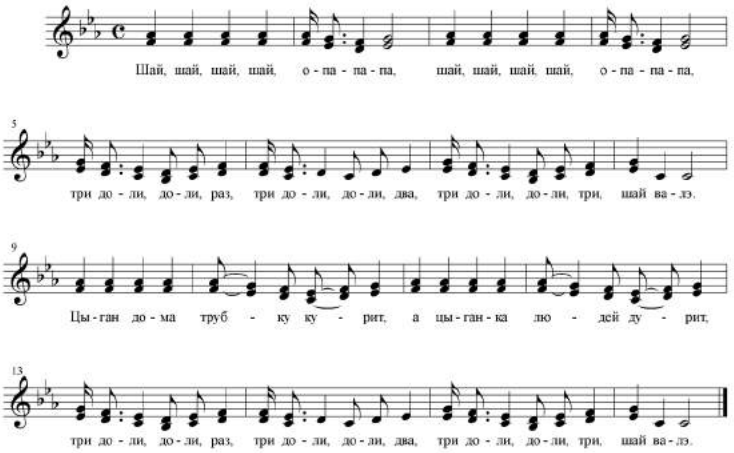
Не звони ты серебром, звонкою монетою,
не прельстишь своим добром, чепухою этою.

И ночь сыра, и трава в росе,
И спать пора, и частушки все!

ЦЫГАНКА. А теперь, Мишенька, пришёл черёд гостей потчевать, угости-ка каждого да пощедрее, чтобы всем стало ещё веселее.

Цыган дома трубку курит

Шай, шай, шай, шай, опа-па-па, шай, шай, шай, шай, опа-па-па,
три доли, доли,раз, три доли, доли, два,
три доли, доли, три, шай валэ.
Цыган дома трубку курит, а цыганка людей дурит,
три доли, доли, раз, три доли, доли, два,
три доли, доли, три, шай валэ.



Появляется медведь с огромным берёзовым дрыном и разгоняет всех.

Цыганка всё содержимое сундука перекладывает в свою юбку.

ЦЫГАНКА. Уходим, Миша, пошевеливайся быстрей, нам ещё во многих местах надо побывать.

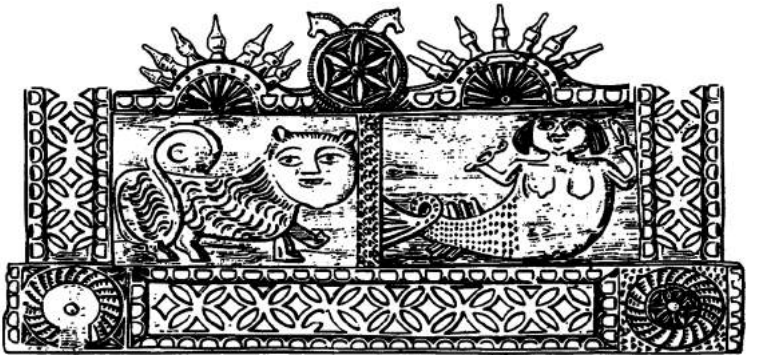
Цыган дома трубку курит, а цыганка людей дурит,
три доли, доли, раз, три доли, доли, два,
три доли, доли, три, шай валэ.

КОНЕЦ.

СПИСОК ПЕСЕН

«На краю села хатёнка» — муз. В. Терещенко, стихи Б. Терещенко.
«Склонилась черёмушка» — муз. В. Терещенко, стихи Б. Терещенко.
«В бане черти табак толкли» — р. н. п.
«Уж я золото хороню, хороню» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Ещё ныне у нас» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Пошла наша коровушка» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Ох, в печурке» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«В бане ледок» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Щедровала» — муз. В. Терещенко, слова народные.
«Сею, сею, посеваю» — муз. В. Терещенко, слова народные.
«Овсень, овсень» — муз. В. Терещенко, слова народные.
«Как у тётушки» — муз. В. Терещенко, слова народные.
«Цыган дома трубку курит» — н. п.

ФОЛЬКЛОРНЫЙ
театр
"ЛУЧИНУШКА"
ЦВЕТ
ПАПОРОТНИКА
Художественный руководитель и режиссер,
заслуженный работник культуры
Борис Терещенко
Музыкальный руководитель и хормейстер,
заслуженный работник культуры
Валентина Терещенко
Начало спектакля
Билеты



Цвет папоротника

Фольк-опера

Действующие лица:

НИКИТИЧНА — хозяйка.
ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ — её муж.
ЛЕНА
НАСТЯ
ДАША
} — подростки.
ЯША
ЧЁРТ.
ЯГИБИХА.
МЕДВЕДЬ.
РУСАЛКИ.
СЕЛЬЧАНЕ.

Действие происходит в сибирском селе на Купальские праздники.

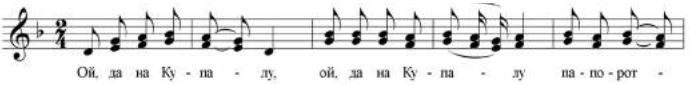
Картина первая

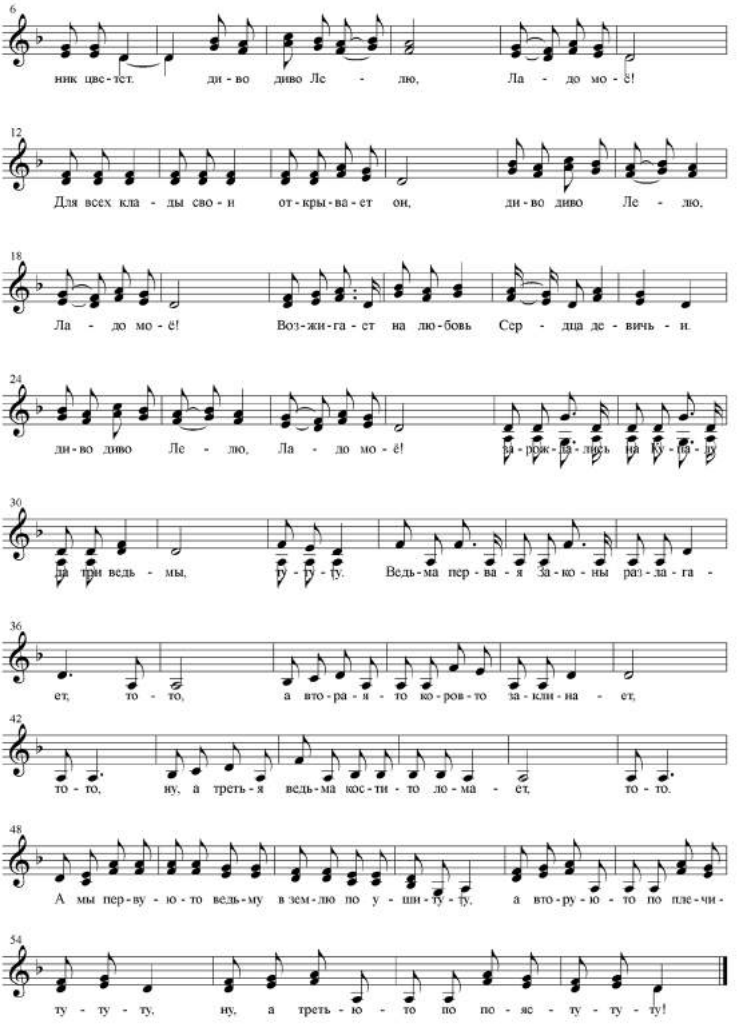
Лесная поляна вблизи водного источника. Причудливые деревья вокруг. За ними угадывается второй план, отгороженный полупрозрачным занавесом с листвой. Женщины и девушки разного возраста отмечают летние святки.

ХОР.

Ой, да на Купалу

Ой, да на Купалу, ой, да на Купалу
папоротник цветёт.
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
Для всех клады свои
открывает он,
Диво дивное Лелю, Ладо моё!
Диво дивное Лелю, Ладо моё!
Возжигает на любовь
сердца девичьи.
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
Зарождались на Купалу
да три ведьмы, ту-ту-ту.
Ведьма первая
законы разлагает, то-то,
а вторая-то коров-то
заклинает, то-то,
ну, а третья ведьма
кости-то ломает, то-то.
А мы первую-то ведьму
в землю по уши — ту-ту,
а вторую-то
по плечи — ту-ту-ту,
ну, а третью-то по пояс — ту-ту-ту!





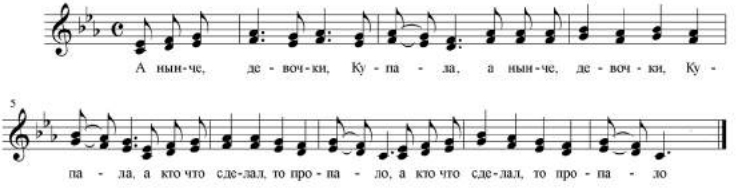
Взрослые уходят, на поляне остаются подростки.

ХОР.

А нынче, девочки, Купала,
а нынче, девочки, Купала,
а кто, что сделал, то пропало,
а кто, что сделал, то пропало.

А на Купалу расцветают

А на Купалу расцветают
цветы для девичьих гаданий,
а на Купалу расцветают
цветы для девичьих гаданий.
Скажите, цветики лесные,
скажите, цветики лесные,
что ждёт девчонку молодую,
что ждёт девчонку молодую?



НАСТЯ. Гляньте, подруженьки, на цветок знатный, и синева в нём, и желтизна.

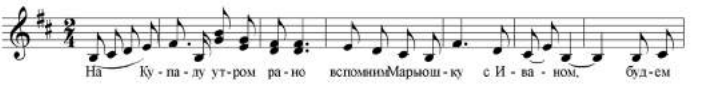
ЛЕНА. Это Иван да Марья, цветок любви и печали.

НАСТЯ. Почему?

ЛЕНА. Да потому. *(Запевает.)*

На Купалу утром рано

На Купалу утром рано
вспомним Марьюшку с Иваном,
будем в поле травы рвать,
сестру с братом поминать.
Брат женился на сестрице,
на родне нельзя жениться,
загубил их тот порок —
превратилися в цветок.
На братульке — синий цвет,
на сестрице — жёлтый цвет.
Ох, горька же та травица,
цветком стали брат с сестрицей.



НАСТЯ. Девочки, не надо о печальном, мне грустно.

ЛЕНА. Тогда поищи себе другой цветок.

ДАША. А у меня — Кошачья дрёма, поцелуй меня Ерёма!

Откуда ни возьмись появляется парень, он и целует девушку.

ДАША. Ты чо, сбесился что ли?

ЯША. Так ты ж сама сказала: поцелуй меня, Ерёма.

ДАША. Так ты ж, так ты ж... Это же присказка такая, да и не тебе сказано.

ЯША. Откуда мне знать...

ЛЕНА. А давайте — по закону играть: угадаешь цветок — поцелуй разрешается.

ЯША. По запаху что ли?

ЛЕНА. По аромату. Закрой глаза, да не подглядывай. Какой у меня цветок?

ЯША *(нюхает)*. Фиалка.

ЛЕНА. А вот и нет!

НАСТЯ. Закрой глаза. Какой цветок?

ЯША *(нюхает)*. Полынь! *(Целует Настю.)*

ЛЕНА. Незаконно так! Полынь хоть кто отгадает.

МАША. Закрой глаз. Какой цветок?

ЯША. Что-то колючее...

МАША *(рассмеялась)*. Не отгадал, не отгадал. Рожь это.

ЯША. Я же сказал: колючее.

МАША. Ёжик колючий.

ЛЕНА. А давайте в Ящера играть!

ГОЛОСА. В Ящера, в Ящера!

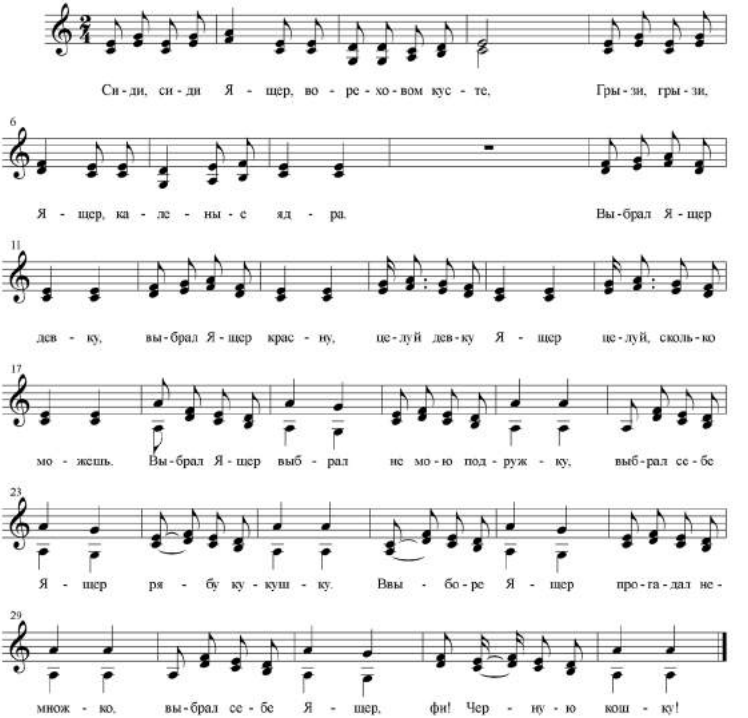
ЛЕНА. Яша, будешь Ящером. Вот — платок, будто мантия царская. Восседай, царь Ящер, на троне, а мы хоровод поведём вокруг тебя. Ящер должен выбрать себе невесту — самую красивую... Настя, куда же ты? Девчата, все — в круг, начали.

ХОР.

Сиди, сиди, Ящер

Сиди, сиди, Ящер, в ореховом кусте,
грызи, грызи, Ящер, калёные ядра.

— Кто сидит?
— Ящер.
— Что грызёт?
— Ядра.
Полно тебе, Ящер, сидеть и дремать,
лови себе, Ящер, кого тебе надо.
Лови себе девку за русую косу,
ладушку-ладу, ладушку-ладу.
Лови себе красну за алую ленту,
ладушку-ладу, ладушку-ладу.



«Ящер» из хоровода выхватывает Настю.

Выбрал Ящер Настю, выбрал Ящер красну,
целуй Настю, Ящер, целуй, сколько можешь

Яша целует Настю.

ЛЕНА.

Выбрал Ящер, выбрал не мою подружку,
выбрал себе Ящер рябую кукушку.
В выборе Ящер прогадал немножко,
выбрал себе Ящер, фи, чёрную кошку!

Девчата разбегаются, Яша пытается схватить оскорбившую его Лену, она умудряется вырвать волос у него.

ЯША. Ты чего за волосы дёргаешь? Больно ведь.

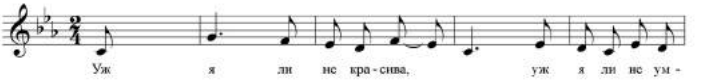
ЛЕНА. А почему ты Настю выбрал?

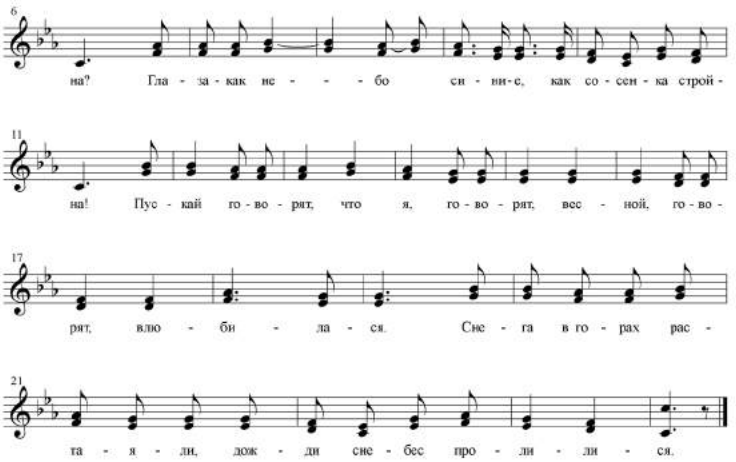
ЯША. Так нравится ведь...

ЛЕНА. Ах так, ну и уматывай к ней. *(Толкает парня в спину.)* Подумаешь, красавицу заимел. Я, может, в сто раз лучше её. *(Поёт.)*

Уж я ли не красива

Уж я ли не красива, уж я ли не умна?
Глаза — как небо синее, как сосенка стройна!
Пускай говорят, что я, говорят,
весной, говорят, влюбилася.
Снега в горах растаяли,
дожди с небес пролилися.
Уж я ли не способна походкою завлечь,
и реченьке подобна, журчит девичья речь.
Пускай говорят, что я, говорят,
весной. говорят, влюбилася.
Снега в горах растаяли,
дожди с небес пролилися.
Всё к солнцу устремилось, чтоб звонче прозвенеть,
уж мне ли не судилось дружка, как солнце, греть.
Пускай говорят, что я, говорят,
Весной, говорят, влюбилася.
Снега в горах растаяли,
дожди с небес пролилися.





ЛЕНА. А вот и нужный цветочек — Кукушкины слёзки. (Вырывает с корнем цветок.) В корне этого цветочка — великая сила. Мы ещё поглядим, кто под чью дудку запляшет... Кукушка, кукушка, по кому будешь лить слёзки свои? По тому, чей волос у меня в руке! *(Оглядывается, шепчет заговор.)* К тебе, Ярила, слово моё: пускай войдёт моя присуха в Яшино сердце, в тело его белое, в печень чёрную, в срединную жилу, в самую любовную кость. Пускай присуха сожигает сердце его ретивое, вскипячивает кровь горячую, да так, чтобы не можно было б ни в питье её залить, ни в еде её заесть, ни сном заспать, ни гульбой загулять. Ты теперь мой, Яшенька! Так пусть же разгорится сердце твоё и тело твоё, и душа твоя — до меня и до тела до моего, и до виду до моего. Моё желание неостановимо, моё слово нерушимо, как хочу, так и будет, что сказано, то и сбудется. (*Уходя поёт.*) А нынче, девочки, Купала, а нынче, девочки, Купала, а кто что сделал, то пропало, а кто что сделал, то пропало.

Картина вторая

На поляне, пятясь, появляется мужик в шапке, в лаптях, с котомкой, зацепившись за корягу, падает.

ЕВЛАМПИЙ. А чёрт! Ой-ё-ёй! Чо я расчертыхался — нельзя ведь: нынче вся нечистая сила повылазила из обиталищ своих, штобы цвет папоротника заиметь... А меня чо сюда принесло?

Не хотел ведь, не хотел — вдруг подняло, одело, обуло и — понесло. В сапогах вроде сподручнее в лесу, а я вот лапти отыскал *(тихо)*; сказывают, один мужик цвет папоротника лаптями загрёб; искал корову, пропавшую в ночь на Купалу, забрёл в лес, ан глядь — в лаптях штой-то возгорелось да так, што аж искры из глаз! А мужичонка, видать, непутёвый оказался, нет, штобы папоротниковый цвет за шшоку сунуть и невидимкой сделаться, клады заиметь, разжиться, генералом стать, так он на радостях возьми и напейся до беспамятства, сдуру, конешно, а нечистая сила его папоротниковый цвет без всякого препятствия и уташшила вместе с лаптями! Эхе-хе! Пьяница, он и есть пьяница. Я — другое дело, выпивать выпиваю, но с умом; зря меня Никитична, супружница моя, алкоголиком величает, с глаз меня не отпускает — ни на шаг: обожает очень. Вот и сегодня, с самого утра за мною ходит — учуяла, што я затеял штой-то *(смеётся)*; но какой бы я мужик был, если б от бабы сбежать не смог? Баба, она и есть баба, а нечисть — нечистью. Штой-то жутковато становится. Што правда, то правда — быть в лесу на Купалу — рыск, конешно, преогромный, нечисть лесная по добру по здорову сокровишша свои не уступит, так ведь и я — не лыком шит, не гляди, што в лаптях... Вот на кой хрен, спрашивается, я летом зимнюю шапку надел? Э-э... Тут рашшёт тонкий — под зимней шапкой волосся на голове от страху ни в жисть не подымутся... И чо я сам с собою, как лешак, разбеседовался? Жуть — жутью, но беда одинокого в лесу в том, что поговорить не с кем. Как тут не вспомнить о подружке моей верной. *(Вынимает бутылку, отхлебывает, ставит перед собой.)* Ну, вот ответь, разлюбезная моя, почему нас с тобой не величают, а наоборот поносят всяко самыми распаскуднейшими словами? Взять хоша бы супружницу мою, нет, штобы сесть рядком да поговорить ладком, да выпытать у мужика, о чём, мол, тебе, Евлампушка, мыслится, чего тебе, лапушка, желаится, так нет же — сходу, с разгону налетит, ах ты сякой-такой, растудытвою мать: и сел не так, и встал не эдак, а уж не дай бог сделаешь чего или смастеришь — живьём загрызёт. Ну, не Магомет я, не князь, не генерал, но ведь человек же! *(Сбивает бутылку, подхватывает, ставит, пытаясь высербать пролитое, а тут ещё зов: «Евлампий!». Приходится вмиг исчезнуть.)*

Появляется Никитична.

НИКИТИЧНА. Евлампушка! Чует моё сердечко — здеся он. *(Принюхивается.)* Давеча тута-ка был. *(Становится на четвереньки, нюхает.)* Мало ему, египетская сила, хлебать самогон с утра до вечера, так ведь ишшо и прольёт, проклятушший, не успеваш запастись — всё, как в прорву летит, чёрт бы его побрал! *(Закрывает от страха рот.)* Ой-ёй! Низзя чертыхаться ведь, сёдни тем более, как бы беду не накликать. Евлампий! Да где же тебя египетская сила носит? Ой, горюшко мне с тобою... Одно только и остаётся: зелля накопать да дождевых червей, да настоять на водке, да выпить дать окаянному — может, и отвратит его от проклятушшей. *(Уходит.)*

Появляется Чёрт, обегает поляну, замечает куст папоротника, с восторгом скачет на ветке.

ЧЁРТ. Нету... Нету... Насол! Папоротник насол! Мой будет! *(Закладывает веткой.)* Спрячу, чтоб никто не насол... Вот вам, вот вам, накося выкуси! *(Исчезает.)*

Из бурелома вылезает Ягибиха, хихикает.

ЯГИБИХА. Хи-хи-хи-хи... Пронырливый чертяка, но дурак. Папоротниковый куст веткой прикрыл... А мы эту веточку чёртову — к чертям, а сами папоротник — мхом, мхом закидаем. *(Становится задом к папоротникову кусту и закидывает его через ноги мхом.)* Ягибиху на мякине не проведёшь, я сама, кого хошь, околпачу, окручу, одурачу, закручу. *(Закружилась, исчезла.)*

Возвращается Евлампий, озирается, приглядывается.

ЕВЛАМПИЙ. Вроде шебуршился кто... Уж не моя ли благоверная напала на след мой? Увязалась за мной — еле-еле оторвался от хвоста. Ну, какой из бабы сышшик? В нашем деле главное — от бабы отвязаться, а с нечистью лесной уж как-нибудь управимся. *(Замечает куст папоротника.)* Растудытвою ядрёна мать! Какая-то тетеря папоротник мхом замаскировала! Возжелала меня, Евлампия Силыча, вокруг пальца обвести. Я те обведу, я те покажу, с кем дело имеешь... Да стоит мне верное слово сказать да магический круг вычертить — никто через него не сунется, никакая нечисть не под-

берётся. *(Вычерчивает магический круг.)* Тута-ка и останусь до полуночи, пока папоротниковый цвет не возгорится. Однако ж зарок надобно для верности дать: не чертыхаться, не матюгаться, не оглядываться, не напиваться. Всё! *(Пытается залечь поудобнее, но вскоре вскакивает.)* И на кой хрен мне это надобно? Жил без папоротникова цвета — проживу ишшо, сколь хошь. Э-э, жил...А как? У одних — коньяки, бренди всякие, а у меня — кажинный день одна лишь сивуха самогонная. *(Открывает бутылку, нюхает, пытается хлебнуть.)* Не, не буду пить, тем более без повода... *(Замечает муравья.)* Э-э, муравей! Работюшшая скотина, сущий трезвенник, но живёт скушно. Это же надо кажинный день столько на своём горбе таскать-перетаскивать! Эй, здорово, трудяга, ну, давай, брат, потолкуем с тобой о жизни. Некогда, спешишь? А я тебя — на ниточку, на петелечку... Вот так-то... Ну, иди ко мне, гостем будешь. *(Тянет к себе заарканенного муравья.)* Ну, давай, брат, выпьем за твой приезд. *(Пьёт.)* Рассказывай, рассказывай, чо да как. Да я вижу, што ты торопишься, не до меня тебе, паря, отбываешь, значит... Ну, тогда давай выпьем — за твой отъезд. *(Пьёт.)* Да ты куда, шальной, настропалился, давай по новой на посошок, не хочешь пить? Знаться со мной не желаешь? Ну и хрен с тобой, катись ко всем чертям!

Евлампий, наклюкавшись за приезд и за отъезд, увидел чёрта, который давненько за ним следил, обращая на себя внимание: «Кхе, кхе».

ЕВЛАМПИЙ. Ты кто?

ЧЁРТ. Будто сам не знас.

ЕВЛАМПИЙ. Меня на чертовских штучках-дрючках не проведёшь, не на того напал, не поддамся — и баста.

ЧЁРТ. Мил целовек, да я разве цё против имею... Иду, визу — целовек хоросый, думаю, мозет, заблудился, так я враз выведу его на цистую воду, зацем загибаться раньсе времени, зонка тебя не насла, а я вот насол.

ЕВЛАМПИЙ. Не нужна мне помощь чёртова, без сопливых обойдёмся. Пшол, тебе говорят, пока крапивой тебя не ошпарил!

ЧЁРТ *(делая вид, что испугался).* Ой, не надо, не надо, мил целовек. Ухозу, ухозу, цёрт с тобой! *(Отходит на противоположную сторону, бубнит про себя.)* Ис умник насолся —

за цветом папоротника присол. Накося-выкуси! Он нам самим нузен. На холяву позить хоцет. Я ему цицас такое устрою — зуть! *(Исчезает.)*

ЕВЛАМПИЙ. За дурня меня принимат. Это — мой папоротниковый куст, я первый отгородил его кругом магическим. *(Смеётся.)* Но как я с чертякой разделался, а! Тягаться с нечистью всякой — это вам не коров доить, не сено косить, одними руками не намахаешься. Тут особая сила нужна, особый опыт. А я, можно сказать, всю жизнь с нечистью якшаюсь, и опыт у меня в этом деле преогромный, потому завсегда и сверху оказываюсь. *(Встаёт.)* Правда, врать много не стану, один раз дал маху я, опростоволосился, потому как ведьма с заковыкой попалась. Пристала ко мне, как банный лист: выпей, соколик, выпей, соколик. Ну я и выпил зелена вина, а оно, видать, заговорённое было, и только выпил я — мать твою за ногу! — в животе как заурчало, как замяукало; и стала подыматься, подыматься музыка эта всё выше и выше, уже и горло пересохло, переполнилось всякой гадостью, и как вдруг всё это понесло наружу, как понесло, да в таких непотребных словах, да таким неслыханным матом, что и до сих пор вспоминать тошно. Так я теперича никому не доверяю, всё своё ношу с собой. *(Открывает бутылку, нюхает.)* Всем хорош первач — только вот благовония нету, это вам не коньяк, не бренди, одним словом, сивуха. Мне, конешно, не привыкать, но вот любой-другой кто — низашто не похвалит, а более того скажет: фи, какая гадость.

Евлампий, наконец, замечает медведя, который сразу же после ухода чёрта стал маячить в глубине зарослей. С криком ужаса «у-у-у» Евлампий, бросив бутылку, на четвереньках исчезает в кустах.

Медведь с любопытством обнюхивает бутылку, берёт в лапы, нанюхавшись с возгласом «фи, какая гадость», падает в очумелости.

Вбегает Никитична, натыкается на бутылку, отброшенную прочь медведем.

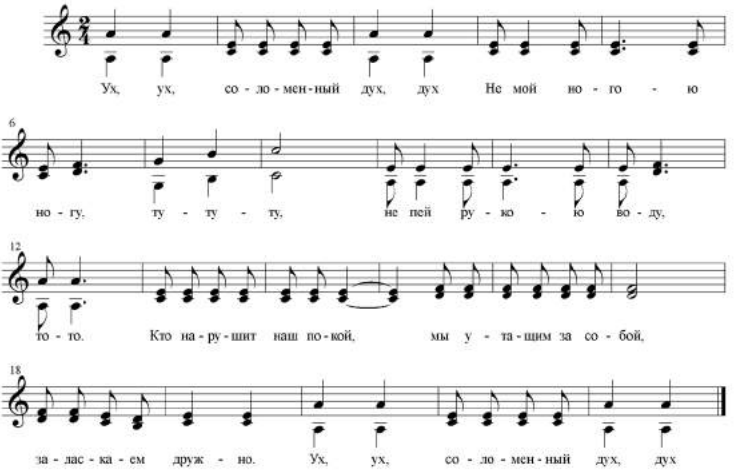
НИКИТИЧНА. Ой, это же Евлампия пляжка. *(Прижимает к груди.)* Чует моё сердечко недоброе, уж не беда ли с Евлампием приключилась — не мог он по добру по здорову с недопитой пляшкой расстаться. *(Замечает медведя.)* Ой, так это ж зверина лютая!

Ой, горе мне, горе! *(Приближается к лежащему медведю.)* Што ж ты натворил, окаянный, как ты посмел, проклятущий, на мово Евлампия напасть? Сказывай, куды дел мово Евлампия? Неужто съел чертяка? Всё проглотил, только одна пляшка недопитая и осталась. Чтоб тебя разорвало, чтоб тебя, египетская сила, самого черти съели, чтоб ты околел, вражина лютая! *(Набрасывается на очумелого медведя, гонит прочь, причитая и проклиная.)*

Появляются русалки в камышовых юбочках, завиваются в спиральном хороводе.

Ух, ух, соломенный дух

Ух, ух, соломенный дух, дух,
ух, ух, соломенный дух.
Не мой ногою ногу, ту-ту-ту,
не пей рукою воду, то-то.
Кто нарушит наш покой, мы утащим за собой,
заласкаем дружно.
Ух, ух, соломенный дух, дух,
ух, ух, соломенный дух.
Кто воду нашу мутит, тот свой покой забудет,
веселить нас будет.
Ух, ух, соломенный дух, дух,
ух, ух, соломенный дух.



Возвращается Никитична и оказывается в кольце русалок, которые пристают к ней со своими извечными загадками.

Ответ не дашь нам верный, ту-ту-ту,
домой тебя не пустим, то-то.
Что без кореня растёт?
Что без повода бежит?
Что цветёт без цвета?

НИКИТИЧНА. Камень растёт без кореня, вода бежит без повода, папоротник цветёт без цвета.

РУСАЛКИ *(раздосадовано)*. Отгадала, отгадала... А ещё скажи: полынь или петрушка?

НИКИТИЧНА. Полынь, полынь! *(Замахивается на них полынью, разгоняя русалок, уходит.)*

РУСАЛКИ *(вновь собираясь)*. Сорвалось, сорвалось...Следующую, подруженьки, ни за что не отпустим?

Замечают любопытствующего Евлампия, выдавшего себя по неосторожности, набрасываются на него.

РУСАЛКИ. Женишок, женишок, женишок! Не упустим. Свадьбу сыграем.

Русалки валят Евлампия на землю, стаскивают с него, каждая что может, примеряют на себе; Евлампий орёт благим матом. Слышится голос Никитичны.

НИКИТИЧНА *(появляясь)*.

В болоте, в поле, в лесу,
чур силам нечестивым,
полынь несу, побью красу,
ошпарю вас крапивой!

Никитична крапивой и полынью разгоняет русалок, гонит их далеко от поляны.

ЕВЛАМПИЙ *(оставшийся почти без одежды, в исподнем, очухавшись)*. Фу, еле-еле отбился, чуть было не сыграл в яшшик. *(Замечает, что на нём мало одежды, хоронится в кустах.)* Ой-ё-ёй!

Возвращается Чёрт, посмеивается, потирая руки.

ЧЁРТ. Хоросо — красота! Я есё и не такое способен сотворить, чтобы отвадить охоцих до папоротникова цвета!

Появляется Ягибиха.

ЯГИБИХА. Чур, я первая!

ЧЁРТ. Здрасьте, как понимать приказес — первая? Дура цё ли?

ЯГИБИХА. Сам дурак!

ЧЁРТ. А, знацит — первая красавица.

ЯГИБИХА. А может и так, только речь не о том. Я первая папоротников куст забила!

ЧЁРТ. Накося — выкуси! *(Показывает кукиш.)*

ЯГИБИХА. Болван неотёсанный, как ты разговариваешь со мной, не драться из-за цветов — дарить их даме должон!

ЧЁРТ. Оё-ёй, дерзите меня сестеро, а то упаду от смеха. *(Катается по земле хохоча.)* Тысси лет зиву, а цто Ягибиха — дама, сроду не слыхивал!

ЯГИБИХА *(оседлав чёрта, и тормошит, и погоняет его, сколько есть сил)*. Вот тебе — за дуру, вот тебе — за красавицу, а это — за даму, за даму!

ЧЁРТ *(возмущается)*. Ругать — ругайся, а рукам и ногам — воли не давай!

Возвращается Никитична.

НИКИТИЧНА. А-а-а, и вы здеся, а вот я вас крапивой, а вот я вас полынью, вот так, вот так, будет просо вам и мак, вот так, вот так... *(Нечисть разбегается, Никитична в изнеможении прислоняется к дереву.)* А Евлампий ипеть улизнул.. Ну, доберусь я до него, ну, доберусь... Ох и непутёвый же у меня мужик: то медведь его чуть не заел, то русалки чуть не заласкали. Одни неприятности мне с ним...

Появляются девчата.

ДЕВЧАТА. Здравствуйте, тётя Марья.

НИКИТИЧНА. Здравствуйте, девчата. Вы мово Евлампия не видели?

ДЕВЧАТА. Мы никого не видели.

НИКИТИЧНА. Никого?

ДЕВЧАТА. Никого.

НИКИТИЧНА. Да неужто никого? Ни медведя, ни русалок? Так русалки ж чуть до смерти не заласкали Евлампия, если б не полынь да крапива, не сдобровать бы и мне. Вы уж, девчата, глядите в оба, кучкой держитесь, а то неровен час...

ДЕВЧАТА *(видя, что Никитична намеревается уйти)*. Куда же Вы, тётя Марья?

НИКИТИЧНА. Я Евлампия должна до вечера домой загнать.

ДЕВЧАТА. А мы как же? Без Вас страшно нам.

НИКИТИЧНА. А Евлампий как же?

ДЕВЧАТА. А мы Вам поможем найти его, только сладим берёзку и поможем.

НИКИТИЧНА. Да поди без меня справитесь...

ДЕВЧАТА. Тётя Марья, да без Вас и песни не поются, и венки не плетутся, и хороводы не водятся.

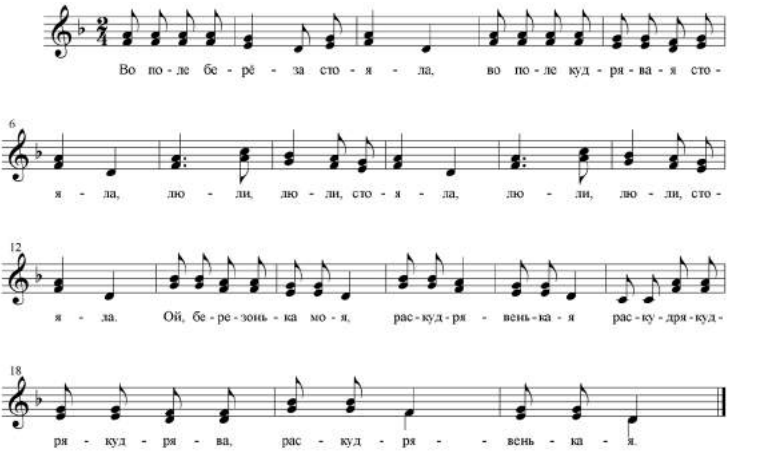
НИКИТИЧНА. Ну да ладно, идёмте к берёзоньке.

Никитична, девчата исполняют обряд венчания берёзки.

Во поле берёза стояла

Во поле берёза стояла,
во поле кудрявая стояла,
люли, люли, стояла, люли, люли, стояла.
Ой, берёзонька моя, раскудрявенькая
раскудря- кудря-кудрява,
раскудрявенькая.
Пойду я в лес погуляю,
белую берёзу заломаю,
люли, люли, стояла, люли, люли, стояла.
Ой, берёзонька моя, раскудрявенькая
раскудря-кудря-кудрява,
раскудрявенькая.
Берёза, берёзонька кудрявая,
моложавая,
под тобой,берёзонька,
то не мак цветёт,
под тобой, берёзонька,

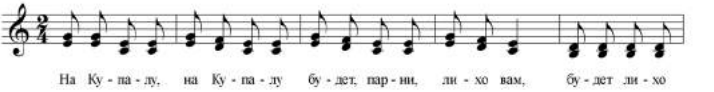
не огонь горит,
то не мак цветёт, не огонь горит —
красны девицы хоровод ведут,
про тебя, берёзонька,
свои песни поют.

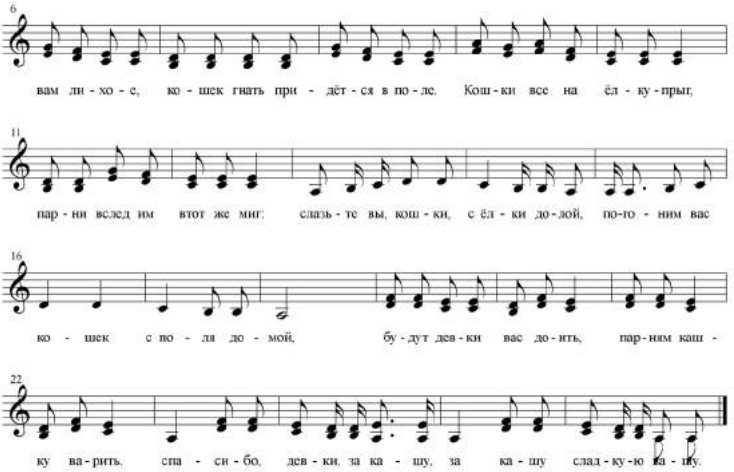


НИКИТИЧНА. Девицы цветы щипали да на Купалу пытали: что это за цвет? Это цветы Купалы: девицам — умыванье, а юношам — воздыханье. Сохнет, сохнет парень, на девку глядючи: шибко девка хороша, да у парня — ни шиша.

На Купалу, на Купалу

На Купалу, на Купалу будет, парни, лихо вам,
будет лихо вам лихое,
кошек гнать придётся в поле.
Кошки все на ёлку — прыг,
парни вслед им в тот же миг:
слазьте вы, кошки, с ёлки долой,
погоним вас кошек с поля домой,
будут девки вас доить, парням кашку варить.
Спасибо, девки, за кашу,
за кашу сладкую вашу.

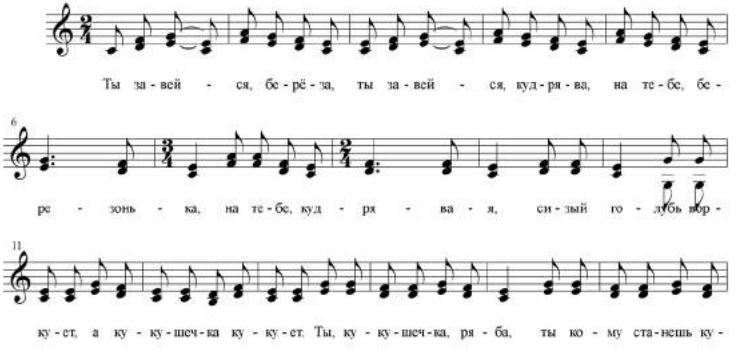


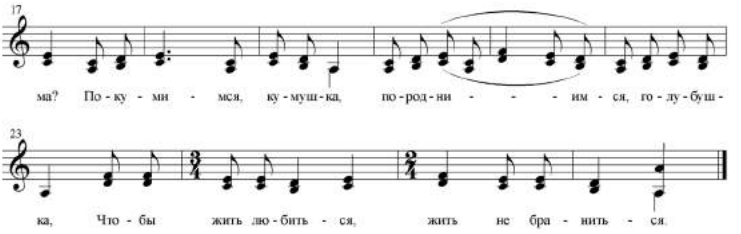


При исполнении песни девчата сначала медленно приседают низко, обращаясь вправо и влево, потом — поднимаются.

Ты завейся, берёза

Ты завейся, берёза, ты завейся, кудрявая,
на тебе, берёзонька, на тебе, кудрявая,
сизый голубь воркует,
а кукушечка кукует.
Ты, кукушечка, ряба, ты кому станешь кума?
Покумимся, кумушка, покумимся, голубушка,
чтобы жить любиться, жить не браниться.





При исполнении песни девчата сходятся попарно и расходятся, при встрече целуются через венок.

ЛЕНА. Как дела, подруженька?
НАСТЯ. Хорошо.
ЛЕНА. Яша-то приходит к тебе?
НАСТЯ. Нет.
ЛЕНА. Неужто разлюбил?
НАСТЯ. Не знаю.

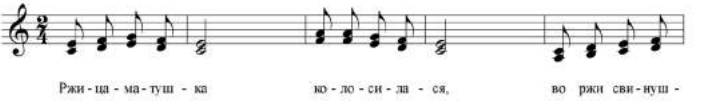
Евлампий давно наблюдает за девчатами, в частности, как они целуются через венок, улучив момент, сам пытается через венок поцеловать девчонку, но вездесущая Никитична засекла своего благоверного.

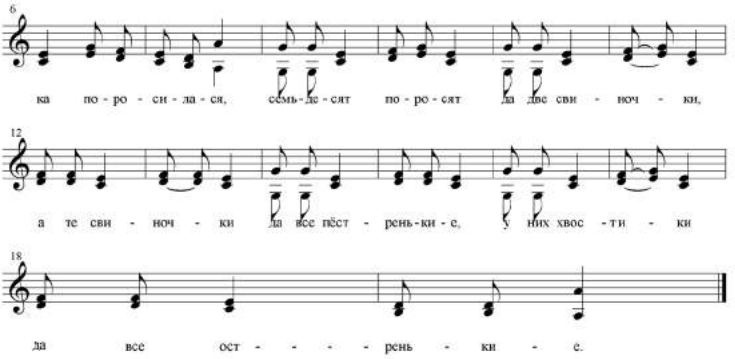
НИКИТИЧНА. А-а, вот ты где объявился, вздумал с девками целоваться, я тебе покажу, как целоваться, я тебе покажу... Куда? А ну, стоять! Хоть бы одно доброе дело за целый день сделал... Вот тебе, берёзка, неси в дом.

С песней «Ржица-матушка» все возвращаются домой.

Ржица-матушка

Ржица-матушка колосилася,
во ржи свинушка поросилася,
семьдесят поросят да две свиночки,
а те свиночки да все пёстренькие,
у них хвостики да все остренькие.





Картина третья

В темноте на заднем плане всё чаще появляются сполохи, которые, в конце концов, сливаясь, дают сказочный источник света, освещающего толпу на берегу реки.

НИКИТИЧНА. Приехала Купаленка на семидесяти тележках, привезла Купаленка много добра и здоровья, богатства и почести, а ещё — главнее того — живого огня, который от Солнца, Бога нашего рождён!

ВСЕ.

Слава Солнцу, Богу нашему!
Слава живому огню!!
Слава, слава, слава!!!

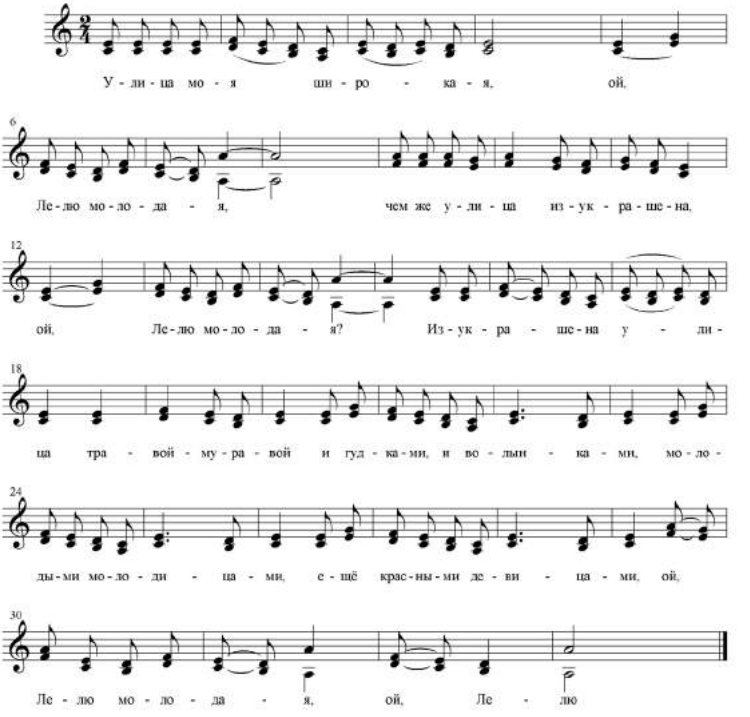
Вспыхивает и ярко разгорается костёр. Звучит тема из зачина.

Ой да на Купалу, ой да на Купалу
папоротник цветет.
Диво дивное, Лелю, Ладо моё,
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!!!
Для, всех клады свои раскрывает он.
Диво дивное, Лелю, Ладо моё,
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!!!
Возжигает на любовь сердца девичьи.
Диво дивное, Лелю, Ладо моё,
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!!!

Следующие песни сопровождаются динамичными сценками и хороводами.

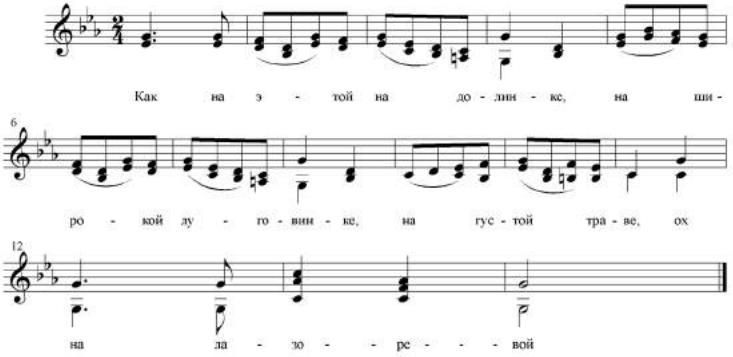
Улица моя широкая

Улица моя широкая,
ой, Лелю молодая.
Чем же улица изукрашена,
ой, Лелю молодая?
Изукрашена улица травой-муравой
и гудками, и волынками,
молодыми молодицами,
ещё красными девицами,
ой, Лелю молодая,
ой, Лелю, ой Лелю.



Как на этой на долинке

Как на этой на долинке,
на широкой луговинке,
на густой траве, ой, на лазоревой,
как там девушки гуляли,
на лугу цветочки рвали
и венки плели, ох, да из тех цветов.
На веночках девушки гадали,
венки в реченьку они бросали,
чей венок всплывёт, счастье к той придёт.
Одна девушка, ой, да не смолчала,
громким голосом, ох, да и вскричала,
мой веночек потонул — милый обманул.
А подружки девку унимали,
Уговаривали, ох, да утешали,
не плачь, глупая, ох, неразумная,
ведь веночек твой в волнах ныряет,
милый клятвой тебя, ох, да уверяет,
хочет верным быть, одну тебя любить.

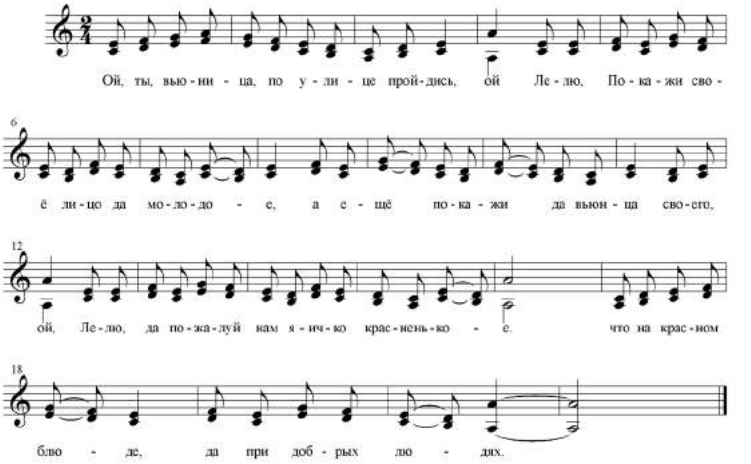


Сценка вокруг Насти.

Ой, ты, вьюница

Ой, ты, вьюница, по улице пройдись, ой, Лелю,
покажи своё лицо да молодое,
а ещё покажи да вьюнца своего, ой, Лелю,
да пожалуй нам яичко красненькое,

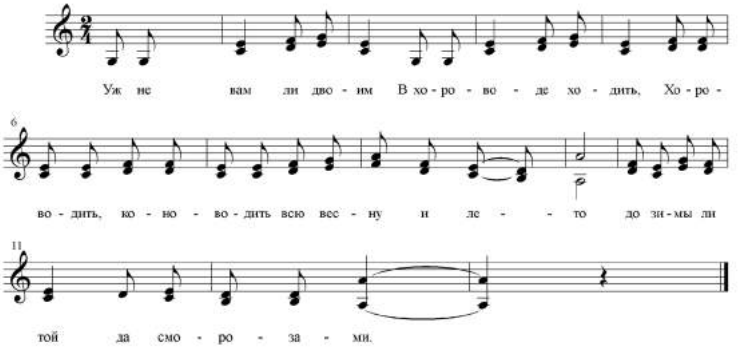
что на красном блюде
да при добрых людях.



Сценка вокруг Насти и Яши.

Уж не вам ли двоим

Уж не вам ли двоим
в хороводе ходить,
хороводить, коноводить
всю весну и лето
до зимы ли той
да с морозами.



НИКИТИЧНА. Не пора ли, молодята, выбирать себе пару, у кого чей венок, тому в паре через костёр прыгать для благословения.

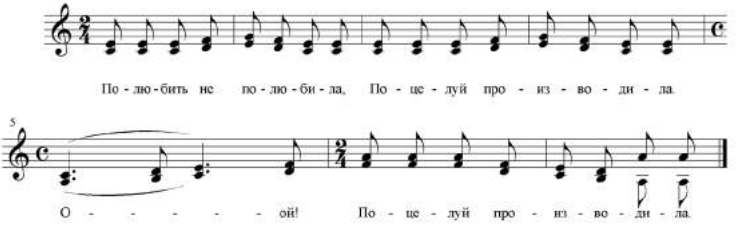
Начинаются игры у костра, пляски, прыжки через костёр.

ЛЕНА. Лови, Яша, мой венок!

Яша поневоле ловит венок Лены, что вынуждает его спароваться не с Настей, которую любит, а с Леной, сумевшей отбить таким образом Яшу у своей соперницы, чего и добивалась она всеми способами. Лена и Яша прыгают через костёр. Настя, оставшись одна, еле сдерживает слёзы. А веселье между тем разгорается, ускоряется и ритм пляски.

Разрослись в лесу коренья

Кто про девушек побает,
худую славу разнесёт.
того черти покарают,
того леший заберёт.
Где про девок говорят,
там коровы не доят.
Разрослись в лесу коренья,
ищут девки восхищенья.
Полюбить не полюбила —
поцелуй производила.
Целуй, девица, в уста,
чтобы рожь была густа.



Чем безудержней веселье, тем чаще слышатся отдельные всхлипывания матерей, причитания, плач. Появляется Евлампий, на ходулях пытающийся перешагнуть через костёр.

ЕВЛАМПИЙ. Замолчи, народ, расступись, хоровод, Евлампий идёт! *(Падает.)*

Как бы увещевая матерей, звучит основная тема.

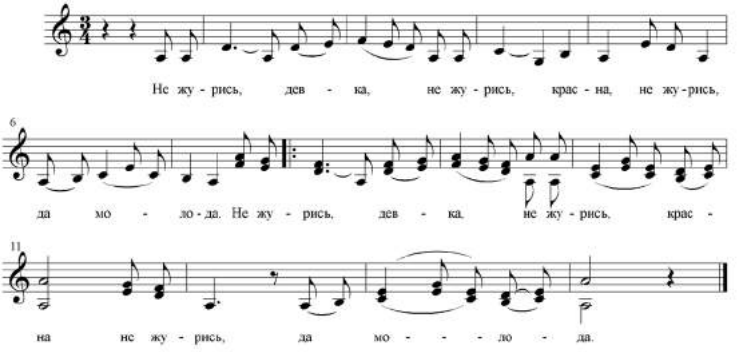
А нынче, девушки, Купала, а нынче, девушки, Купала,
а кто, что сделал, то пропало, а кто, что сделал, то пропало.

Женщины, сочувствуя покинутой Насте и пытаясь унять девичье горе, утешают её.

ХОР.

Не журись, девка

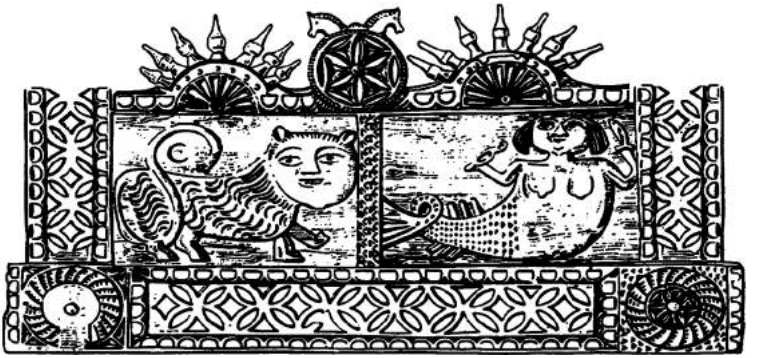
Не журись, девка, не журись, красна,
не журись, да молода.
Как пройдёт лето и пройдёт осень,
утечёт, утечёт вода.
Заметёт метель, станет белой степь,
и придут, и придут холода.
Так и молодость отшумит, пройдёт
отшумит, отволнуется.
Под окошко в сад не придёт назад,
не пройдёт по улице.



КОНЕЦ.

СПИСОК ПЕСЕН

«Ой, да на Купалу» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«А нынче, девочки, Купало» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«На Купалу утром рано» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Сиди, сиди, Ящер» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Уж я ли не красива» — муз. В. Терещенко, стихи Б. Терещенко.
«Ух, ух, соломенный дух» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Во поле берёза стояла» — р. н. п.
«Берёза, берёзонька» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко
«На Купалу, на Купалу будет, парни, лихо вам» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Ты завейся, берёза» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Ржица-матушка» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Улица моя» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Как на этой на долинке» — р. н. п.
«Ой, ты, вьюница» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Уж не вам ли двоим» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Разрослись в лесу коренья» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Не журись, девка» — р. н. п.



Горница

Народная драма в одном действии

Действующие лица:

ДЕД КИСЕЛЬ — хозяин дома.
КИСЕЛИХА — его жена.
МАРЬЮШКА — их дочь.
ПОДРУГИ МАРЬЮШКИ, МОЛОДКИ, БАБЫ.

Действие происходит в Сибири в «неперспективном» селе.

Немало деревушек в Сибири, но и не только в Сибири, а по всей России, которых дурные недальновидные люди окрестили унизительным прозвищем — «неперспективные» и обрекли их на запустение. Сиротами они отбывают свой век, почти каждый дом в них — тоже с долей сиротской. Кто посильнее да помоложе, да похитрее давно покинули родные места. Остались в основном бабы да старики, которых также не густо: раз, два — и обчёлся...

Горница крестьянского дома. Деревянные лавки вдоль стен. Зеркало между окон с ярко вышитым рушником, русская печь.

Молодая девушка — Марьюшка — крутится возле зеркала: готовится к вечорке. На лбу у неё — красная лента, тугая коса спускается до самых колен, и платье-сарафан, и туфельки у неё — под цвет ленты. Нарядилась она для Ивана, но вот прийдёт ли он на вечорку сегодня? В город уезжать собирается. Удержит ли парня девичья любовь? Есть ли в жизни дела поважнее?

МАРЬЮШКА *(крутясь перед зеркалом и приплясывая).*

Ставь-ка, мама, самовар,
золотые чашечки,
ко мне миленький придёт
в вышитой рубашечке!

У девушки подвёртывается каблук, и она на одной ноге достигает скамейки, снимает туфель, чуть не плача от досады.

МАРЬЮШКА. Ой... Тять... Тять!

Появляется дед Кисель.

КИСЕЛЬ. Чего тебе?

МАРЬЮШКА. Каблук поотстал...

КИСЕЛЬ. Ишшо и ухажер не заявился, а каблук — вишь ты! выдергался.

МАРЬЮШКА. Выручай, тять.

КИСЕЛЬ. Давай обутку-то свою, мы её — враз вылечим. *(Берёт туфель, уходит, слышится стук молотка, Кисель возвращается с туфлей.)* Получай красу — как новёхонькая... Каблук свихнулся — это ишшо не беда, а вот ежели человек...

МАРЬЮШКА *(схватив туфлю и не слушая отца убегает, но вспомнив, что не поблагодарила, возвращается, целует)*. Спасибо, миленький!

КИСЕЛЬ *(обидевшись)*. Какой я тебе — «миленький»!? Я — отец! А вот твой «миленький» ухажер — прощалыга!

МАРЬЮШКА. Ну и пусть! *(Уходит.)*

КИСЕЛЬ. Отца родного слушать не хотит...

Появляется Киселиха.

КИСЕЛИХА. Ты чо, старый, дочку забижаешь?

КИСЕЛЬ. Хто забижат, я-то? Эге, нонешних забидишь!

КИСЕЛИХА. А «прощалыгой» кого называл?

КИСЕЛЬ. Интересуешься? А чего он барышню городскую про запас дёржит?!

КИСЕЛИХА. И всё-то ты знашь!

КИСЕЛЬ. Так ты ж сама и сказала мне.

КИСЕЛИХА. Так ты ж, так ты ж... Откель тебе знать, што и у неё на примете никого другого нету? Сколько ладных да статных заходят к нам!

КИСЕЛЬ. Заходили — да, а теперича где? Поразъехались все. Одни бабы остались. Вот с такими красавицами, как ты, и работу всю делаем, и вечорки справляем.

КИСЕЛИХА. Тебя не переговоришь, тараторишь — хуже бабы.

Совсем разругаться хозяевам не дают гости, которые приходят дружной толпой, основная масса — женщины, среди них — несколько молодых, подружек Марьюшки. Ещё за кулисами слышатся отдельные реплики.

1 ГОЛОС. Беги шибче, кума, а то опоздашь!

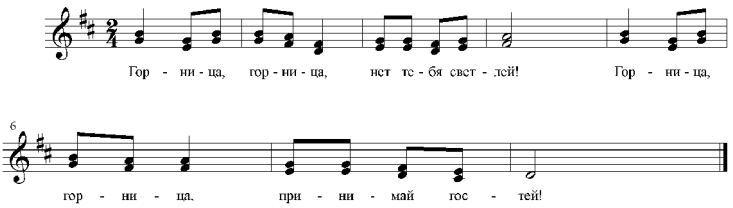
2 ГОЛОС. А ты успела уже — знамо дело: не на работушку.

Марьюшка бежит навстречу гостям, хозяева суетятся в горнице.

ГОСТИ *(здороваются)*. Добрые хозяева, принимайте гостей!

ХОЗЯЕВА. Милости просим, гости дорогие!

ГОСТИ *(поют)*. Горница, горница, нет тебя светлей!
Горница, горница, принимай гостей!



Гости усаживаются на лавках, вынимают рукоделья.

КИСЕЛИХА. Чой-то, бабоньки, вы сёдни припознились?

1 ГОЛОС. Да вот кума нас всех задержала!

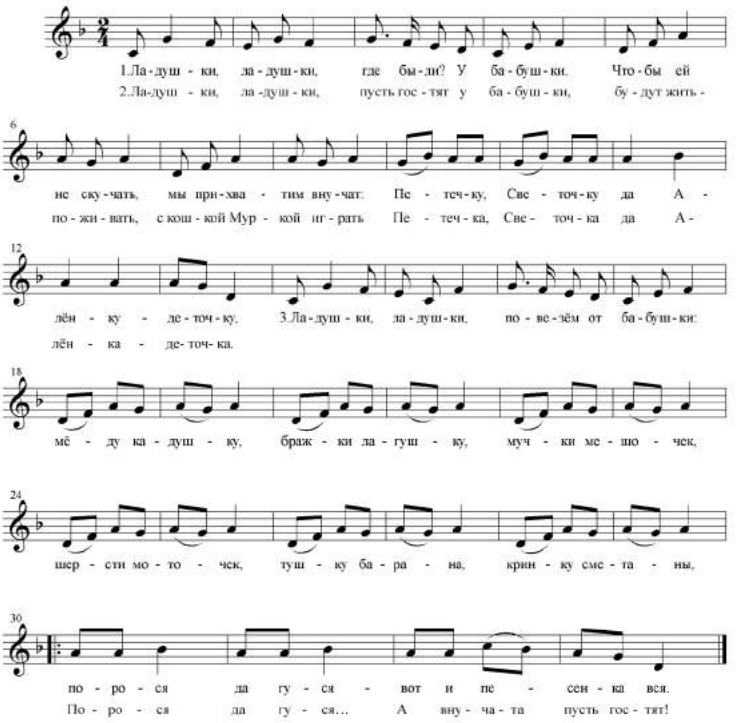
КИСЕЛИХА. А чо так?

2 ГОЛОС. Так дети же ко мне понаехали, внучат понавезли, ними и провозилась

Бабы, лукаво переглянувшись, запели, после куплета прихлопывая в ладоши: раз-два, раз-два-три.

Ладушки

Ладушки, ладушки, где были?
У бабушки.
Чтобы ей не скучать,
мы прихватим внучат:
Петечку, Светочку да Алёнку-деточку.
Ладушки, ладушки,
пусть гостят у бабушки,
будут жить-поживать,
с кошкой Муркой играть
Петечка, Светочка да Алёнка-деточка.
Ладушки, ладушки,
повезём от бабушки:
мёду кадушку, бражки лагушку,
мучки мешочек, шерсти моточек,
тушку барана, кринку сметаны,
порося да гуся —
вот и песенка вся.
Порося да гуся...
А внучата?
А внучата пусть гостят!



КИСЕЛЬ *(убедившись, что больше никого не будет)*. Ипеть только бабы заявилися. *(Обращается к пришедшим.)* Женщины, голубоньки, ну когда ухажёров своих приведёте? Мне трубку раскурить не с кем...

ДВОЕ *(поют куплет)*. Что-то бело пролетело,
на моё окошко село.
Белая касаточка,
осталась я солдаточка.

3 ГОЛОС. У меня милёнок есть,
любит выпить и поесть,
на работу не идёт —
болит темя и живот.

4 ГОЛОС. У меня милёнка нет,
что же я поделаю?
Возьму чурку и топорик
и милёнка сделаю!

5 ГОЛОС. Балалаечка, гитара —
утешение моё,
куда, бабоньки, девали
ухажёра моего?
6 ГОЛОС. Я хотела выйти замуж,
мать коровы не даёт,
а жених такой попался,
без коровы не берёт.
7 ГОЛОС. На дворе, на лужку
Бегают утята,
а я с печки — босиком:
думала — ребята.
8 ГОЛОС. На горе стоит больница,
пойду к доктору лечиться,
доктор спросит: чем больна?
Семерых люблю одна!

Появляется Марьюшка с подружками, проходят на авансцену.

МАРЬЮШКА. Придут?
ПОДРУГА. Кто?
МАРЬЮШКА. Кто, кто — будто не знаешь... Что он сказал?
ПОДРУГА. Мы его не видели.
МАРЬЮШКА. Подруга называешься... Я ж просила!
ПОДРУГА. Я его не застала. Говорят, он с дружками в город собрался.
МАРЬЮШКА. Всё ясно: значит и остальные не придут... А парни не явятся — девчат не жди.

Во время разговора подружек одна из женщин «подслушивает», делится с остальными новостью, нашептывая на ухо каждой, берёт балалайку, все поют.

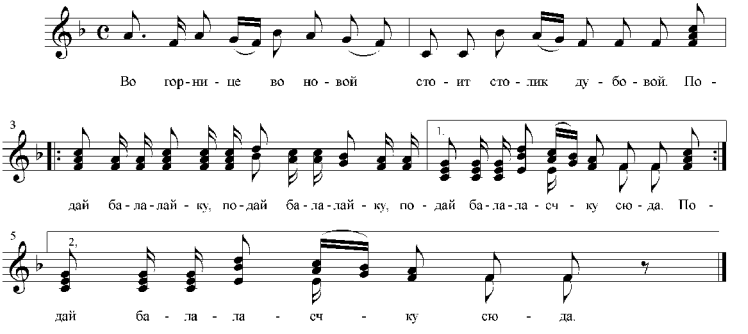
Во горнице во новой

Во горнице во новой
стоит столик дубовой.
Подай балалайку, подай балалайку,
подай балалаечку сюда.

Стоит столик дубовой,
Ножки точеные.
Подай балалайку, подай балалайку,
подай балалаечку сюда.

Как за этим за столом
три невесты сидят.
Подай балалайку, подай балалайку,
подай балалаечку сюда.

Три невесты сидят,
про Ванюшу говорят.
Подай балалайку, подай балалайку,
подай балалаечку сюда.



Во время песни Кисель пытается плясать с одной из женщин, но Киселиха после нескольких предупреждающих взглядов огревает его бубном. Кисель едва сдерживает себя, чтобы «посадить на место» старуху.

КИСЕЛЬ. Ладненько спели. Ты бы, хозяюшка, чайку гостям приналадила.

КИСЕЛИХА. Да уж давно готов.

Киселиха угощает желающих чаем, а деда своего, словно не замечает, хотя он и пытается оказаться «на очереди». Зловредная баба, одним словом, и Киселю приходится браться за кисет.

ГОЛОС. Ох, кума, только твоим чаем и могу напиться.

КИСЕЛИХА. А мой чай — отменный, на сибирских травах настоенный.

2 ГОЛОС. В чай и крапивки добавила?

КИСЕЛИХА. А как же!

ГОЛОС. А не той ли крапивы, в которую Селиваниха села? Бабы, помните, на Троицын день?!

КИСЕЛИХА. Нет, мы крапиву в своей ограде берём, вот и дед подтвердит.

КИСЕЛЬ. Што правда, то правда... Я эту самую крапиву, и где она растёт, на всю жизнь запомнил. А случай мой на Петров день вышел, понаехало к нам тогда гостей — щенку негде приткнуться. А я уже хорош был, думаю проспаться надо-ть, покрутился в доме, покрутился — негде прилечь, пошёл в ограду да и залёг, где трава повыше да погуще была... Враз отрезвел! Будто хто мою физиономию в огонь сунул, горит она спасу нет, а раздуло её — похлеще председательской... *(Смех.)* Да, крапива — зелье пользительное, да больно стрекается.

3 ГОЛОС. А в голодовку хто нас выручал? Бросишь в горшок немножко картошечки да охапку крапивы — и щи отменные, и детишки сытые.

КИСЕЛЬ. Обратно же крапивой и ревматизмы пользуют: запаришь крапивный веничек да похлестаешься, грешный, крапивной — хворь с тебя, как рукою, снимет.

4 ГОЛОС. А-а, так, значит, меня мама крапивой — лечила, когда я в молодости домой приходила с вечорок слишком поздно! *(Смех.)*

КИСЕЛЬ. Да, бабоньки, што было — то было, а ухажёров теперича-ка — нету!

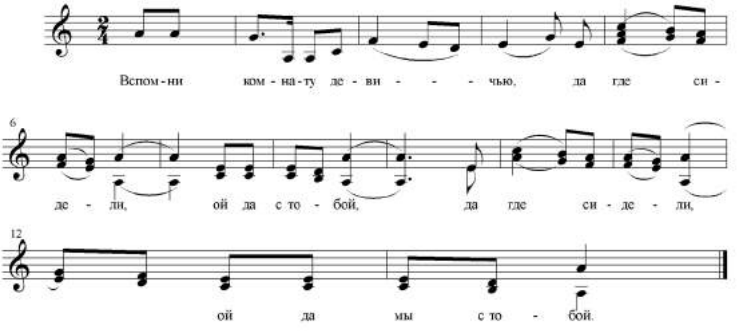
1 ГОЛОС. А ты на чо? А ну, собирай чашки.

Кисель собирает чашки, уходит на кухню. Марьюшка, не дождавшись Ивана, предаётся грустным воспоминаниям.

Вспомни комнату девичью

Вспомни комнату девичью,
где сидели, ой, да мы с тобой,
да где сидели, ой, да мы с тобой.
Тебя я в губки целовала
и называла, ой, да милый мой,

да называла, ой да милый мой.
Завлёк, завлёк ты для забавы,
а сам другую, ой да сполюбил,
да сам другую, ой да сполюбил.
Тебя любить так не сумеет,
как я любила, ой да милый мой,
да как я любила, ой да милый мой.



Песня разжалобила всех. Кисель старается расшевелить женщин.

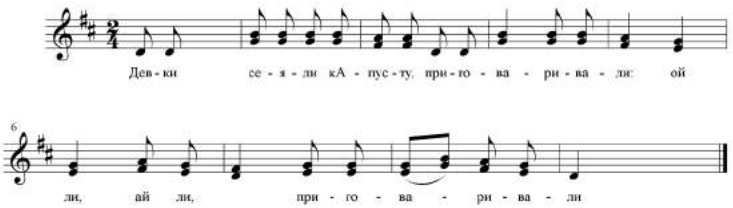
КИСЕЛЬ. Напущала слёз — на всех хватит.

Сочувствуя девушке и желая её развеселить, все начинают хороводить вокруг неё.

Девки сеяли капусту

Девки сеяли капусту, приговаривали:
ой ли, ай ли, приговаривали,
кто захочет капусты,
скачи сам в огород,
ой ли, ай ли, скачи сам в огород.
У нас Ванюша легок,
На босу ногу сапог,
Ой ли, ай ли, на босу ногу сапог,
На босу ногу под ваксу
через тын — в огород,
ой ли, ай ли, через тын — в огород.
Он капусту не срубил,

красну девку сполюбил,
ой ли, ай ли, краску девку сполюбил.
За правую ручку брал,
в хоровод заводил,
ой ли, ай ли, в хоровод заводил.
В хоровод заводил,
тайны речи говорил,
ой ли, ай ли, тайны речи говорил.
Тайны речи говорил,
поцелуями дарил...



Марьюшка, не в силах скрыть слёз, вырывается из хоровода, убегает. Неловкое молчание пытается сгладить Кисель.

КИСЕЛЬ. Слёзы пущать нонче не велено — не тот час... Вот раньше-то как было...

КИСЕЛИХА. Затарахтела сорока ипеть про своё. Люди попеть, поплясать собрались, а ты им — байки свои!

КИСЕЛЬ. А тебе тошно — иди на свою кухню! *(Раздосадованный садится, вынимает кисет, трубку.)* Мне — што, я могу и помолчать...

1 ГОЛОС. В самый раз теперь послушать чего-нибудь...

2 ГОЛОС. Расскажите нам про горюч-камень.

3 ГОЛОС. Тогда — уж лучше про каторжанина...

КИСЕЛЬ. Пущай вон старая рассказывает, она всё знат, чо надо и чо не надо!

КИСЕЛИХА. *(вскакивает).* Ты вот лучше ответь нам, когда глупый умным бывает, знаешь когда? Когда молчит, вот! *(Садится, но снова поднимается.)* А вот ещё загадка: Тур-потутур, потутурившись сидит, ждёт гостей из Новагорода?

КИСЕЛЬ. Ишшо одно слово — я те так турну, так турну!

КИСЕЛИХА *(расклабившись)*. Так это же — кот и мыши.

1 ГОЛОС. А вот мою отгадайте: Не бык, а бодает, без рук, а еду хватает что схватит — отдаёт, сам в угол идёт.

2 ГОЛОС. Это вот что! *(Выносит и показывает ухват.)* А вот мою загадку не отгадать: Овца — в корове!

3 ГОЛОС. Носок в ботинке! А вот моя: Летят две сороки, а у них — четыре хвоста!

4 ГОЛОС. *(напевает и приплясывает)*. Эх, лапти да лапти да лапти мои, эх лапти мои, лапти лыковые!

Жил я на копанце, был я на хлопанце, был на пожаре, был на базаре; молод был — людей кормил, стар стал — пеленаться стал, умер — мои кости бросили в ямку, и собаки не гложут.

5 ГОЛОС. Горшок. Четыре ноги, да не зверь, есть перья, да не птица.

6 ГОЛОС. На твою загадку есть и отгадка. *(Все поют.)*

За стеночками за дверочками
стоит кроватка с подушечками,
стоит кроватка с подушечками.

7 ГОЛОС. А вот ещё загадка: Сама голая, а рубаха за пазухой?

8 ГОЛОС. Свечка. Девица в горнице, коса на дворе.

9 ГОЛОС. Морковка!

10 ГОЛОС. Сама ты — морковка. Это печь и дым. А вот моя загадка: И в избе, и на дворе соловей поёт.

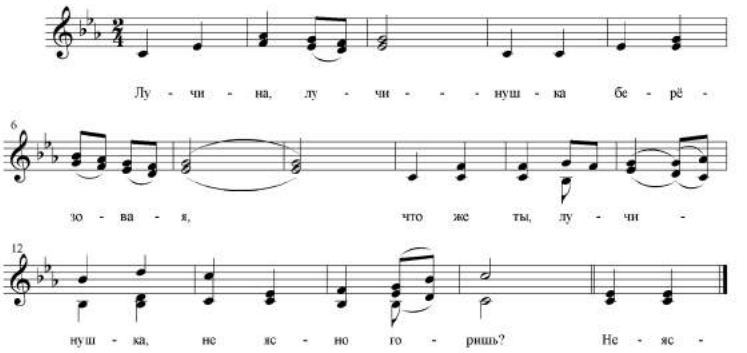
МАРЬЮШКА. Двери? Белое есть, чёрное роняет.

ВСЕ. Лу-чи-нуш-ка!

КИСЕЛЬ. А вот и загадка и наказ мой: За стеной костеной соловейко спой.

Лучинушка

Лучина, лучинушка берёзовая,
что же ты, лучинушка, не ясно горишь?
Неясно горишь, не вспыхиваешь,
али ты, лучинушка, в печи не была?
Я была, была в печи вчерашней ночи,
лихая свекровушка в печку лазила,
лихая свекровушка в печку лазила
и меня, лучинушку, водой залила.



КИСЕЛЬ *(к Киселихе)*. Старая, ты бы поесть што-нибудь схлопотала.

КИСЕЛИХА *(взорвалась, схватила ухват и к деду)*. Вот тебе ухват — хлопочи!

КИСЕЛЬ. Сдурела баба... А ну, забирай свой инструмент!

1 ГОЛОС. Ну, чо, дед, схлопотал?

КИСЕЛЬ. А это мы ишшо поглядим!

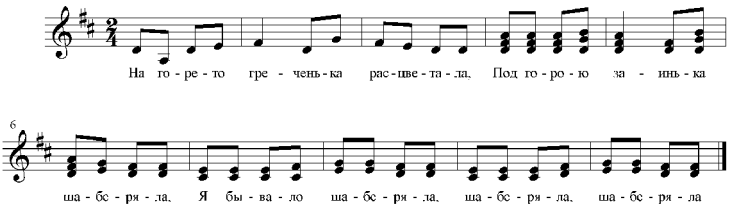
Кисель с ухватом на перевес «атакует» Киселиху, загоняет её на кухню, но не успел он победоносно вернуться на своё место, как на него сзади тихо налетела Киселиха с кочергой. Под общий вскрик дед успел защититься ухватом.

КИСЕЛИХА. Я те так взбутетеню, осколков не соберёшь!

Бабы быстро нашлись, перевели ссору в шутку, ведь кочергой и ухватом можно не только драться, но и в «шаберяла» поиграть. Кладутся они на пол перпендикулярно друг другу и под пение всё быстрее и быстрее желающий прыгает через них, попеременно заступая в промежутки, образованные кочергой и ухватом, прыгает, пока не собьётся; следующий повторяет то же и так же, пока не собьётся «оркестр» или певцы.

На горе-то греченька расцветала

На горе-то греченька расцветала,
Под горою заинька шаберяла,
Я бывало шаберяла,
шаберяла, шаберяла...



Игра развеселила всех, в том числе и Марьюшку, которая запевает.

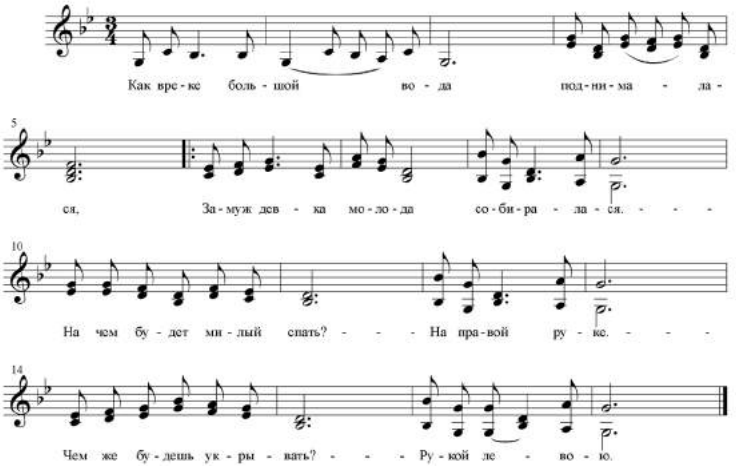
Посею лебеду на берегу

Посею лебеду на берегу,
посею лебеду на берегу,
мою крупную рассадушку,
мою крупную зелёную.
Погорела лебеда без дождя,
погорела лебеда без дождя,
моя крупная рассадушка,
моя крупная зелёная.
Пошлю казака по воду,
пошлю казака по воду,
ни воды нет, ни казаченька,
ни воды нет, ни молоденького.
Кабы мне да младой ворона коня,
кабы мне да младой ворона коня,
я бы вольною казачкой была,
я бы вольною молоденькою.
Скакала бы, скакала по лугам,
скакала бы, скакала по лугам,
по зелёным по дубравушкам,
по зелёным по дубравушкам
с донским молодым казаком,
с донским молодым казаком
со удалым добрым молодцем,
со удалым добрым молодцем.
Раздушечка, казак молодой,
раздушечка, казак молодой,
что не ходишь, что не жалуешь ко же,
что не ходишь, что не жалуешь ко мне?

Женщины исполняют песни.

Как в реке большой вода

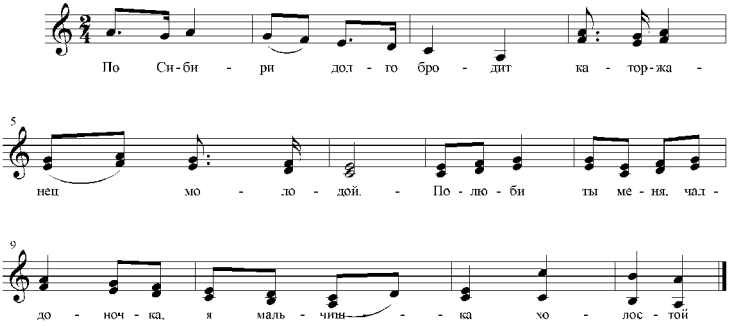
Как в реке большой вода поднималася,
замуж девка молода собиралася.
— На чём будет милый спать?
— На правой руке.
— Чем же будешь укрывать?
— Рукой левою.
Туча по небу плывёт, тяжелеючи,
бьёт гроза над головой, не жалеючи.
— Чем милого защитить?
— Рукой правою.
— А беду чем отвести?
— Да другой рукой.
Ходит рядом и вокруг, ох, разлучница,
уведёт милого вдруг — будешь мучиться.
— Правой, левой ли рукой мил-дружка держать?
— Мне известно лишь одно: я умею ждать.



На всех присутствующих твёрдый характер Марьюшки вызвал сильные, глубокие чувства, которые вылились в песне.

Чалдоночка

По Сибири долго бродит
каторжанец молодой,
—Полюби ты меня, чалдоночка,
я мальчишка холостой.
Если ты меня полюбишь,
не побрезгуешь ты мной,
мы пойдём, моя чалдоночка,
по дороге столбовой.
Я в Сибири дорог не знаю,
конвоиры поведут,
там тебя, моя чалдоночка,
каторжанкой назовут.
Ой, вы, птицы, птицы вольные,
не летайте высоко,
я про то лишь только знаю,
что угонят далеко.
Только выйду я на волю
и друзьям я клич подам,
и пойдём мы другой дорогою —
тошно станет господам,
и пойдём мы другой дорогою —
тошно станет господам.



КИСЕЛЬ. А нонешнюю молодёжь возьми... Повымахали до потолка, а понятия сурьёзного о жизни нету-ти: и в двадцать, и в тридцать за родителями, как сосунки, ходют... Пои их, корми их, всякие удовольствия им подавай...

МАРЬЮШКА. И вовсе-то не интересно никому. *(Уходит.)*
КИСЕЛЬ. За ухажёра забиделась...
КИСЕЛИХА. Вечно свой нос суёт, куды не следует.
КИСЕЛЬ. Мне, выходит, с вами и слово не скажи!
1 ГОЛОС. А ты спой!

Исполняется песня.

Ой, да расстилался туман

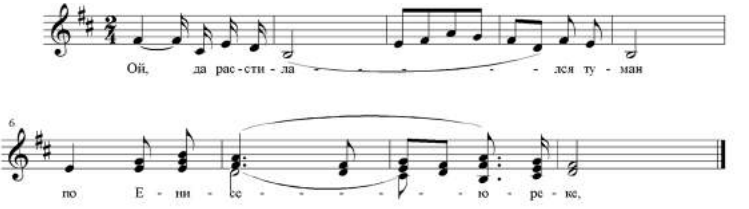
Ой, да расстилался туман
по Енисею-реке,
по крутым берегам, по зелё...
эх, по зелёным лугам.

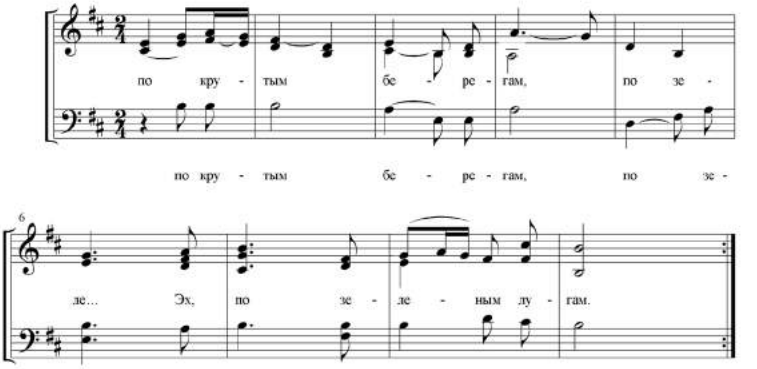
Ой, да застилал туман
очи зоркие —
не видать, не сыскать путь-доро...
эх, путь-дороженьку.

Ой, да ты явись, приди,
добрый молодец,
одолей, развей силы тё...
эх, силы тёмные.

Ой, да и пришёл человек,
высек искру он.
В пламя искронька расгоре...
эх, разгорелася.

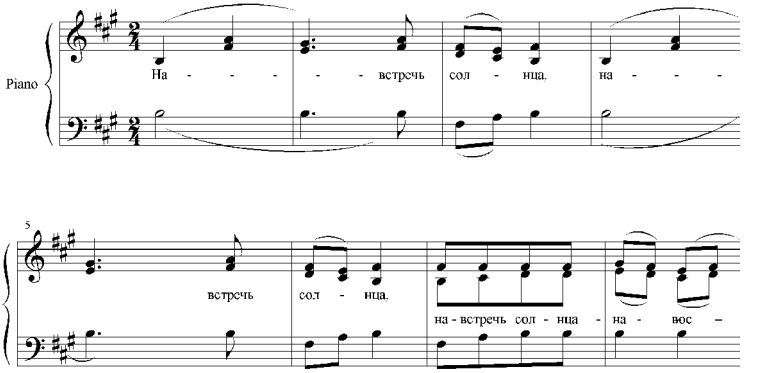
Ой, да и взошло ему вслед
солнце красное —
и туман над рекой порассе...
эх, порассеялся.

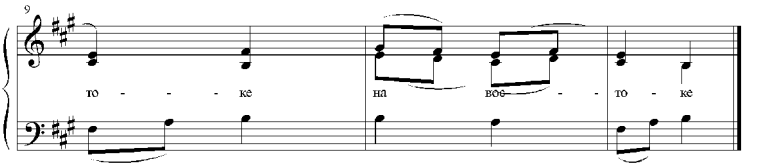




Навстречь солнца

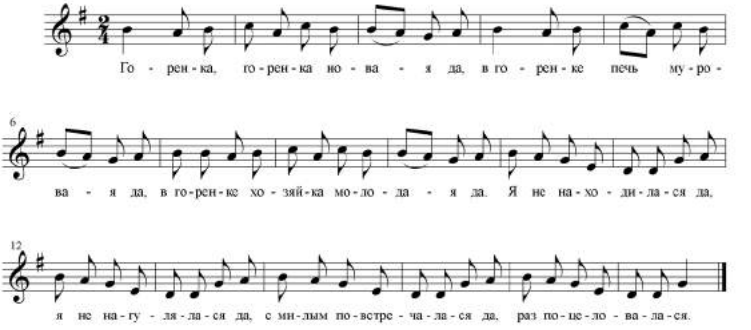
Навстречь солнца, навстречь солнца,
навстречь солнца на востоке, на востоке,
на востоке, на востоке,
на востоке при долине, при долине,
при долине в луговине, в луговине
сею, вею, сею, вею,
сею, вею, высеваю мой леночек.
Уродися, уродися,
уродися белый мой леночек да леночек,
тонок, долог, тонок, долог,
тонок, долог, волокнистый, волокнистый
волокнистый лён да прядистый, да прядистый.





Горенка

Горенка, горенка новая,
в горенке печь муровая да,
в горенке хозяйка молодая да,
полно по горенке ходити да,
полно по миленьком тужити да.
Как мне не плакать, не тужити да,
вовек такого не нажити да,
ростом, дородством, красотою да,
с молодецкою походкой да,
с соловьиною посвистской.
Я не находилась да,
я не нагулялась да,
с милым повстречалася да,
раз поцеловалася.



1 ГОЛОС. Догорела свечка до полочки, не вдеть нитку в иголочку, не видать ни шить, ни ткать, пора и нам идти спать.

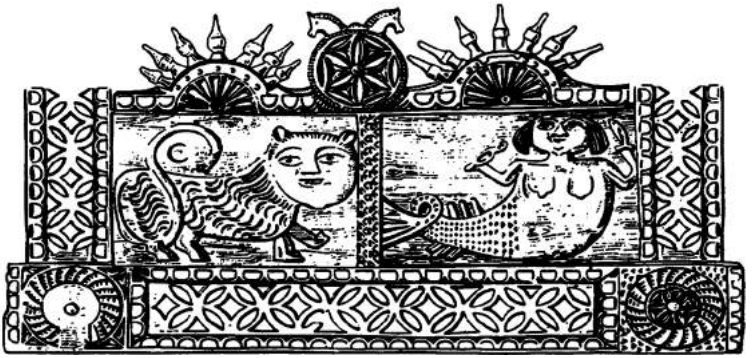
Гости покидают горницу с песней, хозяева стоят рядышком, провожая их.

ВСЕ. Горница, горница, нет тебя милей,
Горница, горница, провожай гостей.

СПИСОК ПЕСЕН

«Ладушки» — р.н.п.
«Во горнице во новой» — р.н.п.
«Вспомни комнату девичью» — р.н.п.
«Девки сеяли капусту» — р.н.п.
«Лучинушка» — р.н.п.
«На горе-то греченька расцветала» — р.н.п. (игровая).
«Посею лебеду на берегу» — р.н.п. (плясовая).
«Как в большой реке вода» — муз. В. Терещенко, слова Б. Терешенко.
«Чалдоночка» — р.н.п.
«Ой, да расстилался туман» — муз. С. Щукина, слова Б. Терещенко.
«Навстречь солнца» — р.н.п.
«Горенка» — р.н.п.

КОНЕЦ.



Горница-2

Программа для детского фольклорного театра

Действующие лица:

ДЕД — хозяин дома.
БАБА МАРЬЯ — хозяйка.
МАРИНКА, ПАШКА — их внуки.
ГАЛЯ, НАСТЯ — подруги Маринки.
ИВАН, ВИКТОР — её друзья.
ДЕТИ, ПОДРОСТКИ.

Сцена представляет просторную горницу с лавками вдоль стен, с двумя окнами и зеркалом, убранным вышитым рушником. На сцену выбегает Маринка в новом платье, смотрится в зеркало, оставшись довольна собой, напевает, а потом и пляшет.

МАРИНКА. Горенка, горенка новая, в горенке печь муровая, в горенке хозяйка молодая ... *(Пляшет.)*

Ставь-ка, мама, самовар,
золотые чашечки,
ко мне миленький придёт
в вышитой рубашечке... Ой!

У неё подвёртывается каблук, и она на одной ноге добирается до скамейки, снимает туфель, с досады чуть не плачет.

МАРИНКА. Деда... Деда!

Появляется Дед.

ДЕД. Чего тебе?
МАРИНКА. Каблук поотстал.
ДЕД. Ишшо и ухажер не заявился, а каблук — вишь ты, выдергался.
МАРИНКА. Выручай, дедуля.
ДЕД. Давай обутку-то свою, мы её враз подлечим.

Берет туфель, уходит, слышится стук молотка, возвращается с туфлей.

ДЕД. Получай красу свою — как новёхонькая... Каблук свихнулся — это ишшо не беда, а вот ежели человек...
МАРИНКА. Спасибо, дедуленька. *(Целует.)*
ДЕД. Какой ишшо дедуленька? Я — козак, а вот ты — егоза!

Заходят подружки Маринки.

ГАЛЯ. Здравствуйте, дедушка.
ДЕД. Здорово, здорово. *(Уходит к себе.)*
ГАЛЯ *(к Маринке)*. Ну ты что?
НАСТЯ. Мы уж заждались...

МАРИНКА. У меня авария с каблуком вышла... Мы же договорились в клубе встретиться, там бы и подождали.

НАСТЯ. Ой, Маринка. что было, что было...

МАРИНКА. Что, что?

ГАЛЯ. Понимаешь, мы пришли в клуб — закрыт, ключи ведь — у Фильки, мы — к нему — нет его дома, мы — в гараж — нету. Исчез Филька, испарился. И тут нам кто-то шепнул: ищите у Алки. Мы — к Алке, а Филька там — в чем мать родила!

МАРИНКА. Да ну?

ГАЛЯ. Ну да!

МАРИНКА. Да ты что? Да она ему — в мамаши годится! ГАЛЯ. Вот и я говорю так же.

МАРИНКА. Ну вот, подружки, Фильке — полный бойкот: ни видеть его, ни слышать, ни говорить! Лады?

ПОДРУЖКИ. Лады.

В горнице появляется Хозяйка

ПОДРУЖКИ. Здравствуйте, тётя Марья.

МАРЬЯ. Здравствуйте, девчата. Чаю хотите?

ПОДРУЖКИ. Нет, мы спешим.

МАРЬЯ. Всё спешит холостёжь, всё спешит. А куда? Известное дело — замуж. Правда, девчата?

ГАЛЯ. Да что вы. . .

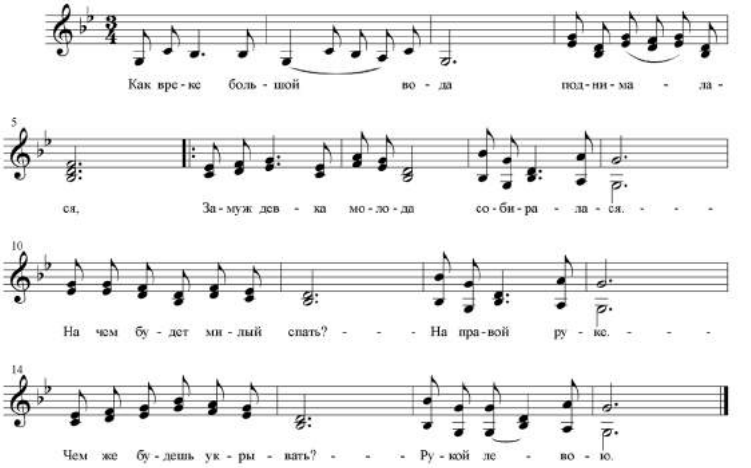
НАСТЯ. Да где уж. . .

МАРЬЯ *(поёт, подружки подпевают)*.

Как в реке большой вода

Как в реке большой вода поднималася,
замуж девка молода собиралася.
— На чём будет милый спать?
— На правой руке.
— Чем же будешь укрывать?
— Рукой левою.
Туча по небу плывёт, тяжелеючи,
бьёт гроза над головой, не жалеючи.
— Чем милого защитить?
— Рукой правою.
— А беду чем отвести?
— Да другой рукой.

Ходит рядом и вокруг, ох, разлучница,
уведёт милого вдруг — будешь мучиться.
— Правой, левой ли рукой мил-дружка держать?
— Мне известно лишь одно: я умею ждать.



МАРЬЯ. Как хочется, чтобы у вас всё было хорошо, девчата.

ПОДРУЖКИ. Всё будет хорошо, тётя Марья, не беспокойтесь за нас.

В горнице появляется Пашка с друзьями, Пашка демонстрирует ходьбу на ходулях.

ДЕД. Этого ишшо не хватало — в дом на ходулях. Отбирает у внука ходули, уходя, сам пробует пройтись на них.

ВИКТОР. Клуб закрыт, так мы сюда заявились репетицию провести. Как, вы — не против?

МАРИНКА. Куплеты можно и здесь.

Парни и девчата поют куплеты, обыгрывая их мимикой, жестами, действиями.

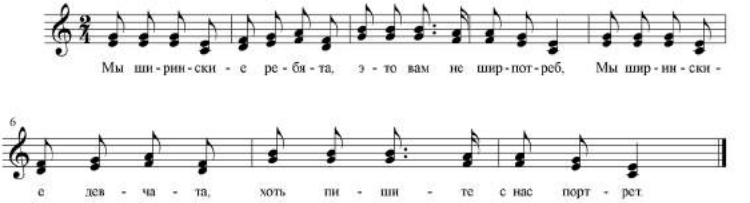
Куплеты

— Мы ширинские ребята,
это вам не ширпотреб,

— Мы ширинские девчата,
хоть пишите с нас портрет.
— Написал портрет я с милой
и повесил на хлеву,
не увидишь злее рыла
ни во сне, ни наяву.
— Подскажите мне, подруги,
как понять его намёк,
пятый парень уж в округе
ко мне чувства не сберёг.
— Я б любил тебя и больше,
но другой тебя увёл,
ведь тобой же был я брошен
в выходной на произвол.
— Ох, моё ты наказанье,
поглядись-ка в зеркало,
от спохмельного дыханья
помутится и стекло.
— Не брани меня задаром,
я ведь так тебя любил,
сдал намедни стеклотару
перстенёк тебе купил.

Дарит Маринке перстень.

— На подарок гляньте, люди,
перстенёчек не простой,
перстенёчек — просто чудо,
высшей пробы — золотой!
Тает, словно воск, сердечко,
значит так тому и быть,
знать, отныне и навечно
закольцованной ходить.

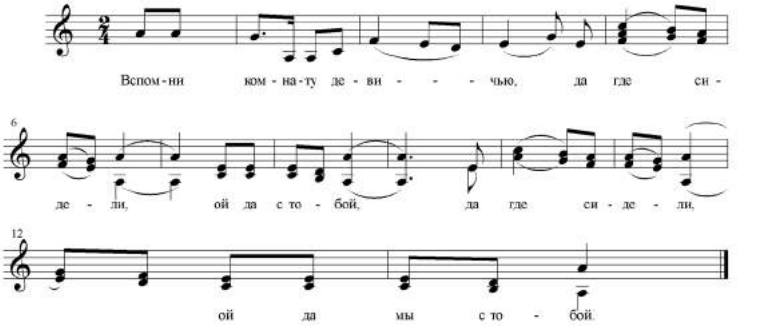


Маринка подходит к подарившему колечко, берёт его за руку, раскрывает ладонь, кладёт в неё кольцо, а сама идёт мимо, выбирает другого, с которым и уходит под руку. Подружки уходят следом вместе с неудачником.

Марья провожает взглядом Маринку и её друзей, общение молодых вызвало у неё глубокие воспоминания, которые вылились в песне.

Вспомни комнату девичью

Вспомни комнату девичью,
где сидели, ой, да мы с тобой,
да где сидели, ой, да мы с тобой.
Тебя я в губки целовала
и называла, ой да милый мой,
да называла, ой, да милый мой.
Завлёк, завлёк ты для забавы,
а сам другую, ой, да сполюбил,
да сам другую, ой, да сполюбил.
Тебя любить так не сумеет,
как я любила, ой, да милый мой,
да как я любила, ой, да милый мой.



ДЕД. Расшевелила душу...

МАРЬЯ. Тревожно мне за нонешнюю молодёжь, а за внучку — больше всего.

ДЕД. Да не плохая внучка у нас... А судьбу всё равно не объедешь. Давай-ка лучше чайком побалуемся. Наладь-ка свово, фирменного.

МАРЬЯ. Да уж давно готов. *(Приносит чай.)*

ДЕД. Только твоим чайком и могу напиться.

МАРЬЯ. А мой чай — отменный: на сибирских травах настоянный.

ДЕД. В чай и крапивки добавила?

МАРЬЯ, А как же!

ДЕД. А не той ли крапивы, в которую Селиваниха села на Троицын день?

МАРЬЯ. Нет, я крапиву в своей ограде беру.

ДЕД. Значит ту, в которую я завалился, когда гостей к нам понаехало — пруд пруди. А я уже хорош был, думаю проспаться надо-ть, покрутился в доме, покрутился — негде прилечь, пошёл в ограду да и залёг, где трава погуще да повыше была... Враз отрезвел! Будто кто мою физиономию в огонь сунул, горит она, спасу нет, а раздуло её — похлеще председательской... Да, крапива — зелье пользительное, да больно стрекается.

МАРЬЯ. А в голодовку кто нас выручал? Бросишь в горшок немножко картошечки да охапку крапивы — и щи отменные, и детишки не ноют.

ДЕД. Обратно ж крапивой и ревматизмы пользуют: запаришь крапивные веничек да похлестаешься, грешный, крапивкой — хворь, как рукою, сымает.

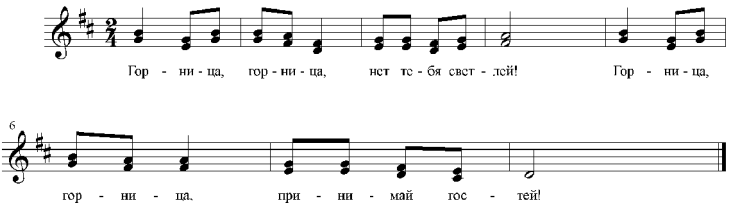
Слышится шум и детские крики в сенях. Хозяева идут навстречу новым гостям. В горнице появляются дети мал мала меньше.

ДЕД. Сколько же к нам гостей привалило!

МАРЬЯ. А чем больше гостей, тем веселее праздник.

ДЕТИ. Горница, горница, принимай гостей!

Горница, горница, нет тебя светлей!



МАРЬЯ *(включается в песенную игру с детьми)*. Ладошечки у всех чистые? Давайте-ка своими ладошечками поработаем. *(Поёт.)*

Ладушки

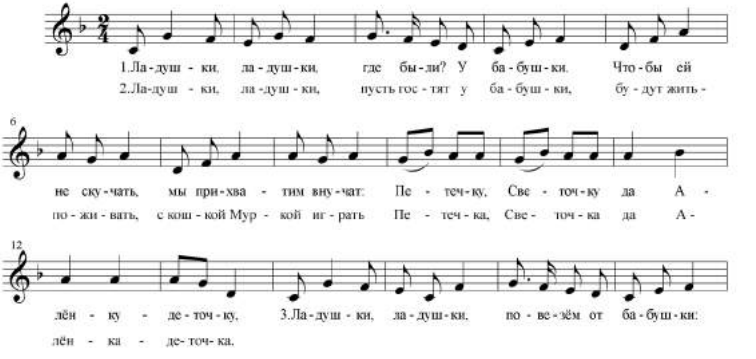
Ладушки, ладушки, где были? У бабушки.
Чтобы ей не скучать,
мы прихватим внучат:
Петечку, Светочку да Алёнку-деточку.

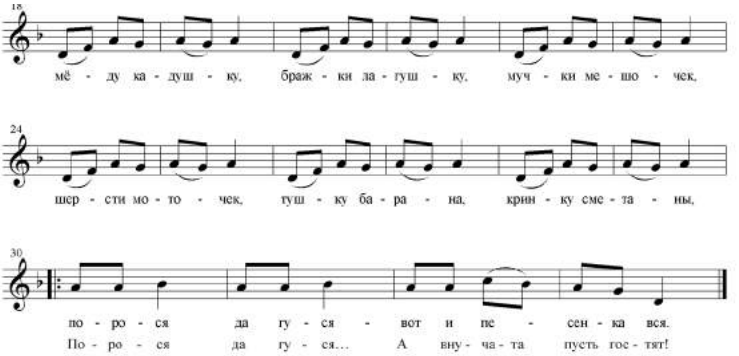
После каждого куплета все хлопают в ладоши: раз-два, раз-два-три.

Ладушки, ладушки,
пусть гостят у бабушки,
будут жить-поживать,
с кошкой Муркой играть
Петечка, Светочка да Алёнка-деточка. *(Все хлопают.)*

Ладушки, ладушки,
повезём от бабушки:
мёду кадушку, бражки лагушку,
мучки мешочек, шерсти моточек,
тушку барана, кринку сметаны,
порося да гуся —
вот и песенка вся.

ДЕД. А внучата?
ВСЕ. А внучата пусть гостят!





ДЕД *(к внуку)*. А ну сказывай, пострел, почему в школе не был?

ПАШКА. Когда, дедушка?

ДЕД. Третьего дня... Мне учителка сказывала.

ПАШКА *(чешет в затылке)*. Третьего дня... Ах да, я ж за поросёнком бегал.

ДЕД. Каким поросёнком?

ПАШКА. А который от нас сбежал.

ДЕД. Ну и што?

ПАШКА. Так я — за ним.

ДЕД. А он?

ПАШКА. Кто?

ДЕД. Так поросёнок твой. Догнал?

ПАШКА. Не, он от меня на дерево залез.

ДЕД. Поросёнок — на дерево? А ты?

ПАШКА. Так я за ним полез.

ДЕД. Достал?

ПАШКА. Не. Он залез ещё выше, а потом полетел.

ДЕД. Поросёнок полетел, значится, а ты?

ПАШКА. А я тоже полетел... вниз.

ДЕД. На землю упал?

ПАШКА. Нет, на ежа. Поэтому и в школу не смог идти.

ДЕД. *(пытаясь ухватить внука за ухо)*. Ах, ты лгунишка!

Дети пытаются заступиться за Пашку, повисли на руках Деда.

ДЕТИ. Он не врёт!

ДЕД. Так, по-вашему, свиньи на дереве гнёзда вьют?
ДЕТИ. И гнёзда вьют, и летают. *(Поют.)*

Облоухая свинья

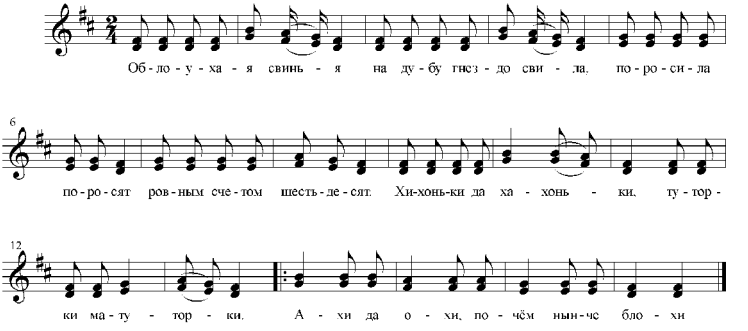
Облоухая свинья
на дубу гнездо свила,
поросила поросят
ровным счетом шестьдесят.

Припев.
Хихоньки да хахоньки,
туторки-мотуторки.
Ахи да охи, почём нынче блохи,
ахи да охи, почём нынче блохи?

Поросята осмелели,
на ветвях они расселись.
Шесть десятков поросят
в небе видят шесть гусят.

Припев.

Поросята, как гусята,
улететь на юг хотят,
с хрюком с дерева взлетели
и на облако присели.
Припев.

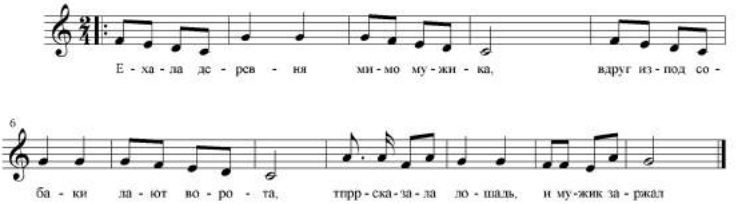


ДЕТИ. До сих пор там и сидят!
ДЕД. По-вашему: Ехала деревня...

Дети с песенкой «Ехала деревня» кружатся вокруг Деда, разыгрывая песню.

Ехала деревня

Ехала деревня мимо мужика,
вдруг из-под собаки лают ворота,
тпр-р — сказала лошадь,
и мужик заржал,
взял мужик собаку
палку обломал,
лошадь пошла в гости,
а мужик всё ржал



ДЕВОЧКА.

Я не тятькина,
я не мамкина,
я на улице росла,
меня курица снесла.

ДЕД. Ну, вы и горазды на выдумки, а многого ишшо и не знаете.

ДЕТИ. Мы всё знаем.

ДЕД. А вот што это: Верный конь скачет в огонь?

Среди детишек — замешательство, но вот кто-то приметил возле печки кочергу и выносит её: Вот что!

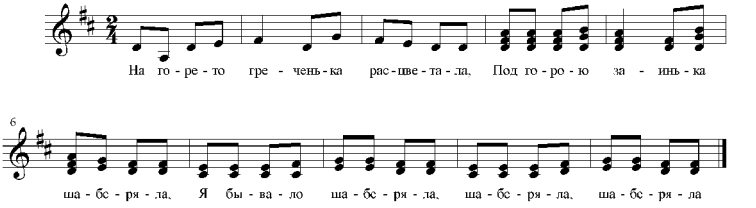
ДЕД. А вот: Не бык, а бодает, не ест, а еду хватает, что схватит, отдаёт, сам в угол идёт?

На этот раз дети уже без заминки выносят ухват. Верхом на кочерге, ухвате стали скакать

БАБА МАРЬЯ. Девочки — на кочерге, на ухвате — некрасиво, вы же не ведьмы. Давайте-ка их сюда. Есть игра такая — «Шаберяла». Кладём кочергу и ухват крест на крест, и под пение «Шаберяла» начинаем прыгать в промежутки между ними всё быстрее и быстрее, пока кто-нибудь не собьётся, или прыгающий, или певцы. Давай-ка ты, деточка, заступай в промежутки между ними попеременно, а мы будем петь.

На горе-то греченька расцветала

На горе-то греченька расцветала,
Под горою заинька шаберяла,
Я бывало шаберяла,
шаберяла, шаберяла... *(Скачет, пока не собьётся.)*



Дети пробуют себя в этой игре на скорость и выносливость. Наконец, очередь дошла до Деда. «А ну, дедушка, давай, тряхни стариной!» Дед пробует скакать, сбивается.

ДЕД. Бабий это инструмент, не мущинский. *(Подбирает кочергу, ухват, уносит.)*

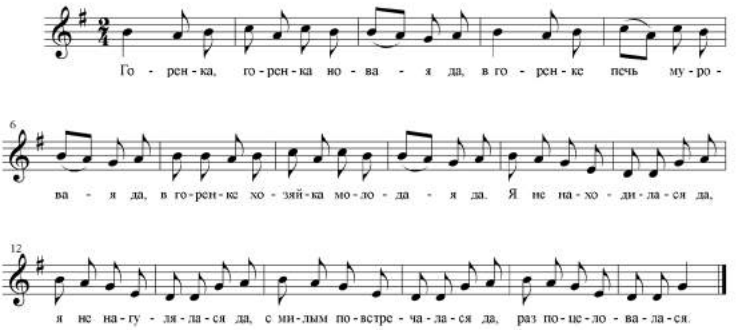
Приходит Маринка, дети с возгласами «Маринка пришла» обступают её, желая вместе с ней поиграть или попеть.

МАРИНКА. «Горенку» все знают?
ДЕТИ. Все, все!
МАРИНКА. Тогда все начинаем петь и плясать.

Горенка

Горенка, горенка новая,
В горенке печь муровая да,
В горенке хозяйка молодая да,
Полно по горенке ходити да,

Полно по миленьком тужити да,
Как мне не плакать, не тужити да,
Вовек такого не нажити да,
Ростом, дородством, красотою да,
С молодецкою походкой да,
С соловьиною посвистской.
Я не находилась да,
Я не нагулялася да,
С милым повстречалася да,
Раз поцеловалася.



БАБА МАРЬЯ. Догорела свечка до полочки, не вдеть нитку в иголочку, не видать ни шить, ни ткать, пора и нам идти спать.

Дети покидают горницу с песней:

Горница, горница, нет тебя милей,
горница, горница, провожай гостей.

Маринка провожает детей, возвращаясь, видит, что Пашка заснул на сундуке, берёт балалайку и хочет громко ударить по струнам над ухом спящего Пашки.

БАБА МАРЬЯ *(отнимая у внучки балалайку)*. Да ты што, разбудешь ведь! Намаялся сердешный. . . *(Подсаживается на сундук, поёт.)*

Лукоморье

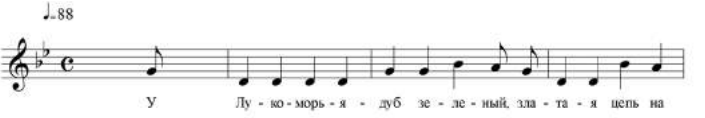
1. У Лукоморья — Дуб зелёный,
златая цепь на Дубе том,
и днём, и ночью Кот учёный
всё ходит по цепи кругом;
идёт направо — песнь заводит,
налево — сказку говорит;
там — чудеса: там Леший бродит,
Русалка на ветвях сидит...
У Лукоморья — Дуб зелёный,
златая цепь на дубе том.

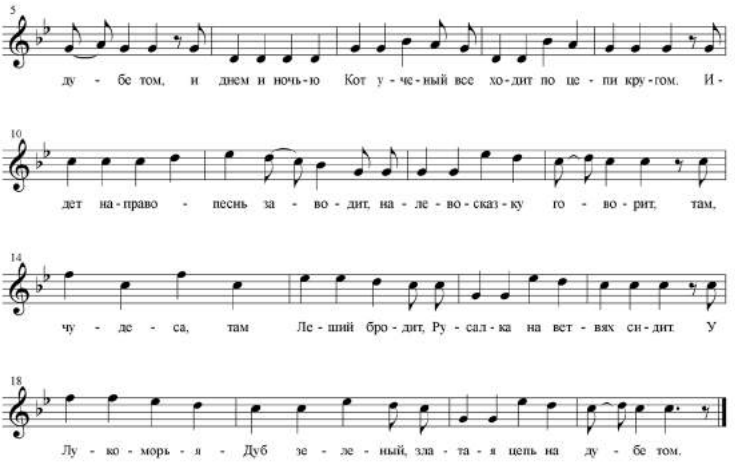
2. Там на неведомых дорожках —
следы невиданных зверей,
избушка там на курьих ножках
стоит без окон, без дверей;
там королевич мимоходом
пленяет грозного царя,
там в облаках перед народом
колдун несёт богатыря...

У Лукоморья — Дуб зелёный,
златая цепь на Дубе том.

3. В темнице там царевна тужит,
и серый волк ей верно служит;
там ступа с Бабою Ягой
идёт-бредёт сама собой;
там царь Кащей над златом чахнет,
там — русский дух, там Русью пахнет...

У Лукоморья — Дуб зелёный,
златая цепь на дубе том,
и днём, и ночью Кот учёный
всё ходит по цепи кругом.



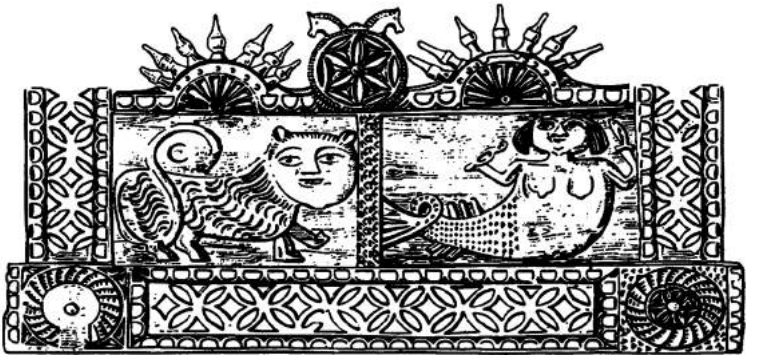


ДЕД *(подходя к внуку)*. Укатали сивку крутые горки.
БАБА МАРЬЯ. Не буди. Давай отнесём его в кровать.
ДЕД *(забирая внука в охапку, несёт)*. Тяжёлый, поросёнок...

КОНЕЦ.

СПИСОК ПЕСЕН

«Как в большой реке вода» — муз. В. Терещенко, слова Б. Терещенко.
«Куплеты» — муз. В. Терещенко, слова Б. Терещенко.
«Вспомни комнату девичью» — р.н.п.
«Ладушки» — р.н.п.
«Облоухая свинья» — муз. В. Терещенко, литературная обработка Б. Терещенко.
«Горенка» — р.н.п.
«Во горнице во новой» — р.н.п.
«Лукоморье» — муз. В. Терещенко, слова А. Пушкина.



Женихи

Народная драма в одном действии, в двух картинах

Действующие лица:

ИВАН — влюблённый юноша.
МАРЬЮШКА — влюблённая девушка.
ДЕД КИСЕЛЬ — отец Марьюшки.
КИСЕЛИХА — его жена.
НИКИТИЧНА — деревенская всезнайка.
СВАХА.
СЕЛИВАНИХА — её кума.
СТЕПАН — сын Селиванихи.
ПОДРУЖКИ МАРЬЮШКИ, МОЛОДКИ, БАБЫ

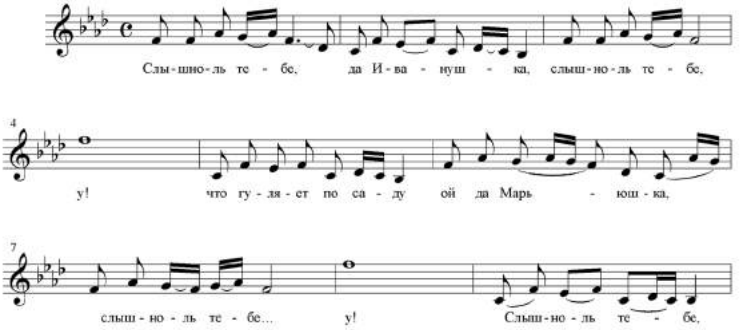
Картина первая

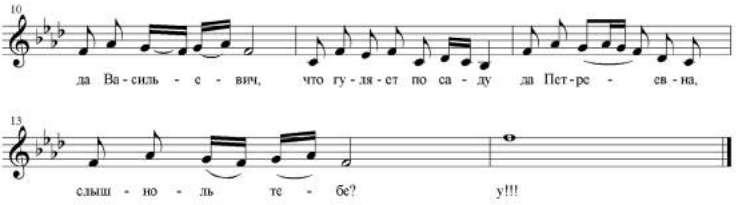
Над сибирским селом на берегу Енисея зажглась вечерняя заря, опалив огнём березняк, разлилась по воде. Предвечерних хлопот у сельчан — по горло, но у Марьюшки — своя заботушка. А какие заботы в двадцать лет? Нежное лицо её с мягкими, типично русскими чертами пылает, как зорька на небе, и красная лента в косе, доходящей до колен, тоже перекликается с небесным заревом, и сарафан на ней — такого же цвета. Раньше назначенного срока пришла она в берёзовую рощу, а Иван явился ещё раньше. Спрятавшись, он любуется Марьюшкой — только её призывная песня, которую он не решается прервать, удерживает парня в укрытии. Завороженный пением, Иван не замечает, что и за ними следят: с одной стороны — Никитична, деревенская всезнайка и сплетница, а с другой — известная на всю округу Сваха и её кума, Селиваниха.

МАРЬЮШКА.

Закличка

Слышно ль тебе, да Иванушка,
слышно ль тебе, у-у-у!
что гуляет по саду, ой, да Марьюшка,
слышно ль тебе...у-у-у!
Слышно ль тебе, да Васильевич,
что гуляет по саду да Петреевна,
слышно ль тебе? У-у-у!!!





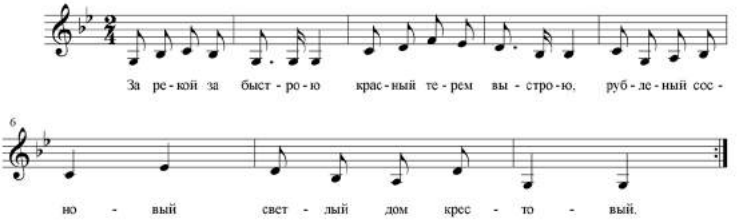
С цветами перед Марьюшкой появляется Иван. Пока цветут жарки, у Марьюшки в доме они не переводятся.

Иван начинает ответную песню, последний куплет которой подхватывает и Марьюшка.

ИВАН.

За рекой за быстрою

За рекой за быстрою
красный терем выстрою,
рубленый сосновый
светлый дом крестовый.
На четыре стороны,
на все четыре стороны
прорублю дороги
от моего порога.
Этими ль дорожками,
в двери ли, в окошко ли,
может, и случится — счастье постучится.

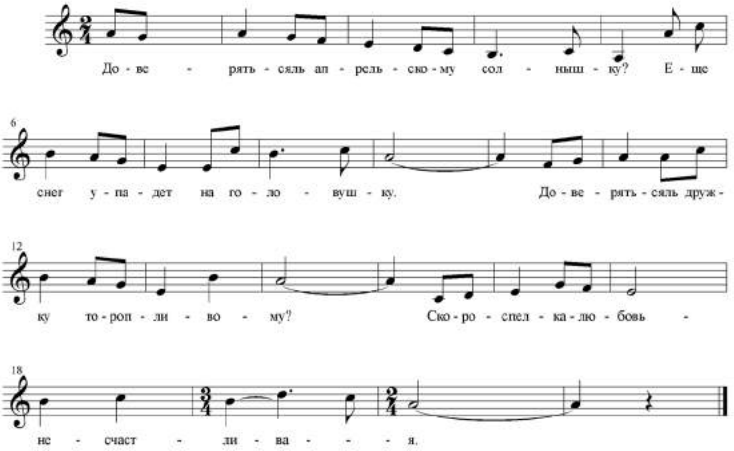


Иван, высокий, статный молодец, пытается крепко обнять девушку, а она, рассердившись, отталкивает парня, но чтобы не обидеть его, пытается объяснить песней своё строгое поведение.

МАРЬЮШКА.

Доверяться ль апрельскому солнышку

Доверяться ль апрельскому солнышку?
Ещё снег упадёт на головушку.
Доверяться ль дружку торопливому?
Скороспелка-любовь — несчастливая.
Я хочу, чтобы милый обхаживал
и меня, словно вишню, выращивал,
называл своей вишенкой-ягодкой,
а ещё и красивой и сладенькой.
И тогда всей душою откроюсь я,
расплету свои длинные волосы,
ведь не зря я ждала слова нужного,
я теперь навсегда — жена мужнина!



Пара удаляется на берег Енисея. За ними следит Никитична. Завидуя влюблённым, поёт частушку, аккомпанируя себе на балалайке.

НИКИТИЧНА.

Сирота я, сирота —
без отца, без матери,

а ещё я сирота —
гуляю без симпатии.

Замечая сваху и куму, прячется, а те уже не в силах таиться и молчать, выходят из укрытия.

СВАХА. Видала?

СЕЛИВАНИХА. Ослепла что ль...

СВАХА. Слыхала?

СЕЛИВАНИХА. Оглохла что ль...

СВАХА. Вот, кума, тебе и будущая невестушка!

СЕЛИВАНИХА. Давно я заприметила в Марье — в сторону метит.

СВАХА. Ох, не в сторону... Чует моё сердечко — в самую точку!

СЕЛИВАНИХА. Догоню — косу выдергаю!

СВАХА. Сначала в дом заполучи невестку, потом уж изголяйся, сколь хошь.

СЕЛИВАНИХА. Упустила девку и всё из-за тебя, Сваха-неумеха!

СВАХА. Каков товар, таков и спрос.

СЕЛИВАНИХА. Да коли ты сына мово женить не способна — инвалид, а не сваха ты!

СВАХА. Сама ты припадошная, и сын твой, и всё племя твоё — припадошное!

СЕЛИВАНИХА. Я так дело не оставлю, ославлю на всю округу тебя, без работы своей пакостной — взвоешь!

СВАХА. Жалко на сынка потратиться — поболе убудет!

СЕЛИВАНИХА. Сама женю, а тебя знать не желаю! *(Уходит.)*

СВАХА *(вдогонку)*. Попомни, кума, я женить и разженить способна!

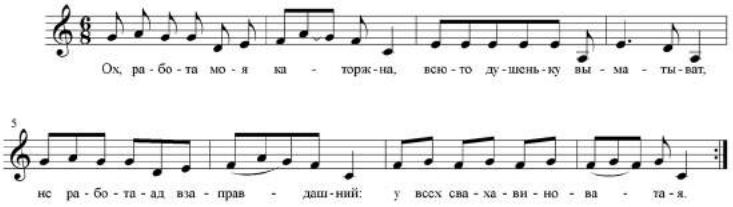
Несколько успокоившись от перепалки, Сваха поёт куплеты, жалуясь на неблагодарность клиентов.

СВАХА.

Куплеты свахи

Ох, работа моя каторжна,
всю-то душеньку выматыват,
не работа — ад взаправдашний:
у всех Сваха — виноватая.

Сговоришь красотку писану
выйти замуж молодёхоньку
за скупого чёрта лысого,
а она — и не радёхонька.
Подавай любовь ей вечную,
у самой же — нет приданого,
может, и найдёшь сердечного,
так, обратно ж — голоштанного...
Ох, работа моя каторжна,
всю-то душеньку выматыват,
не работа — ад взаправдашний,
у всех Сваха — виноватая...
Для людей век надрывалася,
познала на ять прохфессию —
и без ног совсем осталася...
Кто ж платить мне будет пенсию?!



Сваха удаляется. Тут же, на берегу собираются бабы после полоскания белья в Енисее. В руках у них предметы, связанные со стиркой: тазы, ведра, стиральные доски, коромысла, прищепки и т.п.

1 ГОЛОС. Ох, уморилась со стиркой — моченьки нет! Бабоньки, идите сюда, тута-ка и отдохнём.

2 ГОЛОС. Поставила корыто своё на дороге — ни пройти, ни проехать.

3 ГОЛОС. Сюда — бабы!

Все рассаживаются.

1 ГОЛОС. И за что нам, бабы, такое наказание: стирать да варить, варить да стирать?

4 ГОЛОС. Стирка — бабе наука, штоб шибко нос не задирала.

2 ГОЛОС. А коли не стирать да не варить, то и баба не нужна!

5 ГОЛОС. Э, не говори пустое, ей найдётся и другая работа.

2 ГОЛОС. Еслив ты про робят думашь, так эта работа ишшо тяжелее будет.

5 ГОЛОС. Не каждый день дитя появляется.

3 ГОЛОС. Каждый день — только стирка, да уборка, да щи с кашей...

2 ГОЛОС. А по мне — лучше стирать, чем с нонешним мужиком дело иметь!

5 ГОЛОС. Что правда, то правда — порченый мужик нынче пошёл.

4 ГОЛОС. А кто его испортил?

1 ГОЛОС. Водка и лень!

Вбегает Никитична, которой невмочь поделиться с бабами очередной новостью.

НИКИТИЧНА. Бабы, вы ничо не слыхали?

ГОЛОСА. Чо, чо? Да, может, и слыхали, да вдруг не то, да поди не так. Да не томи ты наши души, Никитична, говори, што знашь!

НИКИТИЧНА. Да Селиваниха-то со Свахой перелаялись!

ГОЛОС. Да ну?

НИКИТИЧНА. Ну да! У них с женитьбой, видать, дело не выгорело, Марьюшка-то не хотит за селиванихиново недотёпу идти, ну и Свахе досталось на орехи.

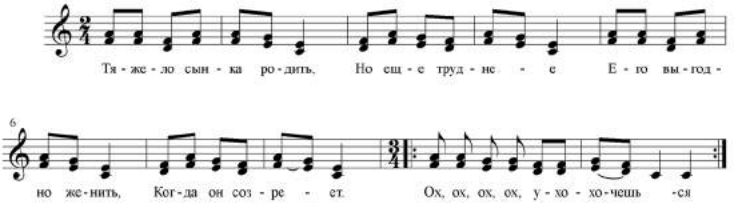
4 ГОЛОС. Ты чего-то путаешь, Никитична... Я Селиваниху со Свахой давеча встретила, шли обнималися.

НИКИТИЧНА. Давеча, может, и обнималися, а теперича — разругалися. Смех — ухохочешься! *(Начинает петь куплеты, аккомпанируя на балалайке, все остальные подпевают, аккомпанируя на предметах стирки.)*

Тяжело сынка родить

Тяжело сынка родить, ох!
Но ещё труднее, ох, ох!
Его выгодно женить,
когда он созреет.
Ох, ох, ох, ох, ухохочешься,
ох, ох, ох, ох, ухохочешься!

На невесту сети Сваха, ох!
Накинуть старался, ох, ох!
Или сдуру иль со страху
в них сама попалася!
Ох, ох, ох, ох, ухохочешься,
ох, ох, ох, ох, ухохочешься!
Для сынка мать приглядела, ох!
В жёны ягодиночку, ох, ох!
Пока бегала за сыном,
упустила милочку!
Ох, ох, ох, ох, ухохочешься,
ох, ох, ох, ох, ухохочешься!



5 ГОЛОС. Никитична, давай нашенскую!

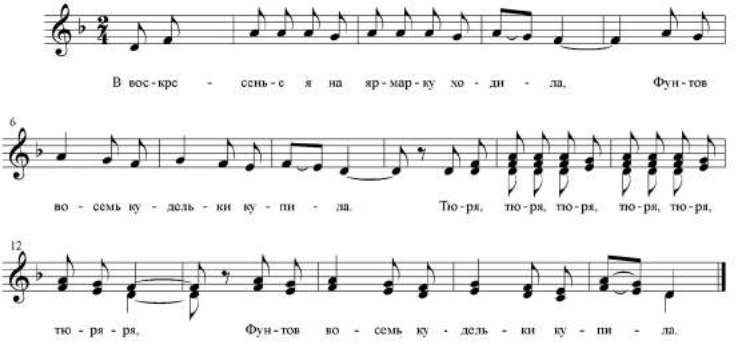
Никитична запевает любимую, все дружно подхватывают.

Неделька

В воскресенье я на ярмарку ходила,
фунтов восемь кудельки купила.
Тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
фунтов восемь кудельки купила.
В понедельник я прясти не стала,
веретёшко во вторник искала,
тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
веретёшко во вторник искала.
Не нашла у себя веретёнце,
постучала к соседке в оконце,
тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
постучала к соседке в оконце.
Постояла в четверг с ней немножко,
и забыла о том веретёшке,
тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
я забыла о том веретёшке.

А потом много дел ещё было,
а в субботу я баньку топила,
тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
а в субботу я баньку топила.

Так прошла день за днём вся неделя...ой!
Я забыла совсем про куделю.
Тюря, тюря, тюря, тюря, тюря, тюря-ря,
я забыла совсем про куделю!



1 ГОЛОС *(Спохватившись)*. Ой, бабоньки, я ж опару в тепло поставила, сбежит ведь, ей-богу, сбежит! *(Убегает.)*

2 ГОЛОС. Про опару забыть — и чем только думает! *(Уходит.)*

3 ГОЛОС. А я аппарат не выключила, чёрт бы его побрал! *(Убегает.)*

НИКИТИЧНА *(вослед)*. Беги шибче, кума, а то взорвётся! *(Уходя поёт.)*

Молоко пила когда-то,
а теперь — мёд-пиво,
за мной бегали ребята,
а теперь — забыли.

Все расходятся.

Картина вторая

Дом Марьюшки. Появляется Селиваниха со своим сыном Степаном. И хоть он не удался ни умом, ни статью, ни походкой, зато одет престижно: на нём — кожанка, джинсы,

кроссовки, а в руках, конечно же — дипломат. Речь у жениха не соловьиная, зато жуёт он импортную жвачку.

СЕЛИВАНИХА. Есть в доме хто? *(К сыну.)* Стёпушка, сынок мой, проходи, да с правой ноги ступай, да не споткнись!

СТЕПАН. Да знаю, знаю... *(Спотыкается.)*

СЕЛИВАНИХА *(шепчет заговор)*. Как нога моя стоит твёрдо и крепко, так и слово моё будет сильно и лепко, так и дело наше будет верно и метко. *(К сыну.)* Приглашать станут — садиться не спеши, а будешь усаживаться, норови под матицу сесть да на продольную лавку. *(Громко.)* В доме-то есть хто-нибудь? *(К сыну.)* Бутылку не забыл?

СТЕПАН. Не. *(Показывает бутылку, привязанную к дипломату.)*

СЕЛИВАНИХА. Сколь денег истратил, а чемоданчик тощенький купил.

СТЕПАН. Так это ж не чемоданчик, а дипломат, во! Понимать надо.

СЕЛИВАНИХА. А проку-то с него — бутылка и та не влазит.

СТЕПАН. А я её привязал! *(Показывает всем.)*

СЕЛИВАНИХА. На стол выставишь, когда я скажу.

СТЕПАН. Мам, а что ежели она выпьет, а согласия не будет, тогда что?

СЕЛИВАНИХА. А это уж — моя забота. *(Громко.)* Есть в доме хто?

В комнате появляется хозяйка, Киселиха, застаёт непрошеных гостей.

КИСЕЛИХА. Кума, а ты, чай, не заблудилась?

СЕЛИВАНИХА *(вздрагивает от неожиданности)*. Здрасьте. А я кличу, кличу — нихто не откликается.

КИСЕЛИХА. А чего нада?

СЕЛИВАНИХА. Хозяин дома?

КИСЕЛИХА. Нету.

СЕЛИВАНИХА. А Марьюшка?

КИСЕЛИХА. По воду пошла, да, видать, с подружками заговорилась.

СЕЛИВАНИХА. А мы к вам по делу: у вас — тёлочка, а у нас, стало быть, бычок...

СТЕПАН. Ма-а-м...

СЕЛИВАНИХА. Одним словом, красавец! Где ещё такого женишка сыщите? И добра у нас, и всего — вдоволь! *(К сыну.)* Да ты покажись, сынок!

СТЕПАН. Мам...

СЕЛИВАНИХА. Да ты чо? Покажись и лицом и всяк — не украдено ведь... Гляньте, какое диво: и здеся и вот тут. *(Показывает нашлёпки на джинсах.)* Буквочки есть, и всё — по-иностранному расписано — и книг не надо читать... А заплатили мы за них — ужасть! Корову и не одну можно бы купить...

КИСЕЛИХА. Корову бы и купили, молочко пили бы и без штанов, чай, не остались.

СТЕПАН. Так ведь это же — джинсы! Понимать надо.

КИСЕЛИХА. А чо они — как застираны?

СЕЛИВАНИХА. Дык... оне ж не стираются.

КИСЕЛИХА. А чо они — как пожёваны?

СЕЛИВАНИХА. Дык... оне ж не гладятся.

КИСЕЛИХА. А еслив лень стирать да гладить штаны, то лучше и не одевать их!

СТЕПАН. Это же... м-мода такая!

КИСЕЛИХА. Иех, милый, по-вашему — мода, а по-нашему — голимая лень!

СЕЛИВАНИХА. Мы сегодня ж и постираем и погладим штаны, разве в них дело!

КИСЕЛИХА. В чём же?

СЕЛИВАНИХА. Дык... в бычке и тёлочке.

КИСЕЛИХА. Вот у них и спрашиваете.

СТЕПАН. А я согласен, даже очень.

СЕЛИВАНИХА. Мой-то хотит, а вы Марьюшку уговорите, а я уж не поскуплюсь!

КИСЕЛИХА. Приходите, когда Марьюшка будет дома, с ней и толкуйте.

СЕЛИВАНИХА. А мы её подождём, спешить нам некуда...

КИСЕЛИХА. Дел у меня по горло... *(Идёт на кухню.)*

СЕЛИВАНИХА. А мы подмогнём. *(Идёт следом.)*

СТЕПАН *(оставшись один, пытается оправдаться)*. Это она — от зависти, потому что я весь — в дефиците... *(Почув-*

ствовав расположение зрителей, разговорился.) А меня уже везде знают! Когда я прихожу в гости... в гостиницу, а мне говорят, где пропадал, тебя ведь группа ждала... из Японии. А я вовсе не пропадал, а у тёти Груни был... Её свинья своих свинят подавила... Ни к чему всё это. Детёнышей давить зачем?

Селиваниха уводит Степана. Появляется сваха.

СВАХА. Селиваниха со своим припадошным уже здеся... Вздумала без свахи обойтись, сэкономить на сватовстве надумала... Дали людям волю: хлебороб в начальство пошёл, дохтура стишки пописывают, а Селиваниха, чтоб ей пусто было! — в свахи полезла! Да была б моя власть — всех бы на свой шесток рассадила! И чтоб в сторону — ни, ни! Я — не я буду, если Селиваниху на бобах не оставлю. *(Шепчет заговор.)* Как не срастись двум веткам этим *(разламывает ветку и разбрасывает)*, так не сойтись никак на свете рабе божией Марии с рабом божиим Степаном. Будьте вы, мои слова, крепки и лепки, липки и метки. Замыкаю я вас тридевятью замками, запираю вас тридевятью ключами от встречных и поперечных отныне и навечно. И нет моим словам недоговора, и нет им переговора, и не изменит их конец ни бог, ни царь и ни отец! И не видать Селиванихе Марьюшки в невестках! Я для Марьюшки... генерала засватаю! Генералы здеся есть?.. Ну, а чином помельче, может, кто жениться желает? Тогда я сама для Марьюшки жениха выберу! *(Спускается в зал, выводит на сцену желающего.)* Ты кто будешь? Чо делать умеешь: петь, плясать, стишки сказывать, а может, ишшо чего-нибудь? Покажись — не ударь в грязь, будешь князь.

При желании «жених» исполняет сольный номер. Выбегает из кухни Степан, почуяв соперника, пробует избавиться от него.

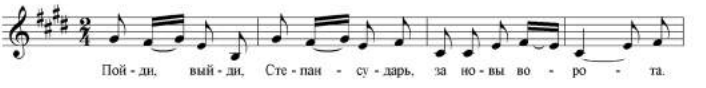
СТЕПАН. Уходите все, я буду здесь жить! Мам, прогони их!

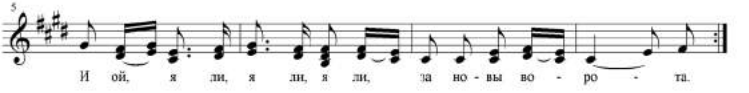
Появляется Марьюшка с вёдрами и коромыслом, за ней — подружки.

МАРЬЮШКА. А у нас — гости! *(Начинает хоровод.)*

Пойди, выйди, Степан-сударь

Пойди, выйди, Степан-сударь,
за новы ворота.
Припев: И ой, я ли, я ли, я ли,
за новы ворота.
Погляди-ка, Степан-сударь,
во чистое поле.
Припев.
В чистом поле, в синем море
девки воду носят.
Припев.
Свет-Марьюшка воду носит,
коромыслеца гнутся.
Припев.
Они гнутся, не ломятся,
с вёдер вода льётся.
Припев.
А что эти коромыслица
долго не ломятся?
Припев.
А что эти дубовы вёдра
долго не рассохлись?
Припев.
А что это Степан-сударь
долго не женился?
Припев.
Тебя, моя свет — Марьюшка,
тебя дожидался.
Припев. И ой, я ли, я ли, я ли,
тебя дожидался.





На последних словах Степан и «жених» хватают оставленные Марьюшкой вёдра и коромысло, которое оказывается над Марьюшкой.

СВАХА. Ехали мы, ехали, сто вёрст проехали, искали пару нашему соколу и тута-ка, наконец, и нашли её!

СЕЛИВАНИХА. А мы первые сюда приехали!

СВАХА. А коли первые приехали, то и первые съезжать должны.

СТЕПАН. Мам, прогони их.

СЕЛИВАНИХА. Марьюшка, доченька моя, не слушай ты эту балаболку, меня послушай, не отказывайся от счастья своего... Вот он, сынок мой, красавец писаный — суженный твой!

СВАХА. Мягко стелит кума, да жёстко спать будет. Она уже нацелилась косыньки твои повыдёргивать... Посмотри сюда, Марьюшка, на мово сокола, вот оно — счастье твоё!

МАРЬЮШКА. Да где же моё счастье, не вижу.

СВАХА. А ты подойди поближе да приглядись получше.

СЕЛИВАНИХА. Доченька моя, не гляди на того, он чужой совсем, сюда гляди на мово ненаглядного!

МАРЬЮШКА. Забижать вас не стану, ни того, ни другого, а потому — не обессудьте, ступайте по домам с богом, такие женихи дородные завсегда найдут себе ровню... Я ж — другого люблю.

При этих словах подруги Марьюшки отбирают у женихов коромысло и вёдра. Женихи расходятся. Сваха провожает своего, Селиваниха — своего.

СВАХА. Это всё Селиваниха напутала, не в своё встрела, а ты меня, меня держись, я завтра ж для тебя наибогатшую невесту засватаю. *(К Киселихе.)* Я за своего Кузьму — любую возьму, а ты со своей Маринкой — походишь по рынку!

СТЕПАН *(уходит в недоумении, показывая на свою бутылку, привязанную к дипломату)*. Мам, а с этим как же?

СЕЛИВАНИХА. Да иди ж ты, иди, наказание моё!

Оставшиеся в горнице под задумчивую мелодию напевают частушки, в которых выражают своё отношение к происшедшему.

Серый камень, серый камень,
серый камень — сто пудов,
серый камень столь не тянет,
сколь проклятая любовь.

Семь да семь — четырнадцать,
подай, дружочек, счёты,
а двоим одну любить —
какие же расчёты?

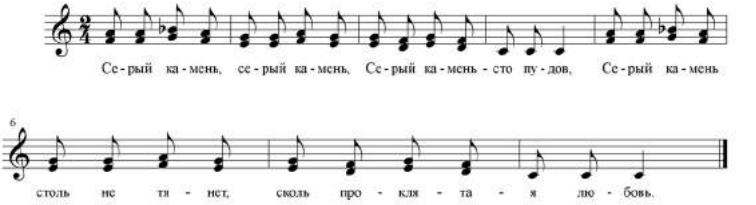
Я берёзу белую
на розу переделаю,
я сначала завлеку,
потом измену сделаю.

Ох, тучка на тучку
натучилася,
долго милого не видела —
наскучилася.

Подружка моя —
разливное море,
твой уехал, мой ушёл,
нам обоим — горе.

Ты, дороженька, дороженька,
дороженька — дугой,
не по этой ли дороженьке
уехал дорогой.

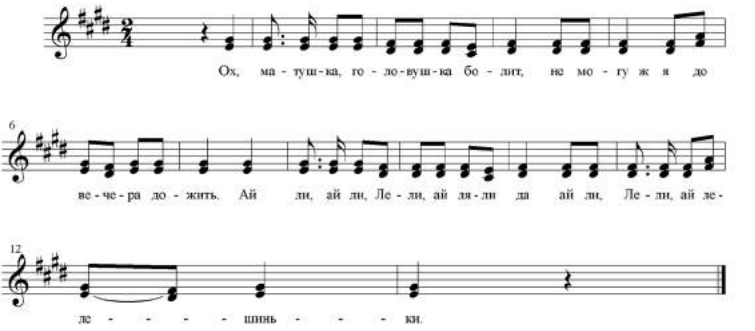
Нынче вечер и не вечер,
хоровод — не хоровод,
моего милёнка нету,
значит это — не народ!



Марьюшке недовыслушиваний намёков и укоров, все её мысли — только об Иване, который обязательно должен прийти. (Поёт.)

Ох, матушка, головушка болит

Ох, матушка, головушка болит,
не могу я и до вечера дожить.
Припев: Ай ли, ай ли, Лели, ай ля-ли да
ай ли, Лели, ай ле-лёшиньки.
Не могу я и до вечера дожить:
ко мне вечером мой милый прибежит.
Припев.
Ко мне вечером мой милый прибежит,
я Ванюше да всю правду расскажу.
Припев.
Я Ванюше да всю правду расскажу,
на улицу не ходила, не хожу.
Припев.
Полюбил меня хорошенький дружок,
подарил да он мне аленький платок.
Припев.
Дружок милый восхваляется,
меня сватать собирается.
Припев.
Мать родная не пускает — не пора,
дружка милого всё гонит со двора.
Припев.
Ох, матушка, головушка болит,
не могу я и до вечера дожить.
Припев.
Не могу я и до вечера дожить,
дружок милый меня сватать прибежит.
Припев.
А я Ваню во горницу поведу,
за хорошенького замуж я пойду.
Припев.



Песня сопровождается темпераментной пляской, общим весельем, в разгар которого появляется Иван.

ИВАН. Здравствуйте, люди добрые! Здравствуй, Марьюшка! *(Кланяется.)*

ГОЛОСА. Здравствуй, добрый молодец. Ох, и повеселимся мы! Погуляем!

ИВАН. Не веселиться пришёл — прощаться...

МАРЬЮШКА. Уезжаешь, когда?

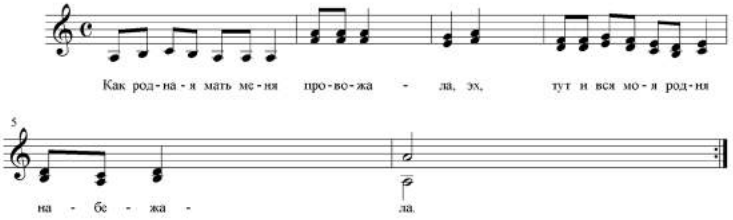
ИВАН. Сегодня, сейчас.

Опечаленная Марьюшка отходит в сторону, чтобы как-то сгладить неловкость и замешательство, Иван запевает песню.

Как родная мать меня провожала

Как родная мать меня провожала,
тут и вся моя родня набежала.
«Ох, куда ж ты, паренёк, ох, куда ты,
не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.
В Красной Армии штыки, чай, найдутся,
без тебя большевики обойдутся.
Поневоле ты идёшь аль с охоты,
Ваня, Ваня, пропадёшь ни за что ты!»
«Как дела теперь пошли — любо-мило,
сколько сразу нам земли привалило!»
«С молодой бы жил женой, не ленился...»
«Тут я матери родной поклонился,
поклонился всей родне у порога:

«Не скулите вы по мне, ради бога!
Если б были все, как вы — ротозеи,
чтоб осталось от Москвы б, от Расеи?
С Красной Армией пойду я походом,
смертный бой я поведу с барским сбродом!»



КИСЕЛИХА. Ну, коли так, Иванушка, то возвращайся с богом.

ИВАН. Спасибо Вам на добром слове, и сами оставайтесь здоровы.

КИСЕЛИХА. Дай бог, дай бог.

ИВАН. Свашенька, ты у нас — самый нужный человек в округе... Вернусь — пулей к тебе примчусь! Уважишь мою просьбу?

СВАХА. А это уж видно будет.

ИВАН. Соседушка, при всём честном народе винюсь перед тобой: сколько живу на белом свете, а вкусней огурцов, чем с твоей грядки, не едал.

СОСЕДКА. А, так вот кто мои грядки зорил!

ИВАН. Придётся гостинцем откупиться. *(Ко всем.)* Как только вернусь, непременно созовём всех на свадьбу. *(Подходит к Марьюшке.)* Созовём?

Гости с песней «Как родная мать меня провожала», приплясывая, покидают на время горницу, давая возможность проститься Ивану с Марьюшкой.

ИВАН. Если ты будешь ждать меня очень, со мной ничего не случится.

МАРЬЮШКА. Тебя никто, никто не сможет ждать, как я.

ИВАН. Я вернусь, я обязательно вернусь! *(Прощается и быстро уходит.)*

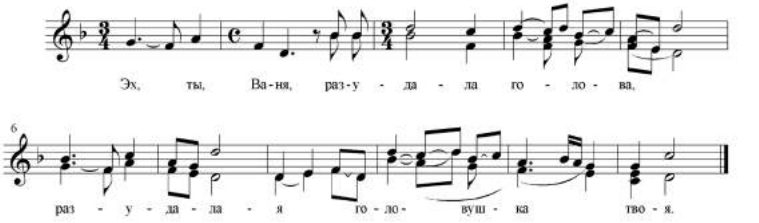
МАРЬЮШКА *(горе своё выражает песней, возвратившиеся подруги утешают её).*

Эх ты, Ваня, разудала голова

МАРЬЮШКА. Эх, ты, Ваня, разудала голова,
разудалая головушка твоя.
Сколь далече отъезжаешь, Ваня, от меня?
На кого ты спокидаешь, друг, меня?
С кем я буду это лето, ох, летовать?
Ох, с кем прикажешь эту зиму зимовать?

ХОР. Гуляй, гуляй, гуляй, лапушка, ты одна,
без милого, ох, да без Ванюшки, ох, без дружка.

МАРЬЮШКА. Голубчик мой, что ж ты сделал да со мной?
Ты оставил меня горькой сиротой!



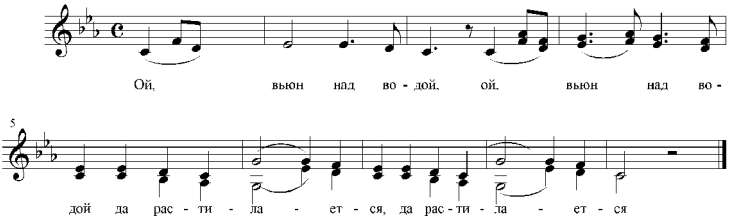
ПОДРУГА. Всё будет хорошо, вот увидишь. Вернётся твой милый, и в твои двери постучат желанные гости - сваты от любимого дружка.

Звучит финальная свадебная песня, как утешение, как мечта.

Ой, вьюн над водой

Ой, вьюн над водой, ой, вьюн над водой
да растилается,
ой, зять у ворот, ой, зять у ворот
да увивается.
Он просит свой дар, он просит свой дар —
свою сужену, свою ряжену.
Выносят ему, выносят ему
да сундук кованый.
Не мой это дар, не мой это дар,
не моя суженая, не моя ряженая.
Выводят ему, выводят ему
да красну девицу.

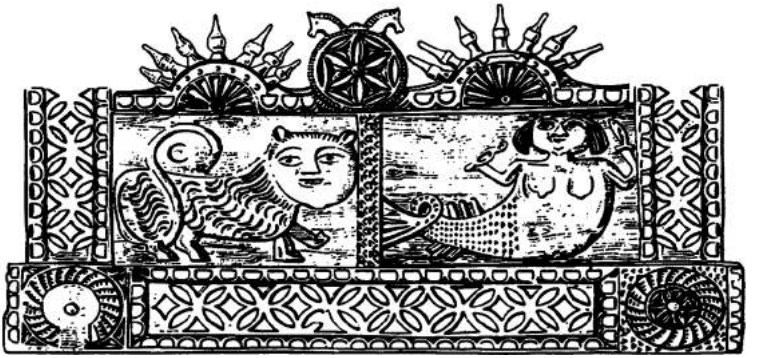
Вот это мой дар, вот это мой дар,
да моя сужена, да моя ряжена,
Ой, вьюн над рекой, ой, вьюн над рекой
растилается. *(Уходят в разные стороны.)*



КОНЕЦ.

СПИСОК ПЕСЕН

«Слышно ль тебе, да Иванушка» (закличка) — р.н.п.
«За рекой за быстрою» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Доверяться ль апрельскому солнышку» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Куплеты свахи» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Тяжело сынка родить» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Неделька» — слова Б. Терещенко, музыка народная.
«Пойди, выйди, Степан-сударь » — р.н.п. (хороводная).
«Ох, матушка, головушка болит» — р.н.п. (плясовая).
«Как родная мать меня провожала» — слова Д. Бедного, музыка народная.
«Эх ты, Ваня, разудала голова» — р.н.п.
«Ой, вьюн над водой» — р.н.п. (свадебная).



Неверность

Народная драма в одном действии, в двух картинах.

Действующие лица:

МАРЬЮШКА — русская красавица.

ЖЕЛТОРЫЛОВ СЕРАФИМ ЕРМИЛЫЧ — местное начальство.

СВАХА.

НИКИТИЧНА — деревенская всезнайка и сплетница.

ПЕЛАГЕЯ — деревенская искусительница.

КИСЕЛЬ — мужчина средних лет.

КИСЕЛИХА — его жена.

ИРИНА МАТВЕЕВНА — побирушка.

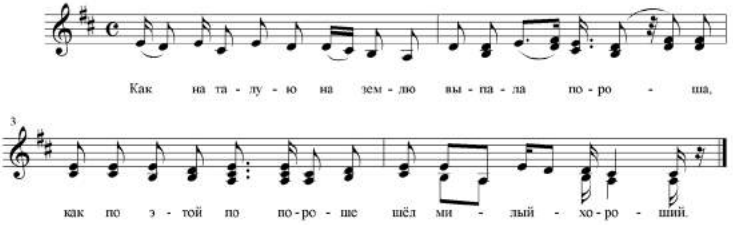
МОЛОДКИ, БАБЫ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Жизнь деревенская — вся на виду. Все знают обо всех почти всё. Но и среди сельчан есть такие, которые в этом деле всем остальным фору дают. Такова Никитична, деревенская всезнайка и самогонщица. Вот и сейчас многие бабы ещё наполовину с хозяйством не справились, а у Никитичны уже припасена новость, да такая, что моченьки нет, чтобы не поведать о ней всему селу. Баб вокруг Никитичны — словно ос вокруг пряника. И новость уже приобретает песенные крылья.

Как на талую на землю

Как на талую на землю
выпала пороша,
как по этой по пороше
шёл милый-хороший.
Как по этой по пороше
шёл милый-хороший,
не путём шёл, не дорогой —
чужим огородом.
Не путём шёл, не дорогой —
чужим огородом,
чужим, чужим огородом,
чужою межою.
Чужим, чужим огородом,
чужою межою...
Он срывает, он щипает
аленьки цветочки...



Прыснув от смеха, все разбегаются. Сваха, вдалеке завидя начальство — Желторылого Серафима Ермилыча, задерживается и «неожиданно» попадается ему на глаза.

СВАХА. Здравствуйте, Серафим Ермилыч.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Здорова будь. *(Обое медленно разминаются.)* Эй... послушай-ка. *(Оглядывается.)* Живёшь как?

СВАХА. Ой-ёй — как трава при дороге: кто ни пройдёт, тот и скубнёт... Женщина я слабая, беззащитная...

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Нуждаешься в чём?

СВАХА. Ой, Серафим Ермилыч, так нуждаюсь, так нуждаюсь...

ЖЕЛТОРЫЛОВ. В чём же?

СВАХА. А во всём!

ЖЕЛТОРЫЛОВ *(окинув оком богато одетую Сваху)*. Ох, хитра же, бестия!

СВАХА. Грех Вам надсмехаться надо мной. Одному богу известно, как я, горемычная, маюсь. Не живу — мучаюсь: и сердечушко моё изнывает, и ноженьки не ходют совсем, а головонька — будто чугуном налитая... А кругом — нужда: того нет, это кончилось, в доме — холодно...

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Так, может, угольку подбросить...

СВАХА. Ага, ага — угольку! А уж я для вас — постараюсь...

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Постараюсь... И как это ты — постараешься?

СВАХА. Будто сами не знаете... Поди уж год вдовствуете... Неужели сударушку не желаете в дом ввести... или кого другого по хозяйству подсобить? Без женских рук — никак нельзя!

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Языки у вас длиньше рук, а руки ваши — загребущи!

СВАХА. Что правда, то правда: баба расходов требует — так уж испокон веков ведётся.

ЖЕЛТОРЫЛОВ. С вами только свяжись — на весь мир ославите.

СВАХА. Грех Вам, Серафим Ермилыч, и говорить и думать про меня такое. За других баб не скажу, а у меня тайное слово с губ и за чаркой не сорвётся, и во сне не выпорхнет. На то я и Сваха — чтобы чужие тайны за высоким забором, за тремя замками, за семью печатями хранить!

ЖЕЛТОРЫЛОВ. Ну так вот тебе моё слово: сговоришь за меня Марьюшку — озолочу. Всё! *(Уходя.)* А угольку тебе — завтра ж велю подбросить.

СВАХА. Спасибоньки, Серафим Ермилыч, Вы меня, меня держитесь, а уж я — постараюсь... *(Плюёт вослед ушедшему Желторылому, подкараулив Марьюшку, выходит на встречу ей.)*

СВАХА. Здравствуй, моя красавица!

МАРЬЮШКА. Здравствуйте. *(Пытается пройти мимо.)*

СВАХА. И чем я тебе, Марьюшка, не угодила, что сердишься на меня?

МАРЬЮШКА. И вовсе я не сержусь... Чего сердиться-то?

СВАХА. И то правда... Я ведь, голубушка, завсегда только добра, только счастья тебе желаю. Вот гляжу я на тебя — сердце кровью обливается: бледненькая ты стала, тихая. А если в девках грустить, то в бабах — тем более не навеселишься. Все мы, бабы — одинаковые: убиваемся по мужику, а он, может, и мизинца нашего не стоит; сохнем-вянем по нём, а он, может, в это время другую обхаживает. Все они — я б тебе сказала кто — да уста за ради них не хочу поганить! А жить, Марьюшка, надобно умеючи...

МАРЬЮШКА. Мне нужно идти.

СВАХА. А иди, иди, сердечная, да только знай: видели твово Ивана.

МАРЬЮШКА *(вспыхнула)*. Кто? Где? Когда?

СВАХА. Командиром он теперича заделался и, сказывают, в село ему уже путь заказан.

МАРЬЮШКА. Как же так... он же...

СВАХА. Командирам простых жён брать не велено: оскандалить могут в один момент, а им, командирам в скандале ходить никак нельзя.

МАРЬЮШКА. Я ведь...

СВАХА. Да ты, сладенькая моя, не горюй, мы — тоже не лыком шиты! Только скажи одно слово мне — и я для тебя такого соколика засватаю — всем на зависть! Да ты знаешь, что такое «сваха»? Сваха — всё могёт! Ни бог, ни чёрт на такое не способен! Хотишь, я тебя начальницей сделаю, все бабы пред тобою мелким бесом запляшут... Только скажи одно слово мне...

МАРЬЮШКА. Никого, ничего мне не надо!

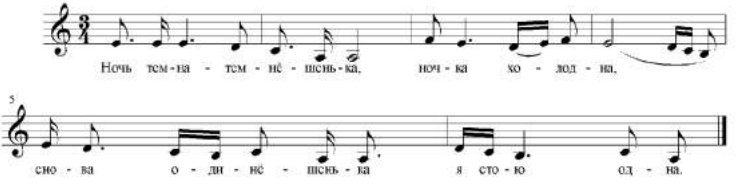
СВАХА. Тебе, может, и видней, да только знай: свет не на

тебе одной клином сошёлся. Свято место пусто не бывает. Сама посуди: вчера ишшо женихов довольно было, сегодня — можно и в дамки попасть, а завтра — может, вообще никого! Эх, да была б у меня дочь, да разве ж я тута-ка с тобой время теряла?! Ох, до чего же неразумная холостёжь нынче пошла! Да в твои бы годы, да такой жених мне — по снегу, по уголью... босиком пошла бы! Руками, зубами вцепилась бы, суперниц бы всех — раскидала, растоптала б!!! *(Опомнившись.)* О господи, прости мою душу грешную... Запомни, Марьюшка, три дня тебе сроку даю. *(Уходит.)*

Марьюшка в оцепенении застывает на месте. Поёт.

Ночь темна-темнёшенька

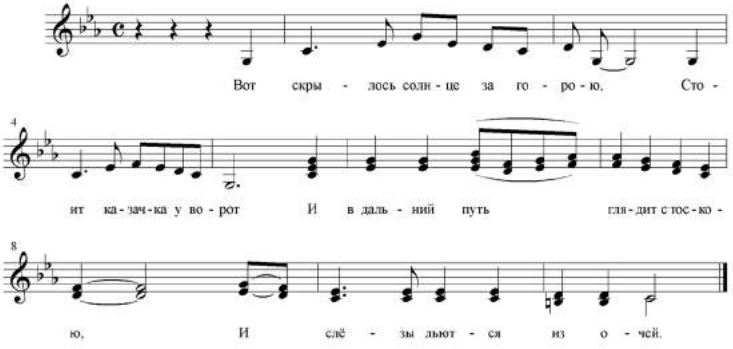
Ночь темна-темнёшенька,
ночка холодна,
снова одинёшенька
я стою одна.
Я ли не охотница
жить с людьми в ладу,
я ли не работница
в летнюю страду.
От работы спинушка
до сих пор болит,
лучина, моя лучинушка
не ясно горит.
Милые родители,
Сваха и родня,
вы меня замучили,
извели меня.
Ох, тоска-кручинушка,
как сердце болит,
лучина моя, лучинушка
не ясно горит.



Появившиеся женщины сочувствуют Марьюшке всей душой. Поют.

Вот скрылось солнце за горою

Вот скрылось солнце за горою,
стоит казачка у ворот
и в дальний путь глядит с тоскою,
и слёзы льются из очей.
О чём, о чём, казачка, плачешь,
о чём, голубушка, грустишь?
Одна, одна печаль-кручина —
велят мне милого забыть.
И вот в станицу едут сваты,
не милый едет, а другой,
возьмёт постылый и богатый,
и будет звать своей женой.
Расчешут косу мне густую,
проводят с песней под венец.
Зачем девчонку молодую
ты в дом чужой отдал, отец?



СВАХА *(нашёптывая женщинам)*. Марьюшка-то, поди, скоро большим человеком станет.

1 ГОЛОС. Как же так?

СВАХА. А Серафим Ермилыч — первый человек в округе.

2 ГОЛОС. Неужто — сам Серафим Ермилыч?!

СВАХА. Сам, сам.

МАРЬЮШКА. Глупости всё это...

НИКИТИЧНА. А я бы за Серафима Ермилыча, не будь у меня Евлампия, с превеликим удовольствием пошла. Эх, бабы! Ну что мы в жизни видели с вами? Да и что с нас возьмёшь: ни обхождения культурного, ни слов книжных — никакой завлекательности, только «да» или «нет». Скушно... Я вот давеча кино смотрела... мудрено как-то называется... ну да ладно, я ведь что хочу сказать, как некоторые люди умеют жить, которые богатые или учёные шибко, артисты, конешно, а ишшо начальство да ишшо, может, кто — за всеми не уследишь! Так вот в кино фифочку показывали: уж такая тонкая — думаю, не дай бог, нагнётся — переломится ведь... А платье на ней — и невдомёк, как и держится, ножки точёные, а обувка — как у ребятёночка махонькая... Идёт — качается... А обхождение-то с ней, бабы: «Чего изволите? Велите принести!» А она: «Того не хочу, этого не желаю, несите шоколаду-мармеладу и вина-шампанского!» И враз — как по щучьему велению — всё на колёсиках и подвезли. Ешь, пей, сколь хошь! А станет скушно, её самоё отвезут, куда глаза глядят... А ежели, к примеру, объешься или обопьёшься или какая другая хворь приключится — быстрёхонько на курорт доставят поправлять подорванное здоровьечко. А тама-ка разнагишают и макать станут и в грязь, и в ванну, и под токи сажать, и промывать со всех сторон... Всё за тебя сделают!

2 ГОЛОС. Поди, так-то — скушно?

НИКИТИЧНА. А танцы для чего? Кавалеров тама-ка — тьма-тьмущая, выбирай, кого душа пожелает.

1 ГОЛОС. Так чё, оне в лавках продаются, что ль? И сколько стоют?

НИКИТИЧНА. А ничего! В подобном деле особая выучка требуется, одним словом, женские хитрости. Ну, вот, к примеру, надо стать скромненько — у всех на виду — и томненько поглядывать на всех без разбору. Кто-нибудь обязательно клюнет. Подбежит, поинтересуется: «Скучаете?» Глазами своими стрельнёшь изо всей силы и дрожащим голосом жалобно пропоёшь: «Скучаю». «Может, станцуем?» Сделаешь одолжение, пойдёшь... Мало-помалу, мало-помалу и — расшевелишься, и вот уже всё в тебе — ходуном ходит, а вокруг — на три метра — только ноги и видно! А ежели ноги в танцах вдруг повредишь — поезжай ипеть уже на другой курорт.

Женский пол — народ коварный, от самой близкой подруги жди беды; что другое, а отбивать женихов они умеют. Сваха столько наговорила Марьюшке о мужской неверности, а ей уже поверилось в измену её Ивана.

Страдания

МАРЬЮШКА.

Ох, мне сказали об измене
изменил мне дорогой.
Ох, и теперь сидит мой милый
возле девушки другой.

ХОР.

Цветут цветочки-венчики,
а парни все изменщики.

ПОДРУГА.

Что ты, Марьюшка, приуныла,
голову повесила,
а может, в Ванином сердечке
что-нибудь заметила?

ХОР.

Ох, и давно уж не секрет,
что у парней-то сердца нет.

МАРЬЮШКА.

Ох, а ты, Аннушка, хитра,
хитрее тебя не было,
сказала Ваню ты не любишь,
зачем же к нему бегала?

ХОР.

Не спали мы, а маялись,
всю ночь собаки лаяли.

ПОДРУГА.

А я не к Ванечке ходила,
у околицы была,
а он ишёл к тебе прощаться,
повстречал он вдруг меня.

ХОР.

Ох, распроклятую подружку
надо в бане запереть,
да на железный на пробой,
чтобы не шла на перебой.

ПОДРУГА.

Ах, дорогие девушки,
не бойтеся изменушки.
Ох, тяжело только бывает
первых две неделюшки.

ХОР.

Ох, эти парни рыжие,
глаза у них бестыжие.

МАРЬЮШКА.

А вы разрежьте моё сердце,
поглядите на него,
ох, не белее сердце сажи,
это всё из-за него.

ХОР.

На горе мы рождаемся,
зачем в парней влюбляемся.

ДУЭТ.

Ох, отбивай, подружка, Ваню,
всё равно не завладеть,
ох, он с тобою рядом сядет,
на меня будет глядеть.

ХОР.

Ох, на окошке два цветочка
туда сюда гнутся,
тебе не сорок пять годочков,
женихи найдутся.

Марьюшка и Аннушка расходятся в разные стороны. Появляется Киселиха, вид у неё озабоченный, растерянный.

1 ГОЛОС. Уж не мужика ли свово посеяла?

КИСЕЛИХА. А вы, случай, не видели? Ну, как в воду канул... Ой, да я ишшо на речке не была. *(Убегает.)*

2 ГОЛОС. Мужика нонче днём с огнём не сыщешь.

НИКИТИЧНА *(вдогонку)*. Под бабьим подолом поишши!

3 ГОЛОС. А ты чего насмехаешься над сердешной, с дедом, может, и вправду беда приключилась.

НИКИТИЧНА. Да у Пелагеи он!

4 ГОЛОС. Вот те раз!

5 ГОЛОС. Быть того не должно.

НИКИТИЧНА. Да я сама видела, как Пелагея пускала его в дом свой.

6 ГОЛОС. Срам-то какой... Добрые люди в армии, а он, кобелина, по бабам шастает.

7 ГОЛОС. Седина — в голову, бес — в ребро!

3 ГОЛОС. И Пелагея хороша: ни стыда, ни совести!

6 ГОЛОС. Бабы, да неужто мы потерпим такое непотребство?!

7 ГОЛОС. Хоть бы одного проучить: не смеши людей, не измывайся над семьёй, не лазь в чужой огород!

6 ГОЛОС. Вы — как хотите, а я это дело так не оставлю. Киселиха — подруга мне.

4 ГОЛОС. А эта Пелагея и мово мужа зазывала, ехидина!

6 ГОЛОС. И мово!

7 ГОЛОС. И мово!

6 ГОЛОС. Айда, бабы, крушить срамников!

4 ГОЛОС. Проучить, проучить — хорошенько проучить!

7 ГОЛОС. Вооружайтесь все. Час расплаты настал. Уперёд!

Бабы мечутся в поисках «орудий расплаты», криком и бранью всё более вводя себя в раж. Вооружившись палками, мётлами, ухватами, чем попало, уходят через зал к дому Пелагеи.

Картина вторая

Дом Пелагеи. Хозяюшка, напевая, готовит ужин. На столе пыхтит самовар, в чайнике клубятся травы душистые, на столе пышат жаром шанешки, исходит ароматом малиновое варенье.

ПЕЛАГЕЯ. На дубу сидит ворона,
кормит воронёночка,
у какой-нибудь разини
отобью милёночка.

КИСЕЛЬ *(появляясь)*. Да, банька у тебя, Пелагеюшка, хорошистая. Косточки все поют.

ПЕЛАГЕЯ. Банька моя кого хошь омолодит!

КИСЕЛЬ. Баня — вторая мать.

ПЕЛАГЕЯ. Просим за стол. Вот — сюда. *(Усаживает.)* Чичас, чичас! *(Достаёт тёплые носки, надевает.)* Вот так-то лучше! *(Выставляет на стол бутылку.)*

КИСЕЛЬ. Ты, Пелагеюшка, не беспокойся...Сама садись.

ПЕЛАГЕЯ *(садясь и вскакивая)*. Я вот ишшо вареньица чернишного достану. А Вы поначалу малинишного пробуйте! *(Приносит варенье.)*

КИСЕЛЬ *(блаженствуя, пьёт чай)*. Ты, Пелагея, — баба умная, всё понимаешь, чего мужику надобно. А што ему надобно? Перво-наперво — уважение, и ни от кого иного — как от евойной бабы. Без женского уважения мужика нету-ти! Обратно же, и баба, которая, значит, своего мужика ублажить не способна, это уже не баба, а сатана в юбке! Вот што я тебе скажу!

ПЕЛАГЕЯ. Был бы у меня мужик, он бы, как сыр в масле, катался. *(Поёт.)*

Миленький ты мой

Миленький ты мой,
возьми меня с собой,
там, в краю далёком,
назовёшь меня женой.

КИСЕЛЬ *(поёт)*.

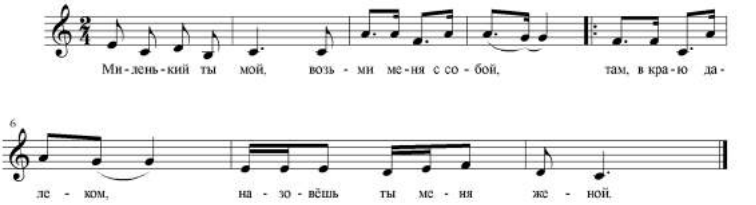
Милая моя,
взял бы я тебя,
но там, в краю далёком,
есть у меня жена.

ПЕЛАГЕЯ.

Миленький ты мой,
возьми меня с собой,
там, в краю далёком,
назовёшь меня чужой.

КИСЕЛЬ.

Милая моя,
взял бы я тебя,
но там, в краю далеком,
чужая ты мне не нужна.



Пелагея, как говорят, «заходит с другого бока» — берёт балалайку и лихо играет, рассыпая дробушечки, напевая частушки. Кисель тоже пускается в пляс.

ПЕЛАГЕЯ.

На дубу сидит ворона,
кормит воронёночка,
у какой-нибудь разини
отобью милёночка.
Говорят, я боевая,
боевая, так и есть,
нынче тихие не в моде,
боевым — большая честь.
Про меня про боевую
бабы что ни говорят,
у меня ж от разговоров
щёчки ярче лишь горят!
Почему же не плясать,
почему не топнуть,
неужели от меня
половицы лопнут.
Балалаечка, гуди
хоть до самой до зари,
с кем я ноченьку гуляла,
никому не говори!

Слышится шум в сенях. Кисель прислушивается.

КИСЕЛЬ. Мне почудилось штой-то...

ПЕЛАГЕЯ *(прислушивается)*. Это подсвинок кобенится, угомону на него нет!

КИСЕЛЬ. Какой подсвинок — человек шебуршится! *(Забегал.)* Куда мне ?

Пелагея прячет Киселя в сундук. Появляется побирушка Ирина Матвеевна.

ИРИНА МАТВЕЕВНА. Ой-ёй, хозяюшка! Ничего не вижу, ничего не слышу!

ПЕЛАГЕЯ. Чо случилось?

ИРИНА МАТВЕЕВНА. Кобель на меня напал, разул, раздел, еле отбилась.

ПЕЛАГЕЯ. Не будешь шастать по чужим подворьям.

ИРИНА МАТВЕЕВНА. Подай Христа ради.

ПЕЛАГЕЯ. Нет у меня ничего. Вот чайку испей и уматывай!

ИРИНА МАТВЕЕВНА. А я в сеночках требушиночку завидела, завидела...

ПЕЛАГЕЯ. Ох, господи! Отрежу тебе требушиночки — и чтоб духу твоего не было!

Пелагея уходит в сени за требушиночкой, Ирина Матвеевна присаживается за стол, прячет в торбу снедь со стола, оглядывается, замечает, что из сундука торчит обутка, которую можно приспособить к её разутой ноге. Схватив обутку, Ирина Матвеевна вдруг видит руку, высунувшуюся из сундука, чтоб заполучить обутку обратно.

ИРИНА МАТВЕЕВНА. Свят, свят, свят! *(В ужасе убегает.)*

Вернулась Пелагея, но не успевает выпустить Киселя, потому что в доме, тяжело дыша, появляются бабы.

ПЕЛАГЕЯ. Сюда нельзя!

I ГОЛОС. А мы к тебе в гости, соседушка.

ПЕЛАГЕЯ. Не до гостей мне — болею, да и поздно уж.

НИКИТИЧНА. Правда твоя, Пелагеюшка, болеешь, вон и лекарством призапаслась. *(Кивает на стол и сундук.)*

ПЕЛАГЕЯ. Глаза у тебя, Никитична, — ишшо хуже языка! *(Ко всем.)* Ну, чего не видели? Выметайтесь отседова! А не то — кобеля спушшу!

3 ГОЛОС *(начинает хитрить)*. Да ты не кипятись, Пелагая, мы всего навсего и забежали к тебе, штобы промолвить одно лишь словечушко.

ПЕЛАГЕЯ. Никаких словечушков: ни слова, ни полслова — вот вам мой сказ!

4 ГОЛОС. Ну, хоть чайку хлебнуть дай — в горле пересохло... В баньку, знаю, всё равно не пригласишь.

5 ГОЛОС. Сёдни чай не суббота, а баня растоплена, к чему бы это?

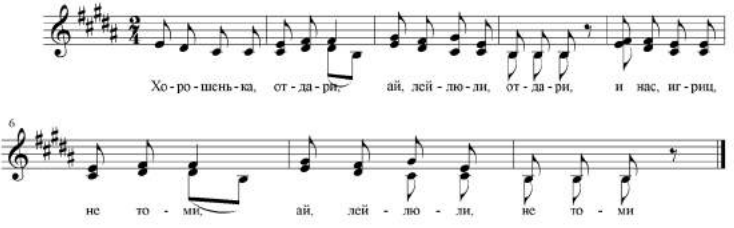
ПЕЛАГЕЯ. Тебя не спросила. Уходите, а то — за себя не ручаюсь!

6 ГОЛОС. Неполюдски так-то, Пелагеюшка, гостей встречать... Хошь бы пряничком угостила.

С пением женщины начинают хороводную игру вокруг Пелагеи.

Хорошенька, отдари

Хорошенька, отдари, ай, лей-люли, отдари,
и нас, игриц, не томи, ай, лей-люли, не томи,
игриц нас немножечко, ай, лей-люли, немножечко —
сорок игриц с игрицей - со красной девицей!
Ты нас, игриц, не г они, ай, лей-люли, нас пойми,
кто-то лазил в огород, ай, лей-люли, в огород,
всю капусту повредил, ай, лей-люли, повредил,
на дорожках наследил, ай, лей-люли, наследил,
по следам тем мы идём, ай, лей-люли, мы идём
и капустника найдём, ай, лей-люли, мы найдём.

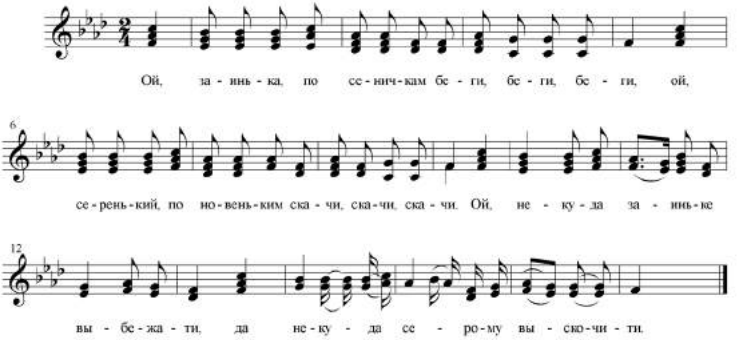


Пелагея пытается заслонить собой сундук, но полукольцо женщин всё больше смыкается над ним.

Ой, заинька, по сеничкам

Ой, заинька, по сеничкам
беги, беги, беги,
ой, серенький, по новеньким
скачи, скачи, скачи.
Ой, некуда заиньке
выбежати,

да некуда серому
выскочити.
Как в горенке было
да трое дверей,
да трое дверей, да призапертых,
Кто зайку на волю
да выпустит,
кто серенького,
ой, да вызволит?



В комнату вбегает Киселиха, ведомая Ириной Матвеевной, которая показывает на сундук.

КИСЕЛИХА *(обнаружив Киселя в сундуке)*. Дома я с тобой за всё расшитаюсь! *(Закрыв крышку сундука, тянет его к выходу.)*

ПЕЛАГЕЯ *(уцепившись за сундук)*. Это мой сундук!

КИСЕЛИХА *(тянет к себе)*. Это мой мужик!

КИСЕЛЬ *(вылезая из сундука)*. С ума спятили бабы! Ну, ведь ничего ж не было, окромя малинишного варенья!

Киселиха обращается к женщинам — к женсовету за помощью.

Кисель пытается исчезнуть, но его садят на лавку и приставляют караульщицу с ухватом. Идёт заседание «женсовета».

Заседанье женсовета

КИСЕЛИХА.

Что должна я делать, люди? Помоги мне, женсовет.

Что со мною теперь будет, кто на это даст ответ?
Получите заявленье, что мой муж такой-сякой,
он в святое воскресенье, ох, от меня ушёл к другой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Заседанье женсовета
разрешите здесь открыть,
поведение соседа
надо всем нам обсудить,
чтобы было не повадно
для подобных бегунцов,
надо всех вернуть обратно
потерявших стыд отцов.

1 ГОЛОС.

Ой, подружка дорогая,
сей вопрос совсем не прост,
ведь иной шустряк, бывает,
улетит, за тышу вёрст
и в такую тишь заляжет
затаится, словно мышь,
облик свой изменит даже,
за таким не уследишь!

КИСЕЛЬ.

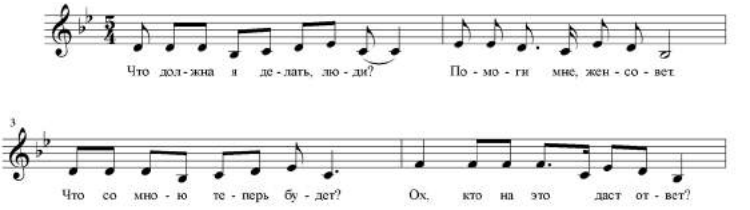
На собраньи заклевали
из-за всяких пустяков,
много воли бабам дали,
вот и судят мужиков!

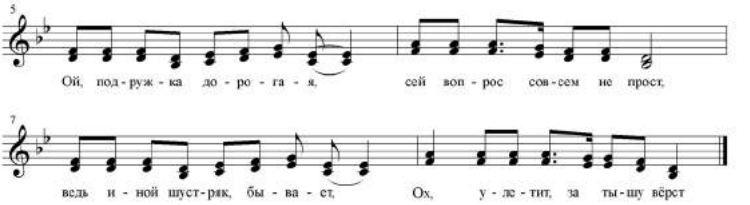
КИСЕЛИХА.

Тебе лучше помолчать бы, если рыльце всё в пушку,
таких надобно топить бы или вешать на суку!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Распорядок женсовета надо строго соблюдать,
подсудимому ведь надо, ох, по закону слово дать.

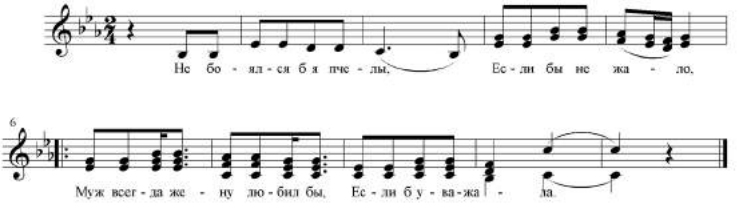




Кисель пытается оправдаться с помощью песни.

Не боялся б я пчелы

Не боялся б я пчелы,
если бы не жало,
муж всегда жену любил бы,
если б уважала.
Скрипка б не играла,
если бы не смычок,
муж свою жену не бил бы,
если бы не язычок.
Муж свою жену не бил бы
в сердцах чем попало,
если бы в дела мужские
свой нос не совала.
Пусть запомнят бабы крепко,
чтоб в делах не мешкать,
что мужик на этом свете —
это вам не пешка! *(Уходит важно.)*



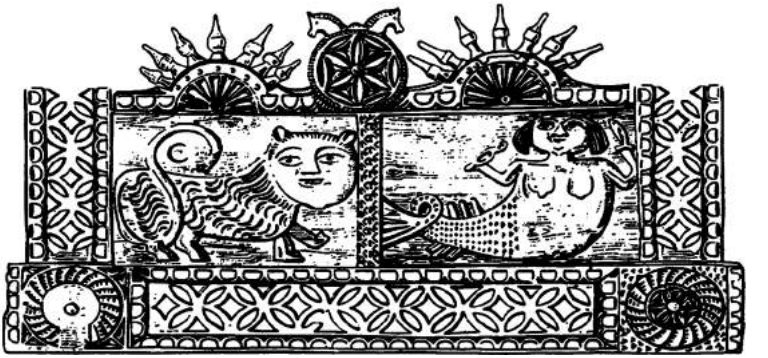
ВСЕ.

Ведь мужик на этом свете — это вам не пешка,
ведь мужик на этом свете — это вам не пешка!

СПИСОК ПЕСЕН

«Как на талую на землю» — р.н.п.
«Ночь темна-темнёшенька» — р.н.п.
«Вот скрылось солнце за горою» — р.н.п.
«Страдания» — сл. Народные, муз. обработка Левашова и Калинина.
«Миленький ты мой» — р.н.п.
«Хорошенька, отдари» — р.н.п.
«Ой, заинька, по сеничкам» — р.н.п.
«Заседанье женсовета» — слова, музыка в обработке Б. Терещенко и В. Терещенко.
«Не боялся б я пчелы» — авторизованный перевод с украинского Б. Терещенко, музыка народная.

КОНЕЦ.



Солдатки

Народная драма в одном действии, в двух картинах

Действующие лица:

КИСЕЛЬ — мужик средних лет.
КИСЕЛИХА — его супруга.
МАРЬЮШКА — их дочь.
НИКИТИЧНА — деревенская всезнайка и самогонщица.
ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ — её муж.
ИРИНА МАТВЕЕВНА — попрошайка.
МОЛОДКИ, БАБЫ.

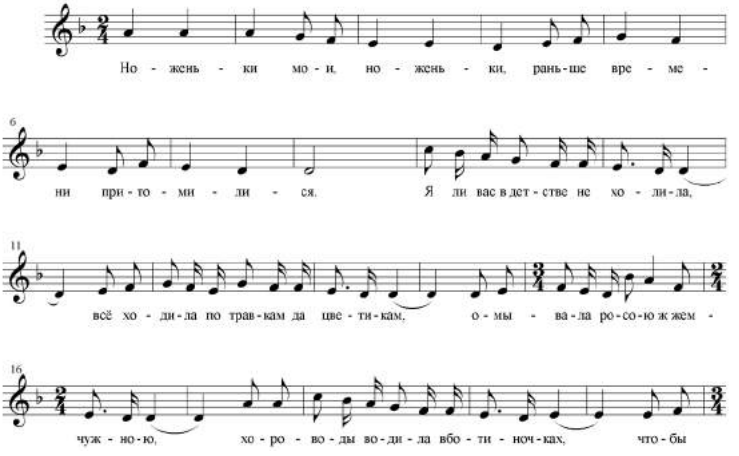
Действие происходит в сибирском селе в годы войны.

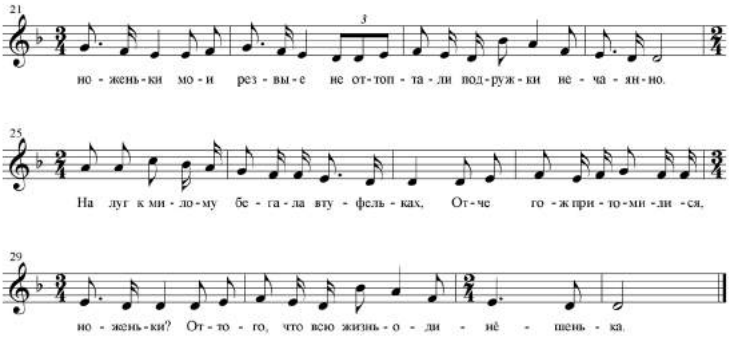
Глубинная сибирская деревенька на берегу могучего Енисея. Обычно по вечерам у колодца собираются бабы, может быть, не столько ради воды, сколько обменяться новостями, найти поддержку друг у друга в тяжёлою военную годину. К колодцу приближается немолодая сгорбленная женщина с деревянным ведром и батожком, присаживается на лавку перевести дух.

1 ГОЛОС. Ох-хо-хо, без передышки уже и до колодца не дойти. *(Поёт.)*

Ноженьки мои, ноженьки

Ноженьки мои, ноженьки,
раньше времени притомилися...
Я ли вас в детстве не холила,
всё ходила по травкам да цветикам,
омывала росою жемчужною;
хороводы водила в ботиночках,
чтобы ноженьки мои резвые
не оттоптали б подружки
нечаянно;
на луг к милому бегала
в туфельках...
Отчего ж притомилися, ноженьки?
Оттого, что всю жизнь —
одинёшенька.





2 ГОЛОС. Притомилась, сердешная, аль спешить некуда?

1 ГОЛОС. Куда спешить, вчерашнее не вернёшь, а завтрашнего не догонишь.

2 ГОЛОС. И то верно: сколько дён позади, сколько впереди...

1 ГОЛОС. Позади-то дён много осталось, а впереди — может, и совсем ничего: времечко-то нынче военное, не шибко разживёшься.

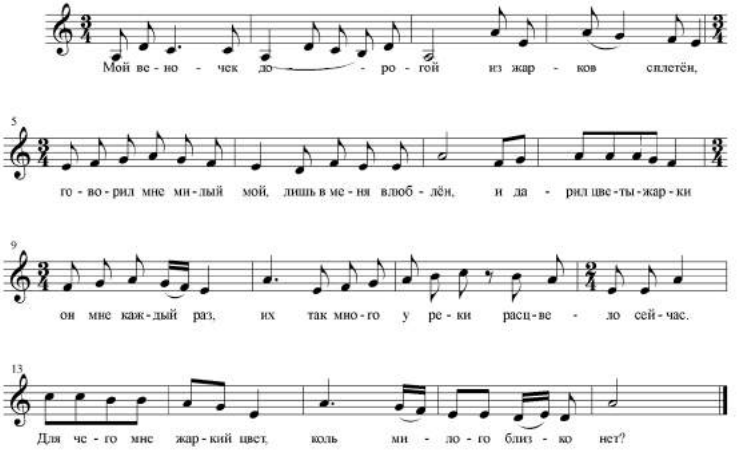
С грустью о любимом, уехавшем в армию, к речке приходит Марьюшка.

МАРЬЮШКА.

Енисей — моя судьба

Мой веночек дорогой
из жарков сплетён,
говорил мне милый мой,
лишь в меня влюблён,
и дарил цветы-жарки
он мне каждый раз,
их так много у реки
расцвело сейчас.
Для чего мне жаркий цвет,
коль милого близко нет?
Енисей — моя судьба,
Енисеюшка,
как сниму венок со лба

да с лева ушка,
в руку правую возьму
венок девичий,
кину в встречную волну,
напеваючи:
если верен мне жених,
то веночек мой верни.

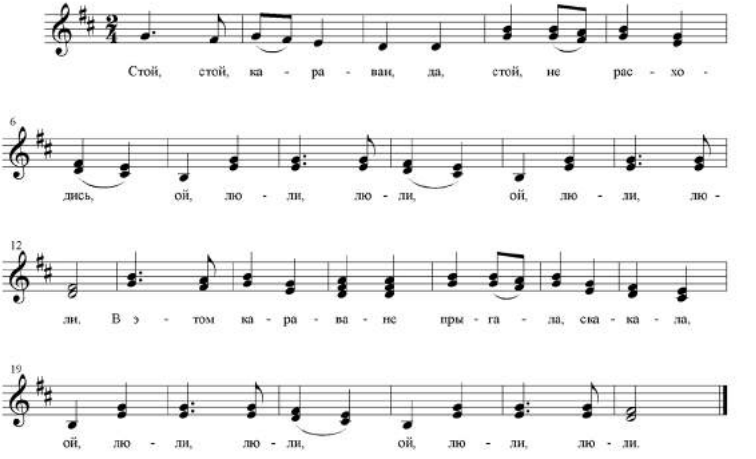


Марьюшка проходит мимо колодца, а к нему уже тянется целый хоровод

Стой, стой, караван

Стой, стой, караван, да,
стой, не расходись,
ой, люли, люли, ой, люли, люли.
В этом караване
прыгала, скакала,
ой, люли, люли, ой, люли, люли.
Прыгала, скакала,
вьюна потеряла,
ой, люли, люли, ой, люли, люли.
Вьюн ты мой, вьюночек,
ясный да соколочек,
ой, люли, люли, ой, люли, люли.
Погодушка свищет,

черноброву ищет,
ой, люли, люли, ой, люли, люли.
Маша черноброва.
любила иного,
ой, люли, люли, ой, люли, люли.
Любила иного, парня молодого,
ой, люли, люли, ой, люли, люли.
Стой, стой, караван,
стой, не расходись,
ой, люли, люли, ой, люли, люли.



Окончив хоровод, женщины рассаживаются, поставив перед собой вёдра.

3 ГОЛОС *(к рядом сидячей)*. Сердце сжимается, на Марьюшку глядючи!

Марьюшка подходит к женщинам и запевает песню-плач, которую все подхватывают.

Как сбирались к реке Енисею

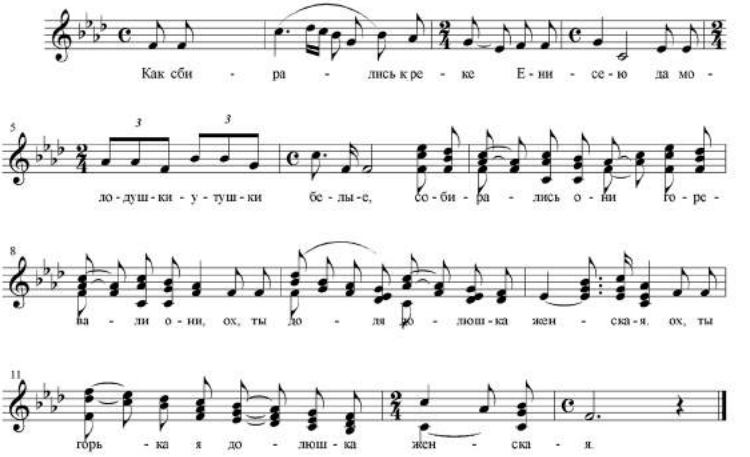
Как сбирались к реке Енисею
с плачем-горем утушки-пташечки.
Горевали они,причитали они,

горе, горе нам пташкам залётным.
Как сбирались к реке Енисею
да молодушки-утушки белые,
горевали они, причитали они,
ох, ты горькая долюшка женская.

Ты ль за батюшкино согрешение,
ты ль за матушкино немоление
горюч-камнем на грудь навалилася,
ночкой тёмной на нас опустилася.

Енисей, подсоби ночь прогнати,
горюч-камень в омут столкати!
Рад помочь Енисей, да не может:
сам закован во льды и пороги.

Как сбирались к реке Енисею
да молодушки-утушки белые,
горевали они, причитали они:
«Сыра матерь-земля нам поможет...»



4 ГОЛОС. Пели, пели — аж есть захотелось. Никитична, давай потчеваться-гостевать: то я у тебя, то ты меня у себя.

НИКИТИЧНА. К нашему грошу — со своим пятаком прошу.

4 ГОЛОС. Нет, Никитична, грошом ты от нас не отделаешься. Муженька свово небось не за грош откупила?

НИКИТИЧНА. А причём тут мужик мой?

4 ГОЛОС. А при том: все мужики в армии, а твой на печи сидит.

НИКИТИЧНА. Так ведь он у меня — оперированный! И бумага имеется.

5 ГОЛОС. А чего за бумагу отнесла, сказывай!

НИКИТИЧНА. Ничо, бабоньки, ей-богу, ничо!

4 ГОЛОС. А почему мой солдатик за двоих должон лямку тянуть?

НИКИТИЧНА. Моё дело — сторона, а мужик мой — прав!

6 ГОЛОС. Своё счастье на нашем несчастьи построить норовишь?

НИКИТИЧНА. Да вы чо, бабы? Вот приходите сегодня ко мне, сами увидите, какое счастье моё.

7 ГОЛОС. И чего мы, бабы, за мужиками горюем? Баба — всё могёт, а мужик воевать токо и горазд: то с неприятелем, а уцелеет и домой вернётся, обратно ж с нашим братом — бабой зачинат!

МАРЬЮШКА. Жизнь без любви — всё равно, что год без весны, а будет ли она, весна-то?

НИКИТИЧНА. А ты приходи ко мне, голуба, я тебе погадаю.

МАРЬЮШКА. Не верю я...

8 ГОЛОС. А я даже очень верю, потому как доказательство имеется. Кольцо я давеча посеяла, то ли сняла где, то ли с руки скатилося колечко моё обручальное. Я — туда, я — сюда: нет кольца — как в воду кануло! От горя выть хочется, а тут ишшо боров со свиньёй сатанеют, жрать просют. Не успела им скормить одно, а им ишшо и ишшо подавай — как в прорву летит! Кольцо же моё с ума не йдёт, чо делать? Помчалась к Никитичне, а она разложила картёнки свои и весело так заявляет: найдётся пропажа твоя. Я — аж подскочила от радости, а сама всё ж сумлеваюсь: где оно, колечко моё пребывает теперича? Никитична ипеть картюшки свои раскинула и всё, чо в них видит, мне докладыват: а колечко твоё пребывает теперича у мушшины и женшины...

ГОЛОСА. У мушшины и женщины?

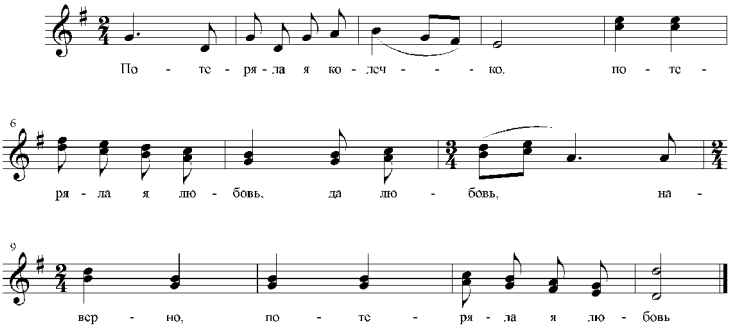
8 ГОЛОС. У мушшины и женшины... Иду домой, а сама всё думаю: чёрт те чо наворожила мне Никитична, никаких мушшин и женшин в доме у меня не бывало... Ишшо далеченько двор мой, а слышу скотина визжит, как резаная. И такое зло на меня напало, у меня — горе горькое: кольцо золотое пропало, а им, тварям, без конца жрать подавай! Схватила я лопату и к имя, к

борову со свиньёй... Поддала раз, поддала ишшо хорошенько, вижу — чой-то блестит в корыте. Матинко моя, так это ж колечко моё обручальное, только всё пожёванное, покалеченное... Погрызли его — твари окаянные, мушшина и женшина! *(Смех.)*

Исполняется песня

Потеряла я колечко

Потеряла я колечко, потеряла я любовь, да, любовь,
наверно, потеряла я любовь,
как по этому колечку буду плакать день и ночь, день и ночь,
наверно, буду плакать день и ночь.



1 ГОЛОС.

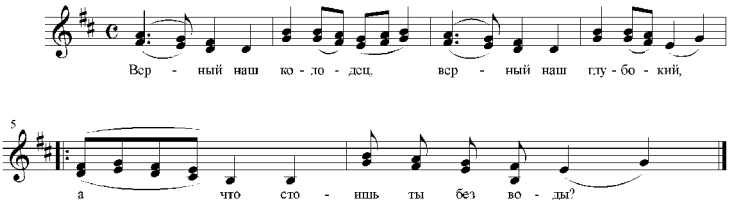
Все меня в деревне знают,
я ничем не дорожу,
если голову своротят,
я полено привяжу!

Встаёт, набирает в колодце воду, а вслед за ней и все остальные, под сопровождение песни расходятся.

Верный наш колодец

Верный наш колодец,
верный наш глубокий,
что стоишь ты без воды? — 2 раза.
Конь воду выпивал, — 2 раза.
копытами выбивал. — 2 раза.
Нашего хозяина,

нашего молодого
дома не случилося. — 2 раза.
Уехал наш хозяин,
уехал наш молодой
далеко-далече.
Верный наш колодец, — 2 раза.
верный наш глубокий,
что стоишь ты без воды? — 2 раза.



Картина вторая

Комната в доме Никитичны. Никитична, деревенская всезнайка и самогонщица, в чужих домах чаще бывает, чем в своём, поэтому уюта здесь немного. Неловко Никитичне перед соседками, пришлось их в гости пригласить, чтобы угостить хорошенько, а то ведь попрёками за муженька ходу не дадут. Но первым в этой комнате появляется её муж — Евлампий Силыч, весь перебинтованный, оглядывается — никого нет.

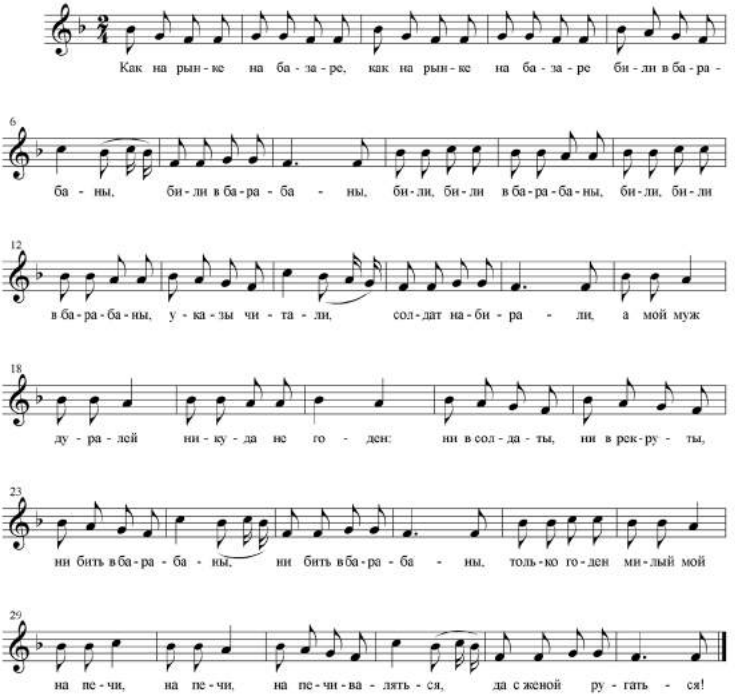
ЕВЛАМПИЙ. Фу, славу богу, Никитичны дома нет. *(Смотрится в зеркало.)* Эко меня угораздило: форменное чучело — смотреть противно... От войны ушёл, а ранения не избёг. Живёшь и не знаешь, где тебя судьба приголубит... Ох, горе, го-горючего сколько пропало... А проведает Никитична — и мне пропадать! *(Слышит шум.)* Во — идёт! Чо чичас будет... *(Прячется.).*

Заходит Никитична.

НИКИТИЧНА. Евлампий, Евлампий!!! Ипеть нет, ну, доберусь я до него! У людей мужики, как мужики, а у меня — ни богу свечка, ни чёрту кочерга *(Поет.).*

Как на рынке на базаре

Как на рынке на базаре, как на рынке на базаре
били в барабаны, били в барабаны,
били, били в барабаны, били, били в барабаны,
указы читали, солдат набирали,
А мой муж-дуралей никуда не годен:
ни в солдаты, ни в рекруты,
ни бить в барабаны, ни бить в барабаны,
только годен милый мой на печи валяться,
на печи, на печи,
на печи валяться да с женой ругаться!



С узелком в руках появляется Марьюшка, решившая всё же погадать на своего Ивана.

МАРЬЮШКА. Здравствуйте.

НИКИТИЧНА. Здравствуй, милая, а я знала, что ты прийдёшь. *(Берёт у девушки узелок, проверяет, что в нём.)* А вот тратилась ты зря... Только по секрету скажу тебе: карты денежки любят.

МАРЬЮШКА *(снимает бусы)*. Вот...

Ловко стянула Никитична с Марьюшки бусы, только коса долго скользила по ним.

НИКИТИЧНА. Садись, милая, дорогая, всю правду скажу — жалеть не будешь... *(Раскладывает карты.)* Тридцать шесть картей, четырёх мастей, скажите всю правду, что ожидает даму бубей...

Понимая, что при людях легче загладить свою вину, показывается Евлампий.

НИКИТИЧНА. Это ишшо што за чучело?

ЕВЛАМПИЙ. Я — не чучело, а твой законный супруг, Евлампий Силыч.

НИКИТИЧНА. Дык, супруг мой — в нутрях попорченный, а снаружи у него всё при месте.

ЕВЛАМПИЙ. И у меня при месте — только вот... обгорел мало-мало.

НИКИТИЧНА. А ведь я знала, што так будет, не говорила ли тебе: сгоришь, окаянный!

ЕВЛАМПИЙ. Э-э! Ты говорила: нутро сгорит, а вышло — наоборот.

НИКИТИЧНА. Где?

ЕВЛАМПИЙ. Чо?

НИКИТИЧНА. Отвечай сию минуту, где?

ЕВЛАМПИЙ. Баню растоплял...

НИКИТИЧНА. Брешешь! Чует мое сердечко... Да уж не аппарат ли ты порешил?! *(Выбегает.)*

ЕВЛАМПИЙ *(в зал)*. Ишшо такой человек на земле не родился, штоб мог бабу мою, Никитичну, вокруг пальца провести... *(Марьюшке.)* Марьюшка, не уходи, а то без тебя Никитична загрызёт меня.

МАРЬЮШКА. Не понимаю, что случилось?

ЕВЛАМПИЙ, Э-э, хошь тебе — как на духу... Я и сам не по-

нимаю, как меня угораздило... От войны ушёл, а ранения не избег... Ведь чего всполошилась Никитична? Што я обожжённый весь? Э-э... Как бы не так... А брыкнулась она, будто ей шлея под хвост попала, оттого, што своим умом бесовским учуяла мою вину... Аппарат я порешил, понимаешь?

МАРЬЮШКА. Не понимаю.

ЕВЛАМПИЙ. И чёрт меня, паря, дёрнул к нему пристроиться... Нет, штобы, значит, погодить, пока нацедится... в бутыль, я того... как это по-учёному? Де-гус-та-цию развёл: приловчился к аппарату, как сосунок к титьке, и — дегустирую... А аппарат возьмись и взорвись... на мою голову... ох, горе — го го-горючего сколько пропало...

НИКИТИЧНА *(врывается гневно)*. Ты чего, ирод, натворил, сказывай!

ЕВЛАМПИЙ *(прячась за Марьюшку)*. Не виноват, ей-богу, не виноват я!

НИКИТИЧНА. Марья, уходи от греха... Чичас буду расправу чинить...

ЕВЛАМПИЙ. Не пп-посмеешь, я — оперированный, у тебя и справка есть.

НИКИТИЧНА. Пропади все пропадом! Ничего мне, египетская сила, не жалко! Все порешу! Всё по ветру пушшу! А допреж с тобой, мучителем моим, расшитаюсь!

ЕВЛАМПИЙ. Но-но-но! Обожженная рука у меня одна только, другой я и двинуть могу!

НИКИТИЧНА. У людей — мужики, как мужики, в армии все, землю свою, мать свою, жену и детей своих зашишшают, а мой — с аппаратом воюет.

ЕВЛАМПИЙ. Я — оперированный и обожженный...

НИКИТИЧНА. В армию итти — кишка тонка, а самогон хлестать, а с женой воевать — здоровёхонький?!

ЕВЛАМПИЙ. Так я што, я — непротив, но ведь — справка ж!

НИКИТИЧНА. А-а, справка! *(Находит справку, разрывает ее в клочья...)* Вот твоя справка! Вот тебе справка! И с тобой — такоже будет

ЕВЛАМПИЙ, Ты чо делашь? Не смей! Ну, погоди, я такое утворю, такое... в армию уйду! Добровольцем! — взвоешь!

НИКИТИЧНА. Христом богом молю, уходи, а то я за себя не ручаюсь...

ЕВЛАМПИЙ. Да если ты хотишь знать, я так настрополился в единоборстве с тобой, што мне ни один вражище не страшен! Мне, может, давно уж орден полагается за мою семейную жисть?

НИКИТИЧНА. Он же ишшо и изголяется надо мной, паразит бессовестный, мучитель окаянный... Пригрела на свою беду пьяницу распоследнего... Нет уж сил моих землю топтать... Видно, недолго мне уж страдать осталось... Заждалась меня мать сыра земля... *(Плачет.)*

ЕВЛАМПИЙ. Никитична, ты чего... Ну, не плачь, Никитична, прости меня, дурака. *(Падает на колени.)* Всё, что хочешь — сделаю, только прости... В армию пойду...Ты еще гордиться мною будешь...

НИКИТИЧНА. Ну, ладно уж, чего там...

ЕВЛАМПИЙ *(обнимает)*. Прости... Ну, я пошёл?

НИКИТИЧНА. Дык, как же так-то... А вешши? А рюкзак? *(Уходит за рюкзаком.)*

ЕВЛАМПИЙ, Ты ещё, лапушка, гордиться мною будешь... Добровольцем иду, пусть все знают: Евлампий Силыч — не последний человек!

НИКИТИЧНА *(возвращается с рюкзаком)*. Ну, с богом!

ЕВЛАМПИЙ *(обнимает, целует)*. Ну, я пошёл... *(Поёт.)*

Соловей, соловей — пташечка,
канареечка жалобно поет! *(Уходит.)*

НИКИТИЧНА *(вослед)*. Евлампий! *(Плачет.)*

В комнату шумно вваливаются приглашённые гости. Шутки, смех.

1 ГОЛОС. Как гороху у меня знакомых, куда ни пойду — от ворот поворот.

2 ГОЛОС. Никитична, дай воды напиться, я так есть хочу, что и переночевать негде!

В комнате появляется убогая побирушка, которую или в шутку, или по какой другой причине величают по имени-отчетству — Ирина Матвеевна.

ГОЛОСА. Бабоньки! А кто к нам пришёл?
Ирина Матвеевна!
Спой нам, Ирина Матвеевна!

Тише, бабы, Ирина Матвеевна петь будет!

ИРИНА МАТВЕЕВНА *(поёт, притоптывая ногами)*.

Тятя мой

Тятя мой, тятя мой,
сядь, подумай-ка со мной,
Где ты, доченька, была?
На кардоне чай пила,
чай пила и булки ела,
позабыла, с кем сидела,
чай пила с лимонами,
шла домой пригонами...
Коля, Коля, купи боле
каленкору белого,
у тебя окошек много,
я бы шторы сделала...
Я у Коли в колидоре
каблуками топала,
а я Колю не любила,
а конфеты лопала.

НИКИТИЧНА *(идёт на кухню за угощением, подаёт Ирине Матвеевне)*.

Помяни, Ирина, души
Катерины, Марфы, Груши,
Парамона, Филимона,
и молись за здравие
моего Евлампия.

4 ГОЛОС *(приходя, вглядываясь в Никитичну)*. Соседушка, да на тебе лица нет, уж не заболела ли?

НИКИТИЧНА. Ох, не спрашивай... Мой-то в армию ушел... добровольцем! Вот и я, стало быть, как и вы — солдатка.

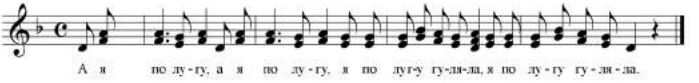
2 ГОЛОС. Не горюй, Никитична, бог не выдаст, свинья не съест!

НИКИТИЧНА. А я горе своё — песней выплесну, а я горюшко — каблуком растопчу! *(Начинает петь и плясать, приглашая подруг.)*

2 ГОЛОС. Думала попить, поесть, а тут плясать заставляют, эх! *(Пляшет.)*

Я с комариком плясала

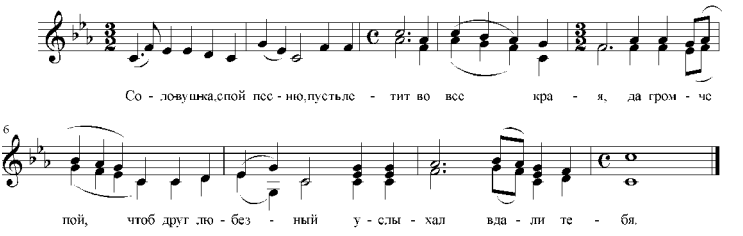
А я по лугу, а я по лугу,
я по лугу гуляла, я по лугу гуляла.
Я с комариком, я с комариком,
с комариком плясала, с комариком плясала.
Мне комар ножку, мне комар ножку,
комар ножку отдавил,
комар ножку отдавил,
все суставчики, все суставчики,
суставчики повредил, суставчики повредил.
А я матушке, а я матушке,
матушке кричала я,
матушке кричала я:
Подай, матушка, подай матушка,
подай, мати, косаря,
подай, мати, косаря,
мне казнить-рубить, мне казнить рубить,
казнить-рубить комара,
казнить-рубить комара!



Думы Марьюшки все — об Иване, она не перестаёт беспокоиться о нём.

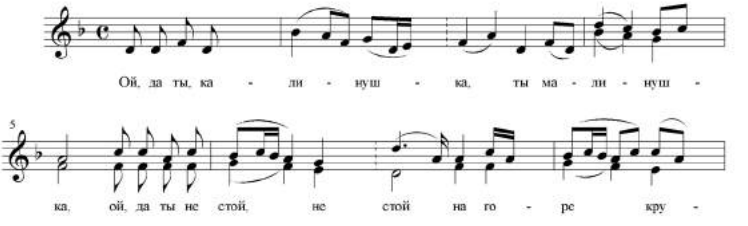
Соловушка

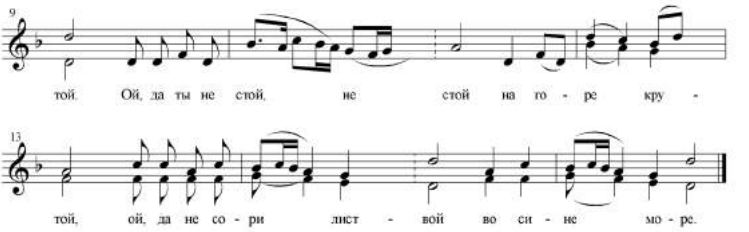
Соловушка, спой песню,
пусть летит во все края,
громче пой, чтоб друг любезный
услыхал вдали тебя.
Под берёзою шумливой
он всегда меня встречал
и за голос переливный
он соловушкой назвал.
Занимается зарница,
гаснут звёзды надо мной,
люди спят, а мне не спится,
жду я милого домой.



Ой, да ты, калинушка

Ой, да ты, калинушка,
ты малинушка,
ой, да ты не стой, не стой
на горе крутой.
Ой, да ты не стой, не стой
на горе крутой,
ой, да не сори листвой
во сине море.
Ой, да во синем море
корабель плывёт,
корабель плывёт,
аж волна ревёт.
Ой, да как на том корабле
два полка солдат,
ой, да два полка солдат
молодых ребят.
Ой, да два полка солдат
молодых ребят,
ой, да и поют они
про Русь-матушку.





Появляется дед Кисель.

ДЕД. Махорка у меня вышла, думаю, может, у Евлампия Силыча завалялась... А где хозяин?

НИКИТИЧНА.В армию ушёл... добровольцем!

ДЕД. Так, выходит, што из мужиков я один и остался...А я што, не казак? Пойду и я, пущай мне какое ни есть дело дают!

КИСЕЛИХА. Бабоньки, это чо мужики вытворяют? Забаву себе — войну выдумали, а мы остаёмся без помощи,без поддержки!

5 ГОЛОС. А я вот чо скажу: попадись мне, хто войну выдумал, он бы у меня не токо войну — лучину разжечь боялся б!

6 ГОЛОС. И чо ты такое страшное сделала б с ним?

5 ГОЛОС. Сделала б...

7 ГОЛОС. Ну, с одним бы управилась, а их сколько, поди тышши?!

6 ГОЛОС. А нас меньше, што ль?

9 ГОЛОС. И наши мужики вояки добрые... Не могут супостатов проучить навеки вечные...

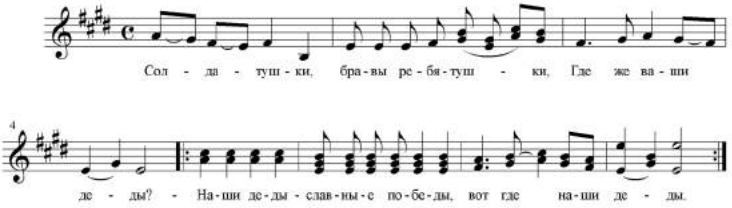
ДЕД. Э-э! Женшины, вы того... Наш брат, русский солдат — лучший за всех! Э, да што говорить, а ну, становись! Равняйсь! Смирно!! Нале-во, ш-шагом-арш! Запе-вай!

Маршируя по сцене, поют песню.

Солдатушки, бравы ребятушки

— Солдатушки, бравы ребятушки,
где же ваши жёны?
— Наши жёны — ружья заряжёны,
вот где наши жёны.

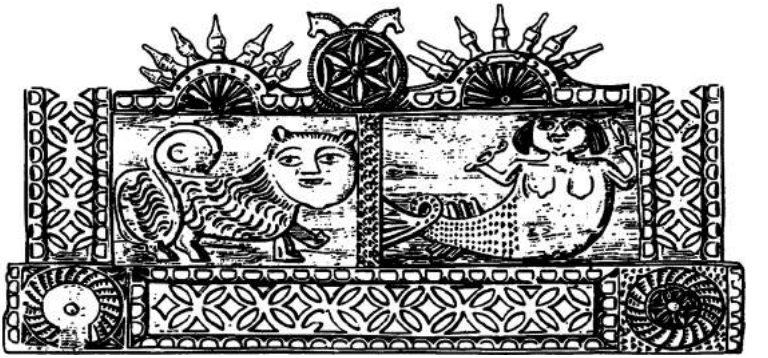
— Солдатушки, бравы ребятушки,
где же ваши детки?
— Наши детки — пули наши метки,
вот где наши детки.
— Солдатушки, бравы ребятушки,
где же ваши деды?
— Наши деды — славные победы,
вот где наши деды.



КОНЕЦ.

СПИСОК ПЕСЕН

«Ноженьки мои, ноженьки» — сл. Б. Терещенко, муз. В. Терещенко
«Енисей — моя судьба» — сл. Б. Терещенко, муз. В. Терещенко
«Стой, стой, караван» — р.н.п. (хоровод)
«Как сбирались к реке Енисею» — сл. Б. Терещенко, муз. С. Щукина
«Потеряла я колечко» — р.н.п.
«Верный мой колодец» — р.н.п.
«Как на рынке на базаре» — р.н.п.
«Тятя мой, тятя мой» — р.н.п.
«Я с комариком плясала» — р.н.п. (плясовая).
«Соловушка» — р.н.п.
«Ой, да ты, калинушка» — р.н.п.
«За Отчизну, за Россию» — сл. Б. Терещенко, муз. В. Терещенко
«Солдатушки, бравы ребятушки» — р.н.п.



Енисеева судьба

Народная драма в одном действии, в четырех картинах

Действующие лица:

ФЕДЯЕВ
ФЕДЯИХА
ФЁДОР (их сын) } — крестьяне-бедняки.
СОСИПАТЫЧ
ЗАЦЕПИН
ЕРМОЛАЕВ
МИХАИЛ (его сын) } — кулаки.
ЗЫРЯНОВ — хозяин.
СТЕПАНОВНА — его мать.
ОТЕЦ ИВАН — шушенский поп.
ПСАЛОМЩИК.
ВАСЬКА ШУШЕНСКИЙ — игрок.
МУЖИК, ПАРНИ, ДЕВУШКИ.

Действие происходит в Шушенском в период гражданской войны.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Старое Шушенское, часть площади, дом Зырянова. Предпасхальные дни, слышится голос тальянки. Пьяные голоса где-то затягивают песню. Из дома Зырянова выходит, пошатываясь, отец Иван, за ним — причт: дьякон и псаломщик, вслед за ними — Зырянов с ведром яиц в одной руке и хлебами в другой. Батюшка — в рясе, в хромовых сапогах; в правой руке у него крест, левой он поддерживает подол рясы. Пьяная процессия пересекает улицу.

БАТЮШКА*(бормочет)*. Хвала царю небесному и царю земному... *(Крестом указывает Зырянову, куда сложить пасхальную ругу.)* Аминь!

Появляется Федяиха, крестьянка-беднячка. Она кланяется вослед скрывающемуся в противоположном доме батюшке. С другой стороны появляется Зацепин, кулак — рыжий, с вьющейся бородкой, с бегающими глазами. Повернувшись и увидя кулака, Федяиха кланяется снова.

ФЕДЯИХА. Здрасьте.

ЗАЦЕПИН. Будь здорова, кума. Слышь-ка, ты, беги к хозяйке моей, помоги малость. Праздник нонче большой: всем праздникам — праздник!

ФЕДЯИХА. Робята у меня голодные...

ЗАЦЕПИН. Кума ты мне али нет?!

ФЕДЯИХА. Уж как и благодарить Вас... Крестили мово Федьку, не побрезговали.

ЗАЦЕПИН. А ты, значится, помогти не желашь?

ФЕДЯИХА. Да иду ж я, иду.

ЗАЦЕПИН. То-то... А галчатам своим от меня — по калачу! *(Смеётся своему каламбуру.)* По калачу ужо! По-ко-ло-чу!

ФЕДЯИХА *(плохо понимая весёлость Зацепина)*. Благодарствую. *(Уходит.)*

Появляется крупный здоровый мужчина, до синя выбритый, с холёными усами, в тёмносинем пиджаке, в картузе с лакированным козырьком, слегка прихрамывающий на правую ногу. Это Ермолаев, преуспевающий сельский буржуа.

ЗАЦЕПИН *(кланяясь)*. Здрасьте, Иван Семёнович.

ЕРМОЛАЕВ *(настороженно)*. Здорово, здорово.

ЗАЦЕПИН *(не без злорадства)*. Здоровьечко Ваше как?

ЕРМОЛАЕВ. Хоча некоторые и роют яму глубокую, так я скажу: зря стараются, в землю — не собираюсь, я на ней — твёрдо!

ЗАЦЕПИН. В мой огород камешки, значится, Иван Семёнович... А я — на честность: Ваши быки нанесли мне урон...

ЕРМОЛАЕВ. Урон, урон...

ЗАЦЕПИН. А как бы Вы на моём месте, если б урон? Натепожалуйте?!

ЕРМОЛАЕВ. Ермолаевы никовда крох не сшитали, слезу за деньгой не лили... Вспомни Пудовкина, когда я ему триста рублёв проиграмши — без единого вздоха все враз и выложил!

ЗАЦЕПИН. Не помню штой-то.

ЕРМОЛАЕВ. Знамо дело, не помнишь, а как упомнил бы - живо на каторгу схлопотал!

ЗАЦЕПИН. С чего бы это?!

ЕРМОЛАЕВ. А с того! Кто эти самые триста рублёв своровал у Пудовкина?

ЗАЦЕПИН. Знать ничего не знаю! Вот те крест. *(Крестится.)*

ЕРМОЛАЕВ. Опосля у тебя быки появились... и мельница... Не иначе, как от господа бога...

ЗАЦЕПИН. А может, и от него! А может, эти денежки и не воровал никто, не было воровства, а наговор один... Может, деньжата, эти... своровал — ты!

ЕРМОЛАЕВ. Я!?

ЗАЦЕПИН. Небось жаль расставаться было, и... и...

ЕРМОЛАЕВ. Ах ты... тать болотная... меня ж и винишь! Вор! Каторжник!! Засадю!!!

ЗАЦЕПИН. Вот так, не было воровства, не пойман — не вор.

ЕРМОЛАЕВ. Ты — вор! Ты!! С тех денег и разжирел!

ЗАЦЕПИН. В штрафах я не бывая, по суду не заключался — совесть-то у меня, выходит, чистенькая...

ЕРМОЛАЕВ. Ангелок!

ЗАЦЕПИН. ...и взяточек не брал, как некоторые

ЕРМОЛАЕВ. Не брал — потому как не давали. *(Хохочет.)*

ЗАЦЕПИН. ...и обчество не спаивал, штобы должность заиметь. Сколько вёдер водочки споил, чай двадцеть?

ЕРМОЛАЕВ. Ты мне не указ, кого поить, кого обносить.

ЗАЦЕПИН. Взяточкой это называется, натуральной взяточкой...

ЕРМОЛАЕВ. Да какая взятка, когда я — угошшаю. А выбрали заседателем меня — уважают, значит. В Шуше испокон веков Ермолаевы — впереди. И не обогнать их ни в чём, хоть скаком беги!

ЗАЦЕПИН. Обгонит ужо... кто водочки поставит больше, тот и обгонит.

ЕРМОЛАЕВ. Тьфу, привязался! Да какой мне резон в должности той?!

ЗАЦЕПИН. А такой... в журнальчик доходы свои не записываш, всех — записываш, а свои — нет... А налоги — из журнальчика...

ЕРМОЛАЕВ. И всё-то ты знашь... И купца Занина знашь?

ЗАЦЕПИН. Ну.

ЕРМОЛАЕВ. Не ну и не тпру! Получишь ты от него товаров — шиш!

ЗАЦЕПИН. Не у Занина, так у Зайцева... Знать тебя не желаю.

ЕРМОЛАЕВ. Прощавай.

ЗАЦЕПИН. А хлебушек?

ЕРМОЛАЕВ. Какой хлебушек?

ЗАЦЕПИН. Пятьдесят пудов.

ЕРМОЛАЕВ. Го-го-го! Держи карман шире!

ЗАЦЕПИН. Твои быки потравили мой хлеб, тебе и восполнять урон.

ЕРМОЛАЕВ. Быки — мои, это точно, да не я их пасу!

ЗАЦЕПИН. Знать не желаю! Вертай моё добро. *(Подступает.)*

ЕРМОЛАЕВ. А это видел? *(Подносит кукиш.)*

ЗАЦЕПИН. От мирового энтим не отделашься. *(Порывается уйти.)*

ЕРМОЛАЕВ. Да ты погоди, постой... Эк, распетушился. Дело-то — какое... А ты лбом да в ворота.

ЗАЦЕПИН. Твои быки...

ЕРМОЛАЕВ. Ну, мои...

ЗАЦЕПИН. Вертай добро.

ЕРМОЛАЕВ. Быки мои, а как они проникли к суслонам твоим?

ЗАЦЕПИН. Известно как — через поскотину.

ЕРМОЛАЕВ. Во!

ЗАЦЕПИН. Не во, а хлеб вертай.

ЕРМОЛАЕВ. Вертай, вертай — затарахтел! А поскотина — чья!

ЗАЦЕПИН. Поскотина однако Ивана... Ивана Федяева...

ЕРМОЛАЕВ. Во! Он и платить должон!

Появляется Федяев, крестьянин-бедняк, мужик среднего роста, с широкой клочковатой бородой.

ЕРМОЛАЕВ *(ухмыляясь)*. На ловца и зверь... А ну, подь сюда.

ЗАЦЕПИН. Смелее, дружок, смелее.

ЕРМОЛАЕВ. Да шевелись ты! Как три дни не емши...

ФЕДЯЕВ. А может и так.

ЕРМОЛАЕВ. Значит, таким манером, хлебушко готовь... пятьдесят пудов.

ФЕДЯЕВ. Чаго, ча-го?

ЗАЦЕПИН. Хлебушка — пятьдесят да ишшо деньгами...

ФЕДЯЕВ. Это как же? За што-о?

ЕРМОЛАЕВ. А за то, што поскотину свою не держишь в аккурате.

ЗАЦЕПИН. Быки и потравили суслоны мои.

ФЕДЯЕВ. Дык... быки ж... не мои!

ЕРМОЛАЕВ. Знамо дело. Таких быков тебе и во сне не иметь!

ФЕДЯЕВ. Как же платить... мне робят нечем кормить.

ЕРМОЛАЕВ. От мирового бумага пришла. Моё дело — сказать.

ФЕДЯЕВ. Нету хлеба у меня, нету, и платить нечем!

ЗАЦЕПИН. А ты лошадёнку, коровёнку продай. *(Отходит с Ермолаевым.)*

ФЕДЯЕВ *(застывая в оцепенении)*. Как же без них-то, без кормилиц...

Ермолаев и Зацепин отходят на противоположную часть сцены. Федяев остаётся стоять, как вкопанный.

ЕРМОЛАЕВ. Слышь-ка, сосед, давно я хочу сказать...

ЗАЦЕПИН. Чего изволите, Иван Семёнович?

ЕРМОЛАЕВ. Хозяйство ведёшь исправно, говорю.

ЗАЦЕПИН. Куды нам до Ермолаевых...

ЕРМОЛАЕВ. Времечко, говорю, летит — удержу нет, спасу нет, вертись, поспевай за ним... А зазевался — того гляди жерновами в муку смелет.

ЗАЦЕПИН. Мы люди маленькие...

ЕРМОЛАЕВ. Амбар небось третий поставил... Поди не на одну тыщу пудов?

ЗАЦЕПИН. У Вас — двухэтажные.

ЕРМОЛАЕВ. Вот я и говорю, твоё дело — к моему — сила!!!

ЗАЦЕПИН. Всех бы тогда — к ноготочку!

ЕРМОЛАЕВ. Девка у тебя на выданьи...

ЗАЦЕПИН. Саяна-то? Пускам ишшо погуляет малость.

ЕРМОЛАЕВ. Мой Михаил интересуется ею. Чем не жених?

ЗАЦЕПИН. Моя Саяночка — красавица, первая в округе.

ЕРМОЛАЕВ. Вот и готовь приданое.

ЗАЦЕПИН. Готово вмиг будет... и половички, и постелька на пуху лебяжьем...

ЕРМОЛАЕВ. Перво-наперво мешки готовь. Мешки в нашем деле во как нужны!

ЗАЦЕПИН. За мной — не станет. А ты — скота... сколько дашь?

ЕРМОЛАЕВ. Коров, лошадей — дюжину...

ЗАЦЕПИН. Две!

ЕРМОЛАЕВ. Ишь ты!

ЗАЦЕПИН. Я улья, улья дам... гвоздей ишшо...

ЕРМОЛАЕВ. И сто рублёв, как положено.

ЗАЦЕПИН. И денежки...

ЕРМОЛАЕВ. По рукам, значит.

ЗАЦЕПИН. Значится, по рукам. *(Собрался уходить — вспомнил что-то.)* Иван Семёнович, мне бы жеребчика...

ЕРМОЛАЕВ. Чего?

ЗАЦЕПИН. На денёк... Кобылка моя подоспела для случки, а у Вас жеребчик породистый...

ЕРМОЛАЕВ. А сам што же? *(Смеётся.)*
ЗАЦЕПИН. Да ну Вас... я сурьёзно...
ЕРМОЛАЕВ. А коли сурьёзно — плата вперёд!

Кулаки расходятся, Федяев, приходя в себя, разводит руками.

ФЕДЯЕВ. А без кормилиц моих прямая дорога — в Енисей.

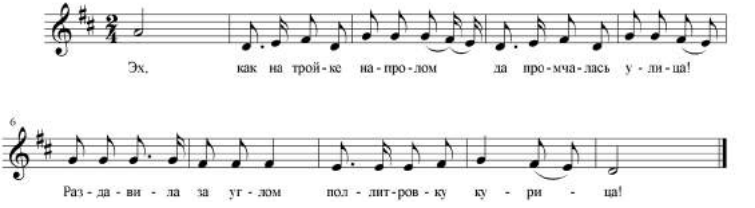
Слышатся крики: «Гей, милые, гей!». На сцену трое подвыпивших изрядно баб выволакивают кошеву, в которой развалился пьяный детина, одетый в черкеский бешмен, опоясанный красным кушаком, в чёрной папахе, в катанках. Это Васька Шушенский, знаменитый на всю губернию картёжник и плут, живёт он теперь в Минусинске, в Шушь прикатил покутить после очередного крупного выигрыша. Лошадей-бегунцов оставил у поскотины и в село въехал этаким образом.

Песня Васьки Шушенского

Как по тройке напролом
да промчалась улица!
Раздавила за углом
поллитровку курица!

Я родился в кабаке
непорочнозачатый,
с поллитровкою в руке
и пьянющий начерто!

Пей из луж честной народ!
В лужах всех — шампанское!
Так лишь раз бывает в год
по указу царскому!



ВАСЬКА. Живей, родненькие! Не золотым овсом — чистым золотом кормить буду. *(Увидев Федяева.)* Иван! Садись! П-пр-рокачу-у!

ФЕДЯЕВ. Эх... не до тебя, паря.

ВАСЬКА. Плюнь на всех, ко мне иди!

ФЕДЯЕВ. Тошно мне, понимаешь? Тошно-а...

ВАСЬКА. Айда за мной. Залью печаль твою шампанским, всё село залью! Я сегодня — богач! Куш в двенадцать кусков отхватил! И золото: кольца, часы, б-браслеты! Купчишка от меня ха-ха нагишом ушёл... чин-чинарём. В ногах моих ползал, руки целовал, отдай, говорит, крестик нательный, жены не пожалею...А на кой хрен мне его баба да ешё за крест золотой? Захочу — она мне даром достанется! А он пристал: верни крест, всё за него отдам, всё, что имею. А на нём лишь исподнее и осталося, ха-ха-ха. И что ты думаешь? Снял! Снял, сукин сын!

ФЕДЯЕВ. А крест как же?

ВАСЬКА. А вот он, крестик, чин-чинарём! Его первого и пропьём! За мной!

ФЕДЯЕВ *(после колебаний)*. А! Семь бед — один ответ! *(Шапкой о землю.)*

ВАСЬКА. Пшол! *(Бабы волокут кошеву спереди, Федяев толкает сзади.)*

Вбегает Федяиха, видит мужа, зовёт: «Иван! Господом богом молю, вернись! Иван, вернись!» Федяев только рукой махнул. «Гей, милые, гей» — кричит Васька. Пьяные крики, отрывки песен, звон колоколов. Федяиха поднимает шапку мужа, со стоном и плачем опускается на колени. Одна за одной подходят к ней женщины. Стоны, отдельные причитания. В отчаяньи к ним обращается Федяиха.

ФЕДЯИХА. Люди, как нам жить дальше-то? Как жить?

От людской толпы отделяется женщина, идёт к авансцене, запевает песню-плач. После нескольких строк гаснет свет. Из затемнения в световых эффектах исполняется пантомима под сопровождение плача, который подхватывает хор.

Как сбирались к реке Енисею

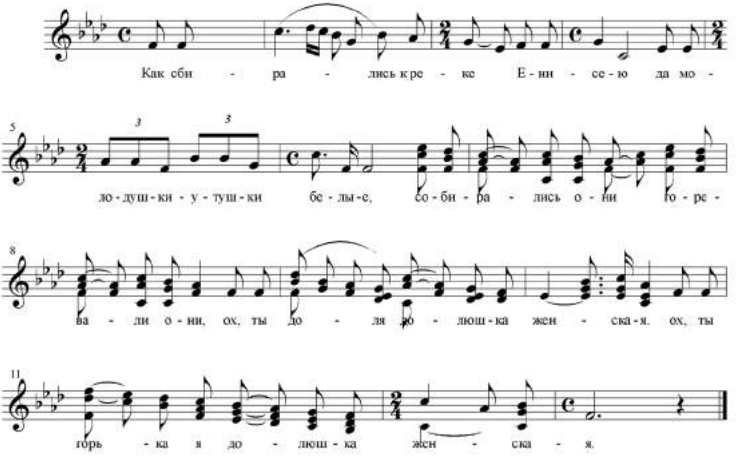
Как сбирались к реке Енисею
с плачем-горем утушки-пташечки.
Горевали они, причитали они,
горе, горе нам пташкам залётным.

Как сбирались к реке Енисею
да молодушки — утушки белые,
горевали они, причитали они,
ох, ты горькая долюшка женская.

Ты ль за батюшкино согрешение,
ты ль за матушкино немоление
горюч-камнем на грудь навалилася,
ночкой тёмной на нас опустилася.

Енисей, подсоби ночь прогнати,
горюч-камень в омут столкати!
Рад помочь Енисей, да не может:
сам закован во льды и пороги.

Как сбирались к реке Енисею
да молодушки — утушки белые,
горевали они, причитали они:
«Сыра матерь-земля нам поможет...»



Картина вторая

Двор дома Зырянова. На крыльце, что возле калитки, сидит грузная пожилая женщина с серебряными серьгами в ушах, напевая песню о невольничке. Это Васса Степановна, мать хозяина дома, занята она вязанием из лоскутных тесёмок круглого коврика. Сам Аполлон Долмантьевич во дворе точит бруском косу. Скрипит калитка, просовывается взлохмаченная голова Мужика с большим синяком под глазом.

МУЖИК *(заискивающе)*. Бог в помощь, Аполлон Долмантьевич.

ЗЫРЯНОВ. Бог-то бог, да сам не будь плох.

МУЖИК *(протискивается через калитку)*. Бог в помощь, Васса Степановна.

СТЕПАНОВНА. Помоги и тебе господь.

МУЖИК. Не могёт... вот маюсь... на вас вся надежда.

СТЕПАНОВНА. Ипеть загудел, сердешный.

МУЖИК *(утвердительно)*. Но.

ЗЫРЯНОВ. А подглазник где схлопотал? С таким токо праздник встречать.

МУЖИК. Это чо... вот пирог испекли — на весь бок *(оголяется, показывая кровоподтёк на теле)*.

СТЕПАНОВНА. Батюшки! Да как тебя угораздило так?

МУЖИК. Попковы... попотчевали...

ЗЫРЯНОВ. Теребиловские, чай ?

МУЖИК. Оне... заявился к ним на дымок... Ну, выпил ендову пива, а пиво хреновое, ну, так и сказал, и... вот. *(Показывает синяк под глазом.)*

ЗЫРЯНОВ. И ты стерпел? Какой же ты посираевец после этого!

МУЖИК. Я то? Да я их там всех раскидал!

ЗЫРЯНОВ *(смеётся)*. А спина как же?

МУЖИК. А... а я ковда разгорячусь — ничего не помню!

ЗЫРЯНОВ *(смеётся пуще)*. Ну и герой, язви тя в бок!

МУЖИК. Опохмели, Аполлоша... Чарочку бы... самую чуточную.

ЗЫРЯНОВ. Угошшай, мать, не вишь — человек мается.

Степановна и Мужик заходят в дом. В калитке появляется Сосипатыч, сухопарый мужик в чёрной старой войлочной шляпе, с жидкой бородой, в кожаных бахилах, перевязанных ремешком ниже колен.

СОСИПАТЫЧ. Можно?

ЗЫРЯНОВ. Ты, Сосипатыч? Проходи, проходи.

СОСИПАТЫЧ. Пачечайный гость — хуже татарина.

ЗЫРЯНОВ. Дело како?

СОСИПАТЫЧ. Дело не дело, а интерес имеется, потому как вопрос обчественный решается. Выходил чего, оказывай.

ЗЫРЯНОВ *(откладывает брусок, косу)*. Махорочка твоя не затухла?

СОСИПАТЫЧ. Да не... *(Вынимает кисет.)* Угошшайся. *(Закуривают.)*

На пороге снова появляется Степановна и Мужик, уже навеселе; в калитке появляются Зацепин, Псаломщик.

ЗАЦЕПИН. Здорово, Аполлон Долмантьевич!

ПСАЛОМЩИК. С нами бог!

ЗЫРЯНОВ. Здравствуйте, люди добрые.

ЗАЦЕПИН. Проходили мимо, дай, думаем, спросим, как там насчёт заведеньица.

СОСИПАТЫЧ. Побрёхивают, будто бы закрывать будут.

ПСАЛОМЩИК. Не имеют права, потому как волостной сход постановил: открыть.

ЗАЦЕПИН. Купцы Даниловы не дураки терять доход в Шуше, а у них — сила.

СОСИПАТЫЧ. Тогда нашей кассе обчественной — рёвом реветь *(К Зырянову.)* Выкладывай всё, как на духу, чего выбегал...

ЗЫРЯНОВ. Служу обществу, как могу. Обид на миня ишшо не имелось. Порядок в делах, как во дворе своём, уважаю... А табак у тебя с подмесью однако... горчит. *(Подходит к Зацепину.)* Закурим, сосед.

Зацепин вынимает кисет, угощает Зырянова, не успевает спрятать, к нему тянутся все остальные мужики. Зацепин раздасадован. Все курят.

ЗЫРЯНОВ. Дюжий табак.

МУЖИК. Душу, как в раю, оболакивает.

ЗАЦЕПИН. Свой сеем — для себя.

СОСИПАТЫЧ. Табак требует много тепла и навозу.

МУЖИК. Чем пожижее, тем лучшее.

ЗЫРЯНОВ. Так вот, мужики, не будет у нас своего кабака.

МУЖИК. Как так, не будет?!

ЗЫРЯНОВ. А вот так: разрешения не поступило.

ЗАЦЕПИН. А я што говорил! Даниловы от своего не отступятся.

СОСИПАТЫЧ. Значит снова кабаки свои пооткроют, обратно Васюткину царевать. А обчественному питейному заведению, значит, — крышка.

ЗАЦЕПИН. А што Васюткин? Таких приказчиков поискать ишшо.

МУЖИК. Вас-оюткин — душа-человек... душевный.

СОСИПАТЫЧ. И то: душу из тебя вытянет, не токо последний алтын. А денежки, они не в казну нашу потекут, а в мошну купеческую, вот в чём горюшко-то, охо-хо!

ЗАЦЕПИН. Хозяйновать надо-ть умеючи.

СОСИПАТЫЧ. Легко хозяйновать на лучшей землице.

ЗАЦЕПИН. Кто раньше встал, тот больше взял, кто больше взял, тот лучше стал.

СОСИПАТЫЧ. Сытый голодного не разумеет.

ЗЫРЯНОВ. Сытый — потому как не ленится. Не потопаешь — не полопаешь.

СОСИПАТЫЧ. А ежели кто лучшее уже заграбастал, попробуй сравниться с таким, хоть загнись в тяжкой работе.

ЗЫРЯНОВ. А загибаться вовсе не надобно. Я вот литовочку к сенокосу во время и тщательно готовлю. Для чего? Чтобы в работе легко было, чтобы в работе не загибаться.

СОСИПАТЫЧ. Не всё от нас зависит... Умные люди гутарят про то, што всю работу тяжкую машины выполнять станут: и пахать, и сеять, и молотить — всё, всё.

ЗАЦЕПИН. Ка-акже-е, держи карман шире... машины за вас работай, а жрать кто будет? Тоже машины?

СОСИПАТЫЧ. А што? Вот наши деды горбушкой жали, горбы себе наживали, мы же с литовочкой похаживаем, а Ермолай, ёха-маха, он поди и литовку забросил, у него — лобогрейка.

МУЖИК. Он могёт, он, поперёк ему дышлом, и другую купит.

Надысь молотилку заимел, теперича с овином не мается. Того гляди всю землицу приберёт к рукам.

ПСАЛОМЩИК. Чего попу можно, то дьяку — заць!

МУЖИК. Што и говорить, деньжат на машину нужна — прорва!

ЗЫРЯНОВ. А ежели и околготишься, откель столь железа взять, штоб на каждую полосу да по машине?

СОСИПАТЫЧ. А про то свой сказ. Межи-то, оне, чай, не железные, их и распахать можно.

ЗАЦЕПИН. Я те железякой так распашу, другим не повадно будет!

СОСИПАТЫЧ. Ишь взбеленился, будто шлея под хвост попала!

ПСАЛОМЩИК. Лень и голь спит — чужой каравай видит.

ЗАЦЕПИН. На чужой каравай рот не раззевай, иначе — не сдобровать вам, голопузым!

МУЖИК *(наступает на Зацепина, который выше его)*. Это кто голопузый? Я!?

ЗАЦЕПИН. А то кто же? *(Тоже наступает, сцепились.)*

ЗЫРЯНОВ. Не позволю, штобы драка... в моём дворе. *(Оттаскивает мужика.)*

МУЖИК. И ты на меня? Всех раскидаю! *(Угрожающе.)* Уйди!!! Думашь, напоил одёнками и драться могёшь?

ЗАЦЕПИН. Што с ним няньчиться? К бесам его!

СОСИПАТЫЧ. Не надо беса, коли ты здеся.

МУЖИК. Уйди, сатано! Раскидаю!! Всех раскидаю!!!

Зырянов и Зацепин выталкивают Мужика на улицу под взаимную ругань, угрозы и выкрики Сосипатыча «Но, но, полегче!» и Псаломщика «С нами бог и крестная, сила». Взбешённый Зырянов уходит в дом, не попрощавшись ни с кем. Зацепин и Псаломщик уходят, Сосипатыч задержался, стоит, задумавшись.

СОСИПАТЫЧ. Однако, добром всё это не кончится.

Картина третья

Горница крестьянского дома, где собирается на вечорку молодёжь. В одном из углов детина в шапке монотонно трень-

кает на балалайке. Фёдор Федяев о чёт-то тяжко задумался. Входит Саяна с подругами. Здороваются.

САЯНА *(подходит к Фёдору)*. Закручинился, парень, пошто?
ФЁДОР. Много будешь знать, скоро состаришься...
САЯНА. А ко мне Ермолаевы сватов засылают...
ФЁДОР. Всё правильно: они вам — пара.
САЯНА. А я другого люблю *(Отходит.)*

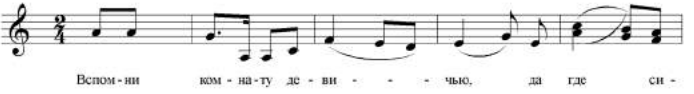
Появляются Михаил Ермолаев с дружком, подходит к Фёдору.

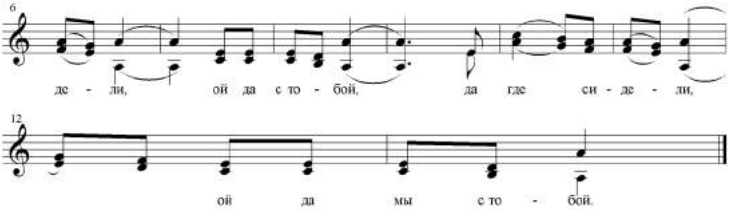
МИХАИЛ. Это ещё о чём ты говорил с ней?
ФЁДОР. А тебе чего?
МИХАИЛ. А того! *(Хватает Фёдора за грудь.)* На добро зацепинское метишь? А это видел? *(Подносит кулак.)* Запомни, паря, не перестанешь возле девки шастать — не жилец ты на белом свете! *(Отходит.)*
ФЁДОР. А без неё мне... какая жизнь?

Входят девушки, рассаживаются на лавки вдоль стен, исполняется песня «Вспомни комнату девичью».

Вспомни комнату девичью

Вспомни комнату девичью,
где сидели, ой, да мы с тобой,
да где сидели, ой, да мы с тобой.
Тебя я в губки целовала
и называла, ой, да милый мой,
да называла, ой, да милый мой.
Завлёк, завлёк ты для забавы,
а сам другую, ой, да сполюбил,
да сам другую, ой, да сполюбил.
Тебя любить так не сумеет,
как я любила, ой, да милый мой,
да как я любила, ой, да милый мой.





Грусть девичью прерывают стук в дверь, шум, голоса. Появляется гармонист за ним вышагивают важно парни. Девушки встрепенулись. Гармонист растянул меха — задорный мотив налету подхватили девчата.

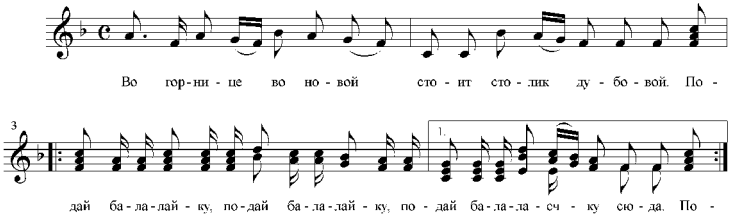
Во горнице во новой

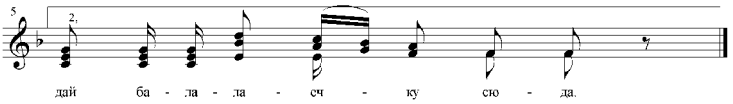
Во горнице во новой
стоит столик дубовой.
Подай балалайку, подай балалайку,
подай балалаечку сюда.

Стоит столик дубовой,
Ножки точеные.
Подай балалайку, подай балалайку,
подай балалаечку сюда.

Как за этим за столом
три невесты сидят.
Подай балалайку, подай балалайку,
подай балалаечку сюда.

Три невесты сидят,
про Ванюшу говорят.
Подай балалайку, подай балалайку,
подай балалаечку сюда.





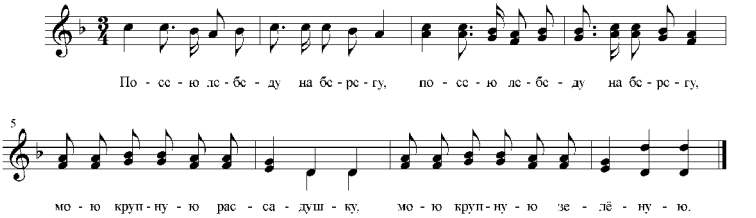
Во время исполнения песни балалаечник выходит на середину горницы, подхватывает мелодию, приглашая на танец то одну группу собравшихся, то другую. Песня переходит в перепляс, а потом в игру-свадьбу. Выбирается «жених», «невеста», «поп», «дружки», «родители» и пр. «Невесту» наряжают, прибывает поезд «жениха», его не пускают невестина родня, жестикулируют, у дружки появляется бутыль водки, путь свободен, «жениха» подводят к «невесте», хотят посадить рядом, но места ему не дают: надо откупить, жених делает знак — приносят сундук, «жених» всех одаривает. Его подводят к «невесте», родители благословляют их. «Свадебный поезд» на «тройке» направляется в «церковь», пьяный «поп» венчает их. «Свадебный поезд» мчится, кружась по сцене, всё приходит в неистовое движение.

Игра развеселила всех, в том числе и Саяну, которая лихо запевает.

Посею лебеду на берегу

Посею лебеду на берегу,
посею лебеду на берегу,
мою крупную рассадушку,
мою крупную зелёную.
Погорела лебеда без дождя,
погорела лебеда без дождя,
моя крупная рассадушка,
моя крупная зелёная.
Пошлю казака по воду,
пошлю казака по воду,
ни воды нет, ни казаченька,
ни воды нет, ни молоденького.
Кабы мне да младой ворона коня,
кабы мне да младой ворона коня,
я бы вольною казачкой была,
я бы вольною молоденькою.
Скакала бы, скакала по лугам,
скакала бы, скакала по лугам,

по зелёным по дубравушкам,
по зелёным по дубравушкам
с донским молодым казаком,
с донским молодым казаком,
со удалым добрым молодцем,
со удалым добрым молодцем,
Раздушечка, казак молодой,
раздушечка, казак молодой,
что не ходишь, что не жалуешь ко мне,
что не ходишь, что не жалуешь ко мне?



После задорной пляски Саяна вскакивает на табурет.

САЯНА *(вызывающе)*. Горю! Горю!!

Несколько парней порываются «тушить», но всех опережает Фёдор. Он вскакивает на табурет и крепко целует Саяну.

САЯНА. Гармонист! Плясать хочу! Давай нашенскую, эх!

Саяна пускается в пляс, все расступаются перед ней, любуясь и восхищаясь неистовой пляской, под конец пляски она бросает свой платочек Фёдору. Вокруг платка — драчка. На Фёдора набрасывается Михаил с дружками. На выручку Фёдору приходят его товарищи. Общими усилиями они выбрасывают кулацких сынков за двери. Всё также невозмутимо играет в углу балалаечник.

ХОЗЯИН *(после затянувшегося неловкого молчания)*. Сладко песни распевать, да пора и честь знать.

ПАРЕНЬ. Теперича, когда от них позбавились, самый раз и повеселиться.

ФЁДОР. Повеселишься ишшо: вся драка впереди!

ХОЗЯИН. Догорела свечка до полочки, не вдеть нитку в иголочку, не видать ни шить, ни ткать, пора и нам идти спать.

ВСЕ *(поют)*. Горница, горница, нет тебя теплей,
горница, горница, провожай гостей.

Гости покидают горницу, хозяева прощаются с каждым. Балалаечник всё играет, заметив, что он остался один, невозмутимо, продолжая играть, покидает горницу.

Картина четвёртая

В доме Зацепина, посредине — двери, с обоих сторон их — по окну. Саяна собирает свои вещи. Входит отец, Зацепин.

ЗАЦЕПИН. Это куда собралась, голубушка?

САЯНА. Ухожу я, отец... Насовсем ухожу.

ЗАЦЕПИН. Куда ж, к кому, позволь тебя спросить?

САЯНА. К отцу моего ребёнка.

ЗАЦЕПИН. Запорю, стерва!

САЯНА. Не боюсь я тебя, отец. Тебя уже никто не боится.

ЗАЦЕПИН. Не пушшу... На цепь посажу... На корку хлеба...

САЯНА. Ты ведь знаешь, меня ничто не остановит.

ЗАЦЕПИН. Ништо, говоришь? Ништо?! *(Хватает плеть, бьёт.)* Я те зад так изрисую!

САЯНА *(выпрямившись)*. Прочь с дороги, отец!

ЗАЦЕПИН *(опешив, пропуская дочь)*. А вешши куда? Не дам вешши... Моё! *(Вцепился в узел с вещами, Саяна бросает его, уходит.)* Вернись, паскуда! Убью!! *(Хватает ружьё.)*

Зацепин некоторое время мечется по комнате. В душе его борются чувства отца и собственника. Не выпуская ружья, он падает на колени перед образами. Молится. слышатся отдельные слова: ... «Во дни отвещие, во тьме приходящей от страха и беса полуденного речет, падёт от стрелы твоей тысяща и тьма...» Вдруг распахиваются двери — на пороге бледная, растерянная Саяна.

САЯНА. Казаки в селе... *(Опускается на лавку.)*

ЗАЦЕПИН. Казаки? *(Метнулся к иконе.)* Господи, Исусе Христе, услышал меня! *(Неистово крестится.)* Значится,

казаки... *(Засобирался, засуетился.)* Теперича наш черёд говорить... *(Достаёт патронташ.)* Всех под корень! Всё племя федяевское — под корень *(Бросается к двери, кидает дочери.)* А с тобой, сука, опосля...

САЯНА. Отец! Ты не сделаешь этого! Не посмеешь! (*Толкает двери — заперты, кидается к окну — снаружи закрываются ставни, полумрак; к другому — закрывается и оно, стало совсем темно.)* Отец! Умоляю тебя... вернись... *(Рыдает.)*

Из затемнения. Комната дома Федяевых. Так же: дверь и два окна. Вбегает Зацепин, ищет Фёдора.

ЗАЦЕПИН. Убёг, стервец! Ну, погоди! Далеко от нас не уйдёшь... *(Расселся по-хозяйски, осматривает комнату.)* А кватеру под штаб приспособим... В самый раз.

Лезет в буфет (самодельный типа шкафа), шарится, находит водку, пьёт. Входит Федяиха.

ФЕДЯИХА. Нелюди! Што вытворяют... *(Увидев Зацепина.)* Ой!

ЗАЦЕПИН. А-а, старая... Где сыночка прячешь, сказывай!

ФЕДЯИХА. Господь с тобою, кум... За што ты на нас так?

ЗАЦЕПИН. Не твово ума дело! Сказывай, где твой выродок, ну!?

ФЕДЯИХА. Откедова мне знать... взрослый ведь... не докладыватся...

ЗАЦЕПИН. Ужо попадётся мне — в землю!

ФЕДЯИХА. Христом богом заклинаю, не губи свово крестника. *(Падает на колени, Зацепин пинает её, гонит за порог.)*

ЗАЦЕПИН. Забирайся, и штоб духу твово — ни, ни!

ФЕДЯИХА. Это мой дом.

ЗАЦЕПИН. Сказано, уматывай! *(Выталкивает старуху за двери.)* И лезь в глаза мне — враз порешу!

Берёт замок, выходит, слышно, как закрывает дверь. Смеркает. Выходит из укрытия Фёдор. Собирается в дорогу. Слышится шум. Фёдор опять прячется. Через окно перелазит одетый лишь по пояс человек, со стоном опускается на пол. Это Гаврила Парщиков, партизан, убежавший из-под расстрела

ФЁДОР *(подбегает к другу)*. Гаврюха? Ты! Откуда?!

ПАРЩИКОВ. Из-под расстрела... убёг... Сперва в Кельбине хоронился, потом через Енисей пришлось сигануть... Кажется, простыл изрядно.

ФЁДОР *(дотрагиваясь рукой ко лбу)*. Не иначе, как огневица у тебя! Ничо, у меня водка есть... замешаю с солью...

Слышится опять шум. Фёдор, так и не успев захватить водку для лечения, прячется вместе с больным товарищем. Через окно осторожно влазит Васька Шушенский. Вид у него изрядно помятый, руках — сундучок.

ВАСЬКА *(убедившись, что никого нет, принимает развязный тон)*. «Не угодно ли Вам, сударь, этот-с нумер?» *(Ведя разговор в двух лицах.)* Бонжур, месье, а вдруг нумер этот — ловушка, залезешь и — бац, чин-чинарем! *(Делает жест вокруг шеи.)* Мне бы что-нибудь п-повыше и п-пог-лубже... ч-чердак или п-подполье... *(Исследует комнату, шарит в буфете, находит водку, пьёт.)* Нумер не люкс, но мне начинает нравиться... Эй, человек, ужин на одну персону! *(Слышится тихий стон Парщикова и голос «Воды-ы», Васька насторожился.)* «Терем, терем, теремок, кто в тереме живёт? *(Тишина.)* У-уф, нервишки-то, нервишки, а? *(Ищет что-нибудь поесть.)* Ну и времена: свинца — по горло, винца — не допросишься, сальца — не разыщешь! Люди! Подайте, Христа ради, сухарик Ваське. Он не ел три дня. Васька Шушенский три дня пил: спустил и дом, и бегунца, и... и... *(Оглядывая себя, делает красноречивые жест.)* А тут ещё пассаж: жёнушка моя угодила в яму с брагой! Всю бражку испортила — двадцать мешков муки! Пропала божья водица и клиентура... ай-я-я-яй... И вот я снова в родном селе, в чужом доме... Вокруг меня — белые и красные... К кому податься? А чья возьмёт?.. *(Смотрит на чемоданчик, гладит его.)* Вот всё, что осталось у меня от прошлого. С ним и начнём новую жизнь, чин-чинарём... Только бы не подохнуть с голоду. Люди, хлеба! Сто тысяч — за булку хлеба! *(Голос Парщикова: «Воды». Васька засуетился.)* Искюз ми, этот номер не пройдёт... Ориведерче! Главное в нашей профессии уметь во время... *(Слышатся выстрелы, в комнату вбегают Зацепин и Ермолаев.)*

ЗАЦЕПИН. Ты што тут вытворяшь, голубчик?

ВАСЬКА. А что переночевать нельзя, да?

ЕРМОЛАЕВ. Кто такой? Чей будешь?

ВАСЬКА. Неужто не признали, Иван Семёнович? Это же я, Петров Василий... Васька Шушенский, ну?

ЗАЦЕПИН. Как попал? Закрыто же...

ВАСЬКА. Хе-хе *(Показывает на окно.)* Мы люди не гордые...

ЕРМОЛАЕВ *(кивая на Ваську.)* Что делать будем?

ЗАЦЕПИН. Пристрелить для порядку.

ВАСЬКА. О боже!

Запыхавшись, вбегает отец Иван.

БАТЮШКА. О боже!

ВАСЬКА. Вот и я говорю: о боже.

БАТЮШКА. Партизаны... христопродавцы треклятые...

ЗАЦЕПИН. Где!?

БАТЮШКА. С Каптырева подходят... Звонарь углядел.

ЕРМОЛАЕВ. А, чёрт!

ЗАЦЕПИН. Бегим!

БАТЮШКА. И меня... и меня не забудьте. Вседержитель не преминет возблагодарить вас за помощи слуге господнему, паки и паки власть законная не восторжествует на троне.

ЗАЦЕПИН. Куда Вы вместе с богом раньше смотрели?

БАТЮШКА. Церковь вносила свою лепту на алтарь борьбы с нехристями щедро, а вот вы с оглядкой разверзали мошну свою.

ЕРМОЛАЕВ. Недосуг нам, батюшка, перепираться... В другой раз, когда вернёмся, договорим. *(Ваське.)* Проси благословения у батюшки.

ВАСЬКА *(наконец, поверив, что его могут расстрелять).* А как же так... Я же свой...я же ваш... могу доказать. *(Приближается и говорит кулакам что-то, кивая на место, где прячутся партизаны.)*

ЗАЦЕПИН. Так вы, значится, здеся, голубчики! *(Кидается на партизан.)*

Из-за укрытия выскакивает Фёдор. Зацепин стреляет в него. Фёдор падает замертво. Шатаясь, появляется Парщиков с пистолетом, идёт на убийц, Зацепин стреляет один раз, другой, бросает ружьё, пятится из комнаты. Кулаки обращаются в бегство. Отец Иван растерянно мечется по комнате. Васька сигает через окно. Парщиков преследует кулаков.

БАТЮШКА. Боже помоги! Боже помоги!

Отец Иван сбрасывает рясу, лезет через окошко. Также через окно возвращается Васька, чтобы взять забытый сундучок, но сразу не находит его, так как сундук накрыт был поповской рясой. Васька, наконец, наткнулся на сундучок, наклоняется, но слышит над собой: «Руки вверх!» Это прибыли партизаны.

ВАСЬКА *(с готовностью поднимает руки)*. Пожалуйста.

ФЕДЯЕВ *(замечает убитого сына, кидается к нему)*. Ох, сынок, сынок... Што ты наделал... *(Снимает шапку.)*

ПАРТИЗАН *(оценивая обстановку, кивает на Ваську)*. Взять! *(Подходит к убитому, снимает шапку.)* Прости, Фёдор, не уберёг тебя...Ну, ироды... заплатите вы нам сполна! *(Указывает на Ваську.)* Ведите!

Партизаны волокут Ваську к двери.

ВАСЬКА. Как же так... Я же свой... я ваш! Не убивал я, не убивал! Слово чести, не убивал. Это Зацепин... В бане он засел, в бане!

Партизаны кидаются к двери. Васька — к окну. Вбегает Федяиха, видит мёртвого сына, с криком падает ему на грудь. Возвращаются партизаны, вволакивают пойманного Зацепина, останавливаются у двери, боясь нарушить скорбного оцепенения матери. Федяиха находит в себе силы, поднимается, окидывает всех взглядом.

ФЕДЯИХА *(указывая на сына)*. Кто?

К её ногам толкают Зацепина.

ФЕДЯИХА. Кум?... Здравствуй, кум.

ЗАЦЕПИН *(настороженно)*. Здорово, кума, коли не шутишь...

ФЕДЯИХА. Нет, кум, не шучу... Шутками и ты не отделаешься... *(Обращается к партизанам.)* Он убил мово сына?

ПАРЩИКОВ. Он. Вот из этой... *(Показывает ружьё.)*

ФЕДЯИХА. Дайте мне... *(Берёт ружьё.)*

ЗАЦЕПИН. Кума! Кума, вспомни милости мои!

ФЕДЯИХА. Всю жисть пил ты кровушку нашу... Кровь крестника свово выпил до капельки... Верну я тебе долги, кум. *(Неумело наводит ружьё, стреляет, Зацепин падает мёртвым.)*

Вбегает Саяна, видит два трупа, мужа и отца, как подкошенная падает между ними.

ФЕДЯИХА. Не убивайся, голуба... Мёртвых не поднять... А поднимать нам сына твово, а мово внука... Для него нам жить... Для него, для новой жизни отдали мы сыновей, мужей своих, долю свою...

Федяиха поднимает Саяну. Обе женщины — воплощение скорби и надежды

Всеми присутствующими исполняется финальная песня.

Ой, да расстилался туман

Ой, да расстилался туман
по Енисею-реке,
по крутым берегам,
по зелё...
эх, по зелёным лугам.

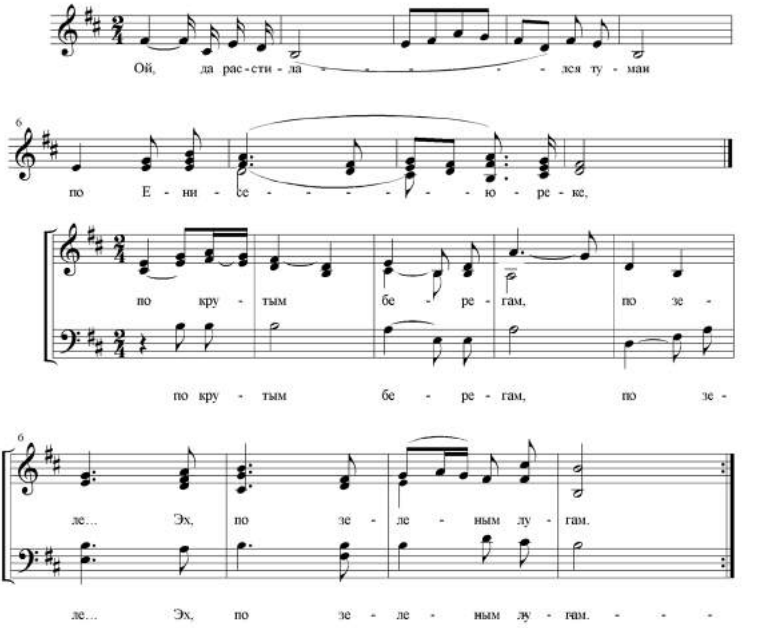
Ой, да застилал туман
очи зоркие —
не видать, не сыскать
путь-доро...
эх, путь-дороженьку.

Ой, да ты явись, приди,
добрый молодец,
одолей, развей
силы тё...
эх, силы тёмные.

Ой, да и пришёл человек,
высек искру он.

В пламя искорка
разгоре...
эх, разгорелася.

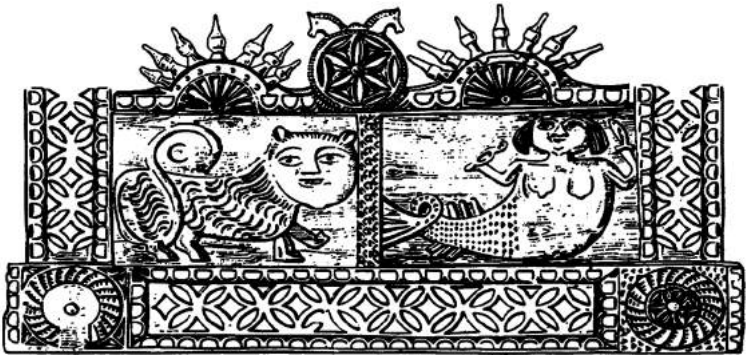
Ой, да и взошло ему вслед
солнце красное —
и туман над рекой
порассе...
эх, поряссеялся



КОНЕЦ.

СПИСОК ПЕСЕН

«Песня Васьки Шушенского» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Как сбирались к реке Енисею» — слова Б. Терещенко, музыка С. Щукина.
«Вспомни комнату девичью» — р.н.п.
«Во горнице во новой» — р.н.п.
«Посею лебеду на берегу» — р.н.п.
«Ой, да расстилался туман» — слова Б. Терещенко, музыка С. Щукина.



Артисты приехали

Комедия

В одном действии, в пяти картинах

Действующие лица:

АЛЁНКА — бригадир
АЛИК — зав. клубом.
ДЕД — старый партизан.
ДЕВОЧКА — приёмная дочь Алёнки.
РОБОТ — прозвище инженера, приехавшего на работу в село.
ЭЛЕКТРИНА — зоотехник, направленный на работу в село.
НИКИТИЧНА — самогонщица.
ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ — её муж.

Действие происходит в 70-е годы в отдалённой от центра деревне.

Картина первая

Околица села на фоне живописных сопок, видны несколько петель речки. Появляется навьюченный чемоданами коренастый молодой человек. Это инженер по прозвищу «Робот», прибывший на работу в село вместе с двумя другими специалистами: зоотехником Электриной и культработником Аликом.

РОБОТ. У-ф-ф... наконец-то, дотащился... *(Оглядывается.)* Так, значит, это и есть Багуловка, та самая, как говорят, нива, где мы должны посеять и взрастить семена нашей образованности и культуры... Прибытие молодых специалистов в село — это событие, а тут — ни души, ни музыки, ни оркестра... Ни дать, ни взять — несчастье свалилось на голову багуловцев: чума какая-нибудь или холера...

Появляется Электрина, ультрамодная молодая особа, потом Алик, длинный детина с гитарой на плечах.

ЭЛЕКТРИНА. Робот, Робот, куда ты завёл нас?

РОБОТ. Конечный пункт назначения, мадам: Багуловка. Милости просим.

ЭЛЕКТРИНА. Я осталась без каблуков и не могу идти. Надо немедленно вызвать машину...

РОБОТ. Или прибить каблуки. *(Колдует над каблуками.)*

ЭЛЕКТРИНА. Какая я дура — послушалась вас!

РОБОТ. Уехать восвояси никогда не поздно, только кто отпустит?

Появляется Алик.

АЛИК. Робот, Робот, куда ты завёл нас?

РОБОТ. Багуловка, синьор, прошу любить и жаловать.

АЛИК. Любить некого, жаловаться некому, а вот...поесть бы...

РОБОТ. Не успели прибыть уже есть просят... Работнички!

ЭЛЕКТРИНА *(садится)*. Дальше я не пойду. Пусть дают нам машину и отвезут нас обратно.

АЛИК. Что же нам делать, ведь в деревнях — всё больше самосвалы.

ЭЛЕКТРИНА. Ведь говорила же мне мама: сиди, всё улажу... Так нет, дёрнула меня нечистая... Понадеялась на кавалеров... Что вы стоите?!

АЛИК *(нарочито садясь)*. Спасибо, спасибо... *(Роботу.)* Разрешено сесть.

ЭЛЕКТРИНА. Паяцы несчастные...

АЛИК. Не хнычь, Эля, мы тебя донесём на руках.

РОБОТ. А чемоданы?

ЭЛЕКТРИНА. Смеётесь?

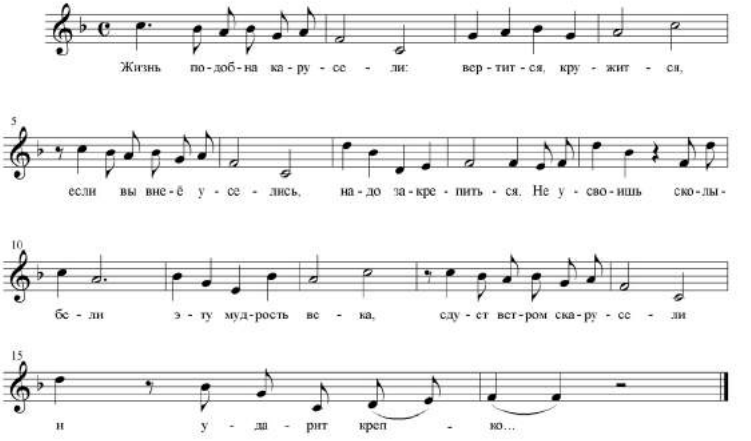
АЛИК. А что делать? Кто виноват, что мы попали в самую глушь? В первую голову наши предки: прежде чем запускать нас в производство, надо было бы обеспечить рынок сбыта...

РОБОТ. И всё же, почему нас не встречают с оркестром?

АЛИК. Пойду, поищу здешнее начальство, а заодно и оркестр. *(Уходит, напевав куплеты.)*

Жизнь подобна карусели:
вертится, кружится,
если вы в неё уселись,
надо закрепиться.

Не усвоишь с колыбели
эту мудрость века,
сдует ветром с карусели
и ударит крепко...



Появляется Никитична, потом Евлампий Силыч, как всегда в нетрезвом виде.

НИКИТИЧНА *(изумлённо)*. Артисты приехали! И видать, заграничные. Евлампий! Ой, мамочка моя... Да где ж ты, сатана, делся, где тебя египетская сила носит?

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Чего вопишь, будто на плиту села.

НИКИТИЧНА. Молчи, дурак, повылазило тебе! Иностранцев не заметил...

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Я их, буржуев, сейчас... *(Угрожающе направляется к Роботу и Электрине.)* А ну, такие-сякие...

НИКИТИЧНА *(оттягивая его, шепчет)*. В гости пригласи, ослиная твоя голова... Деньжата у них, чай, водятся...

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ *(приближаясь вторично, заискивающе)*. Пардон, так сказать, того... честь имею, значит, пригласить... пропустить... и всё такое прочее...

ЭЛЕКТРИНА. Это что за ископаемое?

РОБОТ. А-бо-ри-ген.

НИКИТИЧНА *(отталкивая Евлампия Силыча)*. Здравствуйте, гости дорогие... С дороги, чай, устали... Зашли бы к нам... отдохнули б, перекусили...

РОБОТ *(Электрине)*. Кажется, нас приняли за начальство... Держи фасон, Эля. *(Громко.)* Когда же вернётся шеф?

Те же и Алик.

РОБОТ. Ну?

АЛИК. Вот. *(Показывает объявление на небольшом щите: «Все на уборочной».)* Ума не приложу, что делать?

РОБОТ. Я знаю. *(К Никитичне)* Принимай гостей, хозяюшка.

НИКИТИЧНА *(к Евлампию Силычу)*. Покажи гостям дорогу, а я побегу собирать на стол. *(Уходят.)*

Картина вторая

Квартира Никтичны. Те же.

НИКИТИЧНА *(встречая)*. Заходите, гости дорогие, проходите, располагайтесь. Живём, как видите, небогато, но для гостей

хороших — ничего не жалко. *(Рассаживает всех.)* Вот — что бог послал.

РОБОТ. Да вы не беспокойтесь...

НИКИТИЧНА. Уж и не говорите... Как не беспокоится: гости, чай , не простые. *(Наливает стаканы.)*

АЛИК. Может, не стоит...

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Такого не быват, чтоб без этого самого... Традиция.

НИКИТИЧНА. Так она же целебная у меня. Её и детям не грех давать. Я, можно сказать, всё село и лечу.

РОБОТ. А я как раз приостыл немного... горло... Если можно, конечно...

ЭЛЕКТРИНА *(к Алику)*. С этой бормотухи ничего не будет?

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Что вы, барышня! Вы поглядите на неё — слеза! Понюхайте её — нектар!

РЙОБОТ *(поднимает стакан)*. За здоровье хозяюшки! *(Все пьют.)*

НИКИТИЧНА. Женщина я тёмная, беззащитная. Живу, как трава при дороге, кто ни пройдёт, тот и скубнёт... А муж... Он хоть и есть, да что толку-то... Он у меня — оперированный.

АЛИК. А вы?

НИКИТИЧНА. А я такая больная, такая больная... у меня на теле — живого места нет. Из-за головной боли света божьего не вижу, а председатель наш совсем со света сживает...

АЛИК. Робот, запиши — разберёмся.

НИКИТИЧНА. Спасибоньки вам... А поможете — в ножки поклонюсь, в долгу не останусь... Совсем загрыз меня председатель, дочь мою с пути сбивает, на родную мать натравил, и нет мне от неё ни днём, ни ночью покоя! А ведь я совала в ротяку ей самое лучшее, одевала, как паву — и такая благодарность! Где это видано, чтобы родное дитя супротив своей матери шло?!

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Моя дочь — во! первый сорт, девка.

НИКИТИЧНА. Цыц! Тебя не спрашивают... Это при живой-то матери жить по чужим людям! Угла своего не имеет, не обжилась, одежёнкой не обзавелась, а приёмыша взяла — кому она с хвостом-то нужна?

РОБОТ. А из-за чего не ладите с ней?

НИКИТИЧНА. Да всё — из-за председателя нашего. Как принесла его египетская сила из города, так у нас в селе жизни не стало.

АЛИК. Извиняюсь... Кому не стало? Почему?

НИКИТИЧНА. Так он же всех без оглядки на работу гонит! А я ж разве могу?

АЛИК. Понятно.

НИКИТИЧНА. На мне места живого нету...

РОБОТ. Пенсию хлопотали?

НИКИТИЧНА. Уж как только ни хлопотала... Докторов у нас нету, а фершал всё в райцентр посылат, а сколько я ему бутылёчков перетаскала... Нет совести у людей: не можешь, не бери. Так нет же, возьмёт, бессовестная рожа, а дело до ума не доведёт. Как после этого верить людям?!

РОБОТ. Да, пенсия — дело железное.

НИКИТИЧНА. Может, Вы поможете ?

РОБОТ. Ну, обещать — как этот Ваш... фельдшер, мы, конечно, не будем, но! Порекомендовать, посоветовать — это всегда пожалуйста.

НИКИТИЧНА. Вот уж, родненькие, утешили вы меня, так утешили. Бог послал мне заступничков... Председатель теперь у меня запляшет... отольются ему мои слёзоньки. И дочку приберу к рукам, будет у меня, как шёлковенькая. Где это видано, чтобы яйца да курей учили?!

РОБОТ. Стоит ему *(Показывая на Алика.)* поднять трубку и... Кстати, у вас есть телефон ?

НИКИТИЧНА. Белогорячечный... тянет какие-то провода...

ЭЛЕКТРИНА. Алик, сыграй что-нибудь душераздирающее... Реветь хочется.

РОБОТ. Держи фасон, Эля.

ЭЛЕКТРИНА. А ну вас... надоели все. *(Встаёт.)* Какой кошмар жить здесь: ужасные платья, страхолюдные причёски... Лучше — сразу в крематорий.

АЛИК. Не нуди.

ЭЛЕКТРИНА. Нет, этого я не вынесу.

НИКИТИЧНА. Ничего, барышня, попривыкнете... Конешно, тут не так, как в городе, но и клуб есть, и даже оркестра иной раз быват, хлопцы чернявые не перевелись...

ЭЛЕКТРИНА *(мечтательно)*. Придёшь, бывало, в тихий домик, станешь скромненько у колонны... у всех на виду, а в тебе всё: от корочек до волос — шик модерн! Стоишь-качаешься. Ножки точёные — на спичечках, платье — по последней моде, всем невдомёк, как и держится, прическа на голове — похлеще небоскрёба...

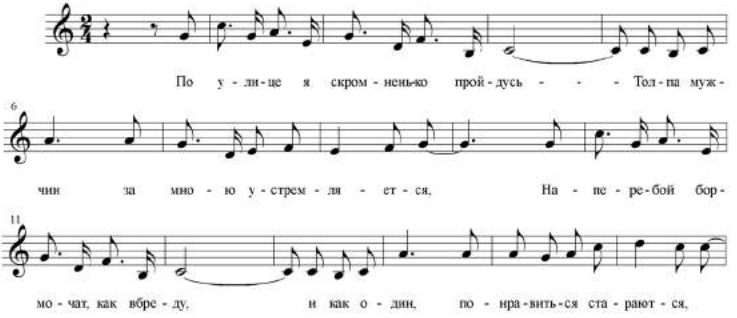
Где ни появлюсь, местные девы от зависти пухнут, а кавалеры ко мне так и липнут, так и липнут, как мухи к мёду! *(Поёт.)*

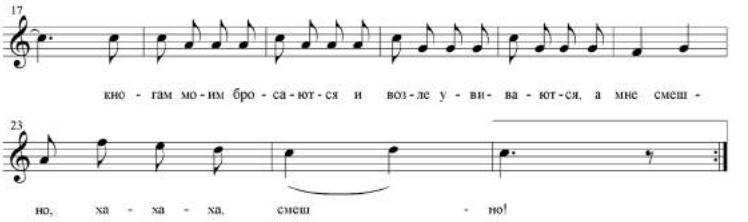
Песенка Электрины

По улице я скромненько пройдусь —
толпа мужчин за мною устремляется,
наперебой бормочат, как в бреду,
и как один, понравиться стараются,
к ногам моим бросаются
и возле увиваются,
а мне смешно, ха-ха-ха,
смешно!

Работайте, нам всюду говорят,
жизнь человека в этом заключается.
Какая чушь! Какой отсталый взгляд!
Ведь жизнь — одна и вновь не повторяется.
Пусть труд вознаграждается,
пускай трудяги славятся,
а мне смешно, ха-ха-ха,
смешно!

Пускай болит и тело, и душа,
пусть гром гремит, пусть смерть к нам приближается,
я в ателье направлюсь не спеша
последний сшить наряд, как полагается.
Пускай другие каются,
в слезах своих купаются,
а мне смешно, ха-ха-ха,
смешно!





Танцует чарльстон. Евлампий Силыч не выдерживает, пускается в танец.

НИКИТИЧНА. Куда, старый, полез? Совсем с ума спятил!

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. А ну смотри, какой я старик! *(Лихо пляшет комаринскую.)*

АЛИК. Это старо, папаша. Вот как танцевать надо. *(Танцует с Электриной модный танец.)*

РОБОТ. Экзотика!.. Фантастика! *(Подходит к Никтичне.)* Прошу, мадам.

НИКИТИЧНА. Га?

РОБОТ. Мы рыжие, что ли?

НИКИТИЧНА *(смущается)*. Господь с Вами, смеётесь над старухой. Куда ж я годна танцевать с Вами?

РОБОТ. Вы ещё — как огурчик.

НИКИТИЧНА. Такое скажете... Я и танцевать по-вашему не умею.

РОБОТ. А разве современным танцам учатся? Трясись, как знаешь — и вся наука.

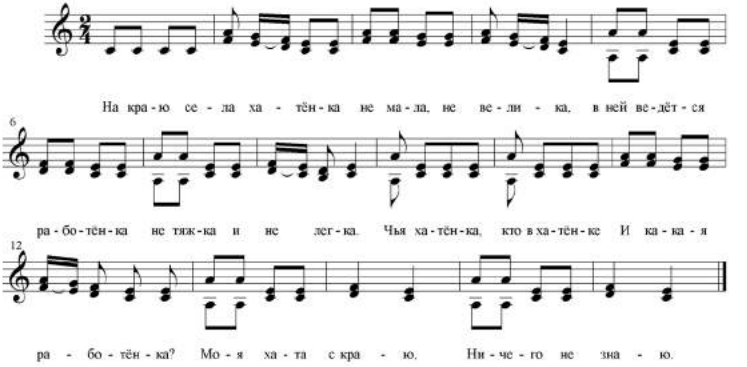
ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Только вздумай, бесстыдница, вертеться, я тебе так вертану, завертишься.

НИКИТИЧНА. А что, старый, вот возьму и уеду от тебя в город, назло тебе уеду, научусь выкаблучиваться по-модному, кавалера заведу... Эх, египетская сила, гулять так гулять! *(Выходит в круг, танцует, поёт.)*

На краю села хатёнка

На краю села хатёнка
не мала, не велика,
в ней ведётся работёнка
не тяжка и не легка.
Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?

Моя хата — с краю,
ничего не знаю.
Из трубы большой долгонько
днём и ночью дым валит,
шерсть у чёрного котёнка,
как у соболя, блестит.
Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.
Дым кругами — над хатёнкой,
а войдёшь в неё едва,
сколько б ни было силёнки,
закружится голова.
Чья хатёнка, кто в хатёнке
и какая работёнка?
Моя хата — с краю,
ничего не знаю.



Во время исполнения песни все пляшут, как могут. Никитична рассыпается в дробушечках, Евлампий Силыч пустился в присядку, молодёжь наяривает твист.

В разгар веселья настежь отворяются дверь, на пороге — Алёнка.

АЛЁНКА *(тяжело дыша)*. В поле хлеб осыпается, люди от усталости с ног валятся, а вы..?!

Все замирают. Занавес.

Картина третья

Околица села. Алёнка во главе живописной группы направляется в сторону поля, пытаясь всякими путями заполучить помощников, но не так это просто.

АЛЁНКА. Я рабочую одежду вам достану... Да и работы не так много осталось.

АЛИК. Сначала человек был обезьяной, но обезьяна стала трудиться, и труд превратил её в человека.

ЭЛЕКТРИНА. Что это за комедия?

РОБОТ. Разговорчики в строю!

ЭЛЕКТРИНА. Если тебе очень захотелось работать, приляг, и это желание быстро пройдёт.

АЛИК. Не на каторгу же мы, чем можем, как можем, сколько можем.

ЭЛЕКТРИНА. Думаешь, не понятно, почему в поле вдруг захотел? Перед этой девкой покрасоваться решил! Иди, вкалывай, но я — дудки! Поищи дураков в поле! *(Уходит.)*

РОБОТ. Электрина, куда же ты?

ЭЛЕКТРИНА. У меня голова разболелась мигрень.

РОБОТ. Измена женщины — это ещё не трагедия.

АЛИК. Это — как шипы у розы.

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Такую надобно крепко в вожжах держать, а станет брыкаться — кнутом её.

НИКИТИЧНА. ты у меня давно кнута не нюхал? *(Вдруг вспомнила.)* Египетская сила! Я ж аппарат не выключила! Не дай бог взорвётся, на воздух взлетит...

РОБОТ. Не в космос ли собираетесь?..

НИКИТИЧНА. Да какой там космос, самогон из пшенички заварила, а с вами про него и забыла...Ой, дура я старая. *(К Евлампию Силычу.)* А ты, растяпа, куды глядел? Глаза б твои повылазили! Ох, господи, да за какие грехи ты наградил меня пьяным чучелом этим. *(Всхлипывает.)* Ни помощи, ни поддержки, всё сама да сама, хоть разорвись. *(Кричит.)* С утренней зари зальёт глотку и света божьего не видит! *(Бросается на него с кулаками.)* Убью, сатана!

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Но, но, не тронь: я — оперированный!

НИКИТИЧНА *(уходя)*. Господи, милостивый, не дай аппарату взорваться.

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Баба — с воза, коням легче.

РОБОТ. Так вот какой аппарат, а я уж подумал, что и у вас здесь в космос летают.

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Летают, паря... и не то, что в космос, но и в рай, и в ад: пропустишь чарочку-другую — и понеслась душа в рай, переберёшь — немудрено и в ад угодить, иль к жене под тяжёлую руку... Эх, а первачок из пшенички — во! Никитична в этом деле — виртуоз, бес бы её побрал! Доводит этот самый напиток до таких кондициев, что ценители и знатоки рассыпаются перед ним бесом... А горит она, провалиться мне сквозь землю, коль вру! — синим пламенем! Э... да что говорить — это пробовать надо! *(Засобирался уходить.)*

РОБОТ. Евлампий Силыч, куда же Вы?

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Да я, паря... того... помочь. Аппарат ведь — штуковина нежная, обхождения мужского к себе требует, а бабе с ним недалеко и до беды. Вон соседка наша намедни... обварилась. *(Уходит.)*

Алёнка с болью смотрит на родителей, сгорая из-за них от стыда.

РОБОТ. Итак, нас трое, я, кажется, лишний. *(Уходит.)*

АЛЁНКА *(Алику)*. А Вы что стоите?

АЛИК. А что делать?

АЛЁНКА. Идите! За ними идите! Не нужны нам такие!

АЛИК. Вы говорите о своих родителях?

АЛЁНКА. Глядя на Вас, представляю, какие у Вас родители!

АЛИК *(уходя)*. А у меня родителей нет, я — самородок.

Оставшись одна, Алёнка плачет. Появляется Дед, старый партизан.

ДЕД. Што с тобой, голуба?

АЛЁНКА. Несчастный стиляга не успел приехать и уже матерью попрекает.

ДЕД. А ты плюнь на него, мать есть мать.

АЛЁНКА. Но, дедуня, мне людям в глаза стыдно глядеть...

ДЕД. А тебе што стыдиться-то? Бригадирша гордость наша, лучшая в районе... Председатель, понимаешь ты, слово лишнее на ветер не бросит, а и тот не нахвалится тобой. А секретарь так и сказал: «Нынче переходящее знамя Алёнке вручать будем...», а ты — стыдно. Обратно же и голосочек у тебя... Эх, жаль, што мне не двадцать годочков, я бы такую девку разом окружил со всех сторон и ультиматум ей: так, мол, и так, сдавайся...

АЛЁНКА. Но, дедуня...

ДЕД. Што, дедуня? Какой я тебе дедуня? Я — казак! *(Распрямляется, закручивает усы.)* Аль не казак уже?

АЛЁНКА. Казак, дедуня, казак, самый лучший казак.

ДЕД. То-то... Дедуня, дедуня... А за мать не убивайся, в беде не оставим.

АЛЁНКА. Я с ней и по-хорошему, и по-плохому, а она всё своё: день в колхозе, два — делами своими нечистыми занимается... «Для тебя, — говорит, — доченька, стараюсь.» Ушла от неё, надеялась, одумается — нет! Теперь одно остаётся: или её из колхоза убирать или самой уйти. *(Уходит.)*

ДЕД *(задумчиво)*. Да, молодёжь нонче пошла... Резкая, горячая, нетерпимая, своих родителей норовит наущать уму-разуму... Чудные времена настали... Да...

Картина четвёртая

Околица села. Проходит Алик, останавливается, заворожённый пейзажем.

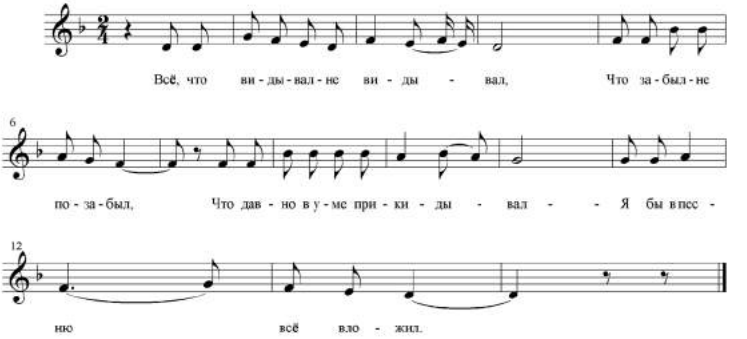
АЛИК. Или раньше я был чудаком, или становлюсь им сейчас, но мне чертовски начинает здесь нравиться. *(Задумчиво поёт.)*

Алёнушка

Всё, что видывал-не видывал,
что забыл-не позабыл,
что давно в уме прикидывал —
я бы в песню всё вложил.
В ней бы плыли гуси-лебеди
над Окою в забытьи,
в тополином тихом трепете
замирали б соловьи.

За избушкой в два оконышка
сам не знаю уж о чём,
возле пёнышка Алёнушка
горевала б над ручьём.

Только песня есть красивее,
и придумана не мной,
а зовут её Россиею
и родимой стороной.



Появляется плачущая девочка.
Алик вдруг замечает плачущую девочку.

АЛИК. Скажи, кто тебя обидел, и мы разделаем его, как бог черепаху.

ДЕВОЧКА. Никто.

АЛИК. Тебя укусила собака? Покажи эту злюку, и мы сделаем из неё бульдога.

ДЕВОЧКА. Как?

АЛИК. Отрубим хвост и набьём морду.

ДЕВОЧКА *(хихикнув сквозь слёзы)*. Меня не кусала собака.

АЛИК. Ты её укусила?

ДЕВОЧКА. Нет... Я маму ищу.

АЛИК. А кто твоя мама?

ДЕВОЧКА. Мою маму зовут Алёна Ивановна.

АЛИК. У такой маленькой мамы такая большая доченька.

ДЕВОЧКА. Ничего ты не понимаешь, мама моя большая, моя мама — самая главная, её все слушаются, и я слушаюсь...

АЛИК. Молодец, мам надо слушаться.

ДЕВОЧКА. Я и первую маму слушала.

АЛИК. Первую? А где она?

ДЕВОЧКА. Моя первая мама погибла, когда школа горела... Знаешь, какой огонь был? Большущий-пребольшущий! Всё село смотреть выходило.

АЛИК. Как же так случилось?

ДЕВОЧКА. Мама учеников своих выводила, посмотрела, Алёнки нету. Мама вернулась в школу и помогла Алёнке из окошка вылезти, а сама не успела: крыша обвалилась... А потом Алёнка стала моей мамой. Она у меня хорошая. А ты, дяденька, хороший?

АЛИК. Не знаю... Честное слово, не знаю...

ДЕВОЧКА. Хороший...А ты умеешь петь песни?

АЛИК. Не знаю.

ДЕВОЧКА. Какой ты бестолковый; всё не знаю да не знаю. Взрослые должны всё знать.

АЛИК. Не знаю... Давай-ка лучше я отведу тебя домой, добро?

ДЕВОЧКА. Добро.

Алик укрывает её пиджаком, они уходят. Здесь же встречаются Алёнка и Электрина.

ЭЛЕКТРИНА. Приветик, милая.

АЛЁНКА. Здравствуйте.

ЭЛЕКТРИНА. Скучаем?

АЛЁНКА. Нам скучать некогда... Это вам скучно.

ЭЛЕКТРИНА. Так скучно, так скучно, аж выть хочется.

АЛЁНКА. Привыкнете, как все привыкают.

ЭЛЕКТРИНА. Но я не такая, как все.

АЛЁНКА. Что же особенного у Вас?

ЭЛЕКТРИНА. А меня — сразу приметишь.

АЛЁНКА. По нарядам разве что...

ЭЛЕКТРИНА. Надо ещё дорасти до потребности красиво одеваться... И красота проявить себя не везде может... Куда мне здесь деться со своими нарядами? Кому показать их? Коровам?..

АЛЁНКА. Зачем тогда на зоотехника учились?

ЭЛЕКТРИНА. Ах, милая, важна не профессия, а диплом,

корочки, понимаешь? Одно дело — доярка, и совсем другое — специалист с высшим образованием....

АЛЁНКА. А у нас о человеке по труду судят.

ЭЛЕКТРИНА. По труду судят — о лошадях, какая больше везёт, та лучше.

АЛЁНКА. Отчего ж тогда в город не возвертаетесь?

ЭЛЕКТРИНА. Жду, пока это оформят законненько.

АЛЁНКА. Председатель Вас вас шибко не держит.

ЭЛЕКТРИНА. Не знаю, что делать с Аликом. Он безумно влюблён в меня.

АЛЁНКА. И жениха своего забирайте!

ЭЛЕКТРИНА. Жених — это, милая, старо... Жених — это один-единственный, что он может? А вот кавалеры один другого шикарнее, один перед другим из кожи лезет, хочешь то, желаешь это? И у тебя — выбор, смекай, что к чему.

АЛЁНКА. Ну, к примеру, если тех кавалеров раз-два и обчёлся, или вовсе нет, затишье, тогда что?

ЭЛЕКТРИНА. А магазины на что?

АЛЁНКА. А коли денег нет?

ЭЛЕКТРИНА. А зачем деньги?

АЛЁНКА. Так воровать что ль?

ЭЛЕКТРИНА. Как тебе это объяснить?.. Заглянешь, например, в какой-нибудь отдел на секундочку, а там платочки выбросили, один другого абстрактнее. Ну, какая женщина отойдёт от прилавка, пока не перещупает их все, до одного! Или заскочишь в обувной... Разве удержишься от примерки? А начнёшь мерять — не остановишься, пока за уши не оттянут. И эти туфельки хороши, а те ещё лучше, а третьим — и сравненья нет! Перемеряешь целую дюжину, попробуй после этого не купить хоть домашние тапочки. Да тебя продавщицы за волосы оттаскают! Выберешь две пары и говоришь небрежненько: «Заверните.» Девушки стараются, заворачивают, аккуратненько так, сначала каждую в отдельности, потом обе пары вместе упаковывают и радуются: выручка будет на славу. А монеты у тебя нет, и приходится смываться: тихохонько бочком, бочком. «Куда же вы? Счета-то забыли!», — кричат тебе вслед. «Валяй, — думаешь, — мне всё равно!» За счета — и только тебя и видели. Через пару минут в соседнем комиссионном манто мереешь. Цвет — закачаешься, цена — упадёшь! Продавщицы бегают вокруг тебя и нахваливают. Приходится и шапочку попросить. И

что ты думаешь? Приносят из соседнего отдела. «Это мне подойдёт, — говоришь медленно, придирчиво оглядывая себя в зеркале, пожалуй, я возьму, хоть это и не совсем то, о чём я мечтала. Да, у меня, наверное, пару монет не хватит, не смогли бы вы отложить для меня покупку?» «Можем только на полчаса-час» — «Хорошо.» И, уходя, для пущего форса добавишь с достоинством: «Так я надеюсь», а про себя шепчешь: «Простите душу мою грешную и не поминаете лихом, ха-ха!»

АЛЁНКА. Зачем откладывать вещи, если всё равно не купишь...

ЭЛЕКТРИНА. Если, дорогая, недоступною вещь потрогаешь, на душе легче становится, вот Алик, например, поспорил, что добьётся тебя, ведь ты, говорят, недотрога.

АЛЁНКА. Да как он посмел!

ЭЛЕКТРИНА. Ах, бедняжка, надо знать мужчин лучше.

АЛЁНКА. Но что я ему сделала плохого?! Я... Я... *(Убегает.)*

ЭЛЕКТРИНА *(хохочет)*. Чудненько! Отбрила — высший класс! Пусть теперь он сунется к ней... Уж посмеюсь я, уж посмеюсь... *(Уходит.)*

Проходящий мимо Дед, слышит последние фразы.

ДЕД. Вот холера на нашу голову... Тьфу!

Картина четвёртая

На крыльце клуба Алик делает надпись на знамени «За победу в социалистическом соревновании». Окончив, расправляет знамя, любуется работой.

АЛИК. Чем не художник, а?.. Только на знамени для Алёнки я бы написал другие слова...

Появляется Никитична.

АЛИК *(учтиво подходит)*. Здравствуйте, мамаша.

НИКИТИЧНА. День добрый...

АЛИК *(указывает на знамя)*. Вот — для дочери Вашей...

НИКИТИЧНА. У кого — дочери, а я — одна-оденёшенька... Дочь-то чего затеяла супротив матери своей — из колхозу исключать собралась... А это всё — председатель! Белогорячечный сбаламутил девку.

АЛИК. Хороший она у Вас человек...

НИКИТИЧНА. Это — супротив матери и хорошая? Собака самая негодная и та на хозяина не лает, а тут дочь единственная меня с колхоза сживает.

АЛИК. Добра она Вам желает...

НИКИТИЧНА. Где ж то добро — с колхоза гнать... А куда мне деться с моим-то здоровьем? Я ж такая больная, такая слабая, одному богу известно, как и на свете живу... И сердечко моё болит, и ноженьки мои не ходят, и головонька, будто чугуном налитая... Все видят, как я, бедная, маюсь, а сочувствия и поддержки — ни у кого...

АЛИК. Что же я могу для Вас сделать?

НИКИТИЧНА. Напишите в Москву бумагу, как издевается тута-ка над бедной женщиной председатель наш.

АЛИК. Я бы мог похлопотать... чтоб работу полегче дали...

НИКИТИЧНА. Да разве ж я могу работать: и рученьки мои отнимаются, и головонька моя разламывается...

АЛИК. Хорошо, хорошо, я поговорю с председателем... и с Алёнкой поговорю...

НИКИТИЧНА. Сиротинушка я горемычная, никому-то я ненужная, никому-то до меня и дела нет... *(Уходя.)* А опохмелиться — так к Никтичне.

АЛИК *(задумавшись)*. Си-ту-а-ция...

Быстро проходит Алёнка, Алик выбегает ей навстречу.

АЛИК. Вот счастье-то! Вы как раз мне и нужны! Здравствуйте!

АЛЁНКА *(пытаясь обойти его)*. А Вы мне — нисколечки.

АЛИК *(опешив)*. Мне очень надо поговорить с Вами.

АЛЕНКА. Не о чём нам говорить.

АЛИК. Простите... А я-то думал...

АЛЁНКА. ...меня выиграть на спор?!

АЛИК. На какой спор? В чём дело? Я о матери хотел...

АЛЕНКА. Не тронь мою мать!!

АЛИК. Она сама...

АЛЁНКА. Уходите! Ни видеть ни слышать Вас не хочу! С дороги!

АЛИК. Но выслушайте сначала...

АЛЁНКА. Если Вы сейчас же не оставите меня... я сделаю такое... такое...

АЛИК. Пока не выслушаете, не уйду... *(Приближается к ней.)*

АЛЁНКА. Не смейте подходить! Не смейте! Я сейчас закричу. *(Замечает палку, вооружается ею.)* Только посмейте... только подойдите...

АЛИК *(приближается)*. Ну, бей, только покрепче бей... Может, и выбьешь любовь мою...

АЛЕНКА *(бросает палку)*. Ложь! Всё ложь, всё!!! *(Убегает.)*

Появившийся Робот видел конец сцены.

РОБОТ. Да, брат, дела-а-а... Жизнь наша, как говорят, бьёт ключом и всё по голове...

АЛИК. Пошёл ты...

РОБОТ. Ты думаешь, мне лучше? Я сам готов утопиться...

АЛИК *(указывая на речку)*. Прошу.

РОБОТ. Я бы — с радостью, да разве в этой речке утопишься? Куда мы попали? Даже утопиться негде!

АЛИК. Хватит, не паясничай... Не до шуток.

РОБОТ. Но я серьёзно! Вот скажи мне, как друг: инженер я или не инженер?

АЛИК. Ну, инженер...

РОБОТ. Какого черта мне суют ключи в зубы, чтоб я гайки завинчивал?

АЛИК. Ты бы хотел их отвинчивать?

РОБОТ. Не тыкай мне селёдку под нос, я тебя спрашиваю, зачем я над сопроматом корпел? Чтобы гайки крутить?

АЛИК. Не нравятся гайки, крути хвосты у коров, как Эля.

РОБОТ. С тобой невозможно говорить! Да и не к чему. Уезжаю. Баста! Техники здесь — раз-два и обчёлся...

АЛИК. Любой счёт начинается с единицы...

РОБОТ. Тебе хорошо тра-ля-лякать, да и какой с тебя спрос? Споёшь-не споёшь ли — урожая не убудет, а мне — попробуй не выставь комбайн на полосу в срок! А запчасти где? А слесари где? А комбайнеры где? Уеду! Всё брошу к чертям и уеду!

АЛИК. А инженер где? — будут спрашивать меня.

Оба расхохотались вдруг. С возмущёнными выкриками появляется Электрина.

ЭЛЕКТРИНА. Я буду жаловаться! Вы у меня запоёте!

АЛИК. Жаловаться? На кого?

ЭЛЕКТРИНА. Меня корова боднула.

АЛИК. На корову, значит...

ЭЛЕКТРИНА. Это всё твоя... Акулина подстроила... Подвели ко мне бодливую корову... Она у меня ещё запоёт...

АЛИК. Корова?

ЭЛЕКТРИНА. И ты — тоже.

АЛИК. За коров и за себя — не ручаюсь; а вот за девчат здешних могу поручиться головой: они у меня действительно, запоют, да так, что в столице услышат — запомните мои слова... Вы знаете, какие у них голоса? Серебро? Хрусталь? Не то! Понимаете, их никто не учил, а они так тянут, и заметьте — в три голоса! — Диву даёшься. Откуда это? А насчёт урожая, я тебе, Робот, вот что скажу: не машины его дают — люди! А поющий человек заменит двух нытиков, это я — между прочим...

Появляется перевязанный Евлампий Силыч.

АЛИК. Евлампий Силыч, что с Вами?

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Никитичны тута-ка нету?

АЛИК. Нет.

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Заявится — ни слова обо мне.

РОБОТ. Как это Вас угораздило так?

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Как угораздило, говоришь? Да чёрт меня дёрнул, паря, к аппарату пристроиться... Нет, штобы погодить, значит, пока нацедится в бутыль, я того... как это по-учёному у вас говорят... дегустацию развёл... Приловчился этак к аппарату, как сосунок к титьке и... значит, того... дегустирую, бес бы меня побрал! А аппарат возьми да взорвись на мою голову... Ой, беда, беда... Сколько горючего пропало. Обратно же и аппарату каюк! А Никитична проведает — и мне пропадать.

АЛИК. Вам срочно нужно в больницу: ожоги — дело не шуточное.

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Паря — во! И правда — в больницу! Только больница от Никитичны меня спасёт! *(Убегает.)*

ЭЛЕКТРИНА. И мне — среди них жить! Ни-за-что! Мальчики, едем вместе, что нам терять?

АЛИК. Езжайте...

РОБОТ. А ты?

АЛИК. А я? Я же сказал: мы будем песни петь.

Появляется Дед. Здоровается с молодыми людьми.

ДЕД. Здравствуйте, молодые люди.

АЛИК. Здравствуйте.

РОБОТ. Привет.

ДЕД. Я вот иду мимо, дай, думаю, гляну на знамя, готово али нет.

АЛИК. Всё в порядке, папаша... И появились Вы весьма кстати: вопросик у нас к Вам один: что главное в жизни?

ДЕД. Ишь куда загнул... Сразу и не ответишь... Не знаю... может, вот — знамя.

ЭЛЕКТРИНА *(фыркнула)*. Подумаешь...

ДЕД. Я тебе, барышня, вот што скажу... по тому, как человек относится к этому, я могу о нём своё представление иметь и не ошибусь нисколь. Жизнь научила... А учила нас она, понимаешь ты, свинцом, так што ошибаться мы права не имели, вот так-то. К примеру, случай такой... Помню, в восемнадцатом в начале мая на станции Булак это было... Просочились семёновцы к нам в тыл и зачали клевать нас из трёхдюймовок. Батько наш наказ даёт: обнаружить просочившегося врага и уничтожить. Бегим собачьей рысцой на станцию, глянули — хоть шапкой о землю вдарь: ладненько враг схлопотал — половина наших штабных эшелонов горит. И такая злость нас взяла: ну, семёновцы, попадись в руки, свернём глаза на затылок! Командир наш Бородавкин Владимир Александрович послал полуроту в обход семёновцам, а сам остался на станции, где заварилась каша. Огрызаемся, как могём, чуем, дело клёповоское... А тут ишшо от нас из-за сопки вылетела кавалерия. На пике — красное полотнище... «Ура! — загорланили мы, — наши!» Кто на радостях шапку в небо забросил, кто — обниматься побежал... «Стой! — кричит Бородавкин, — враг это, семёновцы!» и первый кинулся к платформе... Тама-ка две пушки стояли...Скатили мы их

едным духом, развернули и прямой наводкой шрапнелью — по врагу. Шарахнули — клочья от него полетели! Опосля уж я, значит, интересуюсь у Владимира Александровича: «Товарищ командир, вот Вы разглядели врага, а как же красное знамя?», а Бородавкин и отвечат: «А вот по красному знамени и разглядел... По тому как похабно они его сварганили... Не станет так наш брат кощунствовать над святыней... *(Берёт знамя.)* Ведь красное знамя — это наша жизнь, наша кровь...

ЭЛЕКТРИНА. Ужасно трогательно! *(Уходит.)* Робот, за мной!

РОБОТ *(к Алику)*. Может быть, мне подумать, а? *(Уходит.)*

АЛИК. Думай, Робот, думай!*(Вослед.)*

ДЕД. А сам-то думашь?

АЛИК. Думаю, папаша, думаю... Вот например, думаю, что с Алёнкой вдруг приключилось... На репетиции перестала ходить, а сегодня чуть меня палкой не приласкала. Такое часто на неё находит?

ДЕД. Интересуешься Алёнкой? А свою барышню городскую про запас дёржишь?

АЛИК. У нас ничего общего с ней...

ДЕД. Может, оно и так... В таком разе от балаболки этой беги без оглядки; прошмыгнёт она чёрной кошкой ишшо не раз меж тобой и любовью.

АЛИК. Да я и сам так думаю...

ДЕД. Вот то-то и оно! Гарцуешь меж бабами, точно жеребец... Эхе-хе-хе... Молодо-зелено! За всеми, хошь не хошь, не угонишься, только силёнки, брат ты мой, поистратишь, а в жизни, понимаешь ты, ох, как много силёнок надоть...

АЛИК. Вы уж, папаша, с лишком....

ДЕД. А ты не ерепенься, коли старшие говорят, слушай да на ус мотай... Если б мы в наше время так гарцевали, не видать бы вам этой жизни. Человек рождается, понимаешь ты, штобы детям своим жизнь краше сделать...Да...А здоровье, брат ты мой, статья не последняя... Вот я прожил не мало... Прошёл и огонь, и воду, на здоровье, слава богу, не жалуюсь — до пояса хоть долото переварит. А почему? Не хватался я за чужие юбки, сколько живу, сам себя пьяным не видывал — дисциплина железная и сам железный. А работы было шибко много, и всё горбом своим брали. А теперича как? Машины всю тяжкую работу подняли... Обратно же, и

культура... Пройдёт мимо тебя дивча, и не скажешь, из города оно аль из деревни...

АЛИК. Что ни говорите, город есть город.

ДЕД. Оно, конешно, так, токо люди всюду требуются... Вот на Марси, сказывают, понадобятся жители...А што? Я бы пошёл. *(Закручивает ус.)* Аль не гожусь в марсиане?

Картина пятая

Там же. Алик сооружает трибуну. Замечает Никитичну.

АЛИК. Проходите, мамаша, проходите... Смелей... Вот трибуну готовлю... Сейчас и народ будет... Праздник, как ни как.

НИКИТИЧНА. Не про нас честь...

АЛИК. В одной деревне живём — одна семья, стало быть.

НИКИТИЧНА. Нет у меня семьи. *(Всхлипнула, причитает.)* Сиротинушка я горемычная, никому-то я не нужна.... Дочь отреклась... А муж? Да за какие грехи господь наградил меня пьянчужкой? В гроб загонит идол окаянный... Одной ногой уж я и стою в нём...

АЛИК. Пожалели б его: в больнице лежит. Говорят, ожог третьей степени.

НИКИТИЧНА. А до какой степени пил?! Спьяну и аппарат порешил, чтоб его чёрта лысого самого и на том свете обваривали и обжаривали.

АЛИК. А может, это и к лучшему?

НИКИТИЧНА. Пропади оно всё пропадом! Ничего, египетская сила, не жалко, всё порешу, всё по ветру пущу! Коль родная дочь отступилась, нечего мне делать на этом свете. Видно, недолго мне осталось землю топтать, нет уже во мне ничего живого, как ещё душа теплится. Заждалась меня мать-сыра-земля, уготовила для меня мягкую постельку, видать, там и найду свой покой...

АЛИК *(успокаивает)*. Ну-ну, не говорите глупости, в Ваши-то годы...

Появляется Робот, слышит последние фразы.

РОБОТ. Постыдились бы говорить такое... В городе в таком возрасте женихов ищут!

НИКИТИЧНА *(польщённая)*. Ну уж и скажете...

РОБОТ. А нынче мы с Вами и станцуем ещё!

НИКИТИЧНА. Смеётесь над старухою.

РОБОТ. Какой тут смех: муж в больнице — самый раз танцевать. *(Смеются.)*

АЛИК. Постой, постой, какие танцы? Ты же уезжаешь?

РОБОТ. Кто тебе сказал?

АЛИК. Сам ты и сказал...Ты и Эля — фюить! *(Показывает пальцами.)*

РОБОТ. Это Электрина — фюить, а я остаюсь... В хор примешь?

АЛИК. А гайки будешь крутить?

РОБОТ. Согласен.

АЛИК. Чего это вдруг ты стал таким покладистым?

РОБОТ. Я всегда был покладистым, я всегда таскал твои чемоданы.

АЛИК *(даёт руку)*. Спасибо, друг...

Появляются сельчане, среди них Алёнушка с девчатами, с приёмной дочерью, появляется Дед. Взаимные приветствия. У всех приподнятое настроение.

АЛИК. Рассаживайтесь,товарищи, будем начинать... Все вы знаете, для чего мы собрались, длинных разговоров не требуется, начнём с самого главного. Слово для вручения знамени передовой молодёжной бригаде имеет всеми нами уважаемый ветеран войны и труда... *(Имя Деда глушат аплодисменты, к трибуне подходит Дед.)*

ДЕД. Собралися мы тута-ка неспроста. Браво в году поработали, живота своего не жалели, и матушка-земля сторицей наш труд нам вернула, и жить нам безбедно и счастливо. По работе же и честь. Кто заслужил её трудом своим, тому наше уважение и поклон... А лучшим из лучших — Переходящее знамя красное. Пронесли мы его сквозь огонь и воду, победы и беды, высоко пронесли. Дети мои, вам ныне нести его... Берегите пуще зеницы ока. *(Подходит к Алёпке.)* Ну, Алёна, прыймай от меня, старика, это самое... как оно у вас говорится... эстафету. Руки твои молоды, но крепки... Трудом своим заимела такое право, прыймай. *(Вручает знамя, смахивая слезу, целует Алёнку.)*

АЛЕНКА *(с волнением)*. Спасибо Вам... я... мы ещё лучше будем трудиться. *(Туш.)*

НИКИТИЧНА *(всхлипывая)*. Доченька моя, сараночка. *(Обнимает дочь.)* Прости ты меня, глупую, в ножки тебе поклонюсь, только прости...

АЛЁНКА *(сквозь слёзы)*. Мама...

НИКИТИЧНА. Эх, египетская сила! Принимай меня в бригаду свою, вместе будем работать! Примешь, не откажешь своей матери?

АЛЁНКА *(бросается к ней в объятия)*. Мама, мамочка... Правда? *(Звучит туш.)*

АЛИК. Тише, товарищи! Внимание! Ещё слово. Девчата умеют трудиться, вы это знаете, но и не секрет, что они — первые певуньи в районе... Всей бригадой в хор записались! Алёнка и в хоре — запевала. Так вот председатель наш поручил мне вручить Алёнке эту командировку... *(Достаёт бумагу.)*

ВОЗГЛАСЫ. Куда? На курорт, поди.

АЛИК. Солистка наша командируется к прославленной певице, хранительнице русской песни — к... *(Называет имя, отчество известной русской певицы, которое глушится аплодисментами и возгласами.)*

Алик передаёт командировочное удостоверение Алёнке, та прижимает к груди неожиданный сюрприз.

АЛЁНКА. Я так рада... Даже не верится...

АЛИК. Мне хочется сказать пару слов, товарищи...Заявились мы сюда прямо скажу, не по форме... *(Крики: «Кто старое помянет, тому глаз вон».)* Но не в этом дело... ведь ехали мы сюда без охоты, мало того... да что говорить! Я о себе скажу: вот пожил я здесь, среди вас, среди сопок, среди кедров — и не узнаю себя. Хуже стал, лучше ли, не знаю, только без всей этой красоты сибирской, без этих кедров, без песен ваших — я уже не представляю себя. Конечно, не всё сразу, но я верю: будет у нас настоящий дворец культуры, будет хор, который прославит Багуловку... Иначе нельзя, ведь жизнь должна быть не только безбедной, но и радостной, красивой... одним словом железной! *(Алодисменты, возгласы одобрения.)*

РОБОТ. Присоединяюсь к предыдущему оратору.

НИКИТИЧНА. Ой, поскорее бы...

РОБОТ. Что поскорее?

АЛИК. Собрание торжественное окончено... Можете идти, если спешите.

НИКИТИЧНА. Я говорю, поскорее бы жизнь стала... железной. Поди не доживу?

АЛИК. Так сегодня ж и начинайте делать её... Музыку! *(Звучит музыка.)*

Дед приглашает Алёнку к танцу, делает одина-два круга. Алик приглашает дочь Алёнки.

РОБОТ *(к Никитичне)*. А мы рыжие, что ли? *(Идут в круг.)*

В перерыве между танцами Аленка с подружками исполняет песню (трио).

Позолота

Ветер сорвал листок,
закружило его, понесло
и кружит, и кружит, как в речке челнок,
словно в омут попал, потеряв весло.

Припев. На небе горит позолота,
и зорька утрами алеет, как мак.
И всё-таки что-то, и всё -таки что-то
в моей жизни не так, не так, не так.

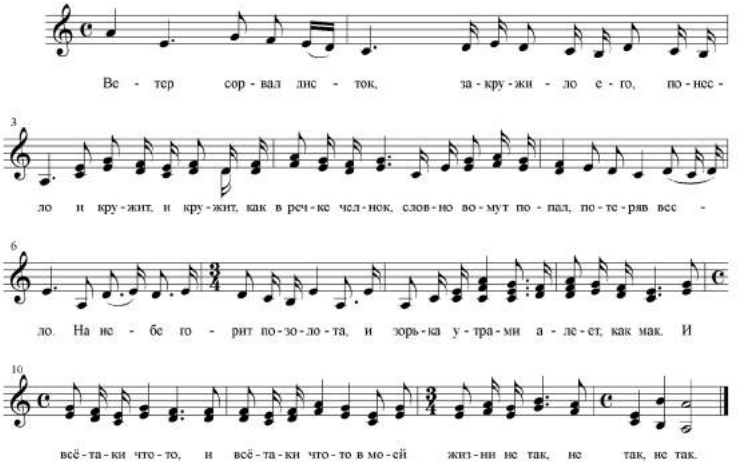
Детство, вчера с тобой
вместе бегала я во дворе,
как вихрь, как вихрь с горы ледяной
во весь дух пронеслась в белом январе.

Припев.

Сердце таит мечту,
только, видимо, я не права,
спешила, спешила зайти за черту,
перепутала всё — кругом голова.

Припев.

На небе опять позолота,
и зорька утрами алеет, как мак.
На каком повороте, на каком повороте
я ступила не так, не так, не так?



Вдруг появляется Евлампий Силыч с забинтованной головой и рукой. Он сбежал с больницы. Ревниво наскакивает на Никитичну.

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. А, ну, домой, старая...

НИКИТИЧНА. Какая я тебе старая... На себя-то посмотри, чучело!

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ. Не тараторь, вертихвостка, обожжённая рука у меня одна только, другой-то я и двинуть могу.

НИКИТИЧНА. Я те двину! Так взбутетеню, пентюх треклятый, осколков не соберёшь...

В перерыве между танцами появляется Электрина с явным намерением всех покорить.В эффектной позе ожидает следующего танца. Звучит музыка, Дед приглашает на танец Девочку. Алик приводит себя в порядок, подтянувшись идёт к даме, которую хочет пригласить. Все напряжены. Кого? Электрина подаётся навстречу, но Алик проходит к Алёнке, которая после некоторого колебания соглашается на танец. Встаёт Робот и продвигается к даме, которую хочет при-

гласить. Электрина окликает его: «Робот!», но Робот приглашает Никитичну. Тогда Евлампий Силыч, не растерявшись, расшаркиваясь и жестикулируя забинтованной рукой, приглашает на танец Электрину. Та, вспыхнув от злобы, гневно удаляется прочь.

ЕВЛАМПИЙ СИЛЫЧ *(вослед)*. Иностранка! И уходит по-иностранному: фюить!

Музыка играет ещё веселей. Танцуют все. Звучит песня.

Ехал Ванька из Рязаньки

Ехал Ванька из Рязаньки,
полтораста рублей санки,
девятьсот рублей узда,
золочёная дуга.

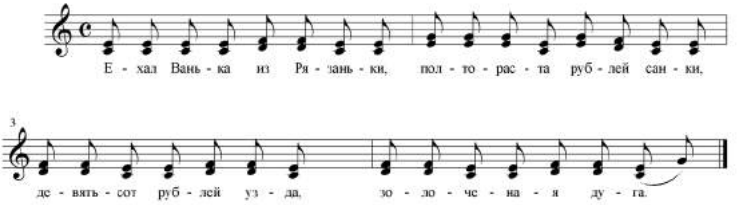
Девки думали,
гадали, кого верно полюбить,
или Гришку, или Мишку,
или Ваню-щеголя.

А у Вани-щеголя
была барышня своя,
была барышня своя,
её Марьюшкой зовут.

Марья по саду ходила,
рясну ягоду рвала,
рясну ягоду рвала,
офицеру продала.

Полцены с него взяла,
два рубля с полтиною.
Туда рубль, туда два,
за сапожки полтора.

Хоть и дорого платила,
босой сроду не ходила,
Барыня, барыня,
сударыня, барыня.

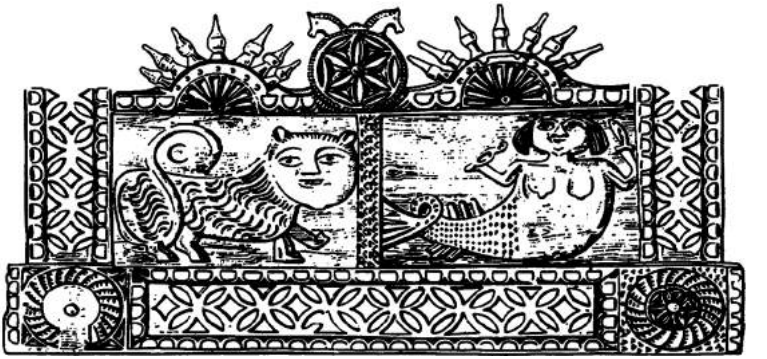


Во время исполнения песни появляется дуга, кушаки превращаются в вожжи, которые закрепляются на «кореннике» и «пристяжных», таким образом образовавшаяся тройка кружит по сцене в ритме песни, по ее окончании все участники исчезают за кулисами. Занавес.

КОНЕЦ.

СПИСОК ПЕСЕН

«Куплеты Алика» — слова Б. Терещенко, музыка В. Голованова.
«Песенка Электрины» — слова Б. Терещенко, музыка В. Голованова.
«На краю села хатёнка» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Позолота» — слова Надеевской, музыка Чумакова.
«Ехал Ванька из Рязаньки» — р. н. п.



Амурное вещество

Комедия
в одном действии, в трёх картинах

Действующие лица:

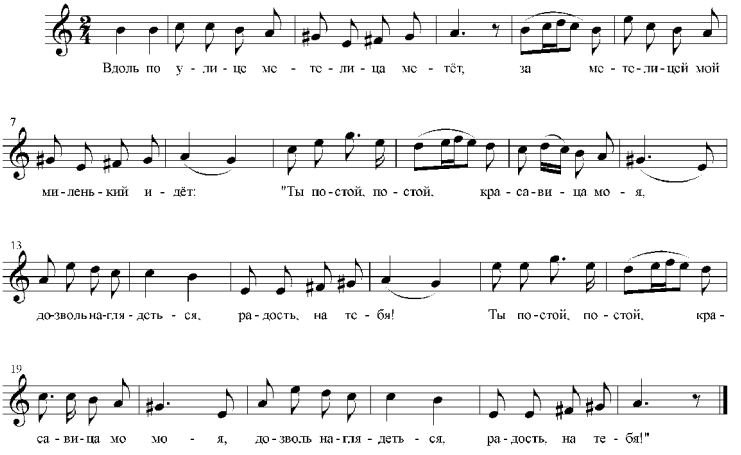
МАТРЁНА — простая русская женщина средних лет.
ВАЛЕНТИНА — ее хозяйка.
ВАЛЕНТИН — супруг Валентины.
ВАЛЬДЕМАР — искатель родового сокровища.

Картина первая

Женщина средних лет метёт улицу, напевая.

Вдоль по улице метелица метёт

Вдоль по улице метелица метёт,
за метелицей мой миленький идёт:
«Ты постой, постой, красавица моя,
дозволь наглядеться, радость, на тебя;
на твою ли на приятну красоту,
на твоё ли что на белое лицо.
Ты постой, постой, красавица моя,
дозволь наглядеться, радость, на тебя.
Красота твоя с ума меня свела,
иссушила добра молодца меня,
ты постой, постой, красавица моя,
дозволь наглядеться, радость, на тебя.»



МАТРЁНА. Сердешна песня... Пою, чай, с детства её, а напеться не могу. Чем больше пою, тем больше петь тянет, сердечко так и тает, так и млеет, аж реветь хочется... Токо я слезам воли не даю — ни к чему всё это, бабьи глупости... А песня — она песня и есть, ею сыт не будешь. Мало ль чо в бабий ум взбредёт,

мало ль чо возжелается... Народ-то нонче какой пошёл — убогонькой, чего взять с него, особливо с мужика, который если и не обкрадёт, то обязательно обманет. Ох и опустился мужик, ох и опустился... Обмельчал вконец. Кто его, сердешного на ноги подымет? Ага, жди-пожди — дождёшься, подымет кверх ногами... Не поднять норовит человек человека, а сбить, а раздеть, а разъять, душу вынуть! Может, и правда, конец миру пришёл: ни к чему хорошему, окромя плохого, человек не способен... Вот давеча, чо видела я — тьфу! *(Заговорщицки.)* Мету вот так же я, пою себе потихонечку, вижу под кустами ноги торчат, в белых кроссовках. Вот те раз, — думаю, — чьи же они будут? Захожу о другого боку, гляжу — ипеть ноги, вроде другие, потому как — в мокасинах. Мне аж млосно стало — свят, свят, свят, может, думаю, померещилось в сумерках? Перекрестилась, протёрла глаза и пошла на второй заход: всё верно — с одной стороны куста торчат ноги в кроссовках, с другой — шевелятся ноги в мокасинах, те, што в кроссовках, землю носками пашут, а в мокасинах — пятками упираются. А мне, дуре, всё невдомёк, думаю, уж не беда ль какая, может, помочь, думаю, и сама уж под кусты собралась, только гляну да — тьфу! — еле ноги унесла; сказать и то противно, чо деелосъ там... Срамной народ нонче пошёл — ни стыда, ни совести. А в ранишные времена-то как было уважительно, душевно. *(Поёт.)*

Ты постой, постой, красавица моя,
дозволь наглядеться, радость, на тебя.

Напевая, снова начинает мести, но вдруг видит торчащие из-под забора ноги замахивается метлой, подкрадывается.

Не, не то... Мужик, должно быть, пьянь подзаборная... Эй! *(Бьёт метлой по ногам.)* Вроде не дышит, неживой вроде... Ой, мамочка, что ж это такое?! В милицию звонить надобно *(Побежала, остановилась.)* аль в скорую? Куды звонить-то? *(Вернулась, тянет за ноги.)*

ВАЛЬДЕМАР *(просыпаясь)*. Что такое, что такое?

МАТРЁНА. Живой... тьфу... Слава тебе господи, я уж испереживалась вся... Пьяный, значится... Ишь разлёгся — как барон.

ВАЛЬДЕМАР. Бери выше.

МАТРЁНА. Чо?

ВАЛЬДЕМАР. Выше, говорю, бери.

МАТРЁНА. Выше токо птицы летают, а ты под забором, как боров, разлёгся.

ВАЛЬДЕМАР. Я не о том, дура. я не барон, понимаешь, а выше барона, я, может, в княжеском звании состою.

МАТРЁНА. Дык, с каких пор у нас князевья под забором валяются?

ВАЛЬДЕМАР. С октября семнадцатого, сама должна знать.

МАТРЁНА. Врёшь, сучий сын, я давеча, третьего дни мела, тебя тута-ка не было.

ВАЛЬДЕМАР. Гм, третьего дня... Я в это время, может, в Париже был.

МАТРЁНА. Так выходит, подкидыш ты.

ВАЛЬДЕМАР. Замолчи, баба, заткнись, тебе говорят!

МАТРЁНА. Как ты с женщиной беседу ведёшь, аристократ общипанный, ты на кого глотку дерёшь?

ВАЛЬДЕМАР. Ещё раз предупреждаю, не зли меня, убирайся, пока цела, ну!

МАТРЁНА. Держите меня шестеро, чтобы я да недобитого князя испугалась — фигушки с маслом Вам! А ну, убирайся отседова, а то зад тебе так изрисую, што и под забором сидеть не сможешь!

ВАЛЬДЕМАР. Я тебя знать не желаю, садись на свою метлу и катись к чёртовой матери, ведьма старая!

МАТРЁНА. Ведьма старая?!

ВАЛЬДЕМАР. Ну, немолодая ж...

МАТРЁНА *(замахивается метлой)*. Ведьму, ведьму забери обратно!

ВАЛЬДЕМАР. О боже! Чёрт побери! Пардон, мадам, Вы — не ведьма, Вы — раскрасавица...

Красота твоя с ума меня свела,
иссушила добра молодца меня,
ты постой, постой, метелица,
дозволь наглядеться, радость, на тебя.

МАТРЁНА. Дурак. *(Обиделась.)*

ВАЛЬДЕМАР. Ведьмой назвал — обиделась, красавицей назвал — обиделась ещё больше. Кто же ты есть на самом деле?

МАТРЁНА. Мотя.

ВАЛЬДЕДАР. Мо-тя? А, Матрёна, значит. Что ж, недурно. Но если разрешишь, я бы звал тебя Матильдой.

МАТРЁНА. Не Матильда я, Мотя, а по батюшке Ивановна.

ВАЛЬДЕМАР. Ну, а меня звать — Вальдемар... тоже Иванович.

МАТИЛЬДА. Та какой-такой Вальдемар? Володя, верно?

ВАЛЬДЕМАР. Для кого, может быть, и Володя, а для кого — Вальдемар Иванович. Во, почитай. *(Даёт газетную вырезку.)*

МАТРЁНА. Чо это?

ВАЛЬДЕМАР. Здесь про нашу семью написано.

МАТРЁНА. Зачем мне это?

ВАЛЬДЕМАР. А ты читай, читай... В «Советской России», между прочим, напечатали.

МАТРЁНА. И чо про вас пропечатали?

ВАЛЬДЕМАР. Не про меня, ду... Вот смотри — Элеонора Львовна Трубецкая, понимаешь?

МАТРЁНА. Ну и чо?

ВАЛЬДЕМАР. Да ты посмотри вот сюда, читай: «княгиня»!

МАТРЁНА. Ну и чо?

ВАЛЬДЕМАР. Вот темнота! Так я же из этого же рода — вот «чо»!

МАТРЁНА. Так чо, Ваши, стало быть, все под забором обитают?

ВАЛЬДЕМАР. Так ты, дурья голова, хоть понимаешь, что такое князь? Да это же, это самый древний род, самое высшее сословие... «Разлёгся, как барон». Бароны нам в подмётки не годятся... Вот взять хотя бы нашу Элеонору, например, ведь она с самим великим князем Владимиром Кирилловичем Романовым, можно сказать, на «ты», вот — как мы с тобой! Ты только слушай, что она пишет наследнику царского престола: «России нужны не Романовы, а познание Истины. Слово истина она написала с большей буквы, понимаешь? Ваш визит запоздал. Визит царя в Россию, значит. Поезд давно ушёл». Во! Тут и подпись есть, смотри сюда: «Княгиня Элеонора Трубецкая, Москва 2 ноября 1991 года.» Вот что значит — Трубецкие.

МАТРЁНА. Так фамилия твоя Трубецкой, значится?

ВАЛЬДЕМАР. Да, впрочем, нет, хоть я, конечно, из рода Трубецких, впрочем, фамилия — это что, а вот род — это да.

МАТРЁНА. Так, выходит, што князевья против царя, как и большевики.

ВАЛЬДЕМАР. Кто тебе сказал?

МАТРЁНА. Так ты ж сам читал... про Леонору, которая царю дала от ворот поворот.

ВАЛЬДЕМАР. Князья не против царя, они сами не меньше прав имеют царствовать, царская династия Романовых, что

правили в России — тоже князья, повластвовали — хватит, теперь — наш черёд!

МАТРЁНА. Так, выходит, ты сюда заявился, штобы на трон воссесть? Как же под забором очутился?

ВАЛЬДЕМАР. Дался тебе этот забор. Что если я князь, то мне и присесть на землю нельзя?

МАТРЁНА. Отчего нельзя — можно, извольте отдыхать, Ваша светлость.

ВАЛЬДЕМАР. Да, изволю! *(Вскакивает.)* И ты мне — не указ — Мо-тя! Скажи спасибо, что я ещё разговариваю о тобой... Да ты знаешь, с кем имеешь дело?! Я, может быть, как отпрыск старинного княжеского рода больше, чем кто-либо другой имею право на власть... Мне, может, сама судьба предназначила стать спасителем России!

МАТРЁНА. И от кого спасать Россию будете?

ВАЛЬДЕМАР. От кого же ещё спасать-то — от большевиков, от люмпенов.

МАТРЁНА. Большевики — знаю, кто такие — люпмены?

ВАЛЬДЕМАР. Во-первых, не люпмены, а люмпены, а во-вторых, это такое же мурло, как и ты!

МАТРЁНА. Ах, ты князь подзаборный, люпмены, говоришь, люпмены... А ну, защищайся, гад, а то прибью до смерти! *(Налетает с метлой, Вальдемар спасается бегством, но его настигает метко брошенная метла.)* Ха-ха — попала!!! В правую нижнюю клешню вцелила! Ха-ха! *(Увидя, что Вальдемар, вооружившись метлой, переходит в наступление, отступает.)* Ой-ёй, господи, пронеси, господи пронеси... *(Вальдемар бросает метлу вдогонку, но мимо.)* Ха-ха, промазал светлейший князь. Ой, держите меня шестеро, а то умру от смеха. Князь с одной бабой не в силах управиться, а ему всю Россию подавай. Ну, што, сердешный, пристал, так ты приляг маненько под забор, сил наберёшься, может, и догонишь меня.

ВАЛЬДЕМАР. Ну, берегись, Мо-тя! Бог свидетель, не хотел я... *(Схватил кирпич, преследует Матрёну, спрятавшись, подкарауливает её.)*

МАТРЁНА *(появляясь из-за спины, выхватывает кирпич, бьёт по голове.)* Знай наших! *(Обломившийся кирпич падает ей на ногу.)* Ой, мамонька, мамонька, ай-я-я-я-я! *(Прыгает на одной ноге, подобрав ушибленную ногу.)* Чтоб ты околел, окаянный! *(Смотрит на Вальдемара, тот лежит на земле неподвижно.)*

Ой-ёй! Мамочка, я ж его кирпичом погладила. Ежели кирпич переломился, дык как же голова? Ой, мамочка, я, кажись, князя пришибла. Бежать мне надобно, пока не поздно, засадют ведь. Я ж не хотела, истинный крест... А может, в скорую позвонить, может, не помёр ишшо. *(Приближается к Вальдемару, хромая на левую ногу.)* Эй... князь, жив? Вальдемар Иванович, иэвините, я нечаянно... *(Наклоняется, слушает сердце.)* Слава богу, дышит. Ой, матинка моя, как испужалась я, грех-то какой — человека убить! Он же сам первый начал! Я себя в обиду не дам никому. Знай наших. *(Вальдемар пошевелился, застонал.)* Больно, да? Ой, кровь здесь! Чо делать, чо делать? В дом придётся вести, перевязать-то я и сама умею, дело нехитрое... Эй, Володя, вставай, рану перевязать надобно. *(Волочит его вглубь сцены, Вальдемар требует, чтобы Мотя прихватила и его портфель.)*

Картина вторая

Комната современного дома, столик, два кресла, рояль. Матрёна ведёт Вальдемара, оба хромают, раненый помещается в кресло.

МАТРЁНА. Я чичас, я мигом. *(Уходит за перевязочным материалом, возвращается, делает перевязку.)* Шибко болит?

ВАЛЬДЕМАР. А ты как думаешь?

МАТЁНА. Ты потерпи, Володенька, потерпи маненько. Я тебя чаем напою, сразу полегчает, чай у нас отменный. *(Уходит.)*

ВАЛЬДЕМАР *(оглядывается)*. Всё идёт лучше, чем я ожидал. Я-то ломал себе голову, как попасть в этот дом, не навлекая подозрений, совсем уж отчаялся, и надо же такому случиться — чуть ли не на руках занесли. Одним словом, везение, дар судьбы.

МАТРЁНА. Заскучал, поди... Не больно я тебя ударила? Ты сам виноват, не прячь камень за пазухой.

ВАЛЬДЕМАР. Кто старое помянет, тому глаз вон.

МАТРЁНА. И я так думаю.

ВАЛЬДЕМАР. А тебе повезло, Мо-тя.

МАТРЁНА. Што не мне, а тебе досталось?

ВАЛЬДЕМАР. Что тебе, а не мне досталась...

МАТРЁНА. Не понимаю.

ВАЛЬДЕМАР. И понимать тут нечего, я о твоей квартире говорю. Вот, даже рояль есть. Кто ж играет на нём?

МАТРЁНА. Ой, держите меня шестеро, так это ж не моя квартира.

ВАЛЬДЕМАР. Чья же?

МАТРЁНА. Хозяев тутешних.

ВАЛЬДЕМАР. А ключи у тебя как оказались?

МАТРЁНА. Так я ж у них по хозяйству служу, подбираюсь, за цветами слежу, когда уезжают, а они всё больше в разъездах, выступают...

ВАЛЬДЕМАР. Артисты.

МАТРЁНА. Вроде и артисты, а вроде и не артисты... Чой-то поют и чой-то рассказывают. Говорят, што знают про любовь секреты особые, про которых другим не ведомо.

ВАЛЬДЕМАР. Э, не говори, не знаю, кто что, а я о любви — все изведал, даже твоим хозяевам фору могу дать.

МАТРЁНА. Чай, в Париже обучались?

ВАЛЬДЕМАР. А как же, но и не только в Париже. Я ведь не просто шуры-муры разводил, я познавал этот предмет. Скажу больше — я ведь в некотором роде — первопроходчик, а в наше время быть первым — очень даже немало нужно уметь. Скажу более, мной изобретён аппарат...

МАТРЁНА. Ой, матинко моя, а аппарат-то зачем? В любви-то?

ВАДЬДЕМАР. Как зачем? Для измерения.

МАТРЁНА. Чегой-то измерять вознамерился?

ВАЛЬДЕМАР. Как чего, как чего? Амурное вещество.

МАТРЁНА. Не понимаю.

ВАЛЬДЕМАР. Вот с этого бы и начала: не понимаю, разъясни, покажи, научи.

МАТРЁНА. Не дура, поди, и со слов пойму.

ВАЛЬДЕМАР. Скажешь такое, со слов... Ты попробуй научи со слов котят мышей ловить. Ну, да ладно, пусть будет по-твоему. С чего начать-то?

МАТРЁНА. А начнём с чайку, он поди готов давно. *(Уходит.)*

ВАЛЬДЕМАР. Хладнокровие, Вальдемар, не спугни мышку. Не слишком ли я много о князях болтал.

МАТРЁНА. А вот и чай приспел, угошшайтесь. Пряники сама пекла, скусно?

ВАЛЬДЕМАР. Во рту тают.

МАТРЁНА. Знай наших!

ВАЛЬДЕМАР. Чай — индийский «Золотая долина», это по мне.

МАТРЁНА. Вот ишшо варенье спробуйте.

ВАЛЬДЕМАР. Нектар, божественный нектар... Тоже сама?

МАТРЁНА. А как же. Я всё умею делать: и варить, и печь, и шить, и вязать — всё!

ВАЛЬДЕМАР. А на рояле играть не умеешь.

МАТРЁНА. И на рояле смогу сыграть! Я когда прихожу сюда, первым делом за рояль сажусь, нотки подбираю! Не разрешают на нем играть, штобы не расстроился от моей игры, так я как приноровилась, когда много поиграю, настройщика приглашаю, хозяйка всегда наказывает мне, штобы настройщика приглашала, любит, штобы инструмент в аккурате был, вообще-то мне рояль не нравится, балалайку я больше люблю.

ВАЛЬДЕМАР. Интересно, интересно.

МАТРЁНА. Чайку ишшо налить?

ВАЛЬДЕМАР. Налить. Я буду чай пить, а ты — играть, лады?

МАТРЁНА. Смеётесь надо мной?

ВАЛЬДЕМАР. Отнюдь.

МАТРЁНА *(играет цыганочку)*.

Под цыганочку плясать,
не нужно дробление,
только нужно под неё
весёлое пение.
Кабы тятенька не помер,
маменька не вдовушка,
не росла бы я такою
оторвиголовушкой.
Под окном стоит берёза,
тонкая, гибучая,
у Матани глазки серы,
как крапива жгучая.
Говорят, что некрасива,
что же тут поделаешь,
за красой — не за цветами,
в полюшко не сбегаешь.

ВАЛЬДЕМАР. А я тоже частушки знаю:

Поглядите, девки, все,
я нашёл трубу во все,
труба лыса без волос,
обмочила весь овёс.

МАТРЁНА. Глупостник Вы.

ВАЛЬДЕМАР. А я то тут причём? Так народ поёт:

Ой тошно мне, ктой-то был на мне,
сарафан — не так, а в руке — пятак.

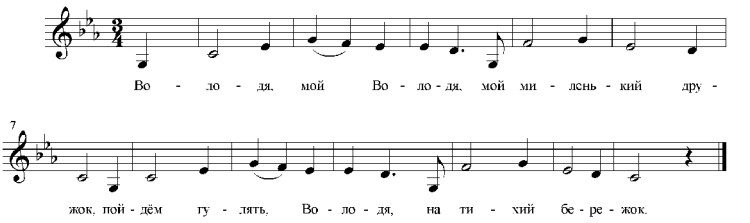
МАТРЁНА *(перестала играть)*. Уж лучше не пойте, коли не умеете, в пении хулиганства не должно быть, в пении душевность нужна.

ВАЛЬДЕМАР. А у тебя слух отменный, и голосок очень не дурственный... Очень.

МАТРЁНА *(аккомпанируя себе на балалайке, поёт.)*

Володя, мой Володя

Володя, мой Володя,
мой миленький дружок,
пойдём гулять, Володя,
на тихий бережок.
Там пташки-канарейки
так жалобно поют,
наверное, разлуку
они нам принесут.
Разлука ты, разлука,
чужая сторона,
ничто нас не разлучит —
ни солнце, ни луна,
а если и разлучит,
то лишь сыра земля.
Зачем нам разлучаться,
зачем в разлуке быть,
не лучше ль обвенчаться
и тихо в счастьи жить.
Володя мой, Володя,
дружочек дорогой,
но вдруг идёт Володя
с красавицей другой.
Найду высокий берег,
где реченька течёт,
в холодные объятья
вода меня возьмёт.
Когда потом поднимут
меня с речного дна,
пускай поймёт Володя,
что клятве я верна.



ВАЛЬДЕМАР *(расчувствовавшись, бросается к Матрёне, обнимает колени)*. Матильда! О, Матильда !!

МАТРЁНА. Ты куды лезешь, дьяволина?!

ВАЛЬДЕМАР. Какая женщина, Какая женщина!

МАТРЁНА *(отстраняясь, вставая в кресле, вынуждена ударить балалайкой по голове, Вальдемар падает)*. Я те, растудытвою, покажу женшину! Ой, батюшки святы, князь ипеть не дрыгается...Да я ж его по голове ипеть... по самому слабому месту... *(Наклоняется над Вальдемаром.)* Извините меня, пожалуйста, Вальдемар Иванович...

ВАЛЬДЕМАР *(поднимая голову)*. Голова трещит.

МАТРЁНА. Я счас. *(Бежит и возвращается с лекарством.)* Вот примите таблеточку, одну в завёртке, другую голенькую — боль как рукою снимет.

ВАЛЬДЕМАР *(принимает таблетки)*. Матильда! *(На четвереньках устремляется к сидящей перед ним на полу Матрёне.)* О, Матильда!!

МАТРЁНА *(отстраняясь на четвереньках)*. Я этого не люблю, сурьёзно говорю, не люблю и всё тут!

ВАЛЬДЕМАР. Какая женщина, какая женщина!

МАТРЁНА. Ишшо одно слово — или ипеть по голове ударю, или милицию позову!

ВАЛЬДЕМАР *(вставая)*. Тьфу, дура, ну и дура.

МАТРЁНА. Ой, держите меня шестеро, умник какой... Не умник, а бабник, вот!

ВАЛЬДЕМАР. Так если я к женщине — со всей душою, что же туг плохого?

МАТРЁНА. Так ежели за каждой юбкой бегать — что же тут хорошего?

ВАЛЬДЕМАР. Откуда ты взяла — за каждой?

МАТРЁНА. Сами похвалялись: «В Париже и не только...» — по всему свету.

ВАЛЬДЕМАР. Что я говорил? Я говорил, что для меня любовь — это не шуры-муры, а наука. Ведь что такое любовь? Многие тысячелетия люди на всех языках пишут и поют о любви, а ты пойди потрогай её, измерь, определи амурное вещество — дудки, никто не смог, я могу,

МАТРЁНА. А чо такое — амурное вещество?

ВАЛЬДЕМАР. Как тебе объяснять... Амур — что любовь и есть, его на картинах изображают с луком и стрелами, в кого стрельнёт — тому и... крышка, влюбляется то есть...

МАТРЁНА *(смеётся)*. Так, выходит, что любовь из Вас полезла, потому что я в вас метлою стрельнула.

ВАЛЬДЕМАР. Люблю и уважаю, у кого чувство юмора есть.

МАТРЁНА. Не понимаю, как любовь мерить... Деньги можно пошшитать, чой-то другое измерить, а чувства сердешные — в испытаниях сказываются.

ВАЛЬДЕМАР. По-твоему, значит, если спрыгнул с первого этажа — это одна любовь, а если с третьего — в три раза большая. Нет, любовь не в испытаниях нуждается, а в измерении, мой метод измерения амурного вещества гениален, потому что прост и понятен...

МАТРЁНА. И где он используется?

ВАЛЬДЕМАР. Да в том-то идиотизм нашей системы, что нигде не используется. Куда ни пойдёшь — везде бюрократы, партократы, мафия...

МАТРЁНА. А Вы мне расскажите, я пойму.

ВАЛЬДЕМАР. Тогда ради такого торжественного случая... *(Вынимает деньги.)* Вот — на шампанское и ещё, что захочешь возьми...

МАТРЁНА. Шампанское и я люблю. Это можно. *(Уходит.)*

ВАЛЬДЕМАР. Какой пассаж! Вот это везение! Ай да Вальдемар! Ай да сукин сын! Ай да молодец ! *(Подходит к роялю.)* В нашем распоряжении немного времени, но не беда — дело мастера боится! Что за чёрт? Марка та — старый «Беккер», а рояль вроде не тот... Не дай бог. Княжеские драгоценности в рояле — моя голубая мечта, мечта всей жизни. и вот я у цели, но предчувствие пугает меня... Боже мой, неужели это не тот инструмент... «Беккер», «Беккер», но кажется мне — это не тот «Беккер»! Впрочем, чего я медлю? Ещё один шаг, последний шаг и... *(Вынимает из портфеля топорик, долото, сантиметр,*

циркуль, начинает вымерять то место в рояле, где должны были храниться драгоценности; за этими занятиями его застаёт появившаяся хозяйка квартиры — Валентина.)

ВАЛЕНТИНА. Ах, как хорошо, что Вы пришли. Расстроенный инструмент для меня — пытка. Напрасно сомневалась в Матрёне Ивановне, что забудет к моему приезду настройщика пригласить... А что Фёдор в командировке? Мастер он замечательный... Инструмент готов?

ВАЛЬДЕМАР *(всё это время пытался спрятать топор за спиной)*. Да, мадам.

ВАЛЕНТИНА. Мне с инструментами всегда не везёт. У меня был старинный «Беккер», спрашивается, что ещё надобно? Но у него была какая-то странная окраска звука, неустойчивость резонанса, но главное глубины и благородства звука недоставало... Сколько не вызывала мастеров, сколько денег пришлось лишних потратить — и всё попусту. Пришлось продать и купить этот, но и этот не на высоте.

ВАЛЬДЕМАР. Кому Вы продали тот «Беккер»?

ВАЛЕНТИНА. Я сдала в комиссионку.

ВАЛЬДЕМАР. И давно Вы его сдали в комиссионный??

ВАЛЕНТИНА. Давно, несколько лет. Вы хотите приобрести инструмент? Я могу Вам уступить этот. Я уже присмотрела для себя другой.

ВАЛЬДЕМАР *(с досады обрушивается на клавиши)*. Ах, чёрт!

ВАЛЕНТИНА. Я пожалуй Вам не продам... Вы так небрежны.

ВАЛЬДЕМАР. Пардон, мадам. *(Уходит.)*

ВАЛЕНТИНА *(догоняет, даёт деньги)*. А плату за настройку? Получите.

ВАЛЬДЕМАР. Мерси, мадам. *(Берёт деньги, уходит.)*

ВАЛЕНТИНА. Странный мастер. Наверное, пьёт безбожно... *(Пробует инструмент, напевая.)*

Позёмка

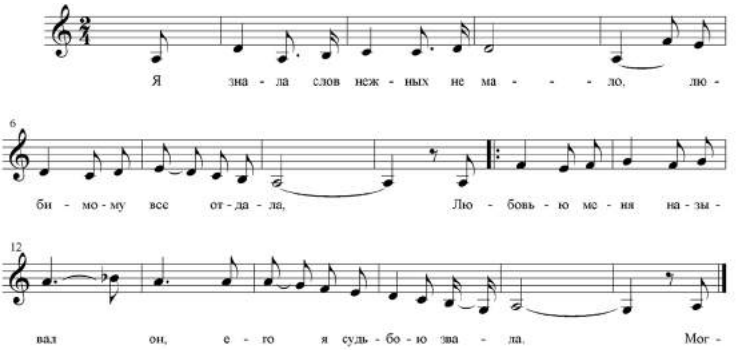
Я знала слов нежных немало,
любимому все отдала.
«любовью» меня называл он
его я «судьбою» звала.

Могла ли подумать я разве,
что счастье моё украдут,
спешила к нему, как на праздник,
попала же вдруг на беду.

С другой он выходит из дома,
под руку с ней мимо идёт,
взгляд женщины той незнакомой
позёмкой по сердцу метёт.

Взглянул он, как солнце в ненастье,
и мимо прошёл милый мой,
и жалкое тихое «здравствуй»
хлестнуло, как плеть, надо мной...

Я знала слов нежных немало,
любимому все отдала,
«любовью» меня называл он,
его я «судьбою» звала.



(Прислушивается, зовёт.) Валентин! Ну, где ты пропадаешь?

ВАЛЕНТИН *(входя)*. Тут я, тут, родная. Хочу несколько переделать выступление... А ты с кем разговаривала, с Матрёной?

ВАЛЕНТИНА. Как нам повезло с ней, надёжная, аккуратная и всё помнит. Даже не забыла настройщика пригласить к нашему приезду.

ВАЛЕНТИН. Хорошо настроил?

ВАЛЕНТИНА. Ты же знаешь, мне трудно угодить.

ВАЛЕНТИН. Самой себе. Но тобою довольны все.

ВАЛЕНТИНА. В прошлый раз в двух песнях я была не на высоте.

ВАЛЕНТИН. Сегодня отшлифуем. Ты знаешь, что я придумал: свой разговор о трёх составляющих любви: взаимности, верности, жертвенности — хочу разбить на три коротких отрывка, чтобы не утомлять зрителя, назвать концерт не Секреты Афродиты, а Уроки Афродиты — будет более динамично.

ВАЛЕНТИНА. Ну, ты начинай пока, а я приведу себя в порядок. *(Уходит.)*

ВАЛЕНТИН *(надевает на себя мантию и парик)*.

Почтенные, мудрейшие индусы
в древнейших храмах испокон веков
науку за наукой познавали,
сил не жалея, не щадя себя.
За много сотен лет до наших дней
свод начертали они твёрдых правил
одной из самых сладостных наук,
которую назвали Кама-сутра.
Я с юных лет сжигаем жаждой был
познания в науках и делах;
из всех познаний я в конце концов
дал предпочтение науке о любви,
в чём преуспел, я думаю, немало,
ведь всё, что оценённым быть должно,
в сравнении находит свою силу,
так я себе позволю Кама-сутру
сравнить с моим ученьем о любви.
Индусы предпочтенье отдавали
любовной технике, приёмам в ласках,
я — в суть любви проникнуть постарался
и дать определение любви.
В лирических сказаньях и талмудах
всегда подразумевались под любовью
любые связи женщины с мужчиной,
а равно и готовность к этим связям...
Сгорающий в желании юнец
и Дон-Жуан, и похотливый старец —
все, все твердят одно и то же слово,
но могут ли сравниться чувства их!?
А может быть, любовь — бесплотный призрак?

Так почему тогда во все века
на всех наречиях,
у всех народов
не сходит с уст родное это слово?
Любовь — вполне конкретное понятье,
подобна электрической дуге
меж электродами
при их сближеньи.
Любовь возможна в жизни, но лишь там,
где есть взаимность, верность и готовность
друг друга усладить, пожертвовав собой.
Без этих признаков все чувства — не любовь!

МАТРЁНА *(возбуждённо вбегает с бутылкой шампанского в руке, видя хозяина, смущённо останавливается)*. Ой!

ВАЛЕНТИН. Матрёна Ивановна! Какая же Вы молодец! И о шампанском позаботились. Давеча Валентина хвалила Вас, что мастера пригласили, пойду хвалиться ей, что шампанское нам принесли.

МАТРЁНА. Пожалуйста, Вам... Мне чо делать?

ВАЛЕНТИН. Спасибо. Пару деньков Вы можете отдохнуть. *(Уходит.)*

Картина третья

Матрёна метёт, задумчиво напевая.

Ты постой, постой, красавица моя,
дозволь наглядеться, радость, на тебя...

И где его нечистая носит... Матильда, о Матильда — какая женщина. Тьфу! Я така Матильда, как он Вальдемар... Как сытый кот, не съест мышу, пока не наиграется с ней. Не люблю я этого...

Красота твоя с ума меня свела,
иссушила добра молодца меня,
ты постой, постой...

Князь недобитый... Как я его кирпичом погладила, ха-ха, знай наших... А еслив зашибла б до смерти, ой, мамоньки... Ой, дура я, ума совсем нету... Какая женщина, какая женщина — не женщина я — бандюга с большой дороги!

Вдоль по улице метелица метёт...

Ой, чо это? *(Под забором находит портфель Вальдемара.)* Вешши-то однако его, князя. Тама-ка должон быть евойный аппарат, про который он давеча все уши прожжужал — для измерения амурного вещества, должно быть вешш шибко мудрёная и дорогая, должно быть немалых денег стоит... Ох, непутёвый, вешши свои раскидал, сам себя раскидал. Да разве ж можно в наше время алёхой быть, ведь народ-то какой ноиче: глазом не моргнёшь, а тебя уж обчистют, а штобы вешши без присмотра к рукам не прибрать, то такого на Руси сроду не бывало. Снесу-ка я вешши домой, как объявится, так и отдам ему, мне чужого не надобно. Чижёлый портфелишко: железом постукиват. Сколько живу на свете, а измерять амурное вещество не приходилось, да и чего измерять-то? Вроде и не хорошо в чужих вешшах копаться, так я же обязана поглядеть, чего в дом ташшить. *(Открывает портфель.)* Хвастался: аппарат, аппарат, а тута-ка аппарата и нетутити — одни зализяки. *(Вынимает отдельные предметы, выкладывает на скамейку.)* Молоток... Давеча на меня кирпичом замахнулся, так я сумела выхватить кирпич-то, а ежели князь о молотком на меня налёг — пришиб, ей-богу, б пришиб. Чой это? Зубило, ага зубило. Молоток и зубило — чой-то отковыривать ему понадобилось, а вот и топорик ишшо... Не для измерения они, дураку понятно. Тута-ка ишио чтой-то имеется. Во — вроде циркуля, чего им мерять — титьки што ль. Ой, тутака и сантиметр даже есть и весы. Ой, держите меня шестеро, значит, вон оно какое амурное вещество, его сантиметром измеряют, вот, значит, какой аппарат у него для измерения амурного вешшества. Измерять длину, видно, князь приноровился, а вот вес, видать, ишшо не сумел. Ну и прохиндей, а я-то, дура, уши развесила... Мало метлы дуре старой — амурное вешшество ей подавай! Тьфу! Ну, попадись мне князь — сама амурное вешшество измерю, так измерю — век будет помнить!

ВАЛЬДЕМАР *(появляется с полувыпитой бутылкой вина, тяжело опускается на скамейку)*. А... Матильда.

МАТРЁНА. Во-первых, я тебе не Матильда, а Матрёна Ивановна...

ВАЛЬДЕМАР. Матрёна Ивановна, да, но Матильда красивее.

МАТРЁНА. ...а во-вторых...

ВАЛЬДЕМАР. А во-вторых, всё пропало, Матильда, всё пропало... вся жизнь — коту под хвост.

МАТРЁНА. Ничо на пропало — вон твои вешши.

ВАЛЬДЕМАР. Какие веши? А, портфель — к чёрту его!

МАТРЁНА. Так в нём же аппарат твой!

ВАЛЬДЕМАР. Какой аппарат?

МАТРЁНА. Так... для измерения вешшества, амурного.

ВАЛЬДЕМАР. Ох, женщины, все вы одинаковые: шуток не понимаете.

МАТРЁНА. Я те покажу тебе, как шутки шутить, я покажу, как шутковать... А ну — ложись.

ВАЛЬДЕМАР. Ну, лёг, ну что?

МАТРЁНА *(вынимает сантиметр)*. Чичас будем амурное вешшество измерять!

ВАЛЬДЕМАР *(вскакивает)*. Но, но — шуточки.

МАТРЁНА. Лежи, тебе говорят. *(Идёт борьба.)*

ВАЛЬДЕМАР *(защищаясь, обнимает Матрёну, целует.)* Самая женщина, какая женщина!

МАТРЁНА *(отпрянула)*. Не смей! Не люблю я этого...

ВАЛЬДЕМАР. А я целоваться очень люблю.

МАТРЁНА. И непротивно — с каждой встречной?

ВАЛЬДЕМАР. С каждой встречной я не целуюсь.

МАТРЁНА. Значит, жениться надобно.

ВАЛЬДЕМАР. Я всю жизнь об этом мечтал, думал: разбогатею — женюсь... Всё пропало. *(Пьёт из бутылки.)* Будешь? *(Протягивает бутылку Матрёне.)* Не побрезгуй, я не больной человек — несчастный.

МАТРЁНА *(отпивает)*. И я здоровая.

ВАЛЬДЕМАР *(поочерёдно отпивают, пока не высушили до дна.)* Всё пропало, Матильда. *(Припадает к коленям Матрёны.)*

МАТРЁНА *(машинально собралась было ударить, но положила руки на голову Вальдемара)*. Чо случилось-то, ты скажи, я пойму.

ВАЛЬДЕМАР. Я ведь врал тебе всё...

МАТРЁНА. Знаю.

ВАЛЬДЕМАР. Одним словом — всю жизнь и средства мои я потратил в погоне за богатством... Я узнал о кладе князей Трубецких, часть их драгоценностей была спрятана в старом рояле. До недавнего времени рояль находился у твоей хозяйки, но она продала его несколько лет назад. В комиссионном мне сказали: рояль уплыл за границу: как семейную реликвию его приобрёл кто-то из княжеской семьи, всё вернулось на круги своя.

МАТРЁНА. Вот и выходит, што ничо не пропало, чо они имели, то и имеют, а чо мы не имели, то и не имеем.

ВАЛЬДЕМАР. А ты философ, как я погляжу... А сколько лет, а сколько средств я на это потратил, ты знаешь?

МАТРЁНА. Так вот и жили бы на эти средства все эти годы, припеваючи, в чужой руке кусок хлеба завсегда кажется больше.

ВАЛЬДЕМАР. Что ты понимаешь в бриллиантах, Мо-тя!? И вообще...

МАТРЁНА. А чо в богатстве понимать-то? Богатые тоже плачут, а бедняки тоже смеются, и те и другие — все не вечные, а с собой туда — ничо не возьмёшь. А по мне — лучше всякого клада — жить с человеком надежным.

ВАЛЬДЕМАР. Какая женщина, какая женщина!

МАТРЁНА. Уж какая есть.

ВАЛЬДЕМАР. Матильда, о Матильда! Будь моим кладом!

МАТРЁНА. Не понимаю.

ВАЛЬДЕМАР. Я прошу твою руку и сердце!

МАТРЁНА.Вот возьму... и соглашусь.

ВАЛЬДЕМАР. О Матильда! *(Обнимает колени.)*

МАТРЁНА. Но, но! рукам-то воли не давай... при людях. *(Поёт.)*

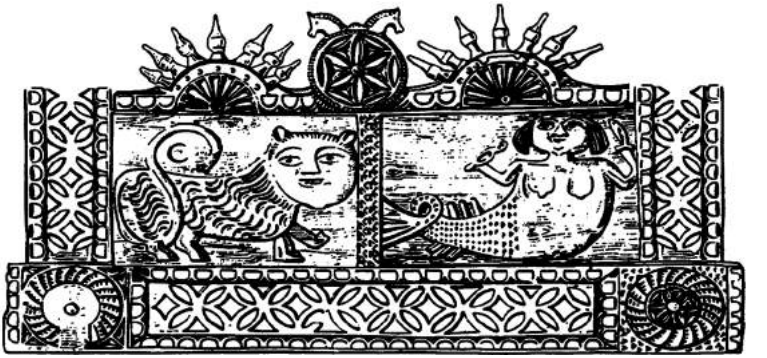
Володя, мой Володя,
мой миленький дружок,
пойдём гулять, Володя,
на тихий бережок.
Там пташки-канарейки
так жалобно поют,
наверное, разлуку
они нам принесут.
Разлука ты, разлука,
чужая сторона,
ничто нас не разлучит —
ни солнце, ни луна,
а если и разлучит,
то лишь сыра земля. *(Дважды.)*

Пара встаёт, Вальдемар забрасывает свой портфейль под забор, Матрёна — метлу.

Зачем нам разлучаться,
зачем в разлуке быть,
не лучше ль обвенчаться
и тихо в счастьи жить. *(Уходят.)*

СПИСОК ПЕСЕН

«Вдоль по улице метелица метет» — слова А. Глебова, музыка А. Варламова.
«Володя, мой Володя» — р. н. п.
«Позёмка» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.



Жытиє козака Омэлька*

Народна драма в двох днях

Диячи:

ОМЭЛЬКО — козак.
ОДАРКА — його жинка.
ИВАН — москаль.
ЯНКА — белорус.
ЯВТУХ — парубок.
СОЛОХА — молодыця.
ГАЛЯ — дивчына.
МОТРЯ (Матильда) — ии подруга.
ГОРПЫНА — дужэ повна жинка
ДИВКЫ, МОЛОДЫЦИ, ЖИНКЫ, ЦЫГАНКА.

* *Украинськый тэкст пэрэдаеться російськым алфавитом.*

Дия пэрша. Ярморок.

Ярморок. Гомин. Галас. Супэрэчкы. Смих. Писни.

ПЭРША ЖИНКА. Огирочки, свижэнькы, зэлэнэнькы... Огирочкы!

ДРУГА ЖИНКА. Кому сыру... Сыр голландськый, пашэхонськый, нашэнськый...

ТРЭТЯ ЖИНКА. Всих выручаю, маю пряныкы, бублыкы, для диточок до чаю... Всих выручаю.

ЧЕТВЕРТА ЖИНКА. Е ковбаска, купить, будь ласка, з'ила бы сама, та грошэй чортма.

ДИВКА. Купить орбит бэз цукору... Хто нэ жуе, той нэ жывэ.

П'ЯТА ЖИНКА. Купить, мэрщий, курку, бэрить, будь ласка, добра курка, ий-богу!

ШОСТА ЖИНКА. Та хиба ж цэ курка?

П'ЯТА ЖИНКА. Ато що?

ШОСТА ЖИНКА. Та трохы ж нэ горобэць.

П'ЯТА ЖИНКА. Щоб тоби повылазыло, що курку мою, рэкордыстку-нэсушку з горобцэм зривняла! Выбалушыла очи жабыны й мэлэш языком гадючым бо зна що... Шоб тоби на тому свити кур'ячи пир'я в однэ мисцэ вставлялы!

ШОСТА ЖИНКА. Э-э... раскудахталась, нэбого. Зразу б и казала, що тая курка-рэкордыстка, що на яйцях сыдыть, цэ ты сама и е.

ГОРПЫНА. Кому джынсы «Мальвина», кому кроссовкы, мокасыны, покупайтэ, пидлитайтэ, сыроту нэ забижайтэ; а я бидна сырота нэ пролизу у ворота. *(Пидходить до ряду торгувальниць.)* Хоч и суха ты, кума, а розсилась за трьох, пусты, цэ мое мисцэ.

СЪОМА ЖИНКА. На цвынтари твое мисцэ. Гэть!

ГОРПЫНА. Пусты!

СЪОМА ЖИНКА. Нэ з твоею пыкою та в калашный ряд.

Горпына своим широкым задом розштовхуе жинок и займае «свое мисцэ».

ГОРПЫНА. Чым я гиршэ за вас, що нэ маю права тута стояты!

ГАЛЯ *(до подругы)*. Наторгувала?

МОТРЯ. Наторгувала.

ГАЛЯ. Багацько?
МОТРЯ. Во! *(Показуе гроши.)*
ГАЛЯ. Ой, матинко моя! Скилькы ж тут?
МОТРЯ. Вси — мои, а хочэш — твои будуть.
ГАЛЯ.У мэнэ зроду стилькы нэ було...
МОТРЯ. Нэ було, так будэ.
ГАЛЯ. Глузуеш з мэнэ?
МОТРЯ. Анитрохы... Видкажысь вид Иванка — вси твои будуть!

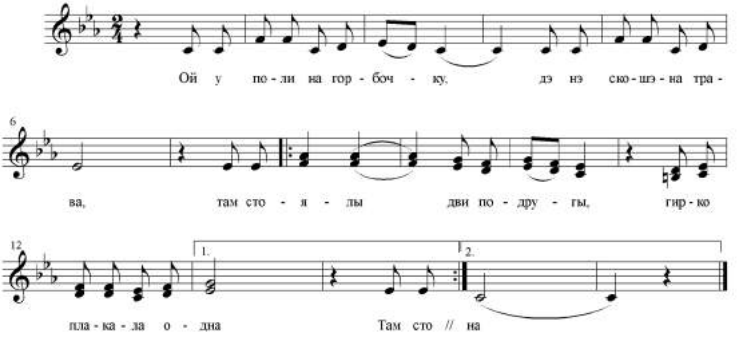
Ой, у поли на горбочку

Ой, у поли на горбочку, дэ нэ скошэна трава,
там стоялы дви подругы, гирко плакала одна. (Двичи.)

— Ой, подружко дорогая, що я тэбэ попрошу,
помыры мэнэ з мылэнькым, а я тоби заплачу. (Двичи.)

— Ой, подружко дорогая, як я буду вас мырыть,
як погляну я на нього, в мэнэ сэрдэнько болыть. (Двичи.)

Ой, у поли на горбочку, дэ нэ скошэна трава,
Там стоялы дви подругы, гирко плакала одна. (Двичи.)



Ой там на точку на базари

Ой, там на точку на базари
жинкы чоловикив продавалы.

Приспив.
Як прийдэться до ладу, то я свого повэду та й продам. (Двичи.)

Одна гультяя продавала,
бо вси ночи сама ночувала.

Приспив.

Роботяща лэдацюгу продавала,
бо замисть нього у поли орала.

Приспив.

Стара маты повэла свого сына,
бо нэ взяла його жодна дивчына.

Приспив.

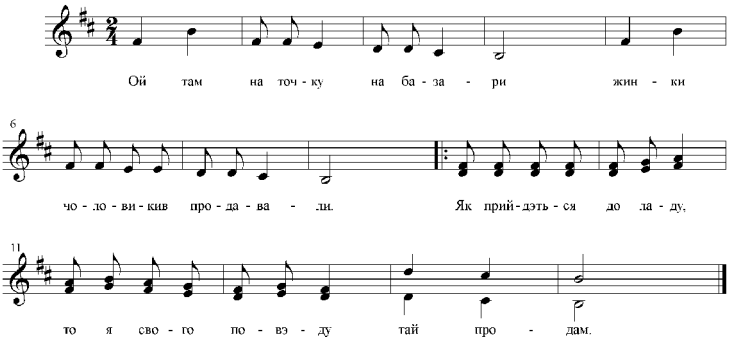
А п'яныцю дарэмно продаваты,
бо нихто його нэ станэ купуваты.

Приспив.

Из лык мотузок изсукала,
мылэнького свого пов'язала
та й повэла на базар, чы то добрый мий товар, мий товар. (Двичи.)
Як наихало покупальныць,
як наихало торгувальныць,
сталы думать и гадать, що за кожного дать, що видать. (Двичи.)

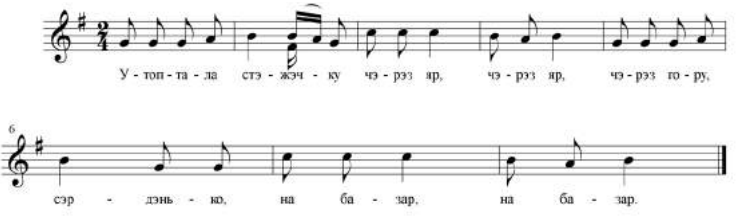
Сталы мужа мого оглядаты
и гадаты, скилькы грошикив даты.
Сорок коней вороных, щэ й сто рублив золотых, золотых. (Двичи.)

Ой стала я, подумала,
ой стала я подумала,
то ж мий мылый чорнобрывый до роботы нэ линывый щэ згодыться (Двичи.)



Утоптала стэжэчку чэрэз яр

Утоптала стэжэчку чэрэз яр,
чэрэз гору, сэрдэнько, на базар.
Продавала бублыкы козакам,
вторгувала, сэрдэнько, п’ятака.
Я два шагы, два шагы пропыла,
за копийку дудныка найняла.
Заграй мэни, дудныку, на дуду,
нэхай свое лышэнько забуду.
Отака я дивчына, така я,
сватай мэнэ, сэрдэнько, выйду я!

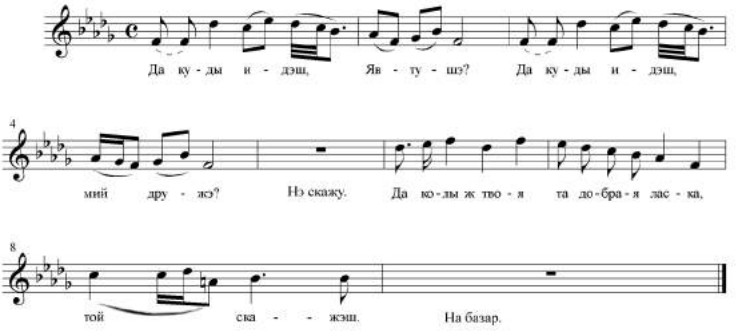


З’являеться Явтух з торбою за плэчыма. До нього прыстають двое глузлывых дивок.

Да куды идэш, Явтушэ

ПЭРША ДИВКА. Та куды идэш, Явтушэ?
ДРУГА ДИВКА. Та куды идэш, мий дружэ?
ЯВТУХ. Нэ скажу.

ОБИДВИ. Та колы ж твоя та добра ласка, то й скажэш.
ЯВТУХ. На базар.
ПЭРША. Ой, що нэсэш, Явтушэ?
ДРУГА. Ой, що нэсэш, мий дружэ?
ЯВТУХ. Нэ скажу.
ПЭРША. Та колы ж твоя та добра ласка, то й скажэш.
ЯВТУХ. Груши.
ПЭРША. Ой, дай мэни, Явтушэ.
ДРУГА. Ой, дай мэни, мий дружэ.
ЯВТУХ. Нэ дам.
ОБИДВИ. Та колы ж твоя та добра ласка, то й дасы.
ЯВТУХ. Визмиь, та гнылэньку.
ПЭРША. Обниму ж тэбэ, Явтушэ.
ДРУГА. Обниму ж тэбэ, мий дружэ.
ЯВТУХ. Нэ хочу.
ОБИДВИ. Та колы ж твоя та добра ласка, то й схочэш.
ЯВТУХ. Обнимы, та нэ задушы.
ПЭРША. Поцилую ж тэбэ, Явтушэ.
ДРУГА. Поцилую ж тэбэ, мий дружэ.
ЯВТУХ. Нэ хочу.
ОБИДВИ. Та колы ж твоя та добра ласка, то й схочэш.
ЯВТУХ. Цилуй, та нэ вкусы.



Дивкы цилують його, покы одна цилуе, друга з грушамы ховаеться.

ЯВТУХ *(оглядуючись)*. А дэ груши?
ДИВКА. Яки груши?
ЯВТУХ. Та ж мои груши! *(Шукае.)*

ДИВКА. Та нэвжэ якиись груши тоби дорожчэ за мэнэ?

З'являеться цыганка.

ЦЫГАНКА. Ой-е-ёй,какой красавец-мужчина!

ЯВТУХ. У мэнэ груши унэслы.

ЦЫГАНКА. Позолоти ручку, скажу кто, всю правду открою.

ЯВТУХ. Та нэма ж грошэй, бо груши унэслы!

ЦЫГАНКА *(придывляеться до кожанкы)*. Стой здесь, жди. *(Идэ до торгувальныць.)* Голубушки, красавицы, купите помаду... За день не съесть. Туш, карандаши есть для бровей и ресниц.

П'ЯТА ЖИНКА. А я бровы сажою мажу, чорнявую пэрэважу.

ШОСТА ЖИНКА. Спизнылась ты з товаром своим... Дэ ты була отак годив трыдцять тому?

ЦЫГАНКА. Где я была тридцать лет тому назад, где?*(Шэпчэ у вуха жинкам,вси смиються.)* Не хотите товар мой купить, поделитесь по-братски, сестрицы, детей у меня — мал мала меньше.

ШОСТА ЖИНКА. У мэнэ тэж е диты щэ й чоловик,нэ знаю, куды його диты.

ЦЫГАНКА. Могу спеть, станцевать.

ДРУГА ЖИНКА. Нэхай танцюе, нэ обидниемо.

ТРЭТЯ ЖИНКА. Нэ обидниемо.

Цыганка танцюе, спивае, Явтух пробуе тэж танцюваты. Жинкы пидхоплюють писню.

Ой, ручеёчек, ручеёк

Ой, ручеёчек, ручеёк,
набрала воду на чаёк,
ой, шавалэ, ой, шавалэ

ай нэ-нэ-нэ, нэ-нэ-нэ,
ай нэ-нэ-нэ, нэ-нэ-нэ,
ай нэ-нэ-нэ, нэ-нэ-нэ,
ай нэ-нэ-нэ, нэ-нэ-нэ.

Юбки нет, рубашки нет,
ты купи, отец, их мне.
Выйди замуж, а потом
мужа спрашивай о том.

Ай нэ-нэ-нэ, нэ-нэ-нэ,
ай нэ-нэ-нэ, нэ-нэ-нэ,
выйдешь замуж, а потом
с мужа спрашивай о том.

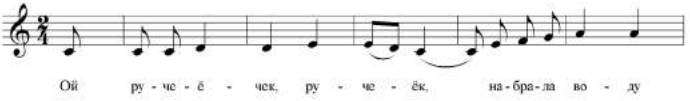
Серьги мне купи, отец,
золотые, яркие,
если замуж не пойду,
в девках я не пропаду.

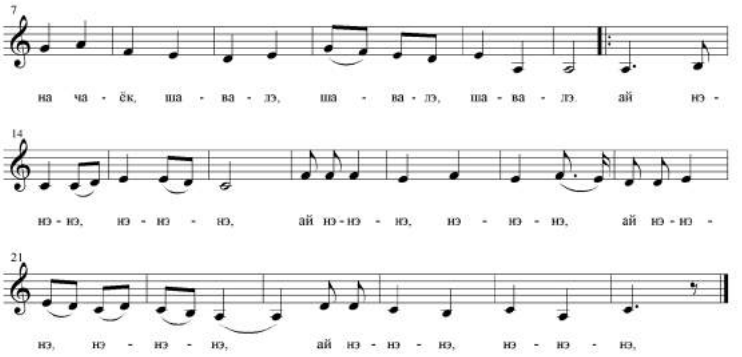
Ай нэ-нэ-нэ, нэ-нэ-нэ,
ай нэ-нэ-нэ, нэ-нэ-нэ,
если замуж не пойду,
в девках я не пропаду.

Я пошла в зелёный сад,
сорвала я там цветок,
приколола к голове,
чтоб понравиться тебе.

Ай нэ-нэ-нэ, нэ-нэ-нэ,
ай нэ-нэ-нэ,нэ-нэ-нэ,
приколола к голове,
чтоб понравиться тебе.

Ай нэ-нэ-нэ, нэ-нэ-нэ,
ай нэ-нэ-нэ, нэ-нэ-нэ,
ай нэ-нэ-нэ, нэ-нэ-нэ,
ай нэ-нэ-нэ, нэ-нэ-нэ.



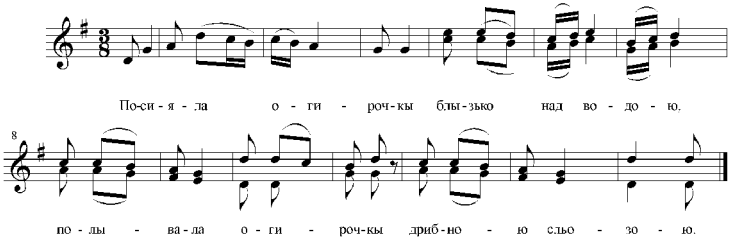


Цыганка продовжуючы спиваты, проходыть миж торгувальныцямы и прыймае вид ных у подол пидносыны.

ЦЫГАНКА *(к Явтуху)*. За мной! *(Разом уходять.)*

Посияла огирочкы

ПЭРША ЖИНКА. Посияла огирочкы блызько над водою,
сама буду полываты дрибною сльозою.
ростить, ростить огирочкы,
в чотыры лысточкы,
нэ бачыла мылэнького
чотыры годочкы.



ПЭРША ЖИНКА. Шановни добродии, огирочкы бэрить, бэз мэду солодки, палэць видкусыш.

ПОКУПЭЦЬ. Скилькы?

ПЭРША ЖИНКА. П’ять.

ПОКУПЭЦЬ. Аж п’ять карбованцив за кило?!

ПЭРША ЖИНКА. П’ять — пивкило.

ПОКУПЭЦЬ. П’ять — пивкило?! А сором у тэбэ е?

ПЭРША ЖИНКА. Кому що бракуе, той тэ й купуе.

ПОКУПЭЦЬ. Трясця твоий матэри разом з твоимы мэдвянымы огирцямы.

ПЭРША ЖИНКА. Вдача собача — нэ брэхнэ, то й нэ дыхнэ. Нэма грошэй — ничого вытрищаты банькы на коштовный товар.

ТРЭТЯ ЖИНКА. Пряныкы, бублыкы — для диточок до чаю...

ПЭРША ЖИНКА. А ты, сусидко, свого шыбэныка прыструнь.

ШОСТА ЖИНКА. Якого шыбэныка?

ПЭРША ЖИНКА. Та сынка свого, Васылька.

ШОСТА ЖИНКА. Цэ ты мого Васылька шыбэныком обизвала?!

ПЭРША ЖИНКА. А як жэ його называты, колы вин мою курку обскуб.

ШОСТА ЖИНКА. Мий Васыль обскуб твою курку? Низащо нэ повиру. Брэшэш! Вот Грыцько, той можэ... И в кого вин удався, и хто його навчыв? Визьмэ курку, обскубэ, а пир’ячко по усьому подвир'ю розкыдае... А Васылько, вин жэ у мэнэ такый лагидный,такыи жалислывый, позбырае пир’ячко, визьмэ оцю курку и вси пир’я до жодного на мисцэ вставыть.

ЯВТУХ *(вбигае)*. А дэ тьотя?

ЖИНКЫ. Яка тьотя?

ЯВТУХ. Та та, що мою кожанку унэсла. *(Бигае, шукае, подався гэть. Рэгит.)*

Продай, мылый, сыви бычкы.

ШОСТА ЖИНКА.

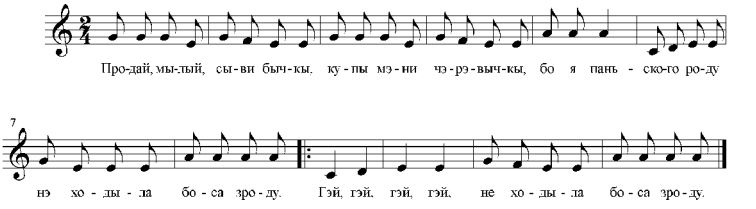
Продай, мылый, сыви бычки,
купы мэни чэрэвычкы,
бо я панського роду
нэ ходыла боса зроду.

Прыспив. Гэй, гэй, гэй, нэ ходыла боса зроду. (Двичи.)

Продай, мылый, дви тэлыци,
купы мэни дви спидныци,
бо я панського роду
нэ ходыла гола зроду.

Гэй, гэй, гэй, гэй,нэ ходыла боса зроду.(Двичи.)

Продай, мылый, киш пшона,
купы горилкы и вына,
бо я панського роду
п'ю горилочку, як воду.
Гэй, гэй, гэй, гэй, п'ю горилочку, як воду. (Двичи.)
Як став мылый продаваты
та на мылу купуваты —
ничым в хати запалыты,
нищо дитям изварыты...
Пишов мылый на гору,
найшов хомут та й дугу,
прытягае додому,
натягае на мылу.
Ой ты, мыла, чорноброва,
поидэмо в лис по дрова.
Тпру, стий, моя люба,
прив'яжу тэбэ до дуба.
Гэй, гэй, гэй, гэй, прив'яжу тэбэ до дуба. (Двичи.)
Продай, мылый, чэрэвычкы,
купы соби сыви бычкы,
бо я панського роду
нэ ходыла в вози зроду.
Гэй, гэй, гэй, гэй, нэ ходыла в вози зроду. (Двичи.)



З'являеться Омэлько в свытыни, в шапци, алэ босый. (Спивае.)

Раз над'ихав козак з миста

Раз над'ихав козак з миста,
пид копытом каминь триснув, да раз-два! (2)

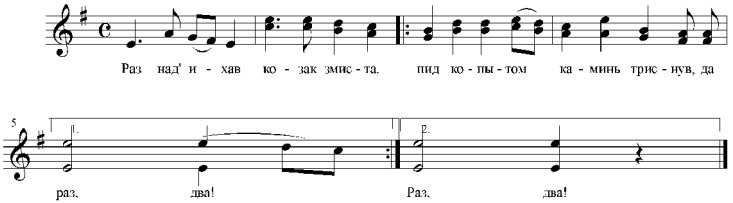
Пид копытом каминь триснув,
соловэйко в гаю свыснув, да раз-два. (2)

Соловэйко, мылый братэ,
выклыч мэни дивча з хаты, да раз-два. (2)

Выклыч мэни дивча з хаты,
щось я маю запытаты, да раз-два. (2)

Щось я маю запытаты,
чы нэ была вчора маты, да раз-два. (2)

Чы нэ была, нэ карала,
що з козаком розмовляла, да раз-два! (2)



ДИВЧЫНА *(видштовхуе Омэлька, що прыстае до нэи)*. Парубкуетэ, як молодый... И нэ соромно Вам?

ОМЭЛЬКО. Хочу, сиромахо, тэбэ ощаслывыты, говоры зи мною, як з простым.

ДИВЧЫНА. Сказано — вэлыка птыпя, як горобэць! *(Смих.)*

ОМЭЛЬКО. Бэз хаханьок, бабы, знаю нэ гиршэ за вас, що голым задом ижака нэ вб'еш, алэ зараз я вас угамую: нэ дывыться, що я голый, босый, грошенят у мэнэ — до биса.

ЖИНКА. А Вы, часом, нэ з Брэхунивкы?

ОМЭЛЬКО. Ухватыла шылом патокы.

МОЛОДКА. И куды ты подався свит за очи: чы впывся, чы сдурив, чы наврочыв хто?

ОМЭЛЬКО. Вид злых лодэй иду до людэй добрых. Дэ будуть шануваты, там и заночую.

ЖИНКА. Мэни здаеться, що ночуваты тоби, козачэ, прыйдэться сьогодни у прыдорожний бузыни.

ОМЭЛЬКО. Всэ можэ буты... Отак чухаеться кожный усэ жыття, чухаеться, аж покы дуба нэ врижэ. Алэ сьогодни и мы встыгнэмо на торг. А ну, чого юрмыться народ, на що задывляеться?

ПЭРША ЖИНКА. Огирочкы купить, свижэнькы, зэлэнэнькы, смачнэнькы...

П'ЯТА ЖИНКА. Купить, мэрщий, курку.

ОМЭЛЬКО. Ничого нэма гиршэ за куркы: однои мало, а дви нэ з'исы.

ЧЭТВЭРТА ЖИНКА. Будь ласка, купить ковбаскы.

ОМЭЛЬКО. Колы б ковбаси крыла, то кращои птыци нэ було б на свити.

ДРУГА ЖИНКА. Кому сыру, сыру кому?

ОМЭЛЬКО. Вид сыру — голова сыва.

ТРЭТЯ ЖИНКА. Бублыкы, пряныкы, козачэ...

ОМЭЛЬКО. Козацька ида — хлиб та вода.

МОЛОДКА. Чого ж тоби, козачэ,податы?

ОМЭЛЬКО. А податы, добродии, мэни козаку саетови шаровары з шовковым поясом, та щоб чэрвони, та щоб завшыршкы в чотыры аршыны, щэ й чоботы сап'янови, тэж чэрвони.

ГОРПЫНА. Штанамы интересуетесь? Е джынсы «Мальвина».

ОМЭЛЬКО. Щоб козак та влиз в отаку срамныну?!

ГОРПЫНА. Вси прагнуть джынсы иноэмни прыдбаты, а цэй дурысвит «Мальвиною» грэбуе. Скажить краше, що грошэй чортма.

ОМЭЛЬКО. Вот мои грошыкы. *(Показуе.)* А вот тоби моя дуля за твий гнилый заморськый товар.

ГОРПЫНА. Ни на моду, ни на вроду и натякив нэ выдно. *(Видходыть.)*

ВОСЬМА ЖИНКА. Та ж колы е гроши, то и обувайся, чоловичэ, хутчий, а то змэрз, як пэс, обкыс, як лыс, обмок, як вовк. Чого бильш довподобы — кроссовкы чы мокасыны?

ОМЭЛЬКО *(скризь зубы)*. Довподобы мэни чоботы сап' янови.

ДЕВ'ЯТА ЖИНКА. Чого мэлэш, мужык, хто зараз шлэндае в халявах? Залыв очи горилкою и нэ бачыш, яка тэпэр мода.

ОМЭЛЬКО. Бачу, добрэ бачу моду вашу — розпаскудылысь: ни сорому, ни чэсти... Головство пыку вид спадчыны воротыть, товстымы губами шлямкае, а за ным — и пидлабузныкы-задньолызы... Спантэлычыло усих марксово плэм'я, як бабахнуло колысь в жовтни смэрдячым полохом и постийно чмыхае до сиеи поры. Профукалы власни штаны — заморськи им подавай!

ГОЛОС. Ты дывы, голый-босый, а рэмствуе, як пан.

ДЕВ'ЯТА ЖИНКА. Нэ дуры, дядьку, бэры, що дають. Втолмачыв соби в голову чудэрнацьки дурощи и нэсэш чорт зна що.

ОМЭЛЬКО. Тупым ножэм риж мэнэ, а отакэ чортовиння нэ одягну. Нэвжэ нэ зрозу мило, що ця гыдота, вся хреновень иноэмна — ганьба для нас... Замылувалысь на чужынцив — сами чужынцямы в своий Вкраини сталы.

ГОЛОС. Нэчуванэ зухвальство.

МОЛОДКА. Чого рэмствуетэ, купить, що е. Вы ж голый.

ОМЭЛЬКО. Ну и що?

ДИВЧЫНА. Вы ж босый.

ОМЭЛЬКО. Так вража жинка чоботы сховала, щоб я до шынка нэ ходыв, щоб вид нэи нэ втик, так босым тикаты щэ лэгшэ.

ДИВЧЫНА. А вон и палэць збыв.

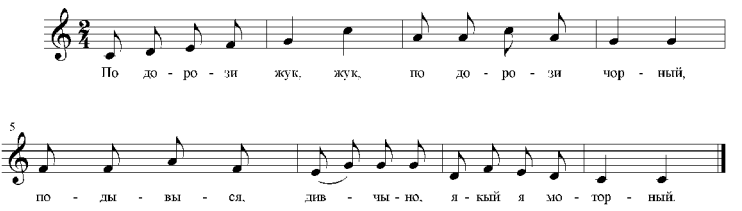
ОМЭЛЬКО. Ну, и збыв одын палэць,так в мэнэ щэ дев'ять е! Та и давно цэ було, аж колы парубкував...Да, була колысь и у мэнэ дивчына-рыбчына... Отож збыраюсь я одного разу до дивчыны, збыраюсь, як на парад: шаровары чэрвони, пояс шовковый, чоботы сап'янови, я их тилькы-тилькы прыдбав; а до дивчыны — путь нэ блызькый, щэ й час вэчирний, вид мисяцю якэ свитло... Я й почав миркуваты и додумався: пиду босый,а чоботы вжэ на мисци взую. Помэтэлыв задами та городами, чэрэз тыны и пэрэлазы и — вризався босою ногою в зализяку, и аж прысив вид болю, матюкую всих: и мисяць на нэби, и тых недотьоп, що зализякы усюды розкыдують, и палэць свий, якый так розкрывавывся и розбух, що його нэ тилькы в чобит, а в макытру нэ всунэш... Якэ тут парубкування, пошкандыбав додому...

МОЛОДКА. А дивчына як же?

ОМЭЛЬКО. А дивча образылось, що нэ прыйшов, з другым спарувалось... Отак я в одын вэчир позбувся и нигтя на нози, и дивчыны. Добрэ, що хоч чобит нэ поришыв, остався бы и бэз чобит, колы б нэ босым пишов... *(Уходыть, спиваючы.)*

По дорози жук, жук

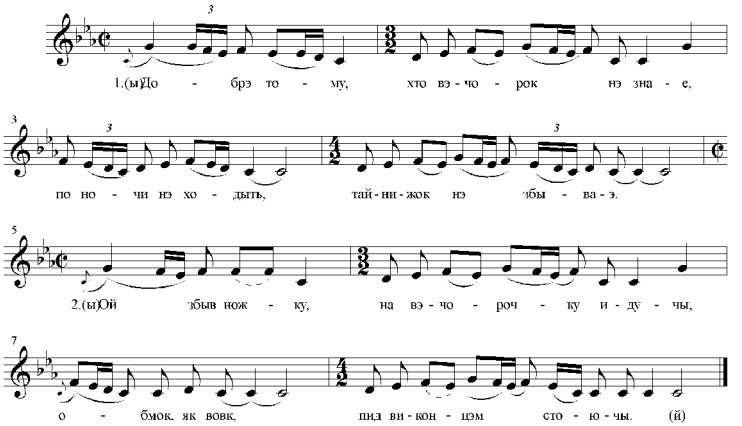
По дорози жук, жук,
по дорози чорный,
подывыся, дивчыно,
якый я моторный.



Пид враженням розповиди козака молода гарна жинка спивае журлывую писню.

Добрэ тому, хто вэчорок нэ знае

Добрэ тому, хто вэчорок нэ знае,
по ночи нэ ходыть, нижок нэ збывае.
Ой збыв ногу, на вэчорочку идучы,
обмок, як вовк, пид виконцэм стоючы.
Ой, загыну, дивчыночко, загыну,
дай бо мэни скризь викно жупыну.
Ой, рада б тоби жупаныну даты,
ох, будэ ж мэнэ сварыть ридная маты,
щоб я тоби жупаныну нэ дала,
щоб я тоби тай жинкою нэ була.



ПЭРША ЖИНКА. А дэ ж наш козачэ?

ДРУГА ЖИНКА. Мабуть, вин до своеи дивчыны-рыбчыны подався.

ТРЕТЯ ЖИНКА. А вин, часом, нэ жовтоблакытнык?

ЧЭТВЭРТА ЖИНКА. Годи, бабы, про политыку. Яка ризныця, чэрвоный прапор чы жовтоблакытный прапор.

ШОСТА ЖИНКА. Э, нэ кажыть, а я так думаю, нэхай прапор наш будэ билый, з чэрвонымы прожылкамы, щоб мы, бабы, нэ забувалы з вамы, якэ воно — сало.

Смих. Вси загомонилы разом.

ПЭРША ЖИНКА. Огирочкы — свижэнькы, зэлэнэнькы, смачнэнькы.

ТРЕТЯ ЖИНКА. Маю пряныкы, бублыкы...

П'ЯТА ЖИНКА. Купить, мэрщий, курку, добра курка, ий-богу.

ВСИ *(спивают)*.

Курка

Мала баба курку,
курка ся нэ нэсла,
взяла баба чубатэньку,
на базар понэсла.

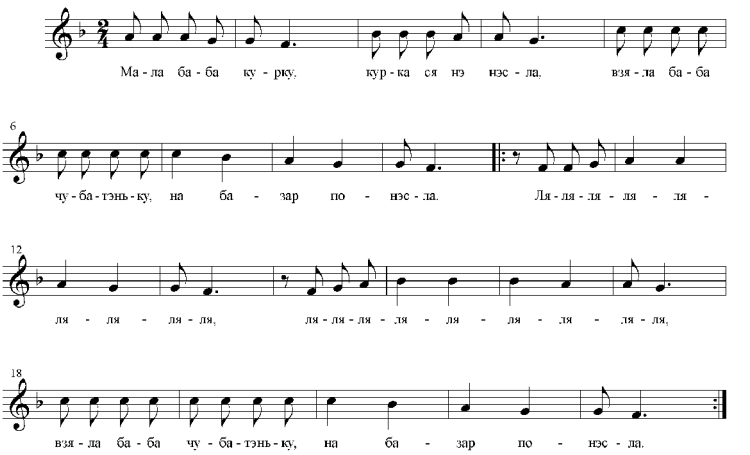
Приспив. Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Взяла баба чубатэньку,
на базар понэсла.

Злэтив яструб з нэба,
зловыв соби курку,
крычыть баба, рэпэтуе,
виддай, драбэ, курку.

Приспив.

Нащо було курку
на базар носыты,
краще було б чубатэньку
в борщыку зварыты.

Приспив.



Дия друга. Сябры.

На авансцэни — лавка. Праворуч — вказивка: Цвынтарь. Звидты Одарка вэзэ на санках Омэлька, п'янющего до нэстямы. Сыл в нэи вжэ бильшэ нэма, вона зупыняеться биля лавы, втырае лыцэ.

ОДАРКА. Прыкро так, що хоч вый... Божэ ж мий, божэ, чым завыныла я, що ни вблагать, ани вмолыты тэбэ нэ можу? Чы ты смиешься з мэнэ, чы, можэ, ты караеш жыттям безбарвным злонамисно, бо кажуть люды, що лыхо и бида — вид бога! Чым гиршэ я вид усих, що мучусь з дурысвитом? Добри жинкы своих чоловикив на цвынтар з музыкого вэзуть, я ж, бидолаха, свого чоловика з цвынтаря додому мушу тягнуты з плачэм... Обрыдло всэ мэни, занэдбана жиноча гиднисть, нудыться сэрцэ, тьмарыться душа, сыл зовсим нэма, вэзты свою ношу... *(Хочэ пидняты Омэлька.)* Вставай, опудало, бодай ся когут знудыв, пидиймайся, чортив сыну, бо я нэ маю змогы вовтузыться з тобою, щоб ты сказывся вжэ, за що мэнэ ганьбыш?

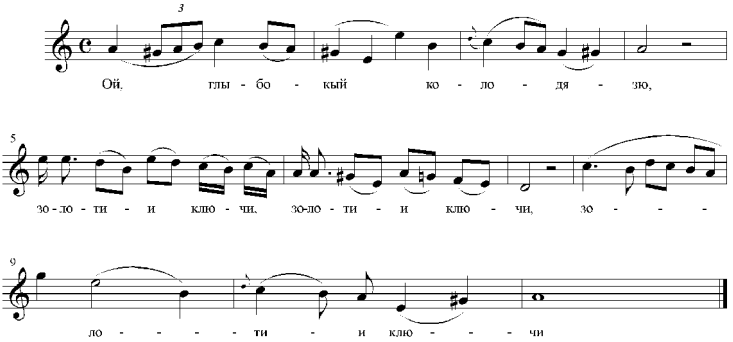
ОМЭЛЬКО *(бурчыть, видмахуеться)*. Нэ кувикай, вэзы.

ОДАРКА. Ну и бис з тобою, здыхай, як собака пид лавою... *(З досады б'е чоловика мотузком, на яким його волочыла. Залышыв Омэлька за лавою, Одарка проходыть на авансцэну, сидае на лаву, плачэ, погоди свое горэ выплэскуе з писнэю.)*

Ой, глыбокый колодязю

Ой, глыбокый колодязю,
золоти ключы, (3)
а вжэ ж мэни докучыло,
в свити горюючы. (3)

Ой, глыбокый колодязю,
боюсь, щоб нэ впасты, (3)
полюбыла пройдысвита, —
прыйдэться пропасты. (3)



ОДАРКА *(встае)*. Ой, лыхо мэни, лышэнько — ношу свою жиночу всэ жыття нэсты та щэ й пыяка-чоловика звидусиль вэзты. Вин жэ, сучый сыну, нэ тилькы в шынку, алэ й на цвынтари до нэстямы нап'еться... У мэнэ ж — ани сыл вжэ ниякых нэма, ани змогы. А щоб коня найняты, трэба пляшку горилкы дэсь дистаты. *(Уходыть.)*

ОМЭЛЬКО *(пидхопывся)*. Нэ трэба коня, за пляшку горилкы я и сам дийду. *(Знов засыпае.)*

З'являеться засмучена молода дивчына, Галя. Спивае.

Ой, пишла я, ой, пишла я

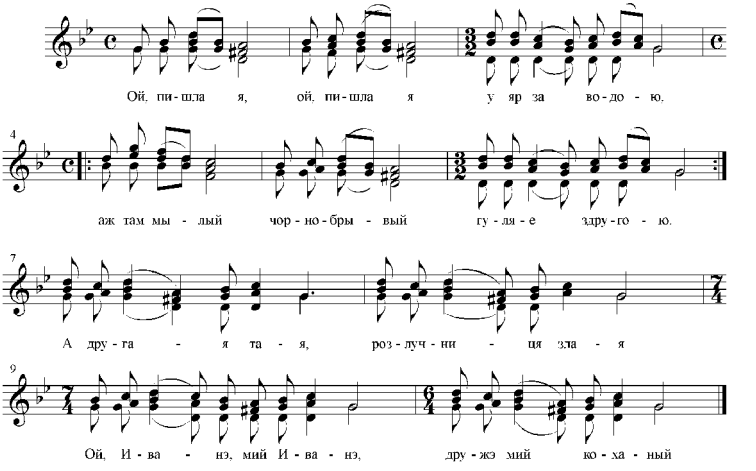
Ой, пишла я, ой, пишла я
у яр за водою,
аж там мылый чорнобрывый
гуляе з другою.

А другая тая,
розлучныця злая,
богатая сусидонька,
вдова молодая.

А я вчора з нэю,
з сиею змиею,
в поли плоскинь выбырала
та всэ и розказала.

Як вин мэнэ любыть,
жэнытыся будэ,
и до сэбэ злую суку
просыла в прыданэ.

Ой, Иванэ, мий Иванэ,
дружэ мий коханый,
побый тэбэ сыла божа
на наглий дорози.



З'являеться подруга Гали — Мотря, котра называе сэбэ Матильдою.

МОТРЯ. Добрый вэчир, подружэнько.

ГАЛЯ. Нэ подруга ты мэни — стэрво.

МОТРЯ. Ты що? Сказылась, що наивирнишую подругу свою обгавкала нэ з того, нэ з сього? Мабуть, щэ и вкусыш?

ГАЛЯ. Иды прич од мэнэ!

МОТРЯ. Стрывай, стрывай, хиба я нэ маю знаты, за що лаешся на мэнэ? Чым я завыныла?

ГАЛЯ. Прыкидуешся добродийкою, гадюко.

МОТРЯ. Нияк нэ збагну, чым я нэ вгодыла тоби, бач — аж пополотнила вся.

ГАЛЯ. Липшэ нэ займай мэнэ, щоб нэ жалкуваты потим.

МОТРЯ. Та врэшти-рэшт ты скажэш, за що ганьбыш мэнэ!

ГАЛЯ. Ато сама нэ втямышся.

МОТРЯ. Сорока мэни на хвости нэ прыносыла вистэй. Звидки маю знаты?

ГАЛЯ. Бачылы тэбэ в прыдорожний бузыни з моим Иваном.

МОТРЯ. То всэ вытрэбэнькы та выгадкы.

ГАЛЯ. Лыбонь, думала, що нихто и знаты нэ будэ. А дизналысь и сыч, и сова, и людэй пивсэла. Надали я и сама бачыла, як ты, пидиткнувшы спидныцю, почалапала за ным в бузыну... А я гадала, з якои рэчы наша Мотря раптом Матильдою зробылась и в люстэрко бэз кинця задывляеться, и очи свои жабыны пидмальовуе, и щокы пыхати наквацьовуе, и пахощамы запоморочлывымы пидмахуеться...

МОТРЯ. А чого було гадаты,колы, як ты сказала, що и сыч,и сова, и людэй пивсэла дизналысь,що ты любыш Ивана, а Иван закохався в мэнэ. Ну що я маю робыты, колы я йому бильш довподобы, колы я и сама ошалила вид нього.

ГАЛЯ. Спивае, як соловэйко, а кусае, як змиюка... Нэ вид образы, вид огыды — нэнавыджу!

МОТРЯ. Та б колы я в чому вынна була, я б соби исты нэ давала.

ГАЛЯ. Колы ж исты почнэш — бодай щоб пэршим шматком поковтнулась!

МОТРЯ. Твои прокльоны — мэни байдуш. Рыпыть вэрба — то нэхаи усохнэ. И такэ бувае в свити: булы подружэнькы, сталы ворожэнькы, розийдэмся лэпсько — мэни сюдою, тоби тудою.

З'являються жинкы, жартуючы та смиючысь.

ПЭРША ЖИНКА *(подывывшысь на схвыльованых супэрэчкою подруг)*. А мы, я бачу, трохы спизнылысь на концэрт.

ДРУГА ЖИНКА. На концэрты и мы гаразд, вот зараз и заспиваемо вэсэлэньку, а хто захочэ, той и станцюе.

СОЛОХА. А що я бачыла, сусидонькы, вночи нэщодавно, низащо нэ повирытэ.

ДРУГА ЖИНКА. Збрэхаты тоби — як дэсь почэсатысь.

ПЭРША ЖИНКА. Нэхай языком почэшэ.

СОЛОХА. Так вот послухайтэ. Дэсь блызько опивночы пры дорози в бузыни щось-такы трапылось: як пидхопыло когось за ногы догоры, нэ так, щоб высоко, нэ так щоб и нызько...

ПЭРША ЖИНКА. А сама-то чого в таку пору робыла, що замарылось страховиття?

ДРУГА ЖИНКА. Мабуть до витру ходыла та и заморочылась.

ГОРПЫНА. Люды кажуть, що Солоха щоночы нэ тилъкы до витру ходыть.

СОЛОХА. Трясця твоий матэри, Горпыно, отакэ базикать. Скилькы кажу тоби: вкороты свого языка — нэ буцэш быта.

ГОРПЫНА. Ой, люды, подывытэсь на цю порадныцю, мытцю по побоям, сама быта-пэрэбыта, а иншым вказуе, як в лагоди жыты. Чоловика свого вчы.

СОЛОХА. Мий чоловик мэнэ любыть, а твий по чужым городам до трэтих пивнив шлэндае.

ГОРПЫНА. Так любыть, що свитом нудыть, бо грызэш його щодня, щоночи.

ПЭРША ЖИНКА. Тьфу на вас... Розкудахталысь. Скажить краще, хто нас нэ крывдыть: и чоловикы, и влада, и бэзвладдя — вси одын другого стоять, вси никчэмни. Нэма на ных кары, нэма свары. Чы дурэнь, чы мудрый — ниякои ризныци, вси бэз воли, бэз доли, бэз вдачы, вси пид владыкою ходять, слухають його та пиддакують, у нього ж — два языкы, одным владу и бога хвалыть, другым — людэй дурыть.

ДРУГА ЖИНКА. Дэ вы правду бачылы, ии нэ було и нэ будэ.

ПЭРША ЖИНКА. Правда е, та шукачив ии нэма, кого вбыто, кого побыто, а хто и сам упывся.

ДРУГА ЖИНКА. П'ють от бэзнадии, з нудьгою та горэм нэ розжывэшся, а их босымы ногамы нэ втопчэш... Як зазымие, то и жаба онимие.

ТРЭТЯ ЖИНКА. У всякого свое лыхо, а наша бида в тому, що забулы батькивськы заповиты.

ПЭРША ЖИНКА. Батька, маты забудэш, а исти — николы.

ТРЭТЯ ЖИНКА. Що мы, бабы, можэмо, колы козацтво нашэ спываеться, про волю забулы, нэхай заснулы.

ПЭРША ЖИНКА. Нихто нэ забув про волю, тилькы нэ там шукають, нэ з тымы паруються.

МОЛОДЫЦЯ. Жинки, и нэ соромно вам про парування в политыци балакаты, дэ ваша жиноча гиднисть, хто ж про кохання будэ рэчы говорыты?

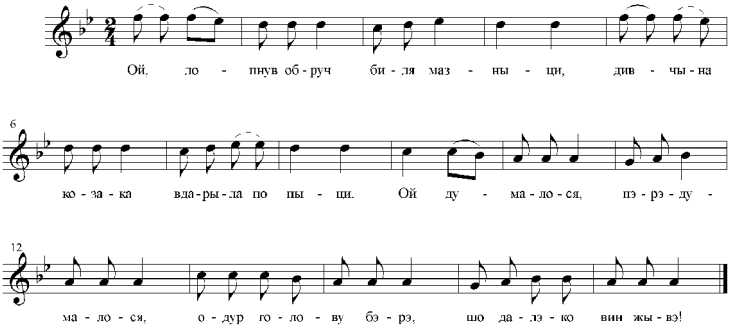
ТРЭТЯ ЖИНКА. В коханни горя и суму нэ мэньш, аниж в повсякчасним бутти.

МОЛОДЫЦЯ. Алэ ж тилькы кохання дае надию на шастя.

ПЭРША ЖИНКА *(жартуючы спивае)*.

Ой, лопнув обруч

Ой, лопнув обруч биля мазныци,
дивчына козака вдарыла по пыци.
Приспив. Ой, думалося,
пэрэдумалося,
одур голову бэрэ,
шо далэко вин жывэ,
шо далэко вин жывэ.



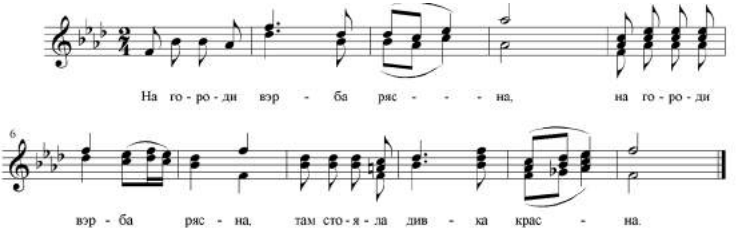
МОЛОДЫЦЯ. Вам бы всэ жарты та посмихы.

ДРУГА ЖИНКА. И в жытти, и в писнях — або жарт, або горэ. *(Заспивуе.)*

На городи вэрба рясна

На городи вэрба рясна,
там стояла дивка красна,
хорошая та вродлыва, (2)

ии доля нэщаслыва.
Ии доля нэщаслыва — (2)
нэма того, що любыла.
Нэма його та й нэ будэ — (2)
розраялы вражи люды.



МОЛОДЫЦЯ. Кращэ любыты и каратысь, аниж стариты и нудытысь.

Вси спивають, танцюють.

Ой, продала дивчына курку

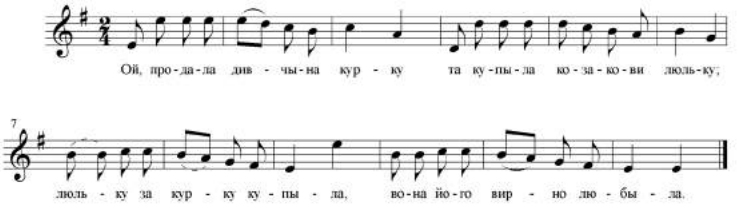
Ой, продала дивчына курку
та купыла козакови люльку;
люльку за курку купыла,
вона його вирно любыла.

Ой, продала дивчына грэбинь
та купыла козакови крэминь;
крэминь за грэбинь купыла,
вона його вирно любыла.

Ой, продала дивчына юпку
та купыла козакови губку;
губку за юпку купыла,
вона його вирно любыла.

Ой, продала дивчына сало
та купыла козаку крэсало;
крэсало за сало купыла,
вона його вирно любыла.

Ой, продала дивчына душу
та купыла тютюну папушу;
тютюну за душу купыла,
вона його вирно любыла.



СОЛОХА *(втомывшысь, скинчыв танцюваты, хочэ видпочыты, алэ мист на лави нэма, пидходыть до Горпыны, досыть повнои жинкы).* Розсилась — за трьох, мэни и видпочыты нема дэ.

ГОРПЫНА. А я що нэ маю права сыдиты?

СОЛОХА. От'илась, як та людына, що до горы щэтыною. Спидныця — на пивлавы, пид нэю чортзна, що ховаеться.

Омэлько миж тым очухався, скотывшысь з санок, полиз пид лаву и якраз показався з-пид лавы, з-пид горпыныного подолу.

ОМЕЛЬКО *(повзэ).*

По дорози жук, жук,
по дорози чорный,
подывыся, дивчино,
якый я моторный. (2)

Пэрэполохани жинкы э гвалтом почалы бигаты, хто вскочыв на лаву, хто побиг гэть. Солоха з пэрэляку сила на спыну Омэлька зпэрэду на зад.

Голоса: Свят, свят, свят! Згынь, сатано! Рятуйтэ, люды добри!

ОМЕЛЬКО *(и дали повзэ).*

Якый я моторный
и у кого вдався,
хиба ж дасы копу грошэй,
щоб пожэныхався.

СОЛОХА *(нэ бачачы лыця Омэлька, крутыть головою).* Ты хто?

ОМЭЛЬКО *(крутыть головою, алэ бачыть Солоху тилькы сзаду)*. А ты хто?

СОЛОХА *(б'е)*. Згынь, сатано!

ОМЭЛЬКО. Сама — сатано, сама — згынь.

СОЛОХА *(б'е)*. Пусты!

ОМЭЛЬКО. Сама осидлала, сама злазь, нэ ганьбы козака.

Солоха б'е щэ больнишэ, Омэлько крутыться, щоб скынуты жинку, алэ вона трымаеться мицно, тоди Омэлько почынае пидийматысь, и Солоха скотылась до долу, шалэнно вскочыла и з галасом побигла гэть.

Омэлько, нарэшти, и сам осидлав лаву, намагаючысь зрозумиты, що з ным трапылось.

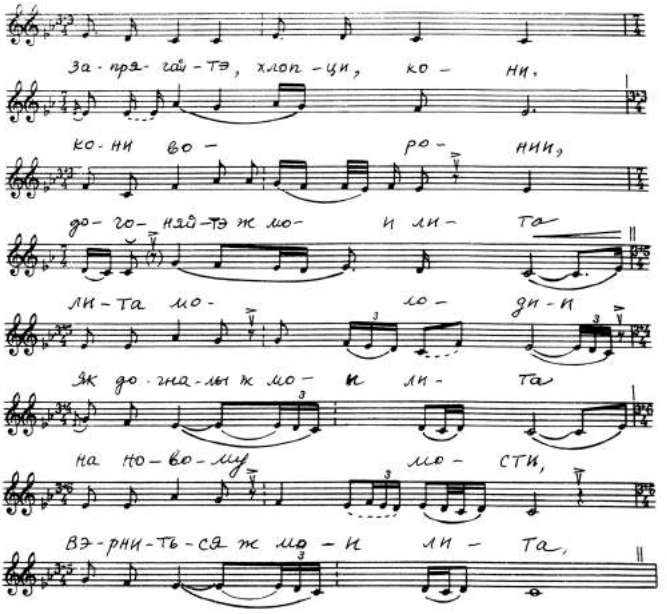
ОМЭЛЬКО *(сидячы на лави)*. Отакэ чортовиння на мою шыю... Нихто нэ чув, як комар чхнув, а шыя моя чомусь онимила... Нияк нэ можу второпаты, як я в самисинськым кодли видьомськым опынывся... Трапылось зи мною такэ, що соромно и прызнатысь соби, як у той байкы: спочатку мы на вас поидэмо, а потим мы вас запряжэмо... Тысяча чортив всим в бокы! Я ж нэ дурэнь, алэ чы нэ занадто на мою шыю всилякых прыкростэй: и вид картавых крывдныкив, и вид чужынцив, и вид доли нэхрэщэнои... Стрывай, а доля — прычому? Якэ ихало, такэ и здыбало... И як я докотывся до ганьбы? Миркуй, Омэлько, думай... Добрэ пом'ятаю: був на ярмарку,пам'ятаю... На цвынтари був, товарыша проводжав, пыв за його душу, щоб в рай понэслась... А вот як я пид жиночою спидныцэю опынывся, хоч убый, нэ згадаю, хоч риж мэнэ тупым ножэм, нэ второпаю... Скилькы разив давав соби зарок: пыты — пый, а розум нэ пропываи. *(Зняв шапку, розмовляе з нэю.)* Ты — козак, Омэлько, дэ твоя чоловича гордисть,дэ вдача козача? Напывся — спидныцэю накрывся, тьфу! Допывся, докотывся...Сьогодни — пид лавою, завтра — попидтынню... Колысь хто з нас килькы миг выпыты горилкы — ни голова, ани шыя нэ свэрбилы... Старием, Омэлько, старием... Старисть — нэ радисть... Дэ ж ты, солодкый дух акациевого квиту... *(Задумлыво спивае.)*

Запрягайтэ, хлопци, кони

Запрягайтэ, хлопци, кони,
кони воронии,
догоняйте ж мои лита,
лита молодии.

Як догналы мои лита
на новому мости,
вэрниться ж, мои лита,
до мэнэ у гости.

Ой як жэ нам повэрнутысь
до тэбэ у гости,
трэба ж було шануваты нас
щэ з молодости.



ОМЭЛЬКО. Ни кинно, ни пишкы лита свои нэ догнаты, а шляхы козацькии тэрном та бур'яном порослы... Нэ по-наськы жывэмо, забулы всэ: и казкы, що баялы бабуси, и дила батькыв своих, що чудотворылы свое жыття, орламы сягалы на край

свиту... А их нашадкы розгубылы всэ: и пам'ять звычаив, и славу батькив, и гиднисть, и завзятисть свою, бо: — «До роботы дитэй нэ сылуйтэ, а до ижи — такы быйтэ...» И нэ тилькы диты роззявылы рота на заморськэ, а вси: нэхай в лакеях ходыты будэмо, абы в золотий оздоби. Кажуть, колы ты такый розумный,так чого ж такый бидный. Оцэ людисько таки понятия мають. Да, у мэнэ в кышэнях витэр гудэ, да, маю власний зэмли тилькы поза нигтямы, алэ ж тому, що нэ гнув ни пэрэд кым спыну, шыю свою нэ пидставляв... Ой, ой! Сто чортив! Ось сьогодни такы и пидставыв шыю... Як жэ дурно мэни: и шыя болыть, и голова трищыть, и в кышэнях свыщыть... Горло пэрэсохло, аж в носи свэрбыть... Опохмэлытысь бы... Зразу б полэгшало... О, божэ, якщо ты е, допоможы, знымы похмилля бисово, багато нэ благаю, мэни б горилочки пивпляшэчкы,ну хоч пыва кварту...

З'являеться Иван, москаль, сидае на лаву.

ИВАН. Что-то душно... В горле пересохло. *(Достае пляшечку пыва, видпывае трохы, дае Омэльку.)* Хочешь пива?

ОМЭЛЬКО *(аж пидскочыв)*. Та колы бис прынис тэбэ до нас, то хоч бы говорыты по-тутэшньому навчывся. У нас бо и нэмовля знае, що пыво е пыво, а ты — пиво. Тьфу, так бы и вбыв! *(Видвэрнувся.)*

ИВАН. Не хочешь, как хочешь. *(Потыхэньку видпывае з пляшкы.)*

З'являеться Янка, сидае миж Омэльком та Иваном.

ЯНКА. Дзень добры, сябры. Трэтього приймаецэ?

ОМЭЛЬКО. Сидай, колы прытомывся.

ЯНКА. Притомился — не притомился, а смага душиць.

ИВАН *(пэрэдае пляшку з пывом)*. Есть пиво.

ЯНКА *(п'е)*. Гэта добрэ. *(Пэрэдае Омэльку.)* Хочеш, пива?

ОМЭЛЬКО. Показылысь вси: пива, пива...

ЯНКА. Как хочеш. *(Пэрэдае Ивану.)*

Омэлько вырывае пляшку з пывом у Янка, жадлыво п'е до дна, вэртае порожню.

ИВАН. Так-то, мужики.

ОМЭЛЬКО. Так чы нэ так, а пэрэтакуваты ничого.

ЯНКА. Бачу супэрэчка между вами... Чего не поделили?

ОМЭЛЬКО. Якым бисом москалив на Украину заносыть.

ИВАН. А таким же, каким хохлов гонит в Россию, не летать же бесам порожняком туда и обратно.

ЯНКА *(смиеться)*. И то правда.

ОМЭЛЬКО. Вам бы тилькы хахонькы, а из-за окупантив - вся бида Украини. Хто тилькы нэ мордував нэньку: и литва со шляхтою, и туркы з татарамы, и москали...

ИВАН. То, что литва со шляхтою хохлов на кол сажали тысячами — знаю, что турки с татарами хохлов десятками тысяч в плен и рабство угоняли — знаю, а вот, чтобы русичи своих братьев-украинцев на кол сажали или в рабство забирали — не знаю, потому и не знаю, что этого не могло быть в принципе, а если русских и украинцев стравливали хитрожопые политики испокон веков, то не моя, и не твоя в этом вина.

ОМЭЛЬКО. А хто волю выкрав у нас, хто голодомор учыныв?

ИВАН. Те, кто революцию совершил и у вас на Украине, и у нас в России. Ни русских, ни украинцев в революционном правительстве не было, иудобольшевиков хохлы выкормили в Одессе, Львове, Бердичеве... Латышские стрелки их во власти утвердили, а русские оказались перед всем миром виноваты, а именно русских было перебито больше всего. Никакой ты не патриот, а сучий сын иудобольшевиков... Что Троцкий говорил? Зальём кровью Россию... Что Ленин писал? Пусть будет уничтожено 90% русского народа... А ты: москали голодомор учинили... Если в голове — ветер, то и язык треплется, как флюгер.

ОМЭЛЬКО. Тьфу на тэбэ, ни супэрэчатысь, ни балакаты з тобою — нэ хочу, иды соби до биса, звидкы прыйшов.

ЯНКА. Сябры, навошта спрачацца, адзин аднаго крывдзиць, нам треба, сёння абыходзиць гэты супэрэчкы, як блох; ведаць повинны, што вораг у нас у славян — адзин, ён нам гаварыць: Мы — абраны богам, мы — дзеци бога, а вы — нашы рабы. Аж датяпэр мы ходзим в раболепстве, яны ж — нэ людзи, гэты мордовороты, задаволена смяецца, кали у нас многа няшчасцяв, кали сябры стаюць ворагами, кали на свете — ничога святога... Яны пры грашах, пры машынах, пры дворцах, яны рэгочуць, што дуряць нас... Кали мы сами записались в дурни, мы сами ходзим угнутым до зямли, дык чаго молчим, сябры, яка бяда у нас? Кали пасели на лавцы, хоць на хвилинку, навошта

спрачацца? Нам бы подзялицца словам шчырым ды песняй падтрымащь нашу правду. *(Достае пляшку пэрвача.)* Краще утрёх пыць, аниж утрёх бицца.

Янка дае пляшку Ивану, той отпывае и вэртае Янку, Янка пэрэдае пляшку Омэльку.

ОМЭЛЬКО *(вэртае Янку)*. Писля нього пыты нэ буду.

ЯНКА *(п'е, пэрэдае Омэльку)*. На, добрый пэрвач.

ОМЭЛЬКО *(п'е)*. У нас з цукорных бурякив — краше. *(Знов п'е.)* Горилка, люлька, писня — доля козацька.

ЯНКА. А жинки?

ОМЭЛЬКО. Жиноцтво — окрэма стаття.

ЯНКА. А путь-дорога?

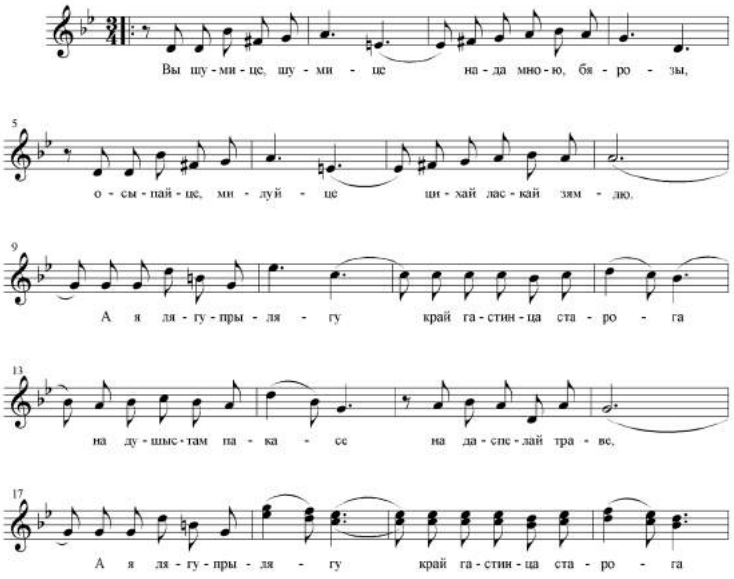
ОМЭЛЬКО. И горилка, писни, и жинкы, и козацькый шлях — всэ цэ и е наша доля.

ИВАН *(до Янка)*. Откуда и куда?

ЯНКА. Ва мне язычник не памирае, спяшаю у храмы свае зялёные, мне трэба пакланицца санцу, ракам, деревам, травам. Адкуль у нас гэты сум? Вось бачыце, як нялёгка жыць. Кали сябры-славяне адзин аднаму стаюць ворагам замест таго, каб адзин другому рукы подаць, бы нелюдзи нас стравляюць лбамы, злююца на нас, законники зновку идуць на нашу зямлю, для ных няма ниякых межав, чужые словы тольки и чуць, ворог прыгинае нас до зямли, мы жа шапку насунули на самыя вочы каб ничога-ничога нэ бачыць, ничога нэ чуць... А з зямли бы з глыбокай раны яшчэ и сёння выходзяць асколки, а вораги наши зновку твердяць: Мы абраны богам народ, а вы — рабы нашы. Што можа быць яшчэ больш недарэчнае, яшчэ больш жахливае. Я выходжу з раба, раболепства я скуру скидаю. Як прыемна плечы размяць, силу адчуць, па зямли повным ростам исци. Иду вид Днипра, са шляху з варяг у грэки, а сны май на Радзиму лецяць у беларуськы партызанськы край. Я да ней наяву и у снах прагну. Дорога лечыць, нибы чарадзей, хоць и цяжка яна, я добярусь да цабе, Беларусь. Я стомлены самотай падарожник урэшце атдахну. Як жа хораша ввалицца пасля втомы у лугакветкы, в циши ляжаць распластаны на даспелай траве и видчуваць, як зрастаешся з зямлёю и ничога больш не трэба, высока неба — над табой, зямля — пад табой, ты миж их — бы калысьци дзиця малое, калисьци будзе й так — ляжаць табе миж зямлею и зямлею... *(Спивае.)*

Вы шумице, бярозы

Вы шумице, шумице нада мною, бярозы,
осыпайце, милуйце цихаи ласкай зямлю,
а я лягу-прылягу край гастинца старога
на душыстам пакасе на даспелаи траве,
а я лягу-прылягу край гастинца старого
галавой на прыгорак на высокай курган,
а уставшие рукы вольно в шыр я раскину,
а ногамы в далину каб покрыв их туман.
Вы шумице, шумице нада мною, бярозы,
вы хранице, милуйце свой напев векавой,
а я лягу-прылягу край гастинца старога
бы устал я в дароге, я гадинку пасплю.



ОМЭЛЬКО. Бачу, ты, Янка, справжний козак: и про Днипро, якый колысь колыхав тэбэ, нэ забув, и про Батькивщину свою пом'ятаеш, и про ворогив нашых всэ, лыбонь, збагнув... Нэ тилькы у мэнэ думкы в голови холодцэм стыгнуть; колысь як було: одни робылы, други трубылы, а зараз щэ гиршэ зробы-

лооь — шахраи, брэхуны языкамы горы ворочають, а жывэмо мы бэз змин: богатиты нэ маемо змогы, а голить вжэ никуды. С часив Шэвчэнка ничого нэ зминылося. *(Мовчкы смалыть люльку, писля роздуму, спивае.)*

Гомонила Украина

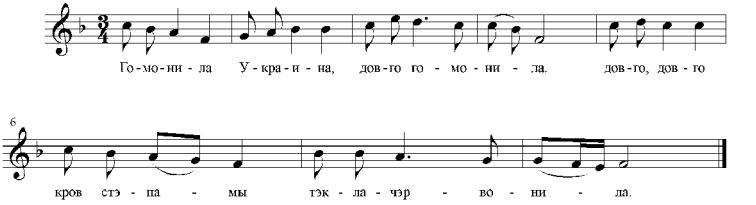
Гомонила Украина,
довго гомонила,
довго, довго кров стэпамы
тэкла-чэрвонила.

Тэкла, тэкла та й высохла,
стэпы зэлэниють;
диды лэжать, а над нымы
могылы сыниють.

Та що з того, що высокы?
Нихто их нэ знае,
нихто щыро нэ заплачэ,
нихто нэ згадае.

Тилькы витэр тыхэсэнько
повие над нымы,
тилькы росы ранэсэнько
сльозамы дрибнымы

их умыють. Сонцэ зийдэ,
осушыть, прыгрие.
А онукы?... Им байдужэ,
панам жыто сиють.



ОМЭЛЬКО *(скинчывшы спиваты)*. З сывои-сывознои давныны дэржава наша и в сыли, и в слави була... В тяжкий зажури, в злыгоднях, в розбэщэнним нэробстви, в обрыдлои нэзгоди жывэмо тэпэр... Просто ганьба, та й годи. Хто ж вынуватый,в кинци кинцив?!

ИВАН. В каждый удобный момент виноватого стрелочника всегда можно найти. А не мы ли сами отреклись от родных славянских богов, которые вели нас по пути Прави — Правды и Совести; а не мы ли, забыв заветы предков наших, перессорились со своими славянскими соседями-сябрами, а ведь славян в Европе — три сотни миллионов, и нет им равных ни по численности, ни по силе, не зря ведь о панславянстве мечтали и Крижанич, и Пушкин. Богоизбранные господа, грезящие мировым господством, раздолбали славянские союзные государства, перессорили братьев славян, которые в ожидании долларовых подачек забыли не только о национальных интересах,но и об элементарной гордости, о чести, о совести, выдают своих лидеров-патриотов, подхватывая с господских уст и ложь, и клевету о них... Славянорусы правили тысячелетиями и в Европе, и в Сибири, и в Малой Азии до тех пор, пока держались религии своих предков, пока исповедовали своё исконное мировоззрение — ведизм... А теперь большинство славянорусов и не знают, что это такое, исповедуют враждебные религии: православие, католицизм, ислам, пресмыкаясь перед чуждыми кучерявыми богами, удивляются, отчего у них такая жизнь хреновая. Но у рабов, и божьих, и господских, разве может быть иная — не рабская жизнь?!

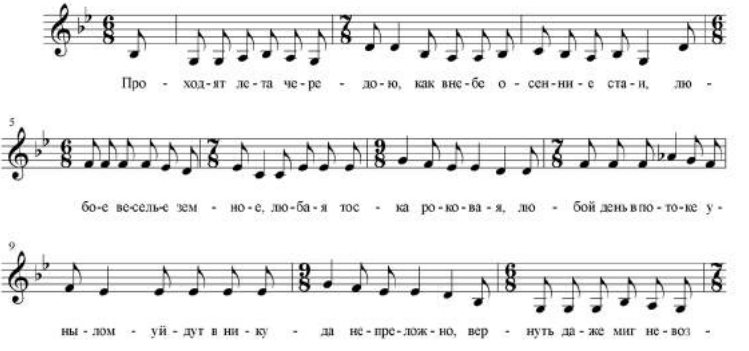
ЯНКА. Якым жа богам ты пакланяешся?

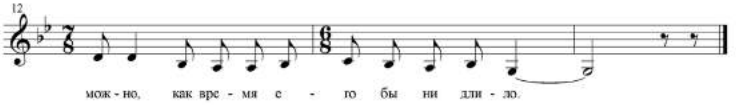
ИВАН. Былые времена не вернёшь, язычество не воскресишь, у религий вообще нет будущего, поскольку современное мышление исключает мистицизм, а вот поклоняться духам своих предков, чтить их память, придерживаться архетипической культуры, национальных обычаев и обрядов мы просто обязаны, если не хотим потерять своё лицо. Если мы родились славянорусами, которые всегда были солнцепоклонниками, огнищанами, значит для нас Солнце — и бог, и отец наш, но Солнце — бог небесный, на Земле же и внутри нас существует сила не менее божественная, это — Любовь, этому божеству я и поклоняюсь, этому божеству я и служу *(Исполняется гимн любви.)*

Проходят лета чередою

Проходят лета чередою,
как в небе осенняя стая,
любое веселье земное,
любая тоска роковая,
любой день в потоке унылом —
уйдут в никуда непреложно,
вернуть даже миг невозможно,
как время его бы ни длило.
В сомнениях некуда деться,
но вдруг (может быть, не случайно) —
на помощь холодной печали
приходит горячее сердце,
и вот уже снова и снова
рождается вечное слово,
с которым отрадней и легче
по жизни идти скоротечной.

Любовь — первородное слово,
любовь — необъятное чувство,
великое в жизни искусство —
навеки сродниться с любовью,
пускай же годов вереница
к любовным высотам стремится,
любимых крылом осеняя,
от бед и тоски укрывая.





ОМЭЛЬКО. Хороша писня, алэ кращэ украинськых писэнь нэма, нэ було и нэ будэ.

ЯНКА. У кажнаго народа есць сваи перлыны.

ОМЭЛЬКО. У свыни и диты свыни.

ЯНКА *(Ивану)*. Гэта ён в наш агарод мециць.

ИВАН *(Янке)*. А не кажется ли тебе, что он в нового Бандеру пробует играть... *(Омэльку.)* Играй, да не заигривайся...

ОМЭЛЬКО. Який я тоби Бандэра, колы Шэвчэнка, колы народни писни люблю.

ЯНКА. Песни, знайцэ — сэрца дар, як гаварыв наш Купала. Вот за песни трэба и выпиць. *(Дае пляшку Омэлька, Ивану, п'е сам.)*

ОМЭЛЬКО. Нутэ заспиваемо нашу риднэсэньку. *(Спочатку спивав сам, погоди пидхоплюють писню вси.)*

Гэй, нутэ, хлопци

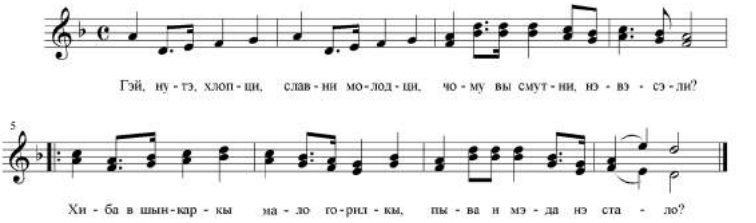
Гэй, нутэ, хлопци, славни молодци,
чом вы смутни, нэвэсэли?
Хиба в шынкаркы мало горилкы,
пыва и мэду нэ стало?

Повнии чары всим налывайтэ,
щоб чэрэз винця лылося,
щоб наша доля нас нэ цуралась,
щоб крашэ в свити жылося!

Вдармо ж об зэмлю лыхом-журбою,
щоб стало всим вэсэлишэ;
вып'ем за щастя, вып'ем за долю,
вып'ем за всэ, що мылишэ!

Пыймо ж, пановэ, пыймо, молодци,
пыймо, покиль ищэ п'еться,

покы нэдоля нас нэ спиткала,
покы щэ лыхо смиеться!



Вэртаеться засумлэнная Одарка, хоч з батогом, алэ бэз коня. Побачив Омэлька вкупи пыякив, обурэнно кыдаеться на нього з батогом.

ОДАРКА. Трясця твоий матэри, вжэ знову п'е! Нэ вспив очухатысь, знову п’янющий!

ОМЭЛЬКО. Годи, жинко, базикаты дурощи, бо я... бо мы нэ п’емо, а спиваемо, цэ — раз...

ОДАРКА. Вот тоби — два! *(Б’е батогом.)*

ОМЭЛЬКО *(захыщаеться рукамы)*. Ты як з чоловиком розмовляеш?

ОДАРКА. А як жэ з тобою пыяком розмовляты'?

ОМЭЛЬКО. Як, як... Ласкаво, з пошаною, особлыво пры сябрах... А ты шкварчыш, як сало на сковороди.

ОДАРКА. Ото ж тоби моя ласка, ото ж тоби моя шана, ото ж тоби сало на сковороди! *(Кыдаеться на нього, б'е.)*

ОМЭЛЬКО. Сябры, выручайтэ! Я вид трьох ляхив нэ втикав, а з жынкамы бытысь нэ можу, ни бытысь, ни ублажаты; ий всэ нэ добрэ, всэ нэ гаразд, всэ кэпсько.

ЯНКА. Вада, вагонь, жонкы добри служыци, а нэ пануваци.

ОМЭЛЬКО. Хутчый бэрить жинку в полон, покы нэ вбыла мэнэ.

Янка, Иван бэруть Одарку пид рукы и садять на лаву миж собою. Одарка пробуе видчэпытысь вид мужыкив, алэ сыл у нэи нэ досыть.

ОДАРКА.Видчэпыться вид мэнэ!

ИВАН. Успокойтесь, сударыня, ничего плохого мы Вам не сделаем.

ЯНКА. Спрачацца не будзем, пасадзим на лавци, на сонца поглядзим, а яно усэ нижай и нижай, сонца гаварыць нам, старэем, сябры, старэем, а дни проходзяць у сварах, образах, в злости, хто ж допаможа нам жыць в Любови и ласке.

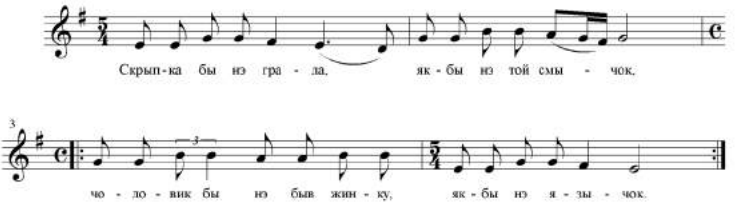
ОМЭЛЬКО *(пидхопывся)*. Ото ж бачыш, вража жинко, на всиляку сылу найдэться щэ бильшая сыла, ото ж вгамуйся и слухай, як маемо жыты. Врэшти-рэшт я козак, а ты — баба, колы нэ хочэш буты скрывдэна и быта, повынна знаты свое мисцэ. Чы козацькых законив нэ знаеш, чы нашых писэнь нэ розумиеш? Послухаи жэ, нэбого. *(Спивае.)*

Скрыпка бы нэ грала

Скрыпка бы нэ грала,
якбы нэ той смычок,
чоловик бы нэ быв жинку,
якбы нэ язычок.

Чоловик бы жинку нэ быв
николы, николы,
як бы вона говорыла
до нього поволи.

Чоловик бы жинку нэ быв
николы дарэмно,
якбы вона говорыла
до нього прыемно



ОМЭЛЬКО. Ото ж я пропоную судыты Одарку нашым козацькнм судом.

Вэртаються жинкн, пытають Солоху.

ПЭРША ЖИНКА. Якый из ных?

СОЛОХА. Мабуть, цэй... А може — цэи, або той.

ДРУГА ЖИНКА. Яка ризныця, вси чоловикы — поганци. Всих будэмо быты.

ОМЭЛЬКО. Вы що, бабы, з глузду з'ихалы чы показылысь?

ОДАРКА. Бэрить, бабы, мужыкив в полон, бо воны мэнэ катовалы.

Жинкы кынулысь на мужыкив, яки сталы в кругову оборону, видмахуючысь вид жинок.

ИВАН. Сударыни-красавицы, вы же так всех мужиков перебьёте, а нас ведь и так мало осталось. Кто же вас защитит от бед и врагов наших?

ОДАРКА. Дывыться, бабы, на цих пьянчуг, пыякив, нэроб! Яки вы в дидька захысныкы?

ЯНКА. Мы не пили, мы пели.

ОДАРКА. Подывытэсь, люды добри, та воны, лыбонь, з концэртом до нас прыихалы, з писнямы, та пляшками. Можэ, и станцюетэ для нас? *(Почынае быты мужыкив по ногах батогом, ти пидстрыбують. Жинкы смиються.)*

ОМЭЛЬКО. З нашымы жинкамы благодать, що и свита билого нэ выдать.

ОДАРКА. А ну, помовч! *(Б'е по голови.)*

СОЛОХА. Щэ й огрызаються, дурысвиты.

ОДАРКА. Будэмо, бабы, судыты их.

СОЛОХА. А чого судыты? Скрутыты — и быты!

Жинкы з ризных сторин насидають на чоловикив, яки видбываються, як можуть, аж покы нэ з'являеться Явтух з рушныцэю.

ЯВТУХ. Люды добри, схамэныться! Рятуйтэ Украину!

ГОЛОСА. Щэ один дурысвит. Що трапылось? Що? Що?

ЯВТУХ. Натовци до Крыму добралысь. Вийсько свое хочуть высадыты на наший зэмли... Своих баз мало — на наши ланы заряться.

ОДАРКА *(Засучуе рукава)*. Жинкы, що диеться,га? Покы мы тута вовтузымся, чужынци нашы зэмли захоплюють. Нэ дамо!

ЖИНКЫ. Нэ дамо!

ОДАРКА *(до мужыкив)*. А вы що замлилы, як зайци? Як горилку пыты, то вы козакы, а як Вкраину бороныты, то — пыякы. Упэрэд,за мной!

ЯНКА. Упярёд, сябры!

Вси: и жинкы, и чоловикы гуртом спишать на акцию протэсту.

КИНЭЦЬ.

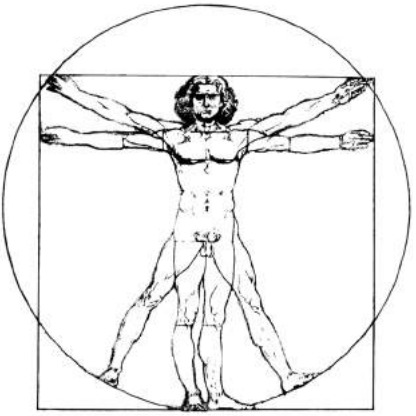
Писни

«Ой, у поли на горбочку» — у.н.п.
«Ой, там на точку на базари» — у.н.п.
«Утоптала стэжэчку чэрэз яр» — у.н.п.
«Да куды идэш, Явтушэ» — у.н.п.
«Ой, ручеечек, ручеек» — ц.н.п.
«Посияла огирочкы» — у.н.п.
«Продай, мылый, сыви бычкы» — у.н.п,
«Раз над'ихав козак з миста» — у.н.п.
«По дорози жук, жук» — у.н.п.
«Добрэ тому, хто вэчорок нэ знае» — у.н.п.
«Курка» — у.н.п.
«Ой, глыбокый колодязю» — у.н.п.
«Ой, пишла я, ой, пишла я» — слова Т. Шэвчэнка, музыка народна.
«Ой, лопнув обруч» — у.н.п.
«На городи вэрба рясна» — у.н.п.
«Ой, продала дивчына курку» — у.н.п.
«Запрягайтэ, хлопци, кони» — у.н.п.
«Вы шумице, бярозы» — слова П. Гилевича, музыка Э. Ханка.
«Гомонила Украина» — слова Т. Шэвчэнка, музыка народна.
«Проходят лета чередою» — слова Б. Тэрэщэнка, музыка В. Тэрэщэнко.
«Гзй, нутэ, хлопци» — у.н.п.
«Скрыпка бы нэ грала» — у.н.п.

Книга вторая

Пьесы

Слово о культуре и творчестве



Прошлое человечества и его будущее разделяют буквально мгновения. Прошло событие — и вот уже нет его. И если настоящее столь эфемерно, а будущее неопределённо, непредсказуемо, то единственной реальной точкой опоры в человеческой жизни является прошлое, то есть история, критерием истинности которой могут служить народные традиции, архетипически обусловленная культура, этническое мировоззрение. Именно традиционность лежит в основе всей человеческой эволюции. Более того, принцип соблюдения видовых привычек, то есть традиционности, составляет всеобщий биологический закон; отказ от видовых привычек приводит к деградации вида с последующим его угасанием. Применительно к человечеству это значит, что перспективы в будущем для своего развития будут иметь те народы, которые сохранят свою архетипическую культуру, своё национальное самососознание.

При этом приходится упомянуть Освальда Шпенглера, который в своём труде «Закат Европы», с одной стороны, по своему произволу выделил восемь культур: Египетскую, Индийскую, Вавилонскую, Китайскую, Греко-римскую, Византийско-арабскую, Западно-европейскую, Майя, а с другой — всем им предрёк гибель после тысячелетнего цикла развития с переходом в свою противоположность — цивилизацию. По Шпенглеру, у прочих народов, в частности, у славян не было своей культуры, а следовательно, не может быть и своей цивилизации.

У Шпенглера, как и у прочих западников относительно славянской культуры получается, как в басне Крылова: «Слона-то я и не приметил». Эти потуги не замечать «славянского сло-

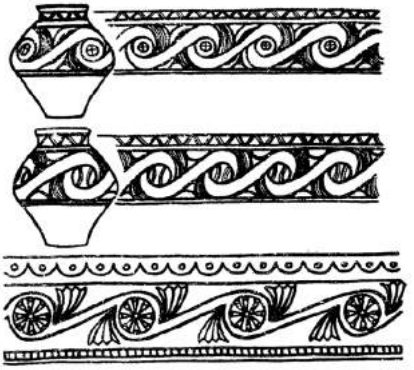
Отражение славянского культа двух «рожаниц» — матери и дочери, Лады и Лели. (V-III тыс. до н. э., Триполье.)

на»: ведическую культуру, ведическую религию, ведическую цивилизацию (не имевшую стадии рабовладения) — длятся уже более тысячи лет, в результате чего даже доморощенные историки ничтожеше не сумняшеся заявляют: «...если говорить об условной дате начала русской культуры, то я, по своему разумению, считал бы самой обоснованной 988 год... Основное, что сделано мировым славянством для мировой культуры, сделано за последнее тысячелетие» (академик Д. С. Лихачев, «Новый мир», № 6, с. 257). Но западникам показалось этого мало — грянуло явление русскому народу в лице Н. Морозова, А. Фоменко, Г. Носовского и примкнувшего к ним фантаста А. Бушкова, которые на зависть всем раввинам планеты обрезали русскую историю (и не только русскую) на все тысячелетия,

в течение которых Русь обходилась без хазар, без варягов, без немцев; у Бушкова книга так и называется: «Россия, которой не было»; то есть они утверждают, что история всего человечества начинается с Ветхого и Нового Заветов, а современная цивилизация выросла из Крестовых походов.

Хочешь не хочешь, а придётся заглянуть в евразийское прошлое достаточно глубоко — во времена, когда там ни евреев с их Библией, ни немцев и в помине не существовало.

Из академических источников по истории и археологии (Б. А. Рыбаков, Ю. Д. Петухов и др.) известно, что уже с пятого тысячелетия до н.э. на огромных просторах от Одера до Волги встречаются археологические культуры, носящие славянские черты. Трипольская культура земледельцев, пастухов, гончаров оставила женские фигурки, четырёхгрудые сосуды, символизирующие двух богинь-берегинь, которые позднее у славян стали называться Ладой и Лелей.



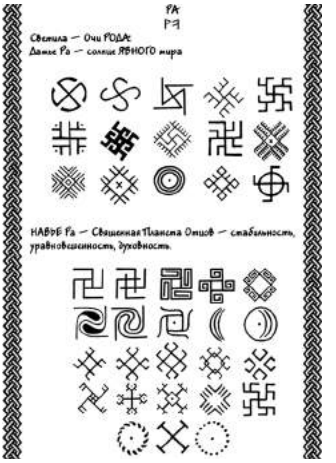
Картина мира на Трипольских сосудах. Наверху — земля с растениями, небо со светилами, в верхней части — капли будущего дождя. На среднем сосуде в верхнем ярусе — запасы воды («верхнее небо»), в среднем ярусе («среднее небо») — движущееся солнце и дождевые полосы, внизу — земля. На нижнем рисунке — спиральный бег солнца, символизирующий бег времени (причелина русской избы XIX в.)

Белогрудовская и Тшинецко-Комаровская культуры (11-е тысячелетие до н.э., бронзовый век) также относятся к славянской цивилизации. Имеются и письменные свидетельства о славянах — скифах-пахарях (Геродот и др.).

Археологические раскопки, клады, погребальные украшения, топонимика, этнографический материал, фольклор, вышивка, ремёсла дают возможность проследить славянские археологические культуры всего 1-го тысячелетия до н.э.: Чернолесская (X-VII вв. до н.э.), Сколото-Скифская (VI-IV вв. до н.э.), Зарубинецкая (III-I вв.до н.э.), Черняхов-

ская (I-III вв. н. э.), культура Великого переселения славян (IV-VIII вв. н. э.).

Мазуринский летописец свидетельствует: «Лета 3113 (2578 год до н.э.) великий князь Словен поставиша град и именоваша его по имени своем Словенск, иже ныне зовется Великий Новгород».



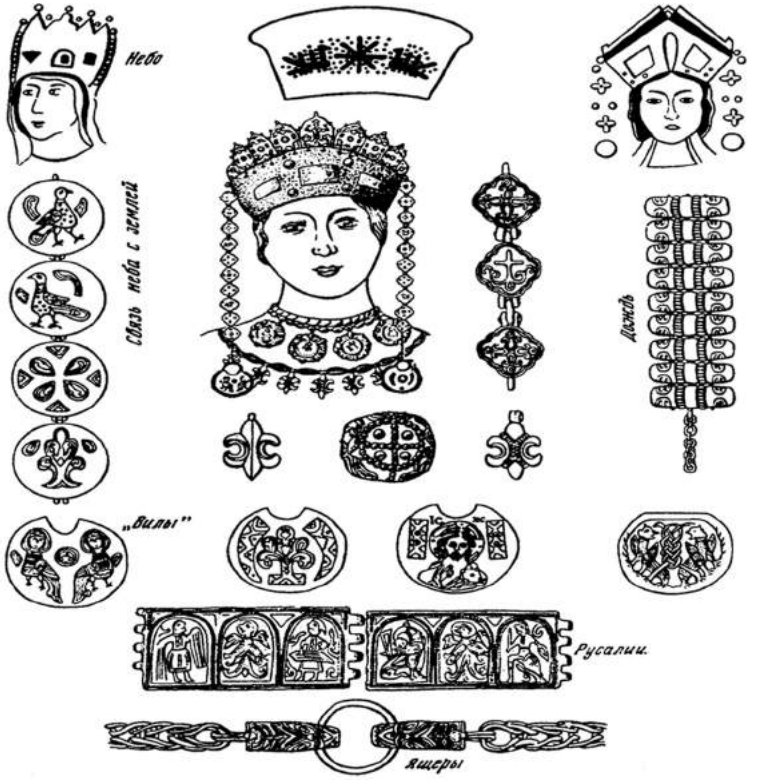
Орнаменталистика — код национального сознания (третье положение биосоционики).

В «Сказании о Словене и Русе», которое было при Рюриках и Романовых запрещено под страхом смерти, говорится: «И всех лет от сотворения света до начала словенского 3099 лет (2591 г.до н.э.). Словен же и Рус между собою в любви велице, и княжиша тамо, и завладеша многими странами тамошних краев... Обладаша же и северными странами, и по всему Поморью, даже и до предел Ледовитого моря, и окрест Желтовидных вод, и по великим рекам Печере и Выми, и за высокими непроходимыми горами во стране, рекома Скир по велицей реце Обве, и до устия Беловодной реки, ея же вода бела, яко млеко...

Хождаху ж и на Египетские страны воеваху, и многое храбрьство показуюше во еллинских и варварских странах, великий страх от сих тогда належаще».

Можно найти полное подтверждение этим словам, прежде всего топонимическое, более того, славянорусы (как же иначе называть потомков Словена и Руса, братьев по крови) на протяжении III-II тысячелетий до н.э. господствовали и в Евразии, и в Передней, и в Малой Азии, создав великие царства: Крито-Микенское, Русену, Троаду (Трою) и др.

Начало античной религии и цивилизации заложил русичволхв Олен(ь), который создал изначальный Дельфийский религиозный центр с древнейшим храмом и оракулом Аполлона Гиперборейского, этим самым привнёс в местные традиции пантеон славянорусских богов, прежде всего культ Солнца и двух рожениц, матери и дочери, но и прочие боги



Отражение макрокосма в микрокосме женского убора. XII-XIII вв. Языческая символика княжеско-боярских украшений

и герои были кровно связаны с ведической (гиперборейской) мифологией: Геракл, Антей, Персей, Тезей, Медуза Горгона, Минотавр, Эней и др.

Олен(ь) передал своим последователям Аборису (Божественному Борису) и Аристею (Арию истинному) своё поэтическое мастерство: «Он первым пророком был вещего Феба, первый, песни которых составил из древних напевов». Именно славянорусы привнесли в Грецию гекзаметры, которыми были составлены великие эпосы — «Илиада» и «Одиссея», поэтому можно не сомневаться, что Гомер был русичем, а его известный «гомерический смех» разве не направлен против хищных и жадных греков в лице Одиссея? В 1952-м году А. Ф. Масанов

доказал, что Н. Минский и Н. Гнедич при переводе «Илиады» сделали более тысячи искажений, чтобы затушевать её русское происхождение.

Подобные попытки присвоить творчество, деяния, славу славянорусов не единичны. Царь славянской Македонии Александр Великий сначала покорил Грецию, а потом и весь мир, восстановив древнейшую славянскую цивилизацию III-II тысячелетий в своих территориях. С какой стати греки объявили его своим полководцем? Величайший знаток санскрита Б. Тилак доказал, что и индийские Веды (Ригведа, Самаведа, Яджурведа, Атхарваведа), и иранская Авеста имеют одни и те же гиперборейские источники — славянорусские Веды.

Нас на протяжении тысячи лет убеждают, что грамотой русичей одарила Церковь, поэтому как великий праздник отмечается обретение Русью письменности, предложенной Кириллом; на самом же деле сей Кирилл, посланный патриархом Фотием в славянские земли для их колонизации, в Херсонесе «нашел же здесь евангелие и псалтирь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему» («Житие Кирилла»).

Из реестра, опубликованного А. И. Сулакадзевым, можно судить о древности русских книг из библиотеки Анны Ярославны: «Боянов гимн» IV века, «Путник» IV века, «О китоврасе: басни и кощуны» (На буковых досках вырезано и связаны кольцами железными, числом 143 доски, V века на славенском), «Каледник V века дунайца Яловца, писан в Киеве о поклонениях Тройским горамъ, о гаданиях въ печерахъ и Днепровских порогахъ русалами и кикиморами», рукопись «Перуна и Велеса вещания в киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим...», относящаяся к V или VI веку, «Волховник... рукопись VI века Колота Путисила, жившего в Русе граде, въ печере», «Поточник VIII века, жреца Сонцеслава», «Криница, IX века, Чердыня, Олеха вишерца, о переселениях старожилых людей и первой вере», «Патриарси. Вся вырезана на буковых доскахъ числом 45» (Ягипа Гана смерда в Ладоге IX века, о переселенцахъ варяжских и жрецахъ и письменахъ, въ Моравию увезено).

Солнышко. Рисунок современного ребёнка мелом на асфальте (прорисовка фотографии А. Афонина, опубликованной в «Неделе», 1983, № 22, с. 16)

Последняя — это Священное писание славян — «Велесова книга», найденная полковником Белой Армии Теодором Артуровичем Изенбеком в разорённом гражданской войной имении на Харьковшине, скопированная Юрием Петровичем Миролюбовым и опубликованная им в 1953-м году в журнале «Жар-птица», издаваемом русскими эмигрантами в Сан-Франциско, и отвергнутая как фальшивка «русскими славистами»: Л. Жуковской, П. Филиным, О. Твороговым, Д. Лихачёвым.

В 1831-м году в Санкт-Петербурге вышла составленная южнославянским учёным-славистом С. И. Верковичем книга «Веды славян» (Обрядные песни языческого времени, сохранившиеся устным преданием у македонских и фракийских Болгар-Помаков). Помаки помнили и о своих древних храмах, разрушенных византийцами, и о своих священных книгах, сожжённых Церковью: «Звезнице» (славянская астрология), «Ясной книге» (ритуал жертвоприношений), «Земнице» (история славян), «Петице» (птичья книга). Общее название всех книг — Веты, то есть те же Веды, известные всему миру по индоевропейской культуре. Французские учёные побывали в Родопских горах и удостоверились в подлинности родопских песен, а «русские слависты» сразу же объявили их фальшивкой, также как это делалось «русскими славистами» после опубликования Мусиным-Пушкиным «Слова о полку Игореве», также как столетие спустя после публикации «Велесовой книги» это сделали лихачёвцы. Разумеется, всё, что и в дальнейшем будет раскрывать вехи древнейшей истории русичей (по «Велесовой книге», ей — «две тьмы», двадцать тысяч

лет!), будет объявляться подделками. Кроме Вет (Вед) известны сугубо специализированные пособия: «Травник», «Знахарь», «Лекарь», «Ягарь» (яга — йога), «Волшебная кулинария», «Волхварь», «Вестарь», «Букварь», «Пономарь», «Богатыр»ь и т. д.

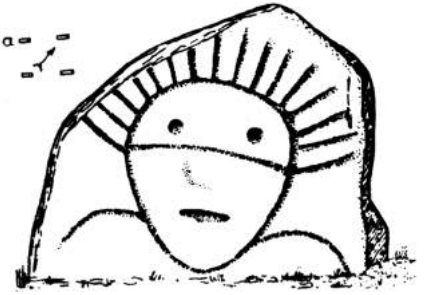


Рисунок солнца на Тазминской стеле (Южная Сибирь, IV-III тысячелетия до н. э.). Абсолютное сходство рисунка современного ребёнка и неолитического художника не случайно, а по закону архетипа. Особенности мироощущения наших далёких предков-солнцепоклонников навсегда закрепляется на подсознательном уровне потомков (онтогенез повторяет филогенез). Для правильного и здорового развития детей их воспитание должно проводиться в рамках этнического мировоззрения и культуры, то есть на основе ведизма. Естественно, и творчество должно проходить в архетипическом традиционном русле

Именно «Вестарь» и «Волхварь» стали основой иранских «Авесты» и «Ведевдаты», «Ягарь» — индийской йоги, «Букварь» — еврейской «Каббалы», а «Ветхий Завет» разве не Вед-хий?

На стыке прошлых тысячелетий формировались три искусственные религии, появившиеся не из народных душевных глубин, не из архетипических особенностей этноса, а авторитарно (от Моисея, от Иисуса, от Мухаммеда), и преследовали они с самого начала политические, захватнические цели с общей доктриной «свои-чужие» (сыны божьи — рабы божьи, христиане — еретики, мусульмане — неверные). У всех авраамических религий — один фундамент: «Тора (Закон)», который у христиан как «Ветхий Завет» вместе с «Новым Заветом» составил «Библию», объявленную изначальной книгой всех времён и народов.

Из Библии следует, что евреи — богоизбранный народ, что от него пошли все остальные, менее полноценные (гои), не способные ни распоряжаться своим имуществом, ни править своей страной, поэтому всем миром должен рулить «первонарод».

Крещёный иудей Дизраэль, сделавшийся премьер-министром Англии, заимевший статус лорда Биконсвильда, заявил на весь мир: «Мы дали вам Бога! Наша «Тора (Закон)» является вашим «Ветхим Заветом». Всё христианство, вся ваша

культура выросла на корнях иудаизма. Вы в неоплатном долгу у еврейства за благодать, которую он принёс человечеству».

Лукавит Дизраэль, как будто ни разу Библию не открывал, а может быть, под «благодатью» он подразумевает главный эзотерический закон «Библии»: «Истребите все места, где народы которыми вы владеете, служили богам своим, на высоких горах, и на холмах, и под всяким ветвистым деревом. И разрушьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнем рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того» (Второзаконие, гл.12, с. 2, 3).

Именно так насаждалось христианство. Например, в России незаконный сын великого князя Святослава и ключницы Малуши, изгнанной из княжеского дома за прелюбодеяние, внук раввина Владимир уничтожил 10 городов, 500 весей лишь в Моравии, где не захотели принимать чуждую религию. В общей сложности было истреблено треть русичей; волхвов, княжеские роды — почти поголовно.

Уже более тысячи лет на Руси принятие христианства отмечается как великий духовный праздник, также завзято празднуется Великая Октябрьская революция, уничтожившая в общей сложности более 50 миллионов россиян, а также Великая Перестройка, которая геноцид русичей довела до одного-полтора миллиона в год.

Почему народ способен с ликованием праздновать дни своей погибели и возвеличивать своих палачей? («Святого» Владимира, братоубийцу, развратника и растлителя, имевшего 7 жен, 800 наложниц, разрушителя русской культуры, истребителя русичей; «Великого» Ленина, призывавшего: «Пусть 90% русского народа будет уничтожено, лишь бы 10% дожили до мировой революции».)

Потому что возможно отшибать память, перечёркивать прошлое. Вот почему иудохристиане с первых шагов своих объявили войну всей добиблейской культуре, прежде всего письменным источникам. Уничтожены: Протошумерская библиотека в Вавилоне, Этрусская в Риме, Царьградская в Византии, Александрийская в Египте, кладовые папирусов в Фивах и Мемфисе; Киевская. Новгородская, Московская — в России. Почему стал возможным перестроечный религиозный ажиотаж? Потому что никто ничего не помнит о Крестовых походах, об Инквизиции, о пытках и убийствах в церковных подземельях.

Свидетельств «духовности» церкви — сколько угодно. Соборное постановление: «Подвергать ослушников наитягчайшим казням: заточать их в тюрьмы, ссылать, бить говяжьими жилами, отрезать носы и уши, вырезать языки, отсекать руки» (1666 г.).

О ростовском епископе Фёдоре: «Не милостливый был мучитель, одним головы рубил, другим глаза выжигал и языки резал, иных распинал по стене и мучил немилостливо... женщин варил в котлах, выдумывал казни... рыкал как лев, был величественен как дуб, язык имел чистый, велеречивый; мудрование козненное» (Полное собр. летописей. Т. 11, СПБ., 1843, с. 102).

Всевластие церкви в Средневековье было абсолютным — в кострах, котлах, в водоёмах, в пыточных подземельях, в Крестовых походах было уничтожено 13 миллионов «ведьм и еретиков» и прочих «врагов народа», в том числе таких светочей человечества, как Джордано Бруно, Ян Гус, Сервет и им подобных.

Сейчас Церковь снова рвётся к власти, и мы, забыв о её мракобесии, смиренно и благостно помогаем ей в этом; разве не говорил в своё время великий князь Святослав: «Вера христианская уродство есть»; разве не писал в позапрошлом веке Ницше: «Я называю христианство единым великим проклятием, единой великой внутренней порчей, единым великим инстинктом мести, для которого никакое средство не будет достаточно ядовито, коварно, низко, достаточно мало, — я называю его единым бессмертным, позорным пятном человечества».

Даже если мы и не согласимся с радикальными антирелигиозными высказываниями, то это не значит, что можно продлить эпоху религиозного мракобесия, остановить религиозные драчки за передел мира, за мировое господство.

Религии в XXI-м веке — анахронизм. Религии возникали в дописьменную эру человечества, когда господствовало правополушарное сознание, способное к «расщеплению» (появлению слуховых, зрительных галлюцинаций), к повышенной внушаемости, импульсивности. Этот филогенетический период соответствует детскому дошкольному периоду в онтогенезе, когда ребёнок часто не способен различать правду от вымысла, реальность от фантазии, поэтому и бывает нередко бит за «враньё». Но с возрастом, с постижением грамоты и прочих наук человек переходит на левополушарный тип сознания, для кото-

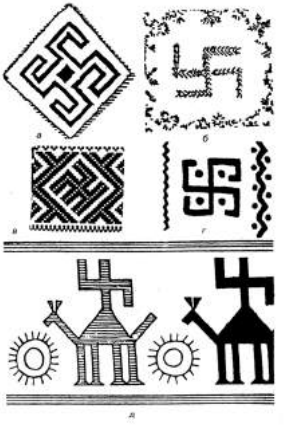
рого характерны инициатива, критицизм, творчество; и все его детские фантазии становятся смешны. Почему же человечество никак не может расстаться со своей «детскостью»?

Потому что более действенного механизма зомбирования людей ещё не придумано. Новый «взрыв» религиозной «духовности» был инспирирован Даллесом: «Если нам удастся сделать Россию наполовину верующей, мы совершим там тихую контрреволюцию». Идейку эту расшифровывает профессор Вашингтонской школы международных отношений Поль Лайнбарджер: «Посредством церкви мы можем действовать с наибольшей эффективностью. Церковь имеет для нас важное значение. Это наиболее лёгкий и надёжный путь проникновения в страну».

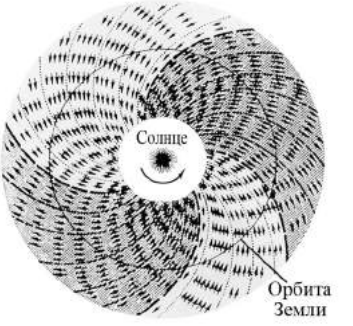
Рабски выполняя волю западноамериканских хозяев, иудодемократы-перестройщики нанесли России материальные потери почти в два раза большие, чем в Великой Отечественной войне: разрушена была экономическая структура страны, прежде всего тяжёлая и военная промышленность, развалено сельское хозяйство, нагло захвачены сырьевые ресурсы, в результате чего в руках «прихватизаторов» оказалось 90% государственной, общенародной собственности; россияне были обкрадены до нитки, оставлены без сбережений, без зарплат и пенсий, без работы, без бесплатной медицины и образования, без перспективы, в полной безысходности. Если иудобольшевики, захватив власть и богатства России погнали россиян в Светлое Будущее, то иудодемократы, сделав то же самое, послали русичей — к Богу.

Неужели для России нет иного пути? В 1999-м году на Пражском научном симпозиуме теоретической основой новой духовно-творческой цивилизации была названа БИОСОЦИОНИКА, которая представляет собой синтез наук о человеке, природе, обществе и народных архетипических традиций, а также методик самосовершенствования. В основе биосоционики — семь положений, позволяющих ориентироваться в прошлом, настоящем и будущем. 1. Вектор человеческой эволюции направлен от человека-зверя к Богочеловеку, т. е. к накоплению удельного веса духовности. Это значит, что нынешняя капиталистическая цивилизация безудержного потребительства обречена на крах и следовать в её фарватере — это ошибочная политика российского президента и правительства. Будущее России

— в духовно-творческой цивилизации, на которую необходимо работать уже сейчас. 2. Развитие индивида обусловлено гено-фено-архетипом, то есть наследственно опосредовано морфологически и функционально. Это значит, что нельзя своих детей отрывать от народных архетипических традиций, нельзя воспитывать их в условиях чуждой культуры, чуждой идеологии, ведь разрушение национальных традиций (видовых привычек) ведёт к деградации и вырождению, что мы и видим на примере так называемой рок-поп-рэп-культуры.



Свастика в вышивке: а — русский Север; б — Белоруссия; в — Таджикистан; г, д — Индия



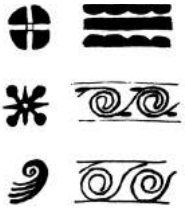
Секторная структура межпланетного магнитного поля, выявленная американским спутником «IMP», объясняет происхождение свастики.

3. Жизненный потенциал этноса заложен в языковой, обрядовой культуре, фольклоре, орнаментали-стике, которые составляют код национального самосознания.

Вот почему целью любой внешней или внутренней агрессии является подавление национальных обычаев и культур.

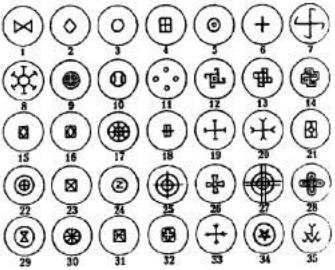
4. Жизнь и культура индивида являются продолжением жизни и культуры его родителей, его предков. Искать счастье за «бугром», в чужой среде, в модной религии, в престижной тусовке — бесперспективное дело.

5. Крепкое здоровье — фундамент жизни, основа счастья. Жизнь детей должна начинаться не с удовольствий, а с нагрузок и самоограничений, без чего крепкого здоровья в принципе соз-



Декоративные геометрические мотивы и стилизованный лист на критских сосудах. Средний Миной I

Декоративные геометрические мотивы на критских сосудах. Древний Миной III



Образцы клейм на днищах славянских сосудов из Чехии и России 1-6 — Желенице; 7 — Мельник; 8-16 — Гнездово; 17 — Тверская; 18-22 — Левый Градич; 23-24 — Часлав; 30-34 — Кралов Градец; 35 — Ча

дать невозможно. 6. Через любовь — к счастью. В результате сексуальной революции в мире за каждые сутки происходит более 600 тысяч венерических заражений.

Единственная альтернатива вселенской катастрофе — это упорядочение сексуальной жизни, что уже человечество когда-то сделало, перейдя от промискуитета через групповые браки к моногамной семье. Учение о трёх составляющих любви (взаимности, верности, жертвенности) способно обеспечить и счастье в любви, и здоровье.

7. Единство микро- и макрокосма. Данное положение биосоционики на фоне нынешних мировых экологических проблем не требует комментариев.

Семь положений биосоционики — ключ к решению всех жизненных проблем, положения биосоционики, укрепляя этнический традиционализм, вместе с тем способствуют объединению, сплочению народов и государств, поскольку они являются реальными факторами общечеловеческой, этнической эволюции, а также индивидуального саморазвития. Это наука и практика культуры, социальной жизни, любви, здоровья.

Призыв к духовно-творческой цивилизации — это поиск выхода из кризиса нынешней цивилизации безудержного потребительства, основанной на олигархическом капитализме,

который является самым уродливым экономическим строем. В России несколько десятков олигархических кланов владеют 90 процентами финансовых и экономических ресурсов страны, причём захвачены они были криминальным путём. Надеяться, что россияне когда-нибудь смирятся с этим, глупо; во избежание будущих социальных потрясений президент и правительство обязаны пересмотреть итоги «прихватизации».

Приказчики капитализма пытаются убедить мир, что социализм исчерпал себя, что вроде бы подтверждает распад Советского Союза и мирового лагеря социализма, но замалчивают, что крушение это стоило западноамериканским спецам по «цветным революциям» 90 миллиардов долларов. За последние 60 лет ими проведено полсотни переворотов с пятидесятипроцентным успехом. Одна из первых удачных «цветных революций» состоялась в 1953 году по свержению Моссадыка в Иране, который не оправдал англо-американских надежд. В 1956-м году была проведена подобная «операция» в Венгрии, а в 1968 — в Чехословакии. Россияне до сих пор стыдятся, что эти путчи были подавлены союзными войсками Варшавского договора по соглашению о взаимопомощи. Это не позор, а мощь социалистического лагеря, его дееспособность, ведь у путчистов (не у народа — у террористов) было отобрано: 182 тысячи единиц стрелкового оружия, 3178 пулеметов, 40 орудий и минометов, 64 тысячи гранат и снарядов! Разве можно назвать такой мятеж стихийным, вызванным народным неприятием социализма? Разве мог он осуществиться без материальной «накачки» извне и без предательства премьер-министра Имре Надя, завербованного американцами. По такому же сценарию, но с ещё более тщательной подготовкой под руководством суперспеца по России Бжезинского был проведён путч в Чехословакии — с таким же бесславным результатом.

Наученные этими неудачами, американцы нашли, наконец, самое слабое место — Польшу, где зависимость от католического Рима и папы была почти абсолютной.

Почему Америка всем и всюду навязывает свою «демократию»? Да потому, что только при «демократии» можно с помощью силы и денег влезть куда угодно, захватить что угодно.

В «Великой» холодной войне СССР проиграл прежде всего потому, что не разглядел «внутреннего врага» — Пятой колонны. Разрушение лагеря социализма не было обусловлено

объективными причинами. Социалистический Китай не только не распался, но используя экономические реформы, опережает в своём развитии самые передовые капиталистические страны.

Западно-американский империализм не мог смириться с реальным гегемоном в Европе — с панславянством, о котором когда-то (XVII век) мечтал хорват Крижанич: «Русский народ и имя — всем прочим начало и корень». Не только Россия, Украина и Белоруссия составляют великую славянскую мощь, Великая Югославия заслонила собой Европу от османского ига, Гитлер так и не мог покорить Югославию, хотя зверствовал против неё люто («Удар по Югославии должен быть нанесён с беспощадной жестокостью» — приказ от 27 марта 1941 г.). Поэтому главная задача Запада была всегда одна и та же — недопустить объединения славян, как внутри каждого государства, так и между славянскими странами. В конце концов ему это удалось с использованием религии. Изначально много тысяч лет славяне исповедовали свою исконную религию — ведическое язычество, на основе которого формировались славянская культура, архетипическое сознание, менталитет. С христианской и мусульманской экспансией славянам были навязаны чуждые религии: русским, украинцам, сербам, черногорцам — православие; полякам, хорватам — католицизм, боснийцам — мусульманство; Коран исповедовали также албанцы, которые оккупировали Косово (при лимите в 70 тысяч, предоставленном в своё время Тито, довели свою численность до многих сотен тысяч, а затем и свыше миллиона, вытеснив таким образом сербов).

Стравить народы, используя религиозный фактор — легче всего. Самые большие потери понесла Югославия; албанцы завладели Косово, потому что там образовался военный форпост НАТО (поэтому и завладели!).

Каждый россиянин обязан знать, что западная политика направлена против славянского союза, против России и её народов. Каждый россиянин должен, наконец, понять, что капитализм — уродливый, антинародный строй.

Олигархический капитализм порождает транснациональные компании, которые «пожирают» всё на своём пути. Даже и прилизанный капитализм в корне порочен и разрушителен. О нём славословят из-за высокой продуктивности, но это достигается «запрещёнными» методами (химия, гормоны,

антибиотики, генная инженерия), подрывающими здоровье потребителей; с другой стороны, непосредственно на производство тратится лишь треть капитала, а две трети идёт на распределение и удержание неравенства. До сих пор порочится практика совхозов и колхозов с их малой продуктивностью, но они держали всю сельскую «социалку» на своих плечах (детские сады, школы, больницы, дома культуры, спорт), без чего современному селу не выжить, без чего русскому народу придётся покидать родные места, с которыми связана вся традиционная культура нации.

В вопросах культуры следовало бы навести более чёткий порядок, поскольку это явление одно из самых важных в общественном сознании, потому что появилось с самого начала эволюции человечества. В понятие культуры входит прежде всего способность индивида интегрироваться в общность, подчинить свои интересы задачам коллектива. Природа наделила всё живое инстинктами для выживания и продления рода, а культура призвана уравновесить их человеческими качествами — морально-волевыми, социальными, поскольку культура не индивидуальное понятие, а социальное, она создаётся внутри общности, ведь во всех популяциях видовое всегда главенствует над индивидуальным, пропаганда индивидуализма (как и космополитизма) — преступна.

Параллельно с материальными потребностями (изготовление орудия, одежды, жилища) развивались и духовные в виде тотемных понятий, магических, ритуальных действий, сопровождающихся имитацией, пантомимой, плясками, песнопениями, играми с изготовлением костюмов и разрисовкой лица и тела, что в конце концов вылилось в устойчивые ритуально-обрядовые действа, обобщившиеся в знаках-символах и мифах. Поскольку это продолжалось многие десятки тысяч лет, поэтому закрепилось в коллективной психоэмоциональной жизни в виде архетипов, которые стали наследственным фактором (видовыми привычками), и которые навсегда остались для человека самым мощным биоэнергетическим потенциалом, пусковым знаком-символом раскручивания психоэмоциональной жизни (для русичей свастичные знаки — важнейшие). За долгую историю своего развития культура усложнилась настолько, что для многих ускользает истинный её смысл, её суть — первооснова, которая состоит из первоэле-

ментов и первокомпонентов. Первоэлементов — пять: язык, либидо, ритуал, миф, знак-символ. Это не что иное, как пять признаков сущности человеческого развития, создающих для каждого этноса психоэмоциональную жизненную энергию (архетипы). Существует кроме того и составные первокомпоненты культуры: социальность, традиционность, эволюционность. Без сохранения первоэлементов и первокомпонентов ни о какой культуре не может быть и речи. Мы ещё помним жалкие потуги Пролеткульта зачать и родить «новую» советскую культуру, попытки РАППа создать «пролетарскую» литературу; те же потуги мы видим и у современного рок-поп-рэп-ширпотреба.

Как любое другое явление, культура имеет форму и содержание. Форма — это материальные и духовные ценности её, содержание — это развитие и совершенствование самого человека, поэтому культуру можно определить так: «Культура — это мера продвижения индивида, общности по траектории человеческой эволюции от человека-зверя к Богочеловеку путём воспитания-самовоспитания, образования-самообразования, совершенствования-самосовершенствования своих сущностей: физической (через труд, спорт), эмоционально-волевой (через обрядовые действа, фольклор, орнаменталистику, через обуздание инстинктов), интеллектуальной (через тренировку памяти, сосредоточенности, осознания)»

Культура — больше внутреннее состояние человека, а не его внешний антураж, более того — это постоянное непрерывное движение к совершенству без оглядки на кого бы то ни было, без команд и указаний партийных и религиозных вожаков.

Культура либо есть, если она сохранила свою первооснову (пять первоэлементов, три первокомпонента), либо её нет. В настоящее время имеет место кризис цивилизации безудержного потребительства, которая в принципе исключает культуру (духовное развитие). Задача номер один для России — переход на рельсы духовно-творческой цивилизации с идеалами социализма, теоретической основой которой способна стать биосоционика.

Из биосоционики вытекает необходимость пересмотреть все системы общественной жизни. Эстетическое воспитание детей нужно перевести на традиционную фольклорную основу (в Китае традиционная опера стала обязательной школьной про-

граммой). В образовании необходимо новое структурирование знаний на основе семи положений биосоционики.

Теоретической предпосылкой для системы обучения и воспитания служит положение о том, что развитие индивида в целом повторяет этапы развития всего человечества (онтогенез повторяет филогенез). Причём первым включается физическое развитие, потом нравственное и интеллектуальное — ни в коем случае нельзя менять эту последовательность, поскольку каждый предыдущий этап является фундаментом для последующего (ранняя «компьютеризация» детей приводит к морально-нравственному уродству).

Основополагающим является также понятие о диалектическом развитии культуры, включающем три этапа: синкретический, дифференциации (на котором мы сейчас находимся) и обобощения (биосоционика — грядущий этап).

Человеческая эволюция, увы, не идёт по восходящей. Наибольший духовный подъём наблюдался в середине первого тысячелетия до н.э., когда появились великие учения вождей человечества: Рамы, запретившего человеческие жертвоприношения и утвердившего культ Огня; Гермеса-Трисмегиста, великого царя, законодателя и жреца; Заратуштры, основателя дуализма с верой в торжество Добра и Справедливости; Орфея, создателя культа торжества жизни, автора жизнеутверждающих гимнов Зевсу, Аполлону, Дионисию; Пифагора, создавшего школу знаний, воспитания и развития; Эпикура, автора идеи гармонического развития личности, великого педагога и мудреца; Конфуция, проповедовавшего высокую этику и мораль; Лао-цзы, утвердившего безбожественный путь к совершенству через слияние с природой; Богумира, носителя высокодуховного ведического мировоззрения (мирознания), главным принципом которого было поклонение богам-предкам и следование по пути Прави — пути Правды и Совести.

Все истинно духовные учения не агрессивны, а потому абсолютно не защищены, поскольку их сила не в миссионерстве, а в личном примере служения Добру, Духовности и Любви.

Появившиеся позже других авраамические религии свою «духовную» деятельность начали с уничтожения библиотек и произведений искусств, с Крестовых походов, в результате чего в Средневековье в пору Инквизиции человечество было отброшено назад — на целое тысячелетие.

Любой тоталитаризм: и церковный, и политический — извращает культурное и духовное развитие общества, уродует литературу и искусство, развращает даже очень талантливых творцов, но проходит время, и многим авторам становится стыдно за участие в шабаше по прославлению преступных режимов и вождей. В России нет ни одного города, улицы, площади которого не носили бы имён врагов русичей — иудобольшевиков. И хотя их прославления в литературе и искусстве давно превратились в макулатуру и мусор, но они всё ещё остаются «живее всех живых».

В советские годы бытовала народная ирония: на анкетный вопрос, имелось ли когда-либо отклонение от линии партии, следовал ответ: отклонялся только вместе с линией партии.

Конформизм — не только собачья, но и человеческая «доблесть». В стае выживали даже не самые сильные, в партийном и религиозном рвении способны сделать карьеру даже самые недостойные и никчёмные.

На протяжении одной лишь человеческой жизни мы наблюдаем удивительные метаморфозы: дореволюционные христиане по мановению большевистской руки вдруг превращаются в ярых атеистов, сжигающих иконы, взрывающих храмы, но ещё более «вдруг» преображающихся в благостных ельцинских последышей, приносящих свои кровные одному из «христов» дюжины разновидностей церквей и сотни сект.

И это происходит на всех уровнях социальной лестницы, потому что конформизм — общечеловеческая черта, генетически обусловленная для подавляющего большинства популяции, ведь биологических лидеров (вождей, гениев) рождается единицы процентов, но и их судьба не однозначна.

Пушкин и Лермонтов — гении, но значение их для русского общества не однозначно и не только из-за разницы в продолжительности жизни и творчества.

Существует правило треугольника, по которому можно судить о культуре и творчестве. Основание треугольника обозначает традиционную культуру, середина — персональное творчество, вершина — элитные достижения.

Пушкин достиг совершенства во всех ипостасях: в традиционном (сказки), персональном и элитном творчестве; благодаря Арины Родионовны он познал фольклор, русский дух, ведическое язычество, став по сути пророком.

У Лермонтова не было тесной связи с фольклором, с традиционной культурой, поэтому его «треугольник» наполнен лишь персональным и элитным творчеством; для сравнения — у Ершова, создавшего на уровне пушкинского мастерства сказку «Конёк-Горбунок» в «треугольнике» заполнена только нижняя, — традиционная ниша. а у Маяковского — только средняя.

Из вышесказанного следует вывод — для создания непреходящей творческой ценности необходимо прежде всего глубоко и широко постичь свою традиционную национальную культуру, чтобы чувствовать, мыслить, творить, как собственные отцы и деды; нужно постоянно совершенствоваться в своём творчестве, чтобы максимально выразить себя в нём, тем самым оказаться интересным не только в родном Отечестве.

Не менее ярким примером правильности выбранного пути в искусстве является творчество гениального балетмейстера Игоря Моисеева, создавшего ансамбль народных танцев мира, неповторимый, недосягаемый, непостижимый. «Треугольник» раскрывает его тайну: за основу берётся народный танец (традиционное искусство), насыщается театрализованными элементами и доводится до высочайшего уровня балетной техники — и треугольник забит до отказа.

Нынче среди попсы популярен «балет Тодес» — без традиционного начала, без профессионального мастерства — это даже не производственная гимнастика. Нечто подобное уже было: и Пролеткульт, и РАПП, и весь поп-рок-рэп-ширпотреб. Всё это, как коровяк на скотине, подсохнув со временем, отпадёт самопроизвольно. Это же надо умудриться — маразматический «Чёрный квадрат» Малевича признать художественным шедевром!

Литература и искусство как формы общественного сознания призваны способствовать духовному развитию общества и личности, их влияние настолько велико, что их всегда стремились использовать не только для благих дел, но и для утверждения тоталитарных режимов, и религиозных, и политических. В эпоху Средневековья изобразительное искусство было полностью подчинено церкви (фрески, иконостасы, росписи), даже в салонной станковой живописи все углы картин были густо утыканы ангелочками и херувимчиками, абсурдно висящими в воздухе. И только после XV-го века в эпоху Возрождения произошло освобождение от церковного гнёта. Литература и

искусство восчеловечились. Божественность, духовность не в подвешенных чёрт знает на чём ангелочках, а в «Спящей Венере» Джорджоне, в «Джоконде» Леонардо да Винчи, в «Венере и Адонисе» Тициана.

Ренессанс принёс миру величайшие образцы во всех видах творчества, казалось бы — «чего же боле» — твори, стремись сравниться с образцами вдохновенного творчества, но уже к XIX-XX вв. на всех уровнях общественного сознания (творчества в том числе) появляются кризисные явления, конечно же связанные с крахом надежд и чаяний из-за пороков капиталистического общества. Эпоха оптимизма, гуманизма, восчеловечивания сменилась эпохой пессимизма и дегуманизации. Когда нечем увлечь общество, нечего ему сказать, ломают голову — «как сказать», появляются один за одним модные и супермодные течения с общим знаменателем модерна, авангарда, абстракционизма вплоть до сюрреализма — полным уходом от реальной действительности. И вослед всем этим «измам» не могли не грянуть всяко-разные революции, в том числе и сексуальная. Дико ошибаются те, кто думает, что «революции» приходят без планирования, без мощного финансового и материального обеспечения. «Коммунистический манифест» — не единственный, ставший притчей во языцех.

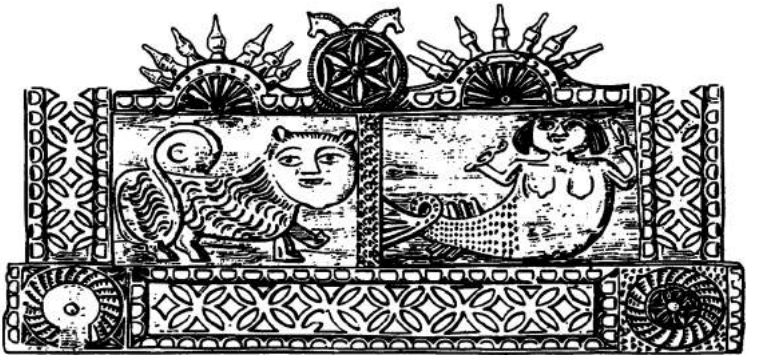
«Через национальные революции и разрушение исторически сложившихся государств, а также смелое перечёркивание прошлого — к революции интернациональной, и создание затем условий для сверхнациональной власти. Путь к достижению: перевоспитание человеческого общества в промасонском духе космополитизма» (Конвент Великой Ложи Англии). Даже сексуальная революция имеет свой «манифест»: «Мы смешали молодость, музыку, секс, наркотики и дух бунтарства с предательством, а такое сочетание трудно побить» (Д. Рабин).

И вот на таком фоне мирового очумления да с ещё даллесовским планом пятидесятипроцентного оцерквления России попробуйте призвать к архетипическому национальному сознанию, к исконной ведической вере русичей, к духовному пути Прави (Правды и Совести), к возвращению традиционной культуры на всех уровнях общественной жизни — засмеют, затравят, ведь в России криминально захвачены не только сырьевые и производственные ресурсы россиян, но и все виды СМИ, производственные мощности творческих союзов, издательства.

И речь уже тут идёт не об идеалах, а о коммерческой рентабельности, которая невозможна без стрелялок, страшилок и секса.

Масонские кукловоды понимают, что путь к «золотому миллиарду» лежит через уничтожение «прочего» человечества не только военным путём, но и через декаданс, сексуальную революцию, гомосексуализм, наркотики, сатанизм.

Многие народы и государства понимают сложившуюся кризисную ситуацию в мире, не только Китай, но некоторые страны Латинской Америки выбрали альтернативный, социалистический путь развития, что вселяет и для россиян веру в приход к власти патриотических национальных сил с тем, чтобы использовать необъятные богатства России в её собственных интересах, чтобы снова медицину и образование сделать бесплатными, чтобы на сценических площадках, на радио и телевидении не тусовалась попса, а воцарилось архетипическое традиционное искусство, способное не только в России утвердить новую эпоху Возрождения.



Рябина-рябинушка

Драма в двух действиях, в десяти картинах

По роману А. Черкасова «Крепость»

Действующие лица:

ФИЛАРЕТ — духовник старообрядческой общины.
МОКЕЙ } — его сыновья.
ЛАРИВОН }
ЕФИМИЯ — жена Мокея.
ЛОПАРЕВ — беглый каторжник, декабрист.
ТРЕТЬЯК — общинник, дядя Ефимии.
КАЛИСТРАТ }
ЕЛИСЕЙ } — апостолы-пустынники.
ИОНА }
ЛУКА — верижник.
ОБЩИННИКИ, ИСПРАВНИК, ЖАНДАРМЫ.

Действие происходит в середине Х1Х века в Сибири.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Опушка леса на берегу Ишима. Под рябиной лежит обессиленный беглый каторжник — декабрист Лопарев. На нём — кандалы, грубая суконная куртка с двумя бубновыми тузами на спине, каторжанские коты на деревянных подошвах. Из леса выходит молодая женщина в длинной чёрной юбке, холстяной кофте с рукавами до запястья, в чёрном платке до бровей. При ней пучки целебных трав. Это Ефимия, лекарша старообрядческой общины. Она подходит к рябине, ломает ветку с ягодами. Слышится стон.

ЕФИМИЯ. Ой-ёй! *(Заметив кандальника, крестится.)* Свят, свят, свят!

ЛОПАРЕВ. Пи-и-ить...

ЕФИМИЯ *(решившись, наконец, когда усилились стоны, подходит, прикасается ко лбу больного)*. Огнём-пламенем пышет, сердешный. *(Кладёт на губы гроздь рябины.)*

ЛОПАРЕВ *(почувствовав на губах терпкие ягоды, ест их, открывает глаза)*. Где я?

ЕФИМИЯ. У Ишима-реки, близ становища праведных христиан.

ЛОПАРЕВ. Спрячьте меня... спасите...

ЕФИМИЯ. Господь спасёт, коль ты добрый человек.

ЛОПАРЕВ. Жандармы следом идут...

ЕФИМИЯ. Родом чей будешь?

ЛОПАРЕВ. Лопарев я... Александр... Михайлов сын.

ЕФИМИЯ. Александр... Александра... Красивое имя.

ЛОПАРЕВ. Была красота, да по воле царской, сплыла.

ЕФИМИЯ. Господь не принимает царя — анчихриста, и люди не примут.

ЛОПАРЕВ. Люди набрали в рот воды...

ЕФИМИЯ. А раз набрали, то и не узнает о тебе никто!

ЛОПАРЕВ. Не обо мне речь...

ЕФИМИЯ. О ком же ещё?

ЛОПАРЕВ. Против царя... за народ восстали... *(Волнение лишило его сил.)*

ЕФИМИЯ. Молчай, Александра, молчай... Сил набирайся... Я подсоблю. *(Даёт корень травы.)* Ешь, сердешный, — и возвернётся сила к тебе!

ЛОПАРЕВ *(снова придя в себя)*. Совсем ослаб... три дня и три ночи плутал по степи без воды и пищи... Сам царь стал мерещиться мне... И вдруг — кобылица с жеребёнком... Она и вывела к реке...

ЕФИМИЯ *(напряжённо смотрит на Лопарева, вскочила)*. Знамение! Сама богородица послала тебе знамение! Пресвятая богородица, слава тебе! *(Упала на колени, трижды поцеловала иконку, которую носит на груди.)*

ЛОПАРЕВ. Никакого знамения не было... А кобылица с жеребёнком была...

ЕФИМИЯ. Было знамение, было!

ЛОПАРЕВ. Не было...

ЕФИМИЯ. Богородица вняла мне, и послала знамение!

ЛОПАРЕВ. А по-моему, случайно кобылица с жеребёнком попалась...

ЕФИМИЯ. Я молила её о спасении, и богородица вняла мне, привела тебя к нашей общине.

ЛОПАРЕВ. Не я — ты мой спаситель.

ЕФИМИЯ. Человек, пытанный железом, спасёт общину!

ЛОПАРЕВ. Чудная ты... Как звать-то?

ЕФИМИЯ. Ефимией зовут.

ЛОПАРЕВ. Ефимия... а чья будешь?

ЕФИМИЯ. Из рода Дашковых я, чай, слыхал?

ЛОПАРЕВ. Не из московских ли князей Дашковых?

ЕФИМИЯ. Из московских... Но родилась я не в хоромах княжеских, а в монастыре Преображенском.

ЛОПАРЕВ. Чего так?

ЕФИМИЯ. Долгий сказ, барин. А теперь вот у старообрядцев, в общине старца Филарета пребываю. Лекарша я... За хворь свою не бойся — вылечу. Только уговор, барин: чтоб не знал об этом никто, а паче того духовник наш Филарет и апостолы иже с ним. Дознаются — гореть мне на костре, яко еретичке блудливой...

ЛОПАРЕВ. Филарет? Кто он?

ЕФИМИЯ. Духовник Выговского церковного собора, но когда собор порешил совершать моленья во здравие царя — анчихриста Николая и подать ему платить, ушёл Филарет с того собора, а с ним ещё и Филипп Строжайший.

ЛОПАРЕВ. Против самодержца они?

ЕФИМИЯ. Против, Александра, против. Филипповцы, те сожгли себя в избах да на кострах, а Филарет надумал увести общину в Сибирь, в потайное место, чтобы веру сберечь и воинство сколотить.

ЛОПАРЕВ. Сжигать себя на кострах? Во имя чего?!

ЕФИМИЯ. Аль не слыхал, как нечестивый патриарх Никон совратил церковь с пути истинного? Как он святое писание извратил да опоганил? Как на Вселенском соборе попрал ногами погаными праведников и самого Аввакума — великомученика, да возвёл в чин и благолепие подпевал поганых, прихлебателей жадных?

ЛОПАРЕЗ. Сам чёрт не разберёт, кто прав, кто виноват...

ЕФИМИЯ. Молчай! Не кощунствуй на погибель свою!

ЛОПАРЕВ. Не понимаю я, в чём разница между вами.

ЕФИМИЯ. Никониане щепотью крестятся, кукишем сатанинским. Иуда брал соль щепотью, щепотью и тридцать серебреников принимал, сатано! *(Осеняет себя со словами: Богородица пречистая, спаси и помилуй мя!)*

ЛОПАРЕВ. И в христианстве спасения нет, покоя нет, выхода нет!

ЕФИМИЯ. Мучали нас стражники да урядники, да попы, чтобы отрешились мы от старой веры. Тогда сказали мы: в срубах себя пожгём, а веры щепотной не примем и царю молитвы не воздадим. Сказано бо: и паки пойте в печь идущие! *(Смягчившись.)* Вот, Александра, так от самого приморья идём. Не едный раз задерживали общину анчихристовы слуги: и на Волге, и в Перми, а потом и рукой махнули: всё одно дале Сибири гнать некуда.

ЛОПАРЕВ. Одни сжигают себя на кострах, другие уходят в безлюдье, третьи выбирают каторгу, а остальные — терпят, терпят, терпят... О Русь, будет ли просвет в твоей судьбе?! *(Встаёт, гремя цепями.)*

ЕФИМИЯ. Крепко спутал тебя царь-анчихрист своей милостью. Да ты не горюй, добрый человек. Цепи люди снимут. Наша община — крепость, из неё слово не убежит, с нами останется. Могут пожечь всех, а человека из общины не выймут. Только...

ЛОПАРЕВ. Что «только»?

ЕФИМИЯ. Только принять надо веру нашу.

ЛОПАРЕВ. Я — как все на Руси — православный.

ЕФИМИЯ. Не все, ой, не все. Есть на святой Руси праведники, есть! Хоть малым числом, хоть не в чести они — это наша надежда!

ЛОПАРЕВ. Вера — не перчатка, с рук не снимешь.

ЕФИМИЯ. Ой-ёй, Александра, а про спасение души подумал? Никониане насадили чуждую веру, а мы — русские.

ЛОПАРЕВ. Не вижу, не знаю разницы...

ЕФИМИЯ. Потому и глаголю с тобой, Александра, что ты, под богом ходючи, бога не ведал.

ЛОПАРЕВ. Я морской офицер и не вникал в ваши дела.

ЕФИМИЯ. Анчихристовы слуги усердие богу во мзду обратили. В писании что сказано: «Падут грады, вознегодует на них вода морская, реки же потекут жесточае». И то: грады от бога отступились, во блуде да в маммоне погрязли, оттого и погибель будет. Спасутся лишь истинно верующие.

ЛОПАРЕВ. А мне что до них?

ЕФИМИЯ. О ты не знаешь, Александра, духовника нашего, паче того — апостолов. Лютая крепость у них. Всех иноверцев батогами гонят от себя, землёй, кизяками закидывают, ногами топчут... С тобою то же будет.

ЛОПАРЕВ. И я должен принять их веру?!

ЕФИМИЯ. Не все в общине под пятой духовника ходят, не все, хоть он ещё с Поморья всю власть прибрал к рукам и вершит её через апостолов, послушных ему во всём, а больше того через верижников, которых он набрал из пустынников и дал им носить ружья вместо вериг. И всё ж земля уходит из под их ног. Народ дыхнул Сибирью — и затрещала по швам Филаретова крепость.

ЛОПАРЕВ. Почему не прогоните самодура?

ЕФИМИЯ. Потому что в руках у него — пасторский посох и крест золотой. В них — вся сила.

ЛОПАРЕВ. Чем терпеть власть тирана или драться за неё, не лучше ли уйти из общины?

ЕФИМИЯ. Ой, барин, куда от петли уйдёшь, коль она на шее. Общиной-то мы от самого Поморья, к нам подступу нету, печати и спроса анчихристова не признаём, кандальников у нас, чай, немало... А одному не сберечь себя.

ЛОПАРЕВ. Да, в одиночку деваться некуда...

ЕФИМИЯ. Почему некуда, а община?

ЛОПАРЕВ. Такова, видно, судьба...

ЕФИМИЯ. И в том — наша судьба. Богородица послала в

общину человека, пытанного железом, и примет его община, и пойдёт он с ней, и будет вершить дела правые, и сгинет лютость и тьма! Помоги ему, пресвятая богородица! *(Крестится, целует трижды иконку. Аминь!)*

На противоположной стороне сцены появляются сполохи, вспыхивает зарево от костра, слышится шум, крики «Ма-а-атушка!». Ефимия вздрагивает.

ЛОПАРЕВ. Где-то пожар.

ЕФИМИЯ. Тс- с-с, барин. Спрячьтесь, спрячьтесь, Христом богом прошу! *(Опустилась, прислушивается.)* Ой, да что ж это делается, господи. *(Дрожит.)* Страх-то какой, господи, боже ты мой, всю трясёт *(Крестится, к Лопареву.)* Это её когда из ямы вытаскивали, она успела крикнуть. Потом рот зажали должно. *(Снова крестится.)* Свят, свят, свят! Помоги ей, господи, смерть принять скорую и лёгкую.

ЛОПАРЕВ. Что ты говоришь, Ефимия?

ЕФИМИЯ. Беда приключилась, Александрушка, беда. У Юсковых младенец шестипалый родился...

ЛОПАРЕВ. Ну и что?

ЕФИМИЯ. И батюшка Филарет сказал: шестипалый — от нечистого.

ЛОПАРЕВ. Какая чушь.

ЕФИМИЯ. Я и сама так ведаю... Кабы Акулина не Юсковых была, может, и не гореть бы ей на костре... Приглядная, молодёхонькая, только успела ребятёнка родить... Жаль бедняжечку, да рук своих не подставишь. Ещё вчера сготовили место за лесом на прогалине вокруг берёзы копну большую наметали, хворостом обложили, чтоб сразу смертный огонь занялся...

ЛОПАРЕВ. Как же так?.. А люди? Куда смотрят люди?!

ЕФИМИЯ. Ах, барин, крепость-то наша какая? Сказал духовник: шестипалый от нечистого — и все уверовали в то.

Лопарев силится подняться, чтобы идти предупредить преступление.

ЕФИМИЯ. Надумал что, барин?

ЛОПАРЕВ. Это надо остановить!

ЕФИМИЯ *(загораживая дорогу)*. Али вам жизнь надоела?

ЛОПАРЕВ. Жизнь каторжника — не цена.

ЕФИМИЯ *(скорбно)*. Стало быть, четырём гореть.

ЛОПАРЕВ. Четырём?

ЕФИМИЯ. Четырём... Одно слово старца — и тебя скрутят и к той берёзе присунут, спина спиной к Акулине с младенцем. Потом старец учинит мне спрос: ты привела щепотника с ветра? — И подымет два перста в небо и завопит: еретичка промеж нас, братия! Гореть и мне...

ЛОПАРЕВ. Как же мы останемся с теми, кто вершит дела преступные!

ЕФИМИЯ. Кабы видел ты, как жгли себя филипповцы... В срубах сосновых со младенцами, с белицами, мужики да бабы жгли себя огнём да ещё песни пели радостные! И никто не остановил того огня! Никто не остановил смерть! В три ночи погорело более тысячи душ. Гарью обволокло всю Русь-матушку...

ЛОПАРЕВ *(силится идти, Ефимия повисает на нём, вместе падают)*. Люди — звери, лучше каторга, чем жить с вами...

ЕФИМИЯ. Не глаголь так!

ЛОПАРЕВ. Потому тиран и топчет ногами всех, что каждый думает лишь о себе!

ЕФИМИЯ. Не правда то! Неправда. Многие несогласны с духовником... Я, дядя мой и Юсковы все, и верижники некоторые, и даже апостол Калистрат. А ты, Александр Михайлович, ты должен помочь нам эту крепость лютую порушить, не порушим её — беда нам всем: сжарит нас на костре духовник, как сжарил Акулину с младенцем, как сжарил в Перми двух мужиков за тайное сношение с щепотниками, как сжарил на Каме семью из четырёх душ.

ЛОПАРЕВ. Не сон ли это кошмарный? Голова идёт кругом... Что и подумать, не знаю... *(Обессиленный опускается на землю на колени.)*

ЕФИМИЯ. А думай, Александр Михайлович, думай. Нонешнюю ночь судьба твоя решится. Жить с общиной тебе али гнатым быть. Куда пойдёшь? Просить милости у царя — сатаны? Не будет милости, не будет!

ЛОПАРЕВ. Знаю...

ЕФИМИЯ. Господь привёл тебя в нашу общину, так выполняй волю господнюю, оставайся с нами... Ты станешь праведником, пастырский посох и крест золотой станут твоими, и тьма-тьмущая развеется, как туман.

ЛОПАРЕВ. Не могу я кривить душой.

ЕФИМИЯ. А не надо кривить... Посох не захочешь, можно грамоте обучать. Подвиг то, Александр Михайлович, коль человек несёт людям прозренье. Я ведь сама хотела делать то, да муж мой чуть не удушил меня, яко бесноватую блудницу.

ЛОПАРЕВ. Это же случится и со мной...

ЕФИМИЯ. А не случится, Александра, не случится. *(Вынимает из-за пазухи свёрток.)* Шесть лет, как зеницу ока, храню я пачпорт пустынника. И теперь он — твой. *(Осеняет себя.)* Пречистая богородица, спаси и помилуй нас.

Лопарев хочет подойти к Ефимии ближе, но она останавливает его.

ЕФИМИЯ. Не подходи! Нельзя... Пачпорт я повешу на рябину. Когда уйду, возьмёшь его. Общинникам объявишься с пачпортом. Это древний соловецкий пачпорт, таких нет ни у одного из наших апостолов. Сам старец упадёт в ноги к тебе, слышь, Александр Михайлович? С пачпортом пустынника ты свободен, но живи с общиной, и пусть река твоей веры пересилит течение мутных вод. Не сразу, не в день откроются души людские. Наберись терпения. Гнать будут — терпи, бить будут — не плачь. Помни, свет не сразу пробивает тьму. Точи её и словом, и делом — и тьма сгинет, а ты обретёшь вечности.

ЛОПАРЕВ. Ты меня спасаешь дважды, Ефимия... Твои травы вернули мне жизнь а слова — надежду.

ЕФИМИИ. С нами бог, Александра. Помни, господь внушил тебе видение, послал кобылицу с жеребчиком... Помни об этом, Александра... Господь привёл тебя к рябине, на которой ты увидел пачпорт... Всё помни, но особливо одно: осеняй себя двоеперстием. Щепоть сатанинскую из сердца вынь, из души вытрави.

ЛОПАРЕВ. Что ж... Пусть будет так.

ЕФИМИЯ. Сегодня, как смеркнет, дядя мой хлеба и воды принесёт... А завтра о тебе узнают апостолы и придут к тебе, и решится судьба твоя. *(Удаляясь.)* Так не забудь, Александра: двоеперстием осеняй себя — иначе беда! *(Уходит.)*

Лопарев опираясь о ствол рябины, цепляясь за ветви её, выпрямляется. Стоит вначале неуверенно, но, чувствуя, что силы возвращаются к нему, делает робкие шаги. Звенят цепи. Лопарев тянется за пачпортом — гаснет свет.

Картина вторая

Там же. Сумерки. На сцене появляется группа людей во главе со старцем. Вначале они почти не различимы, освещаемые единственной свечой в руках старца, затем по его знаку каждый зажигает свою свечу от его свечи. Перед зрителями предстаёт высокий костлявый прямой старец с величавой осанкой в белой холщовой до колен рубахе, перетянутой широким ремнём по чреслам, в холщовых штанах, босой. Поверх рубахи — массивный осьмиконечный золотой крест на толстой золотой цепи, в левой руке — толстый посох с золотым набалдашником и железным наконечником. С ним — апостолы: Калистрат, мужик лет 55, сытый, широкоплечий, с горбатым носом и цыганской внешностью; Елисей — согбенный, с реденькой бородёнкой, босой, с гирей, прикованной цепью к правой ноге, во власянице; Иона — безъязыкий и глухой, во власянице и посконных штанах, босой; мужики — бородатые, в войлочных котелках, в посконных рубахах до колен; среди них — Третьяк, бородач в суконной однорядке, с ястребиным носом, чёрными глазами, с проседью в волосах; Лука — сытый, ленивый, вороватый; в отдалении — верижники с ружьями.

ФИЛАРЕТ. Благослови еси, господи боже, отец наш, хвально и прославлено имя твоё вовеки.

ГОЛОСА. Иисусе сладкий... Иисусе сладчайший... Иисусе пресладкий...

ВСЕ. Аллилуйя! Аллилуйя!!

ФИЛАРЕТ. Ты ли здесь, человече, пришлый с ветра?

ЛОПАРЕВ *(выходя из-за рябины)*. Здесь я.

ФИЛАРЕТ. Кого бог послал?

ЛОПАРЕВ. Александр, Михайлов сын, Лопарев по фамилии.

ФИЛАРЕТ. Из барского сословия?

ЛОПАРЕВ. Из дворян. Мичманом служил. По суду разжалован и лишён всех званий.

ФИЛАРЕТ *(как бы вспоминая, разглаживая бороду)*. Слыхивал о Лопаревых... Когда ещё парнем ходил, на барщине хрип гнул у помещика Лопарева. Не из Орловщины?

ЛОПАРЕВ. Дед мой на Орловщине проживал, служил полковником у Суворова.

ФИЛАРЕТ. Имение-то Боровиковским прозывалось?

ЛОПАРЕВ. Боровиковским.

ФИЛАРЕГ. И деревня там — Боровикова?

ЛОПАРЕВ. Боровикова.

ФИЛАРЕТ. С той деревни и я. Там, почитай, все Боровиковыми прозываются, слыхивал, может, от деда, как он выиграл в карты имение и три деревни в придачу? Семьсот душ на карту взял! Эх-хе-хе... Житие барское да дворянское... Родитель мой, Наум Мефодьев, тоже из Боровиковых, старостой был... Когда помещик проиграл крепостных твоему деду, слово такое сказал — два помещика взъярились, яко звери лютые. Палками бит был мой родитель нещадно за то слово и тут же смерть принял. Несмышлёнышем был я тогда, а помню как кровью батюшка мой изошёл...

МУЖИКИ. Помилуй, господи!

ФИЛАРЕТ. Господь милует, да зверь год от году лютеет... Стал — быть земляки мы с тобой, Александра, Михайлов сын. Ишь ты! Земля-то велика, да люди текучие.

ЛОПАРЕВ. Меня тогда и на свете не было.

ФИЛАРЕТ *(великодушно, сладко)*. Чего уж там... Зла не держу... Разговор мой с барами да дворянами состоялся. Слыхивал небось про осудар Петра Фёдоровича?

ЛОПАРЕВ. Это... про Пугачёва, что ли?

ФИЛАРЕТ *(запальчиво)*. Не Пугачёв, барин, а осударь русский, Пётр Фёдорович. *(Осеняясь.)* Царствие ему небесное, аминь. Сей крест и духовника звание — дар осударя Петра Фёдоровича. Вместе молились мы, вместе рубили анчихристов поганых. Не сулило нам с первого разу одолеть крепость боярскую, четверовали анчихристы осударя-батюшку, да жив я ещё! Вовеки сберегу последние слова его: «Сгину я, брат мой во Христе, да не отойду весь на тот свет. Из кровушки моей и моих братьев вырастут новые люди и порубят они мечом и выжгут огнём всех паразитов наших, и настанет на святой Руси вольная волюшка! Грядёт день тот, грядёт!!»

ГОЛОСА. Грядёт день наш... Грядёт... Господи боже, помоги!

ФИЛАРЕТ *(кивая на кандалы)*. За какой грех закован? Правду глаголь. Срамные уста лживостью себя губят. Бог, он всё видит и слышит...

ЛОПАРЕВ. За восстание закован. Царю Николаю не присягнул, декабря 25-го.

ФИЛАРЕТ. Царю-анчихристу не поклонился? Дивно. Праведный ты человек, кандальник, коль на царя-анчихриста топор поднял. Вот и привёл тебя господь к становищу древних христиан. *(Обращаясь к апостолам.)* Сказывайте волю Иисуса. *(К Калистрату.)* Глаголь, праведник Калистрат.

КАЛИСТРАТ. Хвально ли мне, отец наш духовный, допреж твово слова и братьев моих глагол держать?

ФИЛАРЕТ. Такоже, такоже... *(К Елисею.)* Глаголь, святой отец Елисей.

ЕЛИСЕЙ *(опустившись на колени и воздев руки к небу, возопил)*. Сатано вокруг рыщет — погибели ищет нашей, святейший наш батюшка Филарет! От барина погибель будет! Гнать его, яко еретика, батогами да навозом, да грязью да ногами топтать!

ФИЛАРЕТ. Такоже, такоже... *(К Ионе.)* Глаголь, святейший Иона. *(Знаком показывает на Лопарева.)*

Иона подползает к Лопареву, забулькал что-то обрезком языка, промычал и показал два пальца, что значило: еретик — казнить.

ФИЛАРЕТ. Такоже, такоже... *(К Лопареву.)* А скажи, человече, как дошёл ты до нас?

ЛОПАРЕВ. Если б не послал бог знамение, не дошёл бы...

ФИЛАРЕТ. Знамение? Сказывай, человече, сказывай.

ЛОПАРЕВ. Может, и не знамение... но только погибал я, обессилел вконец: три дня и три ночи плутал по степи, а всё на одно и то же место выходил, и вдруг, откуда не возьмись — кобылица с жеребёнком... хромала на переднюю ногу... хотел изловить — не далась, но и уходить — не уходила. Так я и шёл за ней. А ночью зарево увидел... Так было, отец. А где кобылица, не ведаю, жива ли?

ФИЛАРЕТ. Жива, жива, кобылица та хромая, с перебитой ногой к табуну нашему прибилась и жеребчик при ней, молосный, гнеденький. Вот оно диво-дивное, господи! Бог вразумил мя сказать мужикам чтобы кобылицу ту не забивали.

ГОЛОСА. Знамение! Знамение!

ЛОПАРЕВ. А может, случайно, так вышло...

ФИЛАРЕТ. Молчай, раб божий, не кощунствуй! Знамение — радость правоверцам. Аллилуйю воспоём, аллилуйю! Воспоём аллилуйю, братия и сёстры, и ты с нами воспой, человече.

ВСЕ. Аллилуйя! Аллилуйя!! Аллилуйя!!! *(Неистовое моление.)*

ФИЛАРЕТ. Христос спаситель ниспослал правоверцам знамение, а некоторые, кои под именем Иисуса Христа ходят, ересь подпустить пытались. Ожирели, собакины дети! Посрамили знамение господне! А всё — через дурные помыслы свои! *(Апостолы бухнулись в ноги Филарету.)*

ГОЛОСА. Бес попутал... О, Господи, прости мою душу грешную...

ФИЛАРЕТ. Хаживал ли кто из вас на царя с ружьём? А барин престол попрал да барство, да боярство иже с ним! Слыхано ль такое?! А если веру нашу праведную примет, прибудет нашего воинства, аль забыли, для чего мы к Беловодьюшку сибирскому пробиваемся? Чтоб животы свои растить али войско скрести?

КАЛИСТРАТ *(сладко)*. Братья, воспоём аллилуйю отцу нашему духовному, сиречь самому спасителю премудрому, преблагостному батюшке Филарету!

ВСЕ *(на коленях)*. Аллилуйя! Отец наш родной, премудрый наш батюшка!

ФИЛАРЕТ. Богу воздав, аз и благодать будет. Господь послал искушение, господь даст прозрение. А тебе, апостол Елисей, сказываю: многими скорбями подобает войти в царство небесное. Если господь призовёт меня — тебе носить посох духовника и крест золотой. Аминь.

ЕЛИСЕЙ. Господи Иисусе, спаси и помилуй мя. *(Пятясь, исчезает в толпе.)*

ФИЛАРЕТ *(к Лопареву)*. Скажи, человече, примешь ли ты веру древних христиан, какие с топором и ружьями на царя пойдут, на попов бесноватых?

ЛОПАРЕВ. Да.

ФИЛАРЕТ. Принимаешь ли ты, Александра, крепость старой веры?

ЛОПАРЕВ. Принимаю.

ФИЛАРЕТ. Не срыгнёшь? Не выдашь нас под пытками и посулами?

ЛОПАРЕВ. Не будет того, отец, с вами я — хоть на край света.

ФИЛАРЕТ. Благослови еси присно и вовеки веков, аминь!

АПОСТОЛЫ. Аминь!

ФИЛАРЕТ. По нашей вере так: хочешь помилованному быть, сам также милуй, хочешь почтён быть, почитай другого... Богатому поклонись в пояс, а нищему в землю... Алчущего накорми, жаждущего напои, нагого одень, бо се есть божья любовь, Александра!.. А блудницу — батогом гони, лупи чем попало, бо се есть любовь бесовская! Хвально так-то жить, Александра?

ЛОПАРЕВ. Хвально.

ФИЛАРЕТ. Какому богоугодному делу душа лежит, сказывай.

ЛОПАРЕВ. Не знаю, батюшка, как быть, но сею ночью причудилось мне, будто бы голос слышу: «Грамоте обучай отроков, чтобы могли читать и писать... Живи, как праведник, и радость будет!» Огляделся вокруг — никого, обошёл вокруг рябины, вижу тряпица на суку висит. Снимаю, разворачиваю — и вот... *(Передаёт старцу пачпорт пустынника, полученный от Ефимии.)*

ФИЛАРЕТ *(раскладывает пачпорт на подставленной Калистратом иконе)*. Пачпорт раба божьего из Сионской полиции, из Голгофского квартала! *(Воздел руки кверху. Осенив себя, читает.)* «Объявитель сего, раб божий Иисуса Христа, праведник уволен из Иерусалима, града божия, в разные города и селения святой Руси ради души прокормления. Промышлять ему праведными трудами и работами, еже работати с прилежанием, и пить и есть с воздержанием. Против всех не прекословить, убивающих тело не боятися, и терпением укреплятися, ходить правым путём во Христе, дабы не задерживали бесы раба божия нигде. Аминь, дан сей пачпорт из соловецкой обители Праведников на один век, а по истечении срока явиться на страшный суд Христов. Имя Праведника — Раб Божий, опричь других имён нету. Явлен пачпорт в святую ризницу Соловецкого монастыря и в книгу животну под номером будущего века прописан и печатью Обители Праведников припечатан на веки вечные. Аминь.» *(Ко всем.)* Чудо свершилось, братия! Бог послал к нам праведника из града божьего Иерусалима!

АПОСТОЛЫ. Чудо! Чудо!

МУЖИКИ. Чудо! Чудо!!

ФИЛАРЕТ *(упал на колени перед Лопаревым и ткнулся лбом о землю)*. Мы — рабы твоя...

ЛОПАРЕВ. Встаньте, отец мой...

ФИЛАРЕТ *(быстро встаёт)*. Всеношную! Всеношную!!

«Всенощную» пронеслось шквалом и разбудило Луку, который уже давно примостившись у деревьев с зажжённой свечой, заснул. Лука вскочил, почувствовал неладное сзади. Одна штанина почти целиком выгорела. Лука бежит по сцене за уходящими общинниками, стряхивая дым. Занавес.

Картина третья

Там же. Появляется Ефимия в синем сарафане с красной прошвой посредине, с золотой вышивкой по подолу, под сарафаном батистовая кофта с вышивкой по рукавам, застёгнутая на перламутровые пуговицы, простоволосая, чёрные кудрявящиеся волосы стянуты у затылка красной лентой, на ногах шагреневые ботинки с высокими голенищами, застёгнутые на пуговки, глаза тёмные, быстрые, лицо выразительное.

ЕФИМИЯ. Ты ли здесь, праведник Иисуса?

Появившийся Лопарев при виде Ефимии в таком наряде застывает от неожиданности.

ЕФИМИЯ. Чего испужался, Александра?

ЛОПАРЕВ. Я... Я... потрясён твоей красотой...

ЕФИМИЯ *(поклонившись в пояс, прижимая иконку к груди)*. Ждал меня?

ЛОПАРЕВ *(кинувшись к ней)*. Ефимия!

ЕФИМИЯ. Не подходи, Александра! *(Перекрестилась.)* Возьми палку и бей! Ну, бей меня!

ЛОПАРЕВ. Ефимия!

ЕФИМИЯ. Али забыл, как толковал тебе наш духовник: «Алчущего накорми, жаждущего напои... бо се божья любовь. Блудницу батогом гони, бей, бо се есть бесовская любовь». *(Опускается на колени.)* Бей!

ЛОПАРЕВ *(становится на колени, берёт Ефимию за руки)*. Ефимия!

ЕФИМИЯ. Видишь, явилась тебе в наряде федосеевском, какой дядя мой Третьяк сохранил от покойной матушки моей... Если б старец узрел меня в этом наряде, на огонь поволок бы, как Акулину... А муж мой, Мокей Филаретыч, зверь окаянный, бил бы смертным боем...

ЛОПАРЕВ. Не говори так. Ефимия...

ЕФИМИЯ. В писании сказано: жена да убоится мужа своего, рабыней станет по гроб жизни... Нет! Клянусь светлым ликом материнской иконки, не стала я рабою, не стала я женою Мокея, хоть и повязала меня судьба с ним. *(Трижды целует иконку.)* К тебе пришла, Александра, видишь какая... Гони же, бей блудницу, праведник!

ЛОПАРЕВ. Какой я праведник, Ефимия!

ЕФИМИЯ. Ты — святой, святой, Александра! *(Целует ему руки.)* Не верь наветам, если кто чернить меня станет. Душа моя измучилась, а радости не видела. Нет в моём сердце жалости к Мокею Филаретычу, хоть и спас он меня от лютой смерти. Стала я его невольницей, а женою никогда не была, хоть и породила сына. Не жить мне с Мокеем в мире и согласии, как не живёт кровожадный коршун с малой горлинкой...

ЛОПАРЕВ. Ефимия, как мне помочь...

ЕФИМИЯ. Бог не заповедывал держать душу в цепях, а сердце в холоде. Пришла к тебе, Александра, с открытым сердцем. Ждал меня?

ЛОПАРЕВ. Ждал, Ефимия, ждал!

ЕФИМИЯ. Блудницу ждал?

ЛОПАРЕВ. Спасительницу свою ждал. *(Пытается поцеловать.)*

ЕФИМИЯ. Погоди, погоди, Александра... Ты ещё не познал меня, не ведаешь, как я стала еретичкой, а Мокей спас меня. Если и после того примешь меня, я готова и на костёр!

ЛОПАРЕВ. Не надо костров! Не гореть им больше!

ЕФИМИЯ. Ой-ёй, какой праведник! Бог бы услышал слова твои, Александра, да вразумил тёмный люд. Радость была бы...

ЛОПАРЕВ. Будет радость, Ефимия, будет!

ЕФИМИЯ. Не спеши говорить, выслушай сперва... Матушка моя, княжна Дашкова, попрала волю родителей, ушла в монастырь к Аввакуму Данилову. Родитель проклял её... Матушка так и умерла не прощённой... Перед смертью она сказала мне: «Береги, Фима, иконку. В ней — всё моё достояние. Писал иконку иконописец Рублёв, а сканью и золотом выложил филигранщик Костоусов — Пермский... Если доведётся тебе свидеться с кем из князей Дашковых, покажи иконку, по ней и признают тебя...» Не признали, прогнали со двора... И путь у меня остался один — монастырь. Стали готовить меня в монахини. Чтобы укре-

пить в вере, послали к пещернику Амвросию Лексинскому... но не утвердил он веру мою — еретичкой сделал!

ЛОПАРЕВ. Пещерник?

ЕФИМИЯ. Да... Я застала его в смятении. «Вижу, дщерь, погибель изыдет мне от тебя, — сказал он, — как на Адама от Евы нечестивой. Да будет так, аминь!» И поведал мне старец Амвросий такое... Что не Словом божьим, а промыслом людского разума творилась «Библия», что разночтений в ней — множество, что не своим умом писали евреи библию, а по сказаниям других народов: египетских и вавилонских, что напустили хитрые евреи много слов и наполнили ими землю, в заблуждение ввели да в рабство... Как сейчас вижу Амвросия Лексинского: белый весь, сидит, сгорбившись и толкует мне: не в «Библию» веровать надобно — в дух вселенский, в солнце, яко греющее нас, питающее нас. В том бог, откуда благодать исходит. Человек — земное светило, и от рождения каждый равен другому в правах своих... Амвросий научил меня распознавать травы и варить из них полезные снадобья...

ЛОПАРЕВ. Пачпорт — от него?

ЕФИМИЯ. От него... Амвросий сам отрёкся от бога и попрал святое писание. Его схватили, жестоко пытали в подвалах, жгли железом, выкручивали руки — он назвал моё имя. Умер Амвросий от пыток, а меня поволокли на суд... Собор порешил: семь годов будешь сидеть на цепи в каменном подвале в студёной воде, какую напустят тебе по шею. Захочешь утонуть — цепи не пустят... Опосля семи лет кары тело твоё сожгут, а пепел развеют по студёному морю... И так сталось бы, да выкрал меня дорогою у жестокой соборной стражи охотник — поморец Мокей, сын Филарета. Так приняла я крепость Филаретову. А идём до Енисея мы. Мокей и ещё двадцать человек ушли вперёд место сподручное подыскать... Вот и вся исповедь моя перед богородицей пречистой и пред тобой, Александра. Суди, как есть. Ничего не утаила, и ничего боле не спрашивай. *(Крестится.)* Спаси меня, богородица пречистая. Ведала ли ты, матерь божья, как тяжко жить на белом свете, знала ли ты оковы без железа, коими выжившие из ума старцы пеленают души людские? Помоги, матерь божья, скинуть те оковы, от коих дух каменеет и руки на дело не подымаются. Молю тебя, услышь мои вопли и слёзы высуши в глазах моих, аминь.

ЛОПАРЕВ *(целует руки)*. Как ты могла пережить всё это?!

ЕФИМИЯ. Пережила и радуюсь. Богородица вняла молитвам моим и послала человека, пытанного железом. Тогда я сказала себе: он будет мужем моим перед богом... Александра, будь Иисусовым праведником, и я откроюсь тебе сердцем, как птица крыльями навстречу воздуху. Будь таким, и я жена твоя перед богом!

ЛОПАРЕВ. Сделаю всё, что хочешь!

ЕФИМИЯ. В писании сказано: и создал бог из ребра, взятого у человека, жену и привёл её к человеку... И ещё сказано: змей ползучий совратил жену яблоком, а человек сказал богу: жена, которую ты мне дал, она дала мне яблоко от запретного древа, и я ел его... Такого человека, Александра, я бы не стала звать мужем. Он сам съел яблоко, а вину свалил на жену, и тогда господь бог сказал жене: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей, в болезни будешь рожать детей своих, и муж будет господствовать над тобою... Какой муж? Презренный трус! И его-то назвал бог человеком!

ЛОПАРЕВ. Вот какая ты!

ЕФИМИЯ. Какая?

ЛОПАРЕВ. Божественная!

ЕФИМИЯ *(закрывает ему рот рукой)*. Не кощунствуй, Александра. Грех то.

ЛОПАРЕВ *(целует руки, лицо, грудь)*. А раз так — хочу быть грешником. К чёрту — комедии! Нет праведников — есть ханжи! Я — не праведник. Я — человек! Не возвышайте и не унижайте меня! Не учите меня думать, любить, жить!

Ефимия пытается закрыть ему рот руками, но он целует их, тогда остаётся сделать единственное, чтобы он замолчал — поцеловать его в губы, Лопарев поднимает её на руки, кружит. Ефимия вырывается, исчезает между деревьев, появляется снова, неся на вытянутых руках пшеничный каравай и другую снедь, вино.

ЛОПАРЕВ. Разве у вас пьют вино?

ЕФИМИЯ *(лукаво)*. Наше вино — не зелье. На ягодах и мёде настоянное. Такое вино пить — сил набирать. Зелье сатанинское аль чай китайский, аль табак басурманский — того на дух не принимаем. Кто пьёт чай — спасения не чай, кто табак курит — тот бога из себя турит, а кто зелье пьёт — тот с сатаною беседу ведёт.

ЛОПАРЕВ. А я и чай пил, и трубку курил, и вино пил крымское да заморское. И водку пил!

ЕФИМИЯ. Ой-ёй, Александра.

ЛОПАРЕВ *(подсаживаясь к еде)*. А здесь ничего сатанинского нет?

ЕФИМИЯ *(смеётся)*. Здесь всё — моё! *(Погрустнела, отходит в сторону.)*

ЛОПАРЕВ. Скоро ты? Я умираю с голоду.

ЕФИМИЯ. А кушай, Александра, кушай. Я не голодна.

ЛОПАРЕВ *(отстраняясь)*. И я тоже.

ЕФИМИЯ. Я не могу принимать пищу с мужчиной. Таков у нас обычай...

ЛОПАРЕВ. Дикий обычай.

ЕФИМИЯ. Не привычно мне...

ЛОПАРЕВ. Без тебя я не притронусь к еде.

ЕФИМИЯ *(торжественно садится рядом с Лопаревым, наливает ему и себе вино, поднимает бокал)*. Зрить хочу тебя, Александра, просветлённым и ясным, как солнышко красное. И пусть твои горячие руки после стылого железа обнимут меня и найдут тепло. Я — твоя. *(Пьёт.)*

ЛОПАРЕВ. За тебя, моя любовь!

ЕФИМИЯ *(распрямляется)*. Лист опавший не поднимется вновь на древо жизни, годы ушедшие не вернутся обратно... Нет уже той Ефимии, какая была прежде, есть другая, и она принадлежит только тебе.

Лопарев бросается к ней. Они замирают в объятиях. Ефимия, высвободившись подходит к рябине, срывает веточку с ягодами, кушает сама, даёт Лопареву.

ЕФИМИЯ. Помнишь?

ЛОПАРЕВ. На всю жизнь.

ЕФИМИЯ *(снимая рябиновый крестик и одевая на Лопарева)*. Да хранит тебя священное древо... *(Засуетившись.)* Мне пора... Я ещё травы должна собрать, чтоб духовник не заподозрил. Чует моё сердце что-то неладное. Глаза у старца, как у змея, а сердце каменное.

ЛОПАРЕВ. Если вдруг пасторский посох достанется мне...

ЕФИМИЯ *(перебивает)*. Не отдаст духовник пасторский по-

сох по добру... Давеча обещал его апостолу Елисею — не жить Елисею на белом свете!

Ефимия подходит к узлу со староверческой одеждой, берёт в руки чёрный платок и вдруг с плачем припадает к земле. Лопарев безуспешно пытается успокоить её.

ЛОПАРЕВ. Ефимия, что с тобой? Любимая, успокойся, не плачь, всё будет хорошо!

ЕФИМИЯ *(исступлённо)*. Александра! Бежим отсюда! За море студёное, за горы высокие, на край света!

ЛОПАРЕВ. Бежим?.. У меня — ни вида на жительство, ни знакомых в Сибири.

ЕФИМИЯ. Бежим, куда глаза глядят... подальше от крепости лютой, от костров горящих, от взглядов ядовитых!

ЛОПАРЕВ. Куда же, родная, куда? Скажи, и я пойду за тобой, скажи лишь, куда?

ЕФИМИЯ *(опомнившись)*. А никуда не надо идти, Александра, никуда... Отвернись, переодеваться буду. *(Одевает чёрную юбку, холстяную кофту, повязывает на самые глаза чёрный платок.)* Мне кажется, что меня кладут в гроб... Молись за меня, Александр Михайлович. *(Уходит.)*

ЛОПАРЕВ. Ефимия! *(Падает на колени.)* Я люблю тебя! *(Устремляется вослед.)*

На сцене появляется Лука, проходит мимо рябины, видит яства и вино, крестится «Не искушай, сатано!» Не в силах уйти от яств, с молитвой: «Господи, спаси и помилуй мя! Приму грех на душу и тем отведу его от общины», усаживается поудобней и уминает обед за обе щёки.

Занавес.

Картина четвёртая

Моленная изба. В красном углу — иконы. Стол, за которым восседает духовник, лавки по обе стороны стола. Заходит Лопарев, крестится на иконы и духовника, поклонился.

ЛОПАРЕВ. Слава Иисусу.

ФИЛАРЕТ. Бог послал утро, человече.

ЛОПАРЕВ. Звали, святой отец?

ФИЛАРЕТ. Звал...

ЛОПАРЕВ. Слушаю, отец мой.

ФИЛАРЕТ. Кабы анчихрист не плутал по царствам-государствам, давно бы люд праведный жил во счастии со господом богом. Вот мы спасаемся от греховности едной общиной. А кругом как? Соблазн. Искушения. Погань всякая...

ЛОПАРЕВ. Спасение людей — в свободе. Без свободы нет жизни человеку, а есть каторга — с цепями или без цепей.

ФИЛАРЕТ. Свобода с блудом бывает. Дай свободу слабым, нетвёрдым — в блуде погрязнут!

ЛОПАРЕВ. Без свободы человек нищ духом...

ФИЛАРЕТ. Хвально глаголишь, сын мой... Бог послал те пачпорт пустынника, помогай общину крепить.

ЛОПАРЕВ. Что в моих силах...

ФИЛАРЕТ. Такоже, такоже... Как жить думаешь, праведник Александра, в моём становище аль у посконников?

ЛОПАРЕВ. Как скажете.

ФИЛАРЕТ. Хвально то, хвально. Семей у нас более шестиста душ, и гурт коров, и два табуна лошадей, и птица всякая. Прибыльно живём, общиною. И пропитание у всех едное, из одних сусеков. По душе тебе такой порядок?

ЛОПАРЕВ. По душе, отец.

ФИЛАРЕТ. Опосля того, как господь бог послал тебе, праведник Александра, пачпорт раба божьего, можешь ли ты зрить бабу?

ЛОПАРЕВ *(смутившись)*. Каждый мужчина от женщины рождён. От Евы отошли первые люди, от тех людей — ещё люди, а потом и мы род человеческий не должен прекратиться.

ФИЛАРЕТ. Благостно глаголишь... Баба — она тоже тварь божья...

ЛОПАРЕВ. Разумеется...

ФИЛАРЕТ. Вот хоча бы... Ефимия!

ЛОПАРЕВ *(вздрогнув)*. Что Ефимия?!

ФИЛАРЕТ. Еретичка!

ЛОПАРЕВ *(запальчиво)*. Быть не может!

ФИЛАРЕТ. Тако есть. Тако есть! Когда ещё белицей была в монастырской келье, возопила она, и явился к ней нечестивый, и завладел её душой и телом, а потом погнал к пещернику Ам-

вросию... Сколько тот не отбивался от еретички крестом и батогом, совратила его, искусительница, дух святой вышел из него, яко вода из дырявой посудины.

ЛОПАРЕВ. Трудно поверить в то.

ФИЛАРЕТ. Не такой Амвросий Лексинский человек, чтобы не верить. Он хоть по молодости, яко агнец незрячий и выступал с сатанинским войском против осударя Петра Фёдоровича и много кровушки праведной пролил, да господь его образумил, прозрел он и помог многим нашим бежать от стражи... Ушёл опосля в Поморье в монастырь, и не было праведника смиреннее, чем Амвросий... И всё ж совратила, ведьма!

ЛОПАРЕВ. А может, он вторично прозрел?

ФИЛАРЕТ. Молчай! Не кощунствуй! Уста твои ересь глаголят... Видно, и тебя совращала еретичка поганая. Сидеть бы ей на чепи в подвале с донной водой, кабы не сын мой, Мокей... Я-то не знал, какова она белица! Господи, прости мя за слепоту мою! А узнал, хотел было в собор оттащить, да Мокей сдурел и уволок её к морю. Там и проживал с нею года три так. Потом возвернулся в общину. «Очистилась, грит, Ефимия-то». Эко! Бил дурня да мало. Ужо не уволокёт нынче...

ЛОПАРЕВ. Как можно так про Ефимию... Она ведь жена сына Вашего!

ФИЛАРЕТ. Не жена, не жена!

ЛОПАРЕВ. Как можно Мокею жить с ней, коль не жена ему?

ФИЛАРЕТ. Не можно! Отторгну, яко тать от овна... Никогда не шла она за моей телегой. Не шла. На Юсковых телегах скарб паскудницы.

ЛОПАРЕВ. А ребёнок как же?

ФИЛАРЕТ. Откель ведаешь про ребятёнка?

ЛОПАРЕВ. Сам видел.

ФИЛАРЕТ. Ребятёнка отнял я от ведьмы, чтоб не искушала чадо.

ЛОПАРЕВ. От матери?!

ФИЛАРЕТ. Смута зреет в общине нашей, Александра! От становища Юсковых смута идёт, от ехидны Ефимии смрадом тянет, а с ними в сговоре и апостол Калистрат, иудушка. Всё мне ведомо, да нет доказательств. На пастырский посох и крест золотой зарятся псы паршивые. Повергнут, иуды, веру древних христиан и расползутся все по сатанинскому миру, яко крысы поганые по земле. Как едную крепость держать, господи?

Огнём ли жечь еретиков али в реке живьём топить? Еретичку сожгли — во грехе не покаялась, апостола Митрофана на огонь волокли — глаголил святотатство. Как жить, господи? Сил нету. Разуменья нету. Праведники во червей обратятся. С кем веру крепить? *(Становится на колени перед образами, молится.)* Иисусе Христе, дай мне силу и просветление господнее... *(Лопарев решает, что лучше ему исчезнуть незаметно, но старец сразу замечает это.)* А ты, праведник Александра, как присоветуешь: гнать из общины ведьму аль на судное моленье выставить?

ЛОПАРЕВ *(захваченный врасплох)*. Что?

ФИЛАРЕТ. Нечистый дух по общине ходит кажинную ночь в бабьем обличье.

ЛОПАРЕВ *(в замешательстве)*. Не может быть...

ФИЛАРЕТ. Елисей давеча чуть — чуть не углядел, какая баба...

ЛОПАРЕВ. Елисею привиделись и у меня рога на лбу.

ФИЛАРЕТ. Кабы узрел Елисей эту бабу — гореть бы ей вместе с Акулиной нечестивой... А ведь Акулину-то Ефимия совратила. Она. И Юскова парня, Семёна, совращала...

ЛОПАРЕВ. Не верю я, отец, чтобы Ефимия совращать могла: святость у ней великая.

ФИЛАРЕТ. Святость?

ЛОПАРЕВ. Она лечит людей.

ФИЛАРЕТ *(запальчиво)*. Совращает, ведьма! Искушает, еретичка!

ЛОПАРЕВ *(круто повернулся, уходя)*. Не верю!

ФИЛАРЕТ *(в бешенстве)*. Змею пустил под подушку! Ах, ты собака грязная! *(Ударяет о пол посохом, входят апостолы.)* на судный спрос еретичку Ефимию! У неё пытать про заговор Юсковых... И барина пытать! А потом всё Юсково становище в пепел обратить, рухлядь забрать, а Третьяка и старца Данилу на костылях пытать. Хвально так-то будет, хвально! И крепость каменной останется на веки вечные!

Суперзанавес. С одной стороны проходит Лопарев, ему навстречу верижники с ружьями, среди них Ларивон, второй сын Филарета.

ЛАРИВОН. Ищу тя, праведник. Батюшка наказал идти на охоту всеношную... Волки одолевают. Трёх жеребят задрали. На приступ берут, тати поганые. Вот и пойдёшь с нами ноне на логовище.

ЛОПАРЕВ. Я бы не отказался, да ружья нет.

ЛАРИВОН. Эко, барин! С пачпортом древним объявился и ружья захотел!

ЛОПАРЕВ. С чем же на волков идти?

ЛАРИВОН. А с молитвой, праведник, с молитвой...

Лопарева тесно обступают верижники со словами «А ну, молись за нас, праведник!» Лопарев машинально крестится тремя пальцами.

ЛАРИВОН *(завопил)*. Сатанинским кукишем осенил себя, щепотник поганый!

ГОЛОСА. Щепотник! Сатано! Вяжите его!!

Лопарева хватают за руки, за шиворот, сваливают на землю, вяжут.

ЛАРИВОН. Хорошо ли скрутили барина?

ВЕРИЖНИКИ. И сатано призовёт — не развяжет.

ЛАРИВОН. Благостно.

ЛОПАРЕВ. Вы что, с ума спятили? Пустынника с пачпортом вязать?!

ЛАРИВОН. Го-го-го! Вот баит, вот баит. Ишь пустынником барин заделался! *(Пнул.)* За барскую твою кровь... За омман, за омман! А паче того за пачпорт, за пачпорт! Такоже, такоже! *(Сопровождая тумаками.)*

ЛОПАРЕВ. А-а-а, космачи, сволочи!

ЛАРИВОН. Молчай, щепотник. Ишшо не то будет во славу господа бога. Аминь!

ЛОПАРЕВ. За что?! Со мною жандармы не обходились так!

ЛАРИВОН. Погоди, щепотник. Мы ишшо рёбра ломать будем. Благостно будет, хрустеть будут. Признаешься небось, как совратить задумал общину вкупе с Юсковыми и с ведьмой Ефимией. На посох духовника глаза разинул, тать болотная!

ЛОПАРЕВ. Не нужен мне посох, ничего не нужно!

ЛАРИВОН. Зачем тогда пачпорт пустынника принял от ведьмы?

ЛОПАРЕВ. Возьмите и пачпорт, и что хотите! Пустите меня! Вы не имеете права задерживать меня — я государственный

преступник! Слышите? Не праведник, не пустынник, а государственный преступник!

ЛАРИВОН. Ишь барина как повело. И посоха не захотел, щепотник. Возопил, кобелина!

ЛОПАРЕВ. Отведите меня сейчас же в деревню и сдайте старосте, чтобы меня в тюрьму отправили, на каторгу.

ЛАРИВОН. Ха-ха-ха, как вопиёт-то! В тюрьму захотел, кобелина, на каторгу возжелал! От нашей-то веры, от Христа спасителя да на каторгу. *(Пинает, верижники добавляют.)*

ЛОПАРЕВ. По какому праву...

ЛАРИВОН. Еретика, сиречь щепотника огнём жечь можем. А право у нас и власть — от царя всевышнего и от сына божьего Исуса. Аминь.

Ларивон и верижники бьют Лопарева. Занавес опускается в темноте.

Картина пятая

Моленная изба. За столом в красном углу — Филарет, по обе стороны стола — апостолы: Елисей, Калистрат, Иона. В противоположном углу — привязанная верёвками к костылям Ефимия. Судный спрос. На голове Филарета — поморский колпак духовника с осьмиконечным крестом и пурпурным верхом, через левое плечо перекинута широкая лента, шитая золотом с пурпурными крестами. Пастырский посох, золотой крест, у старинных икон горит двенадцать толстых свеч. На столе — кувшин, глиняные кружки. Недалеко от Ефимии — железная печка с прямой трубой, кучка берёзовых дров, железная клюшка.

ФИЛАРЕТ *(молится)*. Избави нас, Спаситель, от нечистого духа! *(Апостолы, молясь, повторяют за ним.)* Господи Иисусе Христе, вразуми мя, тварь неразумную, слабую, в доброте пребывающую и в благости к рабам божиим! Вразуми, господи боже, пресвятых апостолов. Аминь!

АПОСТОЛЫ. Аминь!

Филарет подаёт знак. Иона встаёт, запирает дверь, находящуюся прямо по центру напротив зрителей, на деревянную перекладину в железные скобы, закрывает на глухие внутренние

ставни два оконца с обеих сторон дверей, мрачный зловещий полумрак.

ФИЛАРЕТ *(слащаво)*. Сготовилась ли ты, дщерь, держать ответ перед святыми апостолами?

ЕФИМИЯ. Сготовилась, батюшка.

ФИЛАРЕТ. Глаголь, раба божия, пред святыми угодниками, пред образом Спасителя сущую правду. Если запираться станешь, язык вытянем щипцами, а тело жечь будем. Аминь.

ЕФИМИЯ. Нет на моей душе греха, святой отец.

ФИЛАРЕТ. Сказывай пречистым апостолам, какие вершат господний спрос и суд, про тайный сговор, что умыслили еретики Юсковы: Данило, Третьяк, Микула, Михайла и всё ихо становище. Сказывай.

Глазами даёт знак апостолам. Те включаются в спрос.

ЕЛИСЕЙ. Ведьма, ехидна стоглавая, сказывай!

ИОНА *(мычит)*. А-а-а. *(Трясёт кулаками.)*

КАЛИСТРАТ (мямлит). Сказывай...

ФИЛАРЕТ. Не зрить неба тебе — огнём-пламенем пожгём, сказывай!

ЕЛИСЕЙ. Блудница, сиречь ведьма и нечестивка, змея стоногая, сказывай!

ИОНА. А-а-а!!

ФИЛАРЕТ. Совратительница, тварь ползучая, сказывай!

ЕЛИСЕЙ. Ехидна о ста главах, о четырёх хвостах, о мильёне ядовитых жал, сказывай!

ФИЛАРЕТ. Кара нам, кара! Как вы, праведники, не узрили убруса на ведьме. Глико! Аль затмение навела на вас?!

ЕЛИСЕЙ. Свят, свят! Спаси мя, владыко небесный! *(Кинулся на Ефимию, сорвал с её головы убрус (платок), кинул на пол, стал топтать.)*

ФИЛАРЕТ. За власы её, за власы поторкайте! *(Елисей, Иона вцепились в волосы Ефимии.)* Такоже, такоже... *(Умилённо.)* Чурку мне! Сесть. *(Калистрат подставляет Филарету чурку, тот садится напротив Ефимии, опираясь на посох.)* Благостно, благостно ... Не втягивай пузо, ехидна! Али смерти испугалась?

ЕФИМИЯ. Сразу бы... убили... батюшка. В сердце ударьте посохом.

ФИЛАРЕТ. Погоди, погоди. Смерть твоя долгая, всенощная али тренощная, как господь повелит. Ежли скажешь, какую ересь умыслили Юсковы и дядя твой Третьяк, то смерти не будет. Помилую тя и епитимью наложу малую — на месяц не боле. Потом благословлю, и женой Мокея станешь.

ЕФИМИЯ. Лучше смерть, но женой Мокея-мучителя — ни за что!

ФИЛАРЕТ. Вона как? Женой Мокея мово не хочешь?

ЕФИМИЯ. Не хочу!

ФИЛАРЕТ. Барин приглянулся?

ЕФИМИЯ. Мокей не муж мне. Силой взял меня, силой держал.

ФИЛАРЕТ. Такоже...

ЕФИМИЯ. В писании сказано: господь создал Еву из ребра Адама, и она стала его женой. Так и всякая жена — из ребра мужа своего. Разве из Мокеева ребра господь создал меня?

ФИЛАРЕТ. Еретичка! Ишь что умыслила: чтобы из Мокеева ребра да экая блудница вышла! Сорвите хламьё с ведьмы, чтобы тело поганое на суд вышло! *(Апостолы, как коршуны, накинулись на Ефимию и рвали одежду руками.)* Такоже, такоже...

ЕФИМИЯ. Не стыдно вам, старцы! Не праведники вы — собаки грязные!

ФИЛАРЕТ. Молчай, тварь!

ЕФИМИЯ. «И любите врагов ваших, благославляйте проклинающих вас...»

ФИЛАРЕТ. Тварь, тварь! Писание толкуешь, а ересь хвостом покрываешь. Аль не говорил апостол Пётр: «Как Христос пострадал за нас плотью, то и вы вооружайтесь тою же мыслью, терзайте плоть свою и спасены будете». Аль не говорил Спаситель: «Всякое древо, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь?»

ЕФИМИЯ. Не принимаю того, не принимаю! В писании апостолов блуда много, скверны много!

ФИЛАРЕТ. Замкни уши мои, Иисусе Христе, чтоб не слышать скверны еретички. *(Перекрестившись — апостолам)*. Заткните рот ей! Кляп в рот, кляп! *(Подходит к столу, пьёт воду.)* Глагол твой, паскудница, в землю ушёл. Праведников с веры не совратишь. Не богохульствуй боле. *(Ублажая.)* Сказывай, Ефимия, молю тебя, сказывай. Ты не мужчина, не пустынница, вины твоей нету в том сговоре. Пред Спасителем божусь:

благость будет, и ты станешь жить. Хошь, из общины уходи, хошь сама по себе живи, воля твоя будет, помоги мне крепость утвердить сю, и дам те спасение, тако ли, апостолы? *(Апостолы подтверждают.)* Выньте кляп-то. *(Вынимают.)* Ещё когда Акулину-блудницу на тайном спросе пытали, а потом посадили в яму, у Третьяка в избе ночью собрались еретики: Микула, Третьяк, Михайла и ты была там. Окромя того — три верижника и апостол с ними. Тот апостол сказал: «Вырвем у Филарета крест золотой и чресельник отберём. Хозяйством будешь ты, Третьяк, править, а я стану духовником... Назови, который апостол, и жить будешь. Аминь!

АПОСТОЛЫ. Аминь.

ФИЛАРЕТ. На том сговоре апостол-еретик сказал: «Филарета убить, и Ларивона убить, и Мокея такоже». Третьяк и Микула такоже глаголили: убить. И тут раздался твой голос: «Филарета убивать не надо, и Ларивона, и Мокея убивать не надо, потому как смертью смерть не правят. Надо порушить крепость, а Филарет пусть живёт и помрёт своей смертью. Глаголила так али нет?

ЕФИМИЯ. Глаголила.

ФИЛАРЕТ. Слава Иисусе Христе, разомкнула уста!

ЕФИМИЯ. Глаголила так, батюшка, потому: крепость твоя чуждая, не божеская, а сатанинская. От гордыни то, от злого сердца то, а не от бога. Не для людей живете — для себя. Божеское учение в угоду себе перевираете, прикрываете им свои дела пакостные. Не вы — ему, а оно — для вас! Господь заповедывал милосердие и любовь. Где милосердие? Где любовь?

ФИЛАРЕТ. Молчай, тварь! *(Ударил посохом. Апостолам.)* Раскаляйте клюшку, огнём пытать будем. *(Елисей суёт клюшку в печь.)*

ЕФИМИЯ. Сатано ты, сатано! Сынок у меня, Веденей... Ужо отомстит за меня!

ФИЛАРЕТ *(подскочил на чурке)*. Праведники! Аль не слыхали вопль ведьмы? Змеищу изничтожим, сиречь еретичку, а змей подрастать будет, когти точить будет. Каково житие будет для всех праведников? Спомните, как змеёныши Кондратия плевались на судном спросе? Пожгли тех змеёнышей. Каково — коль змей вырастет?!

ЕЛИСЕЙ. Погибель будет, погибель!

ФИЛАРЕТ. Сказывай волю Иисусову. *(Поднял крест.)*

ЕЛИСЕЙ *(целует крест)*. Удушить змеёныша.

ФИЛАРЕТ *(к Ионе, жестами объясняя суть)*. Сказывай волю Иисуса.

ИОНА *(целуя крест, поднимает два пальца вверх, другой сжимая горло)*. А-а-а...

Калистрат, стараясь не попасть на глаза старцу, всё время находится позади него. Филарет оглянулся, Калистрат потянулся к кружке с водой, припал к ней.

ФИЛАРЕТ. Сказывай волю Иисуса, Калистратушка.

КАЛИСТРАТ *(поперхнулся, закашлялся, так и не ответил, показывая себе на горло двусмысленным жестом)*.

ФИЛАРЕТ *(к Ионе)*. Ступай, сполни волю Иисуса. *(Иона уходит.)*

ЕФИМИЯ. Ба-а-а-тюшка-а-а! Сы-ы-ночка-а помилуйте-е! *(Обмякла.)*

ФИЛАРЕТ. Вопль, вопль исторгся! Слышите, праведники, как сатано из чрева еретички возопил? Жутко ему, сатане, в теле нечестивки. Ужо не так возопит, не так! *(К Калистрату.)* А ведь ты, апостол Калистрат, ведьму и словом не чернил будто? Подойди ко мне, Калистратушка, праведники умучились, а ты отдыхал. Богу поди молился, праведной ладонью — не кукишем. Академию духовну одолел — вера у тя превеликая. Куда мне — из холопьей упряжи. Потому и посох отдам те и крест золотой. Духовником будешь, Калистратушка. Скоро будешь. Может, нонешним утром, а? Вот сейчас позовём верижника Луку, блудливца бабьего, спрос учиним еретику, а там и благодать будет... *(У Калистрата свело ногу судорогой.)* Чего ногой-то дрыгаешь?

КАЛИСТРАТ. Судорога, батюшка.

ФИЛАРЕТ. Минует судорога, вот спытаем верижника... Лучше, если бы Ефимия сама оглаголила, да затаилась, ведьма, а почему? Еретик меж нами! Как Иуда меж апостолами Спасителя. *(Елисею.)* Клюшкой поторкай еретичку. *(Елисей тыкает ею.)*

ЕФИМИЯ. А-а-а-а! ...

ФИЛАРЕТ. Слышишь, Калистратушка? Нечестивый вопит. Благостно ли тебе от вопля нечестивого? Али у тя язык отнялся? Ведьма! Гляди, сейчас праведник Калистрат тебе чрево проткнёт. Гляди, гляди на апостола! Ну, Калистратушка, сверши волю го-

сподню. Да наперёд выткни глаза ведьме, чтобы нечистый чрез глаза не зрил свой смертный час и порчу бы не навёл на пастырский посох. На, Калистрат, посох, на! Что узрился на меня?

КАЛИСТРАТ *(выхватив посох у Филарета)*. Сатано! Сатано зрю!! Рога зрю! *(Трахнул посохом Филарета, посох переломился, схватил обломки посоха, подступил к Елисею.)* В духовника бес вселился али не зрил? Видел рога, сказывай!? Видел, как я сбил те рога?! Или смерть тебе враз! *(Замахивается посохом на Елисея.)*

ЕЛИСЕЙ. Зрил рога, батюшка Калистрат. Зрил, зрил. На лбу Филарета. Явственно.

КАЛИСТРАТ. Одолел сатано старца. Одолел. Кто повелел удушить апостола Митрофана?

ЕЛИСЕЙ. Сатано повелел, Филарет окаянный!

КАЛИСТРАТ. Кто сжарил на костре семью Кондратия?

ЕЛИСЕЙ. Сатано! Всё он, Филарет!

КАЛИСТРАТ. Кто сжарил Акулину с младенцем?

ЕЛИСЕЙ. Сатано проклятый, Филарет бесноватый!

КАЛИСТРАТ. Из-за него погибель будет, коль не отобрать крест у сатаны.

ЕЛИСЕЙ. Спаси нас, батюшка Калистрат, ты — наш духовник. Отринь от нечестивца сиречь зверя лютого. Припадаю к стопам твоим, яко праведным. *(Орёт.)* Аллилуйя отцу нашему духовному, батюшке Калистрату!

КАЛИСТРАТ. Не будет спасения нам, коль не отберём ружья и рогатины у верижников. От них вся лютость. На них стояла крепость душителя. Тако ли?

ЕЛИСЕЙ. Тако, батюшка Калистрат.

КАЛИСТРАТ. Ружья и рогатины — не вериги. А повелел Филарет взять их верижникам не от доброхотства, а от соблазна гордыни, властвовать захотелось старцу. Не оттого ли Филипп строжайший с общиною праведников огнём пожгли себя? Не оттого ли старец напустил туман на нас, и мы не зрили Иисуса, а пребывали в забвении, в лютости?

ЕЛИСЕЙ. Удушить Иуду! *(Филарет застонал, зашевелился.)*

КАЛИСТРАТ. Духовник я али не духовник?

ЕЛИСЕЙ. Духовник, духовник наш преблагостный!

КАЛИСТРАТ. Молись спасением своим, Иисусом многомилостивым, что будем ты и я — одна душа! Сатано мог погубить всех нас, да я посохом сбил рога с головы нечестивца. Ещё ска-

жу: зверь лютый погубить возжелал благостную Ефимию, какую почитает вся община. Не еретичка она — праведница!

ЕЛИСЕЙ. Праведница, праведница!

КАЛИСТРАТ. Жить ей веки вечные!

ЕЛИСЕЙ. Жить, жить, жить!

КАЛИСТРАТ. Кандальник спасения у нас искал, а где он теперь? В степь повели пытать! Видано ли подобное святотатство, а?

ЕЛИСЕЙ. Самого сатано пытать!

КАЛИСТРАТ. Связать старца, а крест золотой снять. *(Вяжут Филарета вместо Ефимии к костылям.)*

ЕФИМИЯ *(освободившись)*. Веденейка мой!!! *(Пытается встать.)*

КАЛИСТРАТ *(стучит посохом, входит Лука)*. Случилось то, о чём бога молили. Спас я всех от нечестивца Филарета... Бес вселился в него, рога и узрили мы... вот с ним... сбили рога-то ему, сбили. Ты, Лука, бери икону, к верижникам ступай, скажи в часовню пусть на моленье идут, да чтоб ружья и скверну всякою не брали с собой... А сам останься с Никитой да Гаврилой, Третьяка, Боковых оповестишь, чтоб ружья те прибрали. Да барина освободить, да Веденейку уберечь.

ИОНА *(входит, мычит, показывая жестами, что всё, мол, в порядке, исполнил волю Иисуса, задушил младенца)*. М-м-м... *(Улыбается.)*

Ефимия падает без чувств. Елисей, который всё ещё держит в руках снятый с Филарета золотой крест, всё крепче прижимает его к себе. Калистрат угрожающе смотрит на него. Елисею приходится расстаться с золотым крестом; он подходит к Калистрату и одевает крест ему на шею, все падают ниц перед новым духовником. Филарет бьётся в цепях. Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Моленная изба. В том углу, где пытали Ефимию — Филарет, посаженный на цепь, напротив — лежанка для верижника Луки, который приставлен для наблюдения за бывшим духовником. Лука не теряется — пригласил мордастую льняноволосую

не первой молодости вдовушку Пелагею. Занавес открывается. Лука и Пелагея шарахаются друг от друга. Пелагея застёгивает блузку.

ЛУКА *(к Филарету)*. Чего узрился, сатано? Аль бабы не видывал?

ФИЛАРЕТ. Кабы общину на моленье призвать... Я бы тя, пёс блудливый с иудушкой Калистратом по костям разнёс в едный час!

ЛУКА. Го-го-го! Кабы тебе Калистрат не сбил рога-то, рога те — до неба выросли бы, по ним Ларивон на небеси поднялся б, а оттедова — вниз головой! А Елисей встрел бы твово Ларивона чугунной гирей в тыщу пудов.

Филарет кинулся на Луку, да цепь удержала его.

ЛУКА. Тако! Тако! Рви её! Зубами спытай, зубами. Спомни, как праведника Митрофана три недели держал на чепи и заставлял грызть оную зубами. Теперича сам попробуй! Ну, чаго?

ФИЛАРЕТ *(затрясся в бессилии, не найдя ничего лучшего, показал зад Луке)*. Глядись в зерцало, собака грязная! Рожу видишь али нет?

Лука схватил, что попало под руку, швырнул в Филарета. Тот увернулся.

ЛУКА *(берёт плеть)*. Ужо постой, поисповедаю тя, святой отец...

Слышится стук в дверь.

ЛУКА *(испуганно)*. Кто там?

ЕФИМИЯ *(голос)*. Открой, Лука, это Ефимия. Иду с поминальной кутьёй.

ЛУКА. Кого поминаешь?

ЕФИМИЯ *(голос)*. Сорокоуст по убиенному Веденейке.

ЛУКА. Батюшка Калистрат наказал никого не пускать. Помяну Веденейку без кутьи.

ЕФИМИЯ *(голос)*. Али ты еретик, Лука?

ЛУКА. Пошто еретик? Пустынник.

ЕФИМИЯ *(голос)*. Как мог запамятовать, что перед поминальной кутьёй все двери растворяются настежь? А кто дверь не откроет, тому всесветное проклятье, яко еретику. Не откроешь — всю общину подыму!

ЛУКА *(перетрусил, делает знаки Пелагее, сгинь, мол, а куда?)*. Иисусе Христе, погоди маненько, благостная, я сейчас... *(Приоткрывает дверь, стараясь удержать её, но его оттесняет Лопарев, за ним входит Ефимия.)*

ЕФИМИЯ. Старцу поминальную кутью... *(Замечает Пелагею.)* Ах, ты кобель блудливый! Такой-то ты пустынник? Среди бела дня да в покаянной избе, где людей железом жгли и смертью пытали! Чтоб твои бестыжие бельма треснули, козёл бородатый! Для святой кутьи дверь не открыл, а блудницу на постель положил!

ЛУКА *(бухнулся в ноги)*. Помилуй мя грешного! Околдовала блудница, околдовала... Крестом не отмолился, батогом не отбился...

ПЕЛАГЕЯ. Врёт, врёт кобелина! Сам заманил! Говорит, беса будет гнать из сатаны Филарета.

ЕФИМИЯ. Беса гнал?

ПЕЛАГЕЯ. Гнал, гнал! Плетью лупил да приговаривал: «Изыди, алгимей!»

ЛУКА. Батюшка Калистрат повелел кажинный день споведывать мучителя.

ЕФИМИЯ. Мучителя... Все вы — мучители! Нет у вас ни совести, ни сердца, ни души! Сатано вас породил на белый свет, сатано и сгубил вас, сгините все, яко не бымши! *(Ткнула пальцем в грудь Луки.)* Пусть тебя на том свете бесы лупцуют такоже...

Делая над собой усилие, Ефимия подходит к Филарету, набирает в ложку кутьи, силится протянуть её старцу, но ложка выпадает из её рук. Не глядя ни на кого, Ефимия быстро выходит.

ЛОПАРЕВ *(подходя к Филарету)*. «И возлюбил тя, яко сына родного...»

ФИЛАРЕТ. Яко сына, сиречь того — еретика и нечестивца. Такоже, барин.

ЛОПАРЕВ. «Алчущего — накорми, жаждущего — напои...»

ФИЛАРЕТ. Свинью поганую, какая рылом навоз роет, также кормят, а потом на потребу тела пускают. Ведаешь ли то, барин чистенький?

ЛОПАРЕВ. Теперь ведаю. В полной мере изведал и милость Вашу и доброхотство.

ФИЛАРЕТ. Спытал, гришь? Когда твой дед православный мово родителя за едное слово — холопа да руками холопов — насмерть забил, я также спытал и милость вашу и доброхотство ваше дворянское!

ЛОПАРЕВ *(задумчиво про себя)*. От барской крепости только и могла родиться крепость филаретовская... *(Выходит.)*

ФИЛАРЕТ *(молится)*. Господи Иисусе Христе, услышь молитвы мои... Мокеюшка, сынок мой, богатырь-силушка! Явись, вызволи меня из неволи сатанинской... Огнём бы пожёг отступников от крепости... Не огнём — нет! — щипцами терзал бы, по два раза языки резал бы... пальцы дробил, чтоб хрустели, рёбра давил, чтоб трещали...

Лука тем временем выпроваживает Пелагею, и во время — входит Калистрат.

КАЛИСТРАТ *(к Луке)*. Споведывал еретика?

ЛУКА *(кланяясь)*. Споведывал, батюшка, духовник наш благостный.

КАЛИСТРАТ. Вопил сатано?

ЛУКА. Не.

КАЛИСТРАТ. Плохо споведывал значит. *(Приближаясь к Филарету.)* Чурку! *(Лука подсовывает ему чурку, Калистрат садится, опираясь на новый посох со старым набалдашником, поглаживает на груди крест.)* Ну, старая свинья, вспомнил, где общинное золото?

ФИЛАРЕТ. Ужо вспомню, как Мокей возвернётся, всё вспомню!

КАЛИСТРАТ. Я те помогу вспомнить и сейчас, старый хрыч!

ФИЛАРЕТ. Брыластый боров, вор, мытарь, крыж римский!

КАЛИСТРАТ *(Луке)*. Запирай двери, топи печь, пытать будем.

Лука запирает двери, окна. Темнеет. Занавес.

Картина вторая

Суперзанавес. Встречаются Ефимия и Третьяк, одетый в плисовые шаровары, красную рубаху под широким ремнём на чреслах, суконную поддёвку. Ефимия в суконной однорядке с перехватом у пояса, в чёрном платке до бровей.

ЕФИМИЯ. Слава Иисусу. *(Хочет пройти мимо.)*

ТРЕТЬЯК. Спаси Христос. *(С намерением поговорить.)* Думал, запомятовала совсем дядю, зело борзо.

ЕФИМИЯ. Ой-ёй, кабы могла...

ТРЕТЬЯК. Нехорошо так, Ефимия, от солнца глядишь, зело борзо.

ЕФИМИЯ. Али в одной твоей избе солнце-то, дядя? Оно и у нас бывает, и по всей общине... Люди-то ропщут, слышал? И мукой обделяешь, и крупой и мясом, и хороших коров роздал по богатым посконникам да себе под начало взял. Ладно ли так? Общиною живём, а у тебя — три куска, у других — ни одного.

ТРЕТЬЯК. Кабы не племянница ты мне...

ЕФИМИЯ. Огнём пожёг бы? Аль ножом зарезал?

ТРЕТЬЯК. Бесстыдно глаголить так, Ефимия! Я те отец опосля отца. Спаси Иисусе! Болящая ты. Не от души реченье твоё, а от болести. Прощаю те, зело борзо.

ЕФИМИЯ. Мне-то прощаешь, дядюшка?

ТРЕТЬЯК. И ты равняешь Третьяка с голопузыми посконниками, которые жрать умеют токо, а на работу идти — пуп болит. Общинное делим по разумению. Третьяку — долю Третьяка, Микуле — микулину, а лодырю — шиш с маслом, вот! И того много!

ЕФИМИЯ. Хлеб-то общинный, дядя, и скот общинный...

ТРЕТЬЯК. Дык што? Не все люди одинаковы, говорю тебе. Кесарю — кесарево! А яства и вина на столе моём — не общинные, на рухлядь свою у купца выменял.

ЕФИМИЯ. Грешно, дядя, на одной оглобле в рай ехать.

ТРЕТЬЯК *(плюнул)*. Худая та птица, зело борзо, которая своё гнездо марает.

ЕФИМИЯ. Худая, дядя, худая. Та птица коршуном прозывается.

ТРЕТЬЯК. А сама ты... коль про общинное болеешь... сама сколь свечей пожгла? День и ночь палишь.

ЕФИМИЯ. Не твоё, дядя, палю — своё.

ТРЕТЬЯК. Общинное, общинное! Воску-то в твоей избе чай пуда три. Богатство какое!

ЕФИМИЯ. Воск Мокеев и мой. И рухлядь в избе Мокея и моя.

ТРЕТЬЯК. Общинные, общинные.

ЕФИМИЯ. Тогда и твоя рухлядь, дядя, общинная. И воск у тебя общинный. Пуда два будет. Сама видела. Отдай свой воск и рухлядь всю, и я отдам свой воск и рухлядь...

ТРЕТЬЯК. Блудница, нечестивка! Я тебя от погибели спас, а ты так отрыгнула благодать? С каторжником снюхалась? В общине проживает, а голову набок держит. Уйдёт из общины и заявится к губернатору с повинной: вяжите, мол, да милуйте, из побега возвертаюсь с прибылью, возьмите, скажет, сотню казаков, там в общине пятьдесят семь каторжников хоронятся. Сыскные собаки не взяли, а я вот всех один накрыл. Хвально будет... Может, и сговорился уже? Небось к нему спешишь, сука?

ЕФИМИЯ. Изыди, сатано! Сгинь! С дороги! *(Уходит, Третьяк сторонится.)*

ТРЕТЬЯК *(вдогонку)*. Пуля уже отлита для щепотника. Ужо заглотит, тать болотная! *(Уходит.)*

Суперзанавес поднимается, у рябины Лопарев ждёт Ефимию. Появляется она.

ЛОПАРЕВ *(бросается навстречу)*. Ефимия!

ЕФИМИЯ. Пусти, Александра.

ЛОПАРЕВ *(целует в губы, глаза, руки)*. Жена моя...

ЕФИМИЯ. Да пусти ж... Богородица пречистая, помоги мне!

ЛОПАРЕВ. Довольно молитв, хватит! Жить надо, жить!

ЕФИМИЯ. Как жить-то, Александра?

ЛОПАРЕВ. Друг для друга... Ты для меня — как солнце!

ЕФИМИЯ. И солнце уходит за тучи.

ЛОПАРЕВ. Не вечно оно в тучах.

ЕФИМИЯ. Не вечно... Может, и на душе моей настанет просветление. Погоди.

ЛОПАРЕВ. Не гони меня, я муж твой перед господом богом...

ЕФИМИЯ. Нет покоя на сердце, Александра, нету! Одной надо побыть. Не хочу, чтобы зрил ты меня в смятении и в тумане.

ЛОПАРЕВ. Но ты нужна мне всегда: и в смятении, и в радости... Горе, которое свалилось на нас в ту страшную ночь, не вытравить одиночеством ... Если я виноват в чём, прости...

ЕФИМИЯ. Ты ж не сидел в ту ночь на судной лавке, ты не ходил за Веденейкой в избу Ларивона, глаза твои не зрили, как коршун терзал моё тело... Не ты, Александра, не ты... И не ты вырвал посох из рук сатаны, не ты заставил апостолов петь себе аллилуйю... Ты, Александра, пошёл против сатанинского престола постоять же за себя, за любовь, за общину не сумел...

ЛОПАРЕВ. Прости меня, Ефимия...

ЕФИМИЯ. За что прощать-то?

ЛОПАРЕВ. Святая — ты!

ЕФИМИЯ. Кабы святая была, то дядю параличом разбила! И руки, и ноги отняла бы, чтоб лежал он на сундуках своих и не зрил, как свинья, неба! Тяжко мне знать, как Третьяк хозяйством правит, как золото общинное к рукам прибрал. Сколько того золота, ведаешь? Сундучок видел? Более трёх пудов в том сундучке! Филарет и Филипп строжайший поморцев мытарили, рыбаков... На Волгу, в Сибирь гоняли пустынников за данью... Копили золото по крупице, чтобы восстание поднять против царя-ирода, на доброе дело копили, а золото — коршуну в руки досталось, слышь? И тот коршун — дядя мой. Легко ли?

ЛОПАРЕВ. Как же быть?

ЕФИМИЯ. Не ведаю. Ни умом, ни сердцем. Молюсь, а просветление не находит. Буду молиться...

ЛОПАРЕВ. А если не с богом — с народом поговорить?

ЕФИМИЯ. Ох, Александрушка! Народ-то наш тёмный, забитый. То Филарет его мучил да стращал, то хитрый Калистрат увещевает и тьмой глаза застилает.

ЛОПАРЕВ. Тогда уйдём из общины!

ЕФИМИЯ. Не будет того.

ЛОПАРЕВ. Но почему?!

ЕФИМИЯ. Община — спасение наше от мирской скверны, от барской неволи, от царских судов и каторги. Али ты не в цепях приполз?

ЛОПАРЕВ. Не все в России в цепи закованы.

ЕФИМИЯ. Не все. Потому что смирились и силу свою во зло обратили. Развратом живут, блудом, пьянством и лихоимством.

ЛОПАРЕВ. Не все же ...

ЕФИМИЯ. Иные по избам-клетям прячутся, как раки в речных норах.И то жизнь? И то вольная волюшка?

ЛОПАРЕВ. Ты молишься день и ночь, чем лучше?

ЕФИМИЯ. На моём теле ещё не сошли коросты от пыток, а душа кровью точит. Закроются раны мои, если богородица услышит меня.

ЛОПАРЕВ. Ты сорок дней молилась — не услышала!

ЕФИМИЯ. Услышит, услышит.

ЛОПАРЕВ. Будем молиться вместе.

ЕФИМИЯ. Нет-нет, нельзя нам вдвоём, коли, души разные... Не мешай, Александра, уходи.

ЛОПАРЕВ. Я боюсь, убьют они тебя.

ЕФИМИЯ. Не убьют! Разве убил меня собор? А Филарет разве убил меня? Сам в могилу смотрит, а я живая. И жить буду!

ЛОПАРЕВ. Ефимия! Я не оставлю тебя!

ЕФИМИЯ. Прошу ещё одну ночь. Только одну. А теперь уходи. Оставь меня.

Лопарев уходит. Опускается суперзанавес. Встречается Лопарев и Калистрат.

КАЛИСТРАТ. Спаси тя Христос, барин.

ЛОПАРЕВ. Я не барин — беглый каторжник.

КАЛИСТРАТ. И то правда.

ЛОПАРЕВ. И горжусь тем, что пострадал за Россию, за народ русский.

КАЛИСТРАТ. Народ? А что народ? Ты спрашивал его, нужно ему то? Лямку он свою тянет да зелье хлобыстает, да песни орёт на всю Русь-матушку. Где у него прозренье? Где злоба? Нет ни прозренья, ни злобы, а лишь ярмо на шее. И поделом!

ЛОПАРЕВ. Что-то новое в старой вере.

КАЛИСТРАТ. Нет у нас лютости филаретовской, вот.

ЛОПАРЕВ. Но вера — одна, бог — один.

КАЛИСТРАТ. Бог, он завсегда еси не втуне, а в рёбрах.

ЛОПАРЕВ. Сами боги, значит.

КАЛИСТРАТ. Да не лучше Вы нас, барин... Цепи царские... Да кто у нас на Руси не носил их?! Взять хотя б Третьяка... Подбивал солдат на восстание. Кабы восстание свершилось да Наполеон помог бы, не устоять престолу... А верижник Лука? Хитро ль сказать — дикарь. А ведомо ли Вам: у дикаря Луки родословная

такая ж древняя, как Русь христианская. Назови Лука свою фамилию и род свой — Ваша потемнеет, как медь от сырости... Или взять хотя бы меня... В дома Орловых, Анненковых вхож был, духовную академию кончал... Быть бы мне давно архиереем или профессором богословия... И заметьте: не убивал никого.

ЛОПАРЕВ. И мысли такой не держу.

КАЛИСТРАТ. Отчего ж в сторону нос воротите?

ЛОПАРЕВ. Народ — в землянках, в холоде и в голоде, а сами вы? *(Уходит.)*

КАЛИСТРАТ. А сами-то мы с усами и мотаем себе на ус. *(Оставшись один, раздумывая.)* И посох в руках, и крест золотой на груди, но нет покоя мне, и давит золото грудь. Чую запах крови. *(Смотрит на руку, три пальца соединяются вместе.)* Уйду! И пусть низринется сие гнездо в тартарары! *(Крестится тремя пальцами, занавес.)*

Картина третья

Через суперзанавес видна Ефимия, вся в белом, стоящая на коленях перед рябиной, в руках сжимающая иконку богородицы и молящаяся ей. Надвигается гроза. Позади Ефимии мелькнула тень с ружьём. Это Лука. Спрятавшись, Лука наблюдает, момент подходящий, поднимает ружьё — осечка. Спускает курок ещё раз — громовые раскаты, сполохи, в которых происходит свечение рябины. Ефимия вздрагивает, поднимается, пятится от рябины, потом с возгласом «Прозрела!» кидается к ней. Занавес поднимается.

ЕФИМИЯ. Слава тебе, пресвятая богородица! Прозрела я! Прозрела! *(Мечется, машет руками.)* Люди! Люди!!

ЛУКА *(стоявший до этого момента в оцепенении от суеверного страха, бросает ружьё и орёт)*. С нами крестная сила! *(Бросается наутёк.)*

Шум, гомон, крики, появляются люди: Калистрат, Третьяк, Лопарев и др.

ГОЛОСА. Ефимия! Благостная! Прозрела!

ЕФИМИЯ. Слышу, слышу, богородица пречистая! Люди, здесь вы? Видение было мне! Богородица сама явилась мне

под рябиной! Всех на всенощное моленье! И я скажу вам волю богородицы!

ГОЛОСА. Погибель будет! Погибель нам!

КАЛИСТРАТ *(обеспокоенный)*. Да она сама не в себе!

ТРЕТЬЯК *(встревоженно)*. Глядеть за ней надобно, зело борзо, глядеть...

ГОЛОСА. Благостная богородицу зрила!

Погибель будет!

Ой-ёй, конец света!

ЕФИМИЯ. Знамение, знамение было!

ТРЕТЬЯК *(рычит)*. Притихни, зело борзо.

ЕФИМИЯ. Коршун, коршун!

КАЛИСТРАТ *(крестясь)*. Умучилась, благостная... Отоспись, Ефимия, и будет мир в твоей душе.

ЕФИМИЯ. Изыди, алгимей! Щепотью молишься, иуда! Вижу, всё вижу! Ко лбу несёшь ладонь, а большой палец подогнул к двум перстам!

КАЛИСТРАТ. Повязать бы её, Третьяк...

ТРЕТЬЯК. Надо бы, зело борзо. *(Зовёт Луку.)* Верёвку мигом!

ЕФИМИЯ. Алгимеи! Слово не свяжете! Слово богородицы из уст в уста по всей общине разойдётся!

ТРЕТЬЯК. Цыц, срамница!

ЕФИМИЯ. Не дядя ты мне, Третьяк! Сатано ты! Не скрыть тебе пред богом душу свою чёрную. Нету в тебе бога — корысть одна да жадность! В чьих руках общинное золото, которое ты с Калистратом забрал у старца? Где оно, то золото?

ТРЕТЬЯК *(взбеленился)*. Я те кляп забью в рот!

ГОЛОСА. Не займай благостную, Третьяк, худо будет!

ТРЕТЬЯК *(Гавриле, Никите, что пришли с ружьями)*. Разогнать всех!

ЕФИМИЯ *(к подбегающему Лопареву)*. Александра! Спаси меня! От Калистрата и Третьяка спаси! Затеяли извести меня с бела света... Видение было мне: богородицу зрила, и сказала она: Калистрат с Третьяком загубят общину!

ТРЕТЬЯК. Врёшь, стерва! Совсем рехнулась от блуда!

ЕФИМИЯ. Это ты врёшь, гордоус треклятый! Не лишилась ума я, нет! Волк ты, не человек! Али не грабил Москву с французами? Не убивал русских, какие шли насмерть за Русь? Убивал, убивал! Помню я, всё помню! И в общине учинишь смертоубийство! Волк ты, волк!

ТРЕТЬЯК. Змеища! Ехидна! Тварь!! *(Хватает Ефимию за горло, душит.)*

ЛОПАРЕВ. Прочь, негодяй! *(Бросается на Третьяка, отбрасывает его от Ефимии.)*

ТРЕТЬЯК. А, барин!.. В кровь твою барскую! *(Выхватив нож, бросается на Лопарева, Лопарев раненый оседает на землю.)*

ЕФИМИЯ. Александра!! Александра-а-а... *(Падает ему на грудь.)*

ЛУКА *(мечется)*. Иисусе Христе! Иисусе Христе! Спаси мя!

Третьяк исчезает.

КАЛИСТРАТ *(крестится троеперстием)*. Господи прости мя грешного. *(Уходит.)*

ЕФИМИЯ *(причитает)*. Александрушка! Возлюбленный мой... сладостный мой, слышишь меня, это я, подружья твоя, Ефимия...

ЛОПАРЕВ. Умираю, Ефимия, прости...

ЕФИМИЯ. Нет, нет, Александра, ты не умрёшь! Я дам тебе богатырь-траву, и ты будешь жить!

ЛОПАРЕВ. Я ранен в самое сердце...

ЕФИМИЯ. Я все травы соберу... Я знаю, где есть чудо-трава, корень жизни.

ЛОПАРЕВ. Не там корень жизни, не там, где мы искали... не там...

ЕФИМИЯ. Ещё найдём... Енисей — великая река. Она близко. Лесу там — хоромы строить, и от царя далеко — не дотянется. Туда мы и уйдём с тобой, Александра, и пустим корни в землю сибирскую. Как вольные птицы заживём, и хлеб сеять в тайге, и зверя промышлять... Там — наше Беловодьюшко.

ЛОПАРЕВ. От самих себя не уйти... Мы заражены насилием, и заносим его всюду, где появляемся...

ЕФИМИЯ. Божье наказание то.

ЛОПАРЕВ. Бог — это фиговый лист, которым прикрывается срамота.

ЕФИМИЯ. Не кощунствуй, Александра, грех то.

ЛОПАРЕВ. Мне... некогда грешить... я ухожу... совсем... Ефимия... *(Умирает.)*

ЕФИМИЯ *(тормошит)*. Александра! Муж мой сладостный!

Над Ефимией вырастает огромная косматая фигура Мокея, сына Филарета.

МОКЕЙ *(свирепея)*. Ах, ты стерва! Так-то ждёшь мужа свово! *(Откидывает Ефимию от Лопарева, замахивается — видит, он мёртв, подступает к Ефимии.)* Змея! Блудница! Убью!!

ЕФИМИЯ. Убивай! Как убивал меня батюшка твой! Души, как удушил он Веденейку нашего, внука своего!

МОКЕЙ *(растерялся)*. Што с Веденейкой! Што с милым сыночком моим приключилось?

ЕФИМИЯ. Батюшка твой Филарет отослал тебя подале, чтоб меня и сыночка порешить. Веденейку, опору мою удушили звери окаянные, души и меня, иродово семя! Души! Гляди, что сделали они со мной *(Срывает кофту.)*

МОКЕЙ *(хватаясь за голову)*. Сыночка мово, Веденейку! Чадо моё светлое! Красавца мово у-у-уду-ши-и-или-и! А-а-а!.. *(Плачет.)* Кто возвернёт мне сыночка? Кто чадо моё светлое возвернёт? Духовник! Иисус Христос? Сатано?

ЕФИМИЯ. У батюшки своего спытай — не у бога.

МОКЕЙ. Где бог? Куда зрит?

ЕФИМИЯ. Изыди! Не богохульствуй! И гром тя не ударит...

МОКЕЙ. Не ударит... Нет у него грома! Нет у него молний! Нет у него ушей! Нет у него глаз — ничего нету! А есть туман, какой люди напустили, штобы огнём-полымям жечь друг друга, молитвами да постами мучить, да младенцев душить!

ЕФИМИЯ. Свят, свят, свят! Срамно так глаголить...

МОКЕЙ. Срамно? Удушить чадо малое во имя Иисуса — то не срамно? Иисус повелел? Давайте мне тово Иисуса, я его на Голгофу распинать буду, я его огнём пытать буду, я его душить буду! За коросты твои, за Веденейку удушенного — нонешнюю ночь суд вершить буду. Один супротив всех верижников и паче того — апостолов поганых. Супротив бород сивых и чугунных! Обмолочу головы, а потроха — в землю! На три сажени! Трепещите, алгимеи!!!

Картина четвёртая

Моленная изба. Филарет на цепи.

ФИЛАРЕТ *(молится)*. Восстань, господи, во гневе своём,

подвигнись супротив врагов лютых, сиречь еретиков, и дай им суд и кару! *(Выпрямляется.)* Мокей! Богатырь-славушка! Куда запропастился ты? Аль тебя слуги сатанинские скрутили, аль звери слопали? Не верю! Нет силы такой, чтоб Мокея мово пересилила! Прасковьюшка народила мне токо двух сыновей, да зато на диво всему Поморью. А помочь, где она? Ларивон близко, да не смеет супротив еретиков выступить, а Мокеюшка — далече... Не ведает он, что повязали меня собаки поганые...

Появляется Калистрат, он явно спешит.

КАЛИСТРАТ. Ну, пугачёвский прихвостень, в последний раз я пришёл. Скажешь, где остальное золото?

ФИЛАРЕТ. Ещё чуток погодь, скажу...

КАЛИСТРАТ. Тешишься надеждой, как дитя неразумное сколочком... А что я удумал и не ведаешь. Не будет ни Ларивона, ни Мокея, ни тебя, пугачёвца...

ФИЛАРЕТ. Врёшь, собака поганая! Мне, старику, знаю, не жить... Пожил своё, не жалею о том... Жалею токо, что жёг еретиков мало, душил мало, что тебя, брыластого борова, в свой час не порешил, а ведь раскусил тебя, иуду, загодя... Пусть не жить мне на свете, да токо дело моё веки вечные не умрёт... Сын мой, Мокей доведёт до разума то, чего я не смог. Сын мой, богатырь мой, надежда моя!

КАЛИСТРАТ. Даю тебе, сердешный, одну минуту... Не скажешь, где золото, жандармов вызову — и не останется от общины камня на камне! Всех оглаголю!! Всех упеку в тартарары!!!

Филарет явно даже от Калистрата не ожидал такого удара. Бросился на него — цепь натянулась и обмякла. Старец зарыдал.

ФИЛАРЕТ. Калистратушка, бери золото, бери жизнь мою непотребную, всё бери, токо общину не губи, старую веру не губи... Сыновей моих... возьми сыновей моих, токо веру, веру не губи... *(Обессилел.)*

КАЛИСТРАТ. Где золото? *(Нервничает.)*

ФИЛАРЕТ. Скажу тебе, Калистратушка, скажу... Клятву дай... перед господом богом, что не погубишь общину!

КАЛИСТРАТ. Даю.

ФИЛАРЕТ. Перед иконами. На колени!

Калистрат спешит в красный угол, становится на колени. Слышен шум. В избу врывается Мокей, голова под потолок, без войлочного котелка, кудрявая, мокрая, синие глаза вытаращены, дикие. Кожаные штаны, натёртые от долгой езды в седле, вздулись пузырями на коленях. Ворот холщовой рубахи разорван от столбика до пупа. Богатырская грудь вздымается, как кузнечный мех.

ФИЛАРЕТ *(весь подался навстречу)*. Сыночек мой! Красавец мой! Ненаглядный! Гляди, гляди, что они сделали со мной. *(Замечает, что Калистрат, как был на коленях, так и ползёт к выходу.)* Калистрата, иуду держи! Уползёт, змея!

МОКЕЙ *(и не глянув на Калистрата, приближается грозно к отцу)*. Убивец.

ФИЛАРЕТ *(съёжился под взглядом сына)*. На чепи сатанинские зри... Посадили отца твоего на чепи... Иуды...

МОКЕЙ. Убивец! Сына мово Веденейку удушил!

ФИЛАРЕТ *(опускается на колени)*. Иисусе Христе, вразуми сына моего...

МОКЕЙ. Иисус твой и ты с ним — убивцы! Кровопивцы!

ФИЛАРЕТ. Опомятуйся, Мокеюшка... Бес вселился в тебя, сатано!

МОКЕЙ. Сам сатано! Ведаю про твою хитрость, сатано, ведаю. Знать, загодя убивство обдумал. Наказывал, штоб не возвертался я с Енисея, место с товарищами обживал... Чуяло моё сердце. Места не находил. На зверей хаживал — рогатина дрожала в руке... Знал, беда где-то, а где, не ведал. Выходит, родной отец — хуже зверя лютого.

ФИЛАРЕТ. Не кощунствуй, говорю, молчай! Прокляну!!!

МОКЕЙ. Не боюсь проклятий твоих... Ишшо парнишкой привык к ним... Аль не помнишь, как водил меня в подвалы каменные в большом соборе на Выге зрить пытки еретиков. Проклинали всех они! А што с того? Кости ломали тем еретикам, языки щипцами вытаскивали и ножом резали, уши резали, под ногти гвозди загоняли и жгли, жгли, жгли! Водил ты меня, штоб учился я изничтожать еретиков, а я проклял и тебя, и дело твоё поганое!

ФИЛАРЕТ *(поднимая обе руки и сотрясая ими)*. Проклинаю

тебя, еретик! Во веки веков! *(Взывая к богу.)* Услышь меня, Господи, боже мой!

МОКЕЙ. Молятся вам! Верят вам! А вы — сатано, не боги! За Веденейку мово, за пожжённых и замученных — вот вам, вот вам, вот вам! *(Срывает иконы и швыряет под ноги, срывает самую большую, шатаясь подходит к духовнику и опускает ему на голову, голова Филарета прорывает икону, а рамка остаётся обрамлять старца, его лицо становится восковым неподвижным.)*

Дверь широко распахивается, в избу входят жандармы, за ними Калистрат.

КАЛИСТРАТ. Вот они!

Занавес.

Картина пятая

У рябины. Скорбная неподвижная фигура Ефимии. Она вся в чёрном. На противоположном конце сцены — Калистрат, рядом с ним — исправник. Жандармы приводят всё новых и новых общинников. Калистрат называет их настоящие имена — «оглаголивает». Тут же им надевают наручники. Слышится звон цепей и протяжная печальная песня о закабалённой Руси.

ИСПРАВНИК. Старший Вы будете?

КАЛИСТРАТ. Меня избрали, да отрекаюсь я. Отрекаюсь!

ИСПРАВНИК. Кто будете?

КАЛИСТРАТ. Я уже имел честь доложить Вам... Имя моё, под каким был в духовной академии, Калита Варфоломеевич Вознесенский, дворянин Могилёвской Губернии. В 1811 году в день рождества Христова, был рукоположен в протопопы и оставлен при академии. Гордыней обуянный, расторг Духовные узы, отрёкся от православия и ушёл искать спасения в раскольничьем церковном соборе Поморья, где и сыскал себе погибель. Раскаиваюсь горько и прошу содействия Вашего в моём возвращении в лоно православной церкви.

ИСПРАВНИК. Я умею ценить услуги. Буду лично говорить о Вас с архиереем Тобольским.

КАЛИСТРАТ. Останусь Вам благодарным.

ИСПРАВНИК. Само собой разумеется. *(На вновь приведённого.)* А это кто?

КАЛИСТРАТ. Безбожник и еретик, по имени Мокей, сын пугачёвца Филарета, бывшего духовника общины.

ИСПРАВНИК. Пугачёвца, сказали?

КАЛИСТРАТ. Доподлинно. Филарет состоял духовником при Пугачёве.

ИСПРАВНИК. Вот так птичка!

КАЛИСТРАТ. А после Филарет был духовником в раскольничьем соборе на Выге, ушёл оттуда, сколотил общину, в которой прячутся закоренелые преступники. И сам он повинен во многих смертоубийствах. Посажен мною на цепь: поскольку огнём жёг многих людей, а внука своего на шестом годе — удушил.

ИСПРАВНИК. Ну и ну! *(На приведенного Третьяка.)* Этот, что за голубчик?

КАЛИСТРАТ. Это Третьяк, убийца, изменник и грабитель. Фальшивые деньги делал при французах. В Преображенском монастыре расправу учинил над русскими офицерами, какие верой и правдой отечеству служили. Был приговорён к смерти через повешение, да бежал в Поморье и богатый воровской дуван прихватил. Скрывался в общине филаретовской...

ТРЕТЬЯК. Врёт он, собака! Выслуживается, чтобы свою шкуру спасти.

КАЛИСТРАТ. Сущую правду говорю, Ваше благородье! Вот сейчас только смертоубийство произошло. Этот Третьяк зарезал беглого каторжника, государственного преступника Лопарева.

ИСПРАВНИК. Ка-а-к?! И Лопарев здесь?!

КАЛИСТРАТ. Так точно... теперь уж... труп, значит. Зарезан Третьяком.

ИСПРАВНИК *(вытирая пот)*. Ну и ну... Что ж это творится? Да здесь всех подряд заковывать — и на каторгу! Но как, как община могла пройти столько губерний?

КАЛИСТРАТ. Крепость огнём держалась. Калёным железом.

ЕФИМИЯ *(как бы очнулась от имени Лопарева)*. Христопродавцы! Алгимеи треклятые! Убивцы!

ИСПРАВНИК. Что за баба? Взять!

КАЛИСТРАТ. Бесноватая, Ваше благородие. Ума лишилась. Жена Мокея Филаретова. Сына её удушил старец, вот она и спятила. От смерти я её спас: пытали её дико.

ИСПРАВНИК. Оставьте в покое.

ЕФИМИЯ. Убивцы! Алгимеи! Слуги сатанинские!

КАЛИСТРАТ *(на приведённого Луку)*. Верижник Лука, из рода княжеского. Зарезал брата и отчима за родовое имение. В общине хоронился.

ИСПРАВНИК. Сколько же всего, каторжных?

КАЛИСТРАТ. Пятьдесят семь.

ИСПРАВНИК. Пятьдесят семь?! Оле-лё! Ай-я-яй! Сон! Сон! Вай-вай-вай!

Вводят Ларивона.

ИСПРАВНИК. Что за чудище?

КАЛИСТРАТ. Ларивон, второй сын Филарета, исполнитель сатанинской воли родителя душегуба.

ИСПРАВНИК. Заковать!

Приводят Елисея, Иону. Иона мычит и всем показывает два пальца: еретики мол, сжечь. Елисей волочит гирю.

КАЛИСТРАТ. Апостолы Филарета. Это они в первую очередь повинны в сожжении Акулины с младенцем и многих других.

ИСПРАВНИК. Скрутить!

Ещё подводят общинников. Исправник только повторяет: «вязать», «скрутить», «заковать». Смеркает. Калистрат всё чаще тревожно озирается.

КАЛИСТРАТ. Ваше благородие! Не безопасно оставаться тут. Многие каторжники разбежались, да возвернуться могут и порешить всех.

ИСПРАВНИК. Всех заковали? Привязать друг к другу! Отправляйте!

Каторжников построили. Впереди — Мокей. Прозвучала команда. Каторжники двинулись. Ефимия выросла на их пути. Все остановились. Слышится окрик стражников: «Дура-баба, назад!» Ефимия опустилась на колени перед Мокеем и поцеловала цепи его на ногах.

МОКЕЙ. Подружия! Их ли лобызать?

ЕФИМИЯ. Долго тебе носить цепи, Мокеюшка, не чувствуй их тяжести, не сгуби в себе душу живую!

МОКЕЙ. Подружия моя! Едная! Не зрил... не понимал... мытарил... Прости.

ЕФИМИЯ. Бог простит. Поцелуемся, Мокеюшка, на прощание.

МОКЕЙ *(всхлипывая)*. Подружия! Светлая! Благостная! *(Целует.)*

ЕФИМИЯ. Первый раз, Мокеюшка, поцеловал ты жену. Первый и последний.

МОКЕЙ *(плача)*. Прости... Едная моя... Солнышко моё ясное...

ЕФИМИЯ. Ой-ёй, кабы так-то да раньше, Моке-юшка-а-а... *(Зарыдала.)*

СТРАЖНИК. Пшёл! Ша-гом ... арш! Арш!

Ефимия как бы вспомнив что-то подскочила к рябине, сорвала оранжевую как солнце, гроздь рябины и протянула Мокею.

ЕФИМИЯ. Помни, Мокеюшка, её помни. При дороге. Одну.

МОКЕЙ. Век помнить буду!

ЕФИМИЯ. Прощай, Мокеюшка!

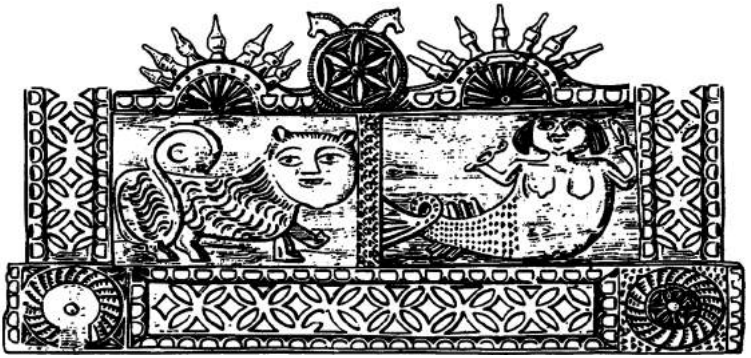
МОКЕЙ. Прощевай, подружия моя едная!

ЕФИМИЯ. Не губи душу живую, не корись тьме!

МОКЕЙ. Я ещё вернусь!

Занавес.

КОНЕЦ.



О чём молчит каменная баба

Драма в двух действиях, в семи картинах

Действующие лица:

КАРАТ Карл Андреевич
ТИМОФЕЕВ Вениамин Георгиевич } — директора соревнующихся совхозов.

Капиталина Сидоровна (КАПА) — жена Тимофеева.
ВАЛЕРА — их сын, фото-кинолюбитель
ЭММА — жена Валеры.
ТЕБЛЯШКИНА Элла — председатель рабочкома.
ГЛАША — секретарь.
ВЕЛИЧКО — агроном
ЯКОВ ЛУКИЧ — районное начальство.
ТЁТЯ МАША — повариха.
ПАВЕЛ — её сын.
СЕМЁН ПРОКОПЬЕВИЧ — чабан
СУРЛАНА — его внучка.
ДЯДЯ КОЛЯ — пьяница.

Действие происходит в Сибири на хакасской земле в 70-е годы XX века.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЕВ

Картина первая

Сумерки. Возле костра с трубкой в руках задумался старый чабан, дед Семён. В глубине видны древние могильные курганы с каменными стелами и каменной бабой, на которые падают розовые блики, тихо звучит песня чабана.

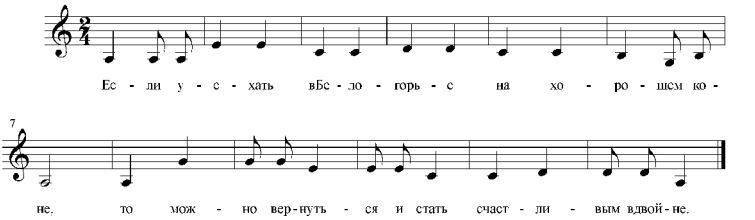
Песня чабана

Если уехать в Белогорье на хорошем коне,
то можно вернуться и стать счастливым вдвойне.

Если построить дом хороший, в нём будет тепло,
появятся дети в нём — будет всем весело...

Где-то за сизыми холмами — девять дочек-сынов,
они богатство моё и гордость моя.

Когда-то выехал из дома на седле золотом,
на серебряном я вернулся обратно в дом.



Из чабанского домика выбегает Сурлана.

СУРЛАНА. Дедушка — ужинать! Угре стынет...
ЧАБАН. Чем я тебя обидел, внученька?
СУРЛАНА. Ничем...
ЧАБАН. Так почему не предлагаешь мне чай?

СУРЛАНА. А кто будет суп есть?

ЧАБАН. Разве я не учил тебя: завтрак съешь сам, обед поделі с другом...

СУРЛАНА. ...а ужин съешь за двоих! *(Со смехом убегает в домик.)*

ЧАБАН *(улыбаясь)*. Шайтан-девка.

Появляется директор совхоза Карл Андреевич.

КАРАТ. Духов вызываешь, Семён Прокопьевич? *(Здоровается за руку.)*

ЧАБАН. Нет, однако... они — меня. Садись, Карл Андреевич, отдохни мало-мало... Чайком побалуемся... Сурлана!

СУРЛАНА *(за сценой)*. Несу! *(Появляется с пиалой, увидев директора, тушуется.)* Здравствуйте, Карл Андреевич.

КАРАТ. Здравствуй, невеста. *(Девушка тушуется ещё больше.)* Как сакманишь?

СУРЛАНА *(пожимает плечами)*. Хорошо. *(Не знает, кому отдать пиалу.)*

ЧАБАН. Этот чай — сама пей, а нам чайник неси... Заваривать сам буду.

СУРЛАНА. Хорошо, дедушка. *(Директору.)* А моя Золотиночка троих принесла!

КАРАТ. Знаю, знаю... Проверить пришёл... За ними ведь глаз да глаз нужен, слабенького — на подсос, да из кошары не выпускать: земля не отогрелась ещё... Стоит им лечь — простынут, как дважды два...

СУРЛАНА. Я знаю, дедушка мне растолковал всё. *(Уходит.)*

КАРАТ. Давно я за ней слежу: молодец!

ЧАБАН. Хороший девка.

КАРАТ. А Ваше здоровье как?

ЧАБАН. Хорошо.

КАРАТ. А здоровье хозяйки?

ЧАБАН. Тоже хорошо.

КАРАТ. Не болеете, это хорошо.

ЧАБАН. Нельзя болеть, окот завершить надо.

Сурлана приносит чайник с водой, вешает над костром.

СУРЛАНА *(подаёт коробку)*. Вот чай... Я не нужна?

ЧАБАН. Однако, нет...В кошару загляни.

СУРЛАНА. Бегу. *(Уходит.)*

ЧАБАН *(перебирает пачки чая в коробке)*. Михаил прислал... Это вот — китайский, это — цейлонский, это — индийский, это — наш... Самый вкусный чай получается, если смешать всё поровну и добавить наших сибирских трав.

КАРАТ. Не забывает Михаил — молодец. Жена Михаила родила?

ЧАБАН. Нет ещё.

КАРАТ. По моим подсчётам — должна.

ЧАБАН. Может, в конце месяца... Нет, в июне, однако...

КАРАТ. В науку по уши залез, а Кильбену помнит.

ЧАБАН. Не хороший тот человек, кто колыбель свою забывает.

КАРАТ. А Найда поёт?

ЧАБАН. Поёт, хорошо поёт. Сурлана — вся в мать, и голос не хуже... Спрашиваю: школу окончишь, куда поедешь? Говорит: тут, в Кильбене останусь... Я, говорит, дедушка, тебя никогда не брошу.

КАРАТ. А я думал, чудак, Сурлана из-за Павла за Кильбену держится, а это, оказывается, — из-за дедушки с бабушкой... *(Смеются.)*

ЧАБАН. Павел — хорошо, добрый конь — в жеребёнке виден.

КАРАТ. Тесновато ему в Кильбене, на большие просторы вырваться норовит, уедет он — вся молодёжь за ним валом покатит, останется — всех удержит... Павел — вожак, по учёному — биологический лидер.

ЧАБАН. Гнилой верёвкой коня не лови.

КАРАТ. Кто, чем удержит его? Разве что... Сурлана?

ЧАБАН. На ласку узды не накинешь. *(Снимает чайник, готовит напиток.)*

КАРАТ. А как же сам поступал?

ЧАБАН. Я-то?

КАРАТ. Да, как сам поступал с женой?

ЧАБАН. С которой? С этой? Это у меня второй баба. Её скарамчил я.

КАРАТ. Вот видишь скарамчил, украл, значит... А первую?

ЧАБАН. Первую? Первую, однако... тоже скарамчил. *(Смеются.)* Баба не мужик, её за узду водить надо.

КАРАТ. Сейчас не поймёшь, кто кого за узду водит.

ЧАБАН. Пей чай — и всё поймёшь. Чай мысли будит и кровь горячит.

КАРАТ *(берёт пиалу)*. От мыслей и дум — голова кругом с утра, а к вечеру — как орех, трещит: где взять то, где это, а сверху всё жмут: давай, давай.

ЧАБАН. За плохое не держись, а хорошее не отпускай.

КАРАТ. Сначала рассмотри, где хорошее, где плохое... Глядишь — светится, хвать — труха...

ЧАБАН. У нас гора есть. Изых называется...Там, под кремнистым утёсом родник бьёт, воду эту пить чаще надо, однако... Старые люди говорят, помогает землю понимать.

КАРАТ. Вот бы этой водой да наших учёных попотчевать! Да ведь им, чтобы на гору залезть, с высоты спуститься нужно!

ЧАБАН. Хорошо говоришь, Карл Андреевич. Понимает землю, кто по земле идёт. Земля проста, как мать. Она тебя в малолетстве кормила, и ты ей, возмужав, помоги, не тяни с неё соки всю жизнь...

КАРАТ. Я к тебе за советом, Прокопич, решить задачку одну... сложную.

ЧАБАН. Всё просто в жизни: и колыбели, и могилы,

КАРАТ. Район сеять начал...

ЧАБАН.А ты погоди мало-мало.

КАРАТ. И я так думаю, хлеба могут не дотянуть до первых дождей... Когда они у нас ожидаются?

ЧАБАН. Однако... после двадцатого.

КАРАТ. Посеять сейчас — погибнут хлеба под солнцем, осень сухая была, влаги мало, не хватит её, не хватит.

ЧАБАН. Не-е-ет, не хватит. Овцам хватает, хлебу — нет. На овечку равненье держи, директор. Овца — всему голова.

КАРАТ. Увы, это так.

ЧАБАН. Вот и порешили вопрос...

КАРАТ. Ничего мы не порешили, а если хлеб не высеять сейчас, а он под снег угодит?

ЧАБАН. Может и угодить, всё может. Хлебу снег страшен, овце снег не страшен. Ни солнце, ни снег.

КАРАТ. Я — как наша пшеница, живу между солнцем и снегом, и бросает меня то в жар, то в холод!

ЧАБАН. Хоть и толкуют: хлеб всему голова, да нам лучше с овцой жить: овца кроткая, всегда молчит, худо ей, хорошо ли.

КАРАТ. Вам — лучше, а ей? *(Смеются.)*

ЧАБАН *(ещё наливает чай)*. Пей чай — и всё будет хорошо.

КАРАТ. Хорошего — по-маленьку. Много чая пить — сердцу вредить.

ЧАБАН. Мой отец чай пил — сто лет жил.

КАРАТ. Секрет долголетия не в чае.

ЧАБАН. А в чём тогда?

КАРАТ. Секрет тут, как доктора говорят, в ретардации.

ЧАБАН. Ретардация — не знаю. Что такое ретардация?

КАРАТ. Ретардация — это значит: жри меньше.

ЧАБАН. Сегодня чабан не покормит овцу, завтра от директора выговор получит.

КАРАТ. И правильно сделает директор.

ЧАБАН. Тогда как же понимать?

КАРАТ. Животных мы для себя откармливаем, а не для их пользы. Жизнь гуся длится до пасхи, а человеку нужен долгий век.

ЧАБАН. Без чая не прожить долго.

КАРАТ. А чефиристы долго живут?

ЧАБАН. Если не чай, то что пить? Араку?

КАРАТ. Водку — по праздникам, чай — по субботам, воду — три раза в день.

ЧАБАН. Без чая заболеешь однако.

КАРАТ. А заболеешь — травку завари.

ЧАБАН. Какую?

КАРАТ. Кому что идёт, я, например, крапивой лечусь.

ЧАБАН. Крапива — это хорошо... и для леченья, и для ученья.

КАРАТ. Ревматизм мой только её и боится, в баньке крапивный веничек запарю, отхлестаю себя — и как рукою снимет!

ЧАБАН. С крапивой я и мой первый баба тоже не разлучались.

КАРАТ. Хорошо помогала?

ЧАБАН. Однако, неплохо... Помню, привёз я свою Айирку в Абакан, подарки дарил, в кино водил... Долго ходили, устали мало-мало. Сели отдыхать, беседуем. Хорошо. Вдруг я замечать стал, Айирка какой-то беспокойный сделался. Я давай смешные истории рассказывать, а она чуть не плачет, что за шайтан, думаю, воду мутит, не испортил бы девку... Спрашиваю: есть хочешь? — Нет. Пить хочешь? — Нет, я и так много пила, а куда пойти, не знаю: люди кругом. Тут я догадался, что

ей надо. Туда — сюда... некуда идти, город — это не степь, за холм не спрячешься, а у Айирки, вижу — искры из глаз. Затащил её за ограду и загородил собой, нет, говорю, никого... но вдруг Айирка как заверещит и с места намётом — по улице... Еле-еле догнал.

КАРАТ *(смеясь)*. На крапиву села?

ЧАБАН. На крапиву.

КАРАТ. А Вы как лечились, также?

ЧАБАН. Я-то? По-другому, однако... На свадьбе напился я, хорошо напился, спать захотел — мочи нет, покрутился я, покрутился и побрёл во двор, там и завалился, где трава повыше да погуще была, шайтан бы её побрал! Просыпаюсь с рёвом, почудилось мне, что меня в костёр мордой сунули, горит она, спасу нет, раздуло её не меньше, чем у соседского директора...

КАРАТ. А Вы, значит, в крапиву — лицом?

ЧАБАН. Шайтан попутал, много дней людям на глаза не показывался...

КАРАТ. Рассмешили Вы меня, Семён Прокопьевич — много лет не смеялся так. Грешным делом думалось разучился смеяться... Нет, ещё могу.

ЧАБАН. Каменная баба — не смеётся.

КАРАТ. Смеётся тот, кто смеётся последний *(Задумался.)* Ну, да ничего. Спасибо, Прокопич, за чай, за науку. *(Подаёт руку.)*

ЧАБАН. Одно у нас солнце над головой, одна земля под ногами.

Чабан провожает директора, появляется Сурлана, подходит к каменной бабе.

СУРЛАНА. Меня зовут Сурлана. Я выросла на земле моих предков. Мой дедушка поил меня росой, которую собирал туеском с листьев и цветов в этой степи. Он мне говорил: когда я вырасту, каменная баба сможет исполнить одну мою просьбу. *(Становится на колени.)* Сделай так, чтобы тот, кого я люблю, никогда не покинул бы Кильбену... *(В костре полыхнул огонь.)*

Занавес.

Картина вторая

Кабинет директора совхоза. Тимофеев готовится к встрече гостя из района.

ТИМОФЕЕВ *(встаёт из-за стола, проходит по кабинету, оглядывая его как бы со стороны, открывает сейф, наливает стопочку коньяка, пьёт, закусывая ананасной конфетой)*. Ананас — лишь для нас... *(Вызывает секретаря.)* Глашенька, как наши акции?

ГЛАША. Подскочили, Вениамин Георгиевич!

ТИМОФЕЕВ. Отличненько! Режим... соблюдается?

ГЛАША. По всем статьям.

ТИМОФЕЕВ. На горизонте никто не маячил?

ГЛАША. Дядя Коля возникал.

ТИМОФЕЕВ. Убрали? *(Обеспокоенно.)*

ГЛАША. Так точно!

ТИМОФЕЕВ *(осклабившись)*. Чего ему?

ГЛАША. Аванса стал-быть...

ТИМОФЕЕВ. Не давать, всё равно пропьёт.

ГЛАША. Наклюкался уж...

ТИМОФЕЕВ. И откуда, сукин сын, деньги берёт?

ГЛАША. Давеча в город ездил, накупил голов, хвостов и копыт — хозяйки наши вмиг чуть с руками не расхватали!

ТИМОФЕЕВ. Налог с оборота, значит. Чёрт бы спекулянту ногу сломал!

ГЛАША. Пьяного бог бережёт.

ТИМОФЕЕВ. Вот и строй коммунизм с такими... Я бы всех этих пьянчужек — к стенке.

ГЛАША. Ой, Вениамин Георгиевич, стенки такой не сыщешь.

ТИМОФЕЕВ. Живут — ни себе, ни людям.

ГЛАША. Хлипкий нынче мужик пошёл, бесхребетный — хоть в узелок вяжи.

ТИМОФЕЕВ. Не завязался бы он вокруг шеи... Гляди, Глаша, в оба!

ГЛАША.У меня комар не просочится.

ТИМОФЕЕВ. Знаю, Глашенька, ценю... *(Угощает конфетами.)* Ана-насные!

ГЛАША. Ананасные? О таких и не слыхала.

ТИМОФЕЕВ. Человек живёт, чтобы увидеть невиданное, испытать незнаемое, вкусить неиспробованное... Вкушай, Глашенька.

ГЛАША. Спасибо, Вениамин Георгиевич. *(Пробует конфету.)* Вкуснятина — визжать хочется. И как Вы достаёте всякую невидаль?

ТИМОФЕЕВ *(самодовольно смеётся)*. Заговор знаю.

ГЛАША. А я могу узнать?

ТИМОФЕЕВ. Хочешь?

ГЛАША. Хочу.

ТИМОФЕЕВ. Тайны можешь хранить?

ГЛАША. Как каменная баба!

ТИМОФЕЕВ. Каменные — мне не нужны...

ГЛАША. ...как огонь!

ТИМОФЕЕВ. Это другое дело... Подставляй ушко — скажу. *(Шепчет на ушко.)*

ГЛАША *(вспыхнув)*. Какой Вы однако...

ТИМОФЕЕВ. Какой?

ГЛАША. Такой видный мужчина, а... как юноша.

ТИМОФЕЕВ *(польщённый)*. Ну, ну... ешь ананасные, вкушай, Глашенька, вкушай.

ГЛАША. Спасибо, Вениамин Георгиевич. *(Собираясь уходить.)* Вам ничего не нужно?

ТИМОФЕЕВ. Сводки.

ГЛАША. Сводки — на столе. Больше — ничего?

ТИМОФЕЕВ. Пока нет. *(Углубляется после ухода секретаря в сводки.)* Ай, да Веня! Ай, да молодец! Андреичу носа утёр! Ату его, ату! *(Довольно потирает руки.)* Сегодня кашу с маслом есть будем!

Входит Капиталина Сидоровна (КАПА), жена Тимофеева, пышная, экстравагантно одетая женщина средних лет.

КАПА. Ты почему, Веня, разрешаешь грызть орехи в конторе?

ТИМОФЕЕВ. Какие ещё орехи? Где?

КАПА. В коридоре, в углу, у кассы и на крыльце. Все ступеньки усыпаны.

ТИМОФЕЕВ *(вызывает Глашу)*. Проследи, чтобы мусор вымели.

ГЛАША.С утра было чисто.

КАПА. За рабочий день нащёлкали гору ореховой скорлупы. Срочно убрать!

ГЛАША. Я прослежу, Вениамин Георгиевич. *(Уходит.)*

ТИМОФЕЕВ. Ну?

КАПА. Что?

ТИМОФЕЕВ. Чего тебе?

КАПА. Ничего.

ТИМОФЕЕВ. Нарисовалась чего, спрашиваю?

КАПА. Так ведь Яков Лукич приезжает!

ТИМОФЕЕВ. Зачем ты здесь?

КАПА. Как зачем? Встречать.

ТИМОФЕЕВ. Дома будешь встречать...

КАПА *(увидев конфеты, набрасывается на них)*. Ай! Ананасные!

ТИМОФЕЕВ. Полегче... полегче... Не напирай... Как ни как — углеводы, а углеводами насыщаться тебе доктора не велят.

КАПА. Ох, уж мне эти доктора! Того нельзя, этого нельзя, что же остаётся?

ТИМОФЕЕВ. Каротин, лапушка. Он во всех кормах — самая соль!

КАПА. По-твоему, выходит, что я корова?

ТИМОФЕЕВ *(зло)*. Жена ты мне — вот кто!

КАПА. Думаешь, дура, намёков не понимаю...

ТИМОФЕЕВ. Я думаю только одно: вот-вот Яков Лукич нагрянет, а мы ерундой занимаемся!

КАПА. Ухожу, ухожу, если тебе родная жена в тягость.

ТИМОФЕЕВ. Да пойми ты...

КАПА. Понимаю, не хуже тебя... О кооперативке не забудь.

ТИМОФЕЕВ. Не забуду.

КАПА. Скажи, что всё из-за жены, мол, больная вся и прочее. Доктора велят.

ТИМОФЕЕВ. Кого учишь? Думаешь попросить у меня ума не хватит? С того ли, с другого боку, а подойти сумею... Сама-то с обедом не подкачай. Чтоб всё — честь по чести... сервис-консервис... Одним словом, фирму лицом подай... да бочоночки, те трёхлитровые, с мёдом и рыжиками...приготовь.

КАПА. На обед рябчики, что ли?

ТИМОФЕЕВ. Разумеется, наше, фирменное! Да масла не жалей, а чернослив югославский возьми... И ради бога, не засуши.

КАПА. Пелядка-то кончается.

ТИМОФЕЕВ. На днях съездим на Иткуль.

КАПА. Да пьянчугу того, дядю Колю, не бери больше: язык у него длиньше рук.

ТИМОФЕЕВ. Валерку возьму: свидетелей меньше, рыбы больше.

КАПА. Обед когда?

ТИМОФЕЕВ. Не знаю, ничего не знаю.

КАПА. Как же мне угадать?

ТИМОФЕЕВ. За полчаса я брякну... иди, иди!

КАПА *(подходя к окну, щупает, нюхает землю в горшках)*. Вень, откуда она?

ТИМОФЕЕВ. Кто?

КАПА. Земля.

ТИМОФЕЕВ *(подходит)*. Эта что ли? Эта — из Марьиной рощи.

КАПА. Нам бы такой землицы... цветы у нас дома болеют.

ТИМОФЕЕВ. Сколько тебе — самосвал-два? *(Смеётся.)*

КАПА *(вынимает целлофановый мешочек)*. И мешочка достаточно... *(Берёт конфеты.)* Да не забудь позвонить.

ТИМОФЕЕВ. Конфеты-то оставь... мне не жалко, но доктора...

КАПА. Но если мне хочется! Когда не поем сладкого, у меня голову обносит. *(Выходит, возвращается.)* Веня, апельсинов привезли лишь пять ящиков...

ТИМОФЕЕВ. Ну?

КАПА. Уж и пронюхали все, к горлу с ножом пристают: когда торговать начнёте? А чего торговать? Скажи, я их в детский сад прибрала.

ТИМОФЕЕВ. В самом деле так-то лучше.

КАПА. А Тебляшкиной своей накажи, чтоб Кравчуков ковром не манежила. Ты им когда ковёр обещал, когда?

ТИМОФЕЕВ. Так ведь предлагали им...

КАПА. Ага, предлагали... грязнозелёный... с гулькин нос.

ТИМОФЕЕВ. Ничем не могу помочь, сами отказались.

КАПА. Ты бы взглянул на Панну Мефодьевну... На ней лица нет.

ТИМОФЕЕВ. По ковру сохнет?

КАПА. Так ты ничего не знаешь?

ТИМОФЕЕВ. Не-ет.

КАПА *(взахлёб)*. Что её благоверный-то учудил: хворал, хворал, ходил, ходил в полуклинику — и закрутил с медичкой.

ТИМОФЕЕВ. Да ну?!

КАПА. Ну да! Долечила сучка.

Входит Валера, сын Тимофеевых, увешанный фото-кинокамерой.

ВАЛЕРА. Товарищ директор, Ваш нештатный фотокинокорреспондент с полной выкладкой явился в Ваше распоряжение!

ТИМОФЕЕВ. Сапожник ты, а не корреспондент. Такой материал запорол...

ВАЛЕРА. Вспомнил чего... Это было когда... Теперь я снимаю профессионально.

ТИМОФЕЕВ. Не брешешь?

КАПА *(заступилась)*. Собаки брешут, а Валера очень способный мальчик.

ТИМОФЕЕВ. Не тявкай, не тебя спрашиваю. *(Валере.)* Сегодня — сможешь?

ВАЛЕРА. Запросто... Камера вот только...

ТИМОФЕЕВ. Что? Сломал уже?!

ВАЛЕРА. Чего пасть раскрыл, сломал, сломал... Это же — «Киев», для детишек, лёгкая очень.

ТИМОФЕЕВ. Лёгкая не снимает?

ВАЛЕРА. Не в том дело... когда долго работаешь... понимаешь... руки трясутся. Пентафлекс — это вещь!

ТИМОФЕЕВ *(передразнивая)*. Руки трясутся... Пить не можешь — не пей!

ВАЛЕРА. Скажет же такое... Если хочешь знать, творческому работнику без вина никак нельзя: вдохновение не то.

КАПА *(с восторгом смотрит на сына)*. Настоящий корреспондент! *(Уходя.)* Так я пошла, Веня, не забудь просигналить за полчасика. *(Уходит.)*

ВАЛЕРА. Провернёшь, папа, не забудешь?

ТИМОФЕЕВ. Чего тебе?

ВАЛЕРА. Ну и дипломат, папа... будто не догадывается. Оранжевую, понимаешь, оранжевую, как жарки...

ТИМОФЕЕВ. Тебе К-700 что ли?

ВАЛЕРА. Ну и скажет же: жарки и К-700.

ТИМОФЕЕВ. Дело говорю: права у тебя есть, лоб ты здоровый, сезон отмашешь — талон в кармане...

Входит с папкой в руках председатель рабочкома Тебляшкина.

ТЕБЛЯШКИНА. Доброе утро, Вениамин Георгиевич.

ТИМОФЕЕВ. Доброе, доброе... Давно жду.

ВАЛЕРА. А мне доброго утра кто пожелает?

ТЕБЛЯШКИНА. Ваша жена.

ВАЛЕРА. От неё дождёшься...

ТИМОФЕЕВ. Там ожидай, за дверью. Но из конторы — ни на шаг. Проворонишь приезд — прибью.

ВАЛЕРА. Будет сделано! *(Лихо поворачивается кругом и чеканным шагом покидает кабинет, держа равнение на Тебляшкину.)*

ТИМОФЕЕВ. Ажур?

ТЕБЛЯШКИНА. Полный. *(Подаёт папку.)*

ТИМОФЕЕВ. Даты, цифры не перепутала?

ТЕБЛЯШКИНА. Вениамин Георгиевич, за кого Вы меня принимаете... Уверяю, комар носа не подточит...

Входит Эмма Карловна, ветврач, жена Валеры.

ЭММА. Я на минутку, Вениамин Георгиевич...

ТИМОФЕЕВ. Ой, как не время...

ЭММА. Но время не ждёт... откормочная площадка в аварийном состоянии, это же бывший арочник для овец, а теперь там бычки — двести голов!

ТИМОФЕЕВ. Знаю.

ЭММА. Стены там — как решето!

ТИМОФЕЕВ. Летом бычки не околеют от холода, а к зиме придумаем что-нибудь.

ЭММА. Хоть бы человека два строителей дали... стойла производителей подремонтировать да загон укрепить. Настолько обветшал он, что не только бык, но и человек, разозли его — разнесёт жерди в щепы

ТЕБЛЯШКИНА. Вы всё преувеличиваете, Эмма Карловна, как всегда. Я работала там, я знаю.

ЭММА. В том-то и беда, что Вы там работали... К быку Яшке теперь не подступись: на всех женщин бросается.

ТЕБЛЯШКИНА. Вениамин Георгиевич, я протестую! Это клевета!

ТИМОФЕЕВ. Не солидно как-то, Эмма... Во-первых, бык Яшка уже давно не Яшка, а Гром, пора бы привыкнуть к этому, а во-вторых, причём тут бык? Причём тут Тебляшкина?

ЭММА. А при том, что на работу она одевалась, как в цирк, какой бык мог вытерпеть такое.

ТЕБЛЯШКИНА. Ты хочешь, чтобы я фуфайку натянула, чтобы в крысёнка, как ты, превратилась, да?

ТИМОФЕЕВ. Ну что за народ — женщины! Ведь коллеги: зоотехник и ветврач, а сойдутся — пыль до потолка! Чего, кого вам делить?

ТЕБЛЯШКИНА. Она специально хочет снять строителей с моего объекта.

ЭММА. Доску показателей в объект превратили! В пирамиду Хеопса!

ТЕБЛЯШКИНА. По пирамидам, между прочим, о культуре судят. Пожалуйста, можете Доску показателей и с фанеры сварганить — пусть корёжится... *(Проводит пальцем по подоконнику.)* Вот она — культура. *(Показывает грязные пальцы.)* К нам — комиссия, а на окнах — пыль первобытная, цветы — запущены!

ТИМОФЕЕВ. Ну это уж — ни в какие окна... *(Вызывает Глашу.)*

ГЛАША. Я нужна?

ТИМОФЕЕВ *(кивает на окно)*. Мне следить за чистотой?

ГЛАША. Тут и без меня пылинке не дадут упасть. *(Бумагой стирает пыль.)*

ТЕБЛЯШКИНА. Дожились — цветы полить некому.

ГЛАША. Так от полива ни у кого руки не отсохнут. *(Поливает цветы, накалывается на кактус.)* Ой, цветы называются — жалятся, как осы. Ещё кому-то и нравятся эти колючки.

ТЕБЛЯШКИНА. Зато от них голова не болит, как от твоей герани. А экзотику ещё и понимать надо.

ЭММА. И понимать тут нечего — зря место в горшках занимают. *(Уходит.)*

ГЛАША *(уходя)*. Завтра ж и заменю их.

ТЕБЛЯШКИНА *(вослед)*. Не садила — не смей!

ТИМОФЕЕВ. Да будет вам... На окне цветам места хватит *(Выглянул в окно.)* Приехали! *(Выбегает.)*

Тебляшкина пудрится, красится. Входят Яков Лукич, Тимофеев.

ТЕБЛЯШКИНА. Здравствуйте, Яков Лукич!

ЯКОВ ЛУКИЧ *(кивает ей, продолжая разговор с Тимофеевым)*. Слышал, слышал...

ТИМОФЕЕВ. Стараемся из всех сил...

ЯКОВ ЛУКИЧ. Выкладывай, именинничек, выкладывай...

ТИМОФЕЕВ. Идём с опережением, Яков Лукич, вот, пожалуйста, Яков Лукич. *(Даёт сводку.)*

ЯКОВ ЛУКИЧ. Так, так. *(Просматривает.)* Молодцы! *(Расхаживает по кабинету.)* Значит, не зря я пластался с вами всю зиму.

ТИМОФЕЕВ. Не зря, Яков Лукич.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Значит так... Срочно готовь полную выкладку... Дадим подвал... Всё как полагается, с интервью, с портретом. *(Наливает воду.)*

ТИМОФЕЕВ. А может, боржомчику, Яков Лукич?

ЯКОВ ЛУКИЧ. А у тебя и боржом имеется?

ТИМОФЕЕВ. У меня всё есть, Яков Лукич!

ЯКОВ ЛУКИЧ. Всю дорогу мечтал: боржомчику бы... Ну, давай, давай, не томи.

ТИМОФЕЕВ *(достаёт боржоми)*. Закусочку не желаете? *(Разливает в фужеры.)*

ЯКОВ ЛУКИЧ. Нет-нет! *(Пьёт.)* Пожалуй ещё... *(Пьёт.)*

ТИМОФЕЕВ. Боржоми от жары — первое дело... и после обеда. *(Улыбается.)* Обедать, Яков Лукич, когда будем?

ЯКОВ ЛУКИЧ. Первое дело — борозда. Покажи товар лицом. Может, и к соседу нагрянем...

ТИМОФЕЕВ. К Андреичу?

ЯКОВ ЛУКИЧ. К нему, к нему... Вот он где, твой сват. *(Показывает поперёк горла.)* Хуже черепахи ползёт. Звякать только умеет.

ТИМОФЕЕВ.А как же Капиталина Сидоровна? Вторые сутки ждёт-не дождётся Вас... всё хлопочет... такой гость!

ЯКОВ ЛУКИЧ. Да, хозяюшка у тебя — клад. Как она?

ТИМОФЕЕВ. К периферии никак не приладится, сами понимаете, воспитание не то.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Кадры мы из периферии черпаем.

ТИМОФЕЕВ. Она, конечно, понимает, не век тут вековать,

да со здоровьечком что-то неладно... А всё из-за характера её... Она ведь у меня неугомонная, неудержимая... Детсад какой отгрохали? На всю область! Её заслуга... На нём и сгубила себя...

ЯКОВ ЛУКИЧ. Больна? Жаль. А я и не слышал.

ТИМОФЕЕВ. Вся больная: шея, руки, ноги хрустят... Смазки иль чего другого не хватает.

ЯКОВ ЛУКИЧ. А ты профессорам покажи. Могу порекомендовать.

ТИМОФЕЕВ. Спасибо, Яков Лукич, вот порадуете мою хозяюшку.

ЯКОВ ЛУКИЧ. А у самого как? Это? *(Показывает на сердце.)* Не того?

ТИМОФЕЕВ. Я человек железный, Яков Лукич, на меня можно валить — выдержу одним словом — коренник, любую поклажу повезу, скажите, куда лишь.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Да, побольше бы мне таких... Но Карат, Карат! Ведь он же и погладить себя не даёт!

ТИМОФЕЕВ. Пробовал я с ним... и по-родственному, и всяко... так, мол, и так, все мы — в едином строю, в одной упряжке, а ты — стороночкой, всё молчком, всё прицениваешься, прикидываешь да примериваешь...

ЯКОВ ЛУКИЧ. Да, в строю он не научился ходить.

ТИМОФЕЕВ *(хихикнув)*. Сидел много. *(Заметив неудовольствие, выправился.)* Отсиживаться в тылах у нас каждый горазд, а где, спрашивается, удаль наша сибирская?! Без риска в нашем крестьянском деле никак нельзя. Промашка иной раз и выйдет; конь о четырёх ногах и то спотыкается, а у человека — две. Что ж теперь ему на волосах ходить?

ЯКОВ ЛУКИЧ. Мы должны идти по земле твёрдо.

ТИМОФЕЕВ. Верите ли, Яков Лукич, жилы напряжены до предела, кажется, будто землю саму подпираешь плечами... Ну, думаешь, конец тебе, не выдержишь — и тут бы лишнее плечо... вместе бы, сообща... А выходит как? У одного — седьмой пот из тебя вон, а у другого — праздничек! А хлебаем все из одного котла.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Какой ещё такой праздничек?

ТИМОФЕЕВ. В мае, оказывается, ещё и праздник сева имеется, а мне думалось, что сев — это работа, даже не работа — а битва, атака!

ЯКОВ ЛУКИЧ. Это у Карата, говоришь, праздничек?

ТИМОФЕЕВ. Меня, конечно, это не касается. Хочешь — сей, хочешь — празднуй! Только за двоих воз тянуть я не намерен.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Как это не касается? Ты эти разговорчики мне брось! Коммунист ты или не коммунист?!

ТИМОФЕЕВ. Да я...да будь пожар или потоп — всё брошу, перво—наперво партбилет спасу!

ЯКОВ ЛУКИЧ. Подвиги теперь годами длятся. Такое время. Выполняйте свой долг коммуниста и хлебороба честно — вот, что требуется сейчас.

ТИМОФЕЕВ. Всеми силами стараюсь, Яков Лукич.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Мы вот что сделаем в первую очередь — маханём на праздник. Только бы не опоздать... Попляшут они у меня, повеселятся...

ТИМОФЕЕВ. А мне вроде бы и неудобно: скажет, привёз.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Как это неудобно? А кто с ним договор о соревновании подписывал, я или ты? А какое соревнование без взаимопроверки? Кстати, это партийное поручение. Проверишь, а результаты доложишь на бюро. Точка.

ТИМОФЕЕВ. Как никак, хоть и соперники мы по соревнованию, так сказать, но какая ни есть, а всё-таки родня, что ни говори.

ЯКОВ ЛУКИЧ. В партии сватов, братов — нету. Все — коммунисты. Едем.

Появляется Валера.

ВАЛЕРА. Вениамин Георгиевич, свободен?

ТИМОФЕЕВ. Вот, Яков Лукич, наш, так сказать, летописец... фотограф, кинолюбитель... снимает, скажу я Вам, профессионально.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Сын?

ТИМОФЕЕВ. Единственный.

ЯКОВ ЛУКИЧ *(пристально взглянув)*. Поедешь с нами.

ВАЛЕРА. С Вами, Яков Лукич, хоть на край света!

ЯКОВ ЛУКИЧ. За порогом дел невпроворот.

Все выходят. Вбегает Глаша, наблюдает за ними в окно. Задевает горшок, он падает на пол, разбивается.

ГЛАША. Ой!!!

Занавес.

Картина третья

Марьина роща на меже двух совхозов, над ключом склонились берёзки. Повариха тётя Маша откормила ребят из молодёжной бригады, последним является её сын Павел.

ПАВЕЛ. Товарищ кок, матрос первой статьи Павел Марьин явился для подкрепления!

ТЁТЯ МАША. Ой, мамочки, так ты ж ещё не ел у меня!

ПАВЕЛ. Так точно!

ТЁТЯ МАША. Где тебя сатана носит!?

ПАВЕЛ. По полю на железном змие.

ТЁТЯ МАША. Павлик,у меня ж и не осталось ничего... Где был? У людей — обед, а у тебя?

ПАВЕЛ. А у меня сальник пробило, с прокладкой провозился...

ТЁТЯ МАША. Я ж ещё спросила у ребят: все? Мне отвечают: все. Сурлана была, я и её покормила...

ПАВЕЛ. Так вот кто сожрал мою порцию!

ТЁТЯ МАША. Вот дура старая, сына оголодила... А тебе вечно больше других надо!

ПАВЕЛ. Вот и скажи после этого, что Мальтус не прав.

ТЁТЯ МАША. Сам ты Мальтус, взгляни на себя — кожа да кости.

ПАВЕЛ. Это у человека — главное. *(Стучит себя по лбу.)*

ТЁТЯ МАША. Ну, да с голода не подохнешь. Вон бери хлеб в кардоношном яшике, а молока хватит. *(Поднимает бидон перед собой в обхват.)*

ПАВЕЛ. Не таскай одна. *(Подбегает.)* Дай-ка!

ТЁТЯ МАША. Уйди! Помошничек мне... Надорвёшься, сердешный.

ПАВЕЛ. Ах так — есть не стану. *(Делает попытку уйти.)*

ТЁТЯ МАША. Да, стой, окаянный! Неси.

ПАВЕЛ. Пускай. *(Хочет взять также.)*

ТЁТЯ МАША. Куды обнимашь бидон — не баба, за ручку бери.

ПАВЕЛ *(несут за ручку)*. Ох, и вреднющая ты у меня, мам.

ТЁТЯ МАША. Уж какая на свет родилась. *(Наливает молоко.)* Пей.

ПАВЕЛ *(пьёт)*. М-да, мда-а...

ТЁТЯ МАША. Чего бубнишь?

ПАВЕЛ. Молоко, говорю...

ТЁТЯ МАША. Неужто прокисло? *(Пробует.)* Молоко как молоко.

ПАВЕЛ. Вроде бы ключевой водой отдаёт...

ТЁТЯ МАША. Ах, ты, сукин сын, ты што хочешь сказать... мать твоя молоко разбавляет?! *(Хватает половник, приближается к сыну.)* А ну, выливай молоко обратно в бидон!

ПАВЕЛ *(игриво отбегает)*. Мам, да я совсем не то хотел сказать.

ТЁТЯ МАША. Я тебя хоть раз в жизни накормила ворованным?!

ПАВЕЛ. Ну, что ты, мам? Я же пошутил.

ТЁТЯ МАША. Я тебе пошуткую... Подругу нашёл для шуток!

ПАВЕЛ. Пошла-поехала — не остановишь.

ТЁТЯ МАША. Я тебя остановлю, будешь знать, как с матерью шутейничать.

ПАВЕЛ. Может, мне лучше уйти?

ТЁТЯ МАША. Сядь и ешь мовчки.

ПАВЕЛ. Тогда ещё налей молочка.

ТЁТЯ МАША *(успокоившись несколько)*. Сама сроду чужого в рот не брала и детям своим не позволю.

ПАВЕЛ. А то я не знаю.

ТЁТЯ МАША. А што молоко такое — у коров спроси, чем кормили.

ПАВЕЛ. Одна уже по секрету шепнула: соломой.

ТЁТЯ МАША. Вот-вот, солома да силос... Вкус лугового молока скоро забудем.

ПАВЕЛ. Пока жива Белянка наша, не забудем.

ТЁТЯ МАША. Сколько за свой век коров держала, не жаловалась. Корова уход и ласку завсегда одарит. Вот и Белянку возьми... Накричи на неё или не угоди ей, не молоко — дулю с маком получишь.

ПАВЕЛ *(многозначительно)*. И у кого характер Белянки нашей удался?

ТЁТЯ МАША. Ты у меня сёдни схлопочешь, шутник гороховый.

ПАВЕЛ. Ей-богу, мам, не шучу. Где-то я вычитал, что животные характер своих хозяев перенимают: у психа — и корова псих, и собака тоже, не говоря уж о детях человечьих...

ТЁТЯ МАША. Воспитывали, как умели. Вы нонче дюже грамотные... А я так понимаю: труд — отец, земля — мать человека, не потопаешь — не полопаешь.

ПАВЕЛ. Раньше сколько ты топала, а много ли лопала?

ТЁТЯ МАША. То раньше, а то теперь. Раньше — война губила нас, будь она проклята! Как вспомню — чичас муторно. Я, может, и в поварихи пошла — с детства мечтала наестись досыта... Отец бросил нас, другую семью кормил, и льготы армейские — тем, другим детям. Другие дети на обед бесплатный идут, а мы с братом сидим за углом школы, плачем... Животы голодные урчат, спасу нет... Побегим к реке, камышей нахватаемся, камыши те от малярии травили всё — нам животы и вспучит, раздуются они, как барабаны — нас и отвезут в больницу, а мы радёхоньки: целую неделю кормить будут!

ПАВЕЛ. Не надо, мам...

ТЁТЯ МАША. Подросла я — и сбылась моя мечта: поварихой стала. Поперву никак наестись не могла, чего ни поем, а после ещё кашу с маслом и с сахаром жирую... Вмиг закруглела, растележилась.

ПАВЕЛ. Вот и наела себе сахарный диабет.

ТЁТЯ МАША. Может оно и так, кто ж его знал... Долгонько определить не умели. Руки, ноги болят, слабну, немеет всё — острый хондроз, говорят. Я чо ни делаю — ничо не помогат. Один раз, правда, мне траву насоветовали, заварила я, попила — как рукой сняло, видно, по диагнозу угодило. Обратно же не упомню теперя, какая трава... И токо когда, когда...на курорте определили этот самый диабет, штоб он проклятущий отсох! Доктор мне дотошный такой попался, прилепился и пытает: сладкого много кушаете? Ем, говорю, сколько влезет, никто миня за руку не держит. Ну, сколь, говорит, зараз? А попадись поллитрова банка варенья, говорю — всю хлобыстнуть с чаем сумею... За голову, сердешный, хватался.

ПАВЕЛ. Ты у меня, мам, рассказчик — вроде рыбака или охотника.

ТЁТЯ МАША. А коль слушат, я и толкую ему.

Появляется Карл Андреевич.

КАРАТ. Всех накормила, Мария?

ТЁТЯ МАША. Сына вот обделила, без мясного оставила.

КАРАТ. И сама, конечно, не ела. Сама — как хочешь, а Павла — корми, как следует

ПАВЕЛ. А я молока напился, мне — достаточно.

КАРАТ. На пару часов — да, а работы сколько? Голодный же, какой работник.

ПАВЕЛ. В большой работе о еде забываешь.

КАРАТ. Ты это верно подметил, Павел Степанович, верно... Как полоса?

ПАВЕЛ. Пока не добьём, не съедем с поля.

КАРАТ. Молодцы. За нами тоже дело не станет... Не раздумал уезжать?

ПАВЕЛ *(мнётся)*. Нет.

КАРАТ. Жаль. Работы в Кильбене — непочатый край.

ПАВЕЛ. Работы везде предостаточно.

КАРАТ. Но ты родился и вырос тут.

ПАВЕЛ.А если я в Москву хочу?

КАРАТ. Думаешь, Москва мёдом смазана?

ПАВЕЛ. Мне учиться нужно.

КАРАТ. Учись, кто не даёт. Работай и учись.

ПАВЕЛ. Ладно... Я пошёл. *(Уходит.)*

ТЁТЯ МАША. Я кажинный день толкую ему — слушать не желат. В прошлом годе ездил, куды там: Москва не про нас.

КАРАТ. Да и понесло его на философский... В жизни ни счастья, ни горя не хлебал, в туда же — в философы!

Появляется Величко.

ВЕЛИЧКО. Философствуете? О чём?

КАРАТ. О философах.

ВЕЛИЧКО. Ну и что философы?

КАРАТ. А то, что хлеборобов с каждым годом всё меньше, а философов — всё больше.

ВЕЛИЧКО. Пора уже и у нас иметь одного человека там, где сейчас три.

КАРАТ. Из нас троих кто останется? Тётю Машу сократить никак нельзя.

ВЕЛИЧКО. Трое и останутся, но делать будут в три раза больше.

ТЁТЯ МАША. Кушать будете? Извиняйте — токо молоко и хлеб.

КАРАТ. Не откажемся, конечно. Кто знает, придётся нам присесть где, нет.

ВЕЛИЧКО. Ты куда?

КАРАТ. На вторую... А ты хочешь «попасти» ребят?

ВЕЛИЧКО. Мне кажется, этого не требуется.

КАРАТ. И я так думаю. Парни работают сознательно, моя бы воля — весь совхоз переложил бы на них.

ВЕЛИЧКО. Совхоз не совхоз, а поручить уже можно многое.

КАРАТ. Возьми фермера, он сыну своему уже лет в десять всю технику доверяет, а мы ждём своих недорослей, пока они аттестатами да дипломами обвешаются.

ВЕЛИЧКО. Техника безопасности.

КАРАТ. Да если человек ребёнком не подойдёт к скотине или к машине, то с возрастом его калачом к ним не заманишь... К кому приложишь тогда эту самую «технику безопасности»?

ВЕЛИЧКО. Я разделяю твою тревогу о молодой смене, но и городам нужна она

КАРАТ. Вот это «но» — поперёк горла у нас... Города растут, городов всё больше... Они отнимают у нас рабочую силу, землю, воздух... солнце... Город с миллионным населением ежедневно выбрасывает на помойку 250 тонн хлебных корок! А мы считаем этот хлеб по зёрнышку, остающиеся нивы — по аршину, погожие дни — по часам...

ВЕЛИЧКО. Давеча выступал против философов, а сам философствуешь, а время идёт, район уже заканчивает сев, а мы — только начинаем.

КАРАТ. Молодёжная бригада взялась, как надо.

ВЕЛИЧКО. Давно пора гвардию выпускать, чего ждём? Грозы?

КАРАТ. Радуйся грозе в мае, дождю в июне, погожим дням — в сентябре.

ВЕЛИЧКО. Я заявляю официально: надо срочно форсировать сев, ведь мы в самом хвосте посевной!

КАРАТ. Поле крестьянское — не поле стадиона, наперегонки здесь бегать не с руки.

ВЕЛИЧКО. Всыпят — побежишь!

КАРАТ. Сколько лет сею, и всегда, как у Гамлета: быть или

не быть. Посеешь раньше — овсюг задавит, десять процентов урожая жрёт, сатана! Овсюг не задавит — кущение в засуху угодит...

ВЕЛИЧКО. О солнце помнишь, но и о морозе не забывай, сибирское лето — в коротких штанишках!

КАРАТ. Вот-вот... и так всякий раз раздваиваешься, растраиваешься...

ВЕЛИЧКО. ...расщепериваешься...

КАРАТ. И вдруг в самый раз — отрезвление приходит... Долго потом ещё ссаднит, будто тебя копытом шибануло.

ВЕЛИЧКО. Пока гром не грянет, русский мужик не перекрестится.

КАРАТ. Нам небесная канцелярия — не указ, для нас земля — высшее начальство.

ВЕЛИЧКО. И всё-таки, Карл Андреевич, пора гвардию выводить, давно пора.

КАРАТ *(закуривает)*. Пора...*(Встаёт.)* Спасибо, Мария, за молоко, за хлеб.

ТЕТЯ МАША. Не своим кормила.

ВЕЛИЧКО. Спасибо... Хлеб, кто бы ни выпекал его, всегда хлеб.

ТЁТЯ МАША. И не говорите, магазинишный хлеб теперича не ровняй с нашей самовыпечкой... Токо вот я одно не втолкую себе, куды хлебный дух подевался. Раньше еслив хозяйка хлеб пекчи зачинала, не токо соседи — вся улица чуяла, а по нонешным временам как? И хмель всыпешь в закваску, и всяка-разна колдуешь, а духу нет! Уж нашто я любителка до хлеба своего была, давно не пеку.

КАРАТ. С мильтурум переходим на снаббе — урожай растёт... Но разве сравнишь их по силе с нашей яровой сибирячкой?!

ВЕЛИЧКО. Зато не голодные.

КАРАТ. С нашими-то землями голодом сидеть — головотяпство! Бесхозяйственность наша русская от чего? От богатства, от обширности земли, леса, людей... На западе давно уже каждый клочок земли, каждое деревце на учёте. И нам уж пора за ум браться. *(Уходя, к Марии.)* Мария, ты ребят корми, не скупись. На еде не сэкономишь... А молоко оставь, пусть пьют.

ТЁТЯ МАША. Кормлю... Грех детей забижать.

КАРАТ. Не дети они уже — добытчики. *(Уходит.)*

ВЕЛИЧКО. Давай-ка бидон в воду поставим. *(Ставят в холодный ключ.)*

Появляются Яков Лукич, Тимофеев.

ЯКОВ ЛУКИЧ *(здороваясь, подаёт руку)*. Прячетесь, словно зайцы... Рыскай по полям, лови вас.

ВЕЛИЧКО. Здравствуйте, Яков Лукич... *(Тимофееву.)* Привет, сосед.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Где Карат?

ВЕЛИЧКО. Только что к чабанам уехал.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Он все больше — с овцами...

ВЕЛИЧКО. Так основная статья ж...

ЯКОВ ЛУКИЧ. Длинного разговора не будет, поговорим тезисно: как сев?

ВЕЛИЧКО. Начали, Яков Лукич.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Начали! А вот они... *(Указывает на Тимофеева.)*

ТИМОФЕЕВ. Кончили.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Слышишь?

ВЕЛИЧКО. Я тут причём?

ЯКОВ ЛУКИЧ. Кто тут парторг? Для чего ты приставлен?!

ВЕЛИЧКО. Работы у нас ведутся по графику, утверждённому на экономическом совете...

ЯКОВ ЛУКИЧ. Контрабандой занимаетесь! А районный график для вас — филькина грамота!?

ВЕЛИЧКО. Так ведь... местные условия...

ЯКОВ ЛУКИЧ. Умники! Трепачи! Цитат нахватались! А у соседа вашего — какие условия? — Те же! А он отсеялся... Работать надо!

ВЕЛИЧКО. Каждый отвечает за себя...

ЯКОВ ЛУКИЧ. Ты — за себя, он — за себя, а за вас кому отвечать? Мне!

ВЕЛИЧКО. Яков Лукич, когда сеять, когда жать, директор решает, с ним и толкуйте.

ЯКОВ ЛУКИЧ. На бюро — ты в первою голову ответишь!

ВЕЛИЧКО. Каждый день говорю...

ЯКОВ ЛУКИЧ. Не болтать надо — дело делать!

ВЕЛИЧКО. В конце концов есть директор...

ЯКОВ ЛУКИЧ. Вези к нему, немедленно!

ВЕЛИЧКО. На второй он.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Давай, на вторую... Кстати, что ещё за праздник сева выдумал!

ВЕЛИЧКО. Молодёжь, школьники у нас — в бригаде одной, молодёжной... Ну, вывели мы их в поле — колонной праздничной, митинг и всё прочее.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Дать вам волю — замитингуете и в праздники, и в будни...

ВЕЛИЧКО. Так для пользы дела ж...

ЯКОВ ЛУКИЧ. На ковёр вас — для пользы дела. *(Уходит.)*

ВЕЛИЧКО. Яков Лукич, молочка холодного, а?

Яков Лукич только рукой махнул. Вслед за ним поспешил Тимофеев. К Величко подбегает Валера.

ВАЛЕРА *(оглядываясь)*. А коньячку... не найдётся?.. Стопочку... водочки, а?

Занавес.

Картина четвёртая

Квартира Тимофеевых, похожая на рабочий кабинет его, несколько атрибутов быта.

ВАЛЕРА *(у зеркала напевает)*. Я имени её не знаю...

Входит Эмма.

ВАЛЕРА. В лесу никто не издох?

ЭММА. С чего ты взял?

ВАЛЕРА. Нарисозалась рано, как никогда.

ЭММА. Сама издыхаю. *(Ложится на диван.)* Дай мне чая с мёдом.

ВАЛЕРА. А кто его готовил? Мать — в больнице, а ты ещё до зари смылась.

ЭММА. Работа у меня такая...

ВАЛЕРА. У каждого — работа, но хозяйка настоящая дом свой не забывает. Я вот, может, сегодня не обедал.

ЭММА. У тебя целый день свободен... Трудно сготовить самому?

ВАЛЕРА. Всё правильно: муж и обед сготовь, и полы помой, и бельё постирай. Мерси. А мы будем на диванах возлежать... Сигарету, мадам?

ЭММА. Я чай просила... нездоровится мне...

ВАЛЕРА. Поменьше бы с бычками возилась...

ЭММА. Какой же ты...

ВАЛЕРА. Не ндравится? Можем удалиться. *(Смотрит на часы.)* Давно пора.

ЭММА. Дай хоть воды.

ВАЛЕРА *(приносит)*. На! Да не захлебнись!

ЭММА *(видит дрожащую руку)*. Опять пил.

ВАЛЕРА. Ты для этого просила воды, да? Ну, пил! На свои, между прочим! На гонорар, если хочешь знать. Я в газету целую подборку подготовил, да! Я тебе не лапоть, чтобы лапу сосать — творческий работник, вот меня в газету, понимаешь, в газету! Берут!

ЭММА. В газете ты умнее или трезвее станешь?

ВАЛЕРА. Дура! Тебе только с бычками жить!

ЭММА. Знаю, что дура... Умная не связалась бы с тобой...

ВАЛЕРА. А тебя и не держит никто, все четыре стороны — Ваши, мадам!

ЭММА. Ничто не удержит меня в этих четырёх стенах...

ВАЛЕРА. Адью, мадам... не забудьте оставить на память... презент... *(На глаза попадается портрет жены.)* Свой фотопортрэт...

ЭММА. Не смей трогать мои вещи!

ВАЛЕРА. Дико извиняюсь, но это моя вещь, видишь. *(Читает на обороте.)* «Дорогому Валерику от Эммы — на вечную память». На вечну-ю!

ЭММА. Положи фото.

ВАЛЕРА. Оно моё, что хочу, то и сделаю с ним. Ему, может быть, здесь место. *(Показывает на грудь, кладёт фото в карман.)* Ту Эмму, первую певунью и плясунью я ещё помню... Ты сейчас на себя посмотри — да от тебя же криолином разит!

ЭММА. Вон, негодяй!

ВАЛЕРА. Кто гонит из дома моих родителей единственного сына?

ЭММА. Чужой, совсем чужой... все чужие...

ВАЛЕРА. Выходит, что кто-то на чужой шее сидит.

ЭММА. Я зарабатываю больше тебя, где деньги? Деньги мои не пахнут криолином?

ВАЛЕРА. Где, где? А машина?

ЭММА. Не нужна мне машина! И ты, и никто.

ВАЛЕРА. Мерси за рандеву... Недотёпа ты, как и отец твой.

ЭММА. Не трогай моего отца!

ВАЛЕРА. Учат вас, учат, а лопухами так и останетесь.

ЭММА. Зато вы шибко учёные...очки втирать!

ВАЛЕРА. Заткни пасть, несчастная!

ЭММА. Надеешься заткнуть рот?

ВАЛЕРА. Твой папа схлопотал выговор? Ответь, схлопотал?

ЭММА. А кто постарался, не твой ли отец?

ВАЛЕРА. Схлопотал, и ты схлопочешь!

ЭММА. Выговором испугал!

ВАЛЕРА. Мы не пугаем — предупреждаем... по-родственному... Пока оставайтесь счастливы при своих интересах... Будете скучать — высылайте деньги. *(Прихватив ананасные конфеты из вазы, уходит.)*

Вваливается Капиталина Сидоровна со свёртками, сетками, падает в кресло.

КАПА. Ох, ох, боже мой... тьфу, чёрт, с больницей, с врачами, со всем на свете! Совсем обезножила... Эмма! Чаю скорей! Или лучше кофе... Нет, чаю.

ЭММА. Нет ни кофе, ни чаю.

КАПА. Так приготовь!

Эмма с трудом поднимается, уходит на кухню. Капа разворачивает свёртки, ест.

КАПА. Чтоб я поехала туда ещё раз — ни за что! Одними анализами они из тебя всю душу вытянут. *(Ложится на диван, ноги на стену.)* Посмотреть на меня — кажется, женщина здоровая, нормальная, а ведь на самом деле всё наоборот.

ЭММА *(приносит чай)*. Пейте.

КАПА. Чего опять приключилось?

ЭММА. Нездоровится мне.

КАПА. Чего болит?

ЭММА. Не знаю... всё.

КАПА. Не хитри. Думаешь, у меня глаз нету... Беременна, поди?

ЭММА. Какое это имеет значение для вас?

КАПА. Как какое?! *(Села.)* Ни одна живёшь тут... кстати ли?

ЭММА. Дети всегда кстати.

КАПА. Вам — кстати, а нам! Видишь, здоровье какое у меня.

ЭММА. Вижу.

КАПА. У Валерика газета наклёвывается, такая работа, а тут пелёнки стирать.

ЭММА. Сама обойдусь.

КАПА. Но Валера — муж тебе, глава семьи, и нечего матриархат разводить.

ЭММА. Будет матриархат, если патри пьёт беспробудно.

КАПА. Время сейчас такое: все пьют, бутылка — всему голова, ни одно дело без неё не ведётся.

ЭММА. У меня — своя голова. Мне — рожать, мне — решать *(Уходит.)*

КАПА *(вдогонку)*. Учти! Я к ребёнку — ни рукой, ни ногой: больная я, вот! *(Ест.)*

Входит Тимофеев.

ТИМОФЕЕВ. Ну, что профессора?

КАПА. На курорт, говорят, надо, единственное, говорят, средство — курорт.

ТИМОФЕЕВ. Что нам курорт ежегодно полагается для здоровья, это мы и без профессоров уяснили... Какое лекарство приписал? Давай рецепт у меня уговор с аптекой есть — любой дефицит, из-под земли...

КАПА. Нет рецепта.

ТИМОФЕЕВ. Как нет? Посеяла?

КАПА. Нет его и не было.

ТИМОФЕЕВ. Как не было?

КАПА. А вот так.

ТИМОФЕЕВ. Тебя консультировал профессор?

КАПА. Консультировал.

ТИМОФЕЕВ. А рецепты где?

КАПА. Ничего не дал мне профессор твой, сказал — на курорт, и всё!

ТИМОФЕЕВ. И больше ничего?!

КАПА. Что похудеть не мешало б, лишний вес, говорит, у Вас.

ТИМОФЕЕВ. Насчёт весу — не его забота, сколько имеем — всё наше. Рёбрами греметь нам не пристало...

КАПА. Заладил одно: углеводов не ешьте, жирного не ешьте.

ТИМОФЕЕВ. Насчёт углеводов — согласен, а что касаемо жиров, то пусть уж лучше они текут по нашей бороде, а не какой другой.

КАПА. Я ему доказываю, что полнота у меня наследственная, что у нас в родове худосочных сроду небывало. Порода такая...А он ехидничает что, мол, у поросят какая порода, а не покорми их, так исхудают, так просвечиваться станут, что, говорит, сквозь них Вашу историю болезни разглядеть возможно.

ТИМОФЕЕВ. Всё ясно: не дал в лапу.

КАПА. Не на нём одном свет клином сошёлся.

ТИМОФЕЕВ. Решено: я тебя в Москву свожу.

КАПА. Сперва реши с Эммой задачку...

ТИМОФЕЕВ. За отца бузит? А я тут при чём? Ну, выступил на бюро...Так заставили ведь! Что видел, доложил... Там, брат ли, сват ли, не глядят, чинят спрос — отвечай... Заловят, не заловят — твоя забота, Андреич ещё легко отделался, строгача всунули, шею впридачу намылили — так ему и на пользу: гнуться лучше будет!

КАПА. Не о том речь...

ТИМОФЕЕВ. О чём же?

КАПА. В положении она.

ТИМОФЕЕВ. Вот те раз! Валеру в газету берут, учёба заочно, а тут привесок.

КАПА. Ещё чей, неизвестно.

ТИМОФЕЕВ. Ты это брось... баба она не гулящая...

КАПА. Да за кого поручишься? Работа у неё какая? Одна среди кобелей. И днём, и ночью вызовы, а куда — неизвестно, поди проверь, где была, что вытворяла.

ТИМОФЕЕВ. И правда, за вас, баб, кто поручится?

КАПА. Чья бы корова мычала... Мало юбок возле тебя?

ТИМОФЕЕВ. Слушаешь бабье радио — рот разинула. *(Подходит к окну, видит засохшие цветы.)* Цветы: полить некогда.

КАПА. Сколько раз я просила земли?!

ТИМОФЕЕВ. Земли мало вокруг?

КАПА. Ты обещал — из Марьиной рощи.

ТИМОФЕЕВ. Ещё только земли в дом не тащил.

КАПА. Руки что ли отсохнут...

ТИМОФЕЕВ. До земли мне...

КАПА. Самому недосуг, шофёру поручи.

ТИМОФЕЕВ. Ладно, будет земля. *(Собирается уходить.)*

КАПА. А чай?

ТИМОФЕЕВ. Не хочется ничего: устал так, словно на току весь день молотил.

Тимофеевы уходят в спальню. Заходит Эмма, наливает чай. Стук в дверь.

ЭММА *(открывая двери)*. Кто?

ТЁТЯ МАША *(появляясь)*. Марьина я, из соседнего села... Извиняйте, Эмма Карловна, но я за Вами.

ЭММА. Что случилось?

ТЁТЯ МАША. Корова растелиться не может.

ЭММА. Так причём тут я, к Данилычу идите.

ТЁТЯ МАША. Не может он, к Вам направил... И Карл Андреевич к вам. Направил...

ЭММА. А я не могу: заболела... сама еле-еле с работы доползла.

ТЁТЯ МАША. Ой, мамочки! Так погибает корова ж!

ЭММА. Завтра придумаем что-нибудь...

ТЁТЯ МАША. Не доживёт моя Беляночка до завтрева — вторые сутки мается, сердешная, с ноги на ногу переступает, на живот озирается, а у самой слёзоньки на глазах, вот те крест!.. Пропадает скотина...

ЭММА. Это ж операцию делать надо... к Данилычу идите.

ТЁТЯ МАША. Данилыч пьяный, лыком не вяжет, загубит ведь! Не впервой...

ЭММА. Нет сил у меня, тётя Маша, я даже идти не в состоянии...

ТЁТЯ МАША. А и не надо идтить, шофёр Вас дожидается, а што чижолое — сама буду выполнять, Вы говорить — я выполнять.

ЭММА. Да Вы не понимаете, что такое операция! Телёнка тащить... *(Села.)*

ТЁТЯ МАША. Ой, мамочки, так што ж это творится, а? Выходит, и нам подыхать вслед за коровой. Известное дело: безотцовщина. Кто пожалеет нас? А у меня сахарна болесть, куды мне без молока? *(Плачет.)*

ЭММА. Что Вы со мною делаете? *(Собирает чемоданчик, уходят.)*

КАПА *(появляясь из спальни)*.Так и есть — умоталась. Ужин приготовить больна, а помани в хлев — кобылой поскачет. Кобыла — она и есть кобыла. *(Шарится на столе, находит еду, допивает чай Эммы.)*

Занавес.

Картина пятая

Склон холма. Каменная баба. Появляется Павел, потом Сурлана.

ПАВЕЛ *(в раздумьи перед каменной бабой)*. Эта каменная баба встречалась с нукерами Чингис-хана... *(Проводит рукой по камню.)* Пыль их праха осела в порах её...

СУРЛАНА *(неожиданно появляясь)*. Трогать нельзя!

ПАВЕЛ. А тебя ?

СУРЛАНА. И меня нельзя.

ПАВЕЛ. Какая же между вами разница?

СУРЛАНА. Смешной ты... Разве может быть сходство между человеком и камнем

ПАВЕЛ. И у людей могут быть каменные лбы.

СУРЛАНА. Но ещё хуже, если у человека — каменное сердце.

ПАВЕЛ. Вот видишь, люди могут превращаться в камни.

СУРЛАНА. Камни не причиняют зла.

ПАВЕЛ. Если камни — не орудие человека...

СУРЛАНА. Если человек не таскает камень за пазухой...

ПАВЕЛ. Я не такой человек — у меня за пазухой твоё приглашение на любовное свидание.

СУРЛАНА. В записке не сказано, что любовное...

ПАВЕЛ. Виноват, значит — деловое.

СУРЛАНА. С тобой и поговорить нельзя, да?

ПАВЕЛ. Разрешаю, говори.

СУРЛАНА. Опять надо мной смеёшься... Неужели я такая дурочка?

ПАВЕЛ. Если б над дураками смеялись, мир давно б раскололся от смеха.

СУРЛАНА. А мне почему-то кажется, что ты смеёшься надо мной.

ПАВЕЛ. Да нет, же, Сурлана, нет.

СУРЛАНА. А помнишь, как смеялся?

ПАВЕЛ. Когда?

СУРЛАНА. Ну, когда трактор у тебя...

ПАВЕЛ. «Переломился»?!

СУРЛАНА. Откуда мне знать, что там приключилось. Вижу, трактор вроде бы надвое развалился...

ПАВЕЛ. И давай кричать: «У Павлика трактор переломился!»

СУРЛАНА. Страшно-то как...

ПАВЕЛ. Честно говоря, я и сам тогда струхнул изрядно: из-за этого разнесчастного Т-16 мне веры не будет впредь... Потом лишь выяснилось, что дядя Коля с пьяных глаз раму не так приварил, а она возьми и отвались... Сколько лет мне проходу не давали: «А, это который трактор переломил!» И всё из-за тебя.

СУРЛАНА. Почему люди злые?

ПАВЕЛ. Всякие есть.

СУРЛАНА. Нет — злые, как собаки!

ПАВЕЛ. Не наговаривай на собак: собака вывела человека в люди.

СУРЛАНА. Ага, попробуй, зайди к дяде Коле во двор — без штанов останешься.

ПАВЕЛ. Собака сделала человека лучше, а человек собаку — хуже: заставил барахло сторожить. Вот как Буран у дяди Коли. Собака же она преотличная.

СУРЛАНА. Злая.

ПАВЕЛ. Если б ты знала, какая она... Нисколечки не глупее меня. Во всяком случае мы друг друга понимали без единого слова.

СУРЛАНА. Опять смеёшься?

ПАВЕЛ. Да нет же, я ведь там часто бывал, когда с Петькой дружил... Хозяйство у дяди Коли какое? Совхоз в миниатюре: и полеводство, и животноводство, и техника — конвейер: ничего даром не пропадёт: земля питает дядиколину живность, дяди-

колина живность питает землю, а все они вместе питают дядю Колю да ещё и поют его. В табеле о рангах ближе всего к дяде Коле, то бишь к его столу свиньи стоят, поэтому поросятам — максимум внимания, почти всё молоко от коровы — им... И я заметил, что Буран очень любит молоко, а дядя Коля молока собаке жалеет, только продукт переведёт, гавкать и без молока можно, а привес от поросят без молока не получишь отменный. Собака, конечно, не избалована, воспитана по-спартански и давно вышла из молочного возраста, и всё же кому неохота полакомиться, ну, хоть иногда, по праздникам... И я дал ей молока. Она глазам своим не поверила, оглянулась, нет ли хозяина, и сжавшись вся, втянув под живот хвост, проклиная себя за слабость, стала жадно лакать... Вот так частенько я подкармливал её, пока не поссорился с Петькой, таким же куркулём, как и дядя Коля... Когда я приходил к ним, и если рядом находился хозяин, собака приветствовала меня едва заметным движением глаз, хвоста... Когда дяди Коли не было, собака тянулась ко мне, иногда ползком...

СУРЛАНА. Она нуждалась в ласке.

ПАВЕЛ. Однажды я присел перед ней, мы глянули друг другу в глаза, она подалась ко мне, я обнял собачью шею... Буран задрожал, и мы отпрянули друг от друга...

СУРЛАНА. Надо бы забрать его.

ПАВЕЛ. От хозяина он не уйдёт, и куда он мне? Я всё равно уеду.

СУРЛАНА. Тебя здесь ничто, никто не удерживает?

ПАВЕЛ. Нет.

СУРЛАНА. Значит, ты никого не любишь.

ПАВЕЛ. А кого мне любить? Каменную бабу? Тебя?

СУРЛАНА. Меня никто не полюбит.

ПАВЕЛ. Почему?

СУРЛАНА. Я толстая и некрасивая.

ПАВЕЛ. Красота — понятие относительное, что касается полноты, сама виновата.

СУРЛАНА. Что же мне делать?

ПАВЕЛ. Занимайся спортом, йогой на худой конец.

СУРЛАНА. На голове стоять?

ПАВЕЛ. Нет — на животе. *(Смеются.)*

СУРЛАНА. Мой дедушка говорит, что тебя надо удержать в селе.

ПАВЕЛ. Это с какой стати?
СУРЛАНА. Умный, работящий...
ПАВЕЛ. А кому же тогда учиться? Дуракам?
СУРЛАНА. Снова будешь на философский поступать?
ПАВЕЛ. Не знаю... Может быть, на литературный...
СУРЛАНА. А что для этого нужно?
ПАВЕЛ. Разумеется, талант, но кто объяснит, что это?!
СУРЛАНА. Зачем объяснять, прочти стихи.
ПАВЕЛ. Что прочитать?
СУРЛАНА. Что хочешь... Мне стихи твои все нравятся..
ПАВЕЛ *(читает)*.

Давно ли
первая среди девчонок
быстроглазых
и первая среди мальчишек
быстроногих
на необъезженном строптивом скакуне
носилась ты с ветрами наравне?!
Да, ты — как ветер!
Ты — свист горячей плети!
Нет, нет, не ветер ты, не ветер...
Ты — изваяние в оленном камне,
хочу дотронуться руками,
не вспышка ль молнии
оставила портрет:
раскосый взгляд, бровей разлёт,
улыбки тайной след...
Хочу проникнуть в эту тайну я,
постигнуть смысл людского бытия,
но вдруг —
как молния сама,
как гром,
как грех:
блеск глаз,
и чувственный оскал,
и блеск зубов,
и смех!

СУРЛАНА. Ты о ком написал?
ПАВЕЛ. Ни о ком... Это образ, понимаешь?
СУРЛАНА. Я почему-то подумала, что...

ПАВЕЛ. Творчество, это, понимаешь, нечто неосязаемое... безадресное...

СУРЛАНА. Любовь, по-твоему, тоже безадресная?

ПАВЕЛ. Пушкин, Блок, Бетховен... Разве они были счастливы в любви? В творчестве нашли они своё счастье!

СУРЛАНА. Без любви не может быть счастья!

ПАВЕЛ. Скажи мне, кто счастлив у нас? Посмотри, как семейные живут. Может, и есть любовь, приносящая счастье, но я не видел её!

СУРЛАНА. А я знаю: есть.

ПАВЕЛ. Тебе столько картошки переесть надо, чтобы о любви толковать! Ходить по парам — это ещё не любовь. Может ли подлец, или трус, или психопат принести счастье в любви? А ведь все они о любви зудят...

СУРЛАНА. А я хотела удержать, Павел, тебя в Кильбене... А ты уезжай, уезжай, уезжай! *(Убегает.)*

ПАВЕЛ *(вдогонку)*. Сурлана! *(Уходит.)*

Темнеет. Появляются Валера и Тебляшкина.

ТЕБЛЯШКИНА. Никого?

ВАЛЕРА. Ни ангела, ни сатаны!

ТЕБЛЯШКИНА. А это? *(Указывает на каменную бабу.)*

ВАЛЕРА. Доведём до кондиций. *(Надевает на неё шляпу.)*

ТЕБЛЯШКИНА. Остроумно!

ВАЛЕРА. Наконец-то мы одни.

ТЕБЛЯШКИНА. А где моя сумочка?

ВАЛЕРА. Всё при нас.

ТЕБЛЯШКИНА. Ад кромешнний! Закуску-то забыли?

ВАЛЕРА. На закуску — поцелуй, да и конфеты есть...

ТЕБЛЯШКИНА. Ананасные?

ВАЛЕРА. Оне.

ТЕБЛЯШКИНА. Давно не ела ананасных...

ВАЛЕРА. Вкушай.

ТЕБЛЯШКИНА. И стакан забыли, с чего пить будем?

ВАЛЕРА. Один момент! *(Подходит к берёзке, срезает берёсту для рюмки.)* Сервис-консервис — люкс! Ты чего затеяла?

ТЕБЛЯШКИНА *(причёсывается)*. Причёску. Женщина должна быть красивой.

ВАЛЕРА. Напрасный труд.

ТЕБЛЯШКИНА. Не нравится?

ВАЛЕРА. Темень египетская: ни черта не видно.

ТЕБЛЯШКИНА. А ты вообрази, какая я.

ВАЛЕРА. Уже.

ТЕБЛЯШКИНА. Нравлюсь?

ВАЛЕРА. В моём вкусе.

ТЕБЛЯШКИНА. Неужели и жена — в твоём вкусе?

ВАЛЕРА. Эх, Эллочка, жена — не перчатка... я ведь с ней... э... да ты сама понимаешь, а потом пришлось брать, я ведь порядочный человек.

ТЕБЛЯШКИНА. Да разве она способна ценить тебя?

ВАЛЕРА. Так сказать... крест судьбы.

ТЕБЛЯШКИНА. Ах, почему мы не встретились раньше!

ВАЛЕРА. Лучше поздно, чем никогда... Что-то стало холодать, не пора ли нам поддать... *(Наливает вино в берестяную рюмку.)* Держи! А мне придётся с горла, не возражаешь?

ТЕБЛЯШКИНА. Ой!

ВАЛЕРА. Что?

ТЕБЛЯШКИНА. Платье... кримпленовое залила...

ВАЛЕРА. Где? Не видно...

ТЕБЛЯШКИНА. Потрогай, вот...

ВАЛЕРА. Да, задачка... А, не горюй, отдадим в химчистку — будет новёхонькое! Рюмка тоже будет. *(Шарится в карманах, из фото жены делает рюмку, наливает.)* Так-то надёжней, бумага непромокаемая... бром-портрет.

ТЕБЛЯШКИНА. Выпьем за самое светлое, самое великое чувство на земле — любовь!

ВАЛЕРА. За любовь, так за любовь. *(Пьют, целуются.)*

ТЕБЛЯШКИНА. В голове зашумело... От поцелуя или от вина?

ВАЛЕРА. Придётся повторить, чтобы разобраться, что к чему. *(Пьют ещё.)*

ТЕБЛЯШКИНА. Вот конфеты.

ВАЛЕРА. Я лучше закурю.

ТЕБЛЯШКИНА. И я закурю...Что ты, то и я. *(Курят.)*

ВАЛЕРА. А хороша, чёрт побери, штука — жизнь! Главное — шагать по ней легко, размашисто, красиво!

ТЕБЛЯШКИНА. Я очень красива?

ВАЛЕРА. Если б не очень, не пил бы с тобой...

ТЕБЛЯШКИНА. Ах, если бы в жизни всё было красиво!

ВАЛЕРА. Делай жизнь — по себе!

ТЕБЛЯШКИНА. Коровники, свинарники — по себе?

ВАЛЕРА. Зачем же в зоотехники пошла? В сельхозинститут?

ТЕБЛЯШКИНА. А куда денешься?

ВАЛЕРА. Высшее образование красивой женщине ни к чему?

ТЕБЛЯШКИНА. Чтобы не ходить пешкой.

ВАЛЕРА. В дамки пролезть и без диплома — пустяк. Главное — в струю попасть, это значит, всегда быть под рукой всевышнего и знать, чего требуется на данный момент... Я вот без высшего, а корреспондент газеты. Заметь: штаны не протирал нигде!

ТЕБЛЯШКИНА. Вениамин Георгиевич — всё может.

ВАЛЕРА. На предках далеко не уедешь, если у самого котелок не кипит.

ТЕБЛЯШКИНА. Уйдёшь в начальство — и здороваться не станешь, поди...

ВАЛЕРА. Напротив, я смогу быть очень полезен.

ТЕБЛЯШКИНА. В чём же?

ВАЛЕРА. В любой нужде... или в работе зацепиться повыше.

ТЕБЛЯШКИНА. Правда?

ВАЛЕРА. Слово корреспондента!

ТЕБЛЯШКИНА. А я уж отблагодарю...

ВАЛЕРА. Как?

ТЕБЛЯШКИНА. А как захочешь, и так, и этак. *(Целуются.)*

ВАЛЕРА. Я пожалуй тебя артисткой сделаю. Режиссёров знакомых у меня — пруд пруди. Лицо у тебя фотогенично?

ТЕБЛЯШКИНА. Очень, очень фотогенично!

ВАЛЕРА. Я сделаю кинопробу.

ТЕБЛЯШКИНА. Пробу?

ВАЛЕРА. Ну да, серию снимков, в профиль и в фас, ну и... фигуру, конечно.

ТЕБЛЯШКИНА. У меня фигура, как у девушки. *(Встаёт.)* Ой!

ВАЛЕРА. что с тобой?

ТЕБЛЯШКИНА. Я на чём-то сидела... Да это ж конфеты твои!

ВАЛЕРА. А, всё равно — в химчистку!

Занавес.

Картина шестая

Кабинет Тимофеева. В углу — знамя.

ТИМОФЕЕВ. Алё? Карл Андреевич? Приветствую — Тимофеев. Ты что такой сердитый? Почему? Битый час звоню... Напрасно ты, напрасно... Я-то к тебе по делу... да... касается нас обоих... Нет, Эмма — в больнице. Нет, нет... в общем сама виновата: кесарево сечение делала, да... частному сектору, да, а у самой — беременность, ну и... кровотечение. Звонил... дежурный ручается, обхода ещё не было, не знает, а? Конечно, приезжай, да, минуточку, не бросай трубку... просьба одна... не моя — Капиталины Сидоровны, она, правда, меня просила, а я тут закрутился... да нет, пустячок — землицы, нет — для цветов из Марьиной рощи, тебе ведь мимо ехать... зачерпни во что-нибудь, в газетку...

ГЛАША *(входит)*. Доброе утро, Вениамин Георгиевич.

ТИМОФЕЕВ *(прикладывает пальцы к губам, протягивает ей, сигареты, Глаша прикуривает)*. Не могу, ей-богу, не могу — привязан, как пёс к конуре, не оторваться ни на минуту... а без этой земли домой мне хоть не являйся... болеют цветы, сохнут...подкормка полноценная нужна. Ну-ну, добро, жду. *(Набирает номер больницы.)* Алё, больница? Тимофеев. Мне — главного. Нет? Я по поводу родственницы своей... да, да...добро... Если помощь потребуется, звоните... ну... лекарства... дефицит, одним словом...Заявится главный, пусть брякнет. Да, да, вечером буду. Добро. *(Кидает трубку.)* Фу, чёрт, слава богу...

ГЛАША. Какой человек Эмма Карловна!

ТИМОФЕЕВ. Дура!

ГЛАША. Вениамин Георгиевич...

ТИМОФЕЕВ. Все вы бабы — дуры.

ГЛАША. Что делать?

ТИМОФЕЕВ. Вот — в четырёх экземплярах. *(Даёт бумаги.)*

ГЛАША. Хорошо, Вениамин Георгиевич. *(Уходит.)*

ТИМОФЕЕВ *(ходит по кабинету)*. Не кстати как, некстати-и.

Входит Карат с кульком в руке.

КАРАТ. Вот — земля. Больше не получилось: копать нечем было.

ТИМОФЕЕВ. И за это спасибо. Хозяйка который уж день долбит, а у меня, дел — невпроворот, а то и забудешь: не до земли мне.

КАРАТ. Живём, кормимся землёй и забываем о ней.

ТИМОФЕЕВ. Ты всё — афоризмами, а у меня, признаться, Эмма из головы не идёт.

КАРАТ. Звонил я, советуют после обхода заглянуть.

ТИМОФЕЕВ. Но и она хороша: у самой — пиковое положение — под корову полезла.

КАРАТ. Как знать...

ТИМОФЕЕВ. Да неужели жизнь человеческая дешевле жизни скотины?!

КАРАТ. На чаши весов не кинешь... К ней не скотина пришла — человек.

ТИМОФЕЕВ. Защищаешь? Понятно: своя рубаха ближе к телу... И факты против меня: недосмотрел, недоработал, недоучил... А с другой стороны: в такой момент оставить хозяйство без надзора. Какая у меня кадра, ты знаешь. Один дядя Коля «сто сот стоит».

КАРАТ. Я уволил, ты подобрал, тебе видней... А что касается надзора, то ты успеваешь и за чужим хозяйством подглядеть.

ТИМОФЕЕВ. Не можешь простить бюро... Я человек подневольный: приказали проверить — проверил, приказали доложить — доложил...

КАРАТ. Приказали бы вздёрнуть...

ТИМОФЕЕВ. Э-э,брат, не путай божий дар с яичницей... Ко мне сам с проверкой нагрянешь — будет то же самое.

КАРАТ. Не угодничал сроду и тебе не советую.

ТИМОФЕЕВ. Дающую руку кто кусает?

КАРАТ. Подачками не разживёшься... Нахватал энергоёмкой техники — золотым хлебушко окажется.

ТИМОФЕЕВ. Брал, сколько давали. Кто в районе первый с посевной управился? И в жатве будем первые.

КАРАТ. А урожаишко какой ожидаете?

ТИМОФЕЕВ. Ещё не определили.

КАРАТ. Хитришь: август на носу. Видно, и определять-то нечего, землю твою воробей да грач удобряли.

ТИМОФЕЕВ. А туки?

КАРАТ. Туки-туки... Туки — как витамины в драже, витамины, да не те!

ТИМОФЕЕВ. А какое хозяйство я принял, знаешь?

КАРАТ. Знаю, какое принял и какое в Озёрном оставил...

ТИМОФЕЕВ. Урожаи у нас почти одинаковые... план тоже...

КАРАТ. Урожаи? А земли? У вас — наполовину притаёжные, а план — одинаковый, а согласно земельному кадастру тебе чуть ли ни на треть прибавить полагается...

ТИМОФЕЕВ. Кадастр, кадастр... На хрена мне твой кадастр, я не арендатор, а хозяин.

КАРАТ. Хреновый ты хозяин, если убытки даёшь... Не быть бы тебе хозяином, если б не «рука дающая», она всё восполнит, но за счёт кого? Не зря говорится: ум без власти обидно, но власть без ума — страшно.

ТИМОФЕЕВ. Чего ты на меня насел? Я у тебя украл что?

КАРАТ. Какие в прошлом году капитальные вложения у тебя?

ТИМОФЕЕВ. Пойди у буха спроси.

КАРАТ. 150 на тысячу!

ТИМОФЕЕВ. Подсчитал?

КАРАТ. Подсчитал... А у меня — 80. Ты — даёшь убытков полмиллиона, а я прибыли — больше... Опять-таки в прошлом году у меня сняли сто тысяч из фонда укрепления и расширения — это сто квартир! — а для кого?

ТИМОФЕЕВ. Мы с тобой не приусадебные участки делим... масштабы не те, и не нам мороковать об этом.

КАРАТ. Головы, выходит, нам не нужны?

ТИМОФЕЕВ. Нам нужны руки и уши. Слушай и выполняй, точка!

КАРАТ. Если головой не думать — одной мамалыгой питаться будем.

ТИМОФЕЕВ. Ну, чего ты пристал, как банный лист... Ну, вызвали на этаж, ну, крутанули руки, но ведь не сняли, не понизили! Одним тумаком больше, одним меньше — кто их считает? Мы — соседи, родня, наконец, чего нам делить? *(Достаёт коньяк, наливает стопки.)* Давай мировую... Горе у нас одно...

КАРАТ. Горе никогда не приходит одно.

ТИМОФЕЕВ. Кто старое помянет, тому глаз вон.

КАРАТ. Недосуг пить: пора уж в больницу, обход, наверно, кончился. *(Уходит.)*

ТИМОФЕЕВ *(вослед)*. Эмме от нас — привет, вечером заскочим. *(Оставшись один, выливает в рот обе стопки.)* Много дел, а цель одна — больше дать стране зерна.

Заходит Тебляшкина.

ТЕБЛЯШКИНА. Вениамин Георгиевич, сколько можно человеку нервы мотать?

ТИМОФЕЕВ. Что ещё?

ТЕБЛЯШКИНА. Мы ж договорились, края Доски показателей мраморной плитой облицевать, а бухгалтер вдруг — ни в какую! В копеечку, говорит, мне ваша доска станет!

ТИМОФЕЕВ. Энергии у Вас на десять досок хватит, а вы только одной доской и занимаетесь.

ТЕБЛЯШКИНА. Но это ж святая обязанность рабочкома!

ТИМОФЕЕВ. Я понимаю, гласность в соревновании и всё прочее... Не прославиться бы нам с Доской мраморной...

ТЕБЛЯШКИНА. Но Вы, Вениамин Георгиевич, не побоялись прогреметь с детским садом.

ТИМОФЕЕВ. В садик — детишек, а на Доску — что?

ТЕБЛЯШКИНА. А что поместите — далеко видно будет!

ТИМОФЕЕВ. Ну-ну... Доску мы, конечно, доведём до ума. Где наше не пропадало! *(Подходит к окну, смотрит на Доску.)*

Занавес.

Картина седьмая

Больничный коридор. Эмма лежит на раскладушке. Появляется Карат.

КАРАТ. Ты — не в палате?

ЭММА. Здравствуй, отец.

КАРАТ. Почему ты не в палате?

ЭММА. Мест не оказалось.

КАРАТ. Для доктора не нашлось места?

ЭММА. Больница переполнена... Да и какой я доктор? Коровий.

КАРАТ. Доктор есть доктор! Я сейчас же иду к главному врачу!

ЭММА. Не шуми, отец, мне так лучше: хочется побыть наедине.

КАРАТ. Но у тебя даже кровати нет — раскладушка.

ЭММА. А я и не собираюсь прописываться в больнице, я гость случайный тут.

КАРАТ. Дурость, а не случай. Ты поступила невежественно как врач.

ЭММА. Я не лечу себя — а животных.

КАРАТ. Рисковать собой ради коровы?

ЭММА. Дело не в корове, и не в риске...просто сил не хватило...

КАРАТ. Но тебя еле спасли! Я только что разговаривал с доктором.

ЭММА. Крови потеряла много... Влили чужую — вот и всё.

КАРАТ. Слышишь, Эмма, как отец, я запрещаю тебе к здоровью своему относиться небрежно!

ЭММА. Шумливый ты сегодня, видно, не с той ноги встал... Со скольки на ногах?

КАРАТ. С пяти, как всегда.

ЭММА. А вчера заснул во сколько?

КАРАТ *(поняв дочь)*. Не вчера, доча, а сегодня. Сегодня и заснул...

ЭММА. В час, в два?

КАРАТ. А ты у матери спроси, когда выпала книга из рук...

ЭММА. Вот видишь... Как дочь я тебе запрещаю к своему здоровью относиться небрежно. *(Смеются.)*

КАРАТ. Я бы с радостью, да не могу иначе. Даже на курорте: чуть свет — и я уж на ногах.

ЭММА. Но зачем ещё — книги?

КАРАТ. Не от любознательности, ей-богу, просто отключиться не могу: в голове концентраты, семена, запчасти, сальдо, бульдо...

ЭММА. А мне рано вставать — пытка. Никогда не привыкну.

КАРАТ. Отсыпайся тут.

ЭММА. Лучше недосыпать, чем сон больничный.

КАРАТ. Очень плохо?

ЭММА. Хуже быть не может.

КАРАТ. Значит, жить можно... «Корреспондент» не был?

ЭММА. Без него лучше.

КАРАТ. Как у тебя с ним?

ЭММА. Никак.

КАРАТ. А дальше как?

ЭММА. Не знаю...

КАРАТ. Да, история...

ЭММА. Хочешь что-то сказать, говори.

КАРАТ. С чего взяла?

ЭММА. Сидишь, как на иголках.

КАРАТ. Сядь на моё место, узнаешь, на чём сижу.

ЭММА. Ну и выкладывай, не мучай себя.

КАРАТ. Обо мне заботишься, психолог.

ЭММА. А чего глаза прячешь?

КАРАТ. Вот мои глаза, вот!

ЭММА. Если о Валерке какая гадость, не бойся, не убьёшь, не ранишь... Слышала и не раз...

КАРАТ. Подлец твой «корреспондент», вот кто! Раньше я все эти сплетни отметал, но вот полюбуйся! *(Показывает фото, с которого пили вино.)* У каменной бабы подобрал... возле бутылки...

ЭММА *(берёт своё фото, не глядя рвёт)*. Что ещё?

КАРАТ. Бежать без оглядки оттуда, бежать!

ЭММА. Решено.

КАРАТ. Я ль не предупреждал тебя: проходимец твой «корреспондент», охламон. Навешай на каменную бабу регалии — за человека примут... «Артисткой сделаю, артисткой сделаю» — тьфу! Артист... фигляр! Куда, куда ты смотрела?

ЭММА. А ты куда смотрел? У тебя ведь — вторая семья.

КАРАТ. Вот и поговори с теперешними детьми.

ЭММА. Яблочко от яблони недалеко падает.

КАРАТ. А ты бы помолчала, хоть бы из уважения к сединам моим, на ошибках моих училась...

ЭММА. Увы, учатся лишь на ошибках — своих!

КАРАТ. Свой, своя, своё. Мой, моя, моё — тимофеевское воспитание.

ЭММА. Мой ты ворчунишка, отец, моя ты единственная опора, моё счастье...

КАРАТ. Ну, слава богу, разрешился — гора с плеч... Веришь ли, карточку я, словно ежа, за пазухой носил... И сказать боюсь: больная, и промолчать нельзя — лучше раз потерять много, чем по-маленьку всю жизнь.

ЭММА. Я сильная, отец, вся — в тебя.

КАРАТ. Да, девка ты у меня — первый сорт, а доктор — со знаком качества! Двойню умудрилась высвободить, и как? Класс!

ЭММА. Не преувеличивай... всё было плохо... долго искала, рылась... мешал рубец, ножку никак не могла захватить, всё — не так, как обычно, а секрет простой: двойня, это я уж поняла когда... вижу, корова совсем ослабла, фиксировали мы её слабо, ну, думаю, упадёт — всё пропало, у самой — тоже круги перед глазами...Наконец, зацепилась, а тянуть — сил нет, тётя Маша помогла... Обе аж заплакали от неожиданности: два телёночка. Меня хватило лишь на внутренние швы. Остальное — тёте Маше досталось... Не знаю, оставила сток или нет, кажется, я говорила ей... Хлористый, пенициллин, конечно, не ввели... Надо бы подсказать Данилычу... Жаль, если перитонит разовьётся... Рылись мы там, прямо скажу, не по учебникам...

КАРАТ. Молодчинка ты моя!

ЭММА. Редчайший случай.

КАРАТ. Такого ветврача — на руках носить...

ЭММА. Поносил в своё время... А сейчас — ещё семейственность пришьют. Твои-то дела получше, поди?

КАРАТ. Дела мои, как у картошки: коль зимой не съели, весной не посадили, то летом — выбросят.

ЭММА. Что ревизия?

КАРАТ. Кончилась.

ЭММА. Нормально?

КАРАТ. Совесть моя чиста — это главное, остальное — мелочи.

ЭММА. Значит, не подкопались.

КАРАТ. Если дурак выспится на мне, сам дураком стану.

ЭММА. Похудел ты...

КАРАТ. Жир согнали с комара

ЭММА. Боже мой, ну что ты за директор: ни живота, ни портфеля... Носишься день-деньской по полям серым волком...

КАРАТ. В поле я забываю себя. Земля — мой рабочий стол, и я не могу оторваться от него, особенно когда хлеб выстреливает вверх...

ЭММА. Лучше бы агрономом работал.

КАРАТ. Один чёрт... Агрономы — козлы отпущения при всех неудачах...

ЭММА. А при удачах?

КАРАТ. А при удачах — механизаторы в героях красуются, не агрономы... Да, новость у меня! Сказать?

ЭММА. Что за вопрос.

КАРАТ. Валидол — из всех карманов, из всех ящиков — ото-всюду вышвырнул! Хожу без валидола!

ЭММА. Разве можно, отец?

КАРАТ. А разве можно сосать его без передышки? Ведь до чего дело дошло? Прежде, чем шаг ступить, слово сказать — о валидоле подумаешь, есть, нет. А после бюро вышел я — опомнился, смотрю, в кулаке валидол зажат. К чёрту! — и зашвырнул его на кулички. С тех пор — ни одного приступа... Тьфу, тьфу!

ЭММА. Вылечили! *(Смеётся.)*

КАРАТ. Доктора не поверят.

ЭММА. Это тебе урожай помог... Пусть теперь тронут...

КАРАТ. Я не держусь за директорское кресло, ты же знаешь... Что может директор с правами своими, семнадцатью статьями своими...Он же — как лошадь с шорами и поводьями! Кресел мне не надо — я хлебороб. И пусть я сегодня директор, но я не лошадь... Дайте мне права хирурга, ведь от меня зависит жизнь земли, её здоровье, её плодородие... Если я не услышу её стон и тотчас не приду ей на помощь — земля погибнет... На совести человеческой — два миллиарда гектаров пустынь. Сахара, Великая равнина — неизлечимые язвы земли. И до, и после — трезвые умы восставали... Беннет, Бараев... Глас вопиющего! Вечный лихорадочный зуд: кто больше. А после — хоть трава не расти! Дураку кажется, будто земля — скатерть-самобранка: хватай, тяни, выгребай... Дайте мне права хирурга, и я не допущу дурака к земле, и не будет на ней пустоцветов и пустоплодов...

ЭММА. Отец, перестань!

КАРАТ. Что, что я не так сказал?

ЭММА *(плача)*. У меня не будет детей...

КАРАТ. Это ты брось, всё ещё впереди...

ЭММА. Я знаю... Не смогла и не смогу больше...

КАРАТ. Твой «корреспондент» хоть и жеребец, да дурной породы...

ЭММА. Я бы воспитала...

КАРАТ. А почему корову бракуешь, когда мало молока даёт? Воспитуй, корми!

ЭММА. Но мы же — люди.

КАРАТ. У людей порода ещё важнее, запомни.

ЭММА. Как дальше жить — ума не приложу.

КАРАТ. Сейчас на уме должно быть только одно — здоровье. Никаких других мыслей, лады?

ЭММА. Лады.

КАРАТ. Я тебе бульончик тут приволок, курицу.

ЭММА. Ничего не хочу.

КАРАТ. Хоть попробуй малость.

ЭММА. Аппетита нет, а без желания даже скотина не ест.

КАРАТ. Много понимает твоя скотина.

ЭММА. Белянке сейчас тоже — не до пищи... А уж коли начнёт жвачку жевать — наша взяла. А ты сам-то как ешь?

КАРАТ. Ты на меня, старика, не равняйся, я живу на бургундский манер: ангелы едят раз в сутки, люди в два, а три раза и больше — свиньи...

ЭММА. Буду — как ангелы...

КАРАТ. Тебе силы восстановить надо.

ЭММА. Отдыхом, отдыхом они восстановятся... Езжай, отец, я устала... Маме — привет и пока ничего такого, лады?

КАРАТ. Лады. *(Уходит.)*

Входит тётя Маша, становится на колени.

ТЁТЯ МАША. Эмма Карловна, извиняйте дуру неразумную... Уж Вы, родненькая, сделайте милость, не серчайте... Што я натворила... Да разве ж я бы коровы себе не купила, разве ж свет на корове клином стоит?

ЭММА. Встаньте! Встаньте сейчас же!!

ТЁТЯ МАША. По дурости я... да разве ж я знала, што такое приключиться может, теперича век себя казнить буду...

ЭММА. Чего уж там... Вы-то причём, раз у меня организм никудышний...

ТЁТЯ МАША. Я вот шанешек испекла, а тут — саламат, пользительный он, и кедровые орешки, очищенные... Кушайте, на здоровье, поправляйтесь.

ЭММА. Зачем мне столько всего... Зря беспокоитесь...

ТЁТЯ МАША. Какое беспокойство, да я для Вас... жизни не пожалкую, Вы, как родная нам с Пашей... Мы и кровь сдали, сперва вроде за негодную признали, а я говорю, чем наша кровь

хужее других, еслив мы в сиротстве росли, то разве ж виноваты в этом...

ЭММА. Что Вы со мною делаете, тётя Маша... Я вот сейчас возьму и разревусь.

ТЁТЯ МАША. Голубушка моя. *(Обе плачут.)*

ЭММА. Телёночки живы?

ТЁТЯ МАША *(оживившись)*. Живут родненькие, молозиво пьют, уж такие резвенькие да красивенькие... Уж такие... *(Плачут.)*

ЭММА. Раскисли, бабы они и есть бабы.

ТЁТЯ МАША. Эмма Карловна...

ЭММА. А назвали как?

ТЁТЯ МАША. А как назовёте, так и будет.

ЭММА. Не приходилось... Крёстной быть... Тёлочка пусть будет Ноченькой..

ТЁТЯ МАША. И правда — Ноченька.

ЭММА. А бычка назовём — Дружком.

ТЁТЯ МАША. Дружок!

ЭММА. Ноченька и Дружок!

ТЁТЯ МАША. Эмма Карловна, мы, значится, с Пашей посоветовались — и порешили: Дружка, как окрепнет, к Вам сведём.

ЭММА. Что Вы! Что вы!

ТЁТЯ МАША. И... и не говорите! Сказано — и всё тут! Кабы не Вы, ни Белянки нашей, ни Дружка, ни Ноченьки — никого бы не было... И не забижайте нас. *(Прощаясь, уходит.)*

ЭММА *(одна)*. Вот у меня и ребёночек есть. *(Плачет.)*

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЖАТВА

Картина первая

Марьина роща. Повариха откормила народ. Появляется Валера.

ВАЛЕРА. Давайте знакомиться: корреспондент районной газеты...

ТЁТЯ МАША. Да знаю тебя... как облупленного...

ВАЛЕРА. Э-э... у меня вполне официальное задание... написать о Вас в газету.

ТЁТЯ МАША. Ишшо чо выдумал?

ВАЛЕРА. Ещё о жатве... как убирают... как отдыхают...

ТЁТЯ МАША. Кто ж в страду отдыхает? Лодыри только што...

ВАЛЕРА. Как питание?

ТЁТЯ МАША. Кормим — не забижаются.

ВАЛЕРА. Всем хватает?

ТЁТЯ МАША. Ишшо и остаётся.

ВАЛЕРА. Много остаётся?

ТЁТЯ МАША. Ты, может, исть хочешь? Так и скажи! *(Наливает борщ.)* Ешь!

ВАЛЕРА *(мнётся)*. А к борщу что?

ТЁТЯ МАША. Извиняйте, водочки у нас нету, не водится.

ВАЛЕРА.Я бы... второе: борщ мне нельзя — гастрит.

ТЁТЯ МАША. Мясо што ль?

ВАЛЕРА. Только без косточки, пожалуйста, грызть — у меня зубы не те.

ТЁТЯ МАША. Какое же мясо без костей? Язык без костей быват, а мясо — нет.

ВАЛЕРА *(ест)*. Я Вас понимаю, Вы в обиде на нас из-за бычка... Но ведь не я у Вас прибрал его — Эмма, даю честное корреспондентское... А я с самого начала был против... Мы и разошлись, можно сказать, из-за принципиальных соображений... Я был против, чтобы брать... А бычка вернуть — раз плюнуть... Вот подпишитесь тут и — бычок Ваш опять.

ТЁТЯ МАША *(отстраняет бумагу)*. Чего, чего?

ВАЛЕРА. Не понятно? Так это проще пареной репы: в этой бумаге указано, что ветврач вынудила Вас отдать за операцию бычка...

Появляется Павел, слышит последнюю фразу Валеры.

ТЁТЯ МАША. Я те, прохиндей, покажу бычка!

ПАВЕЛ *(отстраняет мать)*. Отойди, мам, чтобы ничего не видела и не слышала... Ты у меня безграмотная, некультурная... интеллигентному обхождению не обучена, а стеснить нас — стеснишь. *(К Валере.)* Слушаю.

ВАЛЕРА. Если все недоразумения из-за бычка, то его вернуть можно, правда, мы с Эммой не живём теперь, поэтому... Вам придётся бумагу подписать, дело, конечно, хозяйское... Подпишите — бычка вам вернут.

ПАВЕЛ. А ты знаешь, что я для Эммы Карловны кровь сдавал?

ВАЛЕРА. Может ещё чего, откуда мне знать, что у вас было.

ПАВЕЛ *(хватает за горло)*. Убью, гад!

ВАЛЕРА *(хрипит)*. Засажу, заморыш!

ТЁТЯ МАША. Паша, Паша, не смей! *(Подбегает сзади, тянет его.)* Не смей!!

ВАЛЕРА *(вырывается)*. Вы у меня взвоете! Быдло! *(Убегает.)*

ПАВЕЛ *(бросает вослед фотоаппаратуру, оставшуюся в руках)*. Вернись за портфелем! *(Швыряет его под ноги.)*

ТЁТЯ МАША *(поднимает его, вытирает)*. Пашенька, не надо, сыночек, плюнь на них... Засудют ведь... сила у них какая...

ПАВЕЛ. За что?! На подлость не пошли — за это?

ТЁТЯ МАША. Мало судили? Где твой отец, знаешь?

ПАВЕЛ. Ты ж говорила... авария.

ТЁТЯ МАША. Никакая не авария... За драку посадили его. *(Плачет.)* Я как глянула на тебя — сердечушко оборвалось: показалось — отец это...

ПАВЕЛ. Что ты, мам, что ты... успокойся.

ТЁТЯ МАША. Забожись: не будешь драться!

ПАВЕЛ. Я ж не драчун... А ты даёшь слово об отце всё рассказать?

ТЁТЯ МАША. Так чо рассказывать-то... взяли его, а он твердит знай, всё будет хорошо, Мария, я скоро вернусь, у меня, говорит, факты о хищениях, жуликов, говорит, мы повыведем... Ты, говорит, ухаживай за берёзкой моей, у ключа...там, где мы первый раз встретились...подсаживай, говорит... *(Плачет.)* Я и садила...

Появляется Сурлана, видит плачущую тётю Машу, обнимает её.

СУРЛАНА. Не плачьте, Тётя Маша, не плачьте, тётя Маша. *(Всхлипывает.)*

ПАВЕЛ. Будет вам... Довольно. Давайте есть.

ТЁТЯ МАША*(спохватившись)*.Так я ж тебя ишшо не кормила... Сурлана, ты, чай, голодна?

СУРЛАНА. Нет.

ТЁТЯ МАША. А ты, деточка, не стесняйся.

СУРЛАНА. Правда, я не хочу.

ТЁТЯ МАША. Садись, посиди с нами, борща хватит, а мяса нет: корреспондент уплёл.

СУРЛАНА. Мне бы попить...

ТЁТЯ МАША. Молочка испей... вот и Павел мой молочко любит... Беляночке спасибо, не скупится на молочко.

СУРЛАНА. Оправилась уже от операции?

ТЁТЯ МАША. Оправилась. И Ноченька здоровенькая, можешь посмотреть.

СУРЛАНА. Я зайду, если Павел позволит.

ПАВЕЛ. За показ деньги не берём, приходи.

СУРЛАНА *(выпила молоко)*. Спасибо. *(Уходит.)*

ТЁТЯ МАША. Мог бы с девчонкой повежливей... Сидит, как сыч.

ПАВЕЛ. Я не червонец, чтобы всем нравиться.

ТЁТЯ МАША. Девка не балованная, приветливая...

ПАВЕЛ. Уж не женить ли собралась?

ТЁТЯ МАША. Холостёжь в Кильбене меткая, того гляди в двоёную пару вклинится...

ПАВЕЛ. Давай-ка, мам, не будем об этом.

ТЁТЯ МАША. А я так думаю: натокался на девку — бери, в одной поре молодята.

ПАВЕЛ. Не для меня всё это.

ТЁТЯ МАША. А чо для тебя? Как Валерка-корреспондент по чужим огородам шастать? Дурацкое дело не хитрое, токо ж оно голимое человеческое свинство!

ПАВЕЛ. Я думаю об учёбе, а ты — о женитьбе.

ТЁТЯ МАША. Научился — хватит. Кому говорила, не ездий в Москву, без нас там тесно, а денег на подарки нету.

ПАВЕЛ. Ты что мелешь, какие подарки!

ТЁТЯ МАША. Знамо, какие. Вона Палкины корову продали, и поступила Алка, а в прошлом годе пожалели корову, и не набрала чегой-то...

ПАВЕЛ. Баллов.

ТЁТЯ МАША. Во-во... в этим годе набрала баллы, корову продали — и набрала. Дорого ж родителям ваши баллы обходются.

ПАВЕЛ. Да в педагогический я в любую секунду поступлю!

ТЁТЯ МАША. Вот и поступал бы... Алка учителкой скоро станет... И ты б мог.

ПАВЕЛ. Да пойми, мам, не Макаренко, не Сухомлинский я... не могу и не хочу учить, понимаешь?

ТЁТЯ МАША. В медицину пошёл бы... вишь, здоровье какое у меня... к вечеру руки — как вытягиваются, и тоска в них — хоть рёвом реви!

ПАВЕЛ. Не верю я докторам, сколько ты ходишь к ним, сколько таблеток переглотала — ну и что? Миллионы тонн жрёт человечество лекарств, а толку-то?

ТЁТЯ МАША. Принц, выискался: и того не хочу, и другого не нада... А забыл, как Эмма Карловна Белянку нашу спасла?

ПАВЕЛ. Такое не забывается, но мне своего дела хочется, своего!

ТЁТЯ МАША. Кильбена ль не своя? Чем тебе не глянется в ней? Женился бы, я бы внучат няньчила на старости лет...

ПАВЕЛ. Я не оставлю тебя одну.

ТЁТЯ МАША. А в Москву обратно поехал... А по мне, стой она ещё тыщи лет, мы и в Кильбене проживём не хуже в чужие огороды негоже заглядывать, нада свои обихаживать, испокон веков люди к земле тянулись... Земля — одна не обманет, только ты постарайся для неё — сторицей отплатит.

ПАВЕЛ. Мам, прокормить я и себя, и тебя везде сумею... Но посмотри вокруг, гараж и хлев, телевизор и ковёр, кримплен и чёрт знает ещё что! Обнавозились, мошну набивают...

ТЁТЯ МАША. А как же, сынок, без навоза молочка не получишь, а ты до него большой охотник.

ПАВЕЛ. Я не в том смысле, что за коровой убирать зазорно, а в том, что других дел, кроме питья да пищи — нету! Разговоров человеческих — нету! Только — что купил, сколько получил...

ТЁТЯ МАША. А в Москве про иное толкуют?

ПАВЕЛ. Отстань, мам! *(Встаёт.)*

Появляется Карл Андреевич.

КАРАТ *(здоровается за руку)*. Как клинышек, Павел Степанович?

ПАВЕЛ. Нормально, Карл Андреевич.

КАРАТ. Сегодня добьёте?

ПАВЕЛ. Работать до звёзд — наш девиз.

КАРАТ. С таким девизом — до звёзд — рукой подать. Надеюсь на тебя...

ПАВЕЛ. Пока здесь, не подведу.

КАРАТ. Вот бы и оставался.

ПАВЕЛ. Но почему именно я должен оставаться? Почему зазорно искать что-то поинтересней?

КАРАТ. В средневековом Шартре путнику повстречались три тачкаря. «Что делаете?» — спросил он каждого. Один ответил: «Тяжёлую ношу тащу, будь она проклята!» Другой ответил: «На хлеб зарабатываю», а третий ответил: «Я строю Шартрский собор!»

ПАВЕЛ. Я Вас понимаю, Карл Андреевич, меня поймите! Пахать, хлеб растить, убирать — мало мне. Меня не работа отпугивает, не тяжесть её, ведь и счастье — не в тяжести труда: лошадь работает, заключённые тянут лямку, но это не значит, что счастливы они, потому что вкалывают. Я чувствую в себе силу и хочу испробовать большее, чем дано каждому, я хочу дойти до всего сам, наконец, понять этот мир!

КАРАТ. В сельской местности сколько проживает?

ПАВЕЛ. Больше ста.

КАРАТ. Вот откуда следует познавать мир...

ПАВЕЛ. Только без агитации, Карл Андреевич, газет и журналов больше Вашего читаю, и книг, конечно...

КАРАТ. Я не агитирую, а прошу тебя остаться на родной

земле... Хочешь, я на колени стану и буду просить тебя, и друзей твоих остаться... Кильбену без вас — не поднять...

ПАВЕЛ. Почему Валеры уезжают, а мне не резон.

КАРАТ. Объясню... Валера уедет — село не обеднеет, оно даже не заметит... Но если уезжает вожак, биологический лидер, понимаешь, который способен людей за собой вести, если уедет такой человек, захиреет село, кто поднимет его? Телевизор не заменит человека, живого творческого дела... Нам всё по плечу: творчество, искусство, техника... Вон Валера в одиночку с камерой шастает — создавай студию...

ПАВЕЛ. Почему киностудию?

КАРАТ. Ну... футбольную команду, ну... что хочешь? Давайте инструменты купим, школу музыкальную открою... Что тебе надо? Требуй!

ПАВЕЛ. Карл Андреевич, Вы меня оглушили...

КАРАТ. Я выстрою тебе дом на берегу пруда... Нарисуй мне на бумаге вид, форму его... гараж построю, ну?

ПАВЕЛ. Шутите...

КАРАТ. Дурень ты после этого... Я никогда ещё не говорил так серьёзно.

ПАВЕЛ. Извините, Карл Андреевич, не хотел Вас обидеть.

КАРАТ. Меня ты обидеть не можешь — ты себя обижаешь.

ПАВЕЛ. По-вашему, для села я достаточно учёный.

КАРАТ. Для села нужны лучшие умы, вернейшие руки... Прошло то время, когда каждый проезжий учил нас хлеб растить... учиться будешь заочно.

ПАВЕЛ. Где?

КАРАТ. Конечно, в сельскохозяйственном — на нашу стипендию... или в инженерном, или в строительном.

ПАВЕЛ. А если у меня литературный талант?

КАРАТ. Пиши.

ПАВЕЛ. Я хочу в литературный институт.

КАРАТ. Чего там делать?

ПАВЕЛ. Писать учиться, к тому ж поэты у нас — «только с дипломами ходют».

КАРАТ. Ты ещё не знаешь, о чём писать, а уже захотел писать учиться. Нет, брат, старого воробья на мякине не проведёшь, и о работе мне не говори. Ты не о работе думаешь, не о людях думаешь — о себе больше, о лёгкой жизни... Но учти, можешь потерять главное... У каждого должен быть в жизни свой стер-

жень, настоящее дело, профессия: хлеб растить, людей лечить... А стишки писать — это не профессия. Не зная досконально ни одного дела, жизни не зная, чего писать будешь? Иди вослед за Валерой, иди.

ПАВЕЛ. Вы, пожалуй, правы. Писак действительно больше, чем трудяг. Будучи в Москве, зашёл я в редакцию со стишками. Рассказали мне, в какие двери стучаться, только вижу, очередь на пути. Даже растерялся, не пойму, что за толпа, за чем выстроилась. Стою, разглядываю, а понял не сразу: это, оказалось, поэты в очереди стоят — в редакцию. Сретировался я — и восвояси.

КАРАТ. Пока очереди у нас нет, но верю, побегут люди из городов к нам... Дачи, поездки за город — это теперь мода, но и не только мода, а и симптом, Антея симптом.

ПАВЕЛ. Первый раз со взрослыми я поговорил по-взрослому.

КАРАТ. Что такое возраст? С годами время для человека ускоряет свой бег и за день ты успеваешь сделать всё меньше и меньше. Поэтому жизнь надо брать сразу, как быка за рога, вот почему так важен первый шаг по земле... у хлебороба — первое дело жизни — пахота, и от того, как будет работать плуг: пушить землю или царапать — зависит судьба плугаря: урожай он получит или фигу с маком.

ПАВЕЛ. Карл Андреевич, я всё намотал на ус. *(Уходит.)*

КАРАТ *(вдогонку)*. И у меня — камень с плеч. Запомни: скоро из городов в чистое поле устремятся люди.

ПАВЕЛ *(за сценой)*. В Кильбену!

ТЁТЯ МАША *(подходит к директору, плачет)*. Спасибо, Карл Андреевич, за Пашку моего. *(Кланяется.)* Думала, сиротою рос — никому не нужен.

КАРАТ. Ты вот что, мать, на свадьбу не забудь меня пригласить, такую свадьбу парню отгрохаем, чтобы вся Кильбена дивилась да на ус мотала! Лады?

ТЁТЯ МАША. Лады, Карл Андреевич, лады. *(Плачет.)*

Директор уходит.

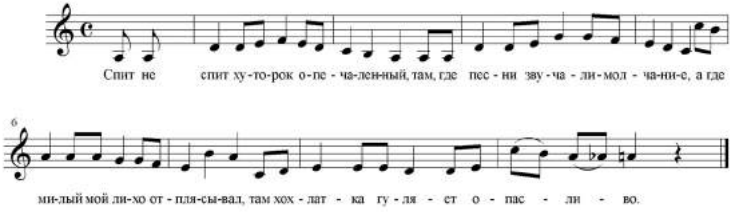
ТЁТЯ МАША. Да неужто и нас счастье не минет? Как вспомню про себя — нищета, непроходимая, непролазимая... Как послышу сердце своё — одну песню токо и знало. Пела

её да верила, што в детях счастье. Не обмануло сердечушко. *(Задумчиво поёт.)*

Спит не спит хуторок опечаленный,
там, где песни звучали — молчание,
а где милый мой лихо отплясывал,
там хохлатка гуляет опасливо.

К пяточку, где сходились мы парами
со своими нескладными парнями,
новых тропок с тех пор не проторено,
разлетелись все в разные стороны.

Только мы с хуторком неразлучные.
Хоть я знаю, места и получше есть —
но хохлатка гуляет здесь весело,
да малыш напевает мне песенки.



Занавес.

Картина вторая

Квартира Тимофеева. Капа накрывает стол. Является Валера.

КАПА *(в восторге)*. Валерик! *(Целует.)* В командировке, да?
ВАЛЕРА. Папа дома?
КАПА. Должен вот-вот придти.
ВАЛЕРА. Комиссия ещё не явилась?
КАПА. Какая комиссия?
ВАЛЕРА. С проверкой должны пожаловать.

КАПА. Нечего им тут делать.

ВАЛЕРА. И я говорю: нечего... Ну, да ничего — невпервой.

КАПА. Перекуси, пока отец не явится, а там и пообедаем вместе.

ВАЛЕРА. Я сыт — по горло... Разве что, смочить его. *(Наливает рюмку, пьёт.)*

КАПА. У кого же ты кушал?

ВАЛЕРА. Ни у кого... На озере был... ну, как всегда, пелядку брал... Вот она у меня где! *(Показывает на горло.)*

КАПА. Косточка застряла?

ВАЛЕРА. Ты же знаешь: пелядь — без костей! Накрыли, словом...

КАПА. Как накрыли?

ВАЛЕРА. Как, как! Сети, рыбу — всё накрыли. Плакали папины капроновые... Шестьсот рэ влупили, да ещё судом грозят. Жди скандала, факт.

КАПА. Да как они смеют!?

ВАЛЕРА. Посмели, падлюки... Теперь на отца — вся надежда.

КАПА. Я сейчас же позвоню Якову Лукичу!

ВАЛЕРА. Пусть папа... могут и из газеты турнуть из-за пелядки...

КАПА. Кто посмеет, кто? Кто, кто позволит? Все они у нас на приколе... Рыльце, чай, в пушку не у нас одних...

Появляется Тимофеев.

ТИМОФЕЕВ. Целый день нос чесался — к гостям, значит. Ну, здорово «собкор». От газеты или как ?

ВАЛЕРА. Соскучился, дай, думаю, загляну.

ТИМОФЕЕВ. Я смотрю — «жарки» у ворот, признаться подумал, по нужде приехал, а так чтоб соскучился — не подумал, извини.

ВАЛЕРА. Ну, не так, чтобы так, а всё же...

ТИМОФЕЕВ. Ну что ж, отличненько. Садись за стол, пообедаем по-семейному. Питаешься где?

ВАЛЕРА. Пока — где придётся...

ТИМОФЕЕВ. Всё больше по ресторанам... Губа не дура.

ВАЛЕРА. Да не-ет...

ТИМОФЕЕВ. Не юли, всё знаю... Я тебя посадил на журналистские сани, могу и ссадить!

ВАЛЕРА. Пожалуйста — надоело! И того нельзя, и это не тронь!

ТИМОФЕЕВ. Министром изволите, возжелать? Сей момент, будсделано.

ВАЛЕРА. Не смешно.

ТИМОФЕЕВ. Тогда и ты не смеши людей! Не позволю!!

КАПА. Не кричи на ребёнка! Столько не виделись...

ТИМОФЕЕВ. Зато наслышались! Он же авторитет мой — коню под хвост!

ВАЛЕРА. Ну и скажет папа — авторитет.

КАПА. Ты ещё не распросил ни о чём и — в крик. А может, сыну помочь надо? А может, у него беда?

ТИМОФЕЕВ. Знаю, какая помощь: монет на выпивон подкинуть.

КАПА. А вот и нет! У него — сети отняли.

ТИМОФЕЕВ. Какие сети? Мои?? Капроновые???

ВАЛЕРА. А какие ж ещё...

ТИМОФЕЕВ. Как, как, как ты посмел, негодяй!?

ВАЛЕРА. Тебе — можно, а мне — нельзя, да?

ТИМОФЕЕВ. Сопляк! Да я... да тебя... за такие вещи... *(Набрасывается на сына.)*

КАПА *(встаёт между ними)*. Не позволю!

ТИМОФЕЕВ. Прочь, сука!

КАПА. Лучше меня ударь!

ВАЛЕРА. Будешь орать — пасть порву.

ТИМОФЕЕВ. Вон из моего дома, вон!

ВАЛЕРА. Предкам — адью! *(Хлопает дверью.)*

ТИМОФЕЕВ *(вослед)*. Чтоб и ноги твоей здесь! *(Ходит из угла в угол, наливает рюмку, пьёт.)*

КАПА *(пьёт лекарства)*. Что ты наделал? Родного, единственного сына прогнал! Сын за отцовской помощью пришёл, а ты его — в шею...

ТИМОФЕЕВ. Тунеядец он, весь — в тебя.

КАПА. Хлебом попрекаешь? Уйду! *(Истерически плачет.)*

ТИМОФЕЕВ. Этого только не хватало.

КАПА. Когда здорова была, ручки, ножки целовал, ананасными конфетами обсыпал, а заболела — как и сына — из дому, да? Мало тебе юбок в конторе, в дом вертихвостку за-

думал впустить, на всё готовенькое, в дом, где всего — ешь, не хочу! На перины, на ковры, на хрусталь! *(Остервенело.)* Кто: по крохам, по капелькам, по ниточкам собирал? Кто вещичку к вещичке подбирал? Кто в амбары, баночка к баночке, мешочек к мешочку стаскивал? Кто отбирал, вешал, хранил? Не дам: моё!! Не дам!!! Всё — моё! Всё!

ТИМОФЕЕВ. Ты что, баба, спятила?

КАПА. Думаешь — дура, не вижу, не слышу, не понимаю...

ТИМОФЕЕВ. Да не скули, и без тебя, хоть в петлю...

КАПА. Кто я тебе, кто?

ТИМОФЕЕВ. Жена — вот кто!

КАПА. Чего не звонишь Якову Лукичу?

ТИМОФЕЕВ. И над Яковом есть... всякие...

КАПА. Оштрафовали ведь... на шестьсот рублей! А за что?

ТИМОФЕЕВ. Меня кто-нибудь штрафовал? Голову надо иметь на плечах, а не винный бочонок! Я же наказывал сукину сыну: не лезь без меня, напорешься. Из-за одного дурака — дело может разладится... Не сказал, чьи сети?

КАПА. Да что он дитя малое... Позвонил бы, Яшеньке, хоть бы штраф скостили, одни сети вона сколько стоят.

ТИМОФЕЕВ. Лопух, дубина, охломон! А ты всё: сыночек, красавчик...

КАПА. Я ли, ты ли, сын-то — наш, помочь-то ты должен.

ТИМОФЕЕВ. Ничего я не должен ему! Он — мне должен! На работу я его устроил? Устроил! А работёнка — злак, всё — в руках, везде — связи, всюду — свой человек, желанный гость, а что не так — и давануть можно... Дачу ему выстроил? Машину купил? *(Передразнивает.)* Оранжевую, как жарки... К чёрту! Баста!

КАПА. Тогда я сама к Якову Лукичу обращусь.

ТИМОФЕЕВ. Только посмей!

КАПА. Какая мать не защитит ребёнка?

ТИМОФЕЕВ. Дура ты, и помощь твоя дурацкая, мало ль ты лезешь в затычку каждую... Жалоба в райкоме на трёх страницах...

КАПА. А всё Эммочка твоя преподобная... Сорвалось у неё с Валериком, вот и мутит воду.

ТИМОФЕЕВ. Да, развелось умников, как мышей... И грызут, и грызут... Капканы, капканы надо ставить!

КАПА. Сам ты виноват, сколько я твердила тебе: не давай

людям потачки, так нет же, нет! Каждому готов угодить. Да разве ж люди понимают ласку, разве добро понимают люди? Не стоят они того, чтоб для них добро делать! Тридцать три спасибочки им, дулю под нос, вот!

ТИМОФЕЕВ. Ты не сунешь, сам с носом останешься.

КАПА. Так не всем же подряд! Неужто людей не знаешь? Вот счас для них расшибаешься, а случись что — первые ж и заклюют!

ТИМОФЕЕВ. Меня? Подавятся!

КАПА. А в Озёрном забыл? Вот и здесь писать зачали, писаки... Моя б воля, бумагу б жевали свою...

ТИМОФЕЕВ. Плевал я на всех. Я не рождён жуком навозным... Кооперативка на подходе, должностишка для меня всегда отыщется. Гори в этом конце — уйду в другой. *(Подходит к окну, смотрит на горшки.)* Цветы — совсем пропали. А где ж земля делась? Ты ешь её, что ли?

КАПА *(сникла)*. Ну.

ТИМОФЕЕВ. Землю?! Неужели правда?

КАПА. Правда.

ТИМОФЕЕВ. С ума спятила!

КАПА. Так если организм требует...

ТИМОФЕЕВ. Мало твоему организму шоколадов-мармеладов, сервисов-консервисов — она землю жрёт!

КАПА. Жалко что ль?

ТИМОФЕЕВ. Ты в самом деле не понимаешь? Такого ещё не бывало, чтобы жёны директоров совхозов да землю ели!

КАПА. А кто знает? Никто.

ТИМОФЕЕВ. Утешила... И давно эта блажь у тебя?

КАПА. С беременности ещё... Помнишь, когда доктора анемию у меня признали... Пришлось аборт сделать... Вот с той поры. Я когда с больницы шла мимо стройки, на меня так пахнуло землёй — всю слюной извело, голова кругом зашлась... Я и взяла горсть земли и понюхала, а потом и лизнула — как молотая черёмуха... Понравилось.

ТИМОФЕЕВ. Мне-то почему не созналась?

КАПА. Боялась... Думала, что отвыкну... пробовала травами, лекарствами всяко-разными отбрить — не помогает.

ТИМОФЕЕВ. А с медициной советовалась?

КАПА. Ага, попробуй скажи — разнесут по всему свету.

ТИМОФЕЕВ. И то правда. А пробовала не есть?

КАПА. Пробовала.

ТИМОФЕЕВ. Ну?

КАПА. Не могу. Каких-то микроэлементов или чего другого не хватает.

ТИМОФЕЕВ. Вот у тебя чего не хватает. *(Крутит у виска.)* М-да, дела-а... Ну вот что, ешь землю, асфальт, бетон, чугун — что душа возжелает, лишь бы ни одна собака ни-ни!

КАПА. Кто ж себе враг...

ТИМОФЕЕВ. М-да, си-ту-а-ция... Сервис-консервис... Я тебе когда землю под цветы приносил?

КАПА. Я уж и забыла.

ТИМОФЕЕВ. Привезти?

КАПА. Ага.

ТИМОФЕЕВ. Давай тару.

КАПА *(приносит целлофановый мешочек)*. Вот.

ТИМОФЕЕВ. Давай ещё..

КАПА. Может, хватит?

ТИМОФЕЕВ. Давай, давай... А останется — в холодильник положишь или выбросишь, чего землю жалеть.

Занавес.

Картина третья

Кабинет Тимофеева. Ожидается ответная комиссия по подведению итогов работы. Глаша приводит в порядок кабинет. Входит Тимофеев.

ТИМОФЕЕВ. Ты уже здесь? Молодец. Ну и денёк, я тебе скажу, ожидается.

ГЛАША. Доброе утро, Вениамин Георгиевич, не беспокойтесь, всё будет в полном ажуре.

ТИМОФЕЕВ. Режим номер два! Всем — языки на замок! Ненадёжных — с глаз долой!

ГЛАША. А заговор какой нынче пойдёт?

ТИМОФЕЕВ. На сегодняшний случай — не знаю.

ГЛАША. А этот? *(Достаёт коньяк, стопки, наливает.)*

ТИМОФЕЕВ. Ну, разве чтоб хвост не дрожал *(Смеются, пьют.)*

ГЛАША. Пожалуйста. *(Подаёт сигарету, курит сама.)*

ТИМОФЕЕВ *(кладёт сигарету)*. Я пожалуй конфеточкой закушу...М-да-а, си-ту-а-ци-я... Вот что, поторопи Тебляшкину. *(Остаётся один.)*

Появляется Капа.

КАПА. Вень, обед готовить на сколько персон?

ТИМОФЕЕВ *(вскочив)*. Сгинь, сгинь, сгинь!

Капа пожимает плечами, уходит. Тимофеев, насвистывая арию Ленского «Что день грядущий мне готовит...», переставляет с места на место знамя. Входит Тебляшкина.

ТЕБЛЯШКИНА. Доброе утро, Вениамин Георгиевич.

ТИМОФЕЕВ. Тьфу, тьфу!

ТЕБЛЯШКИНА. Уж не на меня ли плюётесь, товарищ директор?

ТИМОФЕЕВ. Это я от сглазу. Как только ты пожелаешь доброго утра, обязательно пакость какая-нибудь приключится.

ТЕБЛЯШКИНА. Я не виновата, если у Вас пакости приключаются.

ТИМОФЕЕВ. У меня? Отличненько! А у Вас?

ТЕБЛЯШКИНА. А мы свою работу делаем фундаментально! *(Подходит к окну.)* Полюбуйтесь, Доска показателей, каких в крае не сыщешь! *(Вдруг кому-то кричит в окно.)* Отойди от объекта!

ТИМОФЕЕВ. А показатели?

ТЕБЛЯШКША. Я как председатель рабочкома отвечаю за Доску.

ТИМОФЕЕВ. Ты — за доску, я — за показатели... Хитра.

ТЕБЛЯШКИНА. А спецы на что? Их у Вас, главных и не главных — дюжина!

ТИМОФЕЕВ. Там. *(Показывает наверх.)* Будут считать не агрономов, а мои ребра.

ТЕБЛЯШКИНА *(пробуя шутить)*. Не доберутся.

ТИМОФЕЕВ. Не щекотали, не знаешь.

ТЕБЛЯШКИНА. Всякое случалось...

ТИМОФЕЕВ. Про некоторые случаи уже и в райкоме известно.

ТЕБЛЯШКИНА. Сплетни всё! Если людей послушать, то будто в конторе даже нет-нет да и случится что...

ТИМОФЕЕВ. Так вот твоя задача и состоит в том, чтобы не шептались люди.

ТЕБЛЯШКИНА. А кому больше всех дела известны? Кого Вы под крышей своей пригрели?

ТИМОФЕЕВ. Да, промашка вышла... в пузатую гирю.

ТЕБЛЯШКИНА. Не умеете ценить, Вениамин Георгиевич, настоящую любовь и преданность.

ТИМОФЕЕВ. Не вижу.

ТЕБЛЯШКИНА. Да уж я ли не стараюсь...

ТИМОФЕЕВ. Рабочком так до конца дело с бычком и не довёл?

ТЕБЛЯШКИНА. У неё ж бюллетень...

ТИМОФЕЕВ. Ещё и бюллетень оплатили! Совхозную, кровную работу делать больна была, а за бычка операцию делать — не больна?

ТЕБЛЯШКИНА. Тётя Маша отказалась подписать бумагу.

ТИМОФЕЕВ. А у Вас свидетелей не нашлось? Если одна дура не подписалась для своей же выгоды, так что теперь и караул кричать?

ТЕБЛЯШКИНА. Завтра ж рабочком соберу.

ТИМОФЕЕВ. Спешка нужна лишь при ловле блох. Свидетелей сделайте, материалы готовьте, а я введу в курс дела Якова Лукича, и тогда одним махом — и чтоб духу её здесь не было!

ГЛАША *(вбегает)*. Едут!

ТИМОФЕЕВ. Как, уже ? *(Выбегает.)*

Тебляшкина лихорадочно пудрится, красится. Входят Тимофеев, Яков Лукич, Величко.

ТИМОФЕЕВ. Проходите, гости дорогие, будьте, как дома.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Здравствуйте. *(Подаёт руку Тебляшкиной.)*

ТЕБЛЯШКИНА. Здравствуйте, Яков Лукич, очень рада.

ВЕЛИЧКО. Здравствуйте.

ТЕБЛЯШКИНА. Здравствуйте.

ТИМОФЕЕВ. Может, боржомчику... хорошо охлаждает...

ЯКОВ ЛУКИЧ. На улице белые мухи летают.

ТИМОФЕЕВ. Как прикажете.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Начинайте.

ТИМОФЕЕВ. Начнём, пожалуй.

ВЕЛИЧКО. Мне кажется — с документации начнём...

ТЕБЛЯШКИНА *(с готовностью подаёт папку)*. Пожалуйте, тут всё — как на ладони.

ТИМОФЕЕВ. Главное обязательство выполнено: первые закончили жатву. Шли на рекорд, не жалея сил.

ВЕЛИЧКО. Так у вас же убирать нечего было!

ТИМОФЕЕВ. Сказалась запущенность хозяйства, которое я принял...

ТЕБЛЯШКИНА. Мы Доску показателей завершили!

ВЕЛИЧКО. Солидная у вас доска. *(Смотрит в окно.)*

ЯКОВ ЛУКИЧ. Из-за неё солнца в кабинете меньше.

ТИМОФЕЕВ. На что не пойдёшь ради общей пользы...

ЯКОВ ЛУКИЧ. На вашу бы Доску да показатели ваших соседей...

ТИМОФЕЕВ. Дайте срок, Яков Лукич, всё будет.

ВЕЛИЧКО. Я предварительно просматривал ваши отчёты, имеется неувязочка.

ТИМОФЕЕВ. Быть не может: проверял лично.

ВЕЛИЧКО. Семнадцать тёлок переведены в коровы в прошлом месяце...

ТИМОФЕЕВ. Всё правильно. Числится у нас всего 270, из коего числа и составили вышеназванные тёлочки эту цифрочку.

ВЕЛИЧКО. А по другим документам за прошлый месяц телят на откормочную площадку поступило 12, а где ещё пять?

ТИМОФЕЕВ. Почему пять?

ВЕЛИЧКО. Семнадцать тёлок переведены в коровы, значит, от них должно поступить семнадцать телят на откормочную площадку, а поступило только двенадцать, семнадцать минус двенадцать равняется пять, где они?

ТИМОФЕЕВ *(К Тебляшкиной)*. Где?

ТЕБЛЯШКИНА. В документах девчата напутали.

ТИМОФЕЕВ. Выясните.

ТЕБЛЯШКИНА. Так это ж на откормочную площадку надо идти.

ТИМОФЕЕВ. Идите!

ТЕБЛЯШКИНА. Как же я пойду?

ТИМОФЕЕВ. Езжайте на машине.

ТЕБЛЯШКИНА. Там же Гром...

ВЕЛИЧКО. Гром?

ТИМОФЕЕВ. Племенной бык у нас... с характером, вот и назвали «Гром».

ТЕБЛЯШКИНА. Он хуже тигра, его давно браковать пора.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Выбраковать племенного бычка — это дороже Доски показателей станет!

ТЕБЛЯШКИНА. Он уже срывался и не раз.

ВЕЛИЧКО. Быков бояться — в совхозе не работать.

ЯКОВ ЛУКИЧ. У Вас ведь образование зоотехника, так ведь?

ТЕБЛЯШКИНА. Так.

ТИМОФЕЕВ. Не смеши людей. Живо! Одна нога — здесь, другая — там!

Тебляшкина уходит, как на казнь.

ТИМОФЕЕВ. М-да-а, си-ту-а-ци-я... Кадров, понимаете, нет — вот что нас губит. Эта вот зоотехником значит приехала... А ветврач? Горе одно! Частный сектор обслуживает, таксу установила: кесарево сечение — бычок, а работу совхозную запустила: больна, видите ли, бюллетенями обвешалась, а государство страдает...

ЯКОВ ЛУКИЧ. А чего держите таких? Гоните в шею! Замены не найти?

ТИМОФЕЕВ. Примем к сведению, Яков Лукич.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Молодёжь вербовать надо!

ТИМОФЕЕВ. Бегут, бегут... В городе — театры, магазины, налаженный быт...

ЯКОВ ЛУКИЧ. Налаживайте и вы, кто не даёт? Строить надо, увлекать перспективой... Люди на вырост нужны, растите сами, выращивайте молодёжь, нянек нет и не будет.

ТИМОФЕЕВ. Учтём Ваши советы, Яков Лукич.

ЯКОВ ЛУКИЧ. К людям надо идти — не отгораживаться, от них...

ТИМОФЕЕВ. Будет, Яков Лукич, будет... Будет, как говорится, и в нашем окошке свет.

Вдруг слышится шум за окном, крик. В окно ринулся сноп солнечного света, это рухнула доска показателей. Окно распахивается, судорожно хватаясь за подоконник, с благим матом влезает Тебляшкина. Все застыли от неожиданности, на шум вбегает Глаша.

ЯКОВ ЛУКИЧ. Что, что за фокусы?

ТИМОФЕЕВ *(бросается к окну, уронив знамя, зацепившись за него)*. Безобразие!

ВЕЛИЧКО *(подхватив знамя)*. Что такое?

ТЕБЛЯШКИНА. Убивают! Спасите! Помогите!

ТИМОФЕЕВ *(подхватывает её)*. Кто? Кто? Кто?

ТЕБЛЯШКИНА. Бык!... я же говорила... будучий он. *(Плачет.)*

Все сгрудились у окна, кричат, советуют, сокрушаются.

ТЕБЛЯШКИНА. Я же говорила...я же предупреждала...

В кабинет врывается дядя Коля в нетрезвом виде, Глаша, заметив, стала оттеснять его.

ГЛАША. Сюда нельзя! Нельзя, говорят!!

ДЯДЯ КОЛЯ. Я м-может аванец п-получить ж-желаю... Сети капроновые я п-подарил? П-подарил... П-пелядку п-промышлять научил? Научил... Где об-об-обещанное? об-об-об-об... И где? *(Его выталкивают в шею.)*

Занавес.

Картина четвёртая

Склон холма. Каменная баба.

СУРЛАНА *(запыхавшись)*. Ой, не могу... сердце совсем зашлось. *(Прикладывает руку к груди, смотрит на часы, прикладывает их к уху.)* На целый час прибежала раньше, дурёха, на целый час... Куда я себя дену? *(Видит Павла.)* Павлик!

ПАВЕЛ. Сурлана!

СУРЛАНА. А я боялась... Вот здорово!

ПАВЕЛ. Догадалась, что записку я писал?

СУРЛАНА. Конечно.

ПАВЕЛ. Удивилась?

СУРЛАНА. Нисколечки.

ПАВЕЛ. Почему?

СУРЛАНА. Я ждала.

ПАВЕЛ. Вчера? Сегодня?

СУРЛАНА. Каждый день.

ПАВЕЛ. Каждый день?!

СУРЛАНА. Не веришь?

ПАВЕЛ. Боюсь поверить.

СУРЛАНА. Верь.

ПАВЕЛ. А если б не пригласил?

СУРЛАНА. Этого не могло быть.

ПАВЕЛ. Почему же?

СУРЛАНА. Я так хотела.

ПАВЕЛ. Вот взял бы и не пригласил.

СУРЛАНА. Такого не бывает.

ПАВЕЛ. Сколько хочешь: «Юноша девушку любит, а ей полюбился другой, но тот — не её, а другую назвал своей дорогой» — Гейне.

СУРЛАНА. Значит, у них — не по-настоящему.

ПАВЕЛ. Вот ты какая...

СУРЛАНА. Какая?

ПАВЕЛ. Умеющая желать и ждать.

СУРЛАНА. Мне дедушка рассказывал, как твоя мать, тётя Маша, каждую весну приходила к берёзке, возле которой впервые встретила твоего отца, и возле которой они расстались... Она ждала его здесь... каждую весну, а он не приходил... «Кильбен» — говорил наш народ, но она приходила снова и снова и каждую весну сажала новое деревце. И все в нашей деревне каждую весну спрашивали друг друга: «Кильбен?» и отвечали: «Кильбен». Твой отец не вернулся, но шумит роща, Марьина роща. Если ты уедешь от меня, я буду ждать тебя так же.

ПАВЕЛ. Сурлана, я многое передумал за последнее время. Я был не прав... Творчеством и вообще работой можно заполнить какой-то час, день, год жизни, но между часами, днями, годами — остаётся пустота... Только любовь, преданная, глубокая, единственная — может заполнить собой всю жизнь без остатка...

СУРЛАНА. Я это всегда понимала... сердцем.

ПАВЕЛ. Я тебе никому не уступлю... Ты — моя. *(Целует.)* Я поставил на твоём теле тамгу — знак собственности.

СУРЛАНА. Что ж теперь делать?

ПАВЕЛ. Мне — жениться, тебе — выходить замуж...

СУРЛАНА. Странно... Ты и вдруг — муж... Страшно.

ПАВЕЛ. Почему?

СУРЛАНА. А вдруг ты разлюбишь меня? Обижать станешь...

ПАВЕЛ. Я не истерик и не психопат, это они не постоянны.

СУРЛАНА. А вдруг пить станешь?

ПАВЕЛ. Пьют не вдруг и не всяк, пьяницу видно издалека.

СУРЛАНА. Ты — русский, а я — нет.

ПАВЕЛ. Ну и что же?

СУРЛАНА. Смогу ли я?

ПАВЕЛ. Не святые горшки лепят.

СУРЛАНА. Но пока у меня горшки бьются. *(Смех.)*

ПАВЕЛ. Сразу — условие.

СУРЛАНА. Принимается.

ПАВЕЛ. Но ты же не знаешь ещё, какое!

СУРЛАНА. Любое... Ты ведь глава семьи.

ПАВЕЛ. Именно это я и хотел сказать: главой семьи, чур, буду я.

СУРЛАНА. Я буду хозяйкой, после работы — ужин готовить.

ПАВЕЛ. На работу ты не пойдёшь!

СУРЛАНА. Что же мне делать?

ПАВЕЛ. Детей рожать.

СУРЛАНА *(смутилась, отвернулась)*. Ну и буду! *(Заплакала.)*

ПАВЕЛ *(кинулся к ней)*. Сурлана, ты извини, пожалуйста, прости меня, я не хотел обидеть! Я не буду! Я ведь пошутил!

СУРЛАНА *(поворачивается к нему)*. Глупенький... Я от счастья плачу. *(Поднимается, идёт к месту для костра)*. Дедушка любит сидеть у костра, а дрова кончились. Давай насобираем.

ПАВЕЛ. Я готов на себе привезти целый воз! *(Уходит за Сурланой.)*

Появляется Карат.

КАРАТ *(видит пустой костёр)*. Дров-то нет, надо поискать. *(Уходит.)*

Появляется чабан. Останавливается над кострищем.

ЧАБАН. Надо бы внучке наказать... Придётся самому добывать. *(Уходит.)*

Возвращается с охапкой сушняка Карат. Раскладывает костёр.

КАРАТ *(задумчиво смотрит в огонь)*. Врёшь, Кильбену я не оставлю...

Появляется Эмма, бросается к отцу.

ЭММА. Отец!
КАРАТ. Я всё знаю...
ЭММА. Весь день ищу тебя...
КАРАТ. Вот решил... у костра погреться..
ЭММА. За что они так?
КАРАТ. Сказку о гадком утёнке знаешь?
ЭММА. Ты всё время рассказываешь мне её!
КАРАТ. Других я уже не помню.
ЭММА. Они обвинили меня в частной практике.
КАРАТ. Я даже рад, что ты уходишь оттуда.
ЭММА. Но они меня смешали с грязью!
КАРАТ. Не та грязь, что снаружи, а та, что снутри.
ЭММА. Ты прав, как всегда... сколько тебя не валяли, а ты чист, как алмаз! Всё — плохой, плохой, плохой, а на самом деле — лучше всех! Хозяйство твоё — самое рентабельное!
КАРАТ. Скажи спасибо им. *(Поднял палец кверху.)*
ЭММА. Ты уже всё позабыл?
КАРАТ. Нет, я всё помню... А прежде всего помню, кем я был. Это даёт мне точку опоры и в горе, и в радости... Но мне они помогали действительно: техники и прочего давали меньше всех, а планы — больше всех, вот и приходилось вертеться, меньшими силами делать больше, что и требуется от нас.
ЭММА. Нет уж спасибо за такую помощь...Ты посмотри на себя — выжатый лимон. Первые места нелегко достаются...
КАРАТ. Результат моей работы — капля в море, хоть и равна она миллиону. Я считаю копейки, а где -то швыряются рублями! И они живут вопреки всем экономическим законам!
ЭММА. Что ж делать прикажешь?

КАРАТ. Проще всего поступить так, как поступили с рекордисткой Белянкой.

ЭММА. Как?

КАРАТ. Вы её выбраковали.

ЭММА. Мы вынуждены были.

КАРАТ. Давала больше всех молока — и выбраковать?

ЭММА. Она абсолютно не приспособлена к машинному доению, притом вымя у неё нестандартное...

КАРАТ. Ты так азартно объясняешь мне... забыла, кто я? Да, Белянку нужно было списать, но меня...

ЭММА. Что ты говоришь, отец? И причём тут Белянка?

КАРАТ. А притом, что с нами поступили одинаково.

ЭММА. Но по результатам года ты — лучший!

КАРАТ. И хуже — беда, и лучше — беда, надо соответствовать.

ЭММА. Ты можешь мне сказать прямо, в чём дело?

КАРАТ *(не замечая появившихся с охапками дров Павла и Сурланы)*. Дело в том, что мне предложили уйти на заслуженный отдых.

ПАВЕЛ и СУРЛАНА. А Кильбена как же? *(Роняют дрова на землю.)*

КАРАТ. Об этом я вас должен спросить.

Появляется чабан с охапкой дров.

ЧАБАН. Полено загорается от полена, доброе дело разжигает доброту, а дружба людей — это костёр, который никогда не погаснет. У старого чабана сегодня большой праздник: к нему пришли очень хорошие люди, значит, он ещё нужен здесь, на этой земле... Будем греться у костра, будем чай пить... Сурлана, ставь большой чайник, а я принесу чай. *(Уходит.)*

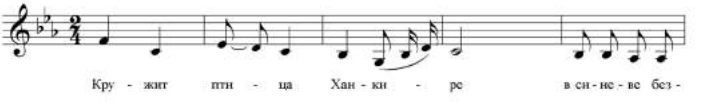
Появляется Тётя Маша со свёртками.

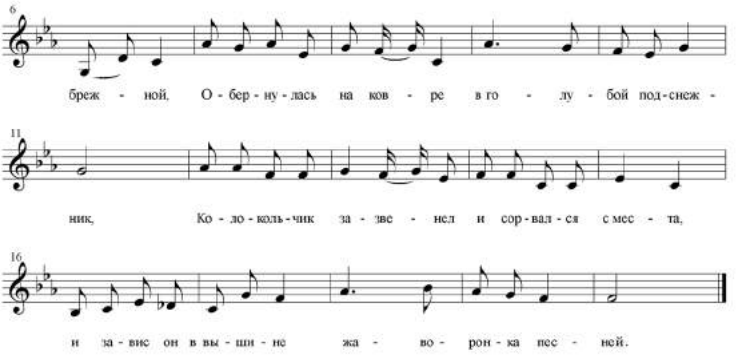
ТЁТЯ МАША. А я думала, куда все подевались. Напекла вот драников, а куды мне одной столько... Угошшайтесь... А ещё вот — орешки кедровые. Сила в них — сибирская, в орешках...

Все сидят вокруг костра. Общий свет постепенно гаснет. Лица собравшихся высвечиваются сполохами костра. Сурлана на переднем плане поёт песню. Ей вторит хор.

Кружит птица Ханкире

Кружит птица Ханкире
в синеве безбрежной,
обернулась на ковре
в голубой подснежник,
колокольчик зазвенел
и сорвался с места,
и завис он в вышине
жаворонка песней.
Вдруг сойдут на степь с дождём
звёзды—огонёчки,
вспыхнут яростным огнём
яркие жарочки.
Кружит, кружит Ханикре
над землёй хакасской,
оживает на ковре
тень её, как в сказке.
И от взмахов крыльев вдруг
вырвутся на волю,
пронесутся на ветру
перекати—поле.
И беглянок тех найдёт
ветер лишь под вечер,
их в распадке соберёт
табунком овечек.
Поспеши же, верный конь,
друг мой златогривый,
донеси меня домой
поскорее к милой.
Кружит птице Ханкире,
приближая вечер,
мчится конь мой всё быстрей,
мчит любви навстречу!



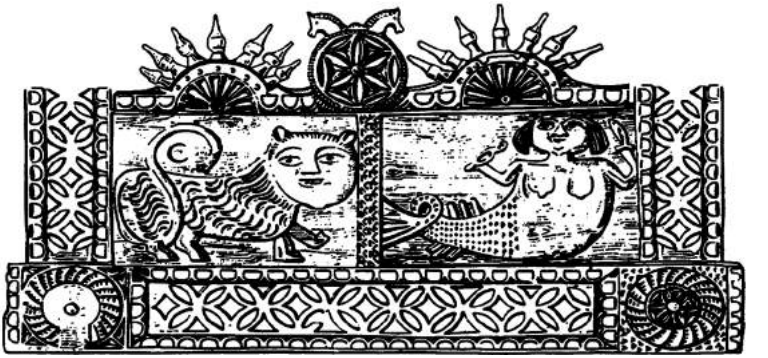


Занавес.

КОНЕЦ.

Список песен

«Песня чабана» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Хуторок» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.
«Ханкире» — слова Б. Терещенко, музыка В. Терещенко.



Недописанный портрет

Драма в двух действиях, в десяти картинах

Действующие лица:

ПОЛИКАРП СЕРАФИМОВИЧ — районное начальство.
ВОЛИН Игорь Борисович
СЕМЁНОВА Ирина Викторовна } — врачи.
РУБИНА СИДОРОВНА
ИВАН КУЗЬМИЧ — главный врач районной больницы.
ПАВЛОВА Валентина Ивановна
ОДИНОКОВА Мария } — медицинские сестры.
ВАСИЛИЙ — шофёр скорой помощи.
ТЁТЯ ГЛАША — санитарка.
ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ — художник.
ПАВЛОВ Павел Павлович — муж Валентины.
СЕРЁЖА — их сын (подростковый возраст).

Действие происходит в 70-е годы в одном из районных центров.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Приёмная пункта скорой помощи при районной больнице. Столик, телефон, кушетка, два шкафа, стеклянный и белый деревянный. Три двери: одна наружная, вторая ведёт в смотровую и ванную, третья — во внутренние покои больницы. Санитарка тётя Глаша смахивает пыль.

ТЁТЯ ГЛАША. Не приёмное отделение, а проходной двор... И ходют, и ходют — за всеми подтереть не успевашь...

Звонит телефон. Тётя Глаша привычно берёт трубку, садится за стол, придвигает тетрадь вызовов.

ТЁТЯ ГЛАША. Алёу, скорая слушает. Чего? А какая тебе разница. Коли заболел кто, фамилию, адрес сказывай. Ирина Викторовна? На вызове она... Как вернётся... Кто? А никто... Говорим, как умеем, и не мешайте работать, всё! *(Кладёт трубку, недовольно бурчит, переставляя предметы.)* Ишшо один умник выискался... Подавай им то, подавай другое. Поотрезать у них телефоны — сдохли б от скуки! *(Приоткрывается дверь, кто-то хочет пройти.)* Кого надо? Куды прёшь, пьяная рожа, я чо сказала, покуда не отрезвлеешь, не пушшу! *(Замахивается шваброй.)* Шагай отседова, давай, давай, давай! *(Захлопывает дверь.)* Обратно чуть тёпленький, знать неспроста жена загибается, откуда при таком мужике здоровью быть. У, горе луковое! И до чего ж нонче мужик никудышний пошёл: ни себе ладу, ни другим опоры. *(Звонит телефон.)* Алёу, кого нада? Ирина Викторовна не вернулась. Рубина Сидоровна? Женсоветом заправляет. Да. Два часа заседают. Полчаса протянут ишшо. Скажу, чего не сказать, язык не отсохнет. Чего записывать, и так не забуду. *(Кладёт трубку.)*

Появляется дежурный врач Ирина Викторовна, садится за стол, пишет.

ИРИНА. Принимай больную, тётя Глаша.

ТЁТЯ ГЛАША. С чем она?

ИРИНА. Ещё не знаю. Позови Игоря Борисовича.

ТЁТЯ ГЛАША. Он в перевязочной. Игорь Борисович занят.

ИРИНА. Тогда... Рубину Сидоровну.

ТЁТЯ ГЛАША. Заседает она, ну да ничо, не впервой. *(Уходит.)*

ИРИНА ВИКТОРОВНА *(вслед)*. Да и Василия позови. *(Набирает номер.)* Алло, хирургическая? Девочки, готовьте всё для операции. Мария работает? С субботы не была? А по графику кто? Мария... Ну, ладно, пошлю за ней. Чтоб у вас всё было, как в аптеке, тьфу, тьфу в добрый час. *(Заходит Василий, шофёр скорой помощи.)* Василий, сбегай за Машей, вдруг операция понадобится.

ВАСИЛИЙ. Игорь Борисович сказал?

ИРИНА. Я говорю!

ВАСИЛИИ. Мне-то, конечно, нетрудно съездить, только вот взад-вперёд человека возить мне надоело. Может, ещё и не будет операции.

ИРИНА. Что ты за человек, и ворчит, и ворчит, как баба старая. Не тебя беспокоят.

ВАСИЛИЙ. Вам приказывать, конечно, видней, да выслушивать всякое мне приходится. *(Уходит.)*

Появляется тётя Глаша с Рубиной Сидоровной, одетой с претензией, нотки повелительные.

РУБИНА. Что опять? Неужели без меня не обойтись.

ИРИНА. Игорь Борисович занят.

РУБИНА. Выходит, я одна не занята?

ИРИНА. Извините, Рубина Сидоровна, я не знаю, что с больной делать.

РУБИНА. Где же она?! Времени у меня в обрез.

Врачи проходят в смотровую к больной.

ТЁТЯ ГЛАША. Времени не хватат, это правда. А ежели возле больной проканителишься — женсовет разбежится. *(Берёт швабру, подтирает пол.)*

Появляются Рубина Сидоровна и Ирина Викторовна.

РУБИНА. Больная хирургическая — не моя. Скажите Игорю Борисовичу, пусть забирает.

ИГОРЬ *(входя)*. Ваши наших позовут, наши ваших повезут.

РУБИНА. Ваш хлеб, Игорь Борисович, забирайте.

ИГОРЬ. Что ж прекрасно, давайте.

Игорь Борисович и Рубина Сидоровна уходят к больной.

ТЁТЯ ГЛАША. Ирина Викторовна, Вы больную построже допросите... по женской части... не нравятся она мне.

ИРИНА. Тётя Глаша! Вот тебе тряпка, вот — ведро! Не суй нос, куда тебя не просят!

ТЁТЯ ГЛАША *(обиделась)*. Знаю, моё дело — подметать, где уж мне до вашей грамоты, только и без тёти Глаши не обойтись вам. *(Уходя.)* Давеча Поликарп Серафимович телефоны разбивал, Вас спрашивал.

ИРИНА. Так чего ты сразу не сказала!? *(Набирает номер.)* Это вы, Поликарп Серафимович? Здрасьте. Вы меня спрашивали? Да, передали, да, знаю. Рубину Сидоровну привезти. Во сколько? Хорошо. Будет сделано. Надо же, а. Надеюсь, ничего серьёзного? Ну, это бывает, такая судьба наша женская. Что Вы, Поликарп Серафимович, не вгоняйте в краску. Спасибо, Поликарп Серафимович... Хорошо... Ага... Ага... До свиданья... Нет. *(Смеётся, кладёт трубку)*.

Возвращается Василий.

ВАСИЛИЙ. Одиноковой дома нет, и говорят, с субботы не появлялась.

ИРИНА. Этого только не хватало. Далеко не уходи, что-нибудь придумаем.

ВАСИЛИЙ *(уходя)*. Я в машине, если что.

Звонит телефон, Ирина Викторовна берёт трубку.

ИРИНА. Алло? Скорая. Фамилия? *(Записывает.)* Имя? Отчество? Сколько лет? Лет, лет сколько? Стало быть имеет, если спрашивают. Адрес ваш? Дом 23? А квартира? Нет? Собаки нет? Что случилось, а? А кто должен знать? Мы? Нет, это вы должны знать! Всё, ждите! *(Сердито бросает трубку, снова звонок.)*

Алло, скорая, да, что Вам ещё? Ах, это ты, Валечка... сердитая? Будешь приветливая, когда из тебя нервы, как паутину из паука, выматывают. А я к тебе собиралась звонить. Взяла ковёр? Что?! Да ты понимаешь, что ты наделала? Я еле упросила девчат оставить его на часок-другой. В какое положение ты меня поставила? Ну, знаешь... Первый и последний раз, да! Что Маша, что Маша! Ну, если нет её — света нет!? Ну, подруга, ну и что? Няньчить что ли должна. Какая-какая? Какая есть! Посылала уж — нет её. Не могу больше — вызовы у меня! Вот привязалась, господи, боже мой! Это же не такси — скорая. Ну, не знаю. Ждать? Ну, хорошо, сию минуту, одна нога там, другая здесь. *(Кладёт трубку, смотрит на часы, проверяет ящик скорой помощи.)*

Появляются Игорь Борисович и Рубина Сидоровна.

ИГОРЬ. Вам, Рубина Сидоровна, придётся взять больную... Анамнез и клиника — за гинекологию. Больная пыталась прервать беременность.

РУБИНА. Не отпихивайте тяжёлую больную.

ИГОРЬ. Придётся опять главному звонить.

РУБИНА. Звоните! *(Уходит.)*

ИГОРЬ *(набирает номер)*. Иван Кузьмич, здравствуйте, Волин. Вас беспокоит, больная тут... предполагается эндометрит, сепсис. В чём дело? Рубина Сидоровна упрямится... Уверен-неуверен, сами понимаете. Конечно, что от меня зависит...Да, да... Ну, добро, хорошо. *(Кладёт трубку, Ирине Викторовне.)* Ирина Викторовна, оформляйте больную в гинекологическое.

ИРИНА. У меня всё готово. Тётя Глаша! Проведи больную в гинекологию.

Тётя Глаша идёт в смотровую, вбегает Валентина, запыхавшись.

ВАЛЕНТИНА. А я уж думала, не застану... Уф!*(Увидя Игоря Борисовича.)* Здравствуйте, Игорь Борисович!

ИГОРЬ. Здравствуй, Валюша. Что-то случилось?

ВАЛЕНТИНА. Маша пропала... Нигде нет.

ИГОРЬ. Где же она может быть?

ИРИНА, На работе должна быть, её смена. Я посылала Василия, её и дома нет.

ВАЛЕНТИНА. Не случилось бы чего...

ИГОРЬ. А причины есть?

ВАЛЕНТИНА. В том-то и дело... Я уже везде оббегала... Вот если б машина...

ИРИНА. У меня, к сожалению, вызов срочный, а ещё Рубину Сидоровну отвезти требуют — хоть разорвись.

ИГОРЬ. Где вызов? *(Читает.)* Крестьянская, так это — рукой подать, к тому же это мой хороший знакомый, художник. Давай я обслужу. *(Открывает ящичек.)* Возьму лишь самое необходимее. *(Уходит.)*

ВАЛЕНТИНА. Ну?

ИРИНА. А, чёрт с ними, поехали, тьфу, тьфу в добрый час!

ВАЛЕНТИНА. Поехали, слава богу. *(Выходят.)*

Выбегает Рубина Сидоровна, кричит вслед.

РУБИНА. Ирина Викторовна! Ирина Викторовна! Вернитесь сейчас же!

Занавес.

Картина вторая

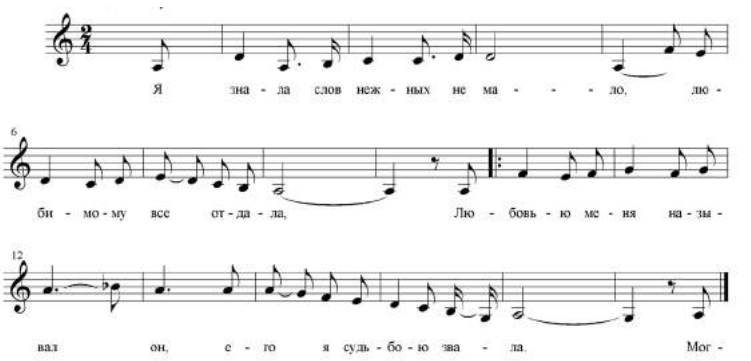
Берег реки, три берёзки, на другой стороне сцены — поваленное дерево, на котором сидит Мария, перед ней чемодан, рассыпанные вещи.

МАРИЯ. Вот и хорошо: никуда не нужно ехать... ничего не нужно... *(Тихо начинает песню.)*

Позёмка

Я знала слов нежных немало,
любимому все отдала.
«любовью» меня называл он
его я «судьбою» звала.

Могла ли подумать я разве,
что счастье моё украдут,
спешила к нему, как на праздник,
попала же вдруг на беду.



Мария переступает через вещи, идёт к реке, стоит некоторе время, ухватившись за берёзку, с криком опускается на землю. Появляются Валентина, Ирина.

ВАЛЕНТИНА. Если здесь нет...

ИРИНА. Чемодан!

ВАЛЕНТИНА. Машенька! *(Кидается к ней.)* Яхонтовенькая моя! *(Обе плачут.)*

ИРИНА. Перестаньте сейчас же... А то и я разревусь.

ВАЛЕНТИНА. Где мы только не были...

ИРИНА. Бензин кончился — заправлялись.

МАРИЯ. И я — заправлялась, как последний извозчик...

ИРИНА. С кем не бывает...

ВАЛЕНТИНА. Какие мы паникёрки... Дуры, правда? *(Вытирает слёзы.)*

МАРИЯ. Правда... Только что я — без вас?

ВАЛЕНТИНА. Всё будет хорошо, вот увидишь.

ИРИНА. Мужчины не стоят наших слёз.

МАРИЯ. Мои слёзы — про меня.

ИРИНА. Вот негодяй, а! Пусть только попадётся мне!

МАРИЯ. Не шуми ради бога.

ИРИНА. Не защищай его! И сама тоже хороша: заварила кашу, а подругам как?

МАРИЯ. А подруги будут расхлёбывать. *(Достаёт вино.)* Согласны?

ИРИНА. Прямо здесь... Сейчас?

ВАЛЕНТИНА. Мы выпьем за дружбу, чтобы никогда-никогда

не разлучаться нам, что бы ни случилось с нами и сейчас, и потом.

Подруги принимают тост. Появляется Василий.

ВАСИЛИЙ *(показывает на часы)*. Ждать больше не могу, всё, и так влетит по первое число. Это уж точно!

ИРИНА *(преподносит стопку шофёру)*. Выпейте с нами, Василий Иванович.

ВАСИЛИИ. Больше ничего не могли придумать?!

ИРИНА. Чуточную малость, так сказать, символически.

МАРИЯ *(отдаёт бутылку)*. После работы, Вася... Пожалуйста... За нас, глупых.

ВАСИЛИЙ. Эх, Мария! Ты что думаешь, валенок я сибирский, да? Что и понять не способен и прочее... Да пойми ты: не могу, хоть убей, не могу! Рубина Сидоровна — это тебе не служба ГАИ.

ВАЛЕНТИНА. Это я виноватая во всём, сама заполошилась, всех на ноги подняла.

МАРИЯ. Васенька, милый, прости мою душу грешную и поезжай скорей. Ирина, езжайте, а мы с Валюшкой — потихонечку.

ВАСИЛИЙ. Чемоданчик я прихвачу, без него сподручнее.

Василий берёт чемодан и уходит вместе с Ириной Викторовной. Оставшись с Валентиной, Мария с плачем припадает к ней со словами: «Ой, Валька!»

ВАЛЕНТИНА. Поплачь, лапонька, на душе легче станет.

МАРИЯ. Я знаю, знаю... плачу, но не легчает.

ВАЛЕНТИНА. Будет легче, обязательно будет.

МАРИЯ. Нет, Валюшечка, ничего уж не будет...

ВАЛЕНТИНА. Так не бывает. Все живут в будущем времени. Вот и я тоже.

МАРИЯ *(выпрямившись)*.Ты, Валька, посмотри на меня.

ВАЛЕНТИНА. Ты чо?

МАРИЯ. Смотри, смотри внимательней.

ВАЛЕНТИНА. Странная ты...

МАРИЯ. Вот видишь...кому я такая нужна?

ВАЛЕНТИНА. Мне нужна.

МАРИЯ. Добрая ты моя душа, Валёк... И всё же, чем я плоха? Дурна?

ВАЛЕНТИНА. Ты самая красивая!

МАРИЯ. Глупа?

ВАЛЕНТИНА. Ты умница, и сама это знаешь.

МАРИЯ. Стара?

ВАЛЕНТИНА. Да нет же, нет, нет!

МАРИЯ. Так чего ему не хватало? Мало любила или не отдала всё, что имела?

ВАЛЕНТИНА. Он потерял больше.

МАРИЯ. На свидания приходил каждый раз в новом костюме...

ВАЛЕНТИНА. Я всегда хотела полюбить также, как ты.

МАРИЯ. Он посвящал мне стихи...

ВАЛЕНТИНА. Я бы, наверное, смогла полюбить, полюбит ли кто меня?

МАРИЯ. Он говорил: мыть полы я тебе не позволю и стирать тоже.

ВАЛЕНТИНА. Нет на земле человека, который не мечтал бы о большой настоящей любви.

МАРИЯ. Сколько времени прошло: час, год, вечность?

ВАЛЕНТИНА. А вдруг и я полюблю, как же тогда муж, семья?

МАРИЯ. А костюмчики те он брал на прокат, но больше у приятелей.

ВАЛЕНТИНА. Мужа я не брошу никогда: у нас — ребёнок.

МАРИЯ. И стихи оказались не его — краденые. Плагиат — совсем не страшное слово.

ВАЛЕНТИНА. Нет, нет! Ничего не надо! У меня есть муж, заботливый и надёжный, у меня есть сын — моя любовь, моё счастье!

МАРИЯ. Как бы я хотела, Валентина, хоть денёчек на твоём месте побыть.

ВАЛЕНТИНА. Правда, Машенька, правда?

МАРИЯ. Правда. глупые мы бабы, нам невидаль подавай! *(Поднимается.)* Пора мне...

ВАЛЕНТИНА. Куда заспешила вдруг?

МАРИЯ. На работу, куда ещё.

ВАЛЕНТИНА. Сегодня-то отдохнула бы, день прошёл.

МАРИЯ. Меня уж и потеряли, наверно, пойду, покажусь хоть.

ВАЛЕНТИНА. И правда: шума меньше.

МАРИЯ. Думаешь, шума испугалась?

ВАЛЕНТИНА. Я смогу чем помочь тебе?

МАРИЯ. Спасибо, золотко, нет... *(Останавливается в нерешительности.)* Валюшка, твой кошель сыт?

ВАЛЕНТИНА. Сыт!

МАРИЯ. Дай мне чего-нибудь на пару дней... Нет — до аванса, деньги мои он тоже забрал...

Занавес.

Картина третья

Кабинет главного врача. Стол, телефон. За столом — главврач, входит Рубина Сидоровна.

РУБИНА *(входя)*. Будет у нас, наконец, порядок? Не больница, а чёрт знает что! Кому не лень, всякий распоряжается, кто хочет, едет куда хочет. Я решительно отказываюсь работать в таких условиях!

ГЛАВВРАЧ. Успокойтесь, Рубина Сидоровна, успокойтесь. Во-первых, доброе утро, во-вторых, садитесь...

РУБИНА. Я уж не помню, когда оно у нас добрым было. С ног сбиваешься, горишь на работе и что же? Уважают тебя? Ценят?

ГЛАВВРАЧ. Что у Вас стряслось опять?

РУБИНА. Не у нас, а у Вас!

ГЛАВВРАЧ. Да какая Вам разница?

РУБИНА. А такая! Вы распустили певичек своих! Вы потакаете этому выскочке! Вы... Вы...

ГЛАВВРАЧ. Что я? Что !? Вы эти штучки бросьте!

РУБИНА. Почему Вы на меня кричите?

ГЛАВВРАЧ. Нет, это Вы кричите!

РУБИНА. Я знаю, кто Вас настраивает против меня, знаю. Они только и ждут момент подвести меня, унизить, оскорбить.

ГЛАВВРАЧ. Кто Вас оскорбил, кто?

РУБИНА. Никто.

ГЛАВВРАЧ. Так в чём же дело?

РУБИНА. Вчера Поликарп Серафимович просил заехать к нему... В назначенный час машины нет, шофёра нет, Ирины Викторовны нет...

ГЛАВВРАЧ. Ну, может, не знали...

РУБИНА. В том-то и дело, что и знали, и специально хотели сорвать вызов.

ГЛАВВРАЧ. Ух, гадская душа! Я им покажу!

РУБИНА *(набирает номер)*. Ирина Викторовна? Срочно к главному врачу! *(К главному.)* Она прекрасно знала, что машина нужна и укатила.

ГЛАВВРАЧ. Разберёмся.

ИРИНА *(входят)*. Можно, Иван Кузьмич?

ГЛАВВРАЧ. Входи, входи.

ИРИНА. Доброе утро.

ГЛАВВРАЧ. Где Вы вчера пропадали?

ИРИНА. Когда?

ГЛАВВРАЧ *(к Рубине)*. Когда?

РУБИНА. Вы ведь прекрасно знаете, о чём речь.

ИРИНА. Догадываюсь.

ГЛАВВРАЧ. Вы знали, что к Поликарпу Серафимовичу был вызов.

ИРИНА. Он мне звонил, но понимаете...

ГЛАВВРАЧ. Поликарп Серафимович звонил, и ты соизволила угнать машину?!

ИРИНА. Откуда мне знать, что задержусь.

РУБИНА. Задержаться можно на пять-десять минут, а Вы сколько проездили?

ИРИНА. Сколько... не засекала.

РУБИНА *(главврачу)*. Больше часа.

ГЛАВВРАЧ. Сколько вызовов обслужили, давайте-ка журнал.

ИРИНА. Я и без журнала могу сказать. Один.

ГЛАВВРАЧ. Час на одного больного? Что у него?

ИРИНА. Видите ли, Иван Кузьмич, дело в том, что вызов обслужил Игорь Борисович...

РУБИНА. Так я и знала, без него здесь не обошлось!

ГЛАВВРАЧ. А бы где были?

ИРИНА. За Марией ездила, операционный блок собирала. Рубина Сидоровна сама сказала.

ГЛАВВРАЧ. С каких это пор в Ваши обязанности вошло операционный блок собирать? Ты мне эти штучки-вертучки брось! По своим делам гоняла машину?

ИРИНА. Я правду говорю, Марию искали.

РУБИНА. Какая чушь!

ГЛАВВРАЧ. Вы понимаете, что мелете? Вы где работаете? Вы для чего поставлены, за подруг болеть или бальных спасать?

ИРИНА. Ещё не известно, где скорая помощь нужнее была.

РУБИНА. Возомнили себя артистами и думают, им всё позволено.

ГЛАВВРАЧ. Всё понятно. Рубина Сидоровна, пишите докладную. Выговор.

ИРИНА. Ну и работайте сами! *(Уходя у дверей.)* Сколько бы мы ни пели, Вас, Рубина Сидоровна, не перепоёшь! *(Хлопнула дверью.)*

ГЛАВВРАЧ. Ирина Викторовна, вернитесь!

РУБИНА. Нет, Вы посмотрите! Ещё и дверью хлопает!

ГЛАВВРАЧ. Пишите докладную и выговор. Всё!

РУБИНА. И на Ирину Викторовну, и на Одинокову — в одной докладной?

ГЛАВВРАЧ. А с Одиноковой что?

РУБИНА. Прогуляла день, а вечером напилась.

ГЛАВВРАЧ. Зовите.

РУБИНА *(звонит)*. Аллё, хирургическое? Где Одинокова? Немедленно к Ивану Кузьмичу! *(К главврачу.)* Вы с ними построже, Иван Кузьмич. Если б Вы знали, какие о них слухи ходят... Вы думаете, почему Игорь Борисович за них горой стоит, вот и вызов обслужил?

ГЛАВВРАЧ. Если руководит этим трио, если играет им, ясно почему.

РУБИНА. Не столько играет, сколько подыгрывает, особенно одной из них.

ГЛАВВРАЧ. Марии?

РУБИНА. Может быть, и Марии, но его часто с Валентиной видят.

МАРИЯ *(входя)*. Доброе утро. Звали, Иван Кузьмич?

ГЛАВВРАЧ. Звал. А знаешь, почему?

МАРИЯ. Скажете, узнаю.

ГЛАВВРАЧ. И что за манера разговаривать с главным врачом!

МАРИЯ. Я, кажется, ничего плохого Вам не сделала.

ГЛАВВРАЧ. Но и хорошего тоже!

МАРИЯ. А что я должна делать для Вас?

ГЛАВВРАЧ. Вы должны являться ежедневно и во время на работу — не для меня — нам за это государство деньги платит!

МАРИЯ. Даром нам никто не платит.

ГЛАВВРАЧ. Почему вчера на работу не вышла?

МАРИЯ. Вечером была.

РУБИНА. Выкатила, как зорька вечерняя, но в каком состоянии?.

МАРИЯ. В каком таком?

РУБИНА. В не-трез-вом, голубушка!

ГЛАВВРАЧ. А если б операция?

МАРИЯ. Неужели без меня не обошлись бы?

РУБИНА. Обошлись бы, прекрасно обошлись, да место Вы занимаете!

МАРИЯ. Но ведь бывают у человека минуты... когда может случится всё.

ГЛАВВРАЧ. Что же случилось с Вами?

МАРИЯ. Можно мне не отвечать на этот вопрос?

РУБИНА. Что Вы невинницу разыгрываете? Всем известны Ваши любовные интриги.

МАРИЯ *(вскочив)*. Какие интриги? Что Вам известно? Да как Вы смеете! *(Разрыдалась, села.)*

РУБИНА. А что я сказала, что я такого сказала. Все говорят.

ГЛАВВРАЧ. Нечего плакать — не девочка. Пиши объяснительную.

МАРИЯ *(не может успокоиться)*. Не буду. *(Уходит.)*

РУБИНА. Подумаешь, мимоза. Плачет, Вы думаете, она от чего? От досады: шикарного кавалера упустила.

ГЛАВВРАЧ. Ну, тут Вы не правы, Рубина Сидоровна, зря обидели человека.

РУБИНА. Я знаю, она Вам дороже, чем Рубина Сидоровна, знаю.

ГЛАВВРАЧ. Не согласитесь, Рубина Сидоровна, это же не метод — унижать кого бы то ни было.

РУБИНА. Они Вам улыбнуться, и Вы готовы простить им всё. Куда мне до них — стара, некрасива...

ГЛАВВРАЧ. Вы на себя, Рубина Сидоровна, наговариваете.

РУБИНА. Это Вы, Иван Кузьмич, наговариваете на меня.

ИГОРЬ *(входит)*. Иван Кузьмич, до каких пор будут терроризировать моих людей?!

РУБИНА. И защитнички тут как тут.

ГЛАВВРАЧ. Игорь Борисович, ведите себя корректно.

ИГОРЬ. Больше всего меня беспокоит сейчас, с кем мне оперировать?!

ГЛАВВРАЧ. У Вас помощников достаточно.

ИГОРЬ. Вы посмотрите на операционную сестру!

ГЛАВВРАЧ. Ну, а мы тут причём?

ИГОРЬ. Одинокова только что была здесь.

РУБИНА. Ну, Игорь Борисович, это уже слишком. Мы за Вас вопросами дисциплины Ваших работников занимаемся, а Вы нас же и обвиняете.

ИГОРЬ. Можно было б этим заняться и в конце рабочего дня, а не перед операцией.

ГЛАВВРАЧ. В конце рабочего дня мы и решим, так и передайте Марии. А пока я лишь потребовал объяснительную за прогул.

ИГОРЬ. Иван Кузьмич, очень прошу Вас, оставьте Одинокову в покое.

РУБИНА. Я вот одно не пойму, Игорь Борисович, почему Вы так горячо защищаете нарушителей дисциплины? Ирина Викторовна дверью хлопнула — слове не скажи ей, Одинокова видите ли расстроилась после вчерашней попойки, для полной картины недостаёт третьей певицы. Кстати, вся эта музыка — её затея.

ИГОРЬ. Так и знал, Вы и эту укусите. Эх, Рубина Сидоровна, Вам кажется, все против Вас, а это Вы против всех! *(Круто поворачивается, уходит.)*

РУБИНА. Хе... Получается так: они хорошие, мы плохие, они понимают, мы не понимаем, они не нарушают дисциплину, мы нарушаем... Тогда Павлову и вызывать нет смысла, хотя именно она могла бы объяснить нам всё.

ГЛАВВРАЧ. Делайте, как знаете. *(Закуривает.)*

РУБИНА *(безуспешно старается позвонить, нервничает)*. Когда, наконец, телефоны будут работать по-человечески!

ГЛАВВРАЧ. Человеческую жизнь ни один телефон не выдержит.

РУБИНА. Всю душу из тебя вымотают.

ГЛАВВРАЧ. Придётся через прямой телефон — тётю Глашу. *(Нажимает кнопку. Заходит тётя Глаша.)*

ТЁТЯ ГЛАША. Чего нада?

РУБИНА. Тётя Глаша, Поликарп Серафимович звонил вчера.

ТЁТЯ ГЛАША. Но, долго не унимался, всё Ирину Викторовну спрашивал... Всё допытывался, почему нет? На вызове, говорю, а он знай гремит, подай срочно и всё тут. Видно, шибко приспичило. Болесть-то, она блату не признаёт.

РУБИНА. Я должна была на вызов ехать к нему, а Ирина Викторовна с машиной запропастилась. Вы ведь знаете, куда и зачем?

ТЁТЯ ГЛАША. А Вы знаете?

РУБИНА. Нет.

ТЁТЯ ГЛАША. Если они Вам не докладывают, то мне и подавно. Всё? Можно уходить?

РУБИНА. А почему на вызов Игорь Борисович пошёл? Что говорил?

ТЁТЯ ГЛАША. А чтой-то по латыни, не поняла я.

РУБИНА. Так, так, ну ладно... Да, тётя Глаша, срочно позовите Павлову сюда.

ТЁТЯ ГЛАША. Ну, я пошла.

РУБИНА *(вдогонку.)* Чтобы немедленно, сию минуту! *(К главврачу.)* Вы знаете мужа Павловой?

ГЛАВВРАЧ. Не приходилось встречаться. Наверное, здоровый человек.

РУБИНА. Такой прекрасный человек, такой видный мужчина, не пьёт, не курит... И такого мужа она хочет променять на Волина!

ГЛАВВРАЧ. С чего это Вы взяли — хочет.

РУБИНА. Поговаривают, что и уезжать уж собрались.

Появляется Валентина.

ВАЛЕНТИНА. Доброе утро. Я немного задержалась, вот электрокардиограмму делала больному, кажется, что-то серьёзное с сердцем, посмотрите. *(Протягивает ЭКГ.)*

РУБИНА. Вы же знаете, кто у нас специалист по сердечным делам.

ВАЛЕНТИНА. Но меня же срочно вызвали сюда.

ГЛАВВРАЧ. Слушай, Валечка, что там с Марией стряслось?

ВАЛЕНТИНА. Так, ничего...

РУБИНА. Ты ведь лучшая подруга её, должна знать, чем помочь ей.

ВАЛЕНТИНА. Чем тут поможешь... Только время поможет.

РУБИНА. Вам Игорь Борисович посоветовал для поисков машину угнать?

ВАЛЕНТИНА. Нет, я попросила Ирину.

ГЛАВВРАЧ. А если б с больным что случилось?

ВАЛЕНТИНА. Так ведь Игорь Борисович!

РУБИНА *(переглядывается с главврачом)*. М-да...

ГЛАВВРАЧ. Конечно, Игорь Борисович, врач опытный, но он тут при чём?

ВАЛЕНТИНА. Не при чём. Просто случайно оказался рядом. Его и попросили.

РУБИНА. Не слишком ли часто оказываетесь Вы рядом с ним случайно?

ВАЛЕНТИНА. Нет, не слишком.

РУБИНА. Почему же ты покраснела, голубушка? Уж не влюблена ли?

ВАЛЕНТИНА. У меня есть муж.

РУБИНА. В том то и дело, что есть муж, сын. На кого менять их надумала?

ВАЛЕНТИНА. Неправда всё!

РУБИНА. А мне думается, что правда... Уж больно ты изменилась за последнее время... Похудела... И голос уже не тот.

ВАЛЕНТИНА*(расстроенная)*. Можно идти?

ГЛАВВРАЧ. Иди. Ты всё поняла?

ВАЛЕНТИНА. Всё *(Уходит.)*

РУБИНА. Павлова!

ВАЛЕНТИНА *(возвращаясь)*.Что ещё?

РУБИНА. Электрокардиограмму свою возьмите.

ВАЛЕНТИНА *(берёт)*. Это не моя электрокардиограмма. *(Уходит.)*

РУБИНА. Ох, до чего же глупые, неосторожные эти девчата... Глядя на них, у меня сердце обливается кровью.

Занавес.

Картина четвёртая

Комната репетиций больницы. Игорь Борисович задумчиво играет на баяне. Заходит Юрий Михайлович, художник, товарищ Волина.

ЮРИЙ. Игорь, правда, что хороший хирург должен иметь пальцы музыканта?

ИГОРЬ. Это предрассудок...

ЮРИЙ. Значит, у него должны быть руки художника.

ИГОРЬ. Романтично, заманчиво, но не правда.

ЮРИЙ. Какие же руки — хирургические?

ИГОРЬ. Руки — не главное для хирурга.

ЮРИЙ. Что же главнее?

ИГОРЬ. Сердце. Главнее для хирурга — чтобы сердце не давало о себе знать.

ЮРИЙ. А у нас, наоборот — чтобы сердце давало о себе знать!

ИГОРЬ. А если скорая помощь подоспеет не во время?

ЮРИИ. Выручит друг. Друг придёт и спасёт твою жизнь.

ИГОРЬ. Фи, как громко. Я просто снял приступ.

ЮРИИ. Для вас, медиков, просто снять приступ, для нас — спасти жизнь.

ИГОРЬ. Вместо этих пышных фраз, ты бы лучше объяснил первопричину. Я ведь до сих пор не в курсе дела.

ЮРИЙ. Вам, медикам, проще. В ваше дело посторонним вход воспрещён.

ИГОРЬ. Согласен. В операционную я никого не пускаю... А в душу лезут.

ЮРИЙ. Лезут? *(Весело.)*

ИГОРЬ *(в тон ему)*. Лезут. *(Смеются.)*

ЮРИЙ. Спасибо, ты меня утешил. А я уж хотел подаваться в хирурги.

ИГОРЬ. Но, но! Хлеб отбивать? Не выйдет.

ЮРИЙ. Тогда в строители пойду. Создавать свой мир не в воображении, а реальный, каково, а?

ИГОРЬ. Дуришь, брат... от жиру.

ЮРИЙ. Вот и наставники говорят то же. Да и я так думаю... Я задумал на юбилейную выставку портрет хирурга...

ИГОРЬ. Опоздал. Лактионова не перепрыгнешь.

ЮРИЙ. Или портрет хирурга или выставляться вообще не буду.

ИГОРЬ. Чудак, ты, наверное, думаешь... скромняга и прочее, да мне до полного счастья, если хочешь знать, очень не хватает портрета, да такого, чтобы один человек на земле до потери пульса вдруг захотел бы приобрести этот портрет...

ЮРИЙ. Портрет я никому не уступлю, пусть приобретает оригинал.

ИГОРЬ. А с другой стороны, ну, что мой портрет тебе даст? У меня есть мысль, поэтому я и пригласил тебя... и ещё кое-кого.

ЮРИЙ. Только портрет хирурга.

ИГОРЬ. Помнишь, три богатыря в дозоре...

ЮРИЙ. Четвёртого написать.

ИГОРЬ. Они до сих пор одинокие,

С шумом и смехом появляются подруги: Ирина, Мария и Валентина.

ИРИНА. Девчата, у нас гости, тьфу, тьфу в добрый час!

МАРИЯ. Вероятно, нас будут интервьюировать.

ВАЛЕНТИНА. Здравствуйте.

ЮРИЙ. Здравствуйте. Игорь, на сцене они у тебя, как ангелы, а в жизни — в рот пальцы не клади.

ИРИНА. Мы любим из конфет «А ну-ка, отними!»

ИГОРЬ. Это у вас не отнимешь.

ВАЛЕНТИНА. Игорь Борисович, репетиция будет, да?

ИГОРЬ. Нет, я вас пригласил вот по какому случаю... Юрий Михайлович к юбилейной выставке решил писать с вас, так сказать, коллективный портрет.

ИРИНА. Неужели Вы будете нас рисовать? Вот здорово!

ВАЛЕНТИНА. Что во мне такого, чтобы в картинах расписывать...

МАРИЯ. А почему бы и нет, девчата? Я хочу быть писаной! *(Выходит на середину, поводит плечом, проходит танцевальным шагом, тряхнув головой, отбивает танцевальную дробь.)*

ЮРИЙ. Вот и договорились. *(Показывает Волину кулак.)*

ВАЛЕНТИНА. Я не буду.

ЮРИЙ. Почему?

ВАЛЕНТИНА. Не хочу.

ИРИНА. Ты в какое положение нас ставишь: ты скромняга, а мы?

ИГОРЬ. Не стоит сразу в штыки.

ВАЛЕНТИНА. И вовсе я не противопоставляю себя... Мне далеко до вас.

ЮРИЙ. У каждого — своё, и в этом неисчерпаемость красоты человеческой.

ИГОРЬ. Вообщем, договорились, о начале работы скажет вам Юрий... Валентина, останься на минутку.

Мария, Ирина, Юрий уходят.

ИГОРЬ. Я тебя не узнаю, почему вдруг заупрямилась?

ВАЛЕНТИНА. Ну, посмотрите на меня,посмотрите!Я даже на фотографиях плохо получаюсь.

ИГОРЬ. Ты на себя наговариваешь.

ВАЛЕНТИНА. И вовсе нет. *(Одевает очки.)* Смотрите.

ИГОРЬ. Очки?

ВАЛЕНТИНА. Вот видите.

ИГОРЬ. Я тебя никогда раньше не видел в очках.

ВАЛЕНТИНА. При виде Вас я их снимала.

ИГОРЬ. Столько лет!

ВАЛЕНТИНА. Ага.

ИГОРЬ. Очки, это разве так важно?

ВАЛЕНТИНА. Они — ещё один мой недостаток.

ИГОРЬ. А я вообще не вижу недостатков твоих.

ВАЛЕНТИНА. Вы так говорите от жалости.

ИГОРЬ. Но назови мне!

ВАЛЕНТИНА. Полнота.

ИГОРЬ. Ешь поменьше.

ВАЛЕНТИНА.У меня конституция такая, у нас все в семье полные: и мама, и бабушка.

ИГОРЬ. Значит, и они много едят, не из воздуха ведь жир-то!

ВАЛЕНТИНА. А на зрение она не влияет?

ИГОРЬ. Непосредственно нет, конечно. Зрение можно улучшить упражнениями глазных мышц и повышением общего тонуса — самосовершенствование.

ВАЛЕНТИНА. И я могу быть лучше?

ИГОРЬ. Если б ты знала, Валюша, какая в тебе сила, какая красота, какой талант... Но это всё где-то внутри, понимаешь?

Как в сосуде с узким горлышком — ничего не видно, а содержимое богатое, ведь не расплескалось, не пролилось ни капли!

ВАЛЕНТИНА. Я впервые слышу о себе такое...А муж мне постоянно твердит: глупая, бесшабашная...

ИГОРЬ. Ты, Валентина, чудесная женщина!

ВАЛЕНТИНА. Вы, Игорь Борисович, меня уговорили, если я такая красивая, пусть пишут с меня портреты. Я боюсь, что Вы сможете со мной делать всё, что захотите.

ИГОРЬ. Вот и договорились.

ВАЛЕНТИНА. Только с условием.

ИГОРЬ. Заранее согласен.

ВАЛЕНТИНА. Вы мне показываете эти упражнения.

ИГОРЬ. Сейчас?

ВАЛЕНТИНА. Да, сейчас.

Входит Серёжа, сын Валентины.

СЕРЁЖА. Мам, я тебя везде ищу.

ВАЛЕНТИНА. Поздоровайся с Игорем Борисовичем.

СЕРЁЖА. Здравствуйте.

ИГОРЬ. Здравствуй. Сын? Никогда бы не подумал, что у тебя — такой большой сын.

ВАЛЕНТИНА. Весь в отца, как на дрожжах растёт. Скоро меня перегонит.

СЕРЁЖА. А я тебя уже перегнал, давай померяемся.

ВАЛЕНТИНА. Дома померяемся, чего пожаловал?

СЕРЁЖА. Клюшка сломалась.

ВАЛЕНТИНА. Клюшка сломалась, и ты ко мне, а отец?

СЕРЁЖА. К тебе послал.

ВАЛЕНТИНА. Вечером поговорим, сейчас некогда.

СЕРЁЖА. Ага, вечером, а магазин закроется.

ВАЛЕНТИНА. Так тебе деньги? Так бы и сказал. Мог бы и отец дать. *(Вынимает деньги.)* Я эти цены на клюшки лучше, чем на хлеб, знаю.

СЕРЁЖА *(тянет мать)*. Идём, идём, идём.

ВАЛЕНТИНА. Разве не видишь, я занята.

СЕРЁЖА. Ох и занята, ведь магазин закроют.

ВАЛЕНТИНА. Неужели тебе не стыдно, пристал, как маленький. Иди, я догоню.

СЕРЁЖА. Уже ведь поздно.

ВАЛЕНТИНА. Иди, иди, я сейчас. *(Серёжа уходит.)* Игорь Борисович, когда Вы мне покажете?

ИГОРЬ. Потом, потом. Тебя ждёт сын. Иди.

ВАЛЕНТИНА. До свидания.

ИГОРЬ. До свидания.

ВАЛЕНТИНА *(у дверей).* Я очень хочу лучше видеть.

ИГОРЬ (больше для себя). Одного желания мало. Надо знать, во имя чего.

Занавес.

Картина пятая

Комната Павловых. Дома Павел. Приходит Серёжа.

ПАВЕЛ. А где мать?

СЕРЁЖА. Там осталась.

ПАВЕЛ. Где там?

СЕРЁЖА. В клубе.

ПАВЕЛ. Поёт?

СЕРЁЖА. Не, разговаривает.

ПАВЕЛ. С кем?

СЕРЁЖА. С этим... Игорем Борисовичем.

ПАВЕЛ. А ты почему ж не позвал её?

СЕРЁЖА. Звал...

ПАВЕЛ. Ну?

СЕРЁЖА. Сказала, сейчас.

ПАВЕЛ. Она одна?

СЕРЁЖА. Я же сказал, с Игорем Борисовичем.

Павел одевается, уходит. Серёжа убирает ковёр с пола, делает ворота, тренируется в бросках по воротам новой клюшкой и не замечает некоторое время, как пришла мать.

ВАЛЕНТИНА *(смотрит на игру сына, пока тот не замечает её).* А ты почему не подождал меня?

СЕРЁЖА. Да магазин же закрывался.

ВАЛЕНТИНА. Купил. Это не сломается?

СЕРЁЖА. Мам, знаш, как они часто ломаются, ударишь сильно и только щепки летят!

ВАЛЕНТИНА. А ты не бей сильно.

СЕРЁЖА. Ну ты и скажешь, мамка. Тогда и шайбы не забьёшь.

ВАЛЕНТИНА. А я забью.

СЕРЁЖА. Ты даже клюшку держать не умеешь.

ВАЛЕНТИНА. Не умею? А ну, становись в ворота, давай клюшку.

СЕРЁЖА. Ой, да ты не так держишь.

ВАЛЕНТИНА. А как? Ну, да всё равно. Считай шайбы!

СЕРЁЖА. Подожди, мам, я доспехи надену. А коньки одевать?

ВАЛЕНТИНА. Да ты что, Серёга, так весь пол обдерёшь. Маску — можно, чтобы шайба в рот не залетела, и на колени — как они называются?

СЕРЁЖА. Надколенники. А ты что оденешь?

ВАЛЕНТИНА. А мне каску давай *(Одевает, смотрится в зеркало.)* Хорошо мне?

СЕРЁЖА. Ого, мамка, ты у меня, как взаправдашний хоккеист!

ВАЛЕНТИНА. А раз так — лови шайбы!

СЕРЁЖА. Ага, лови, а чем? Клюшки у меня нет,

ВАЛЕНТИНА *(оглядывается)*. Ладно, бери свою.

СЕРЁЖА. А ты?

ВАЛЕНТИНА. А я свою возьму. *(Идёт на кухню.)* Серёжа, а папа где?

СЕРЁЖА. Ушёл.

ВАЛЕНТИНА. Куда?

СЕРЁЖА. Не знаю. Не сказал.

ВАЛЕНТИНА *(выходит с лентяйкой)*. Вот моя клюшка!

СЕРЁЖА. Ой, ну и мамка, ой, сейчас помру от смеха. *(Покатился на пол.)*

ВАЛЕНТИНА. Поехали. *(Бьёт лентяйкой шайбу.)* Р-раз! *(Шайба в воротах.)* Ура, один-ноль в пользу «Крылышек». *(Поднимает руки вверх.)*

СЕРЁЖА *(вскакивает)*. А ты чего, чего? Ещё игру не объявили, а ты бьёшь. Я же не приготовился.

ВАЛЕНТИНА. А ты не зевай. Хоккей есть хоккей.

СЕРЁЖА. Да, я так не играю.

ВАЛЕНТИНА. Становись сейчас же ! *(Свистнула.)* Начали. Бах! *(Промах.)*

СЕРЁЖА *(хохочет)*. Мазила!

ВАЛЕНТИНА. Ах так? Получай!

Мать и сын увлекаются игрой, поднимают шум и возню. В самом разгаре веселья приходит Павел.

ПАВЕЛ. Чего это устроили? В комнате.

СЕРЁЖА *(подбегая)*. Папа, мы в хоккей играем. Знашь, какой счёт? 7:3 в пользу ЦСКА!

ПАВЕЛ *(на жену)*. Заняться больше нечем? Песенки, разговорчики...

ВАЛЕНТИНА. А ну, становись в ворота, увидишь, что значит твоя жена!

ПАВЕЛ. Я не такой дурак, как некоторые думают...

ВАЛЕНТИНА. Ты что? Не выспался?

СЕРЁЖА. Пап, а пап, стань в ворота, знашь, как я бью!

ПАВЕЛ. Ты уроки сделал?

СЕРЁЖА. Нам почти ничего не задали.

ПАВЕЛ. Марш за уроки!

Серёжа обиженный уходит в другую комнату.

ПАВЕЛ. У тебя до скольки рабочий день?

ВАЛЕНТИНА. А ты не знаешь?

ПАВЕЛ. Знаю, поэтому и спрашиваю, где была?

ВАЛЕНТИНА. Где была?

ПАВЕЛ. Где была, известно, чем занималась, ответь.

ВАЛЕНТИНА. Чем занимаются на репетиции...

ПАВЕЛ. Ты мне мозги не крути. Опять с Волиным?

ВАЛЕНТИНА. Работаем вместе, выступаем вместе... И не только я, и Мария, и Ирина. Нам друг без друга нельзя — трио. А Волин наш руководитель... Нам честь района защищать, не только больницы, возможно даже мы в Москву поедем.

ПАВЕЛ. Таких только в Москве и не хватало.

ВАЛЕНТИНА. Из края приезжали, нас будут готовить... Если хочешь знать, с нас даже картину будут рисовать.

ПАВЕЛ. Это какую ещё картину? Может ещё и голой позировать будешь?

ВАЛЕНТИНА. Дурак!

ПАВЕЛ. Конечно, дурак, слишком большую волю дал.

У неё — репетиции, у неё — концерты, у неё — то, у неё — сё. А муж?!

ВАЛЕНТИНА. А я тебя не зову?

ПАВЕЛ. Так значит я должен под твою дуду петь, а может, и плясать?

ВАЛЕНТИНА. А как жить прикажешь?

ПАВЕЛ. Замуж вышла? Вышла. Муж, семья, дом есть? Есть. Чего тебе ещё надо?

ВАЛЕНТИНА.Я не могу без песни...

ПАВЕЛ. Зачем тогда замуж выскочила?!

ВАЛЕНТИНА. Не выскочила, забыл, как ходил за мной?

ПАВЕЛ. Надо было, значит, если ходил. А теперь молиться на тебя?

ВАЛЕНТИНА. Я и не прошу.

ПАВЕЛ. В общем так, ходить туда я тебе запрещаю.

ВАЛЕНТИНА. Ты понимаешь, что говоришь?

ПАВЕЛ. Где уж нам понять высокие материи.

ВАЛЕНТИНА. Как можно, работая вместе с девчатами, не быть вместе с ними?

ПАВЕЛ. Тебя девчата кормят? Тогда и живи с ними, если нельзя без них.

ВАЛЕНТИНА. У меня есть дом.

ПАВЕЛ. Ах, дом? Когда выгодно ты о нём вспоминаешь. И за это спасибо.

ВАЛЕНТИНА. Ну, что я вижу хорошего с тобой? А ты хочешь отнять у меня последнее...

ПАВЕЛ. Путние жёны сидят дома. А песни и прочее для некоторых — чтобы прикрыть свой блуд.

ВАЛЕНТИНА. Я тебе не изменяла.

ПАВЕЛ. Да к этому идёт. А если говорить честно: кто докажет?

ВАЛЕНТИНА. Доказательство одно: если я изменю, я не останусь с тобой.

ПАВЕЛ. Значит, я должен сидеть и ждать, придёт сегодня ко мне жена или не придёт.

ВАЛЕНТИНА. От хорошего мужа жена не уходит.

ПАВЕЛ. Сколько лет угоден был, а теперь — нет. Вот к чему песенки приводят.

ВАЛЕНТИНА. Не в песнях дело.

ПАВЕЛ. В Волине? Пока не пела под его дуду, человеком была.

ВАЛЕНТИНА. Пела под твою: мой дом, мой стол, моя рубаха.

ПАВЕЛ. Именно моё.

ВАЛЕНТИНА. Я тоже работаю.

ПАВЕЛ. Когда ты последний раз проверяла уроки у сына?

ВАЛЕНТИНА. Давай будем вместе сидеть за его уроками. Тебе легче будет?

ПАВЕЛ. Разве в них дело?

ВАЛЕНТИНА. Ты прекрасно знаешь, что сын мне ближе и дороже, чем тебе, и не упрекай меня им... Что ты за человек, что за мужчина?

ПАВЕЛ. Значит, я должен показать, какой я есть мужчина... Можешь не сомневаться, я покажу вам это... Я покажу!

Занавес.

Картина шестая

В мастерской художника. Юрий работает над коллективным портретом девчат. Сеанс подходит к концу. Они явно устали.

ИРИНА. Ой, не могу, пяткам больно, и глаза слипаются.

ВАЛЕНТИНА. Сперва смешно было, а теперь — хоть плач.

МАРИЯ. А чего бы я выпила, девчата.

ИРИНА. У тебя уже рыльце в пушку.

ЮРИЙ. Минуточку ещё... один штришок... и...

ВАЛЕНТИНА. А разговаривать можно?

ЮРИЙ. Лишь бы с места не сходили... И головой не вертеть.

ВАЛЕНТИНА. Кому нужна эта картина, есть люди заслуженные, а мы?

ЮРИЙ. А я не вас пишу.

ИРИНА. Вот так номер, столько голову морочить!

ЮРИЙ. Я хочу дать собирательный образ русской женщины... И речь тут не о заслуженных или незаслуженных, а наиболее типичном, русском...

МАРИЯ. Ну, хоть себя можно будет узнать в этом типичном, русском... Вы не импрессионист?

ЮРИЙ. Нельзя быть импрессионистом, по штату не положено.

МАРИЯ. Не люблю двусмысленности, или сейчас же Вы покажете наши физиономии или мы бастуем!

ВАЛЕНТИНА. Мы вынуждены, моченьки больше нет.

ИРИНА. Знала бы я, какая это пытка, ни за что не согласилась бы, хоть режь меня, хоть бей.

ЮРИЙ. Ещё секунду... макросекунду... и...

МАРИЯ *(поднимает руку)*. А выйти можно?

ВАЛЕНТИНА *(поднимает руку)*. И я хочу. *(Хохочут.)*

ИРИНА. А я что, хуже вас? Мне первой надо.

ЮРИЙ. Всё! Перерыв пять минут.

Подруги нетерпеливо устремились к картине.

ИРИНА. Это я?! Смотрите, смотрите, это же я!

ВАЛЕНТИНА. А я не похожа, вот Мария — да.

МАРИЯ. Как не похожа. А коса-то чья?

ВАЛЕНТИНА. Только и всего. Юрий Михайлович, нарисуйте меня хорошей-хорошей, чтобы хоть раз в жизни я могла понравиться себе.

ИРИНА. Чего захотела, уж какая есть. Это знаешь, как называется — лакировка действительности.

ВАЛЕНТИНА. Вот-вот, ты первая же и лакируешь себя, посмотри на когти.

ИРИНА. Когти лакировать принято, а морды нет.

МАРИЯ. Товарищ художник, Ирину Вы не с оригинала списали, а с намалёванного ею портрета. Тут плагиатом пахнет.

ИРИНА. Я только чуточную малость глаза выразительнее сделала. Когда я их подрисую, я лучше вижу. Ты на себя оглянись, помады на тебе с пуд!

МАРИЯ. Не с пуд, а с унцию. Помада у меня не для красоты — чтобы губы не трескались. Я лечусь.

ВАЛЕНТИНА. А почему здесь тучи? Мне страшно.

ЮРИЙ. Это состояние тревоги... Вот небо уже просветлело, и солнце рвёт тучи... Настроение у всех троих неодинаковое, и платья тоже, и позы, как неодинаковые судьбы женские... характеры...

МАРИЯ. Хорошо художнику: захотел, дом нарисовал и — живёт в нём. Нарисуйте мне бутылку: скучно.

ЮРИЙ. Нарисовать хороший дом труднее, чем его построить.

ИРИНА. А Вам разрешат нас выставить?

ЮРИЙ. А почему бы и нет. Я ведь говорил, речь не о вас... я пишу русский характер. Русскую женщину труднее, чем жен-

щину любой другой национальности представить в одном лице. Она очень разная...

МАРИЯ. А почему Вы решили, что достаточно трёх лиц?

ЮРИЙ. А почему Васнецов изобразил трёх богатырей?

МАРИЯ. Уж не собираетесь ли Вы женить их?

Появляется Игорь Борисович, он слышит последние фразы.

ИГОРЬ. Я, наверное, опоздал к распределению невест.

МАРИЯ. Ещё не всё потеряно.

ВАЛЕНТИНА. Здравствуйте, Игорь Борисович!

ИГОРЬ. Здравствуйте, мои ярославны.

МАРИЯ. Здравствуй, витязь наш прекрасный.

ЮРИЙ. Тебя только и не хватало. *(Здороваются за руку.)*

ИГОРЬ. Не утерпел я, честно говоря, до завтра. Вот. *(Вынимает бумагу.)*

Девчата обступают Игоря и стараются выхватить бумагу, он высоко поднимает руку. Ирина подставляет стул и дотягивается до неё, читает:

ИРИНА. «Кустовой смотр художественной самодеятельности состоится... 20-го! ... к участию в смотре приглашается женское вокальное трио в составе: Валентины Павловой...

ВАЛЕНТИНА. Я!

ИРИНА... Марии Одиноковой...

МАРИЯ. Есть!

ИРИНА. Ирины Семёновой... Ой, держите меня. *(Падает на руки.)*

ЮРИЙ. Поздравляю, поздравляю.

ИРИНА. А там краевой смотр, а там...

МАРИЯ. Дорогу народным талантам!

ВАЛЕНТИНА. В край я не смогу; Павел не отпустит.

ИРИНА. Да как он смеет!

ВАЛЕНТИНА. А кто с Серёжкой останется.

ИРИНА. Не грудной же он. А Павла уговорим!

МАРИЯ. А я в Москву не смогу поехать, и не уговаривайте меня!

Подруги, обнаружив, что увлеклись, дружно рассмеялись.

ИГОРЬ. Ну, что скажете?

ИРИНА. На репетицию!

ИГОРЬ *(к Юрию)*. Хочешь-не хочешь, но отпустить придётся. Сейчас они способны только петь.

ЮРИЙ. А мы на сегодня норму перевыполнили.

ВАЛЕНТИНА. Знаете, Игорь Борисович, как он нас мучил.

ИРИНА. Пытка, настоящая пытка!

ИГОРЬ. Искусство требует жертв

ЮРИЙ. Придётся затушевать негатив. *(Преподносит конфеты.)*

ИРИНА. «А ну-ка, отними?!»

Девчата шумно делят между собой конфеты.

ВАЛЕНТИНА. Спасибо, Юрий Михайлович.

МАРИЯ. Жаль, что сладкое не люблю. *(Отдаёт свою долю Ирине.)*

ИРИНА. Она у нас горькое употребляет.

ВАЛЕНТИНА *(посмотрев на Волина)*. Сладкое мне нельзя. *(Отдаёт свою долю Ирине.)*

ИГОРЬ. Пошли, пошли — времени в обрез.

ИРИНА *(к Юрию)*. Завтра мы ещё придём!

Простившись, все уходят, остаётся Юрий, смотрит на картину.

ЮРИЙ. Мне кажется здесь что-то не так... Уберу-ка я грозовые облака... *(Пишет.)*

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина седьмая

Берег реки, три берёзки. Появляются Игорь и Валентина.

ВАЛЕНТИНА *(подбегает к берёзкам)*. Вот они наши подруженьки! Как вы, родные, тут без нас...Ой! Игорь Борисович!

ИГОРЬ. Что?! Что с тобой?

ВАЛЕНТИНА. Смотрите... Кто-то берёзку ранил.

ИГОРЬ *(кладёт на землю портфель, подходит к берёзке, рассматривает)*. Сок брали... Берёзовый сок. Хочешь попробовать?

ВАЛЕНТИНА. Зачем?

ИГОРЬ. Чтобы узнать, каков он, берёзовый сок.

ВАЛЕНТИНА. А мне можно?

ИГОРЬ. Можно.

ВАЛЕНТИНА. Он не сладкий? Сладкое мне нельзя.

ИГОРЬ. Я не верю своим глазам, ты ли это? Стройная, грациозная... Так измениться в короткий срок, благодаря чему?

ВАЛЕНТИНА. С тех пор... Помните? Ни одной конфеты не съела.

ИГОРЬ. Нет, ты серьёзно?! Вот это характер!

ВАЛЕНТИНА. Какой там характер, каждую ночь конфеты снятся.

ИГОРЬ. А ну-ка, подойди сюда. *(Смотрит на неё внимательно, Валентина подходит, Игорь поднимает её и ставит на пенёк, отходит, любуясь.)*

ВАЛЕНТИНА. Не смотрите так на меня... Мне стыдно.

ИГОРЬ. Стой смирно! Так... А теперь, вольно, правая нога полусогнута, головку чуть вперёд и вправо.

ВАЛЕНТИНА. Я не хочу.

ИГОРЬ. Молчать! Не мешай ваять скульптору, ты ведь не знаешь, что он задумал создать.

ВАЛЕНТИНА. Догадываюсь...

ИГОРЬ. А чтобы оживить скульптуру, надо напоить её берёзовым соком.

Игорь подыскал соломинку, через неё наполняет рот берёзовым соком и с соломинкой во рту подходит к Валентине, знаком предлагал пить через эту соломинку, Валентина пьёт.

ВАЛЕНТИНА. Вкусно... А теперь — Вы.

ИГОРЬ. Учти, этим соком можно напоить лишь одного.

ВАЛЕНТИНА. Я никогда не смогу с Вами на ты.

ИГОРЬ. Никогда, никогда?

ВАЛЕНТИНА. Может быть, когда-нибудь...

ИГОРЬ. Ты можешь представить, что это когда-нибудь наступило. Ну... ты.

ВАЛЕНТИНА. Ты.

ИГОРЬ. А теперь скажи: Игорь, просто Игорь.

ВАЛЕНТИНА. Просто Игорь.

ИГОРЬ. Посмотри, сока опять полно. Видишь, слово «ты» волшебное.

ВАЛЕНТИНА. Вижу. Я теперь очень хорошо вижу и даже без очков.

ИГОРЬ. Значит, и все упражнения ты делала?

ВАЛЕНТИНА. Все, которые ты показал, два раза в день.

ИГОРЬ. Ну, знаешь...

ВАЛЕНТИНА. Пей берёзовый сок.

ИГОРЬ *(пьёт)*. А теперь ты. *(Передаёт соломинку.)*

ВАЛЕНТИНА. А теперь ты...

Пьют попеременно из одной соломинки, губы их встречаются, целуются.

ВАЛЕНТИНА. Стыд какой. *(Отходит.)*

ИГОРЬ. Мы не виноваты, всё — сок.

ВАЛЕНТИНА. Вы смеётесь надо мной. Я знаю, Вы плохо обо мне подумали.

ИГОРЬ. Но отчего?

ВАЛЕНТИНА. Как будто сами не понимаете... мужняя жена... и с другим.

ИГОРЬ. Я как-то не подумал, что ты чья-то, совсем забыл. Извини.

ВАЛЕНТИНА. Я не люблю Павла и никогда не любила.

ИГОРЬ. И тем не менее... вышла за него замуж.

ВАЛЕНТИНА. Он очень хороший. Я думала... полюблю.

ИГОРЬ. Стерпится-слюбится.

ВАЛЕНТИНА. ...потом Серёжка...

ИГОРЬ. А потом?

ВАЛЕНТИНА. Потом... Вы приехали...

ИГОРЬ. И что?

ВАЛЕНТИНА. Я не знаю, что делать с собой, и ничего с собой поделать не могу, я не в силах бороться с этой... проклятой любовью! А теперь гоните меня — я всё сказала.

ИГОРЬ. Разница между нами только в одном: я видел твою любовь, а ты мою — нет.

ВАЛЕНТИНА. Я только сначала не видела.

ИГОРЬ. А теперь?

ВАЛЕНТИНА. Я стала лучше видеть, но боюсь ошибиться.

ИГОРЬ. Рано или поздно это должно было случиться.

ВАЛЕНТИНА. Но мне страшно...Когда я увидела раненую берёзку, во мне оцепенело всё.

ИГОРЬ. Доктор обязан лечить раны. *(Берёт из портфеля лейкопластырь, заклеивает рану берёзки.)*

Появляются Ирина и Мария с сумками.

ИРИНА. Они уже здесь, воркуют. Полюбуйся на них, Маша. Мы — по магазинам, языки высунув, мы — тащи на себе сумки, а они — природой любуются, тьфу, тьфу в добрый час

ИГОРЬ. Самое тяжёлое и самое ценное уже здесь.

МАРИЯ. Не заговаривайте нам зубы, откололись — не зря.

ИГОРЬ. Разумеется, мы оказали скорую помощь берёзке.

ИРИНА. Хотела бы я знать, кто на наши берёзки поганые руки поднял!

МАРИЯ. Сколько бы берёзку не чернили, она всегда белая.

ИГОРЬ. Давайте на уговор, девчата: сегодня — ни слова о наших недругах. Отметим наш успех и путёвку на краевой смотр только в мажоре.

ИРИНА. Маэстро, доставайте ключ.

МАРИЯ. Пауза — ни в какие размеры, у меня даже зуб разболелся.

ИРИНА. Смотри, Машка, вырвем этот зуб у тебя мы.

Перекидываясь репликами, все готовят праздничный стол.

ИГОРЬ *(поднимает тост)*. Вот ведь какие сильные крылья у песни. Они понесут нас за сотни вёрст, а может быть — и за тысячи.

ИРИНА. Выпьем за песню.

ВАЛЕНТИНА. За дружбу и за любовь.

МАРИЯ. Помнится, давеча ты предлагала тост только за дружбу. Летит время... *(Все пьют.)*

ИГОРЬ. А закуску забыли выложить.

ИРИНА. Всё здесь.

ИГОРЬ. Не вижу.

ИРИНА. Вот трюфеля, вот шоколад, а вот «А ну-ка, отними!».

МАРИЯ. Это у тебя не отнимешь...

ИГОРЬ. Слышал я, девчата, специалиста к вам пришлют, заявка серьёзная.

ИРИНА. Правда?

ИГОРЬ. А там будете петь под оркестр.

ВАЛЕНТИНА. А как же Вы?

ИГОРЬ. Мавр сделал своё дело, мавр должен уйти.

МАРИЯ. Без Вас мы никуда не поедем.

ВАЛЕНТИНА. Как это, без Вас, я даже представить не могу.

ИГОРЬ. Я тоже не могу...без вас, без ваших песен. Пью — за вас.

МАРИЯ. Скажите, кто видел счастье? Только без всяких... фраз.

ИГОРЬ. Может быть, мы и встречали счастье, но чтобы узнать его, надо пробыть с ним хотя бы три дня.

ВАЛЕНТИНА. Так мало!?

МАРИЯ. А я бы согласилась и три дня.

ИРИНА. На три нечего и размениваться.

ИГОРЬ. Да, три дня, всего три дня: вчера, сегодня и завтра.

ВАЛЕНТИНА. Ой, как здорово!

МАРИЯ. Троичность — мистика. Бог отец, Бог сын и Дух святой. Треугольник. Трио. Даже в сказках она, троичность: три дороги, три желания, три богатыря. Где они? По каким дорогам разъехались?

ИРИНА. И в самом деле, девчонки, правда. Вот и со мной случилась однажды трижды она не ладная, до сих пор забыть не могу, эту самую... троичность. Годочков тринадцать мне было, тьфу, тьфу в добрый час, а фильм шёл «Скандал в Клошмерле». Я — туда же. Платье на мне материнское, туфли опять же у неё стащила, каблуки — во! Для пущей важности я и чёлку на калёном гвозде завила, радикуль под мышку — дифилирую. Уже билет подала, уже сердечко ёкнуло — пронесло, но в самый последний момент меня за шкирку — и поворот от ворот. Разозлилась я, плачу. А потом не будь дура, делаю вторую попытку: туфли содрала и бочком, бочком, а потом между ног — ползком, ползком в зал лезу. Всё бы хорошо, да то ли всхлипнула громче, то ли толкнула кого — заметили, за ногу меня и на белый свет. И тут вдруг на меня такое нашло, такая буйная сила во мне вскипела — и я — в третий раз — прямо через барьер и бежать... Киномеханик еле-еле догнал. Силы во

мне столько было, что хватило как раз, пока шёл фильм, драить полы в кинобудке. *(Все смеются.)*

ВАЛЕНТИНА. Ох, не могу...

ИГОРЬ. Не говори больше о троичности.

МАРИЯ. Да, трагичный случай, а я вам расскажу троичный случай — смешной. Хотите?

ВАЛЕНТИНА. Ну, конечно! Устроим себе вечер смеха.

МАРИЯ. Однажды я напилась...

Появляется Павел.

ПАВЕЛ. Так вот где надо искать путнюю жену.

ИРИНА. О, Павел! Молодец, что пришёл. А мой Семён — ни в какую! Мне дома, говорит, твои песни надоели... *(Преподносит вино.)* Штрафную. Мы в край едем — догоняй!

ПАВЕЛ *(к Валентине)*. Иди домой.

ВАЛЕНТИНА. Посидим немножко.

ПАВЕЛ. А я тебе говорю: марш домой!

МАРИЯ. Ты чего разошёлся, Павел? Что тут плохого?

ПАВЕЛ. По вашему, хорошо собираться без мужей?

ВАЛЕНТИНА. Но я ведь приглашала тебя!

ПАВЕЛ. Нечего мне делать среди всяких...

МАРИЯ. Каких это, всяких?

ПАВЕЛ. Все вы на один манер, все — потаскухи!

ВАЛЕНТИНА *(к нему)*. Не смей поганить, ты!

ПАВЕЛ *(бьёт её)*. М-марш, домой, стерва!

ВАЛЕНТИНА. Ты так? *(Плачет.)*

ИГОРЬ *(встаёт между ними)*. Не смейте бить женщину.

ПАВЕЛ. А ты кто такой? Чего среди чужих баб?

ИГОРЬ. А почему Вы не со своей женой?

ПАВЕЛ. Не твоё дело, не суй нос в чужой огород. *(Прёт на него, сцепились, женщины разнимают их.*

Занавес.

Картина восьмая

Квартира Павловых. Павел и Серёжа сидят на диване в тревожном ожидании.

СЕРЁЖА. Пап, а пап, чего мы ждём?

ПАВЕЛ. Мамку.

СЕРЁЖА. Давай играть в хоккей.

ПАВЕЛ. Сиди!

СЕРЁЖА. Всё сиди и сиди...А с мамкой мы играем.

ПАВЕЛ. Отыгрались... Уходит от нас мамка.

СЕРЁЖА. На смотр уезжает, да? Вот здорово! А по телеку её покажут?

ПАВЕЛ. Совсем уходит, бросает нас, понимаешь?

СЕРЁЖА. Как это, насовсем?

ПАВЕЛ. Теперь Игорь Борисович будет твой папка.

СЕРЁЖА. А зачем он мне, у меня есть свой папка! *(Обнимает отца.)*

ПАВЕЛ. Бросает нас мамка, уходит к Игорю Борисовичу. И ты меня бросишь?

СЕРЁЖА. Ни за что на свете! Пусть уходит, мы с тобой будем одни жить.

ПАВЕЛ. А если мамка позовёт, пойдёшь с ней?

СЕРЁЖА *(потупился)*. Не знаю.

ПАВЕЛ. Значит, ты можешь предать меня, да?

СЕРЁЖА. Я не предатель.

ПАВЕЛ. А чего юлишь? Отвечай прямо: с матерью пойдёшь или со мной останешься.

СЕРЁЖА. Не пойду я никуда,

ПАВЕЛ. А если мамка очень просить будет, плакать, силой поведёт тебя?

СЕРЁЖА. Всё равно не пойду.

ПАВЕЛ. Так вот, запомни: если уйдёшь с ней, я откажусь от тебя.

СЕРЁЖА. А зачем мамке уходить, разве нам плохо было?

ПАВЕЛ. Придёт, спросишь её.

Появляется Валентина.

ПАВЕЛ. А мы думали, уже не придёшь.

ВАЛЕНТИНА. Пришла.

ПАВЕЛ. Поди, раздумала...

ВАЛЕНТИНА. Нет.

ПАВЕЛ. Когда?

ВАЛЕНТИНА. Сегодня.

ПАВЕЛ. Когда депутата приведёшь?
ВАЛЕНТИНА. А депутат зачем?
ПАВЕЛ. Как же, вещи делить...
ВАЛЕНТИНА. Разделишь, как знаешь.
ПАВЕЛ. Надумала — держать не стану. Он знает?
ВАЛЕНТИНА. Нет.
ПАВЕЛ. А если его дома нет?
ВАЛЕНТИНА. Подожду.
ПАВЕЛ. Если не пустит?
ВАЛЕНТИНА. Не вернусь... *(Серёже.)* Серёженька, одевайся.
СЕРЁЖА. Зачем?
ВАЛЕНТИНА. Пойдём.
СЕРЁЖА. Куда?
ВАЛЕНТИНА. К Игорю Борисовичу.
СЕРЁЖА. Нужен мне, твой Игорь Борисович.
ВАЛЕНТИНА. Собирайся, сейчас же!
СЕРЁЖА. Никуда я не пойду!
ПАВЕЛ. Не дёргай ребёнка, сама устройся сперва.

Валентина опустилась на стул, потом принялась гладить бельё

ВАЛЕНТИНА. Серёжа, принеси рубашки, которые я вчера постирала
СЕРЁЖА. Где они?
ВАЛЕНТИНА. На балконе.
СЕРЁЖА *(приносит свои рубашки)*. Мам, на.
ВАЛЕНТИНА. Сам-то умеешь гладить?
СЕРЁЖА. Я вчера галстук гладил.
ВАЛЕНТИНА. И не сжёг?!
СЕРЁЖА. Не, я его водой брызгал.
ВАЛЕНТИНА. Небось брешешь, Сергей?
СЕРЁЖА. Правда, мам, хочешь, я покажу.
ВАЛЕНТИНА. Давай, показывай свою работу.
СЕРЁЖА *(приносит галстук)*. Работа — во!
ВАЛЕНТИНА *(треплет по волосам сына)*. Умница, а рубаху сможешь?
СЕРЁЖА. Запросто.
ВАЛЕНТИНА. Ой, брешешь, Серёжка.

СЕРЁЖА. Честное слово, смогу!

ВАЛЕНТИНА. Хвастунишка.

СЕРЁЖА. Спорим?

ВАЛЕНТИНА. Спорим!

СЕРЁЖА. На что? На десять щелобанов, давай?

ВАЛЕНТИНА. Идёт. *(Рука в руку.)*

СЕРЁЖА. Папка, разбей нас!

ПАВЕЛ. Тут хоть плач, а ей хоть бы хны.

СЕРЁЖА. Пап, она не верит, что я гладить могу.

ПАВЕЛ. Бабье это дело — гладить. Велосипеды кто будет готовить?

СЕРЁЖА. Потом.

ПАВЕЛ. А раз потом, не поедем на рыбалку.

СЕРЁЖА. Поедем, поедем. *(Подбегает.)* Что делать?

ПАВЕЛ. Снасти найди.

СЕРЁЖА. А я их давно достал *(Приносит.)* Вот.

ПАВЕЛ. Колёса подкачать надо.

СЕРЁЖА. Чур, я первый!

ПАВЕЛ. Насоса нет, сходи к дяде Коле за ним.

Серёжа неохотно одевается, смотрит на мать.

СЕРЁЖА. Ну, я пошёл. *(Уходит.)*

ВАЛЕНТИНА. Серёжа, я зайду за тобой.

ПАВЕЛ. Пустим ли мы тебя.

ВАЛЕНТИНА. Специально Серёжку отослал?

ПАВЕЛ. Надумала уходить — иди, а ребёнка не дёргай.

ВАЛЕНТИНА. Силой всё равно не удержишь.

ПАВЕЛ. Удержу, суд поможет.

ВАЛЕНТИНА. Ребёнок должен быть с матерью.

ПАВЕЛ. С путней матерью, а не с такой, которая к полюбовнику бежит.

ВАЛЕНТИНА. А почему ты ко мне бегал, девчат ведь и без меня хватало?

ПАВЕЛ. Ну, что, что тебе ещё надо? Есть и ребёнок, и дом — полная чаща, ну, чем тебе я плох? Урод или пьяница какой? Хоть раз изменил тебе или не верил тебе, как святыне? Ты ведь в самую душу мне наплевала!

ВАЛЕНТИНА. А ты хоть раз заглянул в мою душу?

ПАВЕЛ. Всё, что связано с тобой, я могу прочитать день за

днём, как книгу. Помнишь, парту, за которой ты сидела, на среднем ряду, створку расхлябанную помнишь? Это я её починил, а не столяр. А свадьбу? Ты не захотела быть у нас, и я уехал с тобой к твоим в село. Гору ту помнишь? А когда получили, наконец, квартиру, когда кончились наши мытарства, помнишь ту ночь в пустой квартире, наши мечты? Помнишь, что сказала ты, когда зашевелился у тебя под сердцем Серёжка?

ВАЛЕНТИНА. Но ты ведь знал, что я тебя не любила.

ПАВЕЛ. Ну, знал.

ВАЛЕНТИНА. Почему же ты добивался своего? Зачем брал нелюбящую?

ПАВЕЛ. Но я любил!

ВАЛЕНТИНА. А ты подумал, что и я могу полюбить?

ПАВЕЛ. Не желаю тебе оказаться в моём положении... Но ты ещё вспомнишь обо мне, да будет поздно.

ВАЛЕНТИНА. А и впрямь поздно... *(Достаёт чемодан, складывает самое необходимое, выглаженные рубашки несёт в комод.)* Простыни, бельё — всё здесь, всё чистое, вам хватит надолго. *(Плачет.)*

ПАВЕЛ *(плачет)*. Дурак, какой я дурак. Всё знал и дал возможность разгореться искре... Думал — ребёнок: не посмеет. *(Хватается за сердце.)*

ВАЛЕНТИНА *(подходит)*. Успокойся, на вот... капли, я уже пила...Мне легче.

ПАВЕЛ. Один, совсем один.

ВАЛЕНТИНА. Тебя тоже полюбят...

ПАВЕЛ. Уходи!!! Чего медлишь...

ВАЛЕНТИНА. Всё, полотенце ещё... *(Берёт полотенце.)*

ПАВЕЛ. Зачем тебе столько полотенцев?!

ВАЛЕНТИНА *(смотрит на него с сожалением)*. Можешь спать спокойно, я взяла только одно. *(Идёт к двери.)* Прощай, Павел, не поминай лихом.

ПАВЕЛ. Подожди!

ВАЛЕНТИНА *(останавливается у двери)*.Что?

ПАВЕЛ. Можно, поцеловать тебя... В последний раз?

Обнимаются, целуются, Валентина вырывается, убегает, плача.

Занавес.

Картина девятая

Кабинет главврача. Входит Рубина Сидоровна.

РУБИНА. Я ведь говорила, я ведь предупреждала, так нет: Рубина Сидоровна в дела не свои лезет, Рубина Сидоровна придирается...

ГЛАВВРАЧ. Успокойтесь, Рубина Сидоровна, во-первых, доброе утро...

РУБИНА. У нас добрых утр не бывает!

ГЛАВВРАЧ. Опять двадцать пять.

РУБИНА. И что за коллектив на нашу голову!

ГЛАВВРАЧ. А Вы, как всегда, мне — шарады-ребусы.

РУБИНА. Случился никакой не ребус — анекдот!

ГЛАВВРАЧ. Откуда Вы всё берёте, Рубина Сидоровна?

РУБИНА. Да об это вся больница, весь район говорит.

ГЛАВВРАЧ. Почему до меня всё доходит в последнюю очередь?

РУБИНА. Я Вас первого предупреждала, что у Волина с Павловой добром не кончится. Я говорила об ихних шашнях. Говорила?!

ГЛАВВРАЧ. Шашни, шашни... А может быть, у них — любовь?

РУБИНА. Любовь?! Ох, держите меня, любовь.

ГЛАВВРАЧ. Очень даже может быть.

РУБИНА. Ой, нашли красавицу. А Волин? Ему любовь нужна? Ну, прямо-таки Ромео и Джульетта! Блуд и грязь!

ГЛАВВРАЧ. Ну и чёрт с ними.

РУБИНА. Но у неё — муж, ребёнок!

ГЛАВВРАЧ. Не Ваш муж, не мой ребёнок, нам-то что?

РУБИНА. Ну, и разговаривайте сами.

ГЛАВВРАЧ. С кем?

РУБИНА. С мужем. *(Уходит, хлопнув дверью. Робкий стук. Входит Павел.)*

ПАВЕЛ. Можно?

ГЛАВВРАЧ. Входите.

ПАВЕЛ. Здравствуйте.

ГЛАВВРАЧ. Здравствуйте.

ПАВЕЛ. Моя фамилия Павлов. Павлова Валентина — моя жена, у Вас работает.

ГЛАВВРАЧ. Ах, да... садитесь, садитесь... слушаю Вас.

ПАВЕЛ. Ушла она от меня...

ГЛАВВРАЧ. Так это Вам следует в суд обратиться.

ПАВЕЛ. Другого выхода нет у меня. Поймите, жили мы с ней душа в душу, сына растили, всё ладно было. А тут доктор Ваш объявился... Песенки, басенки — и всё в тартары. Валентину прямо-таки — как подменили. Заявила, что не любит и не любила никогда. А ведь это не правда, уж я ли не берег, не жалел её. Не курю, не пью, зарплату — всю до копеечки — ей на стол. И помогать помогаю. Нет, твердит, разные мы. Я так понимаю... Всё — Волин. Не было его — я был хорош. Ведь до чего дошло, слово о нём плохого не скажи — глаза выцарапает! Слишком волю большую взяла.

ГЛАВВРАЧ. Вот Вы, муж, не углядели, выходит, главный врач должен за всеми уследить?

ПАВЕЛ. Но Вы — начальник. Прикажите, чтобы, значит, семью не разбивать..

ГЛАВВРАЧ. Я отвечаю за работу своих подчинённых.

ПАВЕЛ. Так ежели все жёны начнут скакать, как блохи, от мужика к мужику, какая работа выйдет?

ГЛАВВРАЧ. Поймите, товарищ, вопросы любви и ненависти не решаются в административном порядке. *(Звонит телефон, главврач берёт трубку.)* Да, главный врач. Доброе утро, Поликарп Серафимович, доброе утро. Нет, ничего особенного... Да, я в курсе дела, конечно, разберёмся, уже и разбираюсь, муж её у меня в кабинете... Да... Да, конечно, обязательно... Будет сделано... да. *(Кладёт трубку.)* Гадская душа, уже доложила... *(Набирает номер.)* Рубина Сидоровна, зайдите ко мне. *(К Павлу.)* Мы, вот что, подключим общественность, она поможет, вызовём Валентину и всыпем ей по-родительски.

Входит Рубина Сидоровна.

РУБИНА. Иван Кузьмич, я сейчас занята.

ГЛАВВРАЧ. Знаю, чем заняты. Вот товарищ, муж Павловой, подключите общественность, помогите.

РУБИНА. Считаю, что Павлову лучше всего вызвать сюда, пока муж здесь.

ГЛАВВРАЧ *(набирает номер)*. Поликлиника? Павлову — ко мне. *(К Павлу.)* Вас как по имени отчеству?

ПАВЕЛ. Павел Павлович.

ГЛАВВРАЧ. Вы, Павел Павлович, зря расстраиваетесь. В семье чего не бывает? Мы со своей благоверной... сойдёмся иногда — пыль до потолка. И ничего живём.

ВАЛЕНТИНА *(входит)*. Здравствуйте. *(К Павлу.)* Что тебе здесь нужно?

ПАВЕЛ. Сейчас узнаешь.

ГЛАВВРАЧ. Садись, садись, красавица.

ВАЛЕНТИНА. Что я по работе натворила, что Вы меня вызываете?

РУБИНА. Ты, Павлова, на работу не кивай, не в лесу живёшь — среди людей, И не стыдно тебе?

ВАЛЕНТИНА. Нет, Рубина Сидоровна, не стыдно.

РУБИНА. Потому что — бесстыжая! А ещё и на сцену лезут!

ВАЛЕНТИНА. Вызвали меня оскорблять? До свидания! *(Порывается уйти.)*

ГЛАВВРАЧ. Садитесь, Павлова!

ПАВЕЛ. Вот и дома так, слова не скажи. Пока по шёрстке гладишь, куда с добром, а как против — сразу в пузырь!

ГЛАВВРАЧ. Если не хочешь при всех отвечать, скажи нам, почему из дома ушла?

ВАЛЕНТИНА. Это моё личное.

РУБИНА. Нет, голубушка, не личное. Семья — это государство.

ВАЛЕНТИНА. Наши отношения решать нам.

ПАВЕЛ. А как ты решаешь? Ты подумала о нас с Серёжкой?

ВАЛЕНТИНА. Подумала и решила, что лучше всего нам расстаться.

РУБИНА. И осиротить ребёнка!

ВАЛЕНТИНА. Серёжу я не оставлю.

ПАВЕЛ. Не дам я тебе сына!

ВАЛЕНТИНА. Я и спрашивать не буду.

РУБИНА. Спросить всё-таки придётся, и в первую очередь суд и общественность.

ВАЛЕНТИНА. Я — мать.

РУБИНА. Да какая ты мать, если на уме — любовь да песенки. Что ты даёшь сыну?

ВАЛЕНТИНА. Больше, чем некоторые.

РУБИНА. Да знаешь ли ты, что семья для меня — святыня! А ты ещё равняешься... Да мне рядом с тобой стоять противно.

ВАЛЕНТИНА. Сами вызвали.

ГЛАВВРАЧ. Вызвали, чтобы объяснила, почему семью разбиваешь?

ВАЛЕНТИНА. Я ему говорила, если ты меня хоть раз ударишь, жить с тобой не буду...

ПАВЕЛ. А ты бы как на моём месте? Нервы у меня не железные.

РУБИНА. Правильно сделал, если доброты не понимают. Мой бы им обоим головы оторвал. Жаль, что переводятся настоящие мужчины...

ГЛАВВРАЧ. А может быть, не в этом дело... В какой семье не дерутся... Может, Волин — причина всего?

РУБИНА. Нет, так дело не пойдёт. В конце концов во всём виноват Волин, пусть и присутствует здесь!

ГЛАВВРАЧ *(набирает номер)*. Волина ко мне. Срочно! (Валентине.) Я вас прекрасно понимаю, и тебя, и Волина. Искусство, душевные разговоры, увлечение... Речь ведь о главном: о семье, Жизнь прожить — не песню сложить. Для чего мы живём?

Входит Волин.

ВОЛИН. Здравствуйте, ох, я, кажется, не туда попал.

РУБИНА. Вот именно, не туда, но ты-то и нужен в связи с этим.

ИГОРЬ. Но я ведь могу и не говорить по душам.

ГЛАВВРАЧ. Игорь Борисович, прошу сесть. Мы, конечно, ценим Вас и как специалиста, и как руководителя художественной самодеятельности, молодцы ведь, в край пробились...

РУБИНА. В край они не поедут.

ГЛАВВРАЧ. Собственно говоря, всё ещё можно исправить. Вот смотрите, перед Вами Павлов, он умоляет вернуть ему жену, мать ребёнка.

РУБИНА. Неужели у Вас нет совести, нет сердца становиться между ними?! Вы — интеллигент, как смеете отнимать жену у рабочего! В конце концов, у Вас есть что-нибудь святое, если Вам наплевать на судьбу ребёнка?

ИГОРЬ. Ваши заученные фразы, Рубина Сидоровна, не по адресу. Вот у него, у Павлова и спросите.

РУБИНА. Вы, Вы, Вы влезли в чужой огород!

ГЛАВВРАЧ. Ответьте тогда на один вопрос: Вы любите Валентину?

ИГОРЬ. В кабинете главного врача объясняются в любви к главному врачу. Но если это так необходимо объяснить своё отношение к происходящему, извольте: Валентина права, что ушла от человека, который её унижает.

ПАВЕЛ. Как я жалею, что не переломал тебе ноги тогда.

РУБИНА. Это никогда не поздно.

ИГОРЬ. Поистине — дама аутодафе. Считаю вопрос исчерпанным. *(Уходит.)*

ГЛАВВРАЧ. Всё, что я мог, сделал. Рубина Сидоровна, подключайте общественность, действуйте, как решите, так и будет. Всё! *(Павлу.)* Оставьте заявление Рубине Сидоровне.

ПАВЕЛ. Спасибо, я не о себе. Жизнь моя всё равно разбита, а ребёнок как? Устроила ему счастливее детство.

ВАЛЕНТИНА. Я могу идти?

ГЛАВВРАЧ. Можешь.

ПАВЕЛ. Идём домой.

ВАЛЕНТИНА. Мне стыдно за тебя... *(Уходит.)*

ПАВЕЛ. Извините, до свидания. *(Уходит.)*

РУБИНА. Я считаю, ни о каком краевом смотре и речи быть не может. Что о нас скажут? Вы только подумайте, какая наглость, портреты с них пишут. С кого пишут? Кто дал на это право? И картина никуда не пойдёт! Иначе — грош мне цена!

Занавес.

Картина десятая

Приёмная пункта скорой помощи. Тётя Глаша. Заходит Юрий.

ЮРИЙ. Тётя Глаша, там ещё не кончилось?

ТЁТЯ ГЛАША. А тебе чего?

ЮРИЙ. Друг мой, Игорь Борисович... Как он там?

ТЁТЯ ГЛАША. Все вы дружки до первой кружки.

ЮРИЙ. Не все, тётя Глаша, не все.

ТЁТЯ ГЛАША. Это ты, художник?

ЮРИЙ. Да, но я теперь не художником работаю — на стройке. Дома строю.

ТЁТЯ ГЛАША. А чего так, переметнулся, платили мало? Так не должно быть.

ЮРИЙ. Свежим воздухом захотелось подышать.

ТЁТЯ ГЛАША. И то правда, краски, они шибко в нос бьют.

Появляется Волин.

ИГОРЬ. Меня ждёшь?

ЮРИЙ. Болею.

ИГОРЬ. Болеть я тебе не позволю.

ЮРИИ. Даже за друзей?

ИГОРЬ. А за них будь спокоен: не подведут.

ЮРИЙ. И всё-таки?

ИГОРЬ. Или работа, или Валентина. Досадно лишь одно: что сам я раньше не догадался.

ЮРИЙ. Она как?

ИГОРЬ. Не перестаю удивляться её выдержке, стойкости. Вот когда настоящий характер виден! Только сегодня я понял по-настоящем почему пылали костры, поверь, это не громкие слова, но если бы дать им волю...

ЮРИИ. Как у тебя время?

ИГОРЬ. Встретимся позже, я на операцию спешу, интересный случай и человек хороший, если уеду, не сделав, спать не смогу. Так что, до встречи. *(Жмёт руку.)*

Юрий уходит, Игорь нетерпеливо ждёт кого-то.

ТЁТЯ ГЛАША. Ты мне скажи, Игорь Борисович, прямо: што надумал с девкой теперя?

ИГОРЬ. Жениться, тётя Глаша, жениться.

ТЁТЯ ГЛАША. Боялась я за неё, думала, баловство это. А коли сурьёзно, бог вам судья.

ИГОРЬ. Это раньше один бог был судья, сейчас их больше, на всех не угодишь.

ТЁТЯ ГЛАША. Знаю, не веришь в бога, дай тогда мне слово, что не забидишь Валюшу.

ИГОРЬ. Даю Вам слово.

ТЁТЯ ГЛАША. Ну, смотри! Спуску не дам, будь ты хоть распрофессор.

Появляется Валентина. Игорь подходит к ней.

ВАЛЕНТИНА. Вот видите, что получилось..И всё из-за меня.

ИГОРЬ. Ничего страшного.

ВАЛЕНТИНА. Ведь всё пропало: и работа, и всё, всё, всё!

ИГОРЬ. Мир не только в этом окне.

ВАЛЕНТИНА. Я знаю, Вы меня ненавидите.

ИГОРЬ. Я люблю тебя. Этого разве не достаточно?

ВАЛЕНТИНА. Вот увидишь, Игорь, всё будет хорошо. Ты только не переживай очень.

ИГОРЬ *(с улыбкой смотрит на неё)*. А я собирался тебя утешать... *(Смеются.)*

ТЁТЯ ГЛАША. Радость-то, она рядом со слезами...

ИГОРЬ. Я сейчас на операцию, кажется, это моя последняя операция здесь... Держи. *(Протягивает ей ключ и зажимает в её ладони, целует руку и быстро уходит, Валентина разжимает ладонь, смотрит на ключ.)*

ТЁТЯ ГЛАША. Была б ты мне дочкой — выдрала бы, как сидорову козу.

ВАЛЕНТИНА. Добрая ты, тётя Глаша. *(Обнимает её.)*

ТЁТЯ ГЛАША *(утирая слёзы)*. Горюшко ты моё. А сын твой нужен ему?

ВАЛЕНТИНА. Если любит меня, значит и его.

ТЁТЯ ГЛАША. Уйдёт ли Серёжка из дома?

ВАЛЕНТИНА. Не знаю...

Появляется Ирина и Василий, приехавшие с вызова, Ирина, увидев Валентину делает вид, что ищет что-то.

ИРИНА. Тётя Глаша, куда исчезла тетрадь вызовов.

ТЁТЯ ГЛАША. На окне ишши.

ИРИНА *(заглядывает в тетрадь)*. У нас ещё вызовы, поехали, Василий.

ВАЛЕНТИНА. Ирина...

ИРИНА. А твой Волин — подлец, так и передай ему. *(Уходит.)*

ВАСИЛИЙ *(задержался)*. Валентина Николаевна, ты того... крепись... Я ведь не сибирский валенок, я понимаю, да что говорить... *(Махнул рукой, вышел.)*

МАРИЯ *(входит, обнимает Валентину)*. Ну, вот, Валечка, мы с мужиками и квиты.

ВАЛЕНТИНА. Только ты не раскисай, Машенька, тут без меня, будет и на твоей улице праздник.

МАРИЯ. Глупые мы бабы, всего боимся...

Входят Рубина Сидоровна и Павел.

ПАВЕЛ *(к Валентине)*. Что я могу, я показал тебе, но я могу и простить, не ради себя, конечно.

МАРИЯ. Конечно, мужик на то и мужик, чтобы по женсоветам ходить! *(Уходит вместе с Валентиной.)*

РУБИНА *(энергичная, торжествующая)*. Наша взяла, Павел! Они ещё хорошо отделались, что целы остались, другой бы на твоём месте дал бы им шороху! Но ничего, не унывай...А невесту мы тебе такую подыщем — всем на зависть! Поехали, мне — в центр, подвезу.

Выходят Павел и Рубина Сидоровна, появляется главврач, тяжело садится на стул, сидит, задумавшись, из смотровой выходит тётя Глаша.

ГЛАВВРАЧ. Тётя Глаша, как они?

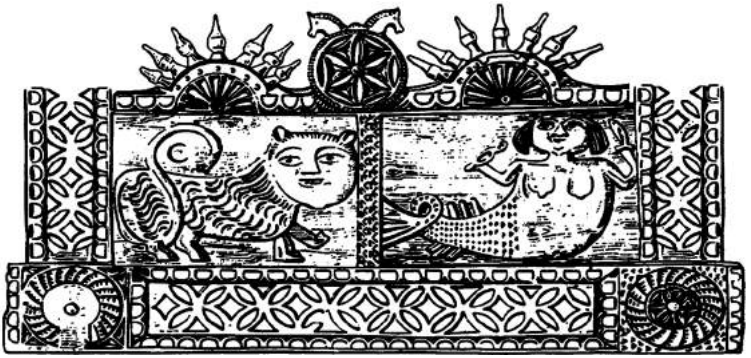
ТЁТЯ ГЛАША. Как? А никак! *(Уходит сердито.)*

ГЛАВВРАЧ. Скорей бы на пенсию. *(Уходит.)*

ТЁТЯ ГЛАША *(появляясь со шваброй)*. Не приёмное отделение, а проходной двор, и ходют, и ходют, не успевать подтирать за каждым.

Занавес.

КОНЕЦ.



Семьдесят два в минуту

Пьеса в трёх действиях, в девяти картинах

Действующие лица:

БОРИС ВОЛГИН
РУДОЛЬФ ЮБЕРОВ
ЦЫБИК БАТУЕВ
ИВАН ЗОЛОТУХИН
ЛЕВ ГОВОРКОВ
СИМОЧКА ЛЕУРС
} — студенты.
ПЕРФИЛИЙ СЕРДЮК — студент, курсовое начальство.
ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ — профессор.
СЕКРЕТАРЬ, ЧЛЕНЫ БЮРО, СТУДЕНТЫ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Исполняется в сопровождении гитары студенческая песня. Занавес открывается. Вестибюль студенческого общежития. Появляются двое: Волгин со стенной газетой в руках и Юберов.

ЮБЕРОВ. А может, всё-таки не стоит вешать, как ни как...

ВОЛГИН. И ты за «кукиш в кармане»?

ЮБЕРОВ. Мне эта самодеятельность не по душе.

ВОЛГИН. Просто боишься.

ЮБЕРОВ. Нет, жалею...

ВОЛГИН *(смеётся)*. Сердюка? Поздравляю!

ЮБЕРОВ. Тебя.

ВОЛГИН. Не нуждаюсь...

ЮБЕРОВ. Но ты же прекрасно знаешь, он будет мстить!

ВОЛГИН. Бу-дет. А я уже сейчас разделал его, как бог черепаху! *(Вешает «колючку». Останавливаются прохожие, читают, смеются. Число любопытных растёт. Становится шумно, весело. Раздаются голоса.)*

1 ГОЛОС. Здорово, а?!

2 ГОЛОС. Братцы, Органчика припечатали!

3 ГОЛОС. Врёшь.

2 ГОЛОС. Иди, посмотри.

3 ГОЛОС. Кто-то, видно, в лесу издох!

4 ГОЛОС. Или Волгину надоело жить.

5 ГОЛОС. Когда не везёт в любви, поневоле станешь матадором.

1 ГОЛОС. Волгин, застраховал ли ты свою молодую жизнь?

2 ГОЛОС. Шутки шутками, а в скорую помощь позвонить надо.

1 ГОЛОС. На станцию переливания крови.

2 ГОЛОС. Братцы, наслаждайтесь искусством, пока не прилетел Органчик! Все сюда!

5 ГОЛОС. Как живой!

4 ГОЛОС. Кажется, вот-вот загремит: «Разгоню», «Вы у меня допляшетесь!»

Появляется Сердюк. Ему рассказали о стенгазете, когда он брился. Он как был, намыленный, с бритвой в руке, так и выскочил. За ним едва поспевает Золотухин. Студенты, заметив их, притихли, расступились, пропуская Сердюка к газете. Увидев карикатуру на себя, Сердюк пытается сорвать «колючку», но Волгин выступает вперёд и загораживает собою газету. Сердюк и Волгин смотрят друг на друга, все смотрят на них. Наступает напряжённая тишина. Наконец, Сердюк круто поворачивается и уходит. Звук порванной струны. Взоры всех направлены на Волгина.

Занавес.

Картина вторая

Комната студенческого общежития. Свет только что погасили. Слышатся голоса студентов.

ЮБЕРОВ. Уж заполночь, а Волгин, как в воду канул.

БАТУЕВ. Да, загулял брат, словно ветер в степи.

ГОВОРКОВ. Укатают сивку любовь да «колючки».

БАТУЕВ. То, что он предпочёл Розетту воображале Симочке — понятно, но то, что он связался с Сердюком — непостижимо.

ГОВОРКОВ. Любитель острых ощущений.

ЗОЛОТУХИН. Шляется, чёрт бы его побрал, людям спать не дает.

ЮБЕРОВ. Тебе-то что, спи на здоровьечко.

ЗОЛОТУХИН. С вами тут поспишь: один с вечера спать не даёт, другой ночью будит.

ЮБЕРОВ. А ты жалуйся в вышестоящие инстанции.

БАТУЕВ. Пошёл бы ты на сожительство к Сердюку... парень ты политически грамотный... морально устойчивый...

ЗОЛОТУХИН. Замолчите вы, наконец!

ГОВОРКОВ. Ванечка, а у тебя здорово петухом получается... а мне как раз завтра рано вставать надо. Прокричишь ровно в семь.

БАТУЕВ. Ребята, Лёва опять в семь часов встать отважился.

ЮБЕРОВ. А он хоть знает, что такое семь часов утра? Они ведь никогда не встречаются: когда приходят семь часов, ещё нет Лёвы, он спит; когда приходит Лёва в бодрствующее состояние, семи часов нет и в помине!

БАТУЕВ. Лёва у нас, словно солнце, раньше времени не подымится.

ГОВОРКОВ. Клянусь прахом предков, встану, ведь завтра у нас семинар по истмату.

БАТУЕВ. Тогда тебе и ложиться не стоит.

ЮБЕРОВ. Ша, кто-то идёт.

ГОВОРКОВ. Братцы, ни звука!

Двери осторожно открываются. В полосе света видна фигура вошедшего. Это Волгин. Дверь закрылась, и снова темнота. Волгин пробирается к своей кровати, натыкается на что-то, замирает. Нащупав свою кровать, тяжело садится на неё, некоторое время сидит неподвижно, потом слышно, как он лезет в тумбочку, долго шарится там, наконец, начинает ворчать.

ВОЛГИН. Что за чертовщина... *(Молчание.)* Опять, нахалы, в мою тумбочку лазили? *(В ответ ни звука.)* Кто сожрал мою колбасу!?

С этими словами Волгин включает свет. Комната с пятью кроватями, этажеркой, столом, тумбочками и стульями. Волгин стоит посреди комнаты спиной к зрителям, он смотрит на четырёх, лежащих перед ним товарищей, стараясь распознать провинившегося. Кто поднял сонную голову и, недовольно проворчав что-то, снова бросает её на подушку, кто перевернулся на другой бок, проклиная вошедшего. На отдалённой кровати — никакой реакции. Это место Говоркова. Голову он спрятал под одеяло, на другом конце которого видны огромные сухие ноги. Волгин бросается к нему и, ухватившись за одеяло, старается стянуть последнее. Говорков крепко держится за одеяло, после короткой борьбы он всё же вынужден раскрыться и сесть. На свет появилась худощавая нескладная фигура с хитрым лицом, обладателю которого стукнуло уже тридцать.

ГОВОРКОВ. Боренька, виноват, прости... Я тебе всё объясню... понимаешь... всё началось с... тоски, такая тоска на меня напала, такие мысли в голову полезли...

ВОЛГИН. Мысли? Удивительно!

ГОВОРКОВ. Я и сам удивлялся и... весь вечер не находил себе места, пока не нашёл... твою колбасу...

ВОЛГИН. Конкретней.

ГОВОРКОВ. Поглядел я на неё, сочную, ароматную, аппетитную...

ВОЛГИН. Короче.

ГОВОРКОВ. И так жалко стало...

ВОЛГИН. Колбасу?

ГОВОРКОВ. Нет, себя. У одних, думаю, любовь, у других — борьба, у третьих — любовь и борьба... а у меня — ничего, кроме пустого желудка... Веришь ли, от жалости у меня даже слёзы из глаз посыпались... я бы и навзрыд разрыдался, если б не колбаса... съел я её — и отлегло от сердца.

ВОЛГИН. Но я-то остался без ужина!

ГОВОРКОВ. А разве тебе не известна восточная пословица: завтрак съешь сам, обед подели с другом, а ужин отдай неприятелю? Скажи спасибо, что я съел колбасу, а то пришлось бы тебе нести её Сердюку.

ВОЛГИН. Обжора! *(Замахивается на него стулом.)*

ГОВОРКОВ. Когда я влюблялся, я всегда отдавал колбасу, ведь влюблённые и друг другом сыты по горло.

ВОЛГИН. Паяц. *(Идёт к своей кровати, раздевается. Через некоторое время отовсюду слышатся голоса.)*

ЮБЕРОВ. Когда на свадьбу позовёшь?

БАТУЕВ. Сколько раз поцеловал Розетту?

ГОВОРКОВ. Цыбик, а ты ещё не вылупился... Ты знаешь, что спроси у него?

ВОЛГИН. Прошу по-хорошему, отстаньте.

ЮБЕРОВ. Чего кипятишься? Не хочешь говорить, не говори... Но и так всё понятно: опять поссорились.

БАТУЕВ. Не беда — помиритесь, дело привычное.

ВОЛГИН. С Розеттой всё кончено.

ЮБЕРОВ. Что не поделили?

ВОЛГИН. Ничего, мы не ссорились... разошлись просто так...

ГОВОРКОВ. Просто так... Вот пижон.

ЮБЕРОВ. Я думал «просто так» у вас быть не может.

ВОЛГИН. У каждого всё может быть... Она уезжает...

ЮБЕРОВ. Как уезжает?! Ты, брат, не крути, выкладывай, что случилось.

ВОЛГИН. Собственно я и сам до сих пор ничего не понимаю... Вчера всё было нормально... сегодня заявила, что уезжает и ушла.

БАТУЕВ. Когда?

ВОЛГИН. Что, когда?

БАТУЕВ. Да уезжает когда?!

ВОЛГИН. Кажется, завтра...

ЮБЕРОВ. Куда?

ВОЛГИН. Кажется, к матери...

ВОЛГИН. Кажется! Вот идиот!

ВОЛГИН. Ты бы уж помалкивал... Что ты знаешь?

ГОВОРКОВ. Я знаю главное, ты пижон и неудачник.

ВОЛГИН. Хотел бы видеть тебя на моём месте.

ГОВОРКОВ. Не нюнил бы: «О, мадонна, о, богиня, о, позволь, о, прости!» Любой богине нужно одно-единственное, твёрдо знать, рассчитывать ей на бога или нет.

ВОЛГИН. Ушла, значит, не нуждается.

ЮБЕРОВ. Да ведь всем известно, что она любит тебя!

ГОВОРКОВ. В этом-то вся и беда... А наш рыцарь побоялся прослыть навязчивым.

ЗОЛОТУХИН. Он решил к Симочке переметнуться.

ВОЛГИН. Молчи, гнида.

ЮБЕРОВ. Но как прикажешь тебя понимать?

ВОЛГИН. Не так всё просто, как вы думаете.

ГОВОРКОВ. Тут и думать нечего, ясно, как день, что ты загубил любовь, душегубец!

ВОЛГИН. Значит, так надо...

ЮБЕРОВ. Кому?! Богу, случаю, судьбе? Сейчас ты решаешь свою участь... и её участь тоже. Будь мужчиной, иди к ней и объяснись... Завтра будет поздно.

ВОЛГИН. Я ещё с ума не сошёл, чтобы ломиться ночью в чужой дом.

БАТУЕВ. Я могу пойти с тобой.

ВОЛГИН. Что обо мне подумают...

ЮБЕРОВ. Что о тебе сейчас думают, вот главное!

ВОЛГИН. Нет, ребята, не надо...

ГОВОРКОВ. Что вы за него переживаете? Дайте ему отдохнуть от пылкой любви, а мне — от ваших увещеваний... Давайте спать, братцы, баста!

ВОЛГИН *(после некоторого раздумья)*. Цыбик, идёшь со мной?

БАТУЕВ. Что за вопрос, конечно.

ЮБЕРОВ. Ни пуха вам, ни пера.

БАТУЕВ. К чёрту! *(Батуев и Волгин уходят.)*

ЮБЕРОВ. Вот вам и завязка романа.

ЗОЛОТУХИН. Бесплодная.

ЮБЕРОВ. Не каркай.

ГОВОРКОВ. Скорее это развязка. Учтите, что женщина под луной и женщина под солнцем — это, как говорят одесситы, две большие разницы. Романтика — вот верная приманка для женщины...

ЮБЕРОВ. Смотря для какой... Чем красивее женщина, тем она взбалмошнее...

ЗОЛОТУХИН. Чем красивей женщина, тем больше в ней пороков и слабостей.

ГОВОРКОВ. Слабостей, говоришь? Да какой настоящий мужчина станет утверждать, что красавицы слабы? Неужели тебе неведомо впечатление, которое они вызывают в окружающих своей внешностью? Их сила воздействия на нас, мужчин, в тысячу, в миллион раз превосходит силу водородной бомбы. Сколько нас, мужчин бедных погибло от грозного оружия красавиц. Штабелями они складывали нас у своих ножек, пачками топили в рюмке вина! О, это непревзойдённое оружие! И они оттачивают и совершенствуют его с каждым поколением, тщеславно наблюдая, как перед ними дрожат и падают ниц многочисленные полчища мужчин... Долго ли мы, я вас спрашиваю, будем терпеть гнёт красавиц?! Самовлюблённые и надменные, они уверовали в свои иллюзорные права властвовать над нами и пользуются ими деспотически! Пора, наконец, развенчать некоронованных владычиц! И это в наших, мужских силах! Главное, не ослепнуть, когда они презрительно метнут первые молнии, не дрогнуть, когда вас, словно раскаты грома, оглушит гневная возмущённая речь, и будут хлестать по лицу обидные, оскорбительные слова. Если вы всё выдержите, оказавшись достаточно мужественными и хладнокровными, не будьте простодушными и не поймайтесь на просто дружелюбный тон красавиц, ибо за ним таится коварство. Но

самые тяжкие испытания подстерегают вас впереди, когда красавицы прибегнут к чарам и обольщениям. О речевые обольщения! Они подобно голосам сирен способны свести с ума, что и случилось когда-то с неосторожным Одиссеем, но перед речевыми обольщениями всё-таки можно устоять, если упрямо твердить про себя: «Я люблю тебя, жизнь.» Но перед чувственными... Теоретически, конечно, позволено допустить, что какая-нибудь единица устоит и здесь... Тогда на обессиленное, измождённое тело свалятся муки, ещё более страшные. Красавица бросится в ноги с тем, чтобы мгновенно изойти горючими женскими слезами, от которых плавится и железо, а ведь сердце мужское даже не камень! Да, красавицы вооружены природой необыкновенно! Осьминог по сравнению с ними выглядит безобиднее ягнёнка. За 30-40 тысяч лет своего существования мы, мужчины, не сумели мало-мальски выработать действенное средство для борьбы с красавицами, но это не значит, что мы должны отступать!

Свой монолог Говорков читает сначала сидя в кровати, потом, воодушевившись, встаёт и, накинув одеяло на плечи, прохаживается по комнате, прибегая к ораторским приёмам.

ЮБЕРОВ. Как же тебе, старому хрену, удалось избежать сетей красавиц?

ЗОЛОТУХИН. Положа руку на сердце, ты, Лёва, был женат или нет?

ГОВОРКОВ. Ей-богу, не был. Я не настолько примитивен и глуп.

ЗОЛОТУХИН. Так мы тебе и поверили.

ГОВОРКОВ. Нет, братцы, я не женился ни разу. В вопросах женитьбы я убеждённый холостяк. Дело в том, что женщину с заданными качествами невозможно найти, зато на каждом шагу вас в этом деле подстерегают подводные камни и рифы...

ЮБЕРОВ. Бояться волков, в лес не ходить.

ГОВОРКОВ. Волки против иных жён — щенята... Строптивая или злая жена — величайшее зло на свете. Нет зла злее злой жены.

ЮБЕРОВ. Есть и покладистые...

ГОВОРКОВ. А есть ли среди них красивые?

ЮБЕРОВ. Что ты понимаешь под красотой?

ГОВОРКОВ. Прежде всего пропорциональную фигуру, стройную, но не сухую, точёный бюст, небольшие чашеобразные груди, крутые бёдра. Скорее мне понравится блондинка, она более целомудренна и более нежна. Голос она должна иметь высокий, певучий и ласковый, чтоб непременно пальцы у неё были длинные. Опрятность и чистоплотность — непременное условие в этом выборе. Прибавьте ко всему отменное воспитание, глубокое и разностороннее образование, отзывчивую душу, чувствительную к поэзии, к искусству, всему возвышенному и прекрасному, присовокупите к сему недюжинный хозяйственный и кулинарный талант. Разумеется, она должна горячо, самозабвенно любить своего мужа и постоянно умиляться им. Я могу не продолжать, по вашим унылым рылам я догадываюсь, что вы кое-что поняли. Теперь вам ясно, почему я не женат; во-первых, подобной женщины не бывает, а во-вторых, если бы и существовала, то она, обладая всеми этими качествами, и не глянула бы в мою сторону, а вышла бы замуж за рослого брюнета с жемчужными зубами, статного и мускулистого, но не тяжеловесного, богатого и с положением в обществе. Итак, замкнутый порочный круг, а для меня отнюдь не спасательный...

ЮБЕРОВ. Трепаться ты умеешь... и умная, и красивая, и душевная. Чтобы наслаждаться разговорами, не нужно строить семью. Ты избалован, вот и мудришь. То, что ты видел много женщин, я поверю, но что испытывал любовь — никогда!

Возвращаются Волгин и Батуев. Волгин камнем бухается в постель, Батуев медленно раздевается и молча ложится. Всё понятно без слов. Все молчат. Свет гаснет.

Занавес.

Картина третья

Утро следующего дня. Та же комната. Студенты собираются на занятия.

ЗОЛОТУХИН. Лёва наш к истмату готовился, как лев.

ЮБЕРОВ. Уж на что я крепко сплю, и меня он пробудил чуть свет.

БАТУЕВ. И я ровно в семь часов был разбужен таким грохотом, что спросонок вскочил и бросился к окну, пригрезилось, что где-то стартует десятиместный космический корабль. Приглядываюсь, прислушиваюсь — за окном тишина, зато одеяло над лёвиной головой чуть не до потолка подлетает... Ну и ну, какой надобно талант иметь, чтобы так безбожно храпеть! Я делал всё, что было в моих силах: и в ноздрях его ковырял, и пятки ему щекотал — ничего не помогало, а когда я влил ему в рот пару ложек воды, он перевернулся и замахал руками, поплыл, значит...

ЮБЕРОВ. Это ему семинар по истмату приснился.

БАТУЕВ. А главное храпеть перестал.

ЮБЕРОВ. Побоялся, чтобы оценку не снизили.

ГОВОРКОВ. Издеваться над утопающим не по-христиански. Киньте кто-нибудь конспект по истмату, меня сегодня обязательно спросят.

ЗОЛОТУХИН. Лёва, опять мои носки надел, свои рваные оставил?

ГОВОРКОВ. Забирай своё барахло, пережиток капитализма. С такими собственниками попробуй дойти до коммунизма.

ЗОЛОТУХИН. А в твоих носках и до института не добежишь.

БАТУЕВ. Опять позавтракать не успею, что делать?

ЮБЕРОВ. Отложи завтрак до обеда.

ГОВОРКОВ. Будите Волгина, не могу равнодушно смотреть на тех, кто позже меня встаёт.

БАТУЕВ. Пусть спит.

ЮБЕРОВ. На лекцию опоздает.

БАТУЕВ. До лекции ему сейчас... Всю ночь проворочался, только на рассвете и заснул. Пусть хоть во сне повидает свою зазнобушку.

ЮБЕРОВ. Не достучались вчера?

БАТУЕВ. Весь дом на ноги подняли, чуть в милицию не угодили. А её не видели, сказали, к матери уехала.

ЮБЕРОВ. Кто-то приложил свою руку...

БАТУЕВ. Или язык.

ЮБЕРОВ. Не очень мне нравиться, что он занятия пропустит, не накрыл бы его Сердюк.

БАТУЕВ. А ну его к лешему.

ЮБЕРОВ. Ну, ладно, пошли, пошли, ребята, тише.

Студенты выходят на цыпочках. Просыпается Волгин. Некоторое время он лежит, не шелохнувшись, но вот лицо его оживляется, он тянется к тумбочке, берёт карандаш, бумагу. Пишет, перечёркивает, пишет. Дверь тихонько открывается, показывается огненная голова со вздёрнутый носиком. Это Симочка Леурс.

СИМОЧКА. Волгин, ку-ку.

ВОЛГИН. Кто там?

СИМОЧКА. Приветик, это я! Рад?

ВОЛГИН *(иронично)*. Очень.

СИМОЧКА. Ты один?

ВОЛГИН. Нет, со своими думами.

СИМОЧКА. Знай, я ревную.

ВОЛГИН. Счастливая, а мне не к чему приревновать.

СИМОЧКА. Но-но, не ехидничай, скверный мальчик. Ты тоже не пошёл на лекцию? Правильно сделал, скучища страшная. Что ты пишешь?

ВОЛГИН. Отгадай.

СИМОЧКА. Письмо и, конечно, к девушке.

ВОЛГИН. О, ты смотришь, как через замочную скважину.

СИМОЧКА. Ты дерзкий невоспитанный мальчик и плохой кавалер, Волгин.

ВОЛГИН. Увы, курсы галантности не проходил.

СИМОЧКА. Ты имеешь шансы пройти их у меня.

ВОЛГИН. Весьма польщён.

СИМОЧКА. Правда, потрудиться над тобой придётся ужасно много. Ты только посмотри на себя в зеркало, на кого ты похож? Одни петухи чего стоят... Нет, Волгин, ты ещё не вышел из мальчишеского возраста!

ВОЛГИН. Разве я виноват, что волосы у меня прямые и жёсткие, что они не слушаются меня?

СИМОЧКА. Не слушаются... пока не попал в руки настоящей женщины, она и волосы твои приберёт к рукам.

ВОЛГИН *(декламируя)*. Нет, я не создан для блаженства, напрасны Ваши совершенства, их вовсе не достоин я.

СИМОЧКА. Кроме стихов нужно ещё иметь голову на плечах... аккуратную.

ВОЛГИН. И что тогда?

СИМОЧКА. Тогда успех обеспечен.

ВОЛГИН. Значит, я безнадёжен?

СИМОЧКА. Кое-что можно исправить... Слегка подкрасить волосы... в этакий... знойный цвет... слегка подвить и уложить модненько...

ВОЛГИН. И это всё?!

СИМОЧКА. Нет, почему же... брючки в полуобтяжечку, чтобы при походке мускулы играли. У тебя, Волгин, есть мускулы? *(Намеревается проверить, есть ли у него мускулы, Волгин брыкается.)*

ВОЛГИН. Но-но, я злой. Выходит, без брюк ты уже не поэт?

СИМОЧКА. Перестань паясничать, а то возьму и отшлёпаю.

ВОЛГИН. Только попробуй!

СИМОЧКА. Как тебе не стыдно, Волгин, к тебе дама пришла, а ты зарыл нос в бумаги и не перестаёшь писать. Вставай, сейчас же!

ВОЛГИН. Уволь, дописать надо.

СИМОЧКА. Она подождёт, вставай.

ВОЛГИН. Извини, не могу.

СИМОЧКА. О чём хоть пишешь?

ВОЛГИН. О пустяках... в основном о ценах на пончики.

СИМОЧКА. Позволь взглянуть.

ВОЛГИН. Нельзя.

СИМОЧКА. Одним глазком.

ВОЛГИН. Это не скромно.

СИМОЧКА. Ну, хочешь, я тебя поцелую.

ВОЛГИН. Не переношу губной помады. У меня к ней идиосинкразия.

СИМОЧКА. Ты ещё пожалеешь...

ВОЛГИН. Симочка, я ведь вижу, тебе со мной скучно, пошла бы в универмаг, что ли.

СИМОЧКА. Только вчера все магазины облазила, до сих пор ног под собой не слышу. Поверишь ли, в Центральном целых четыре часа проторчала! *(Оживляется.)* Не было отдела, где бы мне не отложили покупки, ха-ха! Они, поди, и сейчас меня дожидаются.

ВОЛГИН. Зачем откладывать вещи, зная, что всё равно не купишь

СИМОЧКА. Вам, мужчинам, этого не понять ...

ВОЛГИН. Где-то я читал, что в американском городе Джолиет с тех, кто делает примерку в магазинах более шести раз берут деньги... за амортизацию. Неплохо бы и нам ввести подобный закон.

СИМОЧКА. Ах, это было бы ужасно!

ВОЛГИН. Симочка, ты не устала?

СИМОЧКА. Нисколечко!

ВОЛГИН. А я немного устал.

СИМОЧКА. Бедный рыцарь переутомился, совершая любовный подвиг. Что же он желает в награду?

ВОЛГИН. Забвение и покой.

СИМОЧКА. Так знай же, покоя тебе не будет!

ВОЛГИН. Умоляю, не мешай.

СИМОЧКА. Я не могу мешать.

ВОЛГИН. Люди! За что я страдаю?

СИМОЧКА. За свою несметливость.

ВОЛГИН. Кажется, я начинаю понимать... Не должен ли я внести выкуп за свою душу?

СИМОЧКА. Вот именно, выкуп.

ВОЛГИН. За душой у меня ни гроша.

СИМОЧКА. На первый раз я возьму небольшой.

ВОЛГИН. Сколько?

СИМОЧКА. Прочти то, что сейчас написал.

ВОЛГИН. Симочка, я не могу этого сделать, понимаешь, неудобно.

СИМОЧКА. Мы здесь совершенно одни!

ВОЛГИН. Я не уверен, что тебе понравится.

СИМОЧКА. Ой, что ты! Наоборот! Узнавать новости — моя страсть! Так читай же, ну! Я требую, наконец!

ВОЛГИН. Бог свидетель, я сделал, что мог, но у неё под огненной оболочкой сидит сам чёрт! *(Читает то, что написал во время разговора с Симочкой.)*

О боже! Фу, чёрт, нету бога!
Но всё же, кто-нибудь, уйми
мою болтунью хоть немного,
скорей кошмар с меня сними!

Она назойливей, чем муха,
скучней осеннего дождя,

повисла, как комар, над ухом,
беседу бабью заведя.

Гляжу я в глупые глаза,
злорадно про себя мечтаю,
сложу экспромтом этот стих
и ей с восторгом прочитаю!

СИМОЧКА. Дурак! *(Оскорблённая выбегает из комнаты.)*

ВОЛГИН *(заливается мальчишеским озорным смехом и долго не может прийти в себя)*. Больше, чем уверен, что интерес к чужим письмам я отбил у неё навсегда. *(Успокоившись, снова углубляется в творчество. Наконец, всё готово. Он откинулся на подушку и читает проверяя написанное на слух.)*

Тревога за тебя, быть может, и смешна,
быть может, опасения нелепы,
но, милая, жизнь наша так сложна,
а сердце — им ведь чаще мыслят — слепо.

Чтоб видеть мог тебя я день и ночь,
хотел бы под окном твоим быть клёном,
я всей листвой старался бы помочь,
иначе сгинуть мне в тоске зелёной!

Смотрел бы я в окно твоё влюблённо,
стучал в него, когда б споткнулась ты,
а если б пала вдруг — в окно бил иступлённо!

И пусть тогда засохнут корни клёна,
пускай осыпятся с ветвей листы,
пусть их развеет ветер разозлённый!

Дверь без стука отворяется, в комнате появляется Сердюк.

СЕРДЮК. Так-так, занятия идут, а мы полёживаем, стишки пописываем.

ВОЛГИН. Что тебе нужно здесь?

СЕРДЮК. Что мне нужно? Мне нужно, чтобы группорги

находились на местах, мне нужно, чтобы группорги укрепляли дисциплину на курсе, а не срывали её, мне нужно, чтоб групорги помогали мне работать...

ВОЛГИН. Хозяйничать.

СЕРДЮК. Я вижу по-хорошему у нас не получится, пеняй на себя.

ВОЛГИН. «Мне всё равно, страдать иль наслаждаться».

СЕРДЮК. Безобразие, понимаешь, сам распустился... группу развалил... крикунам потворствуешь... Ошиблись мы в тебе, крепко ошиблись.

ВОЛГИН. А вы ещё и не ошибаться умеете?

СЕРДЮК. Заявляю авторитетно, исправим эту ошибку и в ближайшее время.

ВОЛГИН. Делай, что хочешь, только там, за дверью.

СЕРДЮК. Вот как? Ты посмотри на него! Пролезло в общежитие хулиганьё всякое, да ещё и распоряжается, как у себя дома... Придётся подумать, не тесно ли здесь кое-кому.

ВОЛГИН. С тобой вдвоём тесно. *(Выталкивает Сердюка за дверь, последняя приотворилась, в образовавшую щель просунулась голова и кулак Сердюка.)*

СЕРДЮК. Ты ещё попляшешь у меня, ты ещё пожалеешь!

ВОЛГИН. Ух, гад... *(Бросается на Сердюка, но тот успевает исчезнуть. Взволнованный, Волгин шагает по комнате.)*

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Учебная комната в институте. Кончились занятия. Студенты собираются домой. Крики, шум, гам.

1 ГОЛОС. Товарищи! Минуту внимания! *(Шум несколько приутих.)* Как вы знаете, из Москвы возвращается Юрий Глебович. Москва полностью восстановила его в правах. Мы поручили Золотухину и Волгину написать приветственные поздравления. Давайте выберем, какое лучше.

2 ГОЛОС. Не всё ли равно?

3 ГОЛОС. Любое.

4 ГОЛОС. Можно и оба.

1 ГОЛОС. Ведь приветствие от всех от нас... Это должен быть голос каждого, голос души, искренний и тёплый...

5 ГОЛОС. Жрать охота.

2 ГОЛОС. Валяй быстрей, чего рот разинул.

1 ГОЛОС. Так не даёте же!

4 ГОЛОС. Читай, я разрешаю.

1 ГОЛОС. Сами себя задерживаете.

3 ГОЛОС. Тихо. Не будем мы кушать, стихи будем слушать.

1 ГОЛОС. Читаю первый вариант.

Любимый Юрий Глебович,
наш дорогой учитель,
поклон и поздравления
от всех от нас примите.

Приняв в свои объятия,
гордится Вами партия.

Страна вернула всё Вам:
и званья, и награды.
Вы на вершине славы!
От всей души мы рады.

Вы, как звезда, сияете
и путь нам освещаете.

Мы горячо желаем Вам
века блистать над нами,
Мы твёрдо обещаем Вам
Быть верными сынами!

5 ГОЛОС. Пойдёть!

2 ГОЛОС. Валяй это.

4 ГОЛОС. Кончай волынить, пошли, ребята.

1 ГОЛОС. Куда же вы? А второй вариант?

4 ГОЛОС. Пристал с ножом к горлу! Прежде, чем потчевать дребеденью всякой, пончиков бы купил, тогда б можно слушать варианты и вариации.

1 ГОЛОС. Одну секундочку! Читаю второй вариант.

Примите, Юрий Глебович, от нас
Букет цветов и поздравленья наши.
Мы рады Вашей радостью сейчас,
волнуемся волненьем Вашим.

Чем более тернист и круче путь,
Тем ярче нам горит огонь удачи.
Ничто с пути не должно нас свернуть,
когда великие стоят задачи!

Мы знаем, что Вам стоил этот путь,
кто были Вашими врагами,
встречая новую весну,
их ненавидим вместе с Вами.

Мы с Вами поднимаем чашу
За Ваш успех и за победу Вашу!
Как говорят, избавь Вас бог
от недругов, недугов, медных лбов!

3 ГОЛОС. Пожалуй, это лучше.
5 ГОЛОС. Понимаешь ты...
3 ГОЛОС. Чуть получше тебя.
6 ГОЛОС. Мальчики, первый вариант лучше, понимаете... душевнее... любовнее...
3 ГОЛОС. Кому что, а курке просо. Свою любовь ты можешь приподнести отдельно, а не в складчину.
6 ГОЛОС. Дурак набитый!
3 ГОЛОС. Кто ещё за первый вариант?
1 ГОЛОС. Какой выбираем?
3 ГОЛОС. Второй!
5 ГОЛОС. Первый!

Шум, галдёж усиливаются. Каждый кричит своё, каждый что-то доказывает. Образовалось два лагеря, один — за первый вариант приветствия, другой — за второй.

6 ГОЛОС. Первый, первый, первый!
3 ГОЛОС. Чёрта с два — второй!
1 ГОЛОС. С цепи сорвалась! Ставлю на голосование.

3 ГОЛОС. Подожди, дай пару слов сказать. Товарищи, мне лично не всё равно, что скажут Юрию Глебовичу от моего имени. И я не желаю сюсюкать перед ним, потому что уважаю его и хочу, чтоб и он меня уважал, я — за второй вариант приветствия, в нём отображены не только наше отношение к профессору, но и к событиям, от которых он пострадал, уверен, что знать об этом ему не безразлично.

ЗОЛОТУХИН. Ты не прав, пойми, у Юрия Глебовича большая радость, ведь такое бывает один раз в жизни...

3 ГОЛОС. Не хватало, чтобы по два раза реабилитировали!

ЗОЛОТУХИН. Я тебе, кажется, не мешал, и ты не перебивай! Я говорю, у профессора долгожданный праздник, если мы его уважаем и любим, конечно, любим! — то почему бы не сделать ему приятное... преподнести красивые цветы, душевные стихи...

3 ГОЛОС. Красивых девочек.

ЗОЛОТУХИН. Заткните ему рот! Да, да, ничего зазорного в душевных словах нет! Кто мы против него? Никто, серая масса, одним словом, студенты. А он — великий учёный, слава советской науки, наш поводырь.

До этого выступления Волгин, забившись в угол, переживал неловкое чувство, так как при нём разгорался спор, какой вариант, его или Золотухина, лучше. Он собрался было исчезнуть, но последние слова Золотухина остановили его, ведь речь шла не только об авторстве, не только о двух стихотворениях.

ВОЛГИН. Предыдущий оратор говорил о каких-то поводырях... Что, мы слепцы или глупцы, по-твоему?

ГОЛОС. Что ни говорите, а ему первый вариант больше понравится!

ВОЛГИН. Ни черта вы не понимаете! Человек пострадал от грубого произвола, пострадал от медных лбов в самый разгар радения клевретов по бдению над своим идолом. Так почему мы должны делать сахариновую мину? Почему открыто и прямо не ответить ясным и твёрдым «это не повторится, не позволим!» Говорите, у него праздник. Верно. Но чего у него больше на душе, торжества правоты своей или горечи за безвозвратно выкраденные годы, за не свершённые планы, несбывшиеся надежды? А потерянные соратники и друзья? Кто вернёт ему

всё это? Раны, нанесённые медными лбами, зажили, но рубцы остались на всю жизнь.

2 ГОЛОС. Правильно!

3 ГОЛОС. Даёшь «медные лбы»!

4 ГОЛОС. Первый вариант!

2 ГОЛОС. Второй!

6 ГОЛОС. Первый!

1 ГОЛОС. Довольно митинговать! Голосуем. Кто за первый вариант?

ГОЛОСА. Мы-ы! *(Поднимается несколько рук.)*

1 ГОЛОС. Кто за второй?

ГОЛОСА. Мы-ы!

1 ГОЛОС. Большинство. Итак, прошёл второй вариант.

ГОЛОСА. Ура-а! «Медные лбы» победили!

Занавес.

Картина вторая

Вестибюль общежития. Лестница, ведущая на второй этаж. Поминутно хлопают двери, возвращаются с занятий студенты, прежде чем подняться к себе, они подходят к столику и полочкам, предназначенным для корреспонденции. Вот парень с кислой миной безнадёжно, в который уж раз! Приближается к полкам, просматривает письма. Наконец-то! Получено долгожданное письмо! Тут же он распечатывает и читает, лицо его расплывается в широкой счастливой улыбке. На второй этаж он взлетает, едва касаясь ступенек. Другому ничего нет. Что ж поделаешь, письма приходят не каждый день. Третий подпрыгивает к полочкам, насвистывая модную мелодию. Заметив письмо для себя победоносно восклицает, грациозно небрежно распечатывает конверт, пробегает взглядом написанное. Постепенно с лица его исчезает самонадеянное выражение. На лестницу он поднимается, волоча ноги.

Следующий несколько раз перебирает пачку корреспонденции, не обнаружив ничего для себя, продолжает стоять, шарится в карманах, выворачивает их наизнанку, извлекает на свет завалявшийся рубль.

Перевода опять нет, а до пенсии, то бишь до стипендии мучительно далеко.

Появляется Симочка.

СИМОЧКА. Посмотрим, что нам пишут. *(Роется во всех гнёздах.)* Ни-че-го. Этим болванам лень пару слов чирканут. Что такое? Волгину... от той самой... не успокоилась крошка. Милая Розетта, как Вас там по отчеству, Ваша песенка спета. Здорово я её отшила! Что она ещё забыла здесь? *(Вскрывает письмо, читает.)* Бедное дитя, допрыгалось! Разве можно быть в наш век столь доверчивой и наивной? Это тебе наука, впредь будешь умнее. Как мне её жаль. Бедняжка зовёт его. Кому ты нужна теперь, милая.

Скрипит дверь. Симочка заспешила исчезнуть. Каблучки её торопливо застучали по ступенькам. С улицы появляется Волгин и сразу направляется к полочкам. Письма нет. Задумчиво направляется к лестнице.

ВОЛГИН. Последнее время я брожу по улицам, как потерянный. Всё вдруг для меня стало по-осеннему печальным, а главное, одиноким. Речка превратилась в мачеху, солнце — в друга, сделавшего карьеру. Отворачиваются молодые девушки, а дорожная пыль старается запорошить глаза, лишь ветер предлагает свои услуги: хочешь, я буду твоей долей? *(Поднимается по лестнице.)*

Занавес.

Картина третья

Знакомая комната общежития. Все, кроме Волгина, в сборе. Каждый занят своим делом. Батуев в новом костюме придирчиво осматривает себя в зеркале.

БАТУЕВ. Ребята, я перешил свой костюм бостоновый... Как ничего? А?

ГОВОРКОВ. А ну, повернись, красавец, дай взглянуть на обновку.

ЮБЕРОВ. Перешивал-то зачем?

БАТУЕВ. Плохо стоял на мне.

ЮБЕРОВ. Меньше бы в нём ложился.

ЗОЛОТУХИН. Вот чудак! Костюм совсем новёхонький был. Разве можно ценную вещь шить да пороть, да перешивать?

БАТУЕВ. А перешивал я от хорошей жизни, что ли?

ЮБЕРОВ. Во сколько же тебе он обошёлся?

БАТУЕВ. Да одно шитьё — перешитьё нового костюма стоит.

ЮБЕРОВ. Вместо одного мог бы иметь два.

ГОВОРКОВ. Что ты гарцуешь, как жеребец! Пройдись спокойненько, покажи товар лицом.

ЮБЕРОВ. На нём лица нет.

ЗОЛОТУХИН. Брюки напрасно без манжетов заказал, обтреплются скоро, что потом с брюками делать?

ЮБЕРОВ. Не беда, на трусы перешьёт.

ГОВОРКОВ. Цыбик, а ты случайно в ателье не встречал верблюда, может быть, твою мерку с его спутали?

БАТУЕВ. Вот гидры! Нет, чтобы утешить человека, так они, наоборот, измываются над ним изо всех силёнок. Я и без вас вижу, что костюм мне снова спартачили. Сколько живу, а более косного народа, чем портные не видывал. Ведь тысячу раз предупреждал: «Так смотрите, плечи не сузьте». «Будет, как надо». И что же вышло? Внизу широко, а в плечах узко. Шпарят по стандарту, чёрт бы их побрал!

ГОВОРКОВ. Цыбик, не горячись, ты ничего не понимаешь в костюме. Главное в нём — это, чтобы животу простор был!

ЮБЕРОВ. Не расстраивайся, Цыбик, костюм, конечно, недоделан, но ведь и ты не совершенство, так что костюм, как на тебя шит.

ГОВОРКОВ. Не горевать, чудак, радоваться ты должен! Ведь ателье, дурачок, план на тебе перевыполнило. Ну-ка шевельни своими извилинами, обмозгуй, куда денежки твои пошли? Молчишь, недотёпа, то-то. Они пошли в общенародный, стало быть и твой карман. Так вот не зажимай его, а скорей — за пол-литрой беги.

БАТУЕВ. Я вам литру целую принесу... касторки.

ЗОЛОТУХИН. Крути не верти, а костюм обмочить придётся.

ЮБЕРОВ. Тем более, что он на это лишь и годится.

БАТУЕВ. Ну, когда мы, наконец, будем жить и одеваться, как люди? По уши поглощены великими идеалами, а о самом насущном подумать времени не остаётся.

ГОВОРКОВ. Не шуми, Цыбик, береги себя. Подумаешь, костюм испортили. Стоит ли из-за него так разорятся. Не унывай, другой справишь или в третий раз перешьёшь.

ЮБЕРОВ. Что стоит твой костюм по сравнению с мировой революцией?

БАТУЕВ. Дело не в костюме как раз, а в покрое. Сбил-сколотил — вот колесо, сел да поехал — вот хорошо, оглянулся назад — одни спицы лежат.

ГОВОРКОВ. Братцы, что ни говорите, а без женщин нашему брату жить вредно, начинаем злиться, кусаться, брыкаться... Была бы сейчас, скажем, у Цыбика баба, он бы о костюме и не вспомнил.

БАТУЕВ. Но я серьёзно! Самым насущным вопросом для человека является вопрос крова и пищи, и коммунизм мы собрались строить, чтобы наиболее полно удовлетворить человека в этом вопросе, а не просто укрыть его от зноя, а не просто сунуть ему ломоть хлеба...

ЗОЛОТУХИН. Не слишком ли узко хватил? А духовные запросы?

ЮБЕРОВ. Наш духовник обеспокоен, что темы для его душевных излияний перед Сердюком иссякнут, если мы будем лучше питаться и одеваться.

БАТУЕВ. Эти ханжеские вопросы задаёшь не ты первый, не ты последний. Человек не может оставаться без дела, даже окружив себя комфортом, он продолжает быть тружеником.

ЗОЛОТУХИН. Я могу вам ответить словами Довженко.

БАТУЕВ. Своих не хватает?

ЗОЛОТУХИН. Хватает и своих, но лучше Довженко не скажешь: «Двое смотрят в лужу, один видит лужу, другой — звёзды. Каждому своё.»

ЮБЕРОВ. Да, Довженко говорил красиво. Но если следовать приведённому высказыванию, то, выходит, что юная красавица сможет страстно влюбиться в плюгавенького лысого старикана, стоит лишь ей почаще поглядывать на его лысину и любоваться своим отображением в ней! А по мне — хочешь любоваться звёздами, потрудись обратить взоры к небу, а если оно закрыто тучами, так постарайся разогнать их... Пусть довольствуются звёздами в луже те, кому недоступно небо!

ЗОЛОТУХИН. Игра слов, софистика.

ГОВОРКОВ. До чего изнежился наш брат, современный

человек! Вы только посмотрите на себя! Одному костюм подавай, да не простой, а бостоновый! И что вы думаете? Он не доволен! Видите ли, ему покрой не нравится! А шкуру натянуть не желаешь?

БАТУЕВ. Свою продаёшь? Смотри не продешеви.

ГОВОРКОВ. Другому жратву подавай, да не что-нибудь, а гогошары, марципаны. Да разве ж такими были наши предки, разве они так питались? Ни хрена! Нам бы их выносливость, их закалку! Они не баловали себя, вот в чём секрет. Основная пища — плоды да коренья, а подвалило счастье попался мамонт — тут уж не зевай, набивай брюхо до отказа и жди новой удачи. А нет витаминов, нет мяса — им и горя мало! Для чего спрашивается, физиологически прозаический акт приёма пищи превращать в культ? Разве организм наш не даёт сам знать, что ему не хватает? Вот, например, мне сегодня захотелось солёного, купил я килограмм кильки и набил ею желудок. *(Ласкает себя по животу.)* Вместо того, чтобы укреплять организм, закалять его, мы изнеживаем себя тепличными условиями, различными припарками и пилюлями. А я так думаю: встретил беду — борись, а не можешь — ложись, нечего калеку за уши тянуть!

БАТУЕВ. У Лёвы наверняка словесный понос.

ЮБЕРОВ. Его так понесло по кривой, что он рискует потерять доброе имя здравого человека. Впрочем, меня не удивляет, ради эффекта он готов залезть даже в бочку с дёгтем, и вообще, вы, друзья, все ударились в метафизику Каждый живёт так, как знает, как может.

БАТУЕВ. Как ему позволяют три вещи: общество, ум и кошелёк.

ЮБЕРОВ. Во все времена было, есть и будет лишь одно мерило человеческой жизни: чего и сколько эта жизнь дала человечеству. Жизнь же вообще — это полноводная река с истоками, притоками, затонами и порогами, кто выруливает на стремнину, кто притаился в плавнях, кого засосало болото — каждому своё!

Стук в дверь. В комнате появляется Симочка.

СИМОЧКА. Хэлло, мальчики!

ГОВОРКОВ. Привет, девочка.

ЮБЕРОВ. Давно не виделись.

ЗОЛОТУХИН. Привет.

СИМОЧКА. Скучаете? Не люблю скучных. А... понимаю... оплакиваете Волина?

ЮБЕРОВ. С чего ты взяла? Да и что могло с ним случится?

СИМОЧКА. Разве вы не знаете? Его исключают из института.

ГОВОРКОВ. Откуда эти последние известия?

БАТУЕВ. Шутишь?

СИМОЧКА. Нисколечки, он, говорят, поколотил Сердюка.

ЮБЕРОВ. Не поколотил, милейшая, а вывел за дверь, пора уже разбираться в международных вопросах.

СИМОЧКА. Всё равно он зазнайка и грубиян. *(Замечает на Батуеве новый костюм.)* Где ты отхватил новый костюмчик, Цыбик?

БАТУЕВ. Что, неплохой?

СИМОЧКА. Не шик, но носить можно. Теперь ты настоящий кавалер.

ГОВОРКОВ. Братцы, Цыбик произведён в кавалеры. Поздравляем с повышением, товарищ Батуев.

ЮБЕРОВ. Держи хвост морковкой, Цыбик.

ГОВОРКОВ. Чего стоишь, как пугало в огороде? Дерзай, оправдывай надежды и прочее.

БАТУЕВ. Не обращай, Сима, на них внимание, ежедневно в это время им бывает хуже, но они совершенно безопасны, потому что кроме языка у них ничто не работает.

СИМОЧКА. Ха-ха, чудненько! Здорово ты их сбрил, под самый корень! Дай твою могучую лапу, Цыбик, отстукаем чарли.

БАТУЕВ. Не знаю такого.

СИМОЧКА. Вот чудик, так это же чарльстон!

БАТУЕВ. Я плохо танцую.

ГОВОРКОВ. Скромничает, на чарльстоне он собаку съел.

ЗОЛОТУХИН. И дюжину подмёток.

СИМОЧКА. Не слушай их, начали.

БАТУЕВ. У меня не получится.

СИМОЧКА. Получится, я научу. Становись вот так, носки вместе, пятки врозь, немного присядь, вот так, хорошо! Теперь повторяй за мной, раз-два, раз-два, носки врозь, пятки внутрь, выпрямиться, раз-два, раз-два. Повторим. Раз-два, раз-два. Недурненько. Следующее упражнение, то же самое, но ноги поочерёдно отрывать от пола, вот так, раз-два, раз-два. Маэстро, музыку! Чуть присесть на ноге, коленки вместе, выпрямиться,

раз-два, раз-два. Чудненько! *(Поёт. Партнёры танцуют чарльстон, кавалер несмело, скромно, дама — с упоением в гротескном плане.)*

СИМОЧКА. Ох, уморилась... *(Опускается на кровать, запрокидывает голову.)* Ах, как я обожаю танцы! Танцы — моя стихия. Всё во мне создано для танцев, я существую для них, а они для — меня!

Те же и Волгин.

ЮБЕРОВ *(Волгину)*. Ты многое потерял.

ВОЛГИН. Да, я действительно потерял многое.

ЮБЕРОВ. А пропадал где?

ВОЛГИН. Случайно попал на столичных артистов.

БАТУЕВ. Балет смотрел?!

ВОЛГИН. Представьте.

ЮБЕРОВ. Счастливчик...

БАТУЕВ. Балет у нас, что солнечное затмение.

ВОЛГИН. Моё счастье далеко за сопками, но сегодня, честное слово, я забыл всё на свете! Какое захватывающее чудо — балет! Какое высокое совершенное искусство! Язык балета самый вдохновенный, самый возвышенный. Вечно не перестаёшь удивляться, сколько возможностей таит он в себе. Посудите сами, взять, например, для сравнения драматического актёра... Ему легче донести до зрителя соответствующий образ, во-первых, игра его почти лишена условности, во-вторых, в его распоряжении имеется могучее, беспредельно богатое, непревзойдённое средство выражения — живое слово. Искусство оперы — сложное искусство, солист оперы — весьма стеснён условными рамками, а выразительный вокальный дар — это божий вексель, который оплачивается сполна лишь к сорока годам. Но всё это далеко не те трудности, что стоят перед артистом балета! *(С пафосом.)* Ведь солист балета должен лишь движениями своего тела, мимикой, пантомимой, танцем — не только раскрыть образ во всей его глубине, сложности и противоречивости, но и показать характер героя в развитии со всеми нюансами чувств! Не правда ль, насколько сложный и трудный, и насколько высокий и вдохновенный этот вид искусства?!

СИМОЧКА *(оказавшись вне центра внимания и желая завоевать утраченное)*. Да... Здесь нужна большая прыгучесть...

Дружный смех. Симочка, поняв, что сболтнула глупость, сердито фыркает и убегает, хлопнув дверью.

ЮБЕРОВ. Ой, не могу... ещё, ещё, Борис, расскажи о прыгучести.

ВОЛГИН. Мечи перед свиньёй бисером.

Минутная тишина. Говорков, притихший против обыкновения, вдруг срывается с кровати и пулей вылетает из комнаты.

ВОЛГИН. Что это с ним?

ЮБЕРОВ. Верно, в голову сверхценная идея ударила.

БАТУЕВ. Тогда почему он за живот ухватился?

ЮБЕРОВ. Чем думает, за то и держится.

ЗОЛОТУХИН. Он за Симочкой вдогонку пустился.

ВОЛГИН. Вряд ли, по всему видать, он сегодня не в тонусе... Физиономия у него какая-то...

БАТУЕВ. Солёная?

ВОЛГИН. Точно!

ЮБЕРОВ. Очень даже может быть. Он сегодня селёдки объелся.

БАТУЕВ. Мозги, наверное, пересолил, такую ахинею плёл... что-то о предках и о вреде лечения.

Появляется бледный расстроенный Говорков.

ГОВОРКОВ. Братцы, у кого найдется что-нибудь от расстройства желудка? *(Все покатываются от смеха.)*

БАТУЕВ. Ты давеча говорил, что пилюли приносят вред, и мы их через окошко повыбрасывали.

ГОВОРКОВ. Кроме шуток, братцы, у меня страшный понос.

ЮБЕРОВ. Мы вполне серьёзно... Как ты там говорил? Можешь борись, а не можешь ложись.

Снова смех. Лицо Говоркова вдруг передёргивается страдальческой гримасой, он хочет что-то сказать ещё, но ему уже не до этого. Держась за живот, он опять несётся к двери под дружный хохот ребят.

ЮБЕРОВ. Как превосходно устроен наш желудок. Попадёт в него что-нибудь неудобоваримое или вредное — срабатывает механизм, и всё это выбрасывается как можно дальше... Хорошо, если бы и мозг имел такое устройство...

Оживление скоро проходит. Наступает неловкая тишина. Все думают о Волгине.

ЮБЕРОВ. От Розетты ничего нет?

ВОЛГИН. Ещё нет.

БАТУЕВ. Уже пишет... получишь, не отчаивайся.

ЮБЕРОВ. Что у тебя с Сердюком?

ВОЛГИН. Возня не на шутку... добивается исключения из института.

ЮБЕРОВ. Чего же ты ждёшь?

ВОЛГИН. Завтра бюро, на нём всё и решится.

ЗОЛОТУХИН. Коленки, небось, дрожат?

ВОЛГИН. Их я не утруждал ползаньем, как некоторые, так что сила в них сохранилась полностью.

ЗОЛОТУХИН. Говори, говори, сердечко, чай, замирает, заходится.

ВОЛГИН. Вот мой пульс, пожалуйста.

Батуев делает солидный врачебный вид, щупает пульс у Волгина.

ВОЛГИН. Ну, как?

БАТУЕВ. Нормальный, семьдесят два в минуту.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая

В коридоре толпятся взволнованные студенты. Они то и дело поглядывают на дверь с табличкой «Бюро». Там, за дверью решается сейчас серьёзный вопрос.

1 СТУДЕНТ. Ой, мальчики, неужели исключат?

2 СТУДЕНТ. Не скули, ради бота!

3 СТУДЕНТ. А по-моему, нужно зайти всем, зайти и сказать...

2 СТУДЕНТ. Да пойми ты, дурья голова, что это не колхозное собрание, а бюро. Понимаешь, бю-ро?

4 СТУДЕНТ. А разве бюро не интересно знать наше мнение?

2 СТУДЕНТ. Понадобится, спросят.

4 СТУДЕНТ. Кому понадобится, а кому и нет.

5 СТУДЕНТ. Тише вы! Зачем зря шуметь? На каких фронтах, друзья, вы нервы свои растрепали?

3 СТУДЕНТ. Ему хоть потоп...

1 СТУДЕНТ. Мне бы твои нервы.

5 СТУДЕНТ. Ты бы и мои развинтила.

3 СТУДЕНТ. Тс-с! *(Смотрит в замочную скважину. Любопытство всех слишком велико, а вопрос слишком серьёзный, чтобы кто-то осудил его.)*

1 СТУДЕНТ. Видно?

4 СТУДЕНТ. Ну-ка, подвинься.

1 СТУДЕНТ. Пусти меня, пусти.

3 СТУДЕНТ. Не напирайте!

4 СТУДЕНТ. Сердюк говорит... бледный, как сметана.

3 СТУДЕНТ. Волгин сидит...

4 СТУДЕНТ. Упёрся, как бык, такого не скрутишь...

5 СТУДЕНТ. Пусть попробуют ему что-то сделать...

Студенты сгрудились возле двери, стараясь подсмотреть или подслушать то, что делается за дверью.

Занавес.

Картина вторая

Кабинет секретаря бюро. Т-образный стол. За столом — члены бюро. На одном конце кабинета — Сердюк. На нём синий балахонистый костюм, толсто повязанный синий галстук. На противоположном конце — Волгин, сидит, низко опустив голову, разглядывая свои крепко сжатые в замке пальцы.

СЕРДЮК. В дополнение к сказанному я должен сообщить бюро, что Волгин как группорг и как студент неоднократно

имел замечания от меня и от других товарищей. Он часто не посещает лекции, на собраниях ведёт себя аполитично и тем самым деморализует массы ... подрывает авторитет...

ВОЛГИН. Как можно подрывать то, чего нет.

СЕРДЮК. Прошу не перебивать! Повторяю, дезорганизует массы, затрудняет работу на курсе. Мы долго нянчились с ним, но последний его поступок вынудил нас сделать решительные выводы: Волгину не место в стенах нашего советского вуза, а кроме того за физическую расправу, за рукоприкладство дело его следует передать в соответствующие органы. Вот куда приводят грубость и зазнайство. Он ведь никого не признаёт! С ним невозможно разговаривать!

ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ. У Вас нет личных счётов, Волгин?

ВОЛГИН. Нет.

СЕРДЮК. Я не думаю о себе. В конце концов, я могу простить его, но вопрос ставится гораздо шире, имеем ли мы право держать в стенах института хулиганов и демагогов? Каждый специалист это не только мастер своего дела, но и пропагандист, просветитель. А что понесёт в массы он?

СЕКРЕТАРЬ. Так... у Вас всё?

СЕРДЮК. Пока всё.

СЕКРЕТАРЬ. Вопросы к выступающему будут?

ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ. У меня такой вопрос. Товарищ Сердюк, Вы упомянули, что Волгин группорг. Сколько временя он на этой должности?

СЕРДЮК. Третий год.

ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ. Почему человек с отрицательной характеристикой находится столько времени во главе группы?

СЕРДЮК *(несколько растерянно)*. Мы рекомендовали группе Золотухина, кандидатура замечательная, отличник, дисциплинированный, выдержанный, политически грамотный товарищ, но на собрании взяли верх дружки Волгина, они и протащили его.

ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ. Какая это группа?

СЕРДЮК. Четвёртая.

ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ. Четвёртая... по-моему неплохая группа...

СЕРДЮК. Я не говорю, что группа плохая, группа, наоборот, подобралась хорошая, а вот группорг... не соответствует...

ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ. Значит, группа хорошая, руководитель плохой... Вопросов больше не имеется.

СЕКРЕТАРЬ. Послушаем Волгина... Расскажите нам о Ваших героических делах, Волгин.

ВОЛГИН. Вы уже так предубеждены ко мне, что мне говорить бесполезно. Тут одно из двух: или верить ему или мне.

СЕКРЕТАРЬ. Как-нибудь разберёмся и без Ваших советов, пожалуйста, ближе к делу.

ВОЛГИН. Никакого дела не было. Я просто, просто... попросил его выйти вон.

СЕРДЮК *(возмущённо вскакивает)*. Ничего себе «попросил»! Если б я случайно не задержался за перила, я б мог разбиться, получить сотрясение мозга!

ВОЛГИН. Меньше бы сотрясал кулаками.

ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ. За что же, будем называть, «попросил» Вас?

СЕРДЮК. Спросите его самого. Я ничего не сделал ему плохого, зашёл лишь узнать, почему он не вышел на занятия. Подумал, болен, захожу в медпункт, говорят, не приходил, справки не брал. Я к нему, а он здоровёхонек, полёживает, стишки пописывает.

СЕКРЕТАРЬ. Волгин, так было?

ВОЛГИН. Ну, так.

СЕРДЮК. Я к нему, как к товарищу, а он меня спустил с лестницы!

СЕКРЕТАРЬ *(к Волгину)*. Значит, Вы совершили прогул, а когда Вам сделали справедливое замечание, Вы избили товарища. Извините, но за такое Вас судить надо. У Вас есть оправдательный документ за пропущенные занятия?

ВОЛГИН. Никаких бумажек...

СЕКРЕТАРЬ. ...документов.

ВОЛГИН. ... документов у меня нет.

СЕРДЮК. Вот видите!

СЕКРЕТАРЬ. Вы пропустили занятия по неуважительной причине, а может быть, и вовсе без всякой причины?..

ВОЛГИН. Причина была.

СЕКРЕТАРЬ. Какая?

ВОЛГИН. Причина личного характера.

СЕКРЕТАРЬ. Этак случись с Вашей персоной и впредь что-нибудь, Вы не только занятия, но и работу бросите.

ВОЛГИН. Смотря, что случится.

СЕКРЕТАРЬ. Итак, Вы не желаете говорить с нами о причине прогула.

ВОЛГИН. Не могу... причина сугубо личная...

СЕРДЮК. Да от него просто сбежала девушка, которою он обесчестил.

ВОЛГИН *(вскакивает)*. Подлец! *(Сердюк вскакивает тоже.)*

СЕКРЕТАРЬ. Что же это такое? Волгин, сядьте! Сердюк, прошу сесть. Вы где находитесь? Имейте в виду, вы оба отвечаете за свои слова... и за голословное обвинение... и за прямое оскорбление.

СЕРДЮК. Я не голословно... у меня есть... доказательства... *(Дрожащими руками шарится в карманах, вытаскивает лист бумаги.)* Вот они! Вот доказательства, вот!

СЕКРЕТАРЬ. Что это?

СЕРДЮК. Это письмо. Из него всё ясно.

ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ. Простите, чьё письмо?

СЕРДЮК. Той... девушки...

ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ. К Вам?

СЕРДЮК. Не-ет...

ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ. Непонятно, как оно у Вас оказалось?

СЕРДЮК. Мне... я... я... случайно... обнаружил его... в книге...

ВОЛГИН *(отбирает письмо)*. Случайно?! В книге?! У-у, мерзавец! Не позволю грязными руками в душу... не позволю! Да тебя не гнать, драть...

СЕКРЕТАРЬ. Волгин, замолчите сейчас же! Вам никто не давал слова, тем более права судить... Вам ещё самому надо оправдаться.

ВОЛГИН. Я не считаю себя виновным перед кем-либо, а за совершённый прогул я готов понести наказание, хотя и считаю, что лекции это не самый лучший путь к знаниям. Знания приобретаются не на лекциях. Что же касается Сердюка, то отношение к нему будет ещё более непримиримым. Кому не ясно, что человека, который приходит с добром, не спускают с лестницы, а прячешь камень за пазухой, будь готов ко всему.

ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ. Волгин, хочешь, я дам тебе добрый совет?

ВОЛГИН. Разумеется, Юрий Глебович.

ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ. Конечно, ты парень не плохой, даже кого-то напоминаешь мне из далёкого прошлого... Вот мой совет: никогда не лезь на рожон, для этого ума не надо, это самое

примитивное действие, но с далеко идущими последствиями... Почему ты не пришёл к старшим товарищам... Всё сам. А сам-то ты далеко не прав.

ВОЛГИН. Я, конечно, понимаю...

ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ. Ступай с глаз, а то у меня руки чешутся.

ВОЛГИН. Благодарю, Юрий Глебович, Вы не думаете, что я не понимаю своей вины, я не прав во многом, я даже с радостью приму наказание, только...

ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ. Ступай, мальчишка, да в следующий раз не попадайся, голову с плеч!..

ВОЛГИН. Спасибо! *(Выбегает.)*

Занавес.

Картина третья

Знакомая комната общежития. Все в сборе.

ВОЛГИН *(появляясь в комнате)*. Я хочу видеть ту сволочь, которая перехватила это письмо.

БАТУЕВ. Какое письмо?

ВОЛГИН. От Розетты.

ЮБЕРОВ. Получил?

ВОЛГИН. У Сердюка отобрал.

БАТУЕВ. Как же оно у него оказалось?

ВОЛГИН. Это я и желаю выяснить.

ЮБЕРОВ. Ну и подлец!

ВОЛГИН. Кто мог ему подсунуть?

БАТУЕВ. Неужели среди нас найдётся такая сволочь ...

ВОЛГИН. А ты что думал, Сердюк всё знает, что творится здесь у нас при помощи телепатии? Впрочем, можно спросить об этом у Золотухина.

ЗОЛОТУХИН. Причём тут я?

ГОВОРКОВ. При своих интересах.

ВОЛГИН. Так как же письмо от Розетты, предназначенное мне, оказалось у Сердюка?

ЗОЛОТУХИН. Спросите у него, что вы меня спрашиваете?

ВОЛГИН *(подступает вплотную)*. Кто брал письмо?

ЗОЛОТУХИН. Не брал я никакого письма.

Юберов и Батуев окружают Золотухина.

ЮБЕРОВ. Кто взял?

ЗОЛОТУХИН. Ребята, не брал я, честное слово, не брал.

ВОЛГИН. Да я из тебя всю душу вытрясу!

ЗОЛОТУХИН. Путаешься с разными, а кто-то виноват...

ВОЛГИН. Кто это «разные»?

ГОВОРКОВ. Что за шум, а драки нет?

ВОЛГИН. Кто эти «разные», повторяю?

ЗОЛОТУХИН. Симочка, вот кто.

ВОЛГИН. Значит, Симочка... Что ж, вполне возможно. Эх, мне бы в руки сейчас эту Цирцею!

Те же и Симочка.

СИМОЧКА. Хэлло, мальчики! Опять у всех вымученные физиономии. Молчат, как рыба об лёд. Вы что, аршин проглотили? Не мужчины, а кукурузные хлопья, я-то думаю, у них пир горой... Волгин, мы тебя отстояли, а ты на шампанское монеты жалеешь? Видно, без меня здесь дело не обойдётся.

ГОВОРКОВ *(в сторону)*. Везде успеет.

СИМОЧКА. А ну, рыцари, раскошеливайтесь, по целковому на стол!

ВОЛГИН *(вынимает письмо и кладёт его на стол, не спуская глаз с Симочки)*. Вот моя доля в предстоящем весельи. Этого, я надеюсь, достаточно? Ребята, у нашего тамады язык отнялся. С чего бы это? Второй случай за сегодняшний день. Не иначе вирус свирепствует здесь. Золотухин от Сердюка заразился, а ты, Симочка, от кого?

СИМОЧКА. Разыгрываете меня? Так знайте, я вас не боюсь... Чихала я на ваши письма... и на ваши рожи. *(Направляется к выходу.)*

ЮБЕРОВ. Симочка, куда же ты, а шампанское?

ВОЛГИН. Цибик, открой форточки, проветрить комнату надо.

СИМОЧКА. Воображала несчастный... Адью, хлюпики, видала я вас в гробу в белых тапочках! *(Уходит.)*

ЮБЕРОВ. И сделал бог женщину из ребра Адама. Не мог с чего-нибудь другого сделать.

ГОВОРКОВ. Лучше бы он её совсем не делал. Лично я в

каждой женщине подозреваю заговорщика. Вечером поцелует тебя, а ночью задушит; это ещё ничего, гуманно, а ведь как чаще всего бывает, душить не душит, а всю жизнь пилит, пилит, пилит...

ВОЛГИН. Нет, не могу-не могу с Золотухиным в одной комнате оставаться, как хотите, ребята, или он или я!

ГОВОРКОВ. Ты ведь парень нервный, издёрганный стал, за тобой нужен глаз да глаз... Тебя мы никуда не пустим.

ЮБЕРОВ. Мы сами виноваты, всё видели, всё знали и делали вид, что порядок в танковых частях. Вот и появилась золотуха.

БАТУЕВ. Слушай-ка, Ваня, бери свои манатки и айда отсюда по добру по здорову.

ЗОЛОТУХИН. Куда же я пойду.

ЮБЕРОВ. Да в любую палату, сменяйся с кем-нибудь.

ЗОЛОТУХИН. Мне что, мне даже лучше. *(Собирает вещи, уходит.)*

ВОЛГИН. Наконец, можно вздохнуть полной грудью!

ГОВОРКОВ. Скоро я здесь один останусь — вот будет воздух!

ЮБЕРОВ. Кому же ты будешь свои сентенции излагать? Тараканам? Подохнете от тоски.

Волгин собирается в дорогу.

ЮБЕРОВ. А ты куда?

Волгин берёт письмо, читает адрес.

БАТУЕВ. А занятия?

ВОЛГИН. Три дня дали. Кажется, столько положено по закону, чтобы уладить личные дела.

ЮБЕРОВ. Что ж, друг хороший, желаю счастья! *(Обнимаются.)*

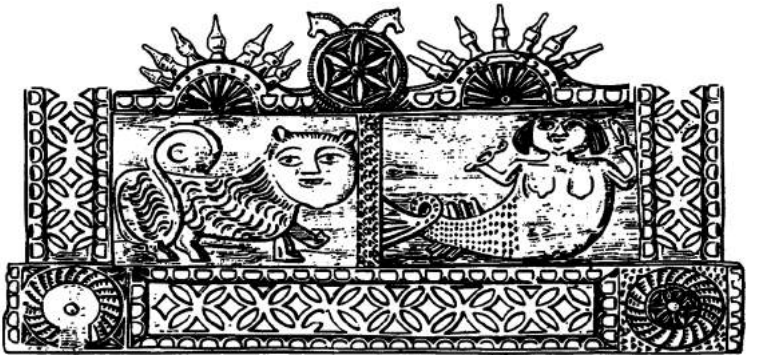
БАТУЕВ. Завидую тебе, Волгин.

ГОВОРКОВ. Несчастный, опомнись! Ещё не поздно!

Занавес.

КОНЕЦ.

Приложение



Борис Терещенко, Валентина Терещенко, Наталья Дрепак

Семейные игры*

Культовая программа в трёх картинах

* *Семейные игры проводились между супругами Терещенко и внучкой их Наташей спонтанно, в импровизации участвовали все, поэтому и авторство этих программ общее.*

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Поездки в город

Действующие лица:

ДЕД — кроме общепринятого значения, образ Деда имеет и сакральный смысл, в древности русичи так называли Даждьбога, а также его жрецов.

БАБА — кроме современного смысла, слово обозначает русскую богиню Макошь; издревле существуют сакральные центры ведического язычества, например, Бабина гора на месте Трахтемировского городища на излучине Днепра.

ВНУЧКА.

КАЩЕЙ — герой русских мифов и сказок, олицетворяющий злые силы (зиму, смерть).

МАРА — олицетворение смертельных сил.

ЧЕРЕПАХА.

Действие происходит в Зимние святки.

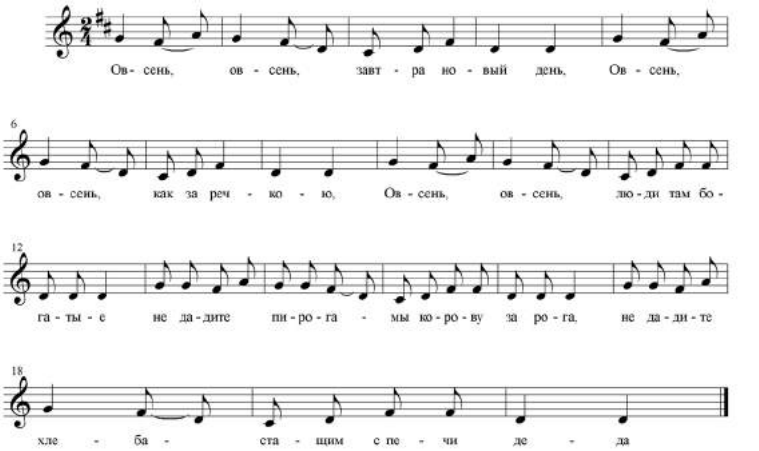
Гостиная современной квартиры, на стене развешены портреты Лады и Лели, вокруг картин — вьющиеся цветы. Хозяева готовы к празднику. На столе горит свеча.

В комнате появляется их Внучка, которая исполняет колядку.

ВНУЧКА.

Овсень, овсень

Овсень, овсень, завтра новый день,
овсень, овсень, как за речкою,
овсень, овсень, как за быстрою,
овсень, овсень, люди там богатые
деньгу гребут лопатою,
не дадите пирога — мы корову за рога,
не дадите пышку — свинку за лодыжку,
не дадите хлеба — стащим с печи деда,
не дадите лапку — стащим с печи бабку.



ДЕД *(Бабе)*. Это кого на Коляду к нам принесло?
БАБА. Да внучку же, неужто не признал?
ДЕД. Стало быть, проголодалась...
ВНУЧКА. Ой, так хочу есть, что ни встать, ни сесть.
ДЕД. А чего желаете, сударыня?
ВНУЧКА. А что у вас есть?
ДЕД. А всё... Даже то, из-за чего поссорились три богини.
ВНУЧКА. Это уже интересно. Такого я не ела. Что это?

ДЕД. Баба тебе на сон грядущий расскажет.

ВНУЧКА. Я ссориться ни с кем не желаю.

ДЕД. Могу предложить то, из-за чего изгоняют из рая.

ВНУЧКА. А это ещё что?

ДЕД. Баба тебе на сон грядущий расскажет.

ВНУЧКА. Нечестно так — перекладывать всё на потом.

ДЕД. Так ты что хочешь: кушать или слушать? Уж давай делать что-либо одно.

ВНУЧКА. Я хочу кушать, но не желаю ни ссориться с кем-либо, ни изгоняться откуда бы то ни было.

ДЕД. Тогда могу предложить омолаживающее блюдо.

БАБА. Я бы не отказалась.

ВНУЧКА. Я и так маленькая, не хочу молодеть ещё больше.

ДЕД. Так чего подавать, сударыни?

БАБА. Мне — третье.

ВНУЧКА. А мне — первое.

ДЕД. У меня же не семь рук — таскать по несколько блюд. Вы уж договоритесь между собой о каком-то одном.

БАБА, ВНУЧКА *(пошептавшись)*. Хотим первое.

ДЕД *(уходит, возвращается с подносом, накрытым салфеткой жёлтого цвета, сдёргивает её)*. Прошу! Яблоко раздора.

ВНУЧКА *(растерянно смотрит на яблоко, лежащее на подносе)*. Я бы... мне бы... что-нибудь посущественнее. Желаю блюдо второе!

ДЕД *(накрывает салфеткой поднос, уходит; является с тем же подносом, но укрытым красной салфеткой, которую тут же сдёргивает лихо)*. Прошу! Яблоко искушения.

БАБА. Пожалуй, это не для нас... Внучке его ещё рано вкушать, а мне — поздновато...

ДЕД. Воля ваша, сударыни. *(Накрывает поднос салфеткой, уносит; возвращается с подносом накрытым белой салфеткой, сдёргивает её.)* Прошу! Яблоко молодильное. *(Садится.)*

ВНУЧКА. Так что же это такое? Голимое издевательство над бедной девочкой... *(Берёт яблоко, надкусывает.)*

ДЕД. А Бабе?

ВНУЧКА *(растерявшись, протягивает яблоко Бабе)*. На, Баба.

ДЕД. А мне?

ВНУЧКА *(вовсе растерявшись)*. На, Дед.

ДЕД. А себе?

ВНУЧКА *(совсем ничего не понимая, кладёт яблоко на стол)*. Сами ешьте.

ДЕД *(протягивая внучке нож)*. Что нужно сделать?

ВНУЧКА*(после некоторого раздумья режет яблоко на три части)*. Вот!

ДЕД. Молодец!

БАБА. Славная у нас внучка растёт!

Все с удовольствием едят яблоко.

ДЕД *(дожёвывая яблоко)*. Никак не могу определить, то ли это яблоко искушения, то ли это яблоко раздора, то ли — молодильное.

БАБА. А я вот съела свою часть — и сразу помолодела!

ДЕД. Мотай, внучка, на ус: евреи в своей «Библии» назвали яблоко плодом искушения, а греки — плодом раздора, но на их землях яблони вообще не растут, откуда им знать о том, чего у них нет. А мы-то знаем, что яблоки наши — молодильные! *(Спохватившись.)* Да вы, поди, не шибко наелись? *(Уходит.)*

БАБА, ВНУЧКА *(поют)*. Эх, яблочко, куда катишься, попадёшь ко мне в рот, не воротишься...

ДЕД *(возвращается с подносом, накрытым салфеткой)*. Наши вашим — с настроеньицем.

БАБА. Наши вашим — с уваженьицем.

ВНУЧКА. Опять яблоко?

ДЕД *(сдёргивая салфетку)*. Извольте спробовать пирог «А ну-ка отними». *(Даёт нож внучке.)* Разрезай... Сможешь?

ВНУЧКА. Я на этом собаку съела. *(Режет, раскладывает всем. Звонит телефон.)*

ДЕД. Надо же, как не во время. *(Разговаривает по телефону.)*

БАБА. Кто?

ДЕД. Придётся в город ехать.

ВНУЧКА. А пирог как же?

ДЕД. Свой — ешьте, а мой приберегите до моего возвращения. *(Собирается, прощается.)* Так вы мою долю пирога сохраните, непременно сохраните. *(Уходит.)*

Дед возвращается, переодетый в образ Мары, смахивающей на Бабу Ягу.

МАРА. Ох, как я умарилась, когда примаривала Даждьбога к скале скобами пекельными приколачивала, силы свои на него все истратила...

ВНУЧКА. Сюда нельзя!

МАРА. Как это — нельзя? Маре-Марене — всё можно! Ни хижина, ни дворец не способны защититься от меня, ибо любая человеческая жизнь — в моих руках!

БАБА. Но мы перед Вами ничем не провинились.

МАРА. Хе-хе... А мне — без разницы, любого могу умарить: и виноватого, и безвинного, и старого, и малого. Так что — не гневите меня: примарю, умарю, замарю. Вай, вай — пирог на столе, меня пирогом ещё нигде не встречали... Вот кстати-то: и полакомлюсь, и сил наберусь — работа у меня каторжная: каждый день нужно много-много людей на тот свет переправить; без выходных работаю, вот... *(Пробует пирог.)* Вкуснятина... Давно не ела такого. Я, пожалуй, вас не трону — живите! Я, пожалуй, вам зеркальце подарю...

ВНУЧКА. У нас есть зеркало.

МАРА. Да я вижу, ты девочка не жадная. Это хорошо, проживёшь дольше. А зеркальце моё всё же возьми, оно волшебное.

ВНУЧКА. А что с ним делать?

МАРА. Вот я глянула в зеркальце — и всё знаю: как вас звать, как звать вашего деда, и куда он уехал...

ВНУЧКА. И мы это знаем.

МАРА. Да, это знаете, а вот с кем он сейчас говорит и о чём — не знаете.

БАБА. С кем?

ВНУЧКА. О чём?

МАРА. Всё вам волшебное зеркальце расскажет, ночью под одеялом взглянете в него, и всё узнаете.

Мара забирает пирог, уходит. Внучка и Баба растерянно смотрят друг на друга, сокрушаясь, что не сберегли дедов пирог.

ДЕД *(появляясь)*. А вот и я. Наконец-то, освободился. Проголодался, как волк. Где пирог мой?

ВНУЧКА. Ты прости нас...

ДЕД Да вы что? И мой пирог съели?! Я его в этой тарелке оставил давеча, а теперича его нет. А совесть у вас есть? Что, и совести нет?

ВНУЧКА. Не ели мы твой пирог.

ДЕД. А где он? Спрятали? Так с пирогом в прятки не играют.

ВНУЧКА. Тётя взяла.

ДЕД. Здрасьте, я ваша тётя.

ВНУЧКА. Другая тётя... противная такая, страшная.

ДЕД. Сколько раз говорить вам: чужих в дом не пускать, дверь не отворять.

ВНУЧКА. Мы не отворяли.

ДЕД. Так как же ваша тётя странная здесь оказалась?

ВНУЧКА. Мы и сами не понимаем, как.

ДЕД. Ну ладно, вошла тётя каким-то образом, но с какой стати вы мой пирог отдали ей?

ВНУЧКА. Мы не хотели, она сама взяла.

ДЕД. Вы — не хотели, а я хочу — есть!

БАБА *(уходя)*. Сейчас что-нибудь соображу.

ДЕД. Тысяча чертей! Как я хочу есть! У-у-х!

БАБА *(принося сосиски, горчицу, хлеб)*. Ешь, замори червячка.

ДЕД. Не дай бог, чтобы червячки такими были... *(Начинает есть. Звонит телефон.)*

БАБА. Наверно, опять — в город.

ДЕД *(берёт трубку)*. Да... да...да. *(С досады.)* Опять приходится ехать в город, не солоно хлебамши. *(Собирается, прощается.)* Тысяча чертей! *(Уходит.)*

ВНУЧКА. Баба, а кто такая Мара?

БАБА. Мара-Марена — это сила смерти, она сильнее всего зимой, когда она даже Даждьбога-Солнце приковала к скале, и была бы зима вечно у нас, если бы его не освободила Жива. Вот что говорится об этом в русских Ведах.

«И тогда Свароговна лебедью
полетела во кузницу небесную,
доставала там клеши железные,
отдирала клещами зубастыми
от скалы Даждьбога могучего...
Уносила Даждьбога израненого
ко Рипейским горам в светлый Ирий,
оживляла Даждьбога живой водой
и лечила раны кровавые...»

Так поэтично русский народ представлял борьбу двух сил: злых — Мару, а также Кащея, побеждающих Солнце, и светлых сил — Майю, рождающую в декабре новое Солнце — Коляду,

которое быстро набирает силу и вскоре побеждает лютые зимние холода, а ему помогает Овсень, старший брат Коляды. Поэтому на Зимние святки все распевают колядки, обращаясь и к Коляде, и к Овсеню. Правда, не всем Солнце на пользу. Когда Снегурочка, дочка Деда Мороза, влюбилась в простого парня, то решила не расставаться с ним, но с приходом весны растаяла.

Дед появляется в образе Кащея, который слышит последнюю фразу Бабы.

КАЩЕЙ. Да, очень печальная история. И Дед Мороз её не пускал, и я её предупреждал — никого не послушалась... А чтобы и вы не растаяли, я вас навсегда заморожу. *(Касается их хрустальной палочкой, и они застыли, как статуи. Хотел заморозить и еду на столе, но раздумал.)* Сосиски с горчицей я однако съем. Зачем добру пропадать. *(Ест сосиски.)* Хорошо! Красота! Кого бы ещё заморозить? Пойду, поищу разинь. *(Уходит.)*

ДЕД *(появляясь)*. А вот и я! *(Видит, что и Баба, и Внучка — как заворожены.)* Что с вами? *(Трогает одну, другую — никакой реакции.)* Ей богу, тут без меня Кащей побывал, это его работа. Тысяча чертей, во всём я виноват. Почему, уходя, меловой круг не начертил. Меловой круг никакая нечисть не одолеет... Беда, беда, но не всё потеряно, на всякую замычку есть своя отмычка. *(Подходит к Внучке, целует, Внучка оживает, подходит к Бабе, целует, Баба оживает.)*

ВНУЧКА. Я спала, да?

БАБА. Я — как в кошмарном сне. Ничего не понимаю.

ДЕД. И понимать тут нечего — заколдовал вас Кащей. С вами не соскучишься: то Мара обмарала, то Кащей сморозил с вами злую шутку... Что же мне делать-то с вами?

ВНУЧКА *(ластится)*. Пожалеть.

БАБА *(ластится)*. Пожалеть.

ДЕД. А кто меня пожалеет? Опять без обеда остался.

БАБА. А мы сейчас накормим тебя. *(Уходит.)*

ВНУЧКА. Мы сейчас, мы мигом! *(Убегает, возвращается с Бабой, неся яички, хлеб.)*

ДЕД *(садясь)*. Ну, наконец-то... *(Звонит телефон.)*

ВНУЧКА. Тебя опять срочно в город вызывают, собирайся скорей.

ДЕД. Тысяча чертей! Когда же это всё кончится?!

ВНУЧКА *(прощается со слезами)*. Возвращайся как можно скорее.

БАБА *(обнимаются)*. Возвращайся цел и невредим.

ДЕД. На всё готов, лишь бы кормили вовремя. *(Уходит.)*

ВНУЧКА. Жаль Деда, опять не поел.

БАБА. Вернётся — накормим.

ВНУЧКА. Лишь бы поскорее вернулся.

Бесшумно открывается дверь, в комнату тихо вползает Дед в образе черепахи. На голове — шапочка, типа турецкой, на спине — большой таз, который черепаха придерживает то одной, то другой рукой.

ЧЕРЕПАХА. Ох, моченьки нет совсем, еле-еле доползла, из сил выбилась окончательно... Умираю от голода... *(Падает от бессилия.)*

ВНУЧКА *(бегает вокруг черепахи)*. Баба, Баба, черепаха Тортилла совсем обессилила, её же срочно кормить надо!

Баба и Внучка берут со стола яйца, разбивают их о таз и кормят с рук черепаху, лежащую на полу. Наевшись, черепаха захрапела.

ВНУЧКА. Заснула бедняжечка.

БАБА. Давай мы её на диван перетащим.

ВНУЧКА. Тяжёлая, как Дедушка.

БАБА. Пусть спит, а мы её вместо таза, одеялом укроем. Спой колыбельную.

ВНУЧКА. Давай вместе. *(Поют.)*

Лукоморье

1. У Лукоморья — Дуб зелёный,
златая цепь на Дубе том,
и днём, и ночью Кот учёный
всё ходит по цепи кругом;
идёт направо — песнь заводит,
налево — сказку говорит;
там — чудеса: там Леший бродит,
Русалка на ветвях сидит...

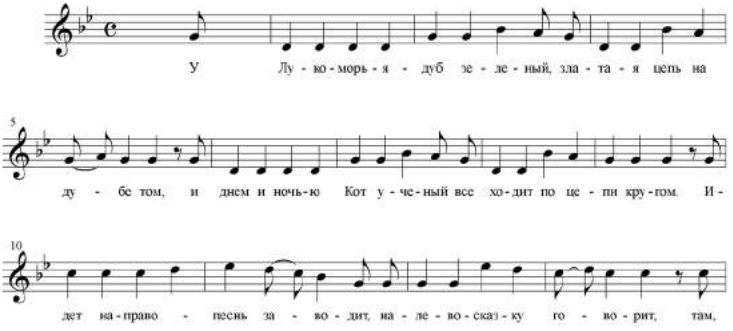
У Лукоморья — Дуб зелёный,
златая цепь на дубе том.

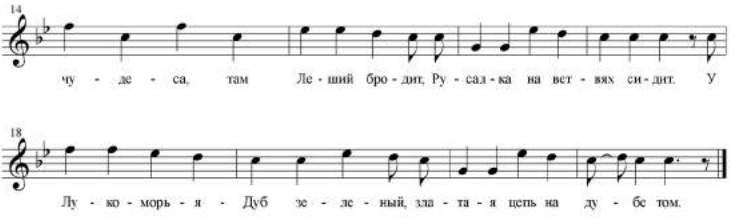
2. Там на неведомых дорожках —
следы невиданных зверей,
избушка там на курьих ножках
стоит без окон, без дверей;
там королевич мимоходом
пленяет грозного царя,
там в облаках перед народом
колдун несёт богатыря...

У Лукоморья — Дуб зелёный,
златая цепь на Дубе том.

3. В темнице там царевна тужит,
и серый волк ей верно служит;
там ступа с Бабою Ягой
идёт-бредёт сама собой;
там царь Кащей над златом чахнет,
там — русский дух, там Русью пахнет...

У Лукоморья — Дуб зелёный,
златая цепь на дубе том,
и днём, и ночью Кот учёный
всё ходит по цепи кругом.





ВНУЧКА. Тортилла заснула, повернулась к стене.
БАБА. Спит. Выключай свет. Тихо-тихо уходим.

Свет гаснет. Тишина.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Блинное дерево

Действующие лица:

ДЕД.
БАБА.
ВНУЧКА.

Действие происходит в лесу на Масленицу.

ВНУЧКА.А зачем мы в лес пришли?
ДЕД. Где леса, там чудеса.
БАБА. Нынче же Масленица.
ВНУЧКА. Что такое — Масленица?
ДЕД. Масленица — один из главных русских праздников, который наступает в марте 21-24 числа в дни весеннего равноденствия, когда дни и ночи равны, когда Солнце, наконец, перебороло лютые зимние холода, когда Снегурочка растаяла, а Дед Мороз и Кащей, и Мара обессилели вконец. Мы, русичи — солнцепоклонники, поэтому все наши праздники приурочены к солнечному календарю: Летние святки — когда дни самые длинные (21-24 июня), Зимние святки

(24 декабря-6 января) — когда дни самые короткие, а 21 марта и 22 сентября дни и ночи сравниваются (весеннее и осеннее равноденствие).

ВНУЧКА. Так Масленицу уже справляли в феврале.

ДЕД. Какая же Масленица в феврале? Кащей и Мара в феврале больше всего лютуют, поэтому и называют этот месяц лютень. Какой дурак Масленицу в сугробах празднует?

ВНУЧКА. Так я же знаю, что Масленицу справляли в феврале. Я сама видела.

ДЕД. Ну, если хочешь в руки Марене и Кащею попасться, встречай праздник Весны в феврале.

ВНУЧКА. А почему все справляют?

ДЕД. Не все, а лишь верующие в иудея Иисуса, а мы, русские, верим в Даждьбога, ведь мы внуки его, солнцепоклонники и огнищане, поэтому наши праздники связаны с Солнцем и кострами, поэтому в честь Солнца у нас пекут блины и колобки, которые являются символами Солнца.

ВНУЧКА. Я бы блинов бы поела бы...

ДЕД. Ну, конечно же, на Масленицу обязательно надо есть блины!

БАБА. Хороши блины — и круглые, и горячие, как Солнце!

ВНУЧКА. Так пошли же быстренько домой.

ДЕД. А домой-то зачем?

ВНУЧКА. Как зачем? Блины есть!

ДЕД. Блины можно и в лесу поесть.

ВНУЧКА. Как же мы испечём их, ни сковороды у нас, ни муки?

ДЕД. Ничего этого и не надобно.

ВНУЧКА. А как же блины?

ДЕД. Их можно и в лесу раздобыть.

ВНУЧКА. Как?

ДЕД. Очень просто — блинное дерево отыскать надобно.

ВНУЧКА. На деревьях растут только шишки да яблоки.

ДЕД. Шишки растут на хвойных деревьях, на яблонях — яблоки, на дубе — жёлуди, на берёзе — серёжки, ну, а блины, естественно, — на блинном дереве.

ВНУЧКА. А как найти его?

ДЕД. А чёрт... прости, а бог его знает!

БАБА. Думаю, блинное дерево — самое высокое. Среди них и надо искать.

ВНУЧКА. Я уже устала.

ДЕД. Крепись: не потопаешь, не полопаешь.

БАБА. Вот — высокое дерево, может, и блинное.

ДЕД. Очень может быть... *(Постучал.)* Слышите, глухо отзывается, отяжелело, значит.

БАБА. Неужто блинами.

ДЕД. Придётся лезть... Чем чёрт не шутит... А ну-ка подмогните малость. *(Лезет.)*

ВНУЧКА. Ну?

БАБА. Высоко не лезь.

ДЕД. Так блины внизу не растут.

БАБА. Смотри не сорвись.

ВНУЧКА. Есть блины?

ДЕД. Искать надо.

ВНУЧКА. Я хочу есть.

ДЕД *(слазит)*. Кто же тебе в лесу пищу на блюдечке с голубой каёмочкой поднесёт? Надо искать, кто ищет, тот всегда найдёт. *(Стучит по другому дереву.)* Ещё глуше отзывается. Надо лезть. *(Лезет.)*

БАБА. Мы поможем. *(Поддерживают.)*

ВНУЧКА. Есть?

ДЕД. Однако и тут нету. *(Слазит.)*

ВНУЧКА. Выдумки всё это. Никаких блинных деревьев не бывает.

ДЕД. Бывает.

ВНУЧКА. А вот и нет!

ДЕД. А вот и да!

ВНУЧКА. Спорим?

ДЕД. Спорим!

ВНУЧКА. На что?

ДЕД. Если проспоришь, мороженого больше не проси.

ВНУЧКА. А если выиграю, ты у Бабы наливочки просить не будешь.

ДЕД. Это не справедливо — мороженое к наливочке приравняла, это ж не сопоставимо: мороженое разрушает здоровье, а наливочка восстанавливает...

ВНУЧКА. Так ты, Дед, значит, в детстве много мороженого ел, что своё здоровье разрушил, поэтому и приходится много наливочки пить.

БАБА. У нас в детстве не только мороженого не было, но даже и хлеба порой. А вот спор ваш я поддерживаю.

ДЕД *(внучке)*. По рукам?

ВНУЧКА *(Деду)*. По рукам. Разбивай, Баба. *(Баба разбивает.)*

БАБА. Почему я раньше не догадалась с Дедом поспорить.

ДЕД. Я, кажется, понял, почему нам не везёт. Мы-то с весной не поздоровались, жаворонков — души наших пращуров — не приветствовали, Солнышко не славили...

ВНУЧКА. Что же нам делать?

ДЕД. Перво-наперво надобно на горку взобраться. Красная горка — место, где встречают Весну и обращаются к жаворонкам, душам предков. *(Взбираются на горку.)* Повторяйте за мной: Здравствуй, Масленица, русская краса, русая коса, здравствуйте тридцать твоих братьев и сестёр, здравствуйте сорок бабушкиных внуков и внучат, шествуйте по земле, несите тепло и свет, а чтобы Мара-Марена вам не мешала, мы сожгём её чучело в костре. *(Баба и Внучка повторяют слова Деда.)*

БАБА. А теперь вы повторяйте за мной: Жаворонушки, прилетайте к нам, принесите с собой красно летечко! Как зима нам надоела, хлеб поела, соль поела, всю кудельку перепряла, на базары перетаскала... Хлеба — ни крошки, дров — ни полена, выручаете, пташки, из зимнего плена. *(Дед и Внучка повторяют.)*

ДЕД. А теперь Даждьбогу помолимся, повторяйте за мной: О солнце, бог и отец наш, дай нам силы, здоровье, долголетие, чтобы исполнить завещанное тобой! *(Баба и Внучка повторяют.)*

БАБА. Посмотрите-ка на то дерево, не блинное ли.

ДЕД. Очень даже может быть. *(Все подходят к высокому дереву.)*

ВНУЧКА. Баба, погляди — оно светится!

ДЕД. Ого, деревище какое! (Стучит.) Слышите? Глухо, совсем глухо. Отяжелело блинами. Лезть надо, надо лезть да повыше. *(Лезет.)* Вот это — да! Вот это — блины! Эй, там внизу! Подставляйте подолы! *(Бросает в подолы блины, сначала по одному, потом — по несколько сразу.)* Хватит? Или ещё подкинуть?

ВНУЧКА. Хватит.

БАБА. Слезай блины есть.

ДЕД *(слез)*.Уморился, блины собираючи.

ВНУЧКА. Невезучая я — проспорила.

БАБА. Вот те раз! Нам всем повезло! Сколько блинов привалило! Налетайте на блины. *(Поёт.)* Эх, блины мои блины, блины масляные...

ВНУЧКА. Медку бы...

ДЕД. А это я сейчас, я мигом. *(В берёзовом туесочке приносит мёд.)* Я тут заприметил в дупле пчелиный улей. Вот немножко одолжил у пчёл сладенького. Блины масляные да с медком — пальчики оближешь! Начнём трапезу. Раздавай, Внучка.

ВНУЧКА *(раздаёт)*. Тебе — блин, Баба, тебе — блин, Дед, тебе — блин, Баба, тебе блин — Дед...

ДЕД. А себе?

ВНУЧКА. Тебе — блин, тебе — блин, мне — блин, тебе, тебе, мне...

Наевшись блинов, все начали хороводить, петь и плясать.

Ой, блины мои, блины

Как на Масляной неделе
тройки с ветерком летели,
с Красной горки вниз неслись,
а в домах блины пеклись.

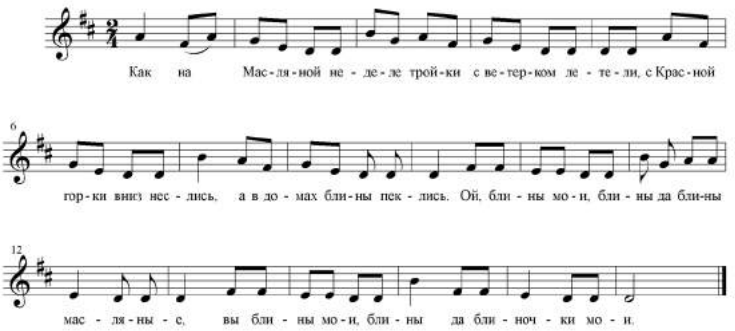
Припев. Ой, блины мои, блины
да блины масляные,
вы блины мои, блины
да блиночки мои.

С Красной горки мы гукали,
жаворонков призывали
и костёр мы разожгли,
и Марену в нём сожгли.

Припев.

Блин, как Солнышко, горячий,
в честь Весны он предназначен,
потому убеждены,
блины богом нам даны.

Припев.



Общее веселье постепенно сменилось усталостью. Внучка устроилась в ложбинке, где скопилось много листвы. Покрутилась в своём лесном ложе и сладко заснула. Дед и Баба терпеливо караулили её безмятежный сон.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Ой, да на Купалу

Действующие лица:

ДЕД.
БАБА.
ВНУЧКА.

Действие происходит на Купальские праздники.

ДЕД. Я пригласил вас, сударыни, чтобы сообщить пре...
ВНУЧКА. ...приятнейшую новость.
ДЕД. Может и так, вот послушайте. *(Берёт письмо.)*
БАБА. От кого письмо?
ДЕД. Это не письмо, а гербовая бумага, а получил я её свыше. Слушайте. *(Читает.)* «Мы, повелитель Мира от восхода до захода Солнца, от полудня до полуночи, Роду славянскому и его языкам — шлём приветствие и наказ: учинить на всей Русской земле смотр самых прекрасных представительниц Рода славянорусского, дабы выявить и утвердить в звании богинь-берегинь Лады и Лели. Ответственность возлагаю на

достойнейшего из достойных царя русичей — Колоксая.» Вот такая бумага значится... Будем исполнять?

ВНУЧКА. А кто такие Лада и Леля?

ДЕД. Общаясь с Дедом и Бабой, пора бы уже и уяснить, что это главные русские богини, самые любимые в народе на протяжении уже более 7 тысяч лет. Культ их тянется с Триполья, их изображения запечатлены и в скульптурках, и в керамике. А ещё раньше наши предки-охотники молились двум лосихам. Культ лосих перешёл в культ медведиц, они и сейчас — на небе: Большая и Малая Медведица с главной звездой на хвосте — Полярной. Так что стать Ладой и Лелей — это вам не шалтай-болтай, не «Фабрику звёзд» пройти.

ВНУЧКА. Разве мы можем стать Ладой и Лелей?

ДЕД. А почему бы и нет? Надо только захотеть очень.

ВНУЧКА. А что делать?

ДЕД. Прежде всего поставить цель и всю жизнь стремиться к ней.

ВНУЧКА. Так что — всю жизнь работать?!

ДЕД. А ты как думала? Бац, бац — и богиня. Чтобы сразу — такого не бывает.

ВНУЧКА. А по-щучьему велению?

ДЕД. По-щучьему, говоришь... А чем всё кончилось? Разбитым корытом.

БАБА. Да не томи ты нас, приказывай, что делать, чтобы богинями стать.

ДЕД. Перво-наперво проведём отбор: не слишком ли худосочны, не шибко ли полны. Покажитесь и лицом, и всяк, повернитесь и так, и эдак.

БАБА, ВНУЧКА *(демонстрируя себя)*. Ну, как?

ДЕД. Плохо, из ряда вон плохо. Ну, какая походка может быть в кроссовках или мокасинах?

БАБА, ВНУЧКА *(демонстрируют походку в туфельках)*. Ну... ну?

ДЕД. Уже лучше. Красота ведь — не в чертах лица, а в походке. Вспомните, что Пушкин сказал о русской красавице: «А сама-то величава, выступает будто пава. А как речь-то говорит словно реченька журчит..» От бедра, от бедра начинайте.

БАБА *(певучим голосом)*. Колоксай, Вы довольны нами?

ВНУЧКА. Вы нами довольны?

ДЕД. Уже начинаете нравиться.

ВНУЧКА. Ура, мы — богини!

ДЕД. Ой, девка, не знаю, хватит ли всей жизни, чтобы богиней стать. А пока у вас — второй этап: выступление на подиуме. Вы должны продемонстрировать не только свои наряды, но и умение носить их.

Баба и Внучка переодеваются. Внучка выходит в модных джинсах.

ВНУЧКА. Я готова.

ДЕД. Это ещё что такое? *(Указывает на джинсы.)*

ВНУЧКА. Это лучшие мои джинсы, фирменные.

ДЕД. Не фирменные, а фермерные. Джинсы — одежда американских фермеров и ковбоев, они их и придумали, чтобы верхом на лошадях скакать и за скотиной убирать, а ты — на подиум. Где ты видела богиню в джинсах?

ВНУЧКА. У меня другого ничего нет.

БАБА. Как нет? А костюмчики, а платьица, а юбочки?

ВНУЧКА. Так они все устарели, не модны они. Так уже никто не одевается.

ДЕД. Ты хочешь быть, как все: и джинсы, которые не налазят даже на бёдра, и голый пуп, и сигарета, и банка пива... Так это тебе на «Фабрику звёзд» надо идти задом крутить, а мы — русские, нам ни передом, ни задом крутить не пристало.

БАБА. Одень-ка платье розовое.

Баба и Внучка демонстрируют свои наряды.

ДЕД. Так, так... Хорошо, хорошо. Вы когда до конца подиума доходите, крутанитесь резче, чтобы подол взлетел. Лады. А теперь оденьтесь в самые простые платья, в ситцевые желательно, вот вам берёзовые ветки, сплетите из них венок для себя.

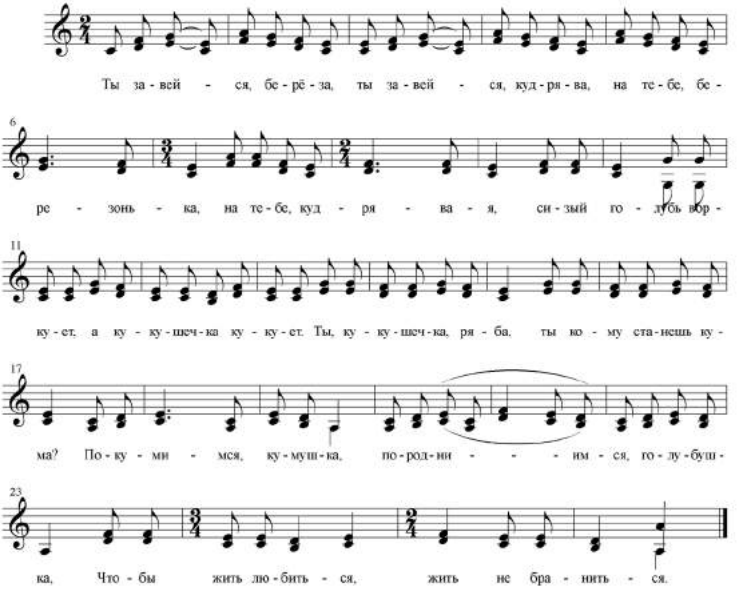
ВНУЧКА. А на ноги что?

ДЕД. А ничего, босиком будете встречать Купальские праздники. Сначала идёт русальная седьмица, когда девушки проходят обряд завивания берёзки. По сути это обряд инициации. Мы должны сейчас выбрать песню, с которой будете выступать. Тут лучше сможет Баба, она расскажет и покажет, и научит.

БАБА. Давай-ка мы разучим обрядовую песню «Ты завейся, берёза».

Завейся, берёза

Ты завейся, берёза, ты завейся, кудрявая,
на тебе, берёзонька, на тебе, кудрявая,
сизый голубь воркует,
а кукушечка кукует.
Ты, кукушечка ряба, ты кому станешь кума?
Покумимся, кумушка, покумимся, голубушка,
чтобы жить любиться, жить не браниться.

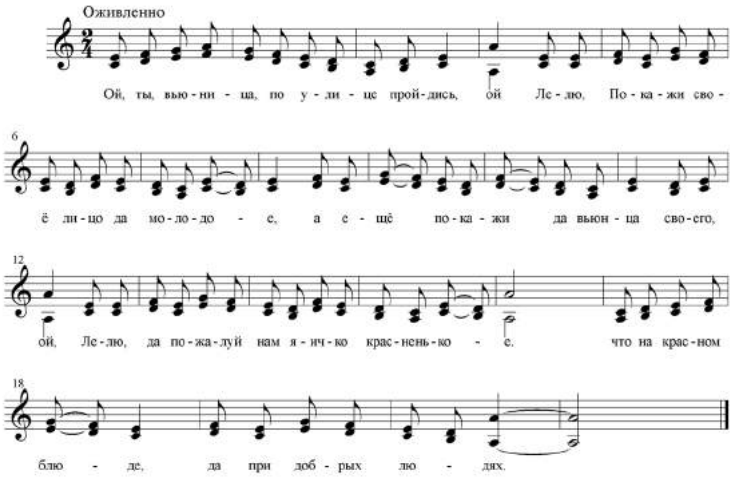


ДЕД *(к Внучке)*. А у тебя, Внучка, как я погляжу, стать истинной богини да и походка, я тебе скажу — заглядишься поневоле.

БАБА *(поёт)*.

Ой ты, вьюница

Ой, ты, вьюница, по улице пройдись, ой, Лелю,
покажи своё лицо да молодое,
а ещё покажи да вьюнца своего, ой, Лелю,
да пожалуй нам яичко красненькое,
что на красном блюде
да при добрых людях.



ДЕД. Какие же вы у меня молодцы: и красавицы, и певуньи, и умницы, так что на Купальских праздниках будете выступать в ранге богинь. Хорошо бы вам на Купалу волшебный цветок отыскать.

ВНУЧКА. Какой?

ДЕД. Или цвет папоротника, но его найти труднее всего, потому что он расцветает только в ночь на Купалу, или другие волшебные растении... Есть плакун-трава, есть разрыв-трава, а ещё — одолень-трава. Они наверняка вас в ранге богинь утвердят.

ВНУЧКА. А я не знаю таких трав.

ДЕД. Баба поможет отыскать.

ВНУЧКА. А с венками что нам делать?

ДЕД. А венки на Купалу 24 июня будете в воду бросать, кто венок выловит, может и суженым стать. Но тут и опасность таится страшная, как случилось это с Купалой и Костромой.

ВНУЧКА. А что с ними случилось?

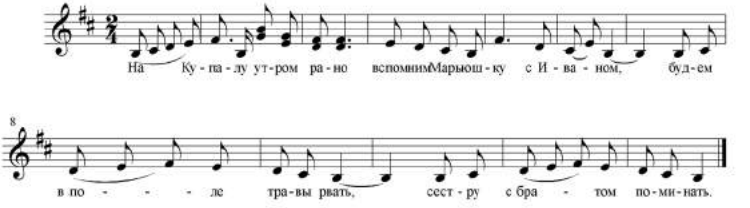
ДЕД. Давняя и трагичная эта история. Семаргл — Огнебог наш и Купальница — богиня ночи зачали и родили двух славных детишек — Купалу и Кострому. Купала ещё подростком стал скитаться по белу свету, а возвратился в родные края уже зрелым и возмужавшим, а было это как раз в Летние святки, когда девушки бросали свои венки в воду; свой венок и Кострома бросила, его-то и подобрал Купала и вынес её венок на берег

и вернул красавице-Костроме. Брат и сестра не узнали друг друга и влюбились, и поженились, но со временем тайна их обнаружилась, они не вынесли позора кровосмешения и утопились. Вот почему на Купалу топят куклы Купалы и Костромы... В память их жёлто-синий цветок назвали Иван-да-Марья.

ВНУЧКА. А я знаю про них песню. *(Поёт.)*

На Купалу утром

На Купалу утром рано
вспомним Марьюшку с Иваном,
будем в поле травы рвать,
сестру с братом поминать.
Брат женился на сестрице,
на родне нельзя жениться,
загубил их тот порок —
превратилися в цветок.
На братульке — синий цвет,
на сестрице — жёлтый цвет.
Ох, горька же та травица,
цветком стали брат с сестрицей.



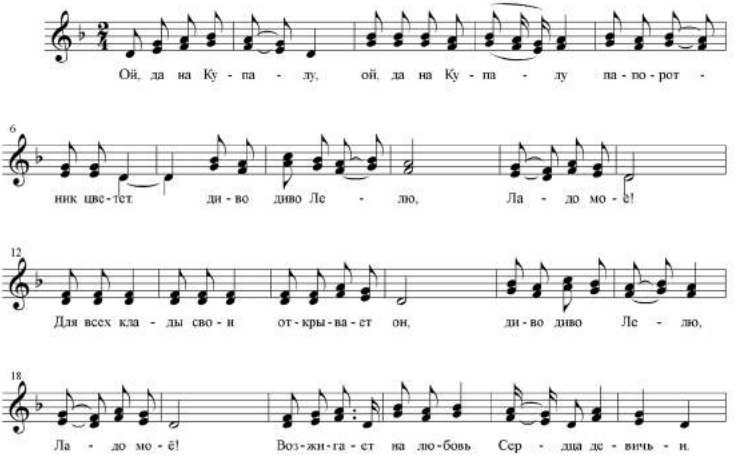
ДЕД. Да, всякое случается на Купалу... А почему? Наш бог-Солнце достигает наивысшего своего могущества, сияет свастикой на небе, в эти дни возбуждаются силы всяко-разные на земле, да вы сами не хуже меня об этом знаете.

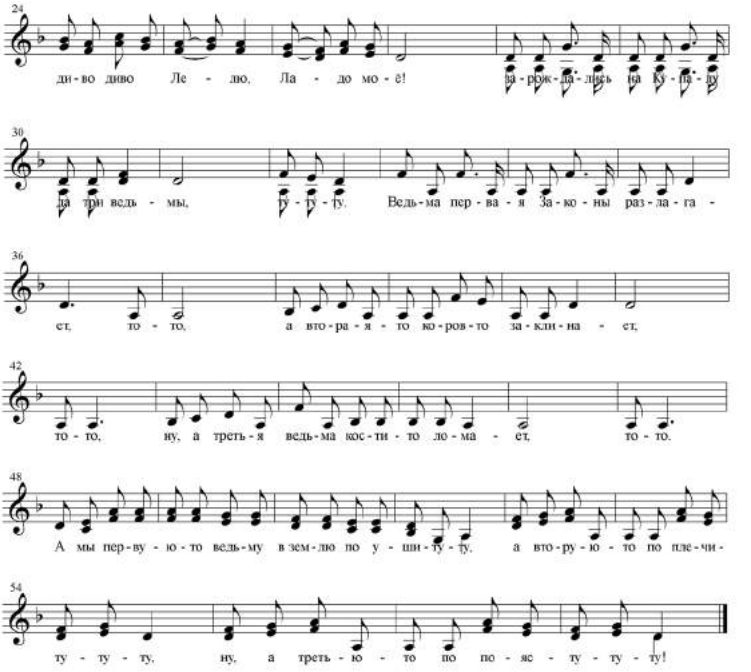
Баба и Внучка исполняют «Ой, да на Купалу».

Ой, да на Купалу

Ой, да на Купалу, ой, да на Купалу
папоротник цветёт.
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!

Для всех клады свои
открывает он,
Диво дивное Лелю, Ладо моё!
Диво дивное Лелю, Ладо моё!
Возжигает на любовь
сердца девичьи.
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
Диво дивное, Лелю, Ладо моё!
Зарождались на Купалу
да три ведьмы, ту-ту-ту.
Ведьма первая
законы разлагает, то-то,
а вторая-то коров-то
заклинает, то-то,
ну, а третья ведьма
кости-то ломает, то-то.
А мы первую-то ведьму
в землю по уши — ту-ту,
а вторую-то
по плечи — ту-ту-ту,
ну, а третью-то по пояс — ту-ту-ту!





СПИСОК ПЕСЕН

«Овсень-овсень» — муз. В. Терещенко, слова народные.
«Лукоморье» — муз. В. Терещенко, слова А.Пушкина.
«Ой, блины мои, блины» — муз. народная, текст в обработке Б. Терещенко.
«Ты завейся, берёза» — муз. В. Терещенко, текст в обработке Б. Терещенко.
«Ой,ты вьюница» — муз. В. Терещенко, текст в обработке Б. Терещенко.
«На Купалу утром рано» — муз. В. Терещенко, текст в обработке Б. Терещенко.
«Ой, да на Купалу» — муз. В. Терещенко, текст в обработке Б. Терещенко.

Борис Терещенко

Со сцены — как с трибуны

(Драматические произведения)

Под общей редакцией автора

Дизайн и компьютерная вёрстка: К. В. Лоскутова.
Музыкальный редактор: В. П. Терещенко.
Корректор: Б. Н. Терещенко.

Сдано в набор 17.06.10
Подписано в печать 26.08.10
Формат 84х108 1/32 Бумага офсетная 65 г/м^2
Тираж 200 экз.

Издательство **«Буква С»**
660075 Красноярск, ул. Республики, 51, оф. 213
Тел./факс (391) 253-83-69, 297-99-09,
211-75-75, 211-77-78
E-mail: stateinov@krsn.ru, siveri@online.ru
Сайт: www.krasbukva.ru, www.knigasib.ru
Для писем: 660075, Красноярск, а/я 2430